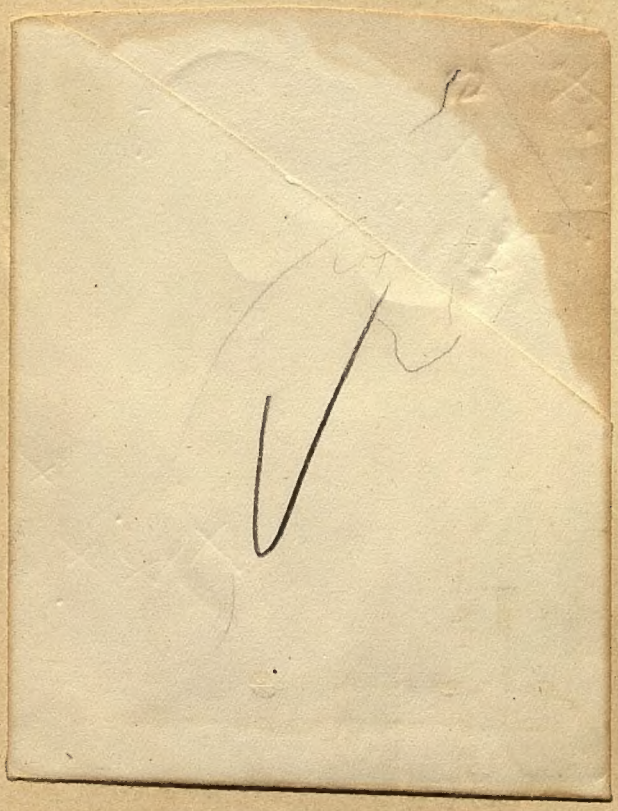
Л. С. БЕРГ

ОТКРЫТИЕ КАМЧАТКИ И ЭКСПЕДИЦИИ БЕРИНГА



Проверено | 2015

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ПРОВЕРЕНО 51 г.

Л. С. БЕРГ

ОТКРЫТИЕ КАМЧАТКИ И ЭКСПЕДИЦИИ БЕРИНГА

БИБЛИОТЕКА
Г. Ц. ВМФ СССР

1725-1742

7963

ФИЛИАЛ
Центральной ВМБ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД
1946

ПРОВЕРЕНО 19[illegible] г.

91
548

ПРОВЕРЕНО 1960 г.

ПРОВЕРЕНО 54 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

19 декабря 1941 года исполнилось двести лет со дня смерти знаменитого мореплавателя Беринга, имя которого известно всем грамотным людям во всем свете. Уместно, по поводу этой годовщины, напомнить о великих подвигах моряков и ученых исследователей, принимавших участие в географических предприятиях Беринга.

Настоящая работа имеет своею целью изложить историю возникновения и ход экспедиций Беринга, выяснить научные результаты, добытые участниками экспедиций, и сравнить их краткие и нередко наивные, но вместе с тем полные живого интереса данные с тем, что известно о тех же местах ныне. Я старался не упускать из виду мелочей, помня слова Василия Берха (Первое морское путешествие Россиян. СПб., 1823):

«Поелику экспедиция кап. Беринга есть первое морское путешествие Россиянами предпринятое; то все малейшие подробности оного должны быть приятны для любителей отечественных древностей. Ежели многие из них покажутся теперь странными, то тем не менее достойны уважения, ибо являют постепенный ход вещей от первого начала до нынешнего совершенства».

Следует помнить, что экспедиции Беринга, продолжавшиеся с 1725 по 1743 год, представляют громадное предприятие, научные и практические результаты которого неисчислимы. Укажем только на главнейшее. Нахождение пути через Берингов пролив, описание Камчатки, Курильских островов и северной Японии, открытие северо-западной Америки Чириковым и Берингом, исследование Камчатки Крашенинниковым и Стеллером, работы Гмелина по изучению Сибири, неоценимые по своей важности материалы по истории Сибири, собранные Г. Миллером, и, наконец, совершенно исключительный подвиг описания северных берегов Сибири от Вайгача до Анадыря, делающий имя наших моряков бессмертным в истории географических открытий, — таков лишь краткий перечень того, что добыто трудами Камчатской экспедиции.

Снаряжение и осуществление ее происходили в невероятно тяжелых условиях. Американский капитан Е. Бертольф,

много плававший в северо-восточной части Тихого океана, отзывается об этой экспедиции следующим образом: «Плавания Беринга и Чирикова есть события громадного значения. Эти мореплаватели пересекли Тихий океан и открыли северо-западный берег Америки ценою ужасных потерь и перед лицом неописуемых трудностей. Моряк следит за перипетиями их борьбы с все возрастающим уважением, преклоняясь перед людьми, которые совершили такое великое дело с столь неподходящими для его исполнения средствами».

Описанию экспедиций Беринга предпослана история открытия Камчатки, так как только с этого времени стали возможны плавания на север и восток Тихого океана. Об этом можно судить по тому, что самой экспедиции Беринга в XVIII веке было присвоено наименование Камчатской.

В XVIII столетии у моряков было в ходу астрономическое счисление: сутки считались с полудня предыдущего дня; в нижеследующем даты приводятся по обычному, гражданскому счислению.

Второе издание (1935) книги по сравнению с первым (1924) значительно пополнено данными по истории ознакомления с берегами Берингова пролива. Третье издание снова дополнено на основании вновь опубликованных материалов и дальнейших работ автора.

Январь 1942 года

С любезного разрешения капитана Н. А. Мезенцева, к книге прилагается копия портрета Беринга. Подлинник, ныне хранящийся в Центральном Военно-морском музее в Ленинграде, был в апреле 1945 года обнаружен у праправнучки Беринга. Портрет, размерами 34 × 36 см, исполнен масляными красками на дубовой доске, которая, с течением времени, раскололась на две части.

Июль 1945 года

Нет никогда им боязни
Вред на волнах претерпеть, иль от бури в пучине погибнуть.

Гомер. Одиссея, VIII.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВВЕДЕНИЕ

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЭКСПЕДИЦИЙ БЕРИНГА

I. ДОРОГА ЧЕРЕЗ ЛЕДОВИТОЕ МОРЕ В ТИХИЙ ОКЕАН

В начале января 1725 года, за три недели до своей смерти, Петр Великий собственноручно написал инструкцию Берингу. В ней предписывалось построить на Камчатке суда, на них плыть на север вдоль земли и «искать, где оная сошлась с Америкой». Но исследование вопроса о том, соединяется ли Азия на северо-востоке с Америкой или нет, было для Петра не самоцелью, а являлось одним из звеньев в разрешении другой, основной задачи — отыскать «дорогу через Ледовитое море в Китай и Индию», т. е. найти северо-восточный проход.

Вопрос о северном морском пути, т. е. о возможности плавания из Европы в Тихий океан вдоль северных берегов Сибири, имеет длинную историю.[1] Мы коснемся здесь лишь обстоятельств, непосредственно связанных с проектом Петра Великого.

Среди черновых бумаг Лейбница, хранящихся в Ганноверской библиотеке, профессору Герье удалось разыскать одну чрезвычайно любопытную записку, составленную философом в 1697 году. В это время через ганноверские владения проезжало русское посольство, и записка, вероятно, предназначалась для подачи Петру I, через Лефорта. Попала ли она в руки Петра, неизвестно. В этой записке Лейбниц намечает ряд реформ, необходимых, по его мнению, для России. Между прочим, он советует составлять карты, записывать языки и обычаи, изучать промыслы и естественные произведения, производить астрономические наблюдения, наблюдать склонение магнитной стрелки и, наконец, исследовать берега северо-восточной Азии, чтобы узнать, соединяется ли Азия с Америкой или же они разделены проливом.[2]

---

[1] См. об этом в моей статье: Ломоносов и первое русское плавание для отыскания северо-восточного прохода. Изв. Геогр. общ., 1940, № 6, стр. 713—730.

[2] Вл. Герье. Отношения Лейбница к России и Петру Великому по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. СПб., 1871, стр. 14, 18 (оттиск из Журн. Мин. нар. просв.), см. также: Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому. Издал В. Герье. СПб., 1873, изд. Акад. Наук, стр. 19.

Последний вопрос не переставал интересовать Лейбница. В 1711 году, в письме к Брюсу он просит сообщить ему сведения, доставленные лицами, которые, по приказанию Петра, ходили в Сибирь и к «Ледовитому мысу» (Eiss Cap): не могут ли эти данные служить к разрешению спора о существовании моря между Азией и Америкой: одни его допускают, другие отрицают. «Никто, — говорит Лейбниц, — не может лучше царя разрешить миру это сомнение, и это будет славнее и даже важнее, чем все сделанное в свое время египетскими царями для исследования истоков Нила».[1]

23 сентября нов. ст. 1712 года Лейбниц послал Брюсу подробную записку о желательности производить в России лингвистические изыскания и магнитные наблюдения. В конце этой записки философ возвращается к своей любимой идее о границе Азии и Америки. «Только в одном месте, — говорит он,[2] — эта граница не исследована, и это место находится во владениях царя; большая полоса земли тянется далеко на север, к так называемому, хотя еще неизвестному, Ледовитому мысу, и нужно было бы исследовать, существует ли этот мыс и оканчивается ли им та полоса земли. Я полагаю, что туземцы окрестной области могли бы предпринять такое путешествие в летние месяцы, когда солнце почти не заходит, и совершить его, если не сразу, то по крайней мере постепенно, тем более, что, вероятно, возможно устроить стоянки и с их помощью подвигаться все далее. Исследование это может быть произведено не только сухим путем, но еще легче водою по обеим сторонам. Тогда, может быть, объяснится, суживается ли там суша или расширяется, а, следовательно, увеличивается или уменьшается вероятность, что она оканчивается мысом. Морское течение, порода рыб и другие условия на тех и других берегах, может быть, еще прежде дадут возможность судить о том, соединяются ли моря, находящиеся по обе стороны».

Наконец, в письмах к царю из Вены от 26 октября 1713 года Лейбниц напоминает ему о том же проекте.[3] В 1716 году Лейбниц около недели провел с Петром на водах в Пирмонте (Брауншвейг) и, без сомнения, беседовал с царем по вопросам, касающимся пролива между Азией и Америкой. В письме к Бурге от 2 июля 1716 года Лейбниц сообщает: «Царь осведомляется о всех механических искусствах; но главный его интерес сосредоточивается на всем, что относится к мореплаванию, и поэтому он любит также астрономию и географию. Я надеюсь, что через него мы узнаем, сое-

[1] Герье, 1871, стр. 126; 1873, стр. 192.
[2] Герье, 1871, стр. 146—147; 1873, стр. 248—249.
[3] Герье, 1873, стр. 312.

динена ли Азия с Америкой».[1] 22 июня того же года Лейбниц через Шафирова подал в Пирмонте записку, в которой указывает по пунктам, какими способами царь мог бы с великой славой содействовать цивилизации и развитию наук. Здесь упоминается о необходимости собирать лингвистические материалы, производить наблюдения астрономические, а также над склонением магнитной стрелки, собирать растения, животных и насекомых не только в России, но и в сопредельных странах на востоке и, наконец, исследовать вопрос о соединении Азии с Америкой.[2] О том же Лейбниц повторяет и в другой обширной записке, поданной, повидимому, в Пирмонте тогда же.[3]

Таким образом, мысль о том, соединяется ли Азия с Америкой, не оставляла Лейбница в течение двадцати лет, и он неустанно напоминал Петру о необходимости разрешить эту загадку.

Следует, однако, указать, что одновременно с Лейбницем, в 1714 году, один из русских сподвижников Петра, как уже отмечалось в нашей литературе,[4] подавал ему проект «о взыскании свободного пути морского от Двины реки даже до Омурского устья и до Китай». Мы имеем в виду спальника, а потом корабельного мастера Федора Степановича Салтыкова, жившего в 1712—1715 годах в Англии и здесь скончавшегося. 24 апреля 1713 года Салтыков послал Петру I «пропозиции» о разных государственных делах; в числе предложений есть раздел о Сибири, где рекомендуется: «Построить корабли на Енисейском устье и на иных реках, понеже оной реки устие позади Ледовитого моря и в Сибири от Енисейского устия до Китая все надлежит Вашему владению оной морской берег. И теми кораблями, где возможно, кругом Сибирского берега проведать, не возможно ли найти каких островов, которыми б мочно овладеть под Ваше владение. А ежели таких островов и не сыщется, мочно на таких кораблях там купечествовать в Китай и в другие островы, такожде и в Европу мочно отпускать оттуды леса, машты и доски, смолу и тар,[5] понеже там в [Сибири] изобильство великое лесов».[6]

---

[1] Герье, 1871, стр. 187; 1873, стр. 360.
[2] Герье, 1871, стр. 189; 1873, стр. 346.
[3] Герье, 1871, стр. 194; 1873, стр. 360.
[4] П. Милюков. Государственное хозяйство России в 1-й четверти XVIII в. СПб., 1892, стр. 539—540. — П. Н. Тиханов (см. ниже). — Н. П. Павлов-Сильванский. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. СПб., 1897. — А. Андреев. Изв. Геогр. общ., 1943, № 2, стр. 57—58.
[5] По-английски tar — деготь.
[6] Пропозиции Федора Салтыкова. Рукопись из собрания П. Н. Тиханова. СПб. (без года). Приложение V к Отчетам о заседаниях Обще-

Без сомнения, идею о возможности завести торговлю с Китаем северным морским путем («кругом Сибирского берега») Салтыков заимствовал от англичан, которые долго не оставляли намерения открыть северо-восточный проход кругом Азии.

1 августа 1714 года Салтыков послал Петру новую записку под заглавием «Изъявления прибыточные государству».[1] В этой записке имеется особая глава: «О взыскании свободного пути морского от Двины реки, даже до Омурского устья и до Китай».[2] Здесь помещены предложения, значительная часть которых была принята во внимание при составлении инструкции, данной Берингу при отправлении его в 1733 году во вторую Камчатскую экспедицию. Так, Салтыков советует построить суда на Двине у Архангельска, на Оби у Березова, на Лене у Якутска, далее «около Святого Носа» и, наконец, в устье Амура. Относительно последней реки автор «Изъявлений» делает оговорку, «буде она в вашем державстве». Когда суда на тех речных устьях будут построены, на тех судах описывать берега от устья Сев. Двины и до устья Амура «и вдоль между Епоном и Китаями». Во время съемки надлежит исследовать устья рек, какова в них глубина, скорость течения, грунт и «какая там клима», узнавать, где возможно быть пристаням, какие около тех мест леса. Также описывать морские берега, «пенинзули», песчаные банки, якорные места, острова, какие на них люди и какие где леса, звери и люди; а в море отмечать «каменье, которые сыщутся под водою и поверх воды».

«И ежели оный проход до китайских и до японского берегов сыщется свободный, в том будет вашему государству великое богатство и прибыль, потому изо всех государств, как из Англии, Голландии и из иных посылают во Ост-Индию корабли, которые переходят линею [экватор] дважды: как они ходят вперед и назад обращаются; в которых местах от жаров множество у них людей помирает[3] и от скудости провиантов, ежели они продолжаются долго в пути; и по обретении оного станут желать ходить тем проходом». Салтыков советует построить на Новой Земле против Вайгача и на материке крепости, которые взимали бы пошлины

ства (не сказано, какого; надо — Любителей древней письменности, 1891. Эта трудно доступная книжка, XXVII + 36 стр., небольшое 4°, есть в библиотеке Ленинградского университета), стр. 28.

[1] Напечатаны в книге: Н. Павлов-Сильванский. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. СПб., 1897, стр. 1—46, приложения. См. также в тексте стр. 20, 44—45.

[2] Там же, прил., стр. 32—34.

[3] Ср. те же соображения у И. Кирилова (1733; Изв. Геогр. общ., 1943, № 2, стр. 36) и у Ломоносова (1760; см. Л. С. Берг. Изв. Геогр. общ., 1940, № 6, стр. 719).

с проходящих на восток судов, подобно тому как это делается в Зунде и на Гибралтарском проливе.

Получив вышеизложенные предложения насчет северного морского пути в Китай и Индию, Петр поручил рассмотрение проектов адмиралу Ф. М. Апраксину,[1] тому самому, которому Петр незадолго до смерти передал собственноручный наказ Камчатской экспедиции, о чем подробнее рассказывается несколько ниже.

Как же относился Петр к настояниям Лейбница и советам Салтыкова? Лишь в конце 1724 года состоялось постановление об организации экспедиции для разрешения вопроса, где Азия «сошлась с Америкой». Посылая эту экспедицию, Петр, как мы говорили, задавался целью найти проход через Ледовитый океан в Китай и Индию, но не последнюю роль в осуществлении плана Петра играл пресловутый Анианский пролив. Пролив этот на картах XVI и XVII столетий помещали именно там, где впоследствии был открыт Берингов; об Анианском проливе подробно будет рассказано в следующей главе.

Вот какие любопытные данные сообщает А. К. Нартов, «механик и токарного искусства учитель», состоявший при Петре в последние годы.[2]

В начале генваря 1725 года, говорит он, Петр Великий, за несколько недель до смерти, «сочинил и написал собственною рукою наказ Камчатской экспедиции, которая долженствовала проведывать и отыскивать мореходством того, не соединяется ли Азия к северо-востоку с Америкою, отдал оный наказ генерал-адмиралу Апраксину, назначив сам к сему испытанию флотского капитана Витуса Беринга, а в помощь к нему Мартына Шпангенберга и Алексея Чирикова. Призванному к себе генерал-адмиралу, вручив, говорил следующее: «Худое здоровье заставило меня сидеть дома; я вспомнил на сих днях то, о чем мыслил давно и что другие дела предприять мешали, то есть о дороге через Ледовитое море в Китай и Индию. На сей морской карте проложенной путь, называемый Аниан, проложен не напрасно. В последнем путешествии моем в разговорах слышал я от ученых людей, что такое обретение возможно. Оградя отечество безопастностию от неприятеля, надлежит стараться находить славу государству через искусства и науки. Не будем ли мы в исследовании такого пути счастливее Голландцев и Англичан, которые многократно покушались обыскивать берегов американских?

[1] Павлов-Сильванский, стр. 35.

[2] Л. Н. Майков. Рассказы Нартова о Петре Великом. Записки Акад. Наук, LXVII, прил., № 6, 1891, стр. 98—99 (рассказ № 149). — Рассказы эти, по всей вероятности, были обработаны для печати А. А. Нартовым, сыном предыдущего.

О сем то написал инструкцию; распоряжение же сего поручаю, Федор Матвеевич, за болезнию моею, твоему попечению, дабы по сим пунктам, до кого сие принадлежит, исполнено было».

Правдивость этого рассказа не вызывает никаких сомнений. В подтверждение рассказа Нартова можно привести еще сообщение ганноверского резидента Ф. Вебера, который был лично знаком с Берингом. В 1728 году, говорит Вебер, Беринг, желая узнать, соединяется ли Азия с Америкою, достиг 67° 19′ с. ш. и «с очевидностью установил, что здесь, действительно, имеется северо-восточный проход (eine Nord-Ost passage); таким образом, если не помешают льды на севере, из Лены можно водою достичь не только Камчатки, но и Японии, Китая и Остиндии».[1] Приблизительно то же, что и Нартов, передает Миллер в «Сочинениях и переводах» за 1758 год (январь, стр. 6—7), но он не упоминает о пути через Ледовитое море в Китай и Индию — очевидно, потому, что идея Петра найти северо-восточный проход считалась в те времена секретной.

К этому надо прибавить следующее. Английский капитан Джон Перри, пробывший в России, по приглашению Петра I, с 1698 по 1715 год, сообщает в своей книге «Состояние России при нынешнем царе» (1716),[2] что он «не раз слышал, что царь выражал намерение послать людей с целью снять верную карту страны..., чтобы определить, есть ли возможность кораблям проходить мимо Новой Земли в Татарское море на восток от р. Оби, где можно было бы строить корабли для отправления к берегам Китая и Японии».

II. АНИАНСКИЙ ПРОЛИВ

Рассмотрим, как представляли себе на Западе область Берингова пролива до экспедиции Беринга, т. е. до первой четверти XVIII века. Это нужно потому, что соображения западноевропейских географов об интересующих нас местах послужили, как мы видели, одним из поводов к снаряжению первой экспедиции Беринга.

«Соединяется ли Азия к северовостоку с Америкою, или нет? важной всегда был вопрос между описателями земноводного нашего шара. С одной стороны казалось, что по изображенному на разных географических и морских картах Ани-

[1] Weber. Das veränderte Russland. Hannover, III, 1740, p. 157—158.

[2] Джон Перри. Состояние России при нынешнем царе. М., 1871, стр. 40 (Чтения Общ. ист. и древн. росс.).

анскому проливу никакого соединения быть не должно; с другой принято и то в рассуждение, что никто не мог показать с достоверностию, когда и кем оной пролив найден». Так начинает знаменитый историк Герард Миллер свое «Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю с Российской стороны учиненных», напечатанное в первой книжке ежемесячного журнала «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие», издававшегося в Петербурге Академией Наук, начиная с января 1758 года.[1]

Вопрос, который поставил Миллер в 1758 году, был окончательно разрешен не ранее чем через 65 лет трудами Ф. Врангеля, произведшего в течение 1821—1823 годов съемку берегов северо-восточной Азии от устья Индигирки до острова Колючина, до которого с востока доходил Биллингс. Данная Врангелю в 1820 году инструкция поручала ему «определить положение Шелагского мыса и описать берег, лежащий от оного к востоку, разрешив тем навсегда гипотезу о соединении Азии с Америкой».[2]

Авторы инструкции справедливо считали, что плавания Беринга (1728) и Кука (1778) не разрешают вопроса о соединении Азии с Америкой, ибо при наличии Берингова пролива мост между обоими материками мог находиться где-либо западнее. В этом отношении сведения о плавании Дежнева 1648 года давали не оставляющий места сомнению ответ, но в начале XIX века Дежневу, очевидно, не доверяли, хотя, как мы убедимся ниже, совершенно без основания.

Если мы взглянем на карту Азии в каком-нибудь из атласов конца XVI или всего XVII столетия, то увидим, что на месте нынешнего Берингова пролива между Азией и Америкой обычно нанесен Анианский пролив, о котором упоминает и Миллер. Так, это название мы встречаем на знаменитой карте Меркатора Nova et aucta orbis terrarum descriptio 1569 (рис. 1), находим его (Stretto di Anian) и на карте Тартарии, помещенной в весьма распространенном в свое время атласе Абрагама Ортелия 1570 года, видим его под именем

---

[1] Это чрезвычайно ценное издание, ставшее ныне библиографической редкостью, выходило при Академии Наук с 1755 по 1764 г., — первые три года под заглавием *Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие*, с 1758 по 1762 под приведенным в тексте названием, а в 1763—1764 гг. под именем *Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах*. — Начало статьи Миллера помещено на первой странице январской книжки 1758 г., конец в ноябрьской — за тот же год. Каждые шесть книжек составляют один том. Это издание было первым русским журналом.

[2] Литке. Известие об экспедициях к северным берегам Сибири. Записки, издаваемые Адмиралт. департ., VI, 1824, с картой.

Anian fretum и в не менее популярном атласе Гондия (Hondius) 1606 года,[1] есть он и на карте Вита 1660 года (рис. 5).

Что это за пролив? Можно ли думать, что в основе представлений об Анианском проливе лежат реальные данные

Рис. 1. Карта северных стран Г. Меркатора 1569 г. из атласа Р. Меркатора 1595 г. (из Nordenskiöld. Facsimile Atlas).
На месте Берингова пролива Streto de Anian.

о проливе между Азией и Америкой, или же здесь мы имеем дело со случайной догадкой, предвосхитившей истину? Вопрос занимал многих, и ему посвящена целая литература.[2]

[1] Копии карт Ортелия и Гондия можно найти у В. Кордта, Матер. по истории русской картографии, серия 2, вып. 1. Киев, 1906, табл. XVII и XVIII, а Меркатора — у Nordenskiöld. Facsimile Atlas to the early history of cartography. Stockholm, 1889, p. 95.

[2] H. Yule. The book of Ser Marco Polo the Venetian. L., II, 1871, p. 211. 3-е изд., II, 1903, p. 266. — S. Ruge. Fretum Anian (Die Geschichte der Beringstrasse vor ihrer Entdeckung). Abhandlungen und Vorträge zur Geschichte der Erdkunde. Dresden, 1888, p. 53—70 (1-е издание этой статьи вышло

Происхождение названия Аниан

Происхождением своим название Anian, несомненно, обязано Марко Поло,[1] упоминающему провинцию Anin.[2] В некоторых рукописях и изданиях (например, у Рамузио, 1559) вслед за главой 4-й книги III путешествия Поло имеется следующая глава, представляющая собою очевидную вставку, хотя, говорит Юл, возможно, сделанную самим путешественником. Вот полный перевод этого места:[3]

«Если, оставив гавань Зайтум (Zaitum, Zaiton), плыть на запад и несколько на юго-запад 1500 миль, то можно достичь залива Хейнан (Cheinan); длина этого залива равна двум месяцам пути, если плыть по нему на север. Вся юго-восточная сторона этого залива омывает берега провинции Манзи (Manzi), а к другой — примыкают провинции Аниа (по другим рукописям: Аму, Аниу, Анин; Ania, Amu, Aniu, Anin) и Толоман (по другим рукописям Коломан; Tolomaп, Coloman), а также другие вышеупомянутые. В этом заливе бесчисленное количество островов, из коих почти все густо населены. И есть на них много песочного золота, которое собирают из моря в устьях рек. И еще есть медь и другие вещи. И они торгуют тем, что есть на одном острове, в обмен на то, чего у них нет. И ведут еще торговлю с материком, продают им золото, медь и другие вещи, а у них покупают то, что им нужно. На большей части этих островов растет

в 1873 г.; 2-е является переработанным). — Chr. Sandler. Die Anian-Strasse und Marco Polo. Zeitschr. Gesell. Erdkunde, Berlin, XXIX, 1894, p. 401—408. — Л. Багров. Изв. Географ. общ., 1915, стр. 493. — G. Sykes. The mythical straits of Anian. Bull. Amer. Geogr. Soc., 1915, p. 161—172. — O. Marinelli. Lo stretto di Anian e Giacomo Gastaldi. Rivista Geogr. Ital., XXIV, 1917, p. 39—49. — G. E. Nunn. Origin of the Strait of Anian concept. Philadelphia, 1929, 36 pp. — Л. С. Берг. Картографический миф — Анианский пролив. Изв. Географ. общ., 1936, № 1, стр. 806—810.

[1] Путешествовал в 1271—1295 гг.

[2] На что впервые указал O. Peschel в Geschichte der Geographie. München, 1865, p. 248, прим. 1. Сомнения Геннига (Hennig. Petерm. Mitt., 1935, № 4, p. 125) ни на чем не основаны. Анианский пролив, говорит он, не может вести своего имени от провинции Anin или Aniu Марко Поло, потому что Аниу это Анам или Тонкин. Но ведь провинция Аниа была приурочена к области Берингова пролива не Марком Поло, а картографами. В последнее время некоторые были склонны ставить название Аниан в связь с именем залива Анива на Сахалине. Это сопоставление, не имеющее за собою, понятно, никаких оснований, встречается впервые у Витсена (N. Witsen. Noord en Oost Tartarye, 2-е изд., 1705, p. 145).

[3] Оригинальный текст из Рамузио приведен у Сандлера вместе с немецким переводом (l. c., p. 403), английский перевод у Yule, II, 1903, p. 206, русский — в книге: И. П. Минаев. Путешествие Марко Поло, 2-е изд. под ред. В. В. Бартольда. Зап. Русск. геогр. общ. по отд. эти., XXVI, 1902, стр. 244—245. См. также: Марко Поло. Путешествие. Л., 1940, стр. 191, изд. „Худ. литер.“ Приведенный в тексте перевод сделан мною.

довольно хлебов. Этот залив так велик и столько людей там живет, что он кажется как бы особым миром».

Дадим прежде всего толкование географических имен. Зайтум — это портовый город Цюань-чжоу, приблизительно под 25° с. ш.[1] Залив Хейнан — по толкованию Юла[2] — это или название острова Хайнань (Гайнан), или, вероятнее, Анам. Нам представляется, что Хейнан есть имя острова Хайнань. Манзи или Манги (Manzi, Mangi, у персидских авторов Мачин) это — южный Китай.[3] О провинциях Анин и Коломан (Толоман) Марко Поло довольно подробно рассказывает в 57 и 58-й главах книги II.[4] Юл полагает,[5] что название Анин относится к южной части провинции Юнь-нань, именно к округу города Линь-аня, в окрестностях коего живет народ ho-nhi, давший начало названию Анин. Напротив, Кордье, редактор третьего издания книги Юла, вслед за Потье (Pauthier), видит в Анине или, правильнее, Аниу (Aniu) Nan-yué, т. е. северный Анам.[6] Наконец, Шариньон последний по времени комментатор Марко Поло, думает, что дело идет об апо или ане — народе в Юнь-нане.[7] Что же касается провинции Коломан или Толоман, то Кордье считает верным чтение Толоман (= варвары Ту-лао), приурочивая это название к южной части Юнь-наня, возле Линь-аня, Чжэн-цзяна и др.[8]

Как бы то ни было, не может быть сомнения в том, что провинции Анин и Толоман нужно поместить на юге Юнь-наня или на севере Анама.[9] Далее, контекст ясно показывает, что Анин и Толоман III книги, лежащие на берегах залива Хейнан, тожественны с Анином и Толоманом II книги, о которых мы только-что говорили. Таким образом, отпадает фантастическое предположение Сандлера,[10] будто Аниа есть область Иезо, Сахалина и Курил, где живут айны, что Толоман есть Камчатка, жители коей (камчадалы) называют себя ительмен, что Chorcha Марко Поло есть чукчи,[11] а «осо-

---

[1] Yule, II, 1903, p. 237. У арабов — Зейтун.

[2] l. c., p. 266.

[3] Yule, l. c., p. 144. Имя Манзи или Манги, по сообщению В. М. Алексеева, происходит от китайского *нань-цзя*, что значит „южные дома" (династия Сун, 1127—1279).

[4] См. Минаев, l. c., стр. 189—190; 1940, стр. 144—145.

[5] l. c., p. 120, 122.

[6] Cordier in Yule, II, 1903, p. 131.

[7] A. Charignon. Le livre de Marco Polo. Livre II. Pékin, A. Nachbaur, 1926, p. 266 (здесь приведено чтение Amu).

[8] Cordier, l. c., p. 124.

[9] Таков же взгляд и Ruge, l. c., p. 61.

[10] Sandler. Zeitschr. Gesell. Erdkunde, Berlin, 1894, p. 406.

[11] Sandler, p. 407. — Страна Chorcha, Ciorcia и Churchin, о которой говорит Марко Поло в 46-й главе книги III и в 5-й главе книги V, есть Манджурия, страна *джурджженей* (чжурчжэней), племени манджурского происхождения, владевшего северным Китаем в XII веке (см. Yule, I,

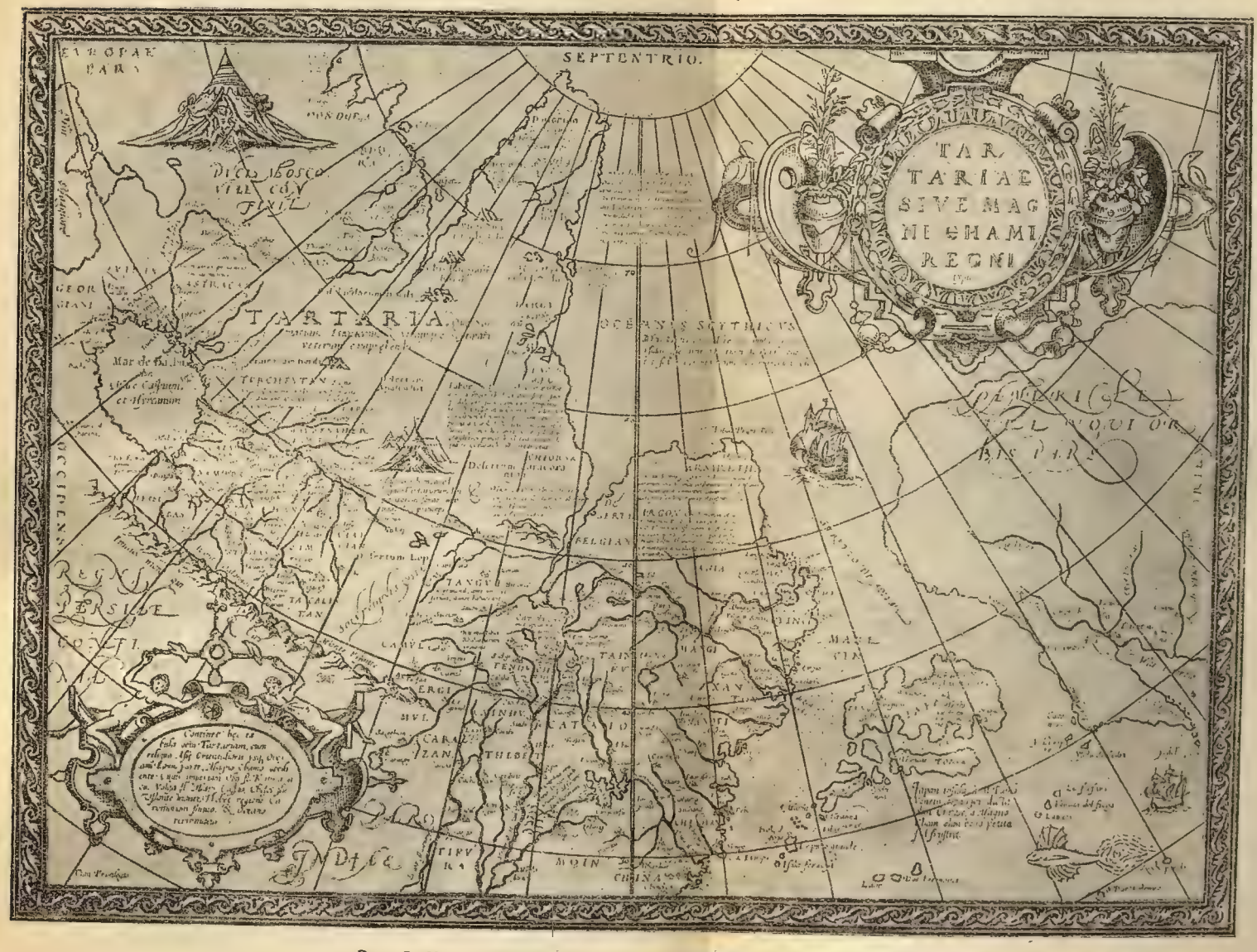


Рис. 2. Карта Тартарии Ортелия 1570 г. (из Л. Багрова).
На месте Берингова пролива Stretto di Anian.

2702

бый мир», представляемый заливом Хейнан, есть Америка, о которой камчадалы могли получить сведения от коряков. Невероятно, чтобы Марко Поло мог получить сведения о камчадалах, не говоря уже о чукчах.[1]

Правильное толкование вышеприведенного описания залива Хейнан очень затруднительно. Главным камнем преткновения является громадная длина этого залива: 1500 миль к западу от Зайтона и в длину два месяца пути с юга на север!

Название провинции Anin, заимствованное у Марко Поло, можно видеть на знаменитом глобусе Бегайма 1492 года, где оно помещено между областью Cathaia (т. е. северным Китаем) и Тибетом.[2] Впервые в картографический обиход представление о проливе Anian введено итальянским картографом Гастальди (1562, 1566). Но и до него путь из северной Европы в Китай и Индию вокруг восточной Азии старинные картографы обычно изображали свободным. Таков он, например, на портолане неизвестного автора 1502 года из собрания Ами (Hamy).[3] То же мы видим в издании Птоломея 1513 года, на карте, носящей заголовок Hydrographia sive Charta marina.[4] Равным образом и на многих позднейших картах Азия на севере и востоке омывается морем. На карте, составленной Гастальди в 1561 году и носящей название Tertia pars Asiae, т. е. «Третья часть Азии»,[5] мы видим Азию в качестве обособленного на востоке материка; на крайнем северо-востоке Азии надписано Ania pro [vincia], а рядом в море Golfo de Cheinam (залив Хейнан). Оба эти названия, как видим, взяты у Марко Поло. Названия Аннанский пролив здесь еще нет. В следующем, 1562 году, Гастальди опублико-

7963

1903, p. 226, 231, 343, 344; В. Бартольд в: Минаев, l. c., стр. 82, прим. 1; стр. 112, прим. 1).

[1] В китайской литературе можно найти следы знакомства с северной Сибирью. Так, о сибирском мамонте упоминается при описании событий, случившихся во время династии Хань (140—87 до нашей эры). Есть сведения о еще более ранних свидетельствах (IV век до нашей эры). Моржовая кость была известна китайцам еще в VII веке до н. э.; она входила в состав дани, которую приносили народы, имевшие связь „с Камчаткою" (Laufer, 1925). Но, понятно, до Марко Поло не могли дойти имена народов севера, с которыми китайцы не имели непосредственных сношений. О севере западной Сибири у Марко Поло есть сведения в главах CCXVI и CCXVII, где рассказывается о северном царе Канги и о темной стране, граничащей с Великой Россией и богатой дорогими мехами — соболем, горностаем, белкой, черной лисицей и др. Никаких названий народов здесь не приведено.

[2] G. E. Nunn. Origin of the Strait of Anian concept. Philadelphia, 1929, p. 29. — Глобус Бегайма воспроизведен на плоскости в: Atlas of the historical geography of United States, 1932, pl. 8 (см. К).

[3] Nordenskiöld. Periplus, Stockholm, 1897, pl. XLV.

[4] Nordenskiöld. Facsimile Atlas, pl. XXXV.

[5] Копия ее у Nordenskiöld. Periplus, pl. LVI.

Филиал Центральной ВМБ
БИБЛИОТ

вал в Венеции книжку под заглавием «La universale descrittione del mondo», ныне утерянную. Но о ней упоминает биограф Гастальди С. Гранди (Турин, 1902), приводящий любопытную выдержку из упомянутой работы Гастальди;[1] здесь сообщается, со ссылкой на недошедшую до нас карту мира, что Азия на востоке имеет своею границею Анианский пролив (il stretto detto Anian), далее граница идет через залив Cheinan (Хейнан), море Манги (Mangi) и т. д. Из этого места с непререкаемой очевидностью ясно, что название Аниан заимствовано у Марко Поло, так как оно упоминается в контексте с взятыми у Марко Поло же именами залива Хейнан и страны Манги.

Обращаясь к дошедшим до нас картам, название Stretto di Anian мы впервые находим на карте Северной Америки, опубликованной в Венеции в 1566 году и известной под именем карты Зальтиери (правильнее — Zalterio) или карты Лафрери.[2] Есть основания думать, что она просто скопирована с недошедшей до нас карты Гастальди 1562 года,[3] который таким образом является, по выражению Маринелли, изобретателем Аннанского пролива (рис. 3).

Достойно упоминания, что в том же 1562 году, когда Гастальди опубликовал недошедшую до нас карту с изображением Аннанского пролива на месте теперешнего Берингова, он выпустил в свет карту мира, где Азия изображена соединенной с Америкой.[4] Таким образом, Гастальди развивал одновременно две противоположных концепции. Но сразу нашла себе отклик у тогдашних картографов идея о существовании на севере между Азией и Америкой пролива — Аннанского — , потому что это представление шло навстречу страстному желанию найти северо-восточный проход.[5]

После Гастальди Аннанский пролив, получив всеобщее признание картографов, оказывается на множестве карт, между прочим — в столь распространенных изданиях, каковыми были в свое время атласы Ортелия и Меркатора. Вплоть до 20-х годов прошлого века, т. е. спустя столетие после открытия Берингова пролива Берингом, Аннанский пролив продолжает существовать на картах.

И у Меркатора (1569), и у Ортелия (1570) название пролива дано в итальянской транскрипции, хотя карты составлены на латинском языке. Это ясно свидетельствует

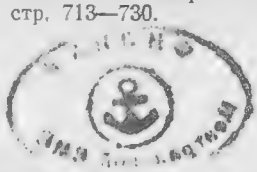
[1] Nunn, p. 33.

[2] Копия ее у Nordenskiöld. Facsimile Atlas, p. 129.

[3] Marinelli, 1917, p. 48.

[4] Копию ее см. у Nordenskiöld. Periplus, pl. LIV—LVI, см. также там же, p. 165.

[5] О чем подробности см. в моей статье: Ломоносов и первое русское плавание для отыскания северо-восточного прохода. Изв. Геогр. общ., 1940, вып. 6, стр. 713—730.



о том, что и название и местоположение пролива заимствованы упомянутыми картографами у «изобретателя» этого пролива Гастальди, а не основаны на каких-либо новых фактиче-

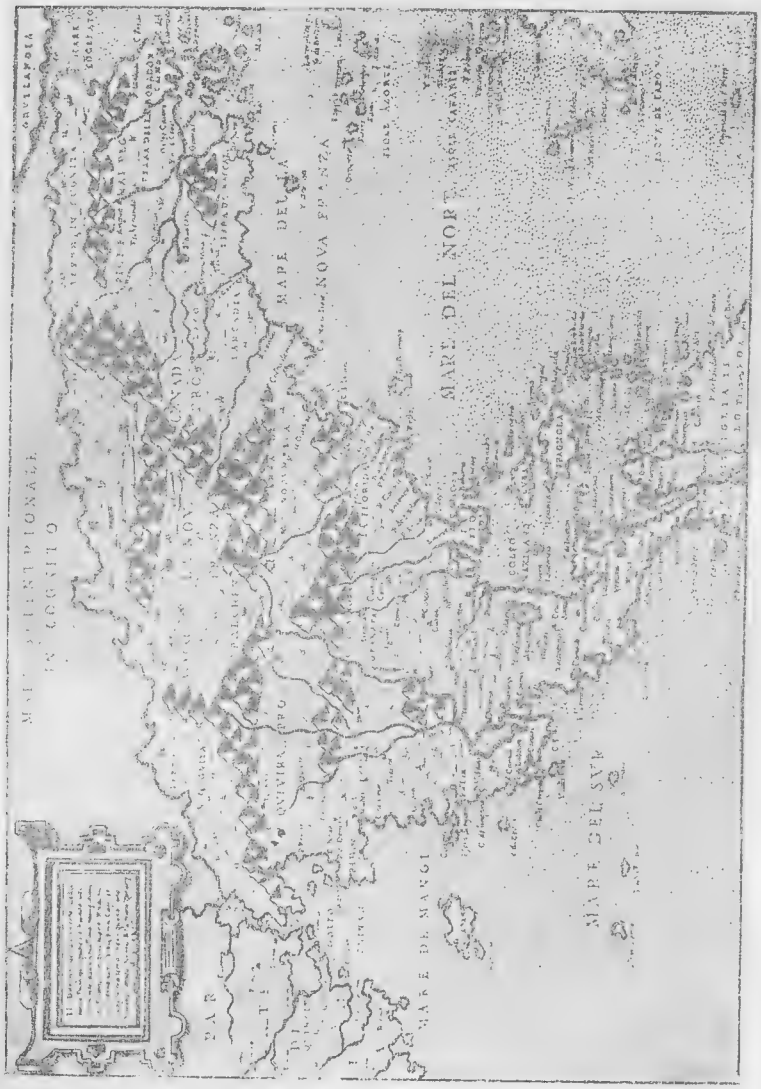


Рис. 3. Карта Северной Америки, напечатанная Гастальди в 1566 г. (из Nordenskiöld. Facsimile Atlas).
На месте Берингова пролива Stretto di Anian.

ских данных, как полагает Генниг. Итак, приурочение названия «Анианский» к проливу между Азией и Америкой не имеет за себя никаких разумных оснований и есть плод незнакомства с топографией восточной Азии.

Источники, по которым нанесен на карты Анианский пролив

Но теперь является вопрос, чем вообще объясняется нанесение на старых картах пролива — как бы его ни называли — между Америкой и Азией?

Высказывались иногда предположения, не могли ли быть собраны сведения о Берингове проливе испанскими мореплавателями первой половины XVI века, когда из Мексики было отправлено несколько экспедиций вдоль тихоокеанского берега к северу. Так, акад. Бэр [1] спрашивает, не дошли ли слухи об этом проливе до Франсиска Уллоа, посланного Кортесом из Калифорнии на север в 1525 году. Но эта экспедиция, отправленная не в 1525, а в 1539 году, дошла на север только до 32 или 33° с. ш.[2] В 1543 году экспедиция под начальством Хуана Родригес Кабрильо достигла 39° с. ш. (мыс Арена).[3] Вот и все крайние достижения в северной части Тихого океана за первую половину XVI века. Очевидно, все упомянутые мореплаватели были так далеко от Берингова пролива (66° с. ш.), что никак не могли собрать сведений о нем у туземцев.[4] Даже после 1562 года, когда впервые на картах появляется Анианский пролив, еще очень много прошло времени, пока европейцы проникли ближе к Аляске. Знаменитый Ф. Дрэк поднялся в 1579 году лишь до 42° с. ш. или, может быть, лишь немного севернее (до Орегона?). Испанцы достигли $41^1/_2$° с. ш. (близ мыса св. Георга) только в 1595 году (Себастиан Родригес Серменьо).[5]

Таким образом, это предположение, повторяемое в 1897 году Норденшельдом [6] и в 1935 году Геннигом,[7] отпадает: между 1542 (португальцы в Японии) и 1566 годами (карта Зальтерио) испанцы не проникали на север до Берингова пролива. Да они в XVI веке и не желали распространять свои американские владения далеко к северу.[8]

Мы уже говорили, что на картах Азии, относящихся

---

[1] Baer. Peter's des Grossen Verdinste um die Erweiterung der geographischen Kenntnisse. Beiträge zur Kenntniss des Russ. Reich., XVI, 1872, p. 290.

[2] H. Wagner. Spanish voyages to the NW coast of America in the XVI century. San Francisco, 1929, p. 14.

[3] Там же, p. 74, 78 (точнее 38° 57′ с. ш.).

[4] Таково же мнение Генри Вагнера, знатока старинной картографии северо-западной части Америки. См.: H. R. Wagner. Spanish voyages to the northwest coast of America in the sixteenth century. San Francisco, California Historical Society, 1929, p. 125; The cartography of the northwest coast of America to the year 1880. Vol. I. Berkeley, California, 1937, p. 53.

[5] H. Wagner, l. c., 1929, p. 155.

[6] Nordenskiöld. Periplus, 1897, p. 100; ср. также p. 193.

[7] R. Hennig. Eine Kenntnis der Bering-Strasse im 16 Jahrhundert? Peterm. Mitt., 1935, p. 122—125.

[8] H. Wagner, l. c., 1929, p. 284.

к концу XV века и к первым годам XVI-го, этот материк на востоке омывается морем. Когда в 1520 году Магеллан открыл названный его именем узкий пролив, соединяющий Атлантический и Тихий океаны, то отсюда недалеко было

Рис. 4. Карта Америки Мюнстера 1540 г. (из Nordenskiöld. Facsimile Atlas). Северная Америка отделена от Азии безымянным проливом.

до мысли, что и от Америки Азия отделена таким же узким проливом, подобно тому как это имеет место и в отношении проливов, отделяющих Европу от Азии и Африки (рис. 4).

Стоило появиться в атласах второй половины XVI века Анианскому проливу, как сейчас же нашлись люди, утвер-

ждавшие, что они прошли этим проливом из Тихого океана в Ледовитый. В те времена для мистификаций в области Арктики был громадный простор. Некий английский моряк письменно удостоверил, что он в 1573 году читал опубликованный в Лиссабоне отчет о плавании, совершенном одним англичанином в 1567 году из Тихого океана в Атлантический вокруг Северной Америки.[1] Такого же типа рассказ о подобном плавании Хуана де Фука в конце XVI столетия. Напротив, испанский капитан Лоренсо Феррер де Мальдонадо в 1598 году якобы прошел вокруг Северной Америки, из Атлантического океана в Тихий, причем «открыл» Анианский пролив, который в его отчете изображен с большими подробностями.[2] Всякому знакомому с историей исследования Арктики ясно, что такого рода плавания не могли быть совершены в XVI веке.

Не было недостатка в подобных мистификациях и в следующем столетии, и на эту удочку попадались и серьезные ученые. В 1640 году некий адмирал де Фонте якобы прошел по Анианскому проливу, который он помещает где-то в области Британской Колумбии; по этому проливу можно проникнуть из Тихого океана прямо в Гудсонов залив, минуя Ледовитое море. Астроном и картограф Ж.-Н. Делиль, член Петербургской и Парижской академий, подробно изобразил фантастические открытия адмирала на карте, изданной в Париже в 1752 году, т. е. уже после того как был открыт Берингов пролив. В своей брошюре, вышедшей в том же году (о ней мы будем говорить в конце нашей книги), Делиль с полным доверием описывает фантастические плавания де Фонте.

Теперь возникает вопрос: почему заимствованное у Марко Поло название Ania, относящееся, очевидно, к южному Китаю, попало на крайний северо-восток Азии? Если мы обратимся к упомянутой выше карте Гастальди «Третья часть Азии» (1561), то мы увидим здесь имя Ania нанесенным дважды: один раз на юге (Anin), сообразно с маршрутом и описанием Марко Поло, а другой раз на севере, на берегах Golfo de Cheinam. Если прибавить, затем, что Mangi, или южный Китай, помещен на севере, а Cataio, или северный Китай, на юге, то беззаботность Гастальди в отношении восточной Азии станет очевидной. Другие картографы шли в своих фантазиях еще дальше: на карте Шенера 1523 года Mangi, Cathay и Zaiton (Цюань-чжоу) сказываются в Сев. Америке, по соседству с Мексикой.[3]

---

[1] Sykes, p. 166.
[2] Там же, p. 168—170.
[3] Nunn, p. 24, 27.

Наконец, остановимся на некоторых соображениях Геннига (1935). На карте Зальтерио 1566 года, говорит он, берег северо-западной Америки вплоть до Берингова пролива нанесен довольно правильно, включая «характерный большой изгиб от острова Ванкувера до Кадьяка». Между тем я на упомянутой карте могу усмотреть к северу от Калифорнии про-

Рис. 5. Арктика, карта F. de Wit 165[illegible] г. из атласа Blaeu (по F. Wieder. Monumenta cartographica, Hague, III, 1929).
На карте нанесен Анианский пролив.

извольно нанесенные заливы и мысы, которым соответствуют подобные же фантастические заливы и мысы на противоположном, азиатском берегу. Итак, не может быть сомнения в том, что Анианский пролив есть картографическая фантазия — результат домыслов итальянских картографов второй половины XVI века, домыслов, основанных на плохо понятых

данных Марко Поло о Южном Китае. Однако, удивительна судьба этого картографического мифа. Он явился одной из побудительных причин к снаряжению экспедиции Беринга, которая открыла Берингов пролив на том самом месте, где помещали мифический Stretto di Anian!

III. СОВРЕМЕННЫЙ БЕРИНГОВ ПРОЛИВ

Приведем сначала некоторые географические сведения о берегах Берингова пролива. Эти данные окажутся нам полезными для последующего изложения (рис. 7).

Пролив Беринга имеет в самом узком месте в ширину 48 морских миль, или 89 километров. Посреди самой узкой части пролива расположена группа островов Гвоздева, или Диомида, один из коих (а какой — в точности неизвестно) был открыт Берингом в 1728 году. Островов три, и впервые они были точно положены на карту и определенно наименованы капитаном Бичи (Beechey) в 1826 году.[1]

1. Западный остров, или Ратманова, названный так еще Коцебу в 1816 году,[2] или Большой Диомид, имеет в длину около 5 км, в ширину $1^3/_4$ км, высота острова до 536 м над морем; ближайшее расстояние от острова до материка Азии составляет 32 км; на юго-западном мысу острова имеется небольшое эскимосское поселение,[3] состоявшее в 1926 году всего из 6 или 7 семейств.[4] Между тем сотник Кобелев, бывший на о-ве Ратманова или, по его обозначению, Имовлине 26 июля 1779 года, говорит о двух острожках, в которых жили 203 мужчины и 195 женщин.[5] Население уменьшилось от эпидемии оспы, бывшей здесь в начале нынешнего столетия. На карте Загоскина[6] остров Ратманова носит туземное (эскимосское) название Имаклит.

---

[1] F. W. Beechey. Narrative of a voyage to the Pacific and Beering's strait 1825—28. Vol. I. London, 1831, p. 337—338.

[2] Коцебу. Путешествие в южный океан и в Берингов пролив для отыскания северовосточного морского прохода, предпринятое в 1815—18 годах на корабле Рюрик. Часть I. СПб., 1821, стр. 100.

[3] D. Jenness. Little Diomede Island, Bering Strait. Geogr. Rev., 1929, January, p. 81.

[4] По сведениям, собранным во время переписи 1897 г., на о. Ратманова было два поселения: сел. Ималин с 173 душами и сел. Кугнен с 38 душами (см. С. Патканов. О приросте инородческого населения Сибири. СПб., 1911, изд. Акад. Наук, стр. 130).

[5] Перечень из дневной записки казачьева сотника Ивана Кобелева, посыланного 1779 года в марте месяце из Гижигинской крепости в Чукоцкую землю. Собрание сочинений, выбранных из месяцословов. Часть V. СПб., 1790, изд. Акад. Наук, стр. 370; к этой статье, первоначально напечатанной в Месяцослове историч. и географ. на 1784 г., стр. 1—8, приложена карта. Гвоздев в 1732 году тоже видел два поселения (см. ниже).

[6] Л. Загоскин. Пешеходная опись части русских владений в Америке, произведенная 1842—44 г. Часть I. СПб., 1847, карта.

Рис. 6. Полушария из атласа Blaeu 1648 г. (Из F. Wieder. Monumenta cartographica, III, 1929).

Между Японией и северо-западной Америкой показан сплошной океан.

Рис. 6а. Карта северной части Тихого океана, опубликованная в 1752 г. Делилем в Париже (из Greely).

На карте нанесены фантастические открытия адмирала де-Фонте. Отмечены также плавания Беринга 1723 г. и Чирикова 1741 г. На отдельной карте вверху слева имеется Анианский пролив.

2. Средний остров, Малый Диомид, или Крузенштерна, отстоит от западного на $3^1/_2$ км, от материка Америки (мыса принца Уэльского) на 40 км; площадью он втрое меньше

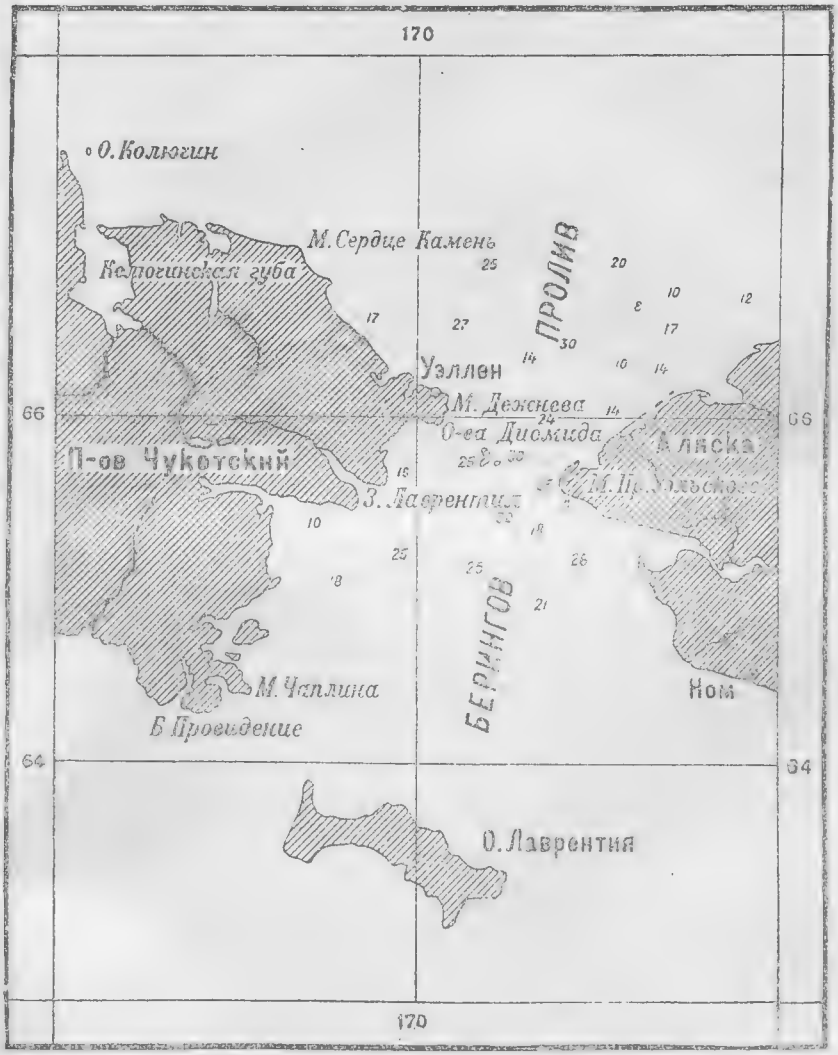


Рис. 7. Берингов пролив (с карты Главн. гидрогр. управления). Глубины в морских саженях.

первого; высота его 400 м. В ясные дни с острова Крузенштерна можно видеть оба материка — Азию и Америку. Живут на нем тоже эскимосы. В 1925 году их было 94

(в 1779 году при Кобелеве 160). Бичи дает острову эксимосское название Игналук (Ignalook). Эскимосское название острова Ратманова Имахлик (жителей острова — имахлит), острова Крузенштерна Инетник (жителей — инетлит).[1] В чукотской передаче конечное *к* изменяется в *н*: Имахлин.

3. Наконец, третий остров, или, точнее, необитаемая скала Falrway, названная так Бичи, лежит на 18 км к югу от острова Крузенштерна. Эскимосы называют ее Угияк.

Все три вышеназванные острова в Берингове проливе впервые усмотрел Кук 9 августа н. ст. 1778 года, но он им не дал названий.[2] Сарычев 2 августа ст. ст. 1791 года тоже видел все три острова, которые он, хотя кратко, но совершенно ясно описал.[3]

Коцебу же (1816) приводит четыре, но он счел также мыс Восточный, или Дежнева, за остров, ибо мыс этот, как сообщает Литке,[4] со всех сторон кажется островом; высота его 850 м. Равным образом, и противолежащий на американском берегу мыс Ныхта, названный Куком мысом принца Уэльского, тоже представляется островом; высота его 700 м; здесь есть эскимосское поселение.

Область мыса Дежнева у чукоч называется Пеек. По южную сторону мыса имеется эскимосское поселение, называемое чукчами Нуукан, а эскимосами Набукак.

Граница между СССР и Соединенными Штатами Америки пролегает посреди между островами Ратманова (советский) и Крузенштерна (американский). Туземцы раньше ездили поперек Берингова пролива из Азии в Америку и обратно, но делали это обычно только летом, с июня по сентябрь, ибо зимою по проливу несет лед на север (изредка, впрочем, пролив замерзает); главный торг происходил на острове Крузенштерна. Чукчи и азиатские эскимосы привозили шкуры домашнего оленя и получали в обмен американскую пушнину: меха рыси, выдры, бобра, красной лисицы, белого и голубого песца, куницы (Mustela americana). Жители острова промышляют моржей, тюленей и иногда китов. В настоящее время шкуры и клыки моржа не имеют сбыта в Америке, и эскимосы о-ва М. Диомид доставляют эти предметы для продажи в наши фактории.[5]

---

[1] По сообщению В. Г. Богораза.

[2] Troisième voyage de Cook ou Voyage à l'Océan Pacifique 1776—1780. Франц. пер. Т. III, Paris, 1785, p. 297—299.

[3] Сарычев. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану с 1785 по 1793 г. Часть II. СПб., 1802, стр. 9[illegible].

[4] Ф. Литке. Путешествие вокруг света на военном шлюпе Сенявине 1826—29. Отделение мореходное. СПб., 1835, стр. 196, 255.

[5] П. Г. Пакулин. Чукотский морж. Изв. Тихоок. инст. рыбн. хоз. и океаногр., XX, 1941, стр. 22

IV. ПЛАВАНИЕ ДЕЖНЕВА 1648 ГОДА ЧЕРЕЗ БЕРИНГОВ ПРОЛИВ

В 1648 году якутский казак, устюжанин Семен Иванович Дежнев, выйдя из устья Колымы на шести кочах, обогнул мыс Восточный, или Дежнева, и высадился к югу от устья Анадыря. Отписки и челобитные Дежнева, впервые найденные Миллером в 1736 году в якутском архиве,[1] были по достоинству оценены знаменитым историографом. Об этом открытии Беринг немедленно сообщил в Петербург. В журнале адмиралтейств-коллегии от 20 декабря 1737 года записано: «Прислано от него ж Беринга рассуждение обретающихся тамо [в Якутии] профессоров Делиль-де-ла Кроера с товарищи со учиненным известием, как прежде от Лены не токмо до Колымы реки, но и от оной обходя Чукотской нос до Анадыра реки ход морем бывал».[2]

В 1914 году вышел труд американского автора Гольдера, в котором развивается взгляд, будто все сообщения Дежнева о его плавании по Берингову проливу есть сплошной вымысел.[3] Но соображения Гольдера совершенно неосновательны, как показано ниже. Приведем прежде всего подлинные фактические данные о походе Дежнева.

Отчет Дежнева

В отписке, посланной якутскому воеводе в апреле 1655 года с Анадыря, Дежнев говорит:[4] 20 июня 1648 года[5] «с Ко-

[1] Краткое описание плавания Дежнева впервые опубликовано по данным Г. Миллера в статье: „Известия о северном ходе россиян из устий некоторых рек, впадающих в ледяное море", напечатанной в издававшихся Академией Наук „Примечаниях к С.-Петербургским ведомостям" от 21 июня 1742 г. (анонимная статья эта составлена академиком Х. Н. Винцгеймом, о чем см. П. Пекарский. История Имп. Академии Наук, I, 1870, стр. 479). Подробное описание напечатано Г. Миллером в его упомянутой ранее работе, в „Сочинениях и Переводах . . .", 1758, январь, стр. 8—21. (То же по-немецки: G. Müller. Sammlung russischer Geschichte, Bd. III, 1758, p. 7—20). Копии с документов, сделанные в Якутске для Миллера, целиком напечатаны в издании: Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. IV, СПб., 1851, стр. 8—27 (документы №№ 4—7). Ценные дополнения находим в статье: Н. Оглоблин. Семен Дежнев (1638—1671 гг.). Журн. Мин. нар. просв., часть 272, 1890, стр. 249—306.

[2] Материалы для истории русского флота. VIII, 1880, стр. 386; ср. также стр. 388, 428.

[3] F. A. Golder. Russian expansion on the Pacific 1641—1850. Cleveland (Ohio), 1914, 368 pp. Плаванию Дежнева посвящена глава III: A critical examination of Deshnef's voyage, pp. 67—95. В приложении перепечатано всё относящееся к походу Дежнева из статьи Миллера на немецком языке; затем переведено и на английский язык (p. 268—281). Также дан английский перевод текстов из Дополнений к Актам исторических (p. 282—288).

[4] Дополнения к Актам историч., стр. 25—26. В скобках — мои пояснения.

[5] При цитатах из исторических документов даты приводятся по ст. стилю.

вымы реки [Колыму в XVII и XVIII столетиях нередко называли Ковымой] послан я Семейка на новую реку на Анандыр для приску новых неясачных людей». 20 сентября того же года «идучи с Ковымы реки морем, на пристанище торгового человека Федота Алексеева [1] Чухочьи люди на драке ранили, и того Федота со мною Семейкою на море рознесло без вести, и носило меня Семейку по морю после Покрова Богородицы всюду неволею, и выбросило на берег в передней конец за Анандыр реку; [2] а было нас на коче всех двадцать пять человек, и пошли мы все в гору, сами пути себе не знаем, голодны и холодны, наги и босы, а шел я бедной Семейка с товарыщи до Анандыры реки ровно десять недель, и попали на Анандыр реку внизу близко моря»... «А с Ковымы реки итти морем на Анандыр реку есть нос, вышел в море далеко, а не тот нос, который от Чухочы реки лежит, до того носу Михайло Стадухин не доходил, а против того носу есть два острова [Диомида, или Гвоздева], а на тех островах живут Чухчы [эскимосы], а врезываны у них зубы, прорезываны губы, кость рыбей зуб [моржевые клыки], а лежит тот нос промеж сивер на полуношник, а с Рускую сторону [западную] носа признака: вышла речка, становье тут у Чухочь делано, что башни из кости китовой, и нос поворотит, кругом к Онандыре реке подлегло, а доброго побегу от носа до Онандыри реки трои суток, а боле нет, а итти от берега до реки недале, потому что река Анандыр пала в губу». [3]

В другой отписке, поданной Семеном Дежневым и Никитой Семеновым якутскому воеводе тогда же, что и вышеприведенная (1655), сначала рассказывается [4] про неудачную попытку Михаила Стадухина пройти морем с устья Колымы на восток: в июле 1649 года [5] Стадухин ходил морем с Колымы на новую реку Погычу (Покача); [6] после семидневного плавания по морю Стадухин вернулся 7 сентября того же года назад на Колыму, не найдя никакой реки, встретил он только «небольших людей Коряцких». [7] Затем Дежнев и Семенов прибавляют:

[1] Федот Алексеев Попов был холмогорец, приказчик одного торгового человека. Фактически он был главою экспедиции; однако после него не осталось никаких письменных документов.

[2] В челобитной Дежнева от 1662 г., впервые найденной Оглоблиным, этот эпизод рассказывается так: „и прошед Анандырское устье, судом Божиим те наши все кочи море разбило“ (Оглоблин, стр. 303).

[3] Дополнения. . ., стр. 26.

[4] Там же, стр. 21.

[5] Даты взяты из челобитной Ветошки, где вкратце сообщается о том же походе. Доп., стр. 13.

[6] О ней см. ниже, стр. 39.

[7] В настоящее время коряки далеко не доходят до берегов Ледовитого моря: северный предел их распространения, в бассейнах Пенжины и Еропола, не доходит до 65° с. ш. См. карту у W. Jochelson. The

«Не доходил он Михайлю до Болшого каменного носу, а тот нос вышел в море гораздо далеко, а живут на нем люди Чухчи добре много, против тогож носу на островах живут люди называют их зубатыми, потому что пронимают они сквозь губу по два зуба немалых костяных, а не тот, что есть первой Святой нос от Колымы, а тот Болшой нос мы Семейка с товарыщи знаем, потому что розбило у того носу судно служивого человека Ерасима Онкудинова с товарыщи, и мы Семейка с товарыщи тех разбойных людей имали на свои суды, и тех зубатых людей на острову видели ж, а от того носу та Анандыр река и корга далеко».[1]

Разбор отчета Дежнева

Это и весь материал, каким мы располагаем для суждения о плавании Дежнева. Материал — скудный, что и говорить. Однако, при обсуждении его нужно иметь в виду, что задачей отписок и челобитных Дежнева является вовсе не доказательство его приоритета на открытие пути с Колымы на Анадырь вокруг Азии — о величии своего географического подвига якутский казак и не подозревал; он стремился обеспечить за собою первенство в открытии знаменитой корги, или косы (Русской кошки), отделяющей Анадырскую губу от моря: «ту коргу и морского зверя и заморную кость зверя того» (моржа) приискал не Юрий Селиверстов, а он, Дежнев, с товарищи. Поэтому Дежневу не было никакой необходимости выдумывать о походе морем вокруг Чукотской земли: если бы он, как полагает Словцов[2] и вслед за ним Гольдер,[3] дошел морем только до Шелагского мыса или даже лишь до Чаунской губы, а отсюда, следовательно, прошел по-суху на Анадырь, то ему не было бы причины скрывать этот путь и вместо него выдумывать другой: ведь, вполне очевидно, что Дежнева интересовало только дойти наикратчайшим путем до корги, а каким способом — морем ли или по-суху — это было

Koryak. Jesup North Pacific Expedition, vol. VI, pt. 1, 1905, при стр. 382 И. Вдовин (Изв. Геогр. общ., 1944, № 5, стр. 252) предполагает, что „коряки" Стадухина на самом деле были чукчами.

[1] Дополнения. . . , стр. 21. В недошедшем до нас документе, выписку из которого приводит Миллер (Сочин. и перев., 1758, янв., стр. 19), это место изложено так: „Большой Чукоцкой нос состоит весь из камня, он, Дежнев, довольно об нем известен, потому что Анкудинова кочь у оного разбило, и сей нос не тот, что первой от Колымы реки зовомой Святым носом. Подлинная признака большого Чукоцкого носа есть та, что против оного лежат острова, на коих живут люди зубатые, и сих людей видел он, Дежнев, а не Стадухин и Селиверстов, а Корга при устье реки Анадыря находится от помянутого носу в далеком расстоянии".

[2] П. Словцов. Историческое обозрение Сибири. 2-е изд., СПб., 1886 (1 изд. 1838), стр. 58.

[3] Golder, p. 82, 85—86.

для него совершенно безразлично. Поэтому мы не видим никаких оснований заподозривать здесь Дежнева в неправде.

Читая отчет об этом героическом плавании из Колымы в Анадырь, совершенном в середине XVII столетия, нельзя не удивляться отваге тогдашних мореходов и знанию ими своего дела. Такой переход и в наше время дело не легкое, а в XVII веке наши мореплаватели плавали по Ледовитому морю в кочах — небольших плоскодонных парусных судах, на которых можно было ходить только по ветру. Амстердамский бургомистр Витсен в своем «Судостроении» говорил про русских: «De Moscoviten zijn slechte zeelieden, konnen niet als voor wint zeilen» — московиты плохие моряки, они могут ходить только по ветру. Но опытные в мореплавании голландцы не раз пробовали в конце XVI века на своих судах проникнуть в устья Оби, и это им не удавалось, тогда как пустозерцы (на р. Печоре) в 1584 году говорили английскому купцу Маршу: «морем пройти от Вайгача в устье Оби — пустое дело» (from Vaygats to the mouth of Ob, by Sea, is but a small matter to sayle).[1]

Переходим теперь к рассмотрению фактической стороны счета Дежнева. Она такова:

20 июня 1648 года Дежнев вышел из устья Колымы на восток. 20 сентября по близости Большого Каменного, или Чукоцкого, носа, носящего теперь имя мыса Дежнева, высаживались на берег и имели стычку с чукчами. После этого начались бури, которые носили кочи по морю, пока, после 1 октября, не выбросило их к югу от устья Анадыря; от места крушения до устья этой реки пришлось итти пешком десять недель.

Тщательное рассмотрение отписок Дежнева и его товарищей показывает, что Большой Каменный, или Чукоцкий, нос есть, без всякого сомнения, мыс Дежнева, а не какой-либо иной. В самом деле, два острова против «Носа» — это острова Диомида. Зубатые чукчи — это эскимосы, которые прежде на островах Диомида носили в прорезах нижней губы украшения из моржового зуба, камня, кости. Ношение таких втулок, или labret, как их называют американские авторы, или колюжин, по терминологии наших этнографов, и доселе распространено среди аляскинских эскимосов, но у эскимосов азиатских[2] и островов Гвоздева и св. Лаврентия обычай этот в настоящее время, как свидетельствуют

[1] Гамель. Англичане в России, II, стр. 219.

[2] Азиатские эскимосы живут в настоящее время по азиатскому берегу Берингова моря от м. Дежнева и вплоть до района южнее устья р. Анадыря, между 66 и 64° с. ш. В 1926 г. небольшое количество эскимосов переселилось на остров Врангеля. В 1932 г. азиатских эски-

Нельсон и Богораз, исчез и вообще повсюду выводится по мере соприкосновения с белыми. Однако на американских берегах Берингова пролива еще в 1877—1881 годах, когда здесь производил исследования Нельсон, это украшение было весьма распространено. Носят втулки здесь только мужчины, но к югу от реки Кускоквима и женщины. Протыкают нижнюю губу близ углов рта и вставляют втулки в виде

Рис. 8. Мыс Дежнева (фотография Л. А. Портенко).

округлых бляшек или зубьев или запонок и т. д., иногда размерами до 90 мм (на берегах Берингова пролива 35—50 мм). Тяжелые каменные втулки оттягивают вниз нижнюю губу, обнажая зубы и десны. Иногда их на время еды удаляют.[1] Чукчи, которые никогда не носят и не носили подобных украшений, прозвали из-за этого эскимосов островов Диомида, а также противолежащего берега Америки, ротастыми (йыкыргаулыт), а русские назвали зубатыми. Мы увидим далее, что

мосов было 1370—1380 человек (Е. П. Орлова. Азиатские эскимосы. Изв. Географ. общ., 1941, № 2, стр. 202, 209).

[1] E. Nelson. XVIII Ann. Rep. Bureau Amer. Ethnology, 1899, p. 44—50, табл. XXII. — Коцебу (стр. 107), бывший на мысе принца Уэльского в июле 1816 года, сообщает про здешних эскимосов, что „в губах они носят моржевые кости".

«зубатые чукчи» упоминаются неоднократно в описаниях области Берингова пролива.

«Становье в виде башен» из кости китовой, о котором упоминает Дежнев, это остовы чукотских подземных или, точнее, полуподземных жилищ, сделанные из ребер и челюстей кита.[1] Теперь чукчи в таких сооружениях не живут, устраивая жилища более легкого типа.

Далее, Дежнев говорит, что возле упомянутого становья по западную сторону мыса, впадает в море речка. Близ селения Увелен (на карте Уэллен), расположенного на берегу Ледовитого моря, в трех милях к западу от мыса Дежнева, имеется лагуна, принимающая много пресной воды и соединяющаяся с морем узким протоком.[2] Этот проток мог быть принят за речку. А кроме того в 1912 году, в 15 милях к западу от м. Дежнева открыта довольно большая река, доступная в устье для судов средней величины. Местность при устье этой реки называется чукчами Сеймун.[3]

Оглоблин (1. с., стр. 268—269) считает Большой Каменный нос за Чукотский мыс, лежащий под 64°15′ с. ш. Это неверно потому, что на всем пути Дежнева впереди Шелагского мыса самый приметный и самый высокий мыс — это есть мыс Дежнева, и, по впечатлению, какое он производит на мореплавателя, он далеко оставляет за собою невзрачный Чукотский мыс. Кроме того, мыс Дежнева еще потому заслуживает особого упоминания, что на траверзе его впервые приходится резко менять курс: до мыса Дежнева судно, идущее с Колымы в Берингово море, держит курс на юго-восток, а от мыса Дежнева поворачивает на юго-запад. Это именно и имеет в виду Дежнев, когда говорит, что нос лежит «промеж сивер на полуношник» (т. е. между севером и северо-востоком) и что «нос поворотит, кругом к Онандыре реке подлегло». Миллер,[4] Врангель[5] и Шокальский[6] считают Большой Каменный нос за мыс Восточный, или Дежнева. Между тем, почтенный исто-

---

[1] В. Иохельсон. Древние и современные подземные жилища племен сев.-вост. Азии и сев.-зап. Америки. Ежегодн. Русск. антроп. общ., II, СПб., 1908, стр. 37—42.

[2] См. Лоцию Берингова моря, 1909, стр. 286, и Дополн., 1912, стр. 47—48. Так же Н. Ф. Каллиников. Наш крайний северо-восток. СПб., 1912, прилож. к вып. 34 Записок по гидрографии, стр. 18.

[3] М. П. Битте. Матерьялы для лоции Северного Ледовитого океана и устья р. Колымы. Записки по гидрограф., XXXVI, 1913, стр. 278.

[4] Миллер. Сочин. и перев., 1758, янв., стр. 11. Большой Чукоцкой Нос Миллера есть мыс Дежнева; см. об этом ниже.

[5] Ф. фон Врангель. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820—24 гг. Часть I, СПб., 1841, стр. 12—13.

[6] Ю. М. Шокальский. Семен Дежнев и открытие Берингова пролива. Изв. Руск. геогр. общ., XXXIV, 1898, стр. 498.

рик Сибири П. Словцов,[1] отрицая правдивость рассказа Дежнева, принимает, что стычка с чукчами происходила или при Чаунской губе, или при мысе Шелагском, «где тоже есть два острова, подле Кекурнаго мыса; от того или другого места сражения Дежнев с товарищи мог в 10 недель добраться до залива Креста». Словцову следует и Гольдер.

Между тем, против Шелагского мыса нет никаких островов; острова (Аион и Раутан) лежат с правой руки (если итти от Колымы). Не может быть сомнения в том, что Шелагский мыс есть «первой Святой нос от Колымы» Дежнева.

Отметим теперь некоторые другие неточности и ошибки Оглоблина. Только-что мы говорили, что он считает Б. Каменный нос за Чукотский нос. Но при этом он полагает, что его Чукотский нос есть Чукотский нос Миллера. Между тем, это ошибка. Большой Чукоцкой нос Миллера есть именно тот мыс, который мы теперь называем мысом Дежнева. Название Чукотский нос ведет свое происхождение от самого Дежнева (см. выше), а Миллер следует в своем приурочении рассказу Дежнева, карте Шестакова (о которой будет сказано ниже) и сведениям Павлуцкого.[2] Беринг на своей карте 1730 года[3] назвал Чукотским тот мыс, который находится против острова Лаврентия, но Миллер при описании первого путешествия в соответственном месте[4] совсем не приводит этого крайне неудачного названия.[5]

[1] П. А. Словцов. Историческое обозрение Сибири. Том I. 1838, стр. 105; 2-е изд. СПб., 1886, стр. 58; т. II, изд. 1886, стр. X.

[2] Миллер. Сочин. и перев., 1758, ч. I, стр. 7, 196, 394, 408; ч. II, стр. 404. См. также карту, изданную особо, 1758.

[3] Копию ее см. в брошюре Л. С. Багрова. Карты Азиатск. России. СПб., 1914, стр. 19.

[4] Миллер. Сочин. и перев., 1758, ч. I, стр. 392.

[5] Название Чукоцкий мыс, как мы сказали, встречается на карте Беринга 1730 г. В судовом журнале бота „Гавриил", выписки из коего опубликовал Литке (l. c., 1835, стр. 233—235), названия этого нет, но для южной части берега, соответствующей северному входу в Анадырский залив, приводится широта 64° 20′ (см. также стр. 216 у Литке). На этой широте судно Беринга 10 августа 1728 г. лавировало у берега, который сначала идет на восток, а затем заворачивает к северу. Поблизости Беринг имел 8 августа встречу с чукчами, отчего и дал рассматриваемому мысу название Чукотского, не имея, повидимому, в виду отожествлять его с крайней восточной оконечностью Азии. По крайней мере в своем „Донесении об экспедиции к восточным берегам Сибири" (напечатано в Записках Военно-топогр. депо, часть X, 1847, стр. 69—79) Беринг, отметив, что он 15 августа 1728 г. достиг 67°18′ с. ш., сообщает: „земля более к Северу не простирается, а к *Чюкоцкому* или к *Восточному углу* земли никакой неподошло и возвратился" (стр. 76). В помещенном здесь же „Каталоге городам и знатным местам" приводится *Чукоцкой угол к Осту* — 64° 25′ с. ш. (стр. 77), а для места встречи с чукчами выше (стр. 76) указывается 64° 30′ (Литке, стр. 235, полагает, что свидание с чукчами могло быть или у мыса Якан, или у мыса Чиныг-ан). Для того мыса, который теперь называют Чукотским и для которого

Плавание Беринга в проливе его имени в 1728 году изображено Оглоблиным (стр. 272—277) совершенно неправильно. Здесь все сплошь неверно.

Наконец, несправедливо мнение Оглоблина (стр. 270—272, 279), что плавание Дежнева было вскоре забыто и сибирскими властями, и высшей администрацией и что о подвиге его ничего не было известно до Миллера (1758, точнее 1737, как указано выше, стр. 27). Мы увидим далее, что это далеко не так.

Необоснованные сомнения Гольдера

Переходим теперь к попыткам Гольдера опорочить отчет Дежнева.[1]

1. Дежнев дважды говорит, что Большой Каменный нос находится «в далеком расстоянии» от Анадырской губы, а затем, по мнению Гольдера,[2] сам себе противоречит, утверждая, будто «от носа до Онандыри реки трои суток, а боле нет».

На самом деле никакого противоречия здесь нет. Как известно, понятия далеко и близко — есть понятия относительные. Полемизируя с Стадухиным и доказывая, что тот не мог дойти морем до «корги», Дежнев говорит, что от Каменного Носу до корги далеко. Описывая же свое собственное плавание, он указывает время, в какое, по его мнению, можно пройти от Носа до Анадыря «добрым побегом», т. е. при благоприятных условиях, и определяет этот срок в трое суток. И, действительно, указанное расстояние, равное 460 милям, при скорости судна в 6 узлов в час, может быть пройдено в трое суток. Придираться к словам Дежнева здесь не приходится, ибо его, начиная от мыса Дежнева и вплоть до высадки на берег, все время преследовала жестокая непогода.

2. Другое противоречие видит Гольдер[4] в том, что, по Дежневу, от Большого Каменного носу до устья Анадыря

Беринг дает широту один раз 64° 20′, другой 64° 25′, Литке (стр. 216) указывает 64°16′, а Кук (l. c., p. 343) 64°13′. Кук тоже отмечает (p. 338), что восточный мыс Азии есть Чукотский нос, а тот мыс, который Беринг назвал этим именем, лежит к юго-западу. Отметим еще, что определения широт, сделанные Куком, не очень сильно разнятся (принимая, конечно, во внимание тогдашнее несовершенство методов) от определений Беринга, что подтверждает сам Кук (p. 343). Это может служить полным опровержением всех соображений Оглоблина (см. ниже) по поводу плавания Беринга.

[1] Недоверие Гольдера разделяет также рецензент его книги J. F. B[addley] в Geographical Journal, XLVII, 1916, p. 469. Заметим, что Гольдер по большей части повторяет возражения Словцова.

[2] Golder, p. 78; ср. Словцов, т. I, изд. 1886, стр. 59.

[3] Лоция Берингова моря, 1909, стр. 398.

[4] Golder, p. 78—81; ср. также Словцов, l. c., стр. 59.

побегу морем не более трех суток, и вместе с тем не более времени займет и сухопутное путешествие: «and it would take no more time to go by land, because the Anaduir falls in to the sea».

Указывая на это противоречие, — мнимое, как мы сейчас покажем, — Словцов, выпустивший свой труд в 1838 году, мог основываться только на тексте Миллера, который в данном месте неточно передает слова Дежнева. Именно, Миллер в «Сочинениях и Переводах», 1758, январь, стр. 12, говорит: «От помянутого (т. е. Чукоцкого) носу до реки Анадыря можно поспеть способным ветром на коче в трои сутки, да и сухим путем расстояние будет не далее, потому что река Анадырь впала в губу». Между тем в подлинной отписке Дежнева, опубликованной в 1851 году,[1] мы читаем: «А доброго побегу от носа до Онандыри реки трои сутки, а боле нет, а итти от берегу до реки недале, потому что река Анадырь пала в губу».

Это нечто совсем иное, чем у Миллера и Гольдера. Три дня ходу пешком не от Носу до Анадыря, а от берега моря (от «корги») до устья Анадыря, ибо река впала в губу (а не прямо в море). Действительно от Русской кошки («корги»), отделяющей Анадырский лиман (или губу) от Анадырского залива, и до устья реки Анадыря по-суху километров 80—100. Таким образом, и здесь противоречие отпадает.

3. Гольдер спрашивает, каким образом Дежневу могло понадобиться десять дней на то, чтобы дойти от места крушения (куда?), между тем как от мыса Дежнева до Анадыря всего три дня ходу.[3]

Мы только-что показали, что, по Дежневу, вовсе не три дня сухопутного хода с Носа до Анадыря. Но если бы даже и так, то все возражение Словцова и Гольдера есть результат непонимания текста. После 20 сентября, когда наши мореходцы были в Беринговом проливе, начались бури, их унесло далеко на юг и выбросило на берег к югу от Анадыря, так далеко, что до устья реки им пришлось итти десять недель. Что же тут невероятного? Была уже поздняя осень, даже зима по здешнему климату, дороги Дежнев и его товарищи не знали: «сами пути себе не знаем, — говорит он, — холодны и голодны, наги и босы». В найденной Оглоблиным челобитной Дежнева 1662 года совершенно определенно говорится:

[1] Дополнения к Актам историч., IV, стр. 26.

[2] См. П. И. Полевой. Анадырский край. Часть I. Труды Геолог. ком., вып. 140, 1915, стр. 44, карта.

[3] Golder, p. 81. Срав. Словцов, стр. 58. прим.: „когда 3 дня ходу от носа до Анадыра, с чего Дежнев после боя шатается 10 недель, чтобы добраться до реки?"

«прошед Анандырское устье, судом Божиим те наши все кочи море разбило».[1]

4. Гольдер ставит в упрек Дежневу даже то, что ему не удалось, после кораблекрушения в Беринговом проливе, сразу достичь устья Анадыря![2]

5. Из слов Дежнева: в 1648 году, «месяца сентября в 20 день, идучи с Ковымы реки морем, на пристанище торгового человека Федота Алексеева Чухочьи люди на драке ранили» Гольдер (p. 81) делает заключение, что 20 сентября Дежнев был недалеко от Колымы и, следовательно, к 1 октября, когда он потерпел крушение, он не мог достичь мыса Дежнева, а тем более Анадыря. Но из отчета Дежнева совсем не следует, чтобы 20 сентября он был недалеко от Колымы. Напротив, совершенно очевидно, что 20 сентября Дежнев был по близости Большого Каменного носа. На берег же выкинуло наших мореплавателей не 1 октября, а после 1 (11) октября («носило меня Семейку по морю после Покрова Богородицы»).

6. «Против того ж носу на островах живут люди, называют их зубатыми».[3] На это Гольдер (p. 81—82) возражает, что острова Диомида не лежат против мыса Дежнева и расположены так далеко от мыса, что с моря, во всяком случае, нельзя видеть, какие украшения носят жители. Описание Дежнева и его товарищей подходит более к мысу Шелагскому, против которого есть два острова. Если же принять, что он высаживался на островах, то придется согласиться с тем, что 1) Дежнев зря тратил дорогое время, 2) что он не держался ближе к материку, где именно он и мог бы найти реку.[4]

Взгляд на карту сейчас же показывает нам, что, плывя с Колымы на Анадырь, судно имеет против мыса Дежнева на створе архипелаг Диомида, но против мыса Шелагского, как мы уже говорили, никаких островов на створе нет. Высаживался ли Дежнев на островах Диомида или нет, — мы этого не знаем, но Дежнев и Семенов определенно говорят, что они «тех зубатых людей на острову видели». Нет ничего невероятного в том, что, налившись водой на западной стороне Большого Каменного носа, где «вышла речка», Дежнев приблизился к островам Диомида и или высаживался здесь

[1] Оглобин, стр. 265, 303. Ср. также стр. 281.

[2] „Ankudinof's kotsh was wrecked on the cape and the survivors were taken on board the other boats and the voyage continued, and yet the party did not come any nearer to the Anaduir, but was wrecked miles and miles from the river" (p. 81).

[3] Дополнения к Актам историч., IV, стр. 21.

[4] Golder, p. 81—82.

на берег, или встретился с эскимосскими байдарами, как это неоднократно случалось и другим мореплавателям.

7. В отписке 1655 года Дежнев говорит, что он потерпел крушение, по толкованию Гольдера (p. 85, 282), «на переднем конце Анадыря» (on the forward end of the Anaduir), а в 1662 году он пишет, что его выкинуло на берег против устья Анадыря. Не зная, как истолковать эти сообщения, американский автор принимает, что здесь на самом деле говорится не об Анадыре, а о какой-то другой реке — возможно об одной из впадающих в Чаунскую губу, оттуда Дежнев сухопутьем пробрался на Анадырь.

Между тем, выражение «выбросило на берег в передний конец за Анадырь реку» вовсе не значит «на переднем конце Анадыря», а означает то же самое, что «прошед Анадырское устье». Передним концом Дежнев называет свое плавание к югу от устья Анадыря, подразумевая, очевидно, под «задним концом» обратный сухопутный поход к устью той же реки. Если бы Дежнев, действительно, потерпел крушение у Чаунской губы, то ему самое благоразумное было бы итти обратно домой, на запад в Нижнеколымск. Ибо время было позднее, около половины октября, и итти зимою через горы совершенным безумием. Путь от Чаунской губы до Маркова на Анадыре, прежде обычный, но потом заброшенный, прошел в 1909 году Каллиников на собаках, но путешествие стоило больших трудов и потребовало более трех недель.[1]

8. Выйдя 20 июня с Колымы, Дежнев все равно не имел на Анадырь, не зная дороги, без собак или оленей, было бы бы, говорит Гольдер (p. 86), времени, чтобы достичь морем Анадыря; один переход от низовьев Колымы до берега моря занял бы целый месяц, ибо река вскрывается гораздо ранее моря. Все это совершенно опровергается новейшими плаваниями. Так, в 1912 году Колыма у устья очистилась ото льда 15 июня нового стиля; когда очистилось здесь море у берегов, мне неизвестно, но 1 июля льды в море были видны лишь на горизонте.[2] Наиболее благоприятным временем для плавания от устья Колымы до Берингова пролива являются август и сентябрь (нового стиля), в общем около двух месяцев,[3] но иногда плавание возможно уже с начала июля, как было в 1648 году. Таким образом, времени, чтобы достичь Анадыря, было достаточно.

Вот и все существенное, что можно было извлечь из возражений американского автора. Мы видим, что они ни в малейшей степени не могут поколебать нашей уверенности в пра-

[1] Каллиников, стр. 33.

[2] Зап. по гидрогр., XXXVI, 1913, стр. 286—287.

[3] Дополнения к IV части Лоции сев.-зап. части Вост. ок. СПб., 1912, стр. 83—84.

воте Дежнева. Он, действительно, первый из европейцев прошел по Берингову проливу.

Остается еще одно соображение Гольдера: это полная безрезультатность плавания Дежнева для современников и для следующих поколений, которые не знали ни о нем самом, ни о его морском походе, пока Миллер не открыл Дежнева в 1736 году.[1] Так ли это на самом деле, об этом мы скажем в следующей главе.

V. СВЕДЕНИЯ XVII ВЕКА О СЕВЕРО-ВОСТОКЕ АЗИИ

Чертеж Сибирской земли XVII века

В 1667 году, по указу царя Алексея Михайловича и по распоряжению тобольского воеводы Петра Годунова, составлен в Тобольске «Чертеж Сибирския земли», бывший ранее известным по шведским копиям, а в 1914 году найденный Л. С. Багровым[2] в рукописной русской копии («список печатнаго подлинного чертежа») в одном из атласов Ремезова. На этой карте или, вернее, чертеже, восток Сибири омывается морем, в которое впадают реки Лена, Камчатка и Амур. Путь по морю из устья Лены в устье Амура совершенно свободен. В объяснительной записке к этому чертежу 1667 года, под названием «Чертеж всей Сибири, збиранный в Тобольске по указу царя Алексея Михайловича»,[3] никаких данных о морских путешествиях из Колымы на восток нет. Но во всяком случае, данные о реке Камчатке, нанесенной на чертеже, могли получиться только в результате походов Дежнева, Стадухина и их преемников на Анадыре.

В 1672 году чертеж 1667 года вышел новым, исправленным изданием.[4] Здесь контуры Сибири таковы же, что и на чертеже 1667 года, но в море, омывающее с востока Сибирь, впадают Алазея, Колыма (с Блудной) и Амур. Реки Камчатки на чертеже нет. В объяснительной записке к чертежу или «Списке с чертежа Сибирския земли»[5] имеются сведения

[1] Golder, p. 88.

[2] Л. С. Багров. Карты Азиатской России. Петроград, 1914, стр. 11. Уменьшенная копия есть также в „Атласе Азиатской России", изд. Переселенческим управлением. СПб., 1914, стр. 1.

[3] Напечатан в книге: А. Титов. Сибирь в XVII веке. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М., 1890, стр. 25—28. Здесь же приложена копия чертежа 1667 г. с шведской копии, сделанной в 1669 г. Прютцем (Prütz). Шведская копия, сделанная Кронеманом, воспроизведена у Кордта (Материалы по истории русской картографии. 2-я серия, вып. 1, Киев, 1906, табл. XXII).

[4] Л. Багров, там же, стр. 13 (копия), также Атлас Азиатск. России, стр. 2.

[5] Напечатан у Титова, стр. 41—54.

об интересующем нас пути, но довольно обивчивые: «А Амурским морем в Китайское царство ходу нет для того, что лежит камень кругом всея земли, от Мангазейского моря[1] и до Амурского и тот камень протянулся в море, и около его обойти никто не может для того, что льды великие притискают и ростирают. А взойти на него человеку не возможно, а есть проход в Китайское царство» (стр. 49). Здесь впервые мы встречаем указание на «камень» (хребет), которого обойти никто не может и который с тех пор появляется на многих отечественных и иностранных картах, изображающих северо-восток Сибири. Этот «необходимый» камень или нос, как он именуется в позднейших источниках, есть то Шелагский мыс, остановивший Стадухина в 1649 году,[2] то Чукотский полуостров. Повидимому, автор чертежа 1672 года представлял себе, что пройти из Мангазейского (т. е. Ледовитого) моря в Амурское (т. е. в Тихий океан) нельзя только из-за льдов: на чертеже 1672 года (как и на чертеже 1667 г.) никакой преграды на пути между Колымой и Амуром нет. То же подтверждается дальнейшим текстом «Списка» (стр. 53—54): «А от усть Колымы реки и кругом земли мимо устей рек Ковычи[3]

---

[1] *Мангазея* — название острога на р. Тазе, Мангазейская земля — страна по Тазу, Пуру и до Енисея, Мангазейское море — Северное Ледовитое в пределах Западной Сибири. См.: Д. Анучин. Город Мангазея и Мангазейская земля. „Землеведение", 1903, № 4, стр. 35—46.

[2] Мы знаем определенно, что Стадухин посылал в Якутск подробное описание пройденных им стран, а также чертежи. В отписке якутскому воеводе от 1 марта 1658 г. Стадухин сообщает (Дополнения к Актам историч., IV, 1851, стр. 122), что им отправлены „книги и чертеж земли и рекам". Речь идет об Анадыре, Гижиге, Тауе. То же делал и Дежнев: в своей отписке 1655 г. он упоминает про „той реки Анандыре чертеж с Онюя реки и за Камень на вершину Анандыру и которые реки впали большие и малые и до моря и до той корги, где вылягает зверь" (Дополнения, IV, стр. 22).

[3] Миллер (Сочин. и перев., 1758, янв., стр. 15) сообщает, что в 1644 г. Стадухин узнал в Нижнеколымске о большой реке Погыче, или Ковыче, впадающей в море за рекою Колымою „с лишком три дни ходу по тому морю способным ветром". В 1649 г., как мы уже указывали, Стадухин вышел на двух кочах из устья Колымы, чтобы найти р. Погычу. Он шел семь суток на парусах, но никакой реки не видал. „Тогда, — говорит Миллер (стр. 16), — известно учинилось, что Погыча есть та же самая река, которая называется Анадырем". Но это неверно. *Погыча*, или *Похача*, или *Покача* (точнее, *Покач*) есть река, впадающая в Берингово море к западу от мыса Олюторского или Ананнон. Она некогда славилась соболями, что и привлекало сюда колымчан (см. Bogoras. Chukchee, p. 683). Об этой же реке Ковыче упоминается в „Описании новыя земли, сиречь Сибирского царства", которое известно по рукописям конца XVII столетия. Здесь говорится: „И от Байкала моря пошел пояс камень великой и не проходной позаде Лены реки, а пошел тот камень далече в море-океан на 500 поприщ, и для того с Лены морем в Китайское государство и в великую реку Амуру проходу и проезду нет. Из того ж камени к лесной стороне в государской державе много рек

и Нанаборы[1] и Илын[2] и Дури[3] до каменной преграды, как бывает, что льды перепустят, и до того камени парусом добегают в одно лето, а как льды не пустят и по 3 года доходят. А через тот камень ходу день: а как на него человек взойдет, и он оба моря видит — Ленское и Амурское; а перешед через камень, приходят на реку Анадыр и тут промышляют кость рыбью.[4] А на той земли живут Гилянские люди;[5] а противо устья Камчатки реки вышел из моря столп каменной, высок без меры, а на нем никто не бывал.[6] А которые реки в гиляндской земли, и тем рекам имена подписаны. А в реке Анадыру есть два волока к реке Ламу[7] да на реку Блудную; а Лама река пала в Амурское море, а Блудная пала в Колыму реку, а Колыма в Ленское море; а меж рек Нанаборы и Ковычи протянулся в море нос каменный, и тот нос на-силу обходят».[8]

пало: Даура, Блудная, Улья, Ковыча, Колыма, Алазея, Индигирка, Тача, Пиянная, Блудная, Хромая. Яна, Омолоха, Оленек, Волоковая, Анабара, Волок река ж" (Титов, l. c., стр. 88; также: Сибирские летописи, изд. Археограф. комиссии, СПб., 1907, стр. 388—389).

[1] Нанабора — это очевидно, не Анабара, как полагает Титов (указатель, стр. II), а Анадырь. Правда, Анадырь упоминается далее в правильной транскрипции, но несомненно здесь текст составлен по двум источникам. Отметим, что на карте Исбрантс Идеса 1704 года Анадырь значится под именем *Анаборы* (Anabora).

[2] Р. Улья, впадающая в Охотское море. При устье ее в 1639 г. заложено ясачное зимовье. Здесь провел зиму 1645/46 г. Поярков на возвратном пути с Амура в Якутск.

[3] Даура? На карте Витсена 1687 г. в Тихий океан впадают с севера: Tschundim, Daura, Anadira, Tsudona, Kamtzetna (Камчатка), Pensia (Пенжина), Todui, Towui (Тауй), Lama и пр.; кроме того, в бассейне Шилки, в Даурии, есть еще Daoere. Как бы то ни было, реки под названием Даура на самом деле нет. О Дауре см. М. П. Алексеев. Сибирь в известиях зап.-европ. путешественников. II, Иркутск, 1936, стр. 33.

[4] Моржовые клыки.

[5] Гиляки.

[6] Мыс Столбовой на восточном берегу Камчатки.

[7] Река *Лама* есть та же *Охота*, что указано на 23-й карте Ремезова. Охотское море прежде называлось Лама или Ламским от тунгусского *ламу* — море.

[8] О том же сообщали русские уполномоченные иезуитам во время переговоров, повелших к заключению с Китаем Нерчинского договора 1689 г.: „московиты нам прибавили, что они обошли берега морей Ледовитого и Восточного и что они повсюду нашли море, кроме одного места, протянувшегося на северо-восток, где имеется горная цепь, сильно выдвинувшаяся в море. Они не могли дойти до оконечности этих гор, которые недостижимы" (inaccessibles). Автор этой статьи, патер Жербильон, полагает, что если Азия где-нибудь соединяется с Америкой, то именно в этом месте, и во всяком случае здесь расстояние между Азией и Америкой не должно быть велико (Gerbillon in J. B. du Halde. Description... de la Chine, IV, Paris, 1735, p. 57). С этим небезинтересно сопоставить то, что говорит Исаак Масса в своем „Кратком описании путей... в Сибирь", напечатанном в Амстердаме в 1612 г.: „Америка соединяется около Китая с какой-нибудь из трех частей старого мира, подобно тому как

Представления о топографии северо-восточной Азии у автора этого отрывка весьма сбивчивы. Но из последних слов его мы во всяком случае можем заключить, что Каменный нос, хотя «на-силу», но все же обходят.

Тут мы видим влияние двух источников, одного — утверждающего о существовании «необходимого» носа на пути с Колымы на Анадырь, другого — возможно, дежневского, говорящего о трудном, но все же проходимом пути.

Сказание о великой реке Амуре

Русский посланец в Китай Николай Спафарий, по возвращении в Москву из своего путешествия 1677—1678 годов, представил труд под заглавием «Описание первыя части вселенныя, именуемой Азия, в ней же состоит Китайское государство». Одна из глав этого Описания носит название «Сказание о великой реки Амуре, которая разгранила русское селение с Китайцы».[1] Здесь сообщается следующее:

«А в той Гилянской земле впали реки в море: 1) Лама, 2) Охота, 3) Тавуй, 4) Тодуй,[2] 5) Пенжин, 6) Камчатка, а против той Камчатки столб каменной высок гораздо, 7) река Чулдан,[3] 8) Анадырь. А Амурским морем в Китайское царство проходу пределан путь каменем, будто стеною и объехать нельзя, льды не пропускают; а есть проход в Китайское государство с другую сторону. А на вышеописанных реках Русские люди бывают и промышляют рыбью кость. А река Анадырь течет из камени; а тот камень возмется от Байкальской пучины и до моря, и в моря прошел такожде стеною, а конца никто не знает, объехать нельзя, потому что льды не пропускают. А через тот камень поперег ходу пешему день, и с него оба моря по обе стороны видят с верху. От того камени до реки Колымы бегают парусами на кочах одним летом; а как льды не пропустят, и в то время ходят года по два, по три и больши. А вверху той Анадыри реки чрез тот камень есть волок на Блудную реку: Блудная пала в Колыму реку, и те места край и конец Сибирской земли».[4]

Африка соединяется с Азией узким перешейком около Красного моря" (М. П. Алексеев. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей, т. I, XIII—XVII вв., Иркутск, 1932, стр. 261).

[1] Эта глава напечатана у А. Титова. Сибирь в XVII веке. М., 1890. — На принадлежность ее Спафарию впервые указал Ю. В. Арсеньев в Изв. Геогр. общ., XVIII, 1882, стр. 245—254.

[2] *Годуй* — есть, повидимому, тот же Тауй (*Тавуй*, у Ремезова на картах 19 и 23 *Товуй*).

[3] На карте Г. Миллера Nouvelle carte des decouvertes faites par des vaisseaux russiens..., 1758 река Tschendon нанесена на месте нынешней реки Гижиги. Название этой реки в памятниках имеет варианты: Чулдан, Чундон, Чудон, Чендон. См. также Миллер. Сочин. и перев. . ., 1758, янв., стр. 18.

[4] Титов, l. c., стр. 109—110.

Повидимому, автор «Сказания» представлял себе северо-восток Азии в виде длинного гористого мыса, который нельзя обойти из-за льдов. Но, очевидно, у него не было сомнения в том, что моря, куда впадают Лена и Амур, соединяются. Вот что он говорит далее: «А от устья Лены реки и до устья Амура реки морем плавать нельзя для того, что по морю ходят льды великие, да и вышепоименованную каменную гору, которая идет от Байкала и до моря далеко, обходить нельзя же, льдами разбивает, как ветер бывает и льды, и краями великими зашатаются; и пустится по морю шум и вал великой, что никоими мерами не возможно друг от друга голосу слышать» (стр. 112).

«История Сибири» Крижанича.

Совершенно определенные, не оставляющие никакого сомнения, данные по интересующему нас вопросу можно найти у Крижанича.

Уроженец Хорватии, католический патер, Юрий Крижанич приехал в Москву в 1659 году, в 1661 году был отправлен за интриги в ссылку в Тобольск, в 1676 году прощен. В 1680 году он написал любопытную записку о Сибири под названием Historia de Sibiria.[1] Здесь он сообщает следующие сведения (стр. 158, 214):

«Было и другое сомнение: соединено ли Ледовитое море с Восточным, омывающим с востока Сибирь, затем южнее области Даурию и Никанию[2] и наконец царство Китайское; или же моря эти, то есть, Ледовитое море и Восточное, или Китайское, отделены друг от друга каким-нибудь материком, простирающимся от Сибири на восток? Сомнение это в самое последнее время было разрешено воинами Ленской и Нерчинской области: они, собирая с туземцев дань, прошли всю эту страну до самого океана и утверждают, что к востоку нет никакой твердой земли и что сказанные моря ничем друг от друга не отделены, но что Сибирь, Даурия, Никания и Китай (или Сина) с востока омываются одним сплошным океаном.

На вопрос же некоторых, могут ли корабли от гавани св. Михаила Архангела,[3] или же от устья реки Оби и города Березова, плывя беспрерывно около берегов Сибири, Даурии и Никании, приплыть к Китаю, упомянутые воины отвечали, что в Ледовитом море лед никогда не тает вполне, но в течении всего лета по водам плавают в большом количестве

[1] Напечатана по-латыни и в русском переводе у Титова, l. c., стр. 117—160 и (перевод) 161—216.

[2] Никания — это южные провинции Китая, которые в середине XVII в. вели борьбу с новой, маньчжурской династией, завладевшей Пекином.

[3] Архангельск.

громные глыбы льда, сталкиваясь между собою; поэтому глыбы эти (особенно при сильном ветре) могут уничтожить какое угодно судно».

Эти сведения, полученные Крижаничем в Тобольске между 1661 и 1676 годами, не могут относиться ни к чему другому кроме плавания Дежнева 1648 года, хотя Крижанич имени последнего не называет и изображает дело так, как будто вопрос мог быть разрешен в XVII веке исследованиями с суши.

Свидетельство Крижанича может служить опровержением весьма распространенного взгляда, будто в Сибири ничего не было известно о плаваниях с устья Колымы на Анадырь.[1] Неизвестно было только имя Дежнева, но о походе его хорошо знали и, как увидим ниже, рассказывали о нем даже Берингу.

Витсен

В 1687 году в Амстердаме вышла карта амстердамского бургомистра Н. Витсена «Nieuwe Lantkaarte van het Noorder en Ooster deel van Asia en Europa».[2] В предисловии и в тексте своего известного труда Noord en Oost Tartarye, вышедшего в 1692 году,[3] Витсен говорит, что он пользовался чертежом 1667 года и, очевидно, объяснительной запиской к нему. Но, несомненно, в его руках был и список 1672 года, а также некоторые из других, упомянутых нами выше, рукописных описаний Сибири XVII века.

Рассмотрение карты Витсена показывает следующее. Общее очертание северо-восточной Азии очень напоминает то, что мы видим на чертежах Сибири 1667 и 1672 годов. На месте Чукотской земли нанесен длинный и узкий полуостров, направляющийся на северо-восток и названный Seres Kamen ofte Over de Klip, т. е. «Серес (через?) Камень или над каменным рифом»;[4] у северной оконечности обозначено Nebehodimy nos ofte Onmeydelyke hoek, т. е. «Необходимый нос», название, как мы видели, встречающееся и в Списке 1672 года. Это первое картографическое изображение «Необходимого носа». У того же полуострова надписано: Is Caep Het uyt Eyndt van dit Hooft is onbekendt, т. е. «ледяной мыс, конец

[1] Миллер, l. c. 1758, стр. 7—8; Golder. 1914, p. 88, 91.

[2] Экземпляр этой карты, составляющий громадную редкость, имеется в Публичной библиотеке в Ленинграде. В 1897 г. она переиздана в Амстердаме в натуральную величину (издатель F. Müller, текст составил F. G. Kramp). Все надписи этой карты перепечатаны целиком в полезной книге G. Cahen. Les cartes de la Sibérie au XVIII-e siècle. Nouv. Arch. des missions scientifiques et littéraires. Nouv. série. Fasc. 1, Paris, 1911, p. 61—76.

[3] К этой книге карта 1687 года не приложена.

[4] Cahen, l. c., p. 62, полагает, что на самом деле это значит Сердце-Камень (?).

которого неизвестен». В Тихий океан (Oceanus Orientalis) впадают реки Анадырь, Камчатка (Kartzanki sive Kamtzetna), Пенжина (Perschon sive Pensia), Тодуй, Товуй, Лама, Улья (Uliam), Охота и др. Здесь мы видим ясное влияние Списка. Очевидно, у Витсена был не один картографический и литературный источник, а несколько, о чем можно судить по вариантам, например Anadira, Anadim, Anadwar. Северный Ледовитый океан (Oceanus Septentrionalis) разделяется на две части: к западу от Лены Mare Tartaricum olim Mare Glaciale ofte de Mangesche See (т. е. Мангазейское море, — название, которое, как мы видели, встречается в объяснительных записках к чертежам 1667 и 1672 годов), к востоку от Лены — De Zee Lenskogo (Ленское море; взято непосредственно с русского, в родительном падеже). Вдоль берега Тихого океана с севера на юг указаны следующие народы: чукчи (Tzuktzi), чуванцы (Tzuwanci — племя, жившее между чукчами и юкагирами, ныне почти исчезнувшее; остатки его живут по верхнему Анадырю и Пенжине), ходынцы (Chodinci — это один из чуванских родов; они помещены на Анадыре), далее Xuxi (повидимому, те же чукчи, но в другой транскрипции), коряки, Korieki (кереки? одно из коряцких племен), тауйцы (Towuy, обитатели бассейна Тауя; один из тунгусских родов (?); «Товуйская земля» указывается и на картах Ремезова, и именно на берегу Тихого океана, южнее ламутов), наконец — тунгусы.

В 1706 году G. Delisle выпустил в Париже Carte de Tartarie, составленную главным образом по Витсену с добавлениями по Идесу. Карта эта пользовалась большим распространением в начале XVIII века. У северо-восточной оконечности Азии изображен знаменитый узкий полуостров («Нос»), на котором расположена цепь гор с надписью «Noss chaine de Montagnes»; тут же надпись, получившая громадное значение в истории исследований северо-востока Азии: «On ne sait pas ou se termine cette chaine de montagnes, et si elle ne va pas joindre quelque autre Continent», т. е. «неизвестно, где кончается эта горная цепь и не соединяется ли она с каким-либо другим материком» — вопрос, занимавший еще Жербильона и на который Крижанич уже дал вполне определенный отрицательный ответ. В Сибири в это время прекрасно было известно, что с Колымы на Камчатку можно пройти морем, но авторитет Делиля, «первого королевского географа», заставлял в этом сомневаться. В 1725 году в Амстердаме вышло сочинение Вебера (Weber), Nouveaux Mémoires sur l'état présent de la Grande Russie ou Moscovie, с картой, представляющей копию карты Делиля (1706) с очень небольшими дополнениями и исправлениями. У северо-восточного конца Азии мы видим тот же «Нос», но он снабжен зна-

менательной припиской: Chaine de montagnes qui se joignent a ce qu'on croit au continent de l'Amerique», т. е. «Горная цепь, которая соединяется с тем, что считают за материк Америки».

Атлас Ремезова

Влияние чертежей Сибири 1667 и 1672 годов ясно сказывается и на Атласе Ремезова, законченном в Тобольске в 1701 году. Контуры северо-восточной Азии повторяют очертание чертежей и следуют тексту к ним. Так, на листе 21-м, озаглавленном «Чертеж всех Сибирских градов и земель» и составленном в Москве в 1698 году,[1] к востоку от Лены, впадающей в Ледовитое море, изображен узкий и длинный хребет-мыс, далеко вдающийся в море. Но Яна, Колыма и другие реки впадают в Тихий океан, и путь от устья Колымы к Анадырю, а также к рекам Камчатке и Амуру, по морю совершенно свободен. На листе 17-м, носящем название «Чертеж земли Якуцкого города», между рекой Колымой и Люторой (т. е. Олюторой) в море вдается небольшой полуостров, на коем написано: «живут люди, неясанные», а над этим: «Нос непроходимой надет с вершины Анадырской в море а конца у него не ведают, а живут на том носу иноземцы многие неясан[ные] коряки и чюкчи». Это, таким образом, изображение Чукотского полуострова.

Последняя, 23-я карта Ремезовского Атласа весьма замечательна. Нося название «Чертеж и сходство наличие земель всей Сибири», она представляет собою первую этнографическую карту этой страны. Как указывает Ремезов, карта эта составлена в Тобольске 8 июня 1673 года по поручению митрополита сибирского и тобольского Корнилия. Здесь к востоку от Лены видим длинный и узкий полуостров, на котором написано: «Камень конца не имат». На восточном берегу Сибири, считая с севера, живут Чюкчи, Коряки, Камчадалы, Ламуты, Гиляки.

Карта Страленберга

После полтавской битвы был взят в плен шведский офицер Филипп Табберт, впоследствии на родине получивший фамилию Страленберга. Пробыв в Сибири 13 лет (1709—1722), он много здесь путешествовал (между прочим — с Мессершмидтом) и слышал не мало об открытиях русских в северо-

[1] См.: Чертежная книга Сибири Семена Ремезова. СПб., 1882, изд. Археограф. комиссии. Лист 21-й воспроизведен также в „Атласе Азиатской России", СПб., 1914, изд. Переселенч. упр., лист № 3, и, наконец, Л. С. Багровым в брошюре: Карты Азиатской России. 1914

восточной Азии. Интересуясь географией, он в 1715 году составил в Тобольске карту Сибири, но она была у него украдена. Другую, переработанную, у него отнял в 1718 году кн. Гагарин. Наконец, по заключении Ништадского мира, Страленберг поднес Петру Великому в Москве составленную в третий раз карту Сибири.[1] Вернувшись на родину, он опубликовал в 1730 году карту Российской империи в приложении к своему труду «О севере и востоке Европы и Азии».[2] На карте, носящей название «Nova Descriptio Geographica Tattariae Magnae ... una cum Delineatione totius Imperii Russici imprimis Sibiriae accurate ostensa», мы видим против устья Индигирки надпись: «отсюда русские, пересекая море, загроможденное льдом, который северным ветром пригоняет к берегу, а южным отгоняет обратно, достигли с громадным трудом и опасностью для жизни области Камчатки».

Карта Страленберга, основанная, как мы сказали, на сведениях, собранных в Сибири в 1709—1722 годах, является лучшим опровержением мнения Оглоблина и Гольдера о полной неизвестности плавания в Сибири Дежнева. Но еще до опубликования карты Страленберга 1730 года, собранные им о Сибири данные получили распространение заграницей, и на двух картах, вышедших в Голландии в 1726 и 1727 годах, мы уже встречаем указания на плавания русских вокруг северо-восточной оконечности Азии (об этом будет подробнее сказано ниже).

Как мы увидим далее, в 1711 году чукчи в области мыса Дежнева говорили Попову, что к ним и раньше ходили русские морем на кочах.

Свидетельства Беринга и Крашенинникова

Что в Сибири хорошо было известно о возможности пройти морем с Колымы на Анадырь, об этом свидетельствует сам Беринг. В одном из своих представлений, поданных из Енисейска летом 1725 года, т. е. еще на пути к Тихому океану, он писал: «Ежели б определено было итти с устья Колымы до Анадыра, где пройти всемерно возможно, о чем новые Азийские карты свидетельствуют, и жители сказывают, что прежь сего сим путем хаживали, то могло б быть исполнено желаемое [т. е., разрешение вопроса о том, соеди-

[1] П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I, СПб., 1862, стр. 354—355.

[2] Ph. Strahlenberg. Das Nord- und Ostliche Teil von Europa und Asia. Stockholm, 1730, с картой. О своих картах 1715 и 1718 гг. Страленберг упоминает на стр. 10.

няется ли Азия с Америкой] с меньшим коштом» (т. е., скорее, чем через Охотск и Камчатку).[1]

Крашенинников, бывший на Камчатке в 1737—1741 годах, рассказывает следующее:[2]

«Кто перьвой из Российских людей был на Камчатке, о том не имею достоверного свидетельства; а по словесным известиям приписывается сие некакому торговому человеку Федоту Алексееву, по которого имени впадающая в Камчатку Никул речка Федотовщиною называется: будто он пошел из устья реки Ковымы Ледовитым морем в семи кочах, будто погодою отнесен от других кочей и занесен на Камчатку, где он и зимовал со своим кочем; а на другое лето обошед Курильскую лопатку [т. е. мыс Лопатку] дошел Пежинским морем до реки Тигиля, и от тамошних Коряк убит зимою со всеми товарищи, к которому убивству аки бы они причину сами подали, когда один из них другого зарезал: ибо Коряки, которые по огненному их оружию выше смертных почитали, видя что и они умирать могут, не пожелали иметь у себя гостей толь страшных».[3]

Доходили ли на самом деле спутники Алексеева до реки Камчатки или нет, трудно сказать,[4] но характерно, что на Камчатке сохранилось предание о походе Дежнева.

Из предыдущего мы можем сделать следующие выводы.

Достоверность сообщений Дежнева не подлежит никакому сомнению. Она подтверждается, помимо данных, вытекающих из разбора описания Дежнева, еще 1) чертежами 1667 и 1672 годов, 2) словами Крижанича 1680 года, 3) свидетельством карты Страленберга 1730 года, основанной на сведениях 1709—1722 годов, 4) сообщением Беринга из Енисейска 1725 года, 5) словами чукоч, сказанными на Чукотском носу (т. е., в области мыса Дежнева) в 1711 году Попову, о чем

---

[1] А. С. Полонский. Первая Камчатская экспедиция Беринга 1725—29 года. Зап. Гидрогр. департ., VIII, 1850, стр. 548—549. — По словам Вебера (Weber. Das veränderte Russland. III, Hannover, 1740, p. 158), Берингу „тамошние“ (т. е., повидимому, камчатские) жители передавали, что за шестьдесят (на самом деле — за восемьдесят) лет до того прошло с „Лены“ судно на Камчатку. О том же, такими же словами, что и Вебер, передает Ж.-Н. Делиль (De l'Isle. Erklärung der Charte von den Neuen Entdeckungen welche gegen Norden des Süder-Meers . . . gemacht worden sind. Berlin, 1753, p. 14).

[2] С. Крашенинников. Описание Земли Камчатки. СПб., II, 1755, стр. 190. Ср. также ниже, стр. 58—59.

[3] Ср. также Г. Миллер. Сочин. и перев., 1758, чив., стр. 18—21 (рассказывается как предание камчадалов. Вероятно, со слов Крашенинникова). — G. W. Steller. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka. Frankfurt und Leipzig, 1774, p. 222—223. — Дополн. к Акт. истор., IV, № 7, стр. 27.

[4] Известие о плавании Алексеева кругом Камчатки вплоть до р. Тигиля (на западном берегу) неправдоподобно.

будет сказано ниже, 6) рассказами чукоч, которые передает Линденау (см. ниже).

Но оба берега Берингова пролива и острова Гвоздева были впервые осмотрены Федоровым и Гвоздевым в 1732 году.

VI. БОЛЬШАЯ ЗЕМЛЯ — АМЕРИКА

Дежневу, как мы видели, удалось в 1648 году впервые обогнуть северо-восточную оконечность Азии с запада, и то же повторил в 1728 году Беринг с востока. Заслуга Дежнева огромна, и никто не может отрицать, что мысу Восточному с полным правом присвоено имя славного русского мореходца. Но ни отважному якутскому казаку, ни осторожному главе камчатской экспедиции нельзя, по справедливости, приписать честь открытия пролива, названного впоследствии Беринговым, ибо ни Дежнев, ни Беринг берегов американского материка не видели. Обычно принимают, что Берингов пролив впервые описан Куком в 1778 году. Однако нужно заметить, что русским о существовании пролива, т. е. земли (материка) за мысом Дежнева, было известно задолго до Кука. И имелось даже специальное название для Америки, именно Большая Земля. Как мы увидим ниже, за несколько десятилетий до Кука существовали основанные на съемках русские карты, на которых были нанесены оба берега пролива.

Сведения Мусина-Пушкина

У образованных русских людей конца XVII века уже зародилась мысль, что от области низовьев Колымы не так далеко до Америки. В 1686 году посетил Москву французский иезуит Филипп Авриль. Здесь окольничий Иван Алексеевич Мусин-Пушкин («Mouchim-Pouchkim») сообщил Аврилю некоторые сведения о Сибири. У путешественника шел с воеводой разговор на тему, откуда произошло население Америки. И вот каков был взгляд Мусина-Пушкина.[1] При устье Колымы («Kawoina» — Ковыма) есть большой населенный остров, замечательный охотою на моржа (Авриль, который, очевидно, никогда ранее не слыхал об этом животном, вместо моржа называет здесь бегемота!). Жители этих стран, выезжающие на лов с семействами, могли быть занесены на льдинах до северной оконечности Америки, «которая не очень удалена от этой части Азии, прилегающей к Татарскому

[1] Ph. Avril. Voyage en divers états d'Europe et d'Asie, entrepris pour découvrir un nouveau chemin à la Chine. Paris, 1692, 4°, p. 210—11. Также: Сведения о Сибири и пути в Китай, собранные миссионером Ф. Авриллем в Москве, в 1686 году. Русский Вестник, изд. Н. И. Греча, 1842 № 4, отдел II, стр. 98—99.

морю». Американцы, обитающие по берегам, близким к Азии, своим обликом очень похожи на тех островных жителей, которые занимаются боем моржа. Далее воевода прибавил, что на американском берегу находят многих животных, которые водятся также и в Московии, особенно бобров. Животные эти могли попасть в Америку по льду.

Такова гипотеза Мусина-Пушкина. Как бы ни относиться к ней, но все же очевидно, что рассказчик, которого Авриль аттестует в качестве одного из умнейших людей, каких он только видал, совершенно ясно представлял себе, что северо-восточные берега Азии близко подходят к Америке. Характер сведений, какими обладал Мусин-Пушкин об этой последней стране, именно нахождение там бобров и сходство жителей с обитателями Азии, показывает, что он черпал из первоисточника — возможно, из дел Сибирского приказа. «Остров» против устья Колымы — это Медвежьи острова, о которых мы еще будем иметь случай говорить.

Сведения Атласова

Первые более определенные сведения о Большой Земле принес, насколько мне известно, пятидесятник Владимир Атласов, назначенный в 1695 году приказчиком на Анадырь. В бытность в Москве он в феврале 1701 года дал в Сибирском приказе между прочим следующее показание:[1]

«А меж Колымы и Анандыря реки необходимой нос, которой впал в море, и по левой стороне того носу на море летом бывают льды, а зимою то море стоит мерзло, а по другую сторону того носу весною льды бывают, а летом не бывают. А на том необходимом носу он Володимер не бывал. А тутошние инородцы чюкчи, которые живут около того носу и на устье Анандыря реки, сказывали, что против того необходимого носу есть остров, а с того острову зимою как море замерзнет приходят иноземцы, говорят своим языком и приносят соболи худые, подобно зверю хорьку, и тех соболей соболя с три он Володимер видел. А хвосты у тех соболей длиною в четверть аршина, с полосами поперечными черными и красными».

Извлечение из сообщений Атласова впервые опубликовал в 1730 году Страленберг,[2] приводящий, однако, некоторые подробности, отсутствующие в «скаске» Атласова, записанной в Москве. Именно, у шведского автора мы читаем, что между устьями Колымы и Анадыря есть двойной нос, назы-

[1] Н. Оглоблин. Две „скаски" Вл. Атласова об открытии Камчатки. Чтения в Общ. ист. и древн. Росс., Москва, 1891, кн. 3, отд. I, стр. 12.

[2] Strahlenberg, l. c., p. 432—433.

ваемый Шалагским и Анадырским. Против Анадырского носа есть большой остров и т. д. Шалагский нос это не что иное, как «необходимый» нос, или Чукотский полуостров; Анадырский нос — это мыс при входе в Анадырский залив (так называемый «Чукотский нос» современных карт). Подробности об изображении Большой Земли на карте Страленберга (1730) мы приведем немного погодя, сперва же сообщим те сведения, которые могли служить для нее источником.

Сведения Попова

Г. Миллер, в бытность свою в Якутске в 1736 году, нашел в тамошних архивах между прочим следующие данные.

В 1710 году якутский воевода Дорофей Траурнихт, по поручению стольника кн. В. И. Гагарина (племянника кн. М. П. Гагарина), собирал в Якутске сведения об островах против устья реки Колымы и земли Камчатки, «какие в оных живут люди, и под чьим владением, чем питаются, и сколь те острова велики, и много ль морем от материка расстояния».[1] Между прочим, Траурнихт приказал пятидесятнику Матвею Скребыкину, который посылался приказчиком в Анадырский острог, проведать о чукотском народе и о стране, тем народом обитаемой. Скребыкин, исполняя поручение, донес, что в сентябре 1711 года он допрашивал в анадырском остроге[2] якутского служилого человека Петра Попова, промышленного человека Егора Толдина и новокрещенного юкагира Ивана Терешкина, которые сообщили ему следующее.[3] В январе 1711 года Попов с двумя спутниками, служившими ему толмачами, спустился в устье Анадыря для сбора ясака с чукоч; согласно предписанию, пошел «в Нос» (т. е., к области мыса Дежнева), где ему надлежало проведывать немирных чукоч, постараться «ласкою и приветом» привлечь их к платежу ясака и взять у них аманатов (заложников). Вместе с тем Попову «велено присматриваться подлинно: на чем у тех Чукочь меж собою по их вере в подлинном договоре верная твердость, и по каким они местам живут, по каменям [т. е. в горах], или подле моря, оленные или пешие, и чем они кормятся и не значатся ли из того Носу какие в море острова; и если какие острова значатся, и про те островы спрашивать у тех Носовых Чукочь: есть ли какие на тех островах люди и звери, и какое они у себя имеют богатство. И присмотря и проведая о всем, велено ему Петру записывать в книгу

[1] Миллер. Сочин. и перев., 1758, ч. I, стр. 104.

[2] Анадырский острог заложен на Анадыре в 1649 г. Дежневым близ того места, где теперь с. Марково. Упразднен в 1764 г.

[3] Миллер. Там же, стр. 200—202. Показание Петра Попова с копии, снятой Миллером, напечатано полностью в Памятниках сибирской истории XVIII века. Книга I (1700—13). СПб., 1882, стр. 456—459.

имянно, и той их Чюкоцкой земле написать чертеж и тот чертеж за рукою подать в Анадырском остроге в судной избе».[1] Первая задача, объясачить носовых чукоч, Попову не удалась; жившие на Носу немирные чукчи объявили ему: «и прежде сего русские люди у них чукоч кочами морем бывали [очевидно, намек на плавание Дежнева], и в то де время они чукчи им русским никакого ясаку не платили, и ныне платить не будем, и детей своих в аманаты не дадим». Если бы у нас и были какие-нибудь сомнения в том, что Дежнев обогнул северо-восток Азии, то слова чукоч с полной определенностью подтверждают факт его плавания.

Есть и другое свидетельство, говорящее о том, что Попов правильно передал слова чукоч. Переводчик Камчатской экспедиции Я. И. Линденау в своем «Описании о Чукоцкой земли, где она имеетца»,[2] составленном в Охотском крае в марте 1742 года, рассказывает следующее: У Чукотского носа есть острова, с которых видна Большая Земля. Чукчи через русских людей узнали заподлинно, что «лет за семьдесят или более» 12 кочей с русскими из Среднеколымска прошли частью на Камчатку, а частью, из-за бурной погоды, пристали «к тому острову, которой Большею землею называетца»; здесь русские яко бы поженились на обитательницах Большой Земли. В этом рассказе, приукрашенном фантастическими подробностями, имеется в виду, несомненно, поход Дежнева.

Возвращаемся к показанию Попова. Другую, географическую часть поручения Попов выполнил с полным успехом. Приводим полностью его весьма важные сообщения («Памятники сиб. ист.», I, стр. 458—459):

«По их вере, в подлинном договоре меж собою у них Чюкочь твердость дают порукою солнце.

Оленные Чюкчи в Носу живут по каменям, ради оленных своих табунов кочуют по разным местам. А пешие Чюкчи[3] по обе стороны Носу живут по коргам подле море, в земляных юртах, где коротает морж. А кормятца они Чюкчи, оленные и пешие, промышляют по каменям и по рекам диких оленей[4] и морскими китами, моржем, белугою, нерпами, кореннем и травою.[5]

---

[1] Памятники сиб. ист., I, стр. 457.

[2] Изв. Геогр. общ., 1940, № 2, стр. 156.

[3] Теперь их называют сидячими или морскими.

[4] Как чукчи охотятся за дикими оленями, когда те переплывают реки, можно прочитать у W. Bogoras. The Chukchee. Jesup North Pacific Expediton, vol. VII, Leiden and New York, 1904—1909, p. 132—136, или Г. Майдель. Путешествие по сев.-вост. части Якутской обл. в 1868—70 гг. Зап. Акад. Наук, LXXIV, прил. № 3, 1894, стр. 200—204.

[5] О пище чукоч ср. Bogoras, l. c., p. 193—199; Каллиников, стр. 90—93, 99—101.

Против того Анандырского Носу с обоих сторон с Ковымского моря[1] и с Анандырского[2] есть де значитца остров[3] и про тот остров подлинно ему Петру с товарищи сказывали Носовые Чюхчи Макачкины с родниками: есть де на том острову люди зубатые,[4] а веры де и иной всякой обыкности и языку не их Чюкоцкова, особый, и из давных де лет и поныне у них Носовых Чюкочь с теми островными людьми меж собою немирно, ходят друг на друга с боем; а бой де у тех островных людей лучной и у Чюкочь такой же. И он Петр с товарищи тех островных людей у них Чюкочь взятых в полону видал человек с 10. А зубы у тех людей, кроме природных, есть вставливаные моржевого зубья маленькие кости, подле природные, в щеках.[5] А с того де Носу на тот остров летним временем в байдарах веслами перебегают одним днем, а зимою на оленях на легке переезжают одним же днем. И есть де на том острове всякой зверь, соболи и куницы и лисицы всякие, и песцы, и волки, и розсомаки, и медведи белые, и морские бобры, и держат де у себя великие табуны оленей.[6] А кормятца де они морскими зверями и ягодами и кореньем и травою. И всякой на том острову есть де лес: кедр,[7] сосна, ельник, пихтовник, листвяк. И тот островной лес он Петр с товарищи у них Чюкочь в байдарах и в ветках[8] и в юртах видели. А живут де они островные люди собою також, что де и они Чюкчи; и начальных де людей никого у них нет. А в Носу зверя, кроме лисиц красных[9] и волков, иного никакого нет, и того малое число, для того, что зверю быть в том Носу не у чего, лесу никакова нет. А по смете Носовых оленных и пеших Чюкочь лушников с 2000 и больше, кроме Анадырских решных, а решных человек с 50 и больше.[10]

---

[1] Ковымское, или Колымское, море есть Северное Ледовитое море.

[2] Анандырское, или Анадырское, море это Берингово.

[3] Америка, см. ниже.

[4] Эскимосы, см. выше, стр. 28—29.

[5] Приведем здесь соображения проницательного С. Крашенинникова (Описание Земли Камчатки, I, 1755, стр. 126): „Народ, который живет на островах около Чукотского носа, и имеет с Чукчами обхождение, с сими людьми [т. е. жителями Америки] конечно одного роду: ибо и у оного вставливать кости за красу почитается".

[6] Это неверно: эскимосы домашних оленей не держали; разведением оленей в Аляске стали заниматься только с 1891 года.

[7] Кедра в Аляске нет.

[8] Ветками в Сибири называют легкие лодки из бересты или из трех досок, годные только для одного человека. Обычно у чукоч в употреблении лодки из моржовой кожи. О ветках см. Г. Майдель, стр. 202, 521.

[9] Здешняя лисица есть подвид обыкновенной; она носит название Vulpes vulpes anadyrensis Allen 1903.

[10] Количество всех чукоч (не одних только носовых), мужчин, женщин и детей, Богораз (1934, стр. 17) исчисляет к 1901 г. в 12 тысяч; из них четверть сидячие, остальные оленные. Такое же число дает и пере-

Островных де людей, применяясь он же Макачкин и островные люди, которые у них Чюкочь в полону, сказывали ему Петру с товарищи: есть де их при них Чюкчах втрое, и он де Макачкин на том острове бывал по многие годы в походах, и называют они Чюкчи тот остров болшею землею. А из Анадырского острогу ход до самого Носу прямою землею через Белую реку [1] на Матколь [2] аргышами [3] на оленях недель с 10 и больше, если пурги нет, а Матколь чюкоцким названием камень есть, подле большую губу, в середнем Култуске».[4]

Мы имеем здесь совершенно определенное указание на материк Америки, обитаемый зубатыми людьми, т. е. эскимосами. Эти последние действительно раньше подвергались нападениям как со стороны островных эскимосов, так и азиатских.[5] Но в этих набегах участвовали и сидячие чукчи, как рассказывает Попов.[6]

Отметим весьма точное обозначение американских эскимосов, как народа сидячего: они, действительно, домашних оленей не держали.

Приведя вышеупомянутый рассказ чукоч, Миллер (стр. 204) в конце сообщает с их же слов два известия, которые он называет «баснословными», именно: «На упомянутой земле [т. е., на Большой Земле] будто есть люди, которые имеют хвосты псовым подобные, говорят языком особым, часто между собою воюются, веры никакой не знают, платье носят такоеж соболье, лисье и оленье, и питаются морскими зверями и дикими оленями». Основанием для этого рассказа о хвостатых людях могло служить следующее. Эскимосы по нижнему Кускоквиму и к северу от него нередко носят платья из шкурок сурков (Marmota caligata) и сусликов (или «евраш-

---

нись 1897 года. См. С. Патканов. О приросте инородческого населения Сибири, СПб., 1911, стр. 126, изд. Акад. Наук. Перепись 1926—1927 гг. указывает количество чукоч в 12 331.

[1] Левый приток Анадыря.

[2] Это, очевидно, Матачингай — высшая точка Чукотского полуострова, лежащая в вершине залива Креста и по своей высоте (2625 м, согласно определению Литке) весьма приметная: окружающие возвышенности не превосходят 450—600 м.

[3] С грузом.

[4] Култуск — это опечатка, вм. култук. Култуком в Сибири, на Каспийском и Аральском морях зовут залив. Слово тюркского корня (култук = залив).

[5] E. W. Nelson. The Eskimo about Bering Strait. XVIII Ann. Rep. Bureau Amer. Ethnology, 1899, p. 330.

[6] Это подтверждает и Bogoras, p. 53. Набеги чукоч на эскимосов продолжались вплоть до 90-х годов XVIII столетия (см. Вестн. Русск. геогр. общ., XVIII, 1856, стр. 20 отдела V), и Биллингс видел у чукоч „одну американскую пленницу" (там же). О набегах чукоч на „американцев" говорит и Сарычев, посетивший Чукотскую землю в 1791 г. (Путеш., II, стр. 108).

ков», Citellus parryi), украшенные хвостами этих животных.[1] Между Юконом и Кускоквимом эскимосы делают шапки из цельной шкурки песца, свешивая хвост животного вниз.[2] Малемуты и другие носят на поясе сзади волчий или росомаший хвост.[3]

Другой «баснословный» рассказ чукоч таков: «Да на той же земле яко бы есть и такие люди, у коих ноги подобны вороновым, и кожа на ногах такая же, и зимою обуви никакой не носят; а язык у них особой». Поводом к этому рассказу могло служить почитание, каким окружают аляскинские эскимосы ворона. Тотем ворона, в виде ноги этой птицы с тремя пальцами, весьма часто изображается на самых разнообразных предметах: на вооружении, платье, на деревянных вещах домашнего обихода, даже (у одного эскимосского мальчика в бухте Провидения, т. е. на азиатском берегу) в виде татуировки на лбу. Обычно охотник, принадлежащий к «племени ворона», носит в своем колчане пару ног ворона.[4]

Хотя вышеприведенные данные Попова (1711) и чукоч (1718) извлечены Миллером из Якутского архива лишь в 1736 году, но подобного рода сведения всегда служили предметом живого интереса со стороны сибиряков и быстро распространялись устно со слов промышленников, жадных до новых земель, богатых пушным зверем: а на Большой Земле, как ходили слухи, «соболей и лисиц превеликое множество».

Карта Страленберга

Возвращаемся к карте Страленберга.[5]

К востоку от устья Колымы изображен длинный и узкий полуостров (очень похожий на тот, что к востоку от Лены у Ремезова),населенный чукчами (Tzuckzi) и оканчивающийся мысом Noss Tszalatskoi, т. е. Шелагским;[6] сведение о мысе Ше-

[1] Nelson, p. 32; Загоскин, II, стр. 20.
[2] Nelson, p. 33, фиг. 3.
[3] Загоскин, II, стр. 22.
[4] Nelson, p. 324—325, фиг. 114—116.
[5] Кроме книги Страленберга, карту эту можно найти в копии у A. Nordenskiöld. Periplus. Stockholm, 1897, табл. 38. Надписи же все перепечатаны у G. Cahen, l. c., p. 178—191.
[6] В тексте это название пишется Tschalatskoi. Шелагский мыс (Ерри) получил свое наименование от вымершего ныне народа шалагов. О них первые сведения принес, как мы видели, Атласов, впервые сообщивший о Шелагском мысе. Г. Миллер (Сочин. и перев., 1758, февр., стр. 113) рассказывает со слов Ивана Вилегина (1723) о „шелагах, которые суть род чукчей". Упоминавшийся нами выше Линденау говорит: „Пешие чукчи живут [1742] для ловления белых медведев около Шалагинского носа, который тако называетца, потому что около тамошнего места живали народы, именуемые *шалагинские*". (Изв. Геогр. общ., 1940, № 2, стр. 156).

лагском Страленберг, как мы видели, заимствовал у Атласова. Далее идет Terra Tzuckza, Чукотская Земля, у южного конца коей мыс Noss Anadirskoi alias Caput Patientiae — Анадырский нос или мыс Терпения.[1] К востоку от Чукотской Земли, отделенный от нее широким проливом, нанесен большой, удлиненный остров, изображающий, очевидно, Америку; на нем надпись: «живущие на этом острове люди отличаются от обитателей материка языком и нравами; материковые жители их называют Puchochotski или Pogukotzki; последние ведут войну с гюхегами (cum Giuchiegis)». Между этим большим островом и материком Азии нанесено несколько мелких островов, у которых подпись: «обитатели этих островов называются Giuchegy или Giuchetzi». Эти последние есть, очевидно, не что иное, как эскимосское название киги, которое относится, однако, не к обитателям островов Гвоздева, а к материку Америки: азиатские эскимосы называют мыс принца Уэльского, а также находящееся там эскимосское поселение, Киги, а обитателей этого селения кихми; от этих имен происходит чукот-

---

Стало быть, шалаги в первой половине XVIII века уже не существовали. Ф. Врангелю (Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820—24 гг. Часть II, СПб., 1841, стр. 289) на Шелагском мысу один старик чукча выдавал себя за потомка „древних *шелагов*, или, как чукчи обыкновенно называют, *чаванов*; от имени сего народа река и залив получили название *чаванских* или *чаунских*". Другие чукотские названия этого народа, приводимые Врангелем (II, стр. 332), *чауджан* и *чавача*. В заливе Лаврентия один старик в 1821 г. рассказывал Шишмареву (Сведения в чукчах 1821 г. Зап. Гидрогр. департ., X, 1852, стр. 191), что Шелагский нос называется *Чавака*; „народы, живущие около м. Чавака, называются *чавакы*". Чавак — это эскимосское произношение чукотского *чаван*, ср.: река Чаван (Чаан) или Чаун, впадающая в Чаунский залив. Таким образом, возможно, что народ *чаачен*, о котором говорят чукчи, есть не что иное, как шалаги. Ср. об этом также Богораз, l. c., 1934, стр. 6—7, 45 (который, однако, полагает, что *чаачен* и *шалаги* разные народы; но, по-моему, неправильно). Аргентов (Северная земля. Зап. Геогр. общ., 1861, кн. II, исслед. и мат., стр. 1—34), много лет проживший на Колыме в качестве священника, говорит, что колымские русские признают шелагов за чукоч, но, по мнению Аргентова (стр. 16), они принадлежат к юкагирам. Некогда шелаги, которых также называют *омоками*, жили на берегу Ледовитого моря, главным образом по нижнему течению рек Яны, Индигирки, Б. Чукочьей (которая и получила от русских это название по шелагам), Колымы, а также по Омолону и двум Анюям. Чукчи называют шелагов *чавач*, *чавачы*. На Шелагском мысу чукчи рассказывали Аргентову, что шелаги враждовали с ними, были побеждены и удалились к северу, за море. Как указывает И. Вдовин (Изв. Геогр. общ., 1944, № 5, стр. 251), *чуванцы* — это юкагирское племя, кочевавшее в XVII столетии в бассейнах р. Чауна и верхнего Анадыря. Дежнев впервые в 1655 г. упоминает о них под именем *чуванзей*. Шелагский мыс Страленберга — есть мыс Дежнева.

[1] Сюда перенес Страленберг мыс Терпения, находящийся на восточном берегу Сахалина и открытый 27 или 28 июля 1643 г. голландцем Фризом на корабле Castricum!

ское название Америки — Кыымын, а обитателей ее — кыымылыт.[1]

Что представляют собою Puchochotski или Pogukotzki, трудно сказать с уверенностью. Может быть, это — «пухоходцы»,[2] название, которое русские могли прилагать к жителям острова Гвоздева за их обыкновение носить платье из птичьих шкурок. Об этом обычае свидетельствуют русские источники XVIII века,[3] а Нельсон [4] изображает даже эскимосское платье с островов Гвоздева, изготовленное из шкурок голубиного чистика (Cepphus columba, морская птица из семейства Alcidae) и опушенное сверху и снизу медвежьим и оленьим мехом.[5] Это же название — пухоходцы — на картах встречается вплоть до 1752 года, когда мы его находим, в форме Puchochotskes, на карте Ph. Buache: Carte des Nouvelles Découvertes entre la partie Orientale de l'Asie et l'Occidentale de l'Amerique... Paris, 1752.

Как мы указывали выше, Страленберг первоначальный набросок своей карты составил в Тобольске в 1718 году. Из Сибири он привез ее в Москву, и здесь ею пользовались иностранцы. Этим путем объясняется появление на западе карт, вышедших ранее опубликования труда Страленберга (1730) и заключающих собранные им сведения. Так, на анонимной карте, вышедшей в Лейдене в 1726 году под заглавием Carte nouvelle de l'Asie Septentrionale и приложенной к книге Histoire genealogique des Tatars traduite du manuscript Tartare d'Abulgasi-Bayadur-Chan..., Азия на северовостоке кончается мысом Suetoi nos (Святой Нос), около которого несколько островов и подпись: Les batimens Russes passent par icy pour aller a Kamtzchatskoy, т. е. русские суда проходят здесь на пути в Камчатку.[6] Затем в 1727 году в Амстердаме вышла тоже анонимная карта под названием La Russie asiatique tirée de la Carte donnée par ordre du feu Czar, приложенная к Recueil des Voiages au Nord, t. VIII. Как мы уже говорили, после Ништадского мира Страленберг поднес Петру

---

[1] В. Г. Богораз. Чукчи. I, Л., 1934, изд. Инст. народ. Севера, стр. 9.

[2] А может быть, это значит, что они носят платье из пушнины? Вообще, на объяснении, данном мною выше, я не настаиваю, предоставляя разрешение этого вопроса будущим исследователям.

[3] См. ниже, при описании карты Львова.

[4] Nelson, p. 34—35, табл. XVI.

[5] Впрочем надо отметить, что и материковые эскимосы с американских берегов Берингова пролива употребляют иногда на платье шкурки птиц: бакланов, люриков (Simorhynchus pusillus), кайр (Uria), гаг, уток, гусей и др. (Nelson, l. c., p. 31). Особенно же распространено было прежде платье из птичьих шкурок (ар, топорков, урилов и ипаток) среди алеутов.

[6] Страленберг в своей книге (p. 10) сам упоминает, что на этой карте 1726 г. использованы его данные.

Великому свою карту Сибири, и, вероятно, ее то и получил анонимный автор карты 1727 года; это доказывается и тем, что она очень похожа на вышеупомянутую карту 1726 года. Но заключает и кое-что новое. У северо-востока Азии имеется большой остров, на котором живут известные нам уже «пухоходцы» (Puchochotschi); о них надпись говорит, будто они платят русским дань пушниной и бобровыми мехами. А в проливе значится: Les Russes venants de la Lena et des autres Rivieres à l'Est de la Lena passent par ici avec leurs batiments pour aller négocier avec les Kamtschadahles, т. е. русские, плавающие из Лены и из других рек к востоку от Лены, проходят здесь на судах с целью вести торговлю с камчадалами.[1]

Таким образом, ко времени 1-й Камчатской экспедиции Беринга 1725—1729 годов не только в Сибири, но и в западной Европе было уже хорошо известно, что Азия не соединяется с Америкой. Данные о походе Дежнева 1648 года задолго до Миллера (1758) стали достоянием западноевропейской литературы и картографии. Петр тоже был знаком с картой Страленберга, но мысль о том, «не сошлася ль Америка с Азией», давно занимала его, и еще в 1719 году, отправляя геодезистов Евреинова и Лужина для исследования Курильских островов, он дал им между прочим поручение заняться и этим вопросом, прибавляя, что это «надлежит зело тщательно сделать». Однако Евреинову и Лужину удалось посетить только Курильские острова и Камчатку.

О том, какими сведениями по части северо-востока Азии обладали компетентные люди в России ко времени начала Берингова экспедиции (1725), можно судить по карте Сибири геодезиста Зиновьева, составленной в 1727 году. Она опубликована впервые французским ученым G. Cahen в 1911 году.[2] Карта эта изготовлена в Селенгинске по поручению дипломата Савы Владиславовича Рагузинского и его помощника комиссара Степана Колычова для надобностей при переговорах с Китаем, поведших к заключению Кяхтинского договора 1728 года. На северо-востоке Азия омывается морем, куда вдаются два мыса: Нос Шалацкой (Шелагский) и Нос Анадырской. К югу от последнего тянется полуостров Камчатка. Никаких островов, имеющих отношение к Америке, нет. Как бы то ни было, составители карты ясно представляли себе, что Азия на северо-востоке не соединяется ни с каким материком. Открытия Беринга в проливе его имени, конечно, не могли иметь влияния на эту карту, так как сделаны позднее (в августе 1728 года).

---

[1] Об этих картах см. Cahen, p. 154, 156.
[2] G. Cahen, l. c., p. 164.

VII. ОТКРЫТИЕ КАМЧАТКИ АТЛАСОВЫМ
1697—1699 гг.

Первые сведения о Камчатке[1]

Миллер[2] говорит, что «Земля Камчатка уже известна была в Якутске с 1690 году, токмо по единому слуху». Однако о Камчатке русские прослышали гораздо раньше, еще в середине XVII столетия, когда был занят бассейн Анадыря.

Наименование «Камчатка» встречается уже на чертеже Сибири Петра Годунова 1667 года, а в «Списке с чертежа 1672 года» говорится о реке Камчатке. Слово это перешло к русским через посредство коряков, как указал впервые еще Крашенинников (1755): кончал — это коряцкое название камчадалов (сами себя камчадалы зовут ительмен или «житель»), Кончат — есть долина реки Камчатки, а кончаток — значит «в долине Камчатки». Этнограф Е. П. Орлова, ряд лет прожившая на Камчатке, обратила мое внимание на то, что по-камчадальски кчамзалх значит человек. Крашенинников (II, стр. 139) приводит сходное слово того же значения: ушкамжа. Очевидно, термин Камчатка происходит от одного из самоназваний камчадалов или ительменов.

Исбранд Идес, ездивший в Китай в качестве русского посланника в 1693—1695 годах, упоминает о «городе Камчатке», близ которого «живут два народа, называемые чукчи и коряки».[3]

Камчадалы, коряки и чукчи (см. этнографическую карту, рис. 24), по языку, по материальной и духовной культуре и по физическому типу, весьма близки друг к другу и вместе с тем резко отличаются от всех других народов северной Азии. Напротив, целый ряд признаков сближает их с индейцами Северной Америки, от которых они отделены внедрившимся клином эскимосов, этнически совершенно чуждых и тем и другим. Язык камчадалов, как и коряков и чукоч, относится к тому же полисинтетическому типу, что и языки индейцев. Этнографы проводят границу между Азией и Америкой не по Берингову проливу, а по линии от устья Колымы до впадения Гижиги в Тихий океан.

Камчадалы, или ительмены в настоящее время сильно смешались с русскими. Перепись 1926 года отметила на камчатке 3400 камчадалов, но бóльшая часть их представляла собою помесь с русскими. Лишь в восьми поселках

---

[1] См. карту рис. 10.

[2] Ежемес. сочин., 1758, I, стр. 299.

[3] Древняя Российская вивлиофика, изд. Н. Новиковым, 2-е изд., ч. IX, 1789, стр. 447.

по западному берегу полуострова, в пределах современного Коряцкого национального округа, между селением Седанка на севере и Сопочным на юге сохранялся еще во время переписи камчадальский (ительменский) язык; им говорило 825 человек. Жители Седанки говорят на наречии, переходном к коряцкому языку. Кроме камчадальского языка, в указанных восьми селениях в ходу еще своеобразный русско-камчадальский жаргон. Наречия камчадалов, живших по реке Камчатке, а также тех, которые обитали раньше в южной части полуострова, к югу от реки Большой, совершенно исчезли и вытеснены русским языком.

Честь географического открытия Камчатки и первого этнографического описания камчадалов выпала на долю А т л а с о в а. Есть, правда, темные слухи, что Камчатка была впервые открыта спутниками Дежнева, обогнувшего в 1648 году северо-восток Азии.[1] На пути от Берингова пролива к Анадырю коч (судно) Федота Алексеева отнесло к югу. Через несколько лет после этого (1654) Дежнев, проведывая с Анадыря морские берега, где жили коряки, отгромил у них якутскую «бабу», бывшую раньше у Алексеева. Якутка рассказала, что Алексеев умер от цынги, а товарищи его частью побиты, частью ушли на лодках неизвестно куда.[2] Другие известия, сообщаемые Миллером, говорят, что часть людей Алексеева, следуя вдоль берега Камчатки к югу, достигла реки Камчатки, где построили зимовье. Во время похода Атласова 1697—1699 годов камчадалы передавали ему, что много лет тому назад при впадении реки Никулы или Федотовки в Камчатку жил некто Федотов (может быть, сын Федота Алексеева) с товарищами. Когда часть русских отправилась к Пенжинскому (т. е. Охотскому) морю, камчадалы и коряки истребили русских, которых они раньше считали за богов. Миллер говорит, что еще во время первой Камчатской экспедиции (1728—1729) на реке Федотовке, устье которой в 190 км ниже Верхнекамчатска, видны были остатки двух русских зимовий.[3] Крашенинников, бывший на Камчатке в 1737—1741 годах, тоже подтверждает, что, по «словесным известиям», первым русским на Камчатке был Федот Алексеев, «по которого имени впадающая в Камчатку Никул речка Федотовщиною называется».[4]

---

[1] Об этом уже упоминалось выше, стр. 47.

[2] Дополнения к Актам историч., IV, № 7.

[3] М и л л е р. Сочин. и перев., 1758, I, стр. 19—21.

[4] К р а ш е н и н н и к о в. Описание Земли Камчатки, II, 1755, стр. 190. Об этой речке, названной по имени некоего Федьки („Fetka"), упоминает и Стеллер (G. W. S t e l l e r. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka. Frankfurt und Leipzig, 1774, p. 222). Ср. также Н. Н. С т е п а н о в. „Советский Север", II, 1939, стр. 91.

Доходили ли на самом деле спутники Алексеева до р. Камчатки или нет, трудно сказать (Крашенинников думает, что сам Алексеев вряд ли доходил), но ничего невозможного здесь нет. Но зато, конечно, неправдоподобно известие, передаваемое по слухам Крашенинниковым, будто Алексеев обогнул всю Камчатку (кругом Лопатки) и на судах достиг реки Тигиля (на западном берегу).[1]

В августе 1695 года из Якутска послан в Анадырский острог приказчиком пятидесятник Владимир Атласов.[2] Атласов представляет собою личность совершенно исключительную. Человек малообразованный, он вместе с тем обладал недюжинным умом и большой наблюдательностью, и показания его, как увидим далее, заключают массу ценнейших этнографических и вообще географических данных. Ни один из сибирских землепроходцев XVII и начала XVIII веков, не исключая и самого Беринга, не дает таких содержательных отчетов. А о моральном облике Атласова можно судить по следующему. Пожалованный после покорения Камчатки (1697—1699) в награду казачьим головой и посланный снова на Камчатку для довершения своего предприятия, он, на пути из Москвы в Камчатку, решился на крайне продерзостное дело: будучи в августе 1701 года на реке Верхней Тунгуске, он разграбил следовавшие на судах купеческие товары. За это, несмотря на заслуги, был посажен, после пытки, в тюрьму, где просидел до 1707 года, когда прощен и снова отправлен приказчиком на Камчатку. Здесь, во время восстания казаков в 1711 году, убит.

После этого краткого биографического отступления возвращаемся к истории открытия Камчатки.[3]

В 1696 году из Анадырска был послан к корякам на реку

---

[1] В передаче Стеллера (l. c., p. 223) выходит, что русские попали на Тигиль за 10 лет до покорения Камчатки. Стеллер высказывает предположение, что русские прошли сухим путем с Анадыря на Пенжину, а отсюда морем на байдарах до Тигиля.

[2] О нем см. Н. Оглоблин. Новые данные о Владимире Атласове. Чтения в Общ. истории и древн. росс., Москва, 1888, кн. I, отд. 2, стр. 1—30.

[3] Показания Атласова, одно в Якутске 3 июня 1700 г., другое — в Москве, в Сибирском приказе, 10 февраля 1701 г., полностью, см. у: Н. Оглоблин. Две „скаски" Вл. Атласова об открытии Камчатки. Чтения в Общ. ист. и древн. росс., Москва, 1891, кн. 3, отд. I, стр. 1—18. Перепечатаны в издании: Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке. Л., 1935, изд. Инст. народов Севера, стр. 25—33. Подробное извлечение из показаний Атласова в Сибирском приказе напечатал впервые Ph. Strahlenberg в своей книге „Das Nord und Ostliche Teil von Europa und Asia", Stockholm, 1730, p. 431—438. Кроме того, сведения о походе Атласова можно найти у Крашенинникова (l. c.), Миллера (l. c.), Спасского (Вести. Русск. географ. общ., XXIV, 1857) и Сгибнева (Морской сборн., 1869, № 4).

Рис. 9. Карта Камчатки.

Опуку якутский казак Лука Морозко. Но он проник гораздо далее на юг, именно до реки Тигиля, за четыре дня пути не доходя до реки Камчатки.[1] Морозко взял камчадальский острожек и привез домой «не ведомо какие письма» — быть может, японские с разбившихся у берегов Камчатки японских судов.[2]

Поход Атласова

В начале 1697 года из Анадырска отправился и сам Атласов — для прииску новых землиц и приведения в подданство неясачных людей, для чего взял с собою 60 служилых и промышленных людей и 60 ясачных юкагиров. Пошли на оленях на Пенжину, прибыли сюда через 2½ недели и здесь собрали с пеших (т. е., оседлых, не имеющих оленей) коряков, которых было свыше трехсот душ, ясак красными лисицами.

Про здешних коряков Атласов сообщает, что ружье у них — луки и копье, начального человека они над собою не знают, а «слушают которой у них есть богатой мужик». Из товаров им надобны железо, ножи, топоры и пальмы (пальмы — это широкие железные ножи). Соболей в устье Пенжины нет. Местные коряки питаются рыбой, нерпой (тюленем) и «всяким зверем». Одежду и обувь носят оленью, а подошвы нерпичьи. Юрты у них ровдужные (из оленьих кож). Для промысла нерп и китов имеют большие байдары из нерпичьей кожи, длиной саженей шесть, поперек сажени полторы, садится на них человек по 30—40. Наружность коряков Атласов рисует так: «пустобородые, лицом русаковаты, ростом средние». Говорят своим языком, а «веры никакой нет, а есть у них их же братья шеманы — вышеманят, о чем им надобно: бьют в бубен и кричат».

В настоящее время южною границею распространения оседлых коряков на Камчатке является река Тигиль на западном берегу, Укинская губа и Карагинский остров на восточ-

---

[1] Миллер. Сочин. и перев., 1758, I, стр. 291—292. — С. Крашенинников. Описание Земли Камчатки. СПб., II, 1755, стр. 192. — И. Кирилов (Цветущее состояние Всероссийского государства ... собрано из подлиннейших Сенатских архивов в Феврале месяце 1727 года. М., 1831, II, стр. 100—101) говорит, что земля Камчатка сыскана анадырского острога служилым Морозкою Старицыным (очевидно, тем же Лукою Морозкою) «тому близ 30 лет» (т. е., в 1696 г.). Решив покорить Камчатку, Морозко вернулся на Анадырь, взял с собою В. Атласова, овладел на р. Камчатке двумя земляными городками и затем основал Нижнекамчатский город. Через два года Морозко был убит в стычке с камчадалами.

[2] По словам Словцова, Морозко нашел японские бумаги не в камчадальских, а в коряцких юртах. П. Словцов. Истор. обзор. Сибири, I, 1838, стр. 246 (2-е изд., 1886, стр. 135—136).

ном. Но кроме того кочевые коряки есть на западном берегу Камчатки, где они доходят до с. Белоголового, а в иные годы (около 1925 г.) южнее 55° с. ш.,[1] а частью и на восточном берегу (в Карагинском районе). В районе реки Тигиля коряки соприкасаются с камчадалами. По переписи 1926 года, на полуострове числилось около 3900 коряков; кроме того в прилегающих частях материка жило свыше 3½ тысяч коряков. Коряк на языке этого народа значит «оленный», сами же себя оленные коряки называют чаучу, что значит оленевод.

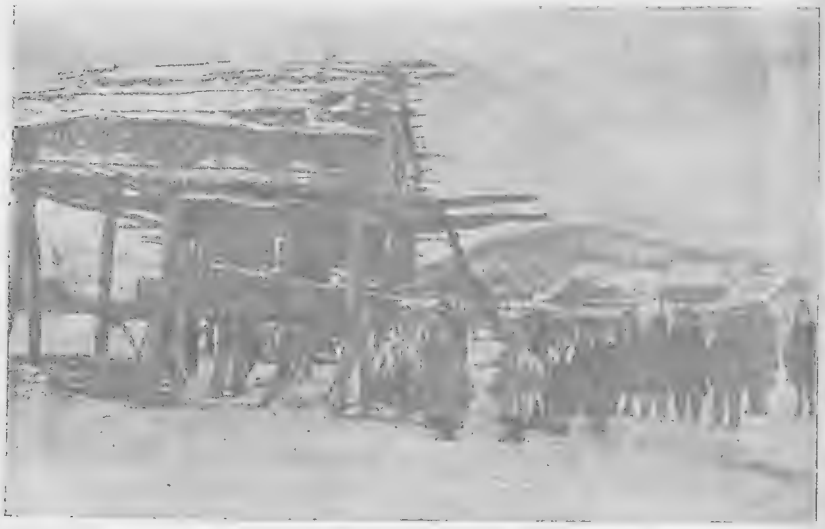


Рис. 10. Камчадальский балаган. Снято в 1910—1911 годах (из Иохельсона, 1928).

С устья Пенжины Атласов шел две недели на оленях по западному берегу Камчатки, а затем повернул на восток, к берегам Тихого океана, к корякам-олюторцам, что сидят по реке Олюторе (правильнее Алютора). Прибыли сюда в феврале 1697 года. Призвав олюторцев, ранее никогда не видавших русских, «под высокую царскую руку ласкою и приветом», обложили их ясаком, «писали с них лисиц», которых они промышляют близ своих юрт. Хотя у них неподалеку в горах есть белые соболи, но они их не промышляют, «потому что в соболях они ничего не знают». Оружие у них луки и стрелы, костяные и каменные, а железа в этой стране нет. Об олюторцах Атласов совершенно правильно замечает,

[1] Е. П. Орлова. Коряки полуострова Камчатки. Северная Азия, 1929, № 3, стр. 83—84 (до р. Воровской).

что язык их «и во всем подобие коряцкое». Но юрты у них земляные, «подобны остяцким юртам». «Белыми» здешние соболи названы так потому, что вообще камчатские не так темны, как баргузинские, олекминские и витимские; а это в торговом отношении большой недостаток.[1]

На Олюторе Атласов разделил свой отряд на две половины и одной партии приказал итти вдоль восточного берега Камчатки на юг; по свидетельству Крашенинникова, во главе этого отряда был поставлен Лука Морозко. Сам же Атласов, вместе с другой партией, повернул к западному берегу и пошел на юг. На реке Палане, впадающей в Охотское море, некоторые из бывших в отряде юкагиров изменнически убили несколько казаков, многих — и в том числе начальника отряда — переранили, а сами ушли. В таком тяжелом положении Атласов вынужден был просить себе на помощь отряд Луки Морозки. Извещенные через верного юкагира, те прибыли и выручили Атласова.

Дойдя южнее устья реки Кигыла (Тигиль), казаки повернули на реку Камчатку. При устье реки Крестовки (Кануч), впадающей в реку Камчатку, поставили крест с надписью «205 [т. е. 1697] году, июля 18 дня поставил сей крест пятидесятник Володимер Атласов с товарыщи». Этот крест был в целости еще во время Крашенинникова, т. е. сорок лет спустя.[2]

На реке Камчатке казаки нашли четыре острога, а возле них около 400 юрт. Жители — это были камчадалы — обрадовались приходу русских и дали ясак. Такое предупредительное поведение камчадалов объясняется тем, что у них были взаимные междоусобия. Объясаченные камчадалы просили Атласова помочь им против их же сородичей с низовьев Камчатки, которые нападали на них и грабили. Атласов согласился, посадил служилых людей, юкагиров и камчадалов в струги и отправился вниз по Камчатке.

По обе стороны реки было видно много больших камчадальских селений, юрт по 300—400—500. Через три дня достигли того места, куда звали камчадалы. Здесь было до 400 юрт. Вследствие отказа камчадалов платить ясак, погромили их, а жилища («посады») выжгли. Отсюда Атласов пошел обратно вверх по Камчатке, на старое место, а для проведывания иноземцев, живших по реке Камчатке вниз до моря, отправил казака.

---

[1] Камчатский соболь представляет особую географическую форму, Martes zibellina kamtschadalica, отличающуюся крупным черепом и сравнительно не яркой окраской. Баргузинский же, олекминский и витимский соболи принадлежат к форме Martes zibellina princeps.

[2] Крашенинников, l. c., I, 1755, стр. 17.

Посланный принес известие, что от реки Еловки (приток Камчатки) до моря есть 160 острогов, в каждом по 150 и 200 человек. Острожками русские называли камчадальские «юрты», т. е. землянки, укрепленные земляным валом и частоколом. Подобные укрепления камчадалы стали воздвигать только после появления казаков. Если предыдущие данные верны, то к концу XVII века в низовьях Камчатки жило около 25 тысяч камчадалов. По официальным данным, которые находим у Крашенинникова (II, стр. 249—258), в 1738 году числилось объясаченных камчадалов 2714 душ; следует иметь в виду, что ясак платили лишь взрослые мужчины. По словам Вакселя (1940, стр. 120), во время его пребывания на Камчатке (30-е и начало 40-х годов XVIII века) там было не более 4000 камчадалов мужского пола — очевидно, взрослых; между тем, за сорок лет до того, говорит Ваксель, их насчитывалось по крайней мере вдвое больше. Причина вымирания камчадалов — занесенная русскими оспа, а затем восстания, во время которых большое количество камчадалов было истреблено. Общее число камчадалов Патканов исчислял для 1897 года в 4 тысячи душ, а для 1741 — в 12—13 тысяч душ.[1]

О камчадалах Атласов сообщает подробные и крайне любопытные этнографические сведения. «Возрастом», т. е. ростом, они невелики, с бородами средними, лицом походят на зырян. С этим небезинтересно сопоставить описание наружности этого народа, какое дает Крашенинников (II, 1755, стр. 14, 15): «Камчадалы так как Мунгалы ростом низки, телом смуглы, немохнаты, черноволосы, малобороды, лицом калмыковаты с покляпыми носами, косолапы ... Лица у камчадалов не столь продолговаты и скуласты, как у других народов, щеки у них одутловаты, губы толсты и рот превеликой».

По словам Атласова, камчадалы одежду носят соболью, лисью и оленью и пушат платье собаками. О том же предмете Крашенинников (II, стр. 42) сообщает следующее: «материя, из которой камчадалы прежде сего носили платье, и ныне по большей части носят, оленьи, собачьи, нерпичьи и других как морских, так и земных зверей, и птичьи кожи, которые они без разбору в одну шубу сшивали». «Вкруг подолу, рукавов и вкруг куля опушиваются куклянки[2] рослою белою собачиною, что выше всякого пуху почитается»

Юрты у них, продолжает Атласов, зимние земляные,

[1] С. Патканов. О приросте инородческого населения Сибири. СПб., 1911, изд. Акад. Наук, стр. 134. В 1724 г. к трем острогам: Нижнекамчатскому, Верхнекамчатскому и Большерецкому было приписано ясачных 5138 человек (Сгибнев. Морск. сборн., 1869, № 4, стр. 107).

[2] Т. е. верхнее платье.

а летние на столбах, вышиною от земли сажени по три, «намощено досками и покрыто еловым корьем, а ходят в те юрты по лестницам». Своеобразные свайные постройки камчадалов, или балаганы, сохранились до сих пор (рис. 10). По описанию Крашенинникова (II, стр. 28—29), балаганы устраиваются так: ставят девять свай вышиной сажени по две и больше; сверху столбы укрепляют перекладинами, на которые настилают колья и траву; таким образом получается помост, на котором помещают шалаш из кольев. Зимние юрты камчадалов представляли собою полуподземные жилища из бревен; в потолке устраивают отверстие «которое и вместо окна, и вместо дверей, и вместо трубы служит» (Крашенинников, II, стр. 25).

Во время Атласова население на Камчатке, как мы уже указывали, было сравнительно густое: он встречал помногу юрт, расположенных одна возле другой иногда по несколько сот.

Питаются камчадалы, по его словам, рыбою и зверем. Едят рыбу сырую; на зиму запасают ее, складывая в ямы и засыпая их землею; «и та рыба изноет, и тое рыбу вынимая кладут в колоды и наливают водою, и розжегши каменья, кладут в те колоды и воду нагревают». «И ту рыбу с тою водою размешивают и пьют, а от тое рыбы исходит смрадной дух». О том, что камчадалы варили рыбу и мясо в деревянной посуде раскаленными камнями свидетельствует и Крашенинников (I, стр. 230, II, стр. 32). К второму тому «Описания Земли Камчатки» (стр. 38) приложена таблица, на которой изображено, как камчадалы «жир варят из рыбы каленым каменьем в лодках». Этот же самый способ приготовления жира в лодках видел Дитмар в селении Ключах на реке Камчатке еще в 1852 году.[1] Поразительно, что тот же способ варки жира из рыб в лодке при помощи раскаленных камней видели в 1882 году братья Краузе у индейцев тлинкитов на реке Чилкат, впадающей в Lynn Canal (приблизительно под 59$^1/_3$° с. ш.). Рыба, из которой готовят здесь жир, это Thaleichthys pacificus, саг тлинкитов, eulachon американских англичан, близкая к корюшке. К работе Краузе приложена и таблица, изображающая, как тлинкиты добывают жир из этой рыбы.[2]

Способ кипячения воды при помощи раскаленных камней известен и у многих других народов: айнов, эскимосов, полинезийцев, новозеландцев и др.[3]

[1] К. Дитмар. Поездки и пребывание в Камчатке в 1851—55 гг. СПб., 1901, изд. Акад. Наук, стр. 326.

[2] A. Krause. Die Tlinkit-Indianer. Jena, 1885, p. 177—178, Taf. III.

[3] См. Н. Харузин. Этнография. I, 1901, стр. 163—164. — Небезинтересно отметить, что на севере России до недавнего времени варили пиво,

Как мы видели, пища камчадалов показалась Атласову смрадной. То же впечатление вынес и Крашенинников (II, стр. 53): «самое деликатное камчатское кушанье кислая рыба, которую они квасят в ямах... Можно за истину сказать, что скверняе духу не бывает от упади, однако Камчадалам кажется оной ароматным. Иногда сия рыба так в ямах изгни-

Рис. 11. Глиняный горшок из раскопок древнего камчадальского жилища на берегу оз. Налычева (из Иохельсона, 1928).

Внутри горшка имеются ушки для подвешивания горшка над огнем. Диаметр горшка около 45 см.

вает, что не инако ея, как ковшами черпают, но такая для собак употребляется и подбалтывается в опаны [1] их вместо муки овсяной».

Посуду деревянную и глиняные горшки камчадалы делают, по словам Атласова, сами, а кроме того у них есть посуда «левкашеная и олифляная», которая приходит к ним с «острова, а под которым государством тот остров, того не ведают». Речь здесь идет, очевидно, о японской лаковой посуде, которая из Японии попадала сначала к дальним

положив в кадку несколько раскаленных камней. Так делали в Архангельском крае (по словам Л. Я. Штернберга), в б. Тотемском у. Вологодской губ. (сообщение М. Едемского), в Туруханском крае (М. Кривошапкин. Енисейский округ и его жизнь. СПб., 1865, II, стр. 138).

[1] Похлебка.

курильцам, потом к ближним, а эти привозили ее на южную Камчатку. Левкас (с греческого leukas) это, по словарю Даля, «у иконописцев и позолотчиков род жидкой шпаклевки, мел с клеем, для подготовки под краску и позолоту». Как объяснил мне покойный С. М. Дудин, при изготовлении японской лаковой посуды деревянную посудину сначала левкасят, а потом проолифливают. Шренк (1887) считал, что у камчадалов, равно как и у коряков и чукоч, не было, до прихода русских, глиняной посуды. Но это, как мы только-что видели, неверно. Археологические раскопки, произведенные Иохельсоном на Камчатке, доставили образцы камчадальской керамики.

Атласов не упустил отметить, какие русские товары могут найти сбыт у камчадалов; это — «одекуй лазоревый», т. е. голубой бисер, и ножи. Выменивать эти товары можно на соболей, лисиц, «больших бобров» (т. е. на так называемых морских бобров, Enhydra lutris) и выдр.

Во времена Атласова оружие у камчадалов было такое: «луки усовые, китовые, стрелы каменные и костяные, а железа у них не родитца». Огненного ружья очень боятся и русских называют огненными людьми. Крашенинников (II, стр. 4) сообщает и камчадальское название русских: брыхтатын, что значит «огненные люди»; камчадалы думали, что русские имеют огненное дыхание.

Когда русские пришли на Камчатку, население этой страны переживало каменный век: металлов камчадалы и здешние коряки не знали. Крашенинников (II, стр. 31—34) с удивлением рассказывает, как они из камня и кости делали топоры, ножи, копья, стрелы, «ланцеты» и иглы. «Топоры у них делались из оленьей и китовой кости, также из яшмы, на подобие клина, и привязывались ремнями к кривым топорищам плашмя, каковы у нас бывают теслы. Ими они долбили лодки свои, корыта, чаши и прочее, однако, с таким трудом и с таким продолжением времени, что лодку три года надлежало им делать, а чашу большую не меньше года. Ножи они делали из горного зеленоватого или дымчатого хрусталя на подобие ланцов востроконечные и насаживали их на черенье деревянное. Из этого же хрусталя бывали и стрелы, копья и ланцеты, которыми кровь и поныне пускают. Швальные иглы делали они из собольих костей, и шили ими не токмо платье и обувь, но и подзоры весьма искусно» (стр. 32).

По словам Крашенинникова (II, стр. 34), ему сообщали, что камчадалы еще до русских были знакомы с железом — очевидно, через посредство курилов, которые в свою очередь получали его от японцев. «И будто камчадалы Японцов Шишаман называют для того, что чрез них узнали железные иглы; ибо игла по Камчатски Шишь называется». Но это

очевидно, народная, камчадальская этимология:[1] шишаман, без сомнения, происходит от ям-шисам (yam-shisam), как курильцы называли японцев; в переводе — «южные соседи» (ям — юг, шисам — соседи); айны острова Иезо называют японцев просто шисам. Тории справедливо указывает, что не японцы получили имя от камчадальского названия иглы, а наоборот, железная игла называлась у камчадалов по курильскому наименованию японцев.

Камчадалы, продолжает Атласов, «державства великого над собою не имеют, только кто у них в котором роду богатее, того больше и почитают». Отдельные роды ведут между собою войны. «А к бою временем бывают смелы, а в иное время плохи и торопливы» (т. е. трусливы). На бой выходят зимою на лыжах, а летом дерутся иногда голыми. Ко времени прихода русских камчадалы понастроили много острожков, сидя в которых бросали каменья из пращей и руками. Но особенного вреда казакам они причинить не могли. Несчастных камчадалов истребляли безжалостно. Вот как описывает это дело Атласов: «И к тем острожкам руские люди приступают из-за щитов и острог зажигают, и станут против ворот, где им [иноземцам] бегать, и в тех воротах многих их иноземцов-противников побивают. А те острожки сделаны земляные, и к тем руские люди приступают и разрывают землю копьем, а иноземцам на острог взойти из пищалей не допустят».

Камчадалы имеют лодки, которые поднимают человек по 10 и по 20. Скота никакого не держат, есть только собаки, величиною как и у нас, «только мохнаты гораздо, шерсть на них длиною в четверть аршина». По сообщению Н. А. Смирнова, знатока собак, камчатские собаки — это типичные ездовые лайки; они действительно, отличаются длинной шерстью. «А соболей промышляют кулемами [т. е. ловушками] у рек, где рыбы бывает много, а иных соболей на дереве стреляют». Жен имеют, кто сколько может, по одной и более (до четырех). «А веры никакой нет, только одне шаманы, а у тех шаманов различье с иными иноземцы: носят волосы долги».

Объяснялся с камчадалами Атласов при посредстве коряков, живших у русских и знакомых с русским языком, «а он, Володимир, по коряцкому и по камчадальскому языку говорить ничего не знает», добросовестно указывает Атласов.

Возвращаемся к походу Атласова. Когда он вернулся с низовьев реки Камчатки, то убедился, что оленные коряки угнали его оленей. Атласов пошел за ними в погоню, догнал у «Пенжинского моря», т. е. на берегу Охотского моря,

[1] R. Torii. Journ. Coll. Sci. Univ. Tokyo, XLII, № 1, 1919, p. 89—90.

и после жаркого боя, во время которого пало около 150 коряков, отбил оленей. Отсюда пошел к реке Иче, где прослышал о пленнике японце, о чем мы подробно говорим ниже.

Двинувшись отсюда на юг, «наехали они курильских мужиков 6 острогов».[1] Это первое упоминание о малоизвестном народе, курилах, обитавших на самом юге Камчатки. Курилы отказались дать ясак; один из курильских острожков был взят, и засевшие в нем 50 курилов перебиты, «а к иным острожкам не приступали, потому что у них никакова живота нет и в ясак взять нечего».[2] Курильские иноземцы «видом против камчадальцов чернее и бороды меньше».[3] В земле их теплее, чем у камчадалов, почему и соболи у них хуже; а бобров больших (т. е. морских) и лисиц красных[4] много. Далеко в глубь Курильской земли Атласов не продвинулся. По его словам, он не доходил до Бобровой, или Каланской, реки за три дня. Такого названия сейчас нет. Крашенинников говорит,[5] что под именем Каланской Атласов подразумевал, вероятно, реку Озерную (или Игдыг), вытекающую из Курильского озера: в устье ее промышляли морских бобров (Enhydra) или каланов. От этой реки три дня ходу до реки Голыгиной или Нынгычу (Нынгучу). Досюда, по всем вероятиям, доходил Атласов. С этим сообразуется и сообщение камчатских старожилов, которые говорили Крашенинникову, что Атласов доходил до реки Голыгиной, устье которой рядом с устьем Опалы.[6] По Опале жили еще камчадалы,[7] и Голыгина, или Нынгучу, была таким образом первой из курильских рек. Ее-то и подразумевает Атласов, когда говорит, что «против первой Курильской реки на море видел как бы острова есть».[8]

Курилы, жившие на юге Камчатки, это айны, смешавшиеся

---

[1] Чтения Общ. ист. и древн. росс., 1891, кн. 3, стр. 9.

[2] В 1705 г. пятидесятник Колесов посылал на немирных курил казака Ламаева с 40 служилыми. Курилы не согласились платить ясака; сто человек из них было побито, а остальные покорились. А. Сгибнев. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке. Морской сборн., 1869, № 4, стр. 77.

[3] Повидимому, это описка — вместо „больше", ибо, согласно описаниям, у камчатских курилов бороды были больше, чем у камчадалов. Но и в пересказе Страленберга (l. c., p. 435) про курилов говорится: hätten nicht viel Bart ums Maul.

[4] Одна из цветовых вариаций обыкновенной лисицы; здешняя форма — это Vulpes vulpes beringiana или близкая к ней (С. И. Огнев. Звери вост. Европы и сев. Азии, II, М., 1931, стр. 338).

[5] II, стр. 193.

[6] Г. Спасский (Владимир Атласов, покоритель Камчатки. Вестн. Русск. геогр. общ., 1858, ч. XXIV, стр. 164) тоже говорит, что Атласов дошел на юг „до реки Ингачи или Голыгиной", но, повидимому, это сведение заимствовано у Крашенинникова.

[7] Крашенинников, l. c., I, стр. 68.

[8] Чтения Общ. ист. и древн. росс., 1891, кн. 3, отд. I, стр. 16.

с камчадалами. О курилах мы будем иметь случай говорить подробнее ниже, здесь же мы отметим, что остатки аинской географической номенклатуры до сих пор встречаются на самом юге Камчатки; так, селение Явино, расположенное севернее реки Озерной, несет свое имя от аинского (курильского) слова явень (yawen), что, по данным Тории,[1] значит «впадина», «долина».

С реки Голыгиной вернулись на реку Ичу. Здесь все олени пали, и пришлось зазимовать, поставив зимовье. Отсюда на реку Камчатку Атласов отправил служилого Потапа Сюрюкова с 14 русскими да 13 юкагирами. Оставшиеся на Иче служилые стали просить о возвращении на Анадырь. Атласов согласился и 2 июля 1699 года с 15 служилыми и 4 юкагирами вернулся в Анадырск, имея с собою ясачной казны 330 соболей, 191 красную лисицу, 10 лисиц сиводущатых,[2] 10 бобров морских, парку (одежду) соболью, 7 лоскутов бобровых. Многие соболи были без хвостов «для того, что они камчадалы у соболей хвосты режут и мешают в глину и делают горшки, чтоб глину с шерстью вязало; а из иных шьют наушки». Насколько правильно указание об использовании собольего волоса в качестве вяжущего вещества, не берусь сказать,[3] но во всяком случае до прихода русских соболь у камчадалов не был в большой чести: по словам Крашенинникова,[4] камчадалы отдавали преимущество собачьему меху перед собольим, а ловили соболей более для мяса, которое употребляли в пищу. Рассказывали, что туземцы смеялись над казаками, променивавшими ножик за 8 соболей, а топор за 18.

В Анадырск Атласов привез камчадальского «князца», имея в виду доставить его в Москву «для подлинного о той земле уведомления», но в Кайгородском уезде (на реке Каме) «иноземец» умер от оспы.

Переходим теперь к географическому описанию Камчатки, какое дает Атласов.[5]

«А зима в Камчатской земле тепла против московского, а снеги бывают небольшие, а в курильских иноземцах снег бывает меньше». Сведения о малоснежных зимах на Камчатке относятся, очевидно, к западному берегу: в 1910 году

[1] Torii, l. c., p. 49.

[2] Сиводушка — это одна из цветовых вариаций обыкновенной лисицы; у нее брюхо черновато-бурое. Вообще сиводушка представляет нечто среднее между красной лисицей и чернобурой.

[3] С. И. Руденко (Материальная культура древнего населения крайнего востока арктической Азии, рукопись) приводит указания (Murdoch, 1892; Boas, 1888) на употребление эскимосами перьев и собачьего волоса при изготовлении и починке глиняной посуды.

[4] I, стр. 215.

[5] Чтения Общ. ист. и древн., 1891, кн. 3, отд. I, стр. 13 сл.

в Большерецке (52°48′ с. ш.) выпало 450 мм осадков, из коих лишь 17% в виде снега, тогда как в Петропавловске количество осадков, выпадающих в виде снега, составляет нередко 50 и более процентов общей суммы осадков. В долине реки Камчатки, как и на западном берегу, зимы малоснежны.[1] Что касается Курильской земли, то относительно Лопатки Крашенинников (I, стр. 165) сообщает следующее: «снег на Лопатке всегда бывает глубже, нежели в северных странах Камчатки, так что ежели на Лопатке выпадает его сажени на две, то около Авачи и Большей реки третьею долею мельче примечается». Снежный покров на Камчатке держится долго: в письме к графу Головину от 27 апреля (8 мая) 1741 года из Петропавловска Чириков сообщает: «земля везде еще покрыта глубоким снегом».[2]

«А солнце на Камчатке, — говорит Атласов, — бывает в день долго против Якуцкого блиско вдвое. А летом в Курилах солнце ходит прямо против человеческой головы и тени против солнца от человека не бывает». Это конечно, неверно, потому что даже на самом юге Камчатки, под 51° с. ш. солнце никогда не подымается выше $62^1/_2°$ над горизонтом.

«А от устья итти вверх по Камчатке реке неделю есть гора — подобна хлебному скирду, велика гораздо и высока, а другая близь ееж — подобна сенному стогу и высока гораздо: из нее днем идет дым, а ночью искры и зарево. А сказывают камчадалы: буде человек взойдет до половины тое горы, и там слышат великой шум и гром, что человеку терпеть невозможно. А выше половины той горы которые люди всходили, назад не вышли, а что тем людям на горе учинилось, не ведают».

Крашенинников (II, стр. 79—80) также подтверждает, что камчадалы считают за грех всходить на вулканы. Дитмара, в 1852 году, жители с. Ключевского отговаривали от восхождения на Ключевскую сопку.[3]

«А из под тех гор вышла река ключевая, в ней вода зелена, а в той воде, как бросят копейку, видеть в глубину сажени на три». Горы, описываемые Атласовым, это вулканы Ключевской группы (4860 м).[4]

«А на море около люторов [т. е. олюторов] зимою лед ходит, а все море не мерзнет. А против Камчатки [реки] на море лед бывает ли, не ведает. А летом на том море льду ничего не бывает». «А по другую сторону той Камчадальской земли

---

[1] В. А. Власов. О климате Камчатки. Камчатская экспедиция Рябушинского. Метеор. отд., вып. I, М., 1916, стр. 140—142.

[2] Экспедиция Беринга, 1941, стр. 333.

[3] Дитмар, l. c., 1901, стр. 321—322.

[4] А. Н. Заварицкий. О вулканах Камчатки. Камчатский сборник, I, 1940, стр. 189, фиг. 4.

на море зимою льду не бывает, только от Пенжины реки до Кигылу [Тигиля] на берегах лед бывает небольшой, а от Кыгылу вдаль ничего льду не бывает. А от Кыгыла реки до устья ходу бывает скорым ходом пешком до Камчатки реки, через камень [т. е. через горы], в 3-й и в 4-й день. А Камчаткою на низ плыть в лотке до моря 4 дни. А подле моря медведей и волков много».

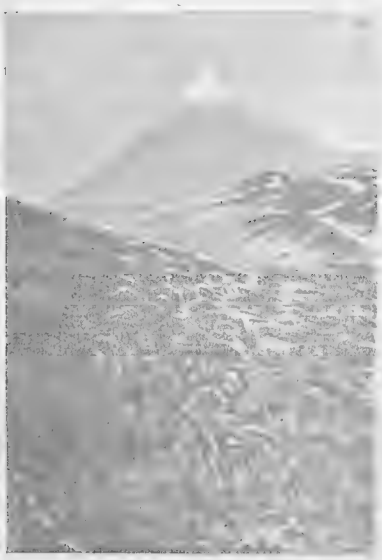


Рис. 12. Ключевская сопка (4860 м).

«А руды серебреные и иные какие есть ли, того не ведает и руд никаких не знает».

«А в Камчатской и в Курильской земле ягоды — брусница, черемха, жимолость, величиною меньши изюму и сладка против изюму».

Брусники, Vaccinium vitis-idaea, много на Камчатке. Плоды черемухи, Prunus padus asiatica, которая растет в изобилии по средней Камчатке, камчадалы едят с большой охотой как свежими, так и в виде лепешек, приготовленных из растертых и высушенных на солнце плодов; большие охотники до зрелой черемухи также медведи.[1] Здешняя съедобная жимолость, Lonicera edulis, имеет прекрасные черно-синие ягоды, употребляемые в пищу как свежими, так и в виде варенья.

«Да ягоды ж растут на траве от земли в четверть, а величиною та ягода немного меньши курячья яйца, видом созрелая зелена, а вкусом что малина, а семена в ней маленькие что в малине». Это, очевидно, то же растение, о котором Крашенинников[2] и Стеллер[3] упоминают под камчадальским именем котконня, именно Trillium obovatum (иначе Tr. kamtschaticum), растение из семейства лилейных, ныне называемое на Камчатке «кукушкиными томарками».[4] Белые трехлепестковые цветки этого растения массами распускаются в березняках в середине июня (нов. стиля). Плод этого растения, по описанию Крашенинникова, величиною «с грецкой орех, притом мягок, телен [т. е. мясист] и вкусом так приятен, как

[1] Дитмар, l. c., стр. 340, 342.
[2] Крашенинников, l. c., I, стр. 203.
[3] Steller, l. c., 1774, p. 93.
[4] В. Л. Комаров. Флора полуострова Камчатки, I, Л., 1927, стр. 305, табл. X, изд. Акад. Наук.

с легким квасом яблоки. Корень сей травы едят Камчадалы и свежей и сушеной с икрою. Плоды в то самое время, как собираются, есть должно; ибо оные по нежности тела ни одной ночи не могут пролежать без повреждения». Корни кукушкиных томарок мясистые, толстые, сильно крахмалистые, иногда клубневидные (Комаров).

«А на деревьях никакого овоща не видал. А есть трава, иноземцы называют агататка, вышиною растет в колено, прутиком, а иноземцы тое траву рвут и кожуру счищают, а средину переплетают таловыми лыками и сушат на солнце, и как высохнет, будет бела, а тое траву едят, вкусом сладка, а как тое траву изомнет, и станет бела и сладка что сахар». Речь идет о «сладкой траве» Heracleum dulce (из семейства зонтичных), из которой туземцы добывали сахар и вообще употребляли как сладкую приправу, а русские гнали вино; сок из сладкой травы, добытый весною, служил для истребления вшей на голове.[1] Камчадалы готовили из сладкой травы сахар следующим образом: со стеблей и черешков предварительно соскабливали раковиной кожицу, покрытую железками, выделяющими эфирное масло; масло это обжигает губы и вызывает появление волдырей. Очищенную сладкую траву вялят на солнце, причем на ней выступает сладкая пыль; «сия пыль или травяной сахар вкусом солотковат и несколько противен, а стрясается его с пуда сушеной травы не более четверти фунта» (Крашенинников). По словам В. Л. Комарова,[2] на Камчатке и теперь едят стебли и черешки сладкой травы, предварительно содрав с них кожицу. «При заготовлении объявленной травы, — рассказывает Крашенинников, — женщины надевают перчатки: ибо сок ее столь ядовит, что тело от него безмерно пухнет; чего ради как Русские, так и Камчадалы, которые весною едят сладкую траву сырую, кусают ея к губам не прижимая». Камчатская сладкая трава очень близка к северо-американской H. lanatum.

Атласов почему-то не упоминает о двух весьма важных пищевых растениях Камчатки; это — сарана и черемша. Про сарану, или камчатскую лилию (Fritillaria kamtschatcensis), луковицы которой богаты крахмалом и сахаром, Крашенинников (I, стр. 194) говорит, что она на Камчатке вместо круп служит. «Камчатские бабы и казачьи жены коренье сей травы копают в осеннее время, но больше вынимают из мышиных нор и, высуша на солнце, в кашу, в пироги и в толкуши употребляют, а за излишеством продают пуд от четырех до

[1] Крашенинников, l. c., I, стр. 196—200. Стеллер (стр. 84) говорит, что на Большой реке камчадалы называли сладкую траву *kan* (kath), ср. *агататка* у Атласова; на р. Камчатке — *аунгч*. По-русски виды рода Heracleum называются борщовником или борщом.

[2] Флора полуострова Камчатки, II, 1929, стр. 349.

шести рублев. Пареная сарана и с морошкою, голубелью или с другими ягодами вместе столченая может почесться на Камчатке за первое и приятнейшее кушанье, ибо оное и сладко и кисло и питательно так, что ежели бы можно было употреблять ежедневно, то б недостаток в хлебе почти был нечувствителен». Вареные луковицы вкусом напоминают каштаны.

Другое растение, черемша — это полевой лук (Allium victoriale). Измельченные и высушенные луковицы черемши кладут в уху. Кроме того, эти луковицы прекрасное средство от цынги.

«А деревья ростут кедры малые, величиною против мозжевельнику, а орехи на них есть. А березнику, лиственничнику, ельнику на Камчадальской стороне много, а на Пенжинской стороне по рекам березник да осинник». Малый кедр — это Pinus pumila, кустарниковый кедр, кедровик или сланец, орехи которого играют важную роль в жизни не только местных жителей, но и медведя и соболя. Хвойные леса центральной Камчатки представлены частью рощами из даурской лиственицы (Larix dahurica), частью лесами из аянской ели (Picea jezoensis или P. ajanensis). Ель обычно смешана с лиственицей, осиной и березой. Кроме того, по горным склонам растут светлые леса из развесистой и кудрявой каменной березы (Betula Ermani), имеющей серую или красноватую кору. По долинам рек растет белая береза (Betula japonica kamtschatica), близкая к японской форме этого дерева.[1] Осиновые леса (из обыкновенной осины, Populus tremula) появляются на р. Камчатке близ Щапина, отдельные же осины находят южный предел своего распространения у Милькова.

Переходим к описанию фауны. «А рыба в тех реках в Камчатской земле морская, породою особая, походит одна на семгу, и летом красна, а величиною больше семги, а иноземцы ее называют овечиною. И иных рыб много, 7 родов розных, а на русские рыбы не походят. И идет той рыбы из моря по тем рекам гораздо много и назад та рыба в море не возвращается, а помирает в тех реках и в заводях. И для той рыбы держится по тем рекам зверь — соболи, лисицы, выдры». Под именем «овечины» здесь разумеется чавыча (Oncorhynchus tschawytscha), рыба из рода восточных лососей, которой Атласов дает название, заимствованное из языка сидячих коряков (евоч).[2] Чавыча (у камчадалов човуича) самая

[1] В. Комаров. Два года на Камчатке. „Землеведение", 1911, № 1—2, стр. 163—166; также: Путешествие по Камчатке в 1908—1909 гг. М., 1912, стр. 409—416 (Камчатск. эксп. Ф. Рябушинского. Ботан. отд., в. 1); Флора полуострова Камчатки, I, 1927; II, 1929; Ботанический очерк Камчатки. Камчатский сборник, I, 1940, изд. Акад. Наук, стр. 24—34.

[2] Крашенинников, II, стр. 176; I, стр. 345.

лучшая и самая крупная из камчатских проходных (т.-е. из входящих из моря в реки для икрометания) рыб: она весом бывает до 40 кг, длиною до метра. Средний вес ее на реке Камчатке около 8 кг. Входит она первая в реки (Камчатку, Авачу, Большую и др.).[1] Крашенинников очень хвалит чавычу: «из тамошних рыб нет ей подобной вкусом»; «Камчадалы так высоко почитают объявленную рыбу, что перво изловленную испекши на огне сьедают с изъявлением превеликой радости». Как правильно указывает Атласов, чавыча и родственные ей тихоокеанские лососевые, каковы кета, горбуша и некоторые другие, мечут икру раз в жизни, а затем погибают. По словам Атласова, рыбы — здесь имеется в виду красная рыба, или лососевые — входит в реки «гораздо много». Вот как описывает Крашенинников, бывший на Камчатке в 1737—1741 годах, ход лососевых: «Все рыбы на Камчатке идут летом из моря в реки такими многочисленными рунами, что реки от того прибывают, и, выступя из берегов, текут до самого вечера, пока перестанет рыба входить в их устья. По збытии воды остается на берегах сонной рыбы столь много, что такого числа в больших реках нельзя надеяться, от чего по том такой срам и вонь бывает, что без сумнения следовало бы моровое поветрие, ежели бы сие зло непрестанными воздух чистящими ветрами не отвращалось. Ежели острогою ударишь в воду, то редко случается, чтоб не забагрить рыбу. Медведи и сабаки в том случае больше промышляют рыбы лапами, нежели люди в других местах бреднями и неводами».[2]

Последовательность хода красной рыбы, по теперешним сведениям, такова: 1) чавыча, 2) нерка, или красная, 3) кета, или кайко (хайко), 4) горбуша, 5) кижуч. Атласов говорит о 7 или 8 «родах» рыб. Может быть, он имеет в виду и других из проходных лососевых: семгу (Salmo penshinensis), гольца (мальму), кунжу.

«А в Курильской земле зимою у моря птиц — уток и чаек много, а по ржавцам лебедей многож, потому что те ржавцы зимою не мерзнут. А летом те птицы отлетают, а остаетца их малое число, потому что летом от солнца бывает гораздо тепло, и дожди и громы большие и молния бывает почасту. И чает он, что та земля гораздо подалась на полдень». Лебедей, действительно, на Камчатке много как зимою, так и летом.[3] Дитмар в Верхнекамчатске видел в январе на незамерзшей реке множество лебедей.[4] Здешний лебедь — это обыкновенный лебедь-кликун (Cygnus cygnus). Из уток на мор-

[1] Крашенинников, l. c., I, стр. 314—316.
[2] Крашенинников, l. c., I, стр. 310—311.
[3] Крашенинников, l. c., стр. 336.
[4] Дитмар, l. c., 1961, стр. 175.

ских берегах Камчатки и зимою, и летом весьма обыкновенны морянка (Clangula hiemalis) и каменушка (Histrionicus histrionicus).

«А в море бывают киты великие, нерпа, каланы; и те каланы выходят на берег по большой воде, и как вода убудет, и каланы остаются на земле и их копьями колют и по носу палками бьют, а бежать те каланы не могут, потому что ноги у них самые малые, а береги дресвяные, крепкие».

У берегов Камчатки обыкновенны два вида тюленей (или нерп): ларга (Phoca vitulina largha) и нерпа в узком смысле слова (Phoca hispida kraschenninnikovi). Про здешних тюленей Крашенинников (I, стр. 26) писал, что их «неописанное множество, особливо в то время, когда рыба из моря вверьх по рекам идет, за которою они не токмо в устье, но и далеко вверьх по рекам заходят такими стадами, что нет такого близкого к морю островка, которого бы пески не покрыты ими были как чурбаньями».

Каланы — это морские бобры или, правильнее, морские выдры (Enhydra lutris), ибо с настоящими бобрами они, кроме качества меха, не имеют ничего общего. Они в настоящее время уцелели на Камчатке только у мыса Лопатка.

Об этнографических наблюдениях Атласова сказано выше.

Относительно сельского хозяйства он замечает: «А в Камчадальской и в Курильской земле хлеб пахать мочно, потому что места теплые и земли черные и мягкие, только скота нет и пахать не на чем, а иноземцы ничего сеять не знают». Также Беринг, вернувшись в Петербург после первого посещения Камчатки, писал про эту страну в своих «Предложениях», поданных в апреле 1730 года, следующее: «Можно там и землю пахать и всякой хлеб сеять: понеже в бытность мою учинена проба обо всяком огородном овощу, також и рожь при мне сеяна; а прежде нас сеяли ячмень, репу и конопли, которая и уродилась; токмо пашут людьми».[1]

Как в Верхнекамчатске, так и в Нижнекамчатске, по словам Крашенинникова (I, стр. 152), «многими опытами изведано, что ячмень и овес родятся там столь изрядные, что лучших желать не можно... Но с таким ли успехом озимь родиться будет, то время окажет». Хорошо родятся на Камчатке репа, редька и свекла. На р. Камчатке Крашенинников видел репы диаметром в фут и более.

Как известно, опыты земледелия на Камчатке дали благоприятные результаты: в 1934 году на Камчатке под овощными культурами было 1716 гектаров. Из огородных растений на Камчатке хорошо удаются картофель, репа, брюква,

[1] Записки Гидрограф. департ., IX, 1851, стр. 429 (сообщено А. Соколовым).

капуста, лук, горох и др. Кроме того разводят ячмень и коноплю в с. Ключевском.

Этим мы заканчиваем рассмотрение отчета Атласова.

Сухопутное сообщение с Камчаткою через Якутск и Анадырск представляло значительные трудности. Имея в виду установить связь с Камчаткою морем, через Охотск, Петр I в 1713 году приказал послать людей «для проведывания через Ламское море камчацкого пути».[1] Ламское море — это Охотское, от тунгусского слова ламу, что значит море. Но еще ранее, 9 сентября 1710 года, Василию Савостьянову, посланному на Камчатку, наказывалось «из камчадальских острогов проведывать пути к Тоуйскому и к Ламскому острогам через Ламское море русскими людьми или ясачными иноземцы, как мочно; а проведав, писать о том в Якуцкой имянно».[2]

Первое плавание русских на Камчатку Охотским морем состоялось в 1716 году. Еще в 1714 году были присланы в Охотск из Якутска матросы и корабельные плотники во главе с якутским служилым Кузьмою Соколовым. В следующем году построили здесь судно длиною в 18 м. В июне 1716 года вышли в море и достигли Камчатки у устья р. Тигиля. На берегу застали только пустые юрты, так как камчадалы со страху разбежались. Поплыли далее и прибыли к реке Харьюзовке, а затем к реке Иче и, наконец, к Крутогоровой, где застали камчадалов и казаков, живших для сбору ясака. Зазимовали поблизости, в устье реки Компаковы (теперь Колпакова, приблизительно под 55° с. ш.). Миллер, со слов Стеллера, сообщает, что здесь выбросило на берег кита с острогою, на которой была надпись латинскими буквами.[3] Зимою Соколов ездил в Нижнекамчатск, а в начале мая следующего 1717 года отправились в море, но, задерживаемые льдинами, только в половине июля прибыли в Охотск. С того времени, говорит Миллер, «между Охотском и Камчаткою был проезд морем непрестанной».[4]

Открытие морского пути на Камчатку через Охотское море было событием чрезвычайной важности. До того сообщение Якутска с Камчаткой шло, как мы говорили, через Анадырский острог, причем одна дорога до Анадырска требовала

---

1 Памятники Сибирской истории, II, стр. 37.

2 Пам. Сиб. ист., I, стр. 427.

3 Миллер. Сочин. и перев., 1758, I, стр. 319. — Крашенинников, впрочем, в этом сомневается (II, стр. 303).

4 Миллер, l. c., стр. 316—320. П. Милюков (Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия. СПб., 1892, стр. 540) сообщает, что в делах Кабинета Петра Великого, среди бумаг 1719 г., сохраняется „Карта Якутская и Камчатскому мысу и прежнему пути на камчатской мыс, також и новой". Вероятно, эта карта относится к плаванию 1717 г.

около полугода. Из Анадырска на Камчатку было две дороги: одна к устью Пенжины, а затем морем вдоль западного берега Камчатки до реки Тигиля, другая — к Олюторскому острогу, а отсюда морем вдоль восточного берега полуострова до реки Камчатки.

Первые карты Камчатки

Результаты открытий, сделанных на Камчатке в 1696—1699 годах, нашли частичное отражение в Чертежной книге Сибири Семена Ульяновича Ремезова, законченной в Тобольске к 1 января 1701 года. На «Чертеже земли Якуцкого города» нет полуострова Камчатки, но есть р. Камчатка, над которой надписано: «А живут по ней неясашные Камчадалы, платье на них собачье и соболье и лисье, а луки у них маленьки усовые на жилах, с того переводу, что роженцы». Ро́женцы — это старинное русское название лука (ср. рогатка). Как сообщает тут же Ремезов, сведения о р. Камчатке получены от казака Дмитрия Потапова, посланного из Якутска к корякам в 1696 году. На правом берегу р. Камчатки близ устья обозначен «Ивановской повост» и надписано: «А на Камчатке приходят люди грамотны, платье на них азямы камчатые». Эти сведения относятся к японцам, случайно попавшим на Камчатку (но не на р. Камчатку) в результате кораблекрушения, о чем подробно говорится ниже, в главе XIII. Выше по течению р. Камчатки читаем: «А за Камчаткою есть р. Бобровая, неясашные, а за Бобровою рекою есть река Лиственишна, есть леса ельник». Как мы говорили (стр. 69), Бобровая или Калапская река — это Озерная, на самом юге Камчатки. Река Лиственичная, или Крода-кыг, расположена между р. Камчаткой и Беринговым морем; она вытекает из Кроноцкого озера (Крашенинников, I, стр. 46). На Анадыре написано: «А от Анадырсково острошку до Камчатки реки ходят по речкам и через хребты в походы служивые люди недель по 15 и по 20».

На «Чертеже всех сибирских градов и земель», составленном Ремезовым в Москве 18 сентября 1698 года, в море против устья р. «Удь» обозначен большой «остров Камчатка», река же Камчатка течет с материка на восток, в океан. Никаких других надписей в интересующих нас местах нет.

С подлинной сказкой Атласова Ремезов ознакомился в Тобольске в декабре 1700 года, и на этнографической карте, включенной в «Чертежную книгу Сибири», Камчатка нанесена уже в виде полуострова, хотя и очень грубо намеченного.[1]

В Ленинграде, в Публичной библиотеке хранится рукопись С. У. Ремезова «Служебная чертежная книга Сибири»; в ней

[1] А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири. XVII век. Л., 1939, стр. 81, 115.

имеются четыре чертежа Камчатки. Из них один носит название «Траурнихтова» — очевидно, он был составлен в Якутске, на основании данных Атласова, по распоряжению воеводы Дорофея Траурнихта. Чертежи Камчатки в «Служебной книге» были выполнены Ремезовым не позже 1715 года, ибо в этом году он скончался.[1]

Среди рукописей Мессершмидта, хранящихся в архиве Академии Наук,[2] есть рукописные карты, на которых изображена Камчатка. Мессершмидт пробыл в Тобольске с декабря 1719 года по май 1721 года и здесь имел возможность познакомиться у сыновей Ремезова с его чертежами Сибири и, в частности, Камчатки. На одной из карт Мессершмидта (№ 12), изображающей восточную Сибирь, есть р. Камчатка, но нет полуострова Камчатки. На другой карте Мессершмидта, где представлена северо-восточная Сибирь, есть грубый контур полуострова Камчатки; нанесена р. Камчатка, а по ней остроги. На противоположном берегу написано: NB Ostrow Kamtzattzoy hier komen leute die tragen alle seydenzeug Kleider (NB Остров Камчацкой, сюда приходят люди все в шелковых платьях; ср. ниже сведения Атласова о Японии). Наконец, есть и специальная карта полуострова Камчатки (№ 15), обнаруживающая некоторое общее сходство с ремезовским чертежом Камчатки.

Сотрудником Мессершмидта был швед Страленберг, составивший в 1715 году карту Сибири, опубликованную в 1730 году. На ней есть изображение Камчатки.

О рукописной «карте Якутской и Камчатскому мысу» 1717 г., упоминаемой Милюковым, мы говорили выше.

В атласе Гомана,[3] изданном в Нюрнберге в 1725 году, есть карта (№ 88), изображающая слева Каспийское море, а справа «Камчатку или Землю Иедзо» (Kamtzadaliam seu Terram Iedso).[4] Это первое печатное изображение Камчатки. Как оно попало к Гоману, неизвестно. Так как Петр I благоволил к Гоману, то, возможно, что карта Камчатки была получена Гоманом через него. Над картой Камчатки надписано по-немецки: «Земля Камчадалия (Kamtzadalie) или Иедзо с Ламским или Пенжинским морем; они пройдены и описаны по воде и по суху во время многочисленных походов русских казаков и промышленников за соболем». Изображение Камчатки непохоже на то, какое дает Страленберг (1730), но

[1] Андреев, стр. 87, 76.

[2] Фонд 98, опись 2, № 12, 13, 15. Некоторые из этих карт воспроизведены в моей статье „Первые карты Камчатки", в Известиях Геогр. общ., 1943, № 4.

[3] J. B. Homann. Grosser Atlas über die gantze Welt, 1725.

[4] Карта эта, найденная мною в картографическом архиве библиотеки Акад. Наук, воспроизведена в моей вышеупомянутой статье в Изв. Геогр. общ., 1943, № 4.

отожествление Камчатки с островом Иезо (Хоккаидо) мы находим у обоих авторов. К востоку от Камчатки, в недалеком расстоянии от нее нанесена огромная безымянная земля — возможно Берингов остров в преувеличенном виде. Против северо-восточной оконечности Азии изображены два небольших острова и один громадный безымянный, представляющий собою, без сомнения, Аляску. Возможно, что здесь сказалось влияние недошедшего до нас чертежа Попова (см. выше, стр. 51). Камчатка обозначена так: Kamtzadalia Sinis (т. е., у китайцев) Jedso. На самом юге полуострова написано Kuriler Land (Курильская землица), несколько к северу Kurili See (Курильское озеро). Нанесено и подписано много рек. Есть р. Камчатка, не названная, но на ней Ostrog Kamtszatka. Есть река Большая (der Grosse flu); на ней знак острога (но названия нет). Между Камчаткой и Японией (Niphon oder Iapon da nie kein Schnee) архипелаг островов.

На рукописных картах Шестакова (не позже 1726 г.) и Кирилова (1722—1726 гг.), о которых будет сказано ниже, Камчатка изображена иначе, чем у Гомана.

Первые съемки западных берегов Камчатки были сделаны геодезистами Евреиновым и Лужиным в 1720—1721 годах.[1]

Следующие съемки берегов полуострова были произведены Берингом в 1727—1728 годах, во время первой экспедиции. В мае и июне 1740 года, во время второй экспедиции, штурман Иван Елагин описал берега Камчатки от устья р. Большой до Авачинской губы, составил план Авачинской гавани и нанес на карту 1-й, 2-й и 3-й Курильские острова.[2]

[1] И. Кирилов в своей записке, написанной после февраля 1733 г., сообщает следующее. Евреинов, явившись в 1722 г. к Петру I в Казани, поднес ему карту западного побережья Камчатки и 16 Курильских островов (Изв. Геогр. общ., 1943, № 2, стр. 35). „Камчатскую Евреинову карту" Кирилов использовал в декабре 1724 г. для составления своей карты Дальневосточного края. Эту карту он поднес Петру I, который, в свою очередь, передал ее Брюсу. Изображение Камчатки на карте Гомана, повторяем, совершенно непохоже на то, что мы видим на картах Шестакова и Кирилова.

[2] Рапорт Беринга Сенату от 22 апреля 1741 г. (Экспедиция Беринга, М., 1941, стр. 254—255). См. также письмо Беринга Остерману от 20 апреля 1741 г. (там же, стр. 329).

Хотя в том искании какая и трудность сыщется, без чего никакое дело не происходит. Агличане и галанцы ищут новых земель для своих прибытков и повсегодно того пробуют.

Ф. Салтыков. Изъявления, 1714 (глава: «О взыскании свободного пути морского от Двины реки даже до Омурского устья и до Китай»).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПЕРВАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ БЕРИНГА К БЕРИНГОВУ ПРОЛИВУ

(1725—1730)

VIII. ПЕРВАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ БЕРИНГА

Снаряжение

23 декабря 1725 года[1] последовал указ о назначении экспедиции, а 6 января 1725 года, за 3 недели до своей смерти, Петр I собственноручно написал инструкцию Берингу следующего содержания:[2]

«1) Надлежит на Камчатке или в другом там месте сделать один или два бота с палубами.

2) На оных ботах[3] возле земли, которая идет на Норд и по чаянию (понеже оной конца не знают) кажется, что та земля часть Америки.

3) И для того искать, где оная сошлась с Америкой: и чтоб доехать до какого города Европейских владений, или ежели увидят какой корабль Европейской, проведать от него, как оной кюст называют, и взять на писме и самим побывать на берегу и взять подлинную ведомость и, поставя на карту, приезжать сюды».

Эту инструкцию Беринг получил 5 февраля, уже после смерти Петра, и в тот же день выехал из Петербурга. Часть экспедиции отправилась ранее, еще 24 января.

В состав этой, так называемой Первой камчатской экспедиции входили, кроме Беринга, лейтенанты Алексей Чириков и Мартын Шпанберг, гардемарин (впоследствии мичман) Петр Чаплин и свыше 60 человек матросов, солдат и мастеровых, не считая штурманов, геодезиста и др. Среди матросов надо отметить архангельского морехода Кондратия Мошкова, который уже ранее ходил по Охотскому морю, а впоследствии принимал участие в плавании Федорова и Гвоздева 1732 года в Беринговом проливе.

---

[1] Стиль старый, как и всюду ниже.

[2] А. С. Полонский. Первая Камчатская экспедиция Беринга 1725—29 г. Зап. Гидрограф. департ., VIII, 1850, стр. 535—556.

[3] Здесь, очевидно, пропущено слово „плыть".

Несколько слов об участниках экспедиции. Витус Беринг (по-русски его звали Иван Иванович) был родом датчанин. Биография его до 1727 года известна мало. Родился он в 1681 году в Ютландии. В 1703 году плавал в Остиндию.

Рис. 13. Витус Беринг (?). С портрета неизвестного художника.
(Из Мезенцева, Изв. Геогр. общ., 1945).

Петр I пригласил его в 1704 году на службу в балтийский флот с чином мичмана. Беринга именно потому назначили в Камчатскую экспедицию, что он, как писала адмиралтейств-коллегия, «в Ост-Индии был и обхождение знает». Морское дело Беринг, действительно, знал, был честный и добрый человек, но нерешительный, а потому мало пригодный для начальствования в таком сложном предприятии, как экспедиция на Камчатку. Он был чересчур осторо-

жен и слишком придерживался правила tu nisi venti debes ludibrium cave.[1] К тому же к научным вопросам он не выказывал никакого интереса. Впрочем, пожалуй, правильно мнение Бэра: у всякого другого, кто стал бы во главе столь громадного и необычайно трудного предприятия, все дело неминуемо развалилось бы. Как бы то ни было, экспедиции, во главе коих стоял Беринг, сделали громадное научное дело; сам командор погиб геройской смертью на острове, названном впоследствии его именем.

Лейтенант Алексей Ильич Чириков был один из лучших офицеров своего времени — умный, образованный, скромный и твердый, как характеризует его А. Соколов; адмиралтейств-коллегия аттестовала его следующим образом: Чириков показал себя «тщательным и исправным, как надлежит искусному морскому офицеру». Он начал службу гардемарином флота в 1716 году. Скончался в 1748 году.

Лейтенант Мартын Шпанберг, родом датчанин, был хороший моряк, но грубый и жестокий человек, вызывавший множество неудовольствий. Он делал всякие неприятности Чирикову, грозился обрубить ему нос и уши и т. п. В неприязненных отношениях был и с Берингом. Умер в 1761 году.

План экспедиции был таков: через Сибирь сухопутьем, в Охотск, отсюда на судах в Камчатку и далее морем проведывать, соединяется ли Азия с Америкой.

Путь по Сибири шел через Вологду, Тотьму, Устюг, Сольвычегодск, Кайгородок, Соликамск, Туринск, Тюмень, Тобольск. В Тобольск прибыли 16 марта (1725 года) и затем отправились уже водою — Иртышем и Обью, до Маковского острога, что на Кети, притоке Оби. Отсюда по-суху перебрались в Енисейск (70 км). Затем снова пошли водою по Енисею и Верхней Тунгуске до устья Илима, впадающего в Верхнюю Тунгуску. В Илимске, куда прибыли в конце сентября 1725 года, зазимовали.

Зимою в Усть-Кутском, на Лене, были построены суда, на которых весною следующего года отправились вниз по Лене к Якутску, куда и прибыли в июне 1726 года.

Теперь предстояло из Якутска по-суху переправиться в Охотск — задача чрезвычайно трудная и в настоящее время. Большую часть провизии и легкие вещи отправили в конце августа вьюком на 663 лошадях, из коих 267 пали в дороге; остальные же в половине и конце октября добрались до Охотска. Беринг приехал в Охотск еще раньше, 1 октября.

Более громоздкие вещи были отправлены из Якутска

[1] Гораций, Оды, I, 14: если ты не хочешь сделаться игрушкой ветров, берегись.

водою, по Лене, Алдану, Мае и Юдоме. С верхнего течения Юдомы, именно с Юдомского креста, вещи должны были по-суху быть перевезены в Охотск. Караван, шедший под начальством Шпанберга, не дошел далее устья Юдомы, ибо здесь был застигнут морозами. Для ускорения Шпанберг решил часть вещей перевезти зимой на нартах, запрягая их людьми. В начале ноября вышло по направлению к Охотску сто нарт; из них 40 в январе 1727 года достигли, с величайшими трудностями, Охотска. Морозы были ужасные, провизии не хватало. «Идучи путем, — говорит Беринг, — оголодала вся команда, и от такого голоду ели лошадиное мертвое мясо, сумы сыромятные и всякие сырые кожи, платье и обувь кожаные». Многие в дороге погибли, некоторые убежали.

В Охотске в это время было всего с десяток дворов, и для размещения команды пришлось строить избы, для снаряжения — амбары; кроме того нужно было готовить суда. Лошади, пришедшие в Охотск, все от бескормицы пали, и команда на себе должна была таскать камни, глину, лес. Людям же пришлось дотаскивать на себе разбросанные по Юдоме грузы. С ропотом пошли они на эту работу в феврале. Многие погибли, не мало разбежалось. Только в апреле часть из этих вещей была доставлена в Охотск.

Еще до прибытия Беринга в Охотск, здесь для экспедиции был выстроен в 1725 году «шитик»,[1] который спустили на воду в июне 1727 года и назвали «Фортуною». На нем нужно было достичь восточного берега Камчатки. Но Беринг не решился огибать мыс Лопатку. Вместо этого он 30 июня отправил «Фортуну» с грузом провизии под начальством Шпанберга в Большерецк, что близ устья реки Большой на западном берегу Камчатки. Шпанберг успел в скорости обернуться обратно в Охотск, и 4 сентября все, Беринг, Чириков и Шпанберг, собрались в Большерецке.

Теперь, согласно плану начальника экспедиции, надлежало весь груз перевести по-суху на восточную сторону Камчатки в Нижнекамчатск, на расстояние в 900 км. Предприятие очень трудное, которого можно было бы избежать, если бы обогнуть Камчатку водою.

---

[1] Шитик — это судно северного, беломорского типа. В основу шитика, имевшего до 10 м длины, при ширине до 4.3 м, клалось выдолбленное из одного дерева днище („труба"), к которому „нашивались" (откуда и самое название шитика) — обыкновенно ивовыми прутьями — боковые доски, пазы же проконопачивались мхом; снасти и паруса для шитиков часто делались из оленьих кож, якоря — деревянные, с подвязками из камней. См. Н. П. Загоскин. Русские водные пути и судовое дело в до-Петровской России. Матер. для описания русск. рек, XVI, Казань, 1909, стр. 454.

В Большерецке в это время было всего 14 дворов русских. Зимою часть грузов на камчадальских собаках была перевезена на восточный берег Камчатки. Это дело Беринг описывает так: «каждый вечер в пути для ночи выгребали себе станы из снегу, а сверху покрывали, понеже живут великие метелицы, которые по тамошнему называются пурги, и ежели застанет метелица на чистом месте, а стану себе сделать не успеют, то заносит людей снегом, отчего и умирают». Для несчастных камчадалов экспедиция Беринга была сущим бедствием: со всех селений были собраны собаки, так что население осталось без перевозочных средств. Кроме того, камчадалы, занятые перевозкой грузов, упустили удобное зимнее время для звериного промысла. Большая часть доставленных собак погибла, так что и на будущее время собственники их были разорены.[1]

В январе 1728 года в Верхнекамчатск прибыл Беринг, в марте переехавший в Нижнекамчатск. В это время в Верхнекамчатске было всего 17 дворов, в Нижнекамчатске около 50, а во всей Камчатке не более 150 служивых. В Нижнекамчатске Беринг 4 апреля приступил к постройке судна длиной в 60 футов. Лес возили на собаках, смолу курили («сидели») из лиственицы. Усердно заготовляли провиант: покупали оленей, ловили рыбу сетями, сделанными из крапивы, вываривали соль из морской воды, сидели вино из сладкой травы (Heracleum dulce).[2]

8 июня судно было спущено на воду и названо «Св. Гавриилом».

Плавание к Берингову проливу

13 июля 1728 года бот «Св. Гавриил» вышел из устья реки Камчатки в море, погрузив провианту на 40 человек на год.

29 июля миновали устье Анадыря, 1 августа открыли губу,

[1] Беринг распорядился не брать ясаку с тех камчадалов, которые состояли при экспедиции, но сборщики взыскивали с них ясак в свою пользу. Особенно отличался взяточничеством и жестокостью комиссар Новгородов и его помощники. Про них участники камчатского бунта 1731 г. рассказывали, что в 1730 г. они, кроме двойного ясака, брали по пяти голов с души „в чащину“ (камчатское слово, означающее взятку) соболями и лисицами, а у кого не было зверей, то кухлянками, парками, женами и холопьями; да в 1731 г. брали по три ясака да по пяти чащин. „Сверх того сбирали „неподобные“ [т. е. неуказанные] сборы: сладкую траву, кипрей, сарану, уток, гусей, юколу, ушканину; собирали ясаки за умерших и били за недачу на смерть. За обором кормов камчадалы голодают и умирают; а по отнятии жен и детей и от смертного битья многие давились и, не стерпя таких обид, стали быть в зломыслии“. (Сгибнев. Морской сборник, 1869, № 4, стр. 117—118, 122—123). Возможно, что одним из поводов к восстанию 1731 г. были также непомерные тягости, возложенные на камчадалов экспедицией Беринга.

[2] Зап. Гидрограф. департ., VIII, стр. 547.

названную губой св. Креста, 6-го вошли в губу св. Преображения, где налились водою. 8-го, под 64½ с. ш., подошли к одной губе, где к судну пригребли в кожаной лодке (из кожи сивучей) восемь чукоч, которые, объясняясь через посредство бывших на «Св. Гаврииле» коряцких толмачей, сказывали, что «земля их делает две губы и обращается к устью реки Колымы и всюду прилегло море и великие отмели; и на море, в которое впала река Колыма, всегда носит льды». «На море де знаем один остров, на котором живут люди нашего рода, а кроме того никаких островов и земель не знаем».[1]

9—11 августа обходили Чукотский нос, 10 августа открыли остров, названный именем св. Лаврентия. Полагают, что это тот же остров, о котором говорили чукчи. Но следует иметь в виду, что на острове этом, по крайней мере теперь, живут эскимосы; в 1890 году их было 267 душ.

Затем вошли в пролив, теперь называемый Беринговым, и 13 августа, под широтою 65° 30′ стали держать совет, итти ли к северу и сколь далеко. Шпанберг предлагал подвигаться вперед до 16 августа, а затем вернуться назад. Мнение же Чирикова было таково:

«Понеже известия не имеется, до которого градуса ширины из северного моря подле восточного берега Азии, от знаемых народов Европейским жителям бывали, и поэтому не можем достоверно знать о разделении морем Азии с Америкою, ежели не дойдем до устья реки Колымы, или до льдов— понеже известно, что в Северном море всегда ходят льды — того ради надлежит нам непременно, по силе данного Вашему Благородию указа, подле земли итти, ежели не воспрепятствуют льды или не отыдет берег на запад к устью реки Колымы, до мест показанных в означенном е. и. в. указе; а ежели земля будет поклоняться еще к N, то подлежит по двадцать пятом числе сего настоящего месяца в здешних местах искать место, где бы можно было зимовать, а наипаче против Чукотского носа, на земле, на которой, по полученной сказке от Чукоч через Петра Татаринова, имеется лес.[2] А ежели до означенного числа будут противные ветры, то в то время всегда искать зимовой гавани».

Беринг не последовал совету рассудительного и храброго моряка. А между тем к разрешению поставленной экспедиции задачи нужно было итти только таким путем, какой предлагал Чириков: надлежало плыть к устьям Колымы, на что по состоянию погоды и льдов, а также по времени — 15

[1] Там же, стр. 550. См. также Дневник Чаплина, Вахтин, Русские труженики моря, 1890, стр. 56—57.

[2] Здесь имеется в виду, очевидно, не Петр Татаринов, приказчик Анадырского острога, а Петр Попов, о показании которого см. выше, стр. 50.

Рис. 14. Копия с карты Беринга 1730 г., перечерченная мичманом Петром Чаплиным и затем снова перечерченная геодезистом Иваном Хоныковым.
(Из картографического архива Академии Наук СССР.)

(26) августа — была полная возможность. Только этим способом можно было удостовериться в том, что между Азией и Америкой нет соединения. Осторожный командор присоединил свой голос к мнению Шпанберга.

14 августа «довольно видели котов», т. е. морских котиков. 15-го достигли 67° 18′ с. ш.[1] Так как тут земли больше не было видно, то Беринг решил, что задача исполнена: Азия не соединяется с Америкой, и приказал вернуться обратно. В своем донесении[2] он говорит об этом так:

«А 15 дня того же августа пришли в ширину северную 67 градусов 18 минут. Рассуждал, что по всему видимому и по данной инструкции блаженныя и вечнодостойныя памяти его императорского величества исполнено, понеже земля более к Северу не простирается, а к Чюкоцкому или к Восточному углу земли никакой не подошло, и возвратился».

Таким образом Берингу не удалось видеть ни американского берега, ни заворота азиатского к западу.

На возвратном пути открыли остров св. Диомида (на самом деле тут два острова, Ратманова и Крузенштерна.[3]

Еще Ломоносов писал про обратный путь Беринга: «Жаль, что идучи обратно, следовал тою же дорогою и не отошел далее к востоку, которым ходом конечно бы мог приметить берега северозападной Америки».[4]

20 августа пригребли на четырех лодках человек сорок чукоч, которые привезли с собой для продажи мяса, рыбы, лисиц, белых песцов «мест с 15 да 4 зуба моржевых, которые служители команды у них раскупили на иглы да на огнивы». Чукчи объяснили, что родники их ходят на Колыму сухим путем, на оленях, а морем не хаживали, что далеко по морскому берегу живут люди их рода и что русских они давно знают. А один сообщил, что бывал в Анадырском остроге.[5]

1 сентября прибыли к устью р. Камчатки и зазимовали в Нижнекамчатском остроге.

В июне следующего, 1729 года Беринг пытался отсюда достичь американского берега: «камчатские жители сказывали, что будто в ясные дни они видят землю через моря».[6] Камчадалы имели в виду остров Беринга. Выйдя из Нижнекам-

[1] Dall, 1890, p. 45, полагает, что настоящее положение этого места, вероятно, 67° 24′ с. ш., 193° 15′ в. д. от Гринича, т. е. ближе к берегу Аляски, в заливе Коцебу.

[2] Зап. Военно-топогр. депо, X, 1847, стр. 74. — „Экспедиция Беринга", 1941, стр. 64, 86.

[3] Об этих островах подробности см. выше, стр. 24—26.

[4] Сочинение Ломоносова. Изд. Гидрограф. департ. мор. мин. СПб., 1847. стр. 57.

[5] Беринг, там же.

[6] Донесение Беринга.

чатска 5 июня на восток, Беринг уже 8-го, из-за сильного ветра с туманом, повернул обратно, обошел южный мыс Камчатки (мыс Лопатка), положил его на карту и 2 июля вошел в Большерецкое устье. Отсюда 23 июля пришли в Охотск.

29 августа Беринг был уже в Якутске, а 1 марта 1730 года вернулся в Петербург, после пятилетнего отсутствия.

Нельзя не отметить, что Беринг не решил с непререкаемой очевидностью поставленной ему задачи: узнать, не соединяется ли Азия с Америкой, ибо, как указал Чириков, мост между ними мог находиться где-нибудь к западу от того места, где прошел «Св. Гавриил».

В инстанциях, которые заведывали делами Камчатской экспедиции, отдавали себе отчет об этом. Так, Сенат в указе от 28 декабря 1732 года, излагая официальную инструкцию 2-й экспедиции Беринга, писал: «Император Петр Великий, для куриозите, посылал осведомиться от обоих берегов, сходятся ль берега американские с берегами Азии; но тогда оное в действо не произошло».[1] Это сообщение предназначалось «для публичного показания», т. е. для иностранцев, но фраза о безрезультатности первой экспедиции, очевидно, соответствовала мнению Сената.

О ходе первой экспедиции мы имеем весьма скудные сведения, и все наиболее существенное, что известно, приведено выше.

Некоторые научные результаты

Сам Беринг ничего не напечатал относительно результатов своего плавания. По возвращении в Петербург, в марте 1730 года, он представил карту (рис. 7) и краткий отчет. И то и другое было впервые опубликовано в самом неподходящем месте и потому до сих пор лицам, занимавшимся историей экспедиции Беринга, оставалось неизвестным. Мы говорим о четырехтомном «Описании Китая» французского иезуита Дю-Гальда. В последнем томе этого труда, вышедшем в Париже в 1735 году, помещен краткий отчет о путешествии Беринга,[2] а равно и карта, составленная Д'Анвиллем в 1732 году.[3] Дю-Гальд говорит, что карта Беринга была послана (кем не сказано) польскому королю «как предмет, достойный его внимания и любопытства», а королем пере-

[1] Полное собрание законов, № 6291. См. также J. G. Gmelin. Reise durch Sibirien, I, 1751, p. 9 ненумеров.

[2] Relation succinte du voyage du capitaine Beerings dans la Sibérie. Помещено: в J. B. du Halde. Description géographique, historique, chronologique, politique et physique de l'empire de la Chine et de la Tartarie chinoise.... IV, Paris, 1735, p. 452—458.

[3] Carte des Pays, traversés par le Cap. Beerings depuis la Ville de Tobolsk jusqu'à Kamtschatka, 1732.

слана Дю-Гальду. Очевидно, к карте был приложен и отчет, написанный, судя по транскрипции географических имен, по-польски. Опубликованный в книге Дю-Гальда отчет о пути на Камчатку и плаваниях 1728—1729 годов представляет пересказ донесения Беринга императрице Анне Иоанновне 1730 года. По-русски он напечатан впервые в 1847 году и перепечатан Вахтиным в 1890 году, а также в книге «Экспедиция Беринга», 1941. Здесь помещены некоторые небезинтересные сведения о якутах и камчадалах, частью повторенные и в «предложении» Беринга, поданном им в Петербурге в апреле 1730 года, и впервые напечатанные полностью Соколовым в 1851 году.[1]

О якутах Беринг сообщает следующие интересные факты.

«Якуты имеют у себя скота довольно, лошадей и коров, а пропитанием и одеждою довольствуются все от скота, а которые скота мало имеют, оные рыбою; веру держат идолопоклонническую, кланяются солнцу, луне да изо птиц лебедю, орлу и ворону; имеют у себя в великой чести ворожеи, которые по тамошнему называются шеманы, они же у себя имеют болванов маленьких, а по их шайтаны; а по признанию, что оные от татарской породы».[2]

О камчадалах Беринг рассказывает: «По их зловерию пакость имеют, если жена или скот какой родит двоих, то одного из них тотчас задавят которой час родится и признавают себе за великий грех, ежели не задавят одного из двоих родившихся».[3]

«А народ Камчатской имеет обыкновение, когда захворает человек и пролежит немного, хотя и не при смерти, тогда выбрасывают вон и пропитания ему дают мало, то от голоду умирают; старый или молодой человек не похочет более жить, то выйдет в зимнее время на мороз и голодом умирают; и многие сами себя давят; а ежели случится утопать в реке одному, а многие видят, то ему споможения не чинят, а ставят себе в великий грех ежели избавят от потопления; и тако напрасно много народу от такого их обыкновения погибает. Того ради надлежит приказать накрепко, чтоб болезнующих из домов не выказывать и самим себя не умерщвлять».[4]

Далее Беринг передает про камчадалов, что они оставляют то жилище, в котором скончался человек; мертвых не хоронят в землю, а выбрасывают на съедение собакам. Коряки же (у Дю-Гальда это, по описке, приписано курилам) мертвых сжигают, «понеже им такой их обычай хотя и запрещается, но токмо не под страхом».

[1] Соколов. Зап. Гидрограф. департ., IX, стр. 427—435.
[2] Зап. Военно-топограф. депо, X, 1847; Вахтин, стр. 89.
[3] Зап. Гидрограф. департ., X, 1847; Вахтин, стр. 93.
[4] Соколов, стр. 432; ср. также Du Halde, p. 456—457.

Про камчатских русских Беринг говорит, что они ни хлеба, ни скота не имеют, для передвижения пользуются собаками, питаются рыбой, кореньями, ягодами, дикими птицами и морскими животными. Из овощей на Камчатке хорошо родится репа: «такая великая годом живет, какой и в России мало находится, а именно: по 4 репы в пуд»; кроме того в нижнем течении р. Камчатки, в пустыни Якутского монастыря, родится ячмень, конопля, редька.

Рис. 15. Якутка у хотона (хлева). Из коллекции снимков Института антропологии и этнографии Академии Наук СССР.

Сообщаемые Берингом сведения о камчадалах правильны. Стеллер передает, что камчадалы выбрасывали опасно больных на съедение собакам или оставляли одних в юртах, где их пожирали собаки.[1] Надо думать, что это делалось с согласия самих умирающих, дабы сократить их мучения; так, по крайней мере, говорит Стеллер в другом месте.[2] Случалось, что больные сами уходили в лес и здесь обрекали себя голодной смерти; тела их оставались на растерзание диких зверей.[3] Ничтожного повода камчадалу было довольно, чтобы

[1] Steller. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, 1774, p. 354.
[2] Там же, p. 294.
[3] Там же, p. 354, 294.

лишить себя жизни. Во время следствий 1741 и 1742 годов камчадалы нередко кончали жизнь самоубийством. Самый распространенный способ самоубийства был — утопить себя, другой, менее распространенный — повеситься, еще реже — зарезаться. Нередко прибегали к самоубийству старики, придя к убеждению, что они стары и ни к чему не годны. В 1737 году, рассказывает Стеллер,[1] по этой причине один старик просил своего сына повесить его на балагане (лет-

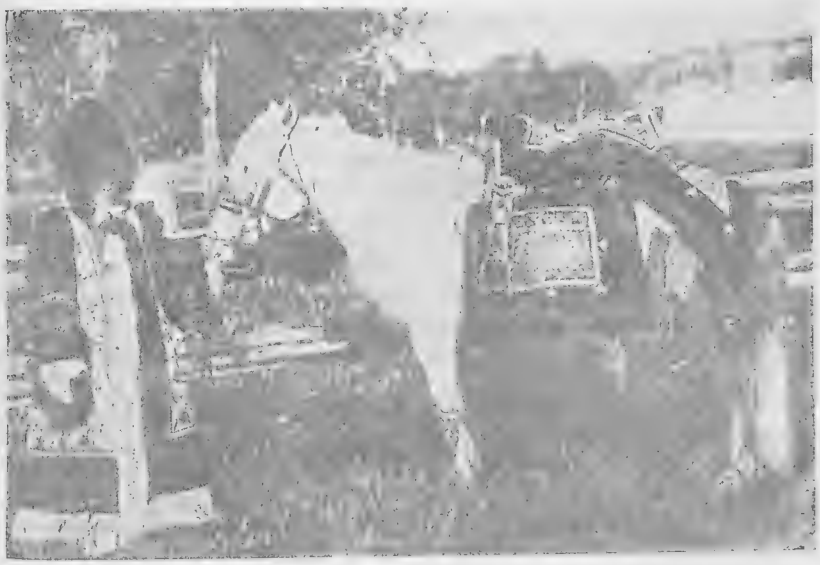


Рис. 16. Якутка с оседланной лошадью (бывший Якутский округ). Из коллекции Института антропологии и этнографии Академии Наук СССР.

нее жилище на столбах), что сын и исполнил; однако, ремень оборвался, и отец, упав, стал бранить сына за неловкость. Тогда сын снова его повесил и на этот раз более удачно. И у чукоч старики, соскучча жизнью, просят иногда своих родственников насильно пресечь им жизнь. О таком случае, происшедшем около 1820 года, рассказывает Врангель.[2] О том же подробно говорит Богораз, который за время с 1890 по 1901 год слышал о двадцати случаях подобной смерти среди чукоч. Один из чукоч, почувствовав сильную боль в желудке, ночью просил своих товарищей убить его, что те и исполнили. Вообще добровольная смерть считалась

[1] Там же, p. 294.

[2] Ф. Врангель. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю. СПб., 1841, I, стр. 345.

делом как бы почетным. Добровольная смерть встречается также среди эскимосов и наблюдалась среди коряков. У курилов (т. е. айнов), говорит Крашенинников (II, стр. 184), «самоубийства не меньше бывает, чем у камчадалов».[1]

Точно так же весьма распространены были самоубийства среди алеутов. Про жителей, например, острова Атхи Вениаминов рассказывает, что они лишали себя жизни от печали по родным (сыну, племяннику, мужу, жене), от неудачи; предпочитали также добровольную смерть пленению неприятелем.[2] Про коняг (эскимосское племя, живущее на острове Кадьяк) Давыдов рассказывает следующее: «равнодушие сих дикарей к жизни достойно удивления. Самоубийства здесь от самых малых причин иногда происходят, и об отвращении оных мало заботятся. Когда кто скажет, что он хочет убиться или утопиться, то его не станут ни удерживать, ни уговаривать об оставлении сего намерения и даже, увидев его утопающего, ни кто не поедет спасать».[3]

О распространении самоубийств среди камчадалов говорит и Крашенинников; особенно участились самоубийства после покорения Камчатки, так что из Москвы даже был прислан указ, «чтоб Россиянам не допускать камчадалов до самовольной смерти»,[4] вероятно, — результат «предложений» Беринга. Во время войны камчадалы, если военное счастье им изменяет, закалывают жен, детей и кончают жизнь самоубийством.[5] По словам того же автора,[6] «за смертный грех почитают утопающего избавить от погибели, для того, что по их суеверию, тем, кои изловят, самим утонуть будет». Стеллер прибавляет, что утопающему не только не помогали, но, напротив, старались утопить его, полагая, что лучше ему умереть; если же утопающему удавалось спастись, то считали его как бы зачумленным: не пускали в свое жилище, не давали

[1] Добровольная смерть стариков встречается и у других народов. Так, про зауральских самоедов Ю. Кушелевский (Северный полюс и земля Ялмал. СПб., 1868, стр. 52) рассказывает следующее: „Остяки называют самоедов орхой (дикий). В преданиях самоедов и остяков еще по настоящее время сохранилось в памяти следующее обыкновение самоедских предков. Удрученный летами самоедин, когда чувствовал себя неспособным к промыслам и езде на оленях, тогда жизнь свою считал в тягость себе и своему потомству. Вследствие этого и вследствие убеждения, что в загробной жизни он может быть купцом, приказывал убить себя в честь счастливой жизни своего потомства".

[2] И. Вениаминов. Записки об атхинских алеутах и колошах. (Записки об островах Уналашкинского отдела, часть III), СПб., 1840, стр. 9.

[3] Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова. Часть II, СПб., 1812, стр. 33; см. также стр. 33—35, 40—42.

[4] Крашенинников, l. c., II, стр. 16.

[5] Там же, стр. 65. — Steller, l. c., p. 238.

[6] Там же, стр. 79. — Steller, l. c., p. 295.

пищи, не говорили с ним, принимая его как бы за настоящего мертвеца.

Крашенинников подтверждает, что в случае появления на свет двойни, одного младенца камчадалы умерщвляли.[1] То же делали и курилы.[2] Мертвых камчадалы вытаскивали из юрты, привязав ремень на шею, и отдавали на съедение собакам, считая, что кого съедят собаки, тот на том свете будет ездить на добрых собаках.[3] Жилища, в которых кто-нибудь умер, они всегда покидали из страха, чтобы к ним не пришел умерший.[4] То же делали и курильцы на южных Курильских островах.[5] Коряки [6] и иногда чукчи [7] сжигают мертвых, а курилы — по крайней мере, островные — умерших зимою хоронили в снег, а летом в землю.[8]

Отметим некоторые наблюдения, сообщенные Чириковым в его путевом журнале.[9]

Про реку Обь он под 22 июня 1725 года сообщает: «Река Обь гораздо велика во многих местах меж устьями реки Иртыша и Кеты (Кети). Рыбы в себе содержит множество стерлядей, осетров, муксунов, нельма, щуки, язи и протчая премножество, токмо не вкусна».

Под 6 июня 1726 года, на Лене, ниже Киренска, записано: «жители по Лене в разных местах сказывали, что мая 14 дня на вечер было великое трясение земли с час временем».[10] 8 февраля 1727 года в Якутске «при захождении солнца был около его круг огневидной, а в кругу в двух местах к N и S были кружки величеством против солнца, гораздо светлей всего круга; наипаче светлей был северный». Здесь описано явление круга и побочных солнц около солнца; побочные солнца можно видеть на кругах лишь тогда, когда солнце близко к горизонту. Все явление наблюдается обычно во время зимних антициклонов, когда нередко бывают перистые облака; отражение солнечных лучей в кристалликах, из которых состоят перистые облака, и дает начало кругам и побочным солнцам.

---

[1] Крашенинников, l. c., II, стр. 127.
[2] Там же, стр. 184.
[3] Там же, стр. 135—136.
[4] Там же, стр. 136, 78.
[5] Г. Шелехов. Путешествие. Ч. I, СПб., 1812, стр. 131.
[6] Крашенинников, l. c., II, стр. 166. То же коряки делают и теперь (В. И. Иохельсон).
[7] Bogoras. Chukchee, p. 522, 532.
[8] Крашенинников, II, стр. 184. Полонский (стр. 383) говорит, что островные курилы зарывали покойников неглубоко в землю.
[9] Напечатан у Вахтина, стр. 74—85.
[10] О землетрясении этом не упоминается в „Каталоге землетрясений Российской империи" И. Мушкетова и А. Орлова (Зап. Геогр. общ по общ. геогр., XXVI, 1893).

Под 14 апреля 1727 года: «С последних чисел минувшего марта явилась на жителях якутского города болезнь, именуемая корь, а апреля до настоящего числа весьма умножилась, ибо все болезновали, которые прежде в оной болезни не были, а болезни сей в Якутске, по словам здешних жителей, больше 40 лет не бывало, что удостоверяет и настоящая скорбь, ибо жителей в 50 лет и старее обходит, а которые меньше 45 лет, на всех была, а лежали по две недели, а прочие и больше». Действительно, предыдущая эпидемия кори была в Якутске в 1691 году, когда от нее в этом городе умерло 830 казаков (включая детей) и новокрещеных якутов.[1] Чириков отмечает любопытный случай поголовной эпидемии кори. Вопреки общераспространенному мнению, корь не только детская болезнь: она поражает всех, не болевших ею. Лучше всего об этом можно судить по хорошо известной в литературе эпидемии кори 1846 года на Фарерских островах, куда эта болезнь была занесена из Копенгагена; тогда здесь переболели корью решительно все, не болевшие раньше, вплоть до стариков.

IX. ОТКРЫТИЕ ОБОИХ БЕРЕГОВ БЕРИНГОВА ПРОЛИВА ФЕДОРОВЫМ И ГВОЗДЕВЫМ В 1732 ГОДУ

Карта Шестакова

В 1726 году в Петербург явился казацкий голова Афанасий Шестаков[2] из Якутска и показывал карты (очевидно, составленные кем-либо из более знающих людей, ибо сам он был человек неграмотный), на которых в соседстве с крайним северо-востоком Сибири обозначен берег под названием Большой Земли. Одна из дошедших до нас карт не несет никакого заголовка, но на ней написано: «Сию картъ сочинил въ Санктъ Петербурхе Iакутскои жител Афанасеи Феодотовичъ Шестаковъ.[3] Карту эту имели в своих руках И. К. Кирилов,[4]

[1] Г. Ф. Миллер. История Сибири, 2-е изд. Акад. Наук, II, 1941, стр. 87, 578.

[2] Г. Миллер, Сочин. и перев., 1758, часть 1, стр., 119, 195.

[3] Копия ее впервые опубликована Л. Л. Брейтфусом в 1939 г. в статье: L. Breitfuss. Early maps of North-Eastern Asia and of the lands around the North Pacific. „Imago Mundi", III, London, 1939, при стр. 90. Оригинал (или копия) из коллекции Л. С. Багрова размерами $53\frac{1}{2} \times 75$ см.

[4] Карта Шестакова использована Кириловым для рукописной карты северо-восточной Сибири, ныне хранящейся в отделе рукописей библиотеки Академии Наук под № 3634/342 и носящей заглавие: Tabula geographica Partis extremae Orientalis Siberiae et Tartariae nec non Novae Terrae Kamtshatki atq Insularum Japonensium. Время составления этой карты — не ранее 1726 года, когда приехал в Петербург Шестаков. Уменьшенная копия карты Кирилова опубликована Л. С. Багровым в статье: Leo Bagrow. Die Priorität der Entdeckung des Amur, des Tatarischen Golfs und der Insel Sachalin. „Yamato". Zeitschrift der deutsch-japanischen Gesell-

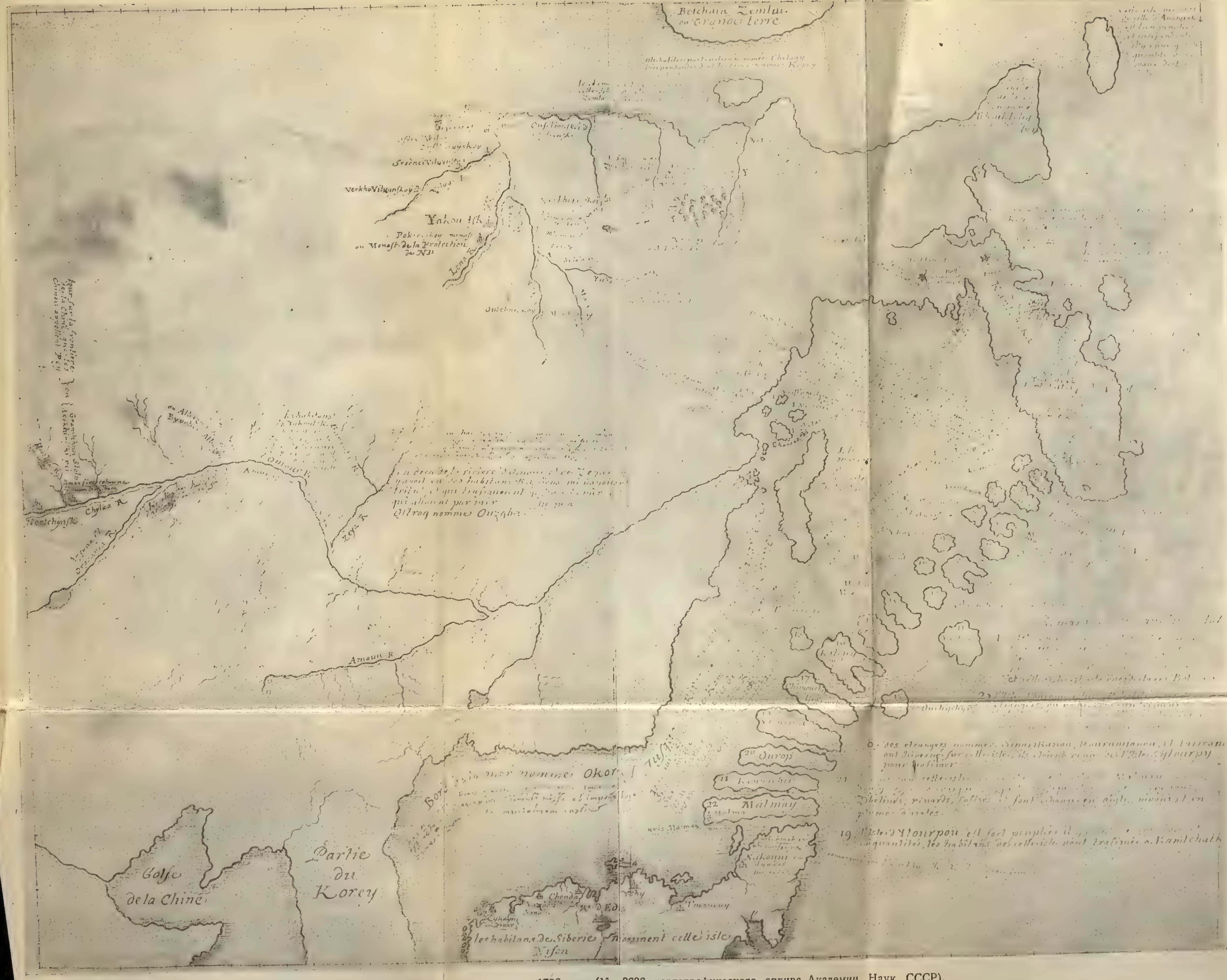


Рис. 17. Карта Шестакова, не позже 1726 года (№ 3636 картографического архива Академии Наук СССР).

Изображает Северо-восточную Азию, Чукотский край, Курильские острова, бассейн Амура и пр.

Г. Миллер, а также Иосиф-Николай Делиль, петербургский академик (1726—1747). Среди рукописей Делиля, хранящихся в Париже, в Национальной библиотеке, имеется другая французская копия, впервые воспроизведенная Гольдером;[1] она значительно отличается от вышеупомянутой; Миллер тоже говорит,[2] что в Петербурге циркулировали «разные карты его [Шестакова] сложения», из коих одна досталась Миллеру.

На карте Шестакова нас, в данный момент, интересует следующее.

В Ледовитом море, против устья Колымы, изображен остров, на котором живут «на своей области шелаги, их князь Копой [Копай] называется». Сведения о Копае и об островах против Колымы доставили в Якутск в 1723 году сын боярский Федот Амосов и промышленный человек Иван Вилегин. Последний рассказывал, что в 1720 году он по льду ездил с устья р. Чукочьей, что к западу от Колымы, на остров, где жителей не видали, но обнаружили старые «юрты» и места старых «юрт». Остров этот в ясные дни виден с устья р. Чукочьей. Это, конечно, 1-й Медвежий, или Крестовский остров. Но, по мнению Вилегина, «протянулась земля оная мимо реки Индигирки и Святого носа до устья реки Яны, а с другой стороны простирается мимо Колымского устья до жилищ Шелагов, которые суть род Чукчей. Сие ему сказал Шелагинский мужик Копай, к которому он ездил в 1723 году и взял с него ясак». В этом представлении соединен 1-й Ляховский остров Новосибирского архипелага с Медвежьими островами и, может быть, с Землей Врангеля. В 1724 году и Амосов побывал на Первом Медвежьем острове, где нашел оставленные «юрты» из выкидного леса.

Надо заметить, что еще в 1647 году Стадухин сообщил в Якутске, со слов «некоторой женки из живущих на Колыме народов», что в Ледовитом море, против устья реки «Чюхчи», т. е. Чукочьей, впадающей западнее Колымы, есть остров, куда чукчи переезжают с Чукочьей в один день на оленях

---

schaft, III, Berlin, 1931, p. 88. В рукописном отделении библиотеки Академии Наук имеется французская копия этой карты Кирилова; на обороте копии (№ 3636/350) указано, что оригинал составлен Кириловым. Французская копия карты Кирилова воспроизведена в моей книге. „Открытие Камчатки и экспедиции Беринга", 1935, при стр. 108, где эта карта не совсем правильно названа „картой Шестакова".

[1] F. A. Golder. Russian expansion on the Pacific 1641—1850. Cleveland, 1914, p. 111. А отсюда мною в статье: Известия о Беринговом проливе, 1925, при стр. 46.

[2] Сочин. и перев., стр. 119, 195.

[3] Миллер. Сочин. и перев., 1758, ч. I, стр. 112—118. Ф. Врангель. Путешествие по северным берегам Сибири и Ледовитому морю, совершенное в 1820—24 годах. СПб., I, 1841, стр. 27—31.

и бьют моржей.[1] Слухи об этом острове, подобно тому как и о Копаевом, имеют основание в существовании Медвежьих островов. Стадухин, как и после него Вилегин, придавал острову, на котором добывают моржа, фантастические размеры: от Святого Носа до Колымы. Мало того, по догадке Стадухина, этот громадный «остров» или земля есть продолжение Новой Земли.

Неясные рассказы о Большом, или Копаевом острове, сплетаясь с темными сведениями чукоч о земле против мыса Якан, т. е. о Земле Врангеля, и с более определенными данными о Большой Земле, т. е. Аляске, давали повод доморощенным сибирским картографам обозначать на картах названные острова и земли. Но возвращаемся к карте Шестакова.

К северу от острова Копая, в расстоянии менее двух суток езды от него, обозначен берег Большой Земли, относительно которой сообщается, будто она открыта шелагским князьцем, т. е. тем же Копаем, в 1723 году. На самом деле, сведения о Копае и о Крестовском острове были принесены в 1723 году упомянутым выше Амосовым, посетившим Копая на острове Аионе (или Сабадее, при входе в Чаунскую губу). На Большой Земле, согласно карте Шестакова, «людей множество, соболей, лисиц, бобров, куниц, лесу много»; все это, как мы видели (стр. 52), действительно, подходит к Большой Земле, т. е. к Аляске. Против устья реки Анадыря, в большем отдалении от материка, чем остров Копая, обозначен значительный остров с надписью: «На сем острову против анадырского устья живут людей множество, а у них свой князь. Соболей, лисиц и всякого звиря много».

Здесь мы имеем вторичное изображение той же Аляски. На крайнем северо-востоке Азии, на месте Чукотской земли, изображен полуостров Святой нос, на котором надпись: «в носу Чукчи немирные, бой имеют каменьем из шибалок, лисиц красных много».

На карте Шестакова весьма любопытно смешение данных о Медвежьих островах с сведениями об Аляске. Замечательно, что такого же рода предположения о близости «острова у устья Колымы» к Америке были и у Мусина-Пушкина (см. выше, стр. 48).

В Петербурге Шестаков брался привести в подданство непокорных чукоч, а затем проведать землю против Чукотского носа и объясачить жителей ее. Этот энергичный человек сумел внушить доверие к себе, и ему поручено было начальство над целой экспедицией, в состав которой входили, кроме него, штурман Яков Генс, подштурман Иван Федоров,

[1] Дополнения к Актам историч., III, 1848, стр. 99—100. — Миллер, I. c., стр. 14—15. — Л. С. Берг. История географического ознакомления с Якутским краем. «Якутия», изд. Акад. Наук, 1927, стр. 17—23.

геодезист Михайло Гвоздев, рудознатец Гардебол, 10 матросов; в Тобольске присоединились капитан Дмитрий Павлуцкий и 400 человек команды из казаков.[1]

Все это происходило уже после отправления Беринга в его первую камчатскую экспедицию: как мы говорили, Беринг выехал из Петербурга 5 февраля 1725 года.

Итак, Шестаков отправился в июне 1727 года из Петербурга в Якутск. Прибыв из Якутска в Охотск, он осенью 1729 года пошел морем в Тауйск, что на берегу Охотского моря, потерпел здесь крушение и весною 1730 года погиб в стычке с чукчами на реке Шестаковке, или Егач, впадающей в Пенжинскую губу. Но за три дня до смерти Шестаков распорядился послать людей на судне кругом Камчатки, наказывая им дойти до реки Анадыря и привести в ясачный платеж жителей Большой Земли, находящейся, как думал Шестаков, против Анадыря.

Плавание Федорова и Гвоздева

Преемник Шестакова, капитан Дмитрий Павлуцкий продолжал дело своего начальника. Он снарядил осенью 1730 года новую экспедицию к Большой Земле в составе двух судов. Одно из них разбилось у берегов Камчатки, а другое, проведя две зимы на Камчатке, было отправлено на север под начальством подштурмана Ивана Федорова, у которого помощником был геодезист Михаил Гвоздев. По возвращении из экспедиции, Федоров умер на Камчатке в феврале 1733 года, и честь открытий, сделанных им, современем была приписана Гвоздеву, впервые о них более подробно сообщившему лишь в 1741 и 1743 годах.[2]

В отчете Гвоздева не приводится никаких определений широт. Равным образом, не имеется и карты. Изложение Гвоздева не отличается ясностью, но следует иметь в виду, что в Беринговом проливе ориентироваться очень трудно, ибо, как мы указывали, мысы кажутся островами, и это вводило в заблуждение мореплавателей, гораздо более опытных, чем Федоров и Гвоздев (например, Коцебу в 1816 году).

23 июля 1732 года Федоров вышел из устья Камчатки и 3 августа достиг «Анадырского носа» — повидимому, мыса, называемого теперь Чукотским. 5 августа пришли «к Чюкоцкому носу к южной стороне». Это, очевидно, не мыс Дежнева, а какой-нибудь из мысов к северу от мыса Чаплина. Отсюда на следующий день пригребли чукчи на двух байдарах. 7 августа Федоров высаживался на берег; здесь «ос-

[1] Миллер. Там же, стр. 400 сл.

[2] Первый поход русских к Америке. Записки Гидрограф. департ., IX, 1851, стр. 78—107. — Эта статья, без сомнения, принадлежит перу Ал. Соколова.

мотрели две юрты пустые, деланы в земле, китовыми костьми, старые и разрытые».[1] Это, очевидно, были остатки древних полуподземных чукотских жилищ. 8-го числа подняли якорь, но на следующий день вернулись опять на старое место. Через два дня пошли далее, повидимому, вдоль берега на север, и 13 августа, когда заштилело, высадились на берег и увидели над речкой юрты; «осмотрели оных юрт числом шесть, сделаны в земле, деревянные, лесу елового». Это место было где-нибудь к югу от мыса Дежнева. 15 августа в 11 часов утра подняли якорь и с попутным ветром пошли далее: 16 или 17 августа[2] осмотрели остров, — вероятно, Ратманова. Лавируя, вернулись 17-го снова к материку Азии и здесь «увидели на Чюкоцком носу юрты». На двух байдарах пригребли туземцы (эскимосы), которые «про себя сказали, что Чюкчи зубастые, а про свое жилье сказали, что самой Чюкоцкой нос». Судя по этим данным, Федоров был на мысу Дежнева, именно у эскимосского селения Нуукан. Следует только иметь в виду, что здешние эскимосы сами себя не называют «зубатыми»; это могло быть их чукотское название, если они в 30-х годах XVIII столетия еще не перестали носить втулок (хотя о ношении втулок Гвоздев ничего не говорит). Сами же себя азиатские эскимосы называют юыт, т. е. люди, или юпиыт, т. е. настоящие люди.

Как бы то ни было, отсюда пошли «к острову», повидимому, Ратманова. Гвоздев так описывает свое пребывание здесь:[3] «С острова стали по нас из луков стрелять, и мы против их противления выстрелили из трех фузей [т. е. ружей], и велел толмачу спрашивать об них: какой народ? И они о себе сказали, что Чюкчи,[4] и между тем сказали, что родники наши пошли с Оленными Чюкчами против Капитана биться и там де их всех побили».

Капитан, о котором упоминал «чукча», это, несомненно, Павлуцкий, который 14 июля 1731 года имел близ Чукотского носа (т. е. у мыса Дежнева) сражение с чукчами, уже третье по счету. В сражении этом «с чукотской стороны, — говорит Миллер,[5] — было урону более, нежели с Российской стороны

[1] Стр. 92.

[2] Следует иметь в виду, что в XVIII столетии моряки считали за начало суток не 12 часов ночи, а 12 часов дня. И, например, 7 часов пополудни 17 августа в отчете Гвоздева, на самом деле, означает 7 часов пополудни 16 августа.

[3] Зап. Гидрограф. департ., IX, стр. 96.

[4] Странно, что здешние эскимосы назвали себя чукчами. Толмач Федорова, взятый на Камчатке, мог быть (как и толмач Беринга, см. Миллер. Сочин. и перев., 1758, ч. I, стр. 392) только коряком, который был в состоянии легко объясниться с чукчами, но не с эскимосами. Но многие из азиатских эскимосов, а также эскимосов островов Гвоздева, понимают по-чукотски.

[5] Сочин. и перев., 1758, ч. I, стр. 408.

прибытку, потому что и тем Чукчи к подданству не склонились». Замечательно, что в бою на стороне чукоч участвовали, оказывается, и эскимосы, — факт, на который до сих пор, насколько мне известно, не было обращено внимания. Это подтверждает и Миллер:[1] «уверяют, что между убитыми на последнем сражении неприятелями найден один, у коего по обеим сторонам рта на верхней [это ошибка — на самом деле, на нижней] губе были дыры, в которые вставливаются зубы из моржевых зубов вырезанные».[2]

Возвращаемся к описанию Гвоздева. Жителей острова (Ратманова) спрашивали про Большую Землю, «и они про оную землю не сказали сколь велика или остров; а на оной земле какие люди, про то они сказали нашим: Чюкчи, и там де у нас большие Чукчи». Эти разговоры велись на северном конце острова, где было всего две юрты. Посетив юрты, которые были «в земле, деревянные, лес еловый и сосновый», нашли в них корма «моржовина да китовина, а иных никаких кормов не видали», т. е. те же предметы питания, что и сейчас. С северного конца острова пошли морем к южному. Здесь нашли около двадцати юрт. И в конце XIX века на юго-западном мысе острова Ратманова имелось значительное поселение. Попытка толмача склонить здешних жителей к ясачному платежу не удалась. С острова видели Большую Землю.

По описанию Гвоздева,[3] первый посещенный им остров (по теперешнему остров Ратманова) имеет в длину три километра, в ширину один. Леса на нем нет. В расстоянии полумили от первого острова имеется второй, меньший (теперь — остров Крузенштерна). Прибыв к нему 20 августа, посылали на берег для переговоров шлюпку, но она была встречена выстрелами из луков.

20 или 21 августа пошли к Большой Земле и стали в четырех верстах от берега. Никаких жилищ здесь не было. Очевидно, это место находится к северу, точнее — к северо-востоку от мыса Принца Уэльского, на котором лежит эскимосское поселение. Подняв якорь, «пошли подле земли к южному концу», т. е. к мысу Принца Уэльского, и «от южного конца к западной стороне видели юрты жилые версты на полторы». Это было эскимосское селение на мысу, на нынешних американских картах называемое Кингеган. Подойти к берегу, за сильным ветром, нельзя было. «Пошли подле земли по южному сторону, и стало быть мелко, и дошли до семи и шести сажен». Действительно, к юго-востоку от

[1] Там же.

[2] См. об этом также С. Крашенинников. Описание Земли Камчатки. I, 1755, стр. 126, и Steller. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, 1774, p. 240—241.

[3] Стр. 98.

мыса глубины уменьшаются, доходя до 7—6 и менее морских саженей. Повернули назад, а затем, так как ветер отошел к северу, взяли курс на SW (или StW, по другому отчету) и подошли 22 августа к «четвертому» острову. Почему Гвоздев говорит о четвертом острове, когда раньше описано было всего два, неясно. Или он принял мыс Принца Уэльского за остров? Четвертый остров — это остров Кинга или Укивок. По описанию Гвоздева, «оной остров маленькой, видом круглой (в ширину и длину по четыре версты), лесу никакого не имеется». Согласно лоции, остров Кинга имеет две мили в окружности. С острова «пригребал Чюкча [на самом деле — эскимос] в малой лодке, по их называется кухта, к боту, а кухта вся коженная, и верх коженный, только что сесть в ней человеку одному;[1] а на нем надета на платье рубашка, сшита из кишек китовых, и обвязаны кругом его кухты руки и около головы, чтоб вода не залилась; а когда волна морская его всего обольет, то не может к нему в кухту попасть вода. Да у него ж на кухте привязан великий пузырь, надутой, для того чтоб морскою волною не опрокинуло кухту».[2] Островитянина через толмача расспрашивали о Большой Земле. Он сообщил, что на ней живут «наши ж Чюкчи,[3] и лес на оной земле, сказывал, также и реки; а про зверей сказывал, что имеются олени, куницы и лисицы и бобры речные».[4]

Дальнейших исследований у берегов Америки не производили, так как команда стала просить о возвращении обратно на Камчатку. 28 сентября пришли к устью реки Камчатки, а 19 декабря того же 1732 года послали о плавании подробное донесение своему начальнику капитану Павлуцкому в Анадырск. В июле 1733 года, уже по смерти Федорова, Гвоздев отослал «морской диурнал или лагбук» в Охотское правление, не приложив к нему никаких карт. Только в 1741 году в Охотске случайно узнали об экспедиции, заинтересовались этим делом и истребовали от Гвоздева подроб-

[1] Небольшие лодки, предназначенные, как правило, для одного человека, носят у эскимосов название *каяк*; они, как и крупные (*умяк*), обшиваются тюленьими или моржовыми кожами. Каяк с о-ва Укивок изображен у Nelson, p. 220, табл. LXXIX, фиг. 4. У чукоч таких лодок обычно не бывает. По устному сообщению В. Г. Богораза, „кухта" могло произойти из чукотского кай-этвукай, что значит маленькая лодка.

[2] По описанию Нельсона (p. 36), эскимосы в Аляске делают непромокаемое платье из тюленьих кишек. Сидячие чукчи и азиатские эскимосы тоже пользуются верхним платьем из кишек тюленя или моржа (Bogoras, l. c., p. 251, табл. XXVI, фиг. 2).

[3] На полуострове Сьюарда живут эскимосские племена кингигмутов, кавиягмутов и малемутов (Nelson, карта).

[4] Castor canadensis. О промысле бобров см. Загоскин, l. c., II, 1848, стр. 26—28.

ное донесение. Шпанберг, спутник Беринга, найдя журнал Федорова (другой, веденный «для собственной своей памяти»), приказал составить по нему карту, которую послал в Иркутскую канцелярию, а в копии — в Петербург, в адмиралтейств-коллегию. Как карта, так и копия ныне утеряны. Однако в середине XVIII века об открытиях Федорова было хорошо известно в Петербурге, и на составленной Миллером карте Nouvelle carte des decouvertes faites par des vaisseaux russiens aux côtes inconnues de l'Amerique Septentrionale avec les pais adiacents, изданной Академией Наук в 1758 году,[1] мы видим в проливе между Азией и Америкой, против острова Диомида берег (часть Северной Америки), оканчивающийся под 66° с. ш. мысом с надписью Côte découverte par le Geodesiste Gwosdew en 1730 (на самом деле берег открыт в 1732 году).[2]

Таким образом, первым открывшим пролив между Азией и Америкой был не Дежнев и не Беринг, а Федоров, который не только видел острова Гвоздева и противолежащие берега Азии и Америки, но и первый положил их на карту.

X. СВЕДЕНИЯ О БОЛЬШОЙ ЗЕМЛЕ (АЛЯСКЕ) ПОСЛЕ ГВОЗДЕВА (1732) И ДО КУКА (1778)

Сведения Г. Миллера

В Якутске в начале XVIII столетия Большая Земля была хорошо известна. В 1736 году Г. Миллер в бытность свою в Якутске получил от дворянина Ивана Львова составленную

[1] Карта эта составляет необходимое дополнение к статье Миллера, напечатанной в том году в Сочинениях и переводах. Об этой карте Миллер подробно говорит в Сочин. и перев., 1758, ноябрь, стр. 401—423. Первое издание ее вышло еще в 1754 г., второе — является исправленным (стр. 402). В сущности, в 1754 г. карта была лишь награвирована, а вышла в свет в 1758 г. с небольшими исправлениями.

[2] Эти данные взяты со сводной карты, составленной Чириковым, но пока не разысканной, известно описание ее (А. Покровский. Экспедиция Беринга, М., 1941, стр. 14). — На карте, составленной около 1750 г. Тим. Переваловым, на американском берегу Берингова пролива написано: «часть Северной Америки, живут люди, коих называют кухмыльцами» («Красный архив», т. 76, 1936, карта).

На «Карте, принадлежащей к путешествию сотника Кобелева», 1784 (Собрание сочинений, выбранных из месяцословов, V, 1790), против мыса Принца Уэльского (этого названия на карте нет) указывается: «Американский Мыс виден был Гвоздевым в 1732 году, и назван Землица Гигмальская». Не знаю, откуда Кобелев заимствовал это последнее название: в отчетах Гвоздева его нет. Землица Гигмальская есть чукотское название Америки — земля *кыммлыт*, т. е. эскимосская. На карте А. Вильбрехта 1787 г. под названием «Карта, представляющая открытии российских мореплавателей на Тихом море и аглинского капитана Кукка» у мыса Принца Уэльского обозначено: «Мыс принц Вальской, сей нос был еще известен в 1732 г. геодезист. Гвоздевым под названием землица Кыгмальская».

им карту, где против «Анадырского носа» обозначены два острова, один возле другого, со следующей припиской: «До первого острова от берегу езды водою полдня.[1] На нем обитают люди, коих чукчи называют ахьюхалят.[2] Они говорят особым языком, платье носят из утиных кож, питаются моржами и китами. За недостатком у них на острове лесу варят есту рыбьим жиром. Другой остров от первого находится в расстоянии двух дней езды водою [очевидно, — остров Крузенштерна, но расстояние его от острова Ратманова преувеличено]. Жители оного называются по-чукотски пеекелы [отметим, что мыс Дежнева по-чукотски называется Пеек].[3] Они щоки пронимают и вставляют в них зубы, живут в крепких местах, платье носят из утиных же кож».[4] За этими островами изображена Большая Земля, относительно которой на карте сообщается: «Жители Чукчами имянуются кичинэлят. Сии говорят особливым языком, платье носят соболье, живут в жилищах, а бой у них ручной. Звери в их земле водятся всякие, коих кожи употребляют на платье. Лес там ростет ельник, сосняк, лиственник и березняк».[5] «Кичинэлят» — это, очевидно, опечатка вместо кигин-элят, т. е. кыымылыт, как чукчи называют американских эскимосов (см. выше, стр. 56).

Наконец, Миллер упоминает (стр. 197) еще об одной карте, составленной в Якутске. На ней против Шелацкого носу (Шелагского) обозначена «земля неограниченная, коей жители называются кыкыкме и подобны Юкагирам». Эта земля — Кыымын — есть Америка (см. выше, стр. 56).

Сведения Дауркина

За несколько лет до посещения Куком Берингова пролива (1778) весьма ценные сведения об интересующих нас местах были доставлены в Петербург полковником Пленисне-

[1] Это, очевидно, остров Ратманова.

[2] Вероятно, описка вместо *альвайелылыт*, как чукчи называют всех не чукчей (= иноязычные; см. Богораз. Чукчи, 1934, стр. 3).

[3] Происхождение названия Пеек не выяснено. Есть еще один мыс Пеек, это мыс Рауттан (или Руйта, правильнее Роуин) в Чаунской губе, который чукчи тоже называют Пеек. См. Майдель, стр. 272. Богораз, 1934, стр. 8.

[4] Такие же сведения собрал у чукоч Г. Майдель, бывший на Чукотской земле в конце 60-х годов прошлого столетия. Со слов чукоч он передает, что чукчи получают меха от «кергаулов» или «нкергаулов» (т. е. йыкыргаулыт — эскимосов). Посредниками служат «иммалины» (Имахлин — это остров Ратманова), говорящие особым языком, непохожим ни на язык кергаулов (т. е. американских материковых эскимосов), ни на язык айгванов (айваны — это эскимосы, живущие ныне на мысе Чаплина). Иммалины одеваются в платье из утиных кож (Майдель. Путешествие по сев.-вост. части Якутской обл. СПб., 1894, стр. 216).

[5] Миллер, стр. 196—197.

ром.[1] Это был курляндский уроженец, участвовавший во Второй камчатской экспедиции Беринга и в 1760 году назначенный в Анадырск главным начальником. Здесь он, по поручению сибирского губернатора Ф. И. Соймонова, собирал сведения об островах у Чукотского носа. Отчет о своих расспросах он представил Екатерине II, а также Академии Наук. В 1772 году Плениснер вышел в отставку и в 1778 году умер в Петербурге. Сообщенные им сведения были использованы на картах Сибири, как увидим ниже.

Летом 1763 года Плениснер посылал из Анадырского острога местного казака Николая Дауркина, родом из чукоч, на Чукотскую землю с целью собрать сведения о прилежащих странах. Вернувшись в 1765 году, Дауркин составил карту посещенных мест[2] (рис. 9) и сообщил охотской канцелярии следующие данные, во многом совпадающие с тем, что мы знаем из карты Львова. В октябре 1763 года море между Чукотским носом (мысом Дежнева) и противолежащими островами замерзло, и Дауркин с одним чукчей переехал на двух оленях на первый остров (Ратманова), что потребовало всего 7—8 часов езды (тогда как летом на байдарах до второго острова надо плыть, по словам Дауркина, целый день). Обитатели этого острова (Ратманова), известные у чукоч под именем ахюхалят,[3] приняли гостей радушно, и первый вопрос их был о табаке.[4] Дауркин дал им несколько листьев табаку, за что получил платье из соболей и куниц. Жители говорят особым языком, носят платье из оленьих шкур, наподобие чукотских кухлянок,[5] питаются мясом китов,

[1] Так пишется его фамилия в Полном собрании законов и у Палласа (Plenisner). В других источниках неправильно пишут Пленстнер и Плестнер.

[2] Карта Дауркина имеется в копии в Московском Центральном историческом архиве. Она носит название: «Карта морского берега от устья реки Анадыра до устья реки Колымы и на супротив лежащих берегов. 1771 года. Подлинная сочинена казаком Николаем Даурким 1765 года в Анадыре». Я не имел случая ее видеть.

[3] Об этом названии см. выше, стр. 104, прим. 2.

[4] Народы северо-востока Азии, а также и американские эскимосы, страстные любители табаку, употребляют его для курения, нюхания и жевания. К аляскинским эскимосам табак попал впервые, еще задолго до прихода русских, через посредство чукоч, которые его, в свою очередь, получали от русских. Еще недавно эскимосы острова Лаврентия предпочитали русский („черкаский") табак американскому. Таким образом, обычай курения табаку, распространившийся в Европе из Америки, совершил шествие вокруг света и снова попал на свою родину на берегах Берингова пролива. См. Nelson, l. c., p. 229, 271; Bogoras, l. c., p. 59, 201.

[5] Кухлянка — это дорожная двойная длинная рубаха из оленьих шкур; нижняя рубаха волосом к телу, верхняя — мехом кверху. См. В. И. Иохельсон. Очерк зверопромышленности и торговли мехами в Колымском округе. Труды Якутск. эксп. И. М. Сибирякова, отд. III, том X, ч. 3, СПб., 1898, стр. 37.

моржей, тюленей, а также оленей. Так как на острове нет леса, то они, как и чукчи, варят свою пищу на ворвани. Для варки пищи, а также для согревания жилищ, употребляют каменные лампы с фитилем из торфяного мха (Sphagnum).[1] Занимаются ловлей моржей, китов и тюленей. Живут в «юртах», крытых шкурами. На другом острове (Крузенштерна) живут такие же люди, как и на первом; их зовут пейесколи (не пеекели ли карты Львова?). Тойоны и знатные вставляют обычно своим детям в прорези нижней губы украшения из моржовой кости, которые по желанию можно вынимать. На берегах Чукотского носа живут пешие чукчи, промышляющие ловом морских зверей; внутри страны — оленные, разводящие стада оленей.

Против Чукотского носа, как к северу (в Ковымском море), так и к востоку (в Анадырском море) лежит страна, называемая чукчами Большой Землей. Тамошние жители отличаются обычаями и языком от чукоч и издавна ведут с чукчами войны. Бой у них луками и копьями. Наконечники стрел и копий они делают из горного хрусталя и отравляют соком лютика (аконита), который так ядовит, что если рану сейчас же не высосать, то раненый не позже как через сутки умирает.[2] От чукотской земли к ближним берегам этой страны можно перегрести в один день. Тогда как на Чукотском носу по безлесию водятся только красные лисицы и волки, на Большой Земле много разного зверя: соболя, куницы, белых и голубых песцов,[3] росомахи, медведя,[4] также морского бобра.[5] Тамошние жители держат большие стада оленей, едят морских зверей и коренья. Есть большие леса из кедра, пихты, ели и лиственицы. В море впадают большие реки. Жители имеют укрепления.[6]

Относительно фауны и флоры Аляски мы уже говорили выше, при разборе отчета Попова. Что касается укреплений,

---

[1] На обоих берегах Берингова пролива как у эскимосов, так и у чукоч, для варки пищи, для освещения и для отопления употребляются каменные и глиняные лампы. Горючим веществом служит тюлений жир, фитилем (у чукоч) — истертый в порошок торфяной мох. Nelson, l. c., p. 63—65; Bogoras, p. 184—185.

[2] На Аляске распространен ядовитый аконит, Aconitum delphinifolium, который встречается и в восточной Сибири. Об отравлении стрел см. ниже, стр. 112.

[3] Голубой песец есть лишь цветовая вариация белого.

[4] В Аляске распространены два медведя: серый, Ursus horribilis, близкий к нашему бурому (U. arctos), и черный, Ursus americanus.

[5] Морской бобр, Enhydra lutris или Latax lutris, есть представитель семейства куниц, и его правильнее было бы называть морской выдрой.

[6] Besondere Nachrichten über die tschuktschische Landspitze und benachbarte Inseln. Aus dem russischen Original übersetzt. Pallas. Neue nordische Beyträge. Bd. I. St. Petersburg und Leipzig, 1781, p. 245—248.

то Нельсон (стр. 327—330) не упоминает о таковых. Но на приложенной карте Плениснера укрепление обозначено.

Карта Чукотской земли и сев.-зап. Америки, представленная Плениснером

Отчет Дауркина, представленный Плениснером Академии Наук в 1777 году вместе с картой, напечатан в переводе на немецкий язык в 1781 году Палласом, но без карты. Карта же, вместе с краткими сведениями, устно сообщенными Плениснером, помещена в 1780 году в издававшемся при Академии Наук «Месяцослове историческом и географическом» на 1780 год.[1] На этой карте, носящей название «Карта Чукоцкого Носа сообщенная от полковника Пленстнера» и мало отличающейся от приложенной здесь, против Чукоцкой Землицы обозначена обширная суша, на запад простирающаяся до меридиана Колымы. В тексте (стр. 43) говорится, что «земля в рассуждении Чукоцкого носа в северной стороне назначенная есть по мнению г. Пленстнера часть северной Америки». Анонимный автор заметки в «Месяцослове» (астроном Румовский?) от себя прибавляет насчет этого предположения (стр. 45—46): «Хотя за подлинно еще утвердить не возможно, чтобы назначенная здесь на севере в рассуждении Чукоцкого Носу матерая большая земля была часть, Америки; однако в том не остается никакого сомнения, что северное море с Тихим имеет сообщение. Издавая карту сию, от г. Пленстнера сообщенную, не утверждаем мы, чтобы она во всем была верна и истинна, и во перьвых невероятно кажется, чтобы земля за Америку почитаемая протянулась на запад даже до реки Ковыма,[2] и в сем месте так близка была к Медвежьим островам».

На карте Плениснера «Чукоцкая Землица» изображена в виде длинного и узкого полуострова, вытянутого на северо-восток; у крайней северной оконечности «Землицы» обозначен Чукоцкой мыс. Довольно широкий пролив отделяет сейчас названный мыс от обширной суши, на которой надписано: «люди живут, носят платье соболье, лисье и рысье,[3] разговор

[1] Известие о Чукотском Носе, стр. 36—46. Здесь более подробно сообщается про путешествие Андреева на Медвежьи острова, Чукотской земле же посвящены лишь стр. 43—46. Оттиск карты Плениснера из «Месяцослова» на 1780 г. имеется в библиотеке Геогр. общества. Копия с нее дана в книге К. И. Богдановича. Очерки Чукотского полуострова, СПб., 1901, табл. XX.

[2] Т. е. Колымы.

[3] Рысь, Lynx canadensis, встречается в Аляске изредка, но мех ее привозимый из Канады, в большом употреблении здесь, как свидетельствует Osgood (p. 40). Nelson же не упоминает о мехе рыси при описании одежды эскимосов с берегов Берингова пролива. Соболя в Северной Америке нет.

с чукчами не сходен, у них торг имеется на первом острову против Чукоцкой Землицы на Инялине». В проливе четыре острова: самый западный несет надпись: «первой остров Инялин, на нем живут люди», на втором (остров Крузенштерна): «второй остров Инялин, на нем живут люди»; над двумя восточными обозначено: «отпрядыш без жилья, Окивахай», один из них это, очевидно, скала Fairway (или Угияк), а Окивахай, — это остров Укивок, или Кинга под 65° с. ш., населенный эскимосами. К востоку от Чукоцкой Землицы нанесен «остров Эйвухтен, на нем живут люди». Это — населенный эскимосами остров Лаврентия, или Эйвхуен, открытый Берингом 10 августа 1728 года.

Возвращаемся к земле против Чукотского мыса. В месте, соответствующем мысу Принца Уэльского, нанесен полуостров, «земля, называемая Кыгмын», близ которой впадает большая река Хевуврен. На западном продолжении американского материка, протягивающемся, как мы говорили, к западу до меридиана Медвежьих островов, написано: «земля Китеген, живут люди» и «живут оленные люди Храхан». Большинство названий, обозначенных на берегах Чукотского полуострова, встречается и сейчас, будучи передано иногда удивительно правильно.

Земля Кыгмын это уже встречавшееся нам чукотское название Америки — Кыымын. Обитатели селения на мысе принца Уэльского (а также Порт-Кларенса и острова Укивок) сами себя называют кингумут или кингугумут.[1] На американских картах селение на упомянутом мысу носит название Кингеган (Kingegan),[2] на карте Кобелева (1779) — Кыгымын. Что же касается реки Хевуврен в земле Кыгман, то в настоящее время реки под этим названием в Аляске нет, но это, несомненно, одно из многочисленных наименований реки Юкона, или Квихпаха. Отметим, что о той же реке Хеврен и об острожке на ней Кинговеи (Кингювеи) упоминает сотник Кобелев, получивший в 1779 году на острове Крузенштерна сведения, что на Хеврене живут бородатые люди, в которых Кобелев готов был видеть русских. На карте к отчету Кобелева изображена река Хеуверен, а на ней поселение Хевьерен.[3]

[1] E. W. Nelson. The Eskimo about Bering Strait. XVII Annual Report of the Bureau of American Ethnology. Washington, 1899, p. 26, карта.

[2] См., например, карту западной части полуострова Сьюард по съемкам 1901 г. в масштабе 1 : 250000 при стр. 24 книги A. Brooks. The geography and geology of Alaska. U. S. Geological Survey, Profess. paper № 45, Washington, 1906.

[3] Собрание сочинений, выбранных из месяцословов. Ч. V, СПб., 1790. Эту же реку Хеуверен можно видеть на карте А. Вильбрехта 1787 г., носящей название «Карта, представляющая открытии российских мореплавателей на Тихом море и аглинского капитана Кукка». Река эта изображена впадающей в зал. Нортон. Затем, на карте, представляющей

Наконец, следует указать, что река Хёверен есть также и в Чукотской земле: она впадает в вершину губы Лаврентия.

Что касается земли Китеген и «оленных людей Храхан», то происхождение этих названий следующее. Сержант Андреев в 1764 году с самого восточного из Медвежьих островов усмотрел остров, который он полагал «величайшим». По собранным им сведениям, там есть люди, называющие эту землю Тикеген, а самих себя хрохаи. Эти «хрохаи» состоят из двух племен: одни — бородатые, похожие на русских, другие — «чукотской породы». Бывшие при экспедиции Биллингса сотник Кобелев и толмач Дауркин подтвердили описание Андреева, представив даже «абрис виденной им земли, составленный некоторым Американским тоеном» (старшиной).[1]

Мы имеем здесь смешение слухов о Земле Врангеля с сведениями об Аляске. На одной из рукописных карт, упоминаемых в книге Cahen,[2] к северу от мыса Шалацкого и острова Калючина обозначена земля, на которой написано: «по описанию сержанта Андреева в 1762 году землица Кигикен обитаема народами, называемыми Хряхаи». В землице Кигикен (она же Китеген и Тикеген упомянутых выше источников) узнаем знакомую нам уже землю Кыгмын или западную часть Аляски. А «оленные люди храхан», или хрохаи, или хряхаи ведут свое происхождение вот откуда. В 1823 году на мысе Северном, или Рыркайпыян, чукчи рассказывали Врангелю, что за двести лет до того на берегу моря, между Шелагским мысом и Беринговым проливом, жил народ онкилон, враждовавший с чукчами. Анкалын по-чукотски значит «морской народ» или «прибрежные жители», «поморы», от анкы — море. Так сидячие чукчи зовут себя, прилагая это имя и к другим сидячим народам.[3] Онкилонский старшина Крехай, скрываясь от преследований чукоч, удалился со своими родниками на землю, «в ясные солнечные дни видимую с мыса Якана»,[4] т. е. на Землю Врангеля. Вот это предание о Крехае, слышанное, очевидно, и Андреевым, дало начало недоразумению с народом «хрохаев».

результаты плаваний и путешествий Биллингса и Сарычева 1789—92, имеется та же река Хеуверен. Об этой же реке и о бородатых людях см. у Геденштрома, Сибир. вести., 1822, часть 19, стр. 151.

[1] Журнал Анадырской команды сержанта Андреева, веденной во время путешествия по островам Ледовитого моря. Сибирский Вестник, 1823, ч. IV, стр. 72, прим.; также Врангель. Путешествие 1820—24, ч. I, 1841, стр. 101—102. Ср. также Геденштром. Сиб. вести., 1822, ч. XIX, стр. 149—151.

[2] Cahen, p. 395.

[3] Богораз. Чукчи, 1934, стр. 3. — Jochelson. The Koryak, 1908, p. 407.

[4] Врангель, т. II, стр. 333—334.

В объяснительной записке к прилагаемой при сем карте под заглавием «Примечание к карте о берегах между Азией и Америкой»[1] сообщается, что Чукотская земля нанесена по сказкам некоторых служивых, бывших в походах с Павлуцким в 1744 и 1746 годах, а также по прежним донесениям, найденным в Анадырске. Что же касается до Чукотского носа, то сведения о нем отобраны у казака Кузнецкого, который был в плену у носовых чукоч. Данные же об островах и земле против Чукотской землицы собраны как от чукоч, так и от анадырских русских. Землю Кыгмын Плениснер определенно считает за часть Северной Америки.

Сведения чукчи Хехгигиша

Кроме карты с объяснительной запиской, Плениснер представил в Петербург и все вышеупомянутые материалы, на которых карта основана. Эти любопытнейшие данные были напечатаны в 1825 году.[2] Приводим из них наиболее существенное относительно берегов Берингова пролива (в скобках — наши пояснения).

В 1763 году Плениснер спустился в низовьзя Анадыря, и здесь Хехгигиш, «лучший человек» из сидячих чукоч, сообщил ему через опытного толмача следующее: От устья Анадыря морем шесть — семь дней ходу на байдарах до Сердца-камня,[3] а от Сердца-камня 15—16 дней до Чукотского носа

[1] Напечатана в Записках Гидрограф. департ., X, 1852, стр. 119—123, в заметке: «Карта Чукотской земли, составленная Плениснером в 1763 г.» Сама карта здесь не воспроизведена.

[2] В. Н. Берх. Разные известия и показания о Чукотской Земле. Северный Архив, журнал древностей и новостей по части истории, статистики, путешествий, правоведения и нравов, издаваемый Фаддеем Булгариным и Николаем Гречем. Часть XVIII. С.-Петербург, 1825, стр. 164—201. — Снова напечатано по копиям в делах экспедиции Беринга, хранящихся в Ленинградском отделении Центрального архива в: «Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке», изд. Института народов Севера, 1935, стр. 180—188.

[3] Не следует смешивать этот Сердце-камень с м. Сердце-камень на ледовитоморском берегу Чукотского полуострова. Тот Сердце-камень, о котором здесь говорится, есть гора Лингличгай (по-чукотски = Сердце-камень) высотой 446 м, лежащая близ восточного берега залива Креста (Берингово море), под широтою 65° 36′ (Ф. Литке. Путешествие вокруг света на военном шлюпе Сенявин 1826—29. Отд. мореходное. СПб., 1835, стр. 224. Также: Лоция Берингова моря, 1909, стр. 202). Находящийся же на берегу Ледовитого океана мыс Сердце-камень носит это название по недоразумению. 15 августа ст. ст. 1728 г. Беринг, достигнув широты 67° 18′ (см. выше стр. 89), вернулся обратно. Миллер же (Сочин. и перев., 1758, ч. 1, стр. 394) совершенно неправильно предположил, что северный пункт, достигнутый Берингом, есть та гора Сердце-камень на берегу зал. Креста, которую чукчи называют, как мы видели, Лингличгай и которая лежит на целых полтора градуса южнее. Название Сердце-камень закрепил за ледовитоморским мысом, ссылаясь на Миллера, Кук (Cook. III, p. 336—7, франц. пер.), бывший здесь 1 сентября 1778 г. и дающий для мыса широту 67° 3′.

(т. е. до мыса Дежнева). Против Чукотского носа в море есть два острова, один малый (остров Крузенштерна), другой большой (Ратманова). На большом острове живут люди не чукотской породы, а другого рода; говорят они особым языком, «и самые лучшие их мужики и старшины имеют у себя для украшения их сделанные из моржевых зубов подле рта у нижней губы, в прорезанных на обеих сторонах скважинах по одной плоской кости круглой, подобных запонкам, величиною как прежде бывшие пятикопеечники медные и против нынешних гривенников и пятикопеечников серебрянных; и те кости они вдевают в помянутые скважины во время своего друг к другу приезда в гости или во время их жертвы, по сему и называются Зубатые; а когда начнут есть, то те кости из прорезанных скважин вынимают; а как наедятся, паки в те же скважины вставляют; и живут де те люди по неимению у них удобного лесу в поставленных из больших моржевых кож и осыпанных землею юртах» (стр. 166—167).

Недалеко от этого острова, в расстоянии дня ходу на байдарах, есть земля, которую чукчи называют Большою Землею, считая, что она обширнее страны, обитаемой ими, чукчами. Люди, живущие здесь, зовутся кыхмынцами (собственно, кыхми, т. е. эскимосы, об этом см. выше, стр. 55—56). По языку кыхмынцы отличаются от чукоч, но сходствуют с живущими на большом острове зубатыми людьми. Жен имеют по две, по три, по четыре.[1] Платье носят из оленьих кож, куниц и лисиц красных; как впереди, так и позади пришивают хвосты разных зверей.[2] Шьют платье иглами из красной меди.[3] Медь добывают в своей земле.[4] Железных вещей не имеют, а вместо железных топоров имеют топоры из яшмового камня, которыми рубят лес и делают, что нужно.[5]

[1] О многоженстве у эскимосов см. Загоскин, l. c., I, стр. 47; Nelson, l. c., p. 292.

[2] Относительно этого было сказано выше, стр. 53—54.

[3] О том, чтобы у аляскинских эскимосов были медные иглы, Nelson (p. 106) не упоминает: они делали иглы из кости, моржового зуба, оленьего рога. Медь могла быть у обитателей бассейна реки Медной, где имеются богатые залежи меди и где нередко на поверхности земли попадаются самородки меди. На берегу моря близ устья реки Медной живут эскимосы, соседями их являются индейцы-атапаски.

[4] Это тоже не может относиться к эскимосам.

[5] Железо до прихода русских аляскинским эскимосам не было известно. Топоры они изготовляли тогда (и вплоть до 80-х годов XIX столетия) из нефрита, кремня и других твердых камней. Ими рубили лес, кололи дрова, строгали доски и пр. (Nelson, p. 91—92, табл. XXXIX, фиг. 3—14). Коллинз, производивший в 1928—1930 гг. археологические раскопки древних эскимосских поселений, находил железо только в тех из них, которые относятся не ранее чем к XVII веку. Однако среди остатков более древней эскимосской культуры, найденной на островке Пунук близ острова Лаврентия, имеются костяные изделия с изящной и тонкой резьбой, какая, по мнению Коллинза, могла быть произведена

Огонь добывают высеканием из камня, а вместо трута пользуются сухим мхом.[1] Живут в деревянных и осыпанных землею юртах. Питаются оленьим мясом и рыбою. Оленей ловят летом, когда те перебираются вплавь через большие реки; в реках же промышляют красную рыбу[2] и гольцов.[3] Зимою возвращаются к морю. В стране этой много лесу: елового, березового, лиственичного. В лесах разные звери: красные и черные лисицы,[4] белые и голубые песцы, волки, куницы, похожие на соболей,[5] по рекам бобры.[6] Зимою и весною в лесах промышляют диких оленей, делая засеки. Люди Большой Земли ведут войны как с чукчами, живущими у Чукотского носа, так и с островными зубатыми людьми. Вооружение у них — луки и копья. Луки из елового «коренья»,[7] а у некоторых из камышевого дерева. Стрелы и копья имеют, как и чукчи, костяные, каменные и хрустальные.[8] Стрелы смазывают соком ядовитой травы лютика, «от которого человек, получив стрелою язву, в скором времени опухнет и умрет»[9] (стр. 171).

только металлическим орудием. Поэтому он высказывает предположение, что железо проникло уже 1600 лет тому назад к эскимосам через Сибирь (H. B. Collins. Prehistoric Eskimo culture on St. Lawrence Island. Geogr. Review, 1932, p. 111, 117—118). Но эти предположения совершенно бездоказательны.

[1] Огонь эскимосы Берингова моря добывают, высекая из кремня, но чаще — вращая, посредством веревки, острие палочки на деревянной подставке (Nelson, p. 75—76).

[2] Лососевые: горбуша (Oncorhynchus gorbuscha), кета (O. keta), чавыча (O. tschawytscha), кижуч (O. kisutch), красная или нярка (O. nerka).

[3] Тоже из лососевых: голец или мальма, Salvelinus alpinus malma.

[4] Чернобурая лисица есть цветовая вариация обыкновенной („красной") лисицы, в данном случае — вариация Vulpes fulva (или alascensis).

[5] Действительно, в Аляске соболя нет, а есть куница, принадлежащая к виду Mustela americana.

[6] Castor canadensis. Теперь речные бобры почти истреблены в Аляске.

[7] Загоскин (Пеш. опись, I, стр. 61) говорит, что на Аляске луки выгибаются из лиственичной или еловой кренн. Кренью называют дерево с винтообразно извитыми слоями. Чукчи делали луки тоже из лиственичной кренн (см. Д. Э. Ухтомский. Чукотские стрелы. Ежегодн. Русск. антроп. общ., IV, 1913, стр. 105).

[8] Наконечники стрел и копий делаются эскимосами из кости, кремня, нефрита, моржового зуба, оленьего рога, иногда из металла (Nelson, p. 145, 147—152, 157). Нельсон описывает и изображает наконечник копья из хрусталя, происходящий с берегов Нортонова залива (p. 149, табл. LVIIa, фиг. 5).

[9] Луки и стрелы у эскимосов были в ходу до последнего времени, но Nelson (p. 157) ничего не говорит о том, чтобы стрелы смазывались ядом; не упоминает об этом и Загоскин (I, стр. 60—61). Луки у чукоч теперь почти вышли из употребления, но до тридцатых годов прошлого столетия были в ходу. По описанию Богораза (Chukchee, p. 155—157), наконечники стрел делались из железа, кости, дерева. Стрелы не отравливались, по словам Богораза, ни у чукоч, ни у других народов северо-восточной Азии (Bogoras, l. c.). Однако Крашенинников (Описание Земли Камчатки, I, 1755, стр. 209) говорит: „еще надлежит упомянуть о корени Згате (Anemonoides et Ranunculus), а по Российски

Рис. 18. Карта Чукотской Земли и Аляски, составленная Пленинером на основании данных Дауркина 1763 г. (№ 3562 картографического архива Академии Наук СССР).

На карте подписано от руки «Получена копия от полковника Пленстнера»

Лютиком на северо-востоке Сибири и в Камчатке называют аконит.

Сведения Кузнецкого

О Большой Земле рассказывал Плениснеру еще казак Борис Кузнецкий, который был в 1754 году взят оленными чукчами в плен и прожил у них долгое время на реке Омгаяне пониже устья реки Тиркигей (это реки Амгуема или Омгуеям,[1] впадающая в Ледовитое море восточнее мыса Рыркайпий, и ее приток Тыртигей). Жителей Большой Земли чукчи называют Кыхмыльцами (т. е., кыымылыт, см. выше, стр. 55). Будучи вместе со своим хозяином у сидячих носовых чукоч, Кузнецкий видел тут «двух баб да одного мужика», которые были взяты чукчами в плен с Большой Земли года четыре тому назад. У одной из пленниц казак увидел «на вороту привязанные две плашки четвероугольные маленькие, по краям незнаемыми словами подпись, которые им, Кузнецким, признаны золотыми» (стр. 190). Женщина объяснила, что пластинки она привезла с собой с Большой Земли, куда эти вещи попадают с юга: в теплой стороне живут люди, к которым ездят их мужики и покупают эти вещи. У этих дальних людей белые каменные избы и светлая посуда.

Кроме того, Кузнецкий сообщил довольно подробные и точные сведения о Чукотской земле и о чукчах. Образ жизни их Кузнецкому не пришелся по вкусу: «и то их Чукотское между самыми каменьями житие, за неименем лесу, самое уже последнее, а к тому и мерзкое, коего едваль в свете для человеческого жития хуже быть может». Он же подтверждает (стр. 193), что у чукоч копья и стрелы бывают желез-

Лютике, которого действие и употребление не токмо Камчадалам, но Корякам, Юкагирям и Чукчам не безизвестно. Все объявленные народы толченым корнем лютика намазывают стрелы свои" (ср. также II, стр. 67). То же относительно камчадалов и курильцев (Kuschi) повторяет и Стеллер (G. W. Steller. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka. Frankf. und Leipz., 1774, p. 94—95, 235—236). А. С. Полонский (Курилы. Зап. Геогр. общ. по отд. эти., IV, 1871, стр. 454) также говорит (не со слов ли Стеллера?), что курильцы намазывали стрелы ядом лютика. То же подтверждают и японские источники, рассказывающие, что курильцы на острове Урупе, в 1770—1771 гг., стреляли в русских отравленными стрелами (см. Д. Позднеев. Материалы по истории северной Японии и ее отношений к материку Азии и России. Т. II, ч. 2. Иокохама, 1909, стр. 21, 25). Равным образом и Torii (Journ. Coll. Sci. Univ. Tokyo, XLI, № 1, 1919, p. 225) говорит о том, что курильцы, равно как и айны островов Иезо и Сахалина, отравляли стрелы настоем растения „суруку". Лютиком на Камчатке называют Aconitum maximum kamtschaticum и A. Fischeri (см. В. Л. Комаров. Путешествие по Камчатке в 1908—09 г. М., 1912, стр. 451).

[1] Название Омгуеям встречается на карте, приложенной к работе И. П. Толмачева. По Чукотскому побережью Ледовитого океана. СПб., 1911 (см. также стр. 90).

ные, костяные и каменные из хрусталю и что они стрелы отравляют соком лютика.

Сообщение эскимоски Иттень

Возвращаемся к Большой Земле. Любопытнейшие сведения о Большой Земле сообщены Плениснером в документе, озаглавленном: «Копия с допросу Чукотской девки Иттени, по которому описание Чукотских островов и Большой Земли на карте положено».[1] Пленная эскимоска Иттень, в крещении Татьяна, была родом из Большой Земли, именно с «вершины реки Куки». Это, очевидно, река Коюк, впадающая в залив Нортон (Norton Bay). Коюк течет в верхнем течении с запада на восток, и верховья его находятся километрах в двухстах от Берингова пролива.[2] Десятилетней девочкой Иттень была взята в плен островными зубатыми чукчами (т. е. эскимосами) и жила у них два года, а затем продана на материк одному оленному чукче, который дал за нее железное копье и два пыжика (т. е. шкуры молодых оленей) — предметы, которые чукчи сбывали эскимосам. Через год чукча доставил молодую эскимоску в низовья Анадыря и променял ее анадырскому казаку Шипунову за медный котел. Шипунов привез ее в 1761 году в Анадырск и здесь окрестил.

Эскимоска сообщила, что ее племя «никогда по Чукотски лиц своих не шьет», т. е. не татуируется, а лицо у нее «было вышито» уже в плену зубатыми чукчами, т. е. островными эскимосами. Нужно заметить, что чукотские женщины у оленных чукоч обычно имеют татуировку на лице в виде нескольких параллельных линий на подбородке и двух таких же линий вдоль носа и далее поперек лба.[3] Операцию эту, довольно мучительную, производят, при помощи иголки, девочкам, когда им минет десять лет, а иногда и раньше. Азиатские эскимоски тоже татуируются, покрывая пунктирным рисунком подбородок, нос, щеки и тыловую сторону кистей. Мужчины татуируются, да и то слабо, только у некоторых азиатских эскимосов и у сидячих чукоч.[4] Американские эски-

[1] Северный архив, l. c., стр. 195—201.

[2] См. карту при работе A. Brooks. The geography and geology of Alaska. U. S. Geological Survey, Profess. paper № 45, Washington, 1906 (также p. 93). Карта эта в уменьшенном масштабе перепечатана в работе Каллиникова.

[3] Bogoras, p. 254, табл. XXIX; также рис. на стр. 255.

[4] Азиатские эскимосы татуировались вплоть до недавнего времени; по крайней мере, в селении Чаплине этот обычай был широко распространен среди взрослых эскимосов в 1934 г.; у женщин были покрыты узором нос, подбородок и щеки, а иногда и руки от кисти до локтя; у мужчин же только изредка можно встретить татуировку около углов

моски практикуют этот обычай, но не везде: к югу от Юкона только часть женщин татуируется, да и то обычай этот распространился сравнительно недавно.[1] Относительно эскимосок острова Кадьяк Лисянский, бывший здесь в 1805 году, пишет: «В старину делали они «Тату» или изпещрение на подбородке, на грудях, на спине и на прочих местах, но таковое обыкновение ныне уже выводится из употребления».[2] Далее Иттень показала, что железа и железных топоров на Большой Земле нет; есть небольшое количество железных ножей, но получают их от чукоч. Топоры делают каменные. Медных изделий тоже не имеют. «Крепостей никаковых от неприятелей не имеют». Женщины заплетают волосы в две косы, а мужчины «волосы оставляют напереди ровно с бровями, а назади с самого темя до затылка режут ножами».[3] «Еще же бабы и девки носят на лбу кружки белые светлые, а какие, серебреные ль или оловяные, о том показать не знает» (стр. 199). Таких украшений Нельсон не описывает. «На той Большой Земле оленей езжалых нет, а ездят на собаках; у нарт делают полозья долгие и толстые, а копылье вставляют частые и подкладывают под те полозья из ребер и щек гладко сделанную китовую кость для нартеной катости». И Нельсон (р. 207) говорит, что у больших саней полозья подбиваются полоской из кости, выпиленной из челюсти кита и прикрепляемой деревянными гвоздями. По словам Иттени, между Большой Землей и Чукотской пять островов, из которых на трех восточных живут Зубатые чукчи (это могли быть: остров Укивок, мыс Принца Уэльского, принятый за остров, и остров Крузенштерна). «Четвертой, третьего больше, в левую их сторону, такой же тальник мелкой есть, и живут люди уже не Зубатые, и носят платье по тому же, птичье и оленье и из китовых брюшин и весьма многолюден»; это, повидимому, остров Ратманова; но непонятно, почему обитателей его Иттень не причисляет к Зубатым. На пятом острове живут чукчи, и «с того пятого острова уже почитается Чукотская земля»; это, вероятно, мыс Дежнева, который с моря кажется островом.

рта (Е. П. Орлова. Азиатские эскимосы. Изв. Геогр. общ., 1941, № 2, стр. 205—206).

[1] Nelson, p. 50.

[2] Ю. Лисянский. Путешествие вокруг света в 1803—1806 гг., II, СПб., 1812, стр. 74.

[3] Ср. Nelson, l. c., p. 57, табл. V—XII.

Ежели целый мир признал Колумба искусным и знаменитейшим мореплавателем; ежели Великобритания превознесла на верх славы великого Кука: то и Россия обязана не меньшею признательностию первому своему мореплавателю Берингу. Беринг, подобно Колумбу, открыл Россиянам новую и соседственную часть света, которая доставила богатый и неизчерпаемый источник промышленности.

В. Н. Берх, 1823.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ВТОРАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ БЕРИНГА

(1733—1743)

XI. СНАРЯЖЕНИЕ ЭКСПЕДИЦИИ. УЧАСТНИКИ

Задачи второй экспедиции

Адмиралтейств-коллегия была не совсем довольна результатом первой экспедиции Беринга. Она соглашалась, что в том месте, где плавал Беринг, не было соединения, или, как тогда говорили, сходства «Камчатской земли» с Америкою, но перешеек между Азией и Новым светом мог находиться севернее. «И тако о несоединении заподлинно утвердиться сумнительно и ненадежно».[1] Кроме того, сенат указывал (13 сентября 1732 г.), что не было сделано астрономических наблюдений и не собрано подробных сведений о «тамошних народах, обычаях, о плодах земных, о металах и минералах».[2] Поэтому, согласно мнению сената, надлежало исследовать Северное море против устья Колымы, а отсюда плыть на Камчатку; «а буде такое место придет, что сибирской берег с американским сошелся и потому нельзя до Камчатки пройти, то следовать подле того берега, сколько возможно... и потом возвратиться в Ленское устье и в Якуцк».[3] Ясно, что сенат не был уверен в существовании пролива между Азией и Америкой.

Беринг сам сознавал, что его плавание 1728 года не вполне разрешило поставленные ему задачи. Немедленно по возвращении в Петербург, уже в апреле 1730 года, он подал проект новой экспедиции.[4] В этом проекте он предлагал построить на Камчатке судно и на нем постараться разведать берег Америки, которая, по предположениям Беринга, «не очень далеко от Камчатки, например, 150 или 200 миль быть имеет». В качестве довода в пользу этого мнения Беринг приводил следующее соображение: «выведывая, изобрел» (т. е. открыл) он, «что̀ далее оста, то море волнами ниже по-

---

[1] Полное собрание законов, VIII, 1830, № 6291, п. 2.

[2] Отчет Камчатской экспедиции, составленный в адмиралтейств-коллегии 5 октября 1738 г. «Экспедиция Беринга», М., 1941, стр. 91, 155, 89.

[3] Экспедиция Беринга, 1941, стр. 93.

[4] Среди бумаг адмирала Нагаева В. Н. Берх (Сев. архив, часть VI, 1823, апрель, № 8, стр. 82—96) нашел два предложения Беринга, помеченные 30 апреля 1730 г. В Сенат эти предложения были представлены лишь в конце 1730 г.

дымается, також и на берег острова, именуемого Карагинской, великой сосновый лес, которого в Камчатской земле не растет, выбросило».[1] Кроме того, полезно было бы «Охотской или Камчатской водяной проход до устья реки Амура и далее до Японских островов, выведывать; також, ежели возможность допустит, и с Японами торг завесть, чегоб не малой прибыли Российской Империи впредь могло оказаться». Наконец, Беринг указывал на необходимость исследования берегов Сибири от Оби до Лены.[2]

По словам Г. Миллера, деятельное участие в осуществлении проектов Беринга принимал сенатский обер-секретарь Иван Кириллович Кирилов.

17 апреля 1732 года последовал указ о снаряжении новой экспедиции на Камчатку под начальством Беринга. В обсуждении плана экспедиции принимали участие сенат, адмиралтейств-коллегия и Академия Наук. Астроному Иосифу Делилю было поручено составить карту Камчатки и прилежащих стран. Первая экспедиция Беринга не принесла данных, которые позволили бы разрешить вопрос о том, как далеко отстоит Америка от Азии. Это сознавал И. Делиль, который в своей объяснительной записке к карте писал: «А понеже також мало известно, сколь далеко Америка на северо-восток простирается, то может статься, что она там с Азией сбли-

[1] Подробнее об этом говорит Миллер (Сочинения и переводы, 1758, ч. I, стр. 213): «На Карагинском острову, лежащем против устья реки Караги, примечены у тамошних жителей (коряков. *Л. Б.*) большие бревна еловые и сосновые, которые употреблены на подпоры и в стены в их зимних земляных юртах, а такого лесу нет ни на Камчатке, ни на островах, близ земли сей лежащих. Жители сами сказывали, что такой лес иногда приносит к их острову восточным ветром». В эти широты (57°—58° с. ш.) выкидной лес может попадать только с Юкона. О том же острове Миллер (стр. 212—213) рассказывает следующее: «Сказывают, что около 1715 году жил на Камчатке человек иностранной, которой по причине Камчатских мелких кедровых орехов и низких кустов, на коих растут те орехи, объявлял о себе, что он родился в такой земле, где ростут кедровые дерева высокие, и на них орехи гораздо крупняе Камчатских; а сия де земля лежит от Камчатки на Восток. В ней де есть большие реки, которые впали в Камчатское море. Жителям де имя *тонтолы;* они обыкновениями схожи с Камчадалами и употребляют к водяному ходу такие же коженые суда, или байдары, как Камчадалы. Назад де тому много лет приехал он с земляками своими на таком судне на Карагинской остров, где товарищи его от тамошних жителей убиты, а он, оставшись один, ушел на Камчатку». Заметим, что у камчадалов лодки не кожаные, а деревянные. Большие реки, леса и кожаные лодки указывают на Аляску и эскимосов. Название «тонтолы», очевидно, относится к обитателям берегов реки Юкона. В. Берх (Хронологическая история открытия Алеутских островов. СПб., 1823, стр. 129—130) передает, что промышленник Василий Иванов, много путешествовавший «во внутренности Америки», т. е. в Аляске, рассказывал ему о широкой реке Тунте, на которой находилось более 40 селений. Тунта — это, очевидно, одно из многочисленных наименований Юкона.

[2] А. Соколов. Записки Гидрогр. департ., IX, 1851, стр. 435—436.

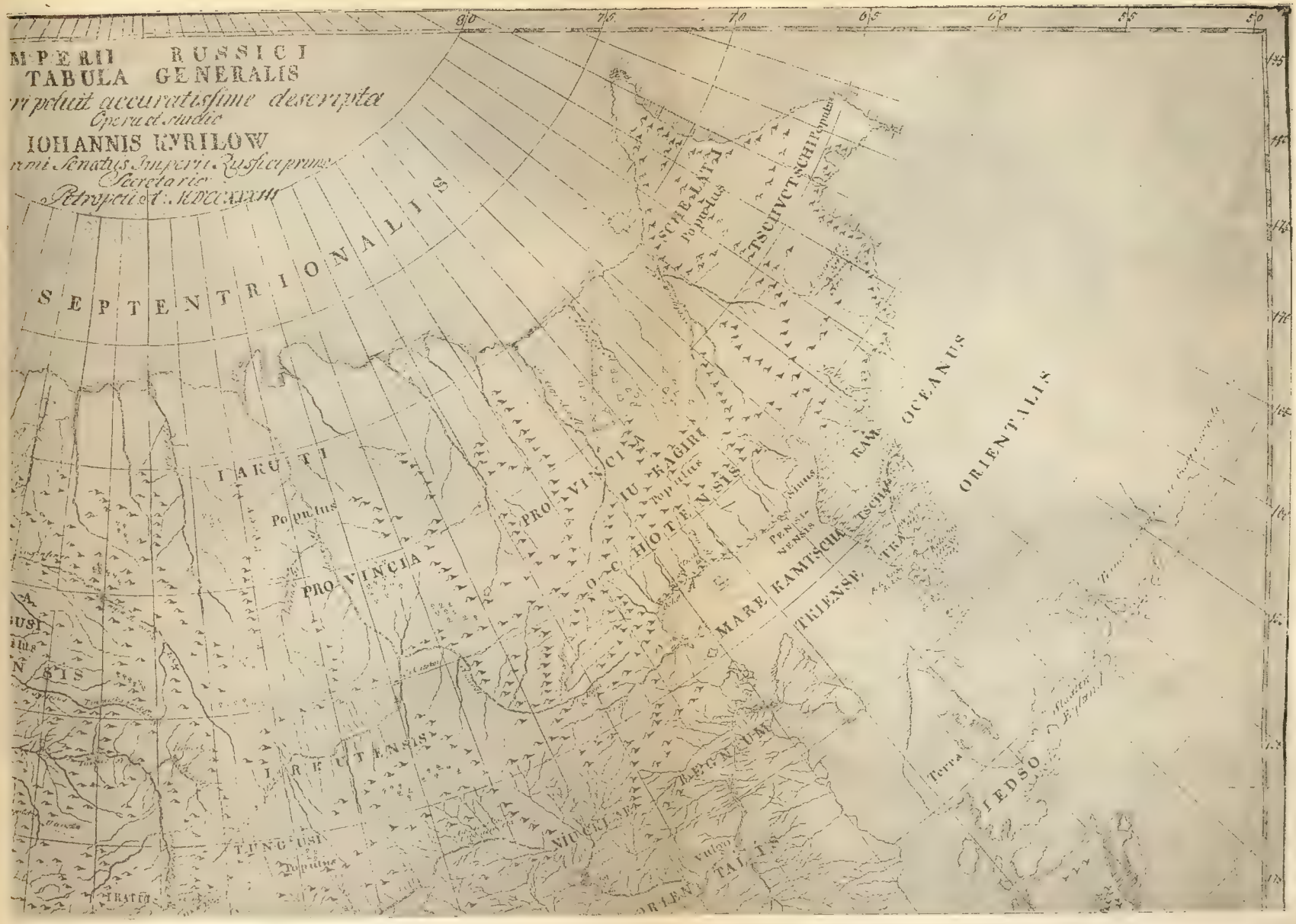


Рис. 19. Северо-восточная часть карты Российской империи, составленная Иваном Кириловым в 1733 г. (№ 3528 картографического архива Академии Наук СССР).

На карте использованы данные 1-й Камчатской экспедиции Беринга. Нанесены Курильские о-ва (по расспросным данным), Сахалин, о-в Иезо и несуществующая Земля Гамы. Корректурный экземпляр, подписанный к печати Кириловым 21 августа 1733 г.

жается, что между оными не широкий пролив находится, по которому, в способную погоду, может быть небольшими судами ходить безопасно».[1] Делиль высказывает предположение, что земля, в которую вдались заливы Гудсонов и Баффинов, продолжается далеко на запад и что «следовательно, самый крайний нос Азии [т. е. мыс Восточный или Дежнева], где Капитан Беринг был, близко к вышеупомянутым берегам подался. И ежели бы таким образом твердая земля Америки так далеко простиралась, то бы подле Азиятских берегов, подле которых Капитан Беринг ходил, надлежало означить пролив Анианской.[2] Токмо я того утверждать не могу, есть ли такой пролив или нет, ибо может быть, что токмо думают, что есть».

Иосиф Делиль составил в 1732 году в руководство экспедиции карту[3] «земель и морей, расположенных к северу от Южного моря» (т. е. северной части Тихого океана). На этой карте к югу от Камчатки и к востоку от «Земли Иесо» нанесена несуществующая «Земля, которую усмотрел Дон-Жуан-де-Гама». В подтверждение реальности этой Земли Делиль ссылается на вышеприведенные данные Беринга о нахождении земли к востоку от Камчатки. Между тем сообщение Беринга относилось к Командорским островам, в те времена еще не открытым. Как бы то ни было, Делиль рекомендовал искать Землю Гамы «на полдень» от Камчатки, к востоку от так называемой Земли Компании, найденной голландцами в 1643 году. «На сей земле, где был Гама, сколько мне известно, еще никто не был, и, следовательно, там не можно еще ни какой державе иметь своего владения». Относительно

[1] Соколов, 1851, стр. 438.

[2] Об Анианском проливе см. выше, стр. 12 сл.

[3] Рукописный оригинал карты хранится в Париже, в Service hydrographique de la marine. Копия ее впервые опубликована Гольдером в: F. A. Golder, Bering's voyages, II, New York, 1925, при р. 72. Оригинал карты Делиля несет заглавие: Carte dressée en 1731 pour servir à la recherche des terres et des mers situées au nord de la mer du Sud. Копия с этой карты имеется в рукописном отделе библиотеки Академии Наук; она озаглавлена: Carte representant la situation et la distance de la Tartarie Orientale iusqu'aux terres les plus voisines de l'Amerique dressée pour la conduite des nouvelles navigations que l'on entreprendra sur ces mers. Par le Sr De l'Isle; 1733; см. фотографическую копию у С. Вакселя. Вторая Камчатская экспедиция Беринга, 1940, при стр. 56. Объяснительная записка к этой карте (Mémoires sur la nouvelle carte de la Mer Orientale), составленная Делилем, хранится в архиве Академии Наук (В. Гнучева. Материалы для истории экспедиций Академии Наук, 1940, стр. 47). Записка, вместе с картой была доложена Делилем Академии Наук в 1732 г. Объяснительная записка Делиля в оригинале напечатана в Истории Академии Наук (1725—1743) Г. Ф. Миллера, Материалы для истории Акад. Наук, VI, 1890, стр. 254—260, а в переводе на русский язык, сделанном во времена Беринга, опубликована А. Соколовым, 1851, стр. 437—445.

этой Земли Гамы Делиль высказывает предположение, не соединяется ли она с Америкой в области Калифорнии. Как указывает Гольдер,[1] Земля Гамы впервые появляется на карте, которую составил Texeira в 1649 году, а на карте Гомана, опубликованной около 1712 года, Земля Езо (Terra Esonis) отожествлена с Землей Гамы и предположительно продолжена до Северной Америки. Эта же Земля Гамы (Terrae a Ioanne de Gama detecta, sic!) изображена на карте Российской империи Ивана Кирилова 1733 года, на которой впервые использованы данные первой экспедиции Беринга (рис. 10). Как представлял себе Делиль землю Гамы, можно видеть по карте, опубликованной им в Париже в 1752 году.

Неверная карта Делиля была, как увидим, причиною многих неудач экспедиции Беринга.

По проекту Беринга, и вторая экспедиция должна была достичь Камчатки сухим путем, через Сибирь, как и первая. Следует, однако, отметить, что президент адмиралтейств-коллегии адмирал Николай Федорович Головин внес предложение осуществить экспедицию в Камчатку морским путем — кругом Южной Америки, мимо мыса Горн и Японии; Головин брался даже стать во главе такого предприятия.[2] Но проект его не был принят, и первое русское кругосветное плавание осуществлено было лишь в 1803—1806 годах под начальством Крузенштерна и Лисянского, избравших именно тот путь в Камчатку, который был предложен Головиным — мимо мыса Горн.[3]

Цели экспедиции

По указанию сената (указ 28 декабря 1732 г.), одна из целей экспедиции состояла в том, чтобы узнать, «есть ли соединение Камчатской земли с Америкой, тако ж имеется ль проход Северным морем»,[4] т. е. можно ли пройти морем от устья Колымы до устья Анадыря и Камчатки. Если окажется, что Сибирь соединяется с Америкой и пройти нельзя, то «выведывать, далеко ль на другой стороне земли Полуденное или

[1] Golder. Bering's voyages, I, p. 2—3.

[2] Дела в б. Государственном архиве; см. Golder, l. c., p. 27; см. также Соколов, 1851, стр. 206, 468. В отчете о Камчатской экспедиции, составленном в адмиралтейств-коллегии 5 октября 1738 г., рассказывается: призванные в Сенат члены названной коллегии «представляли, что мочно отправить на Камчатку из Санкт-Питербурха корабли, которые де могут там. о чем намерение есть, исправить и к тому морския офицеры практику иметь, при чем требовали, чтоб дать им в колегию известие о том, что надлежит к той экспедиции касающееся, а они могут изыскивать в том полезных способов» (Экспедиция Беринга, 1941, стр. 89).

[3] См. Л. Берг. Открытия русских в Тихом океане. «Тихий океан», изд. Акад. Наук, 1926, стр. 17.

[4] Экспедиция Беринга, 1941, стр. 91, 155.

Восточное море», а затем, как мы говорили, вернуться в Якутск через Лену, «не замешкиваясь до такого времяни, когда там лед становитца... А ежели такого соединения американских земель не найдут, то отнюдь назад не возвращатца, но обходить угол [т. е. северо-восточную оконечность Азии] и притти до Камчатки» (там же, стр. 93).

Другая цель, какую ставил сенат, это — «обыскание берегов американских» и «изыскание пути до Японии»; кроме того, надлежало описать р. Удь и берег устья р. Уди до Амура.[1] Тем же указом Берингу предписывалось, в соответствии с предначертаниями Петра I, «доехать до которого города или местечка европейских владений». Ближайшим европейским владением в то время была испанская колония Мексика. Однако Чириков, в своих соображениях по поводу указа 28 декабря 1732 года, не советовал плыть к Мексике: целесообразнее было бы, писал он, исследовать неизвестные берега Америки к северу от Мексики, между 65° и 50° с. ш.[2] Частью поэтому, а частью из опасения осложнений с Испанией,[3] адмиралтейств-коллегия в своем заседании 16 февраля 1733 года, рассматривая инструкцию Берингу, определила, что, по ее мнению, «за важность или за нужду, чтоб в помянутых европейских владениях быть, не разсуждается, ибо те места уже известные и на картах положенные, к тому же и от некоторых испанских кораблей осмотрены американские берега до 40° северной широты или выше».[4] Поэтому адмиралтейств-коллегия целью экспедиции ставила «сыскать неизвестные американские берега». «Надлежит... когда самые американские берега тамо, как чается, найдут, то на оных побывать, проведав подлинно, какие на них народы и как то место называют и подлинно ль те берега американские, и, учиня то, проведать с верным обстоятельством, поставить все на карту и потом идти для такого ж разведывания подле тех берегов, сколько время и возможность допустит, по своему рассмотрению, дабы к камчатским берегам могли по тамошнему климату возвратиться во благополучное время».

Таким образом, экспедиции ставились чисто географические задачи — узнать, есть ли пролив между Азией и Америкой, а также нанести на карту берега северо-западной Америки. Что же касается вопроса о торговле с европейскими, точнее испанскими, колониями в Новом свете, то об этом адмиралтейств-коллегия писала так: «Паче же состоит опас-

[1] Экспедиция Беринга, 1941, стр. 93—95.
[2] Предложение Чирикова адмиралтейств-коллегии от 12 февраля 1733 г. (Экспедиция Беринга, 1941, стр. 205).
[3] А. Покровский. Экспедиция Беринга, стр. 29—31.
[4] Материалы для истории русского флота, VII, СПб., 1879, стр. 523—524.

ность, дабы не впасть при сильном и противном случае в какое несчастие от тамошних европейского владения мест, ибо оные состоят под протекциею Испании».

Участники

Начальником экспедиции назначен был Беринг, помощником ему определен Чириков, вторым помощником Шпанберг. Последний предназначался в качестве начальника отряда для плавания в Японию; впоследствии к нему были назначены англичанин лейтенант Вальтон и голландец мичман Шельтинг (Шхельтинг).

Из штурманов, участвовавших в плавании Беринга, отметим имена Свена Вакселя, родом шведа, и Софрона Хитрова (Хитрово). Оба они оставили записки.[1] Для описи северных берегов Сибири определены лейтенанты Муравьев и Павлов, впоследствии смененные Малыгиным и Скуратовым; Овцын, работы которого продолжал Минин, затем Прончищев и Ласиниус, по смерти замененные Харитоном и Дмитрием Лаптевыми.

От Академии Наук были назначены: натуралист Иоганн Гмелин, затем профессор истории и географии Герард Миллер, впоследствии знаменитый историограф, наконец, «профессор астрономии» Людовик Делиль-де-ла-Кройер; помощниками у него были студенты А. Д. Красильников, впоследствии член Академии Наук, и Попов. Гмелин и Миллер впоследствии были заменены Стеллером и И. Фишером. Исследованием Камчатки занимался студент Степан Крашенинников, впоследствии академик. Академики получали в год 1260 рублей жалованья, а кроме того по 40 пудов муки ежегодно. При каждом академике состояло по 4 служителя. Студентам полагалось жалованье в размере 100 рублей в год, а муки 30 пудов.[2] Наемным кузнецам и плотникам платили по 4 копейки в день (т. е. 15 рублей в год). Пуд муки стоил тогда, в 40-х годах XVIII века, в Якутском крае от 10 до 20 копеек,[3] но перевозка хлеба обходилась очень дорого.

Герард Фридрих (а по-русски Федор Иванович) Миллер[4]

[1] Донесение Вакселя, посланное им адмиралтейств-коллегии 15 ноября 1742 г. из Петропавловска, напечатано в переводе на английский язык у: Golder. Bering's voyages, I, 1922, p. 270—282. Записки Вакселя в переводе на русский язык опубликованы в 1940 г.: С. Ваксель. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. Л., 1940, стр. 13—137; здесь же напечатано на русском языке вышеупомянутое донесение Вакселя, стр. 138—152.

[2] Материалы для истории Академии Наук, II (1731—1735), СПб., 1886, стр. 446—447.

[3] Экспедиция Беринга, 1941, стр. 32.

[4] Подробная биография его у Пекарского, I. с., стр. 308—430. См. также: Н. В. Голицын. Портфели Г. В. Миллера. М., 1899, 150 стр.,

родился в 1705 году в Герефорде, в Германии. Двадцатилетним юношей он был приглашен на службу в Петербургскую академию со званием студента. В 1733 году был назначен в экспедицию Беринга, в которой и пробыл, вместе с Гмелином, 10 лет. В Сибири Миллер работал в архивах, делая выписки из бумаг, относящихся к истории и географии края. Помимо того, изучал быт бурятов, тунгусов, остяков, вогулов. Так как сибирские архивы затем по большей части погорели, то собранные Миллером материалы представляют бесценное сокровище. Часть документов напечатана в Собрании государственных грамот и договоров (1819—1828), Дополнениях к Актам историческим в Памятниках сибирской истории, во 2-м издании «Истории Сибири» Миллера и в других местах.

В феврале 1743 года Миллер вернулся в Петербург. Здесь он обрабатывал собранные им материалы, напечатал первый том «Описания Сибирского царства» (1750), с 1755 года в продолжение 10 лет выпускал при Академии периодическое издание «Ежемесячные сочинения», первый в России научно-популярный журнал. Здесь помещены чрезвычайно ценные статьи Миллера по истории исследования Сибири. Беспокойная жизнь в Петербурге заставила историографа переехать в 1765 году в Москву, где он и скончался в 1783 году. Это был ученый большого таланта, широкого кругозора и громадной эрудиции. Заслуги его перед наукой неоценимы.

Иоганн Георг Гмелин[1] родился в 1709 году в Тюбингене. Окончив здесь медицинский факультет, он в 1727 году приехал в Петербург и в 1731 году был объявлен в академическом заседании профессором химии и натуральной истории. Значительную часть своего путешествия по Сибири он проделал совместно с Миллером, с которым и вернулся в Петербург в 1743 году. Здесь он приступил к обработке ботанических коллекций, собранных им в Сибири, и через три года представил Академии первый том своего классического труда Flora sibirica. В 1741 году Гмелин был отпущен на год заграницу, с обязательством вернуться назад. У себя на родине он был назначен профессором медицины в Тюбингенский университет и возвратиться в Россию отказался. В 1751—1752 годах Гмелин опубликовал в Геттингене свой знаменитый отчет о сибирском путешествии: Reise durch Sibirien; он переведен на многие языки, но не на русский. В 1755 году Гмелин скончался. Его «Путешествие» представляет чрезвы-

где помещено подробное описание документов, оставшихся после Миллера, а также напечатана автобиография историка (стр. 136—148). О нем см. также в книге Г. Ф. Миллер. История Сибири, 2-е изд., Акад. Наук, I, Л., 1938.

[1] Биография его у Пекарского, стр. 431—457

чайно важный географический памятник, а Flora sibirica, заключающая описание 1178 сибирских видов, весьма высоко ценится ботаниками.

Георг Вильгельм Стеллер[1] родился во Франконии в 1709 году. 25-летним юношей он приехал в Петербург искать счастья. Здесь он служил сначала врачом у Феофана Прокоповича, а в 1737 году был принят в Академию на службу адъюнктом натуральной истории при Камчатской экспедиции и, согласно своему желанию, отправлен на Камчатку. В том же году Стеллер выехал в Томск; переболев здесь горячкой, он в 1739 году прибыл в Енисейск к Миллеру и Гмелину. Последний во втором томе своего «Путешествия по Сибири» дает меткую характеристику Стеллера. Это был натуралист весьма даровитый и вместе с тем путешественник прирожденный. Он не останавливался ни перед какими трудностями и вел жизнь самую простую. Имел один сосуд, в котором сам стряпал свою пищу и из которого и ел и пил. Всякое платье и всякий сапог были ему впору. Всегда он был весел. При всей беспорядочности жизни, Стеллер был наблюдатель весьма точный.

Из Енисейска Стеллер поехал в Иркутск, отсюда в Баргузинск и Кяхту. В начале 1740 года встретился в Киренске с Шпанбергом. В мае того же года был в Якутске, а 20 августа в Охотске. Выйдя отсюда на судне «Охотск» на Камчатку, 21 сентября 1740 года прибыл к устью Большой реки. Приглашенный Берингом принять участие в путешествии к берегам Америки, Стеллер 20 марта 1741 года прибыл в Петропавловск. Приемом Беринга он остался весьма недоволен и писал в сенат: «Во всем принят не так, как по моему характеру принять надлежало, но яко простой солдат и за подлого от него, Беринга, и от прочих признаван был, и ни к какому совету я им, Берингом, призыван был».[2] О плавании Стеллера подробно говорится ниже. По возвращении с острова Беринга, он еще два года оставался на Камчатке, занимаясь здесь исследованиями. 3 августа 1744 года отправился в Охотск. Пробыв довольно долго в Якутске, он весной 1746 года приехал в Соликамск и лето провел в ботанических экскурсиях. Но здесь его ждала беда. На Камчатке Стеллер имел столкновения с мичманом Хметевским. Они посылали друг на друга жалобы. В одном из доносов Хметевский писал, что Стеллер самовольно отпустил

[1] Биография его у Пекарского, стр. 587—616. Весьма подробная биография или, вернее, панегирик Стеллера напечатан Стейнегером: L. Stejneger. Georg Wilhelm Steller, the pioneer of Alaskan natural history. Cambridge Mass., 1936, XXIV + 623 pp.

[2] Донесение сенату от 16 ноября 1742 г. (Записки Академии Наук, XV, приложение № 1, 1869, стр. 15).

в Большерецке камчадалов, главных защитников восстания. Сенат распорядился строго допросить Стеллера в иркутской канцелярии. В 1745 году, в бытность в Иркутске, путешественник дал объяснения, которые были признаны удовлетворительными; канцелярия дозволила ему продолжать путешествие и обо всем донесла сенату. Получив из Сибирского приказа извещение, что Стеллер едет в Петербург, но не имея еще вышеупомянутой бумаги от иркутской канцелярии, сенат послал нарочного с приказанием везти Стеллера обратно в Иркутск. Это распоряжение застало нашего натуралиста в Соликамске. Отправившись согласно предписанию обратно, он доехал уже до до Тары, как здесь застало его второе предписание сената, посланное с курьером: «Стеллера из караула освободить, а ехать им как Стеллеру, так и курьеру в С.-Петербург, каждому особо и Стеллеру по его воле». Дело в том, что сенат успел получить донесение иркутской канцелярии о невиновности Стеллера. Путешественник опять поехал обратно к Петербургу, но, не доезжая до Тюмени, заболел горячкой и умер 12 ноября 1746 года. Погребен он в Тюмени.

После Стеллера осталась масса рукописей; часть их опубликована. Главнейшее из напечатанных трудов: наблюдения над морскими зверями Берингова моря (1752), дневник путешествия в Америку (1793) и, наконец, описания Камчатки (1774) и Берингова острова (1781).

Стеллер был необычайно талантливый человек, и преждевременная смерть его — большая потеря для науки. О его удивительной проницательности мы будем иметь случаи неоднократно говорить. Натуралист разносторонний и наблюдательный, обладавший большим запасом знаний, громадной памятью, неисчерпаемой энергией и умением приспособляться ко всем невзгодам путешествий, он вместе с тем отличался большим самомнением, заносчивостью и весьма неприятной склонностью вмешиваться в дела, которые его официально не касались. Этим объясняется крайне враждебное отношение, какое он вызвал к себе среди командного состава «Св. Петра». Его отзывы об офицерах этого судна продиктованы злобой и никоим образом не могут приниматься на веру. В своем ослеплении Стеллер нередко даже переходит границы здравого смысла, как, например, когда обвиняет Вакселя и Хитрова «в измене и предательстве» за то, что они, перед высадкой на остров Беринга, правили на север.[1]

Его поведение на крайне важном совете 6 ноября также было крайне неприличным и вызывающим, несмотря на то, что вопрос шел о судьбе судна и всех людей.[2] Не удивительно, что, при таком характере Стеллера, даже дельные

[1] Reise von Kamtsch. nach Amer., p. 94

[2] Там же, p. 97.

советы его (а большинство, действительно, были дельными) принимались недружелюбно.

Затем следует упомянуть об Иоганне Эбергарде Фишере.[1] Он родился в 1697 году в Германии. В 1730 году, имея ученую степень магистра, прибыл в Петербург. В 1739 году отправлен в Сибирь для смены Миллера, просившего о возвращении в Петербург. Фишер, по специальности филолог-классик, для экспедиции решительно ничего полезного не сделал. В Сибири Фишер, человек, по отзыву Гмелина, вздорный и ограниченный, вел себя непристойным образом, бил прикомандированных к нему солдат, не платил за заказанные вещи, говоря, что он «государев человек» и т. п. Один из солдат в своей жалобе на Фишера рассказывает, что тот велел везти себя «в колыбели или в качке», которую должны были тащить люди, «а трость свою с костылем велел наперед себя нести таким образом, якобы как перед архиереем носят». В 1768 году Академией была издана «Sibirische Geschichte», составленная Фишером по документам, привезенным из Сибири Миллером. В 1774 году вышел русский перевод. Труд этот имеет громадную важность для истории Сибири вообще и в частности для истории открытий в этой стране, но Фишеру принадлежит лишь весьма скромная заслуга компилятора по чужим материалам. Умер Фишер в 1771 году в Петербурге.

«Профессор астрономии» Л. Делиль-де-ла-Кройер, брат известного астронома академика Иосифа-Николая Делиля, был человек невежественный, пьяница и для экспедиции ничего полезного сделать не мог; попал он по протекции брата. В 1742 году иркутская канцелярия доносила Академии Наук, что на де-ла-Кройера поступил отчасти подтвердившийся донос, что «оной де профессор де-ла-Кройер имеет при себе торговых и промышленных людей, под именем служителей города Томска обывателя Семена Оленева да Филиппа Минина, которые де, под прикрытием живучи при нем многие годы и переезжая с города на город, торгуют заповедною мягкой рухлядью: соболями, лисицами, песцами, горностаями, белкою и всякими товарами беспошлинно тайно, обще с ним, профессором».[2] — Не могут не вызвать улыбки слова Иосифа Делиля об «открытиях, сделанных на пути из Камчатки в Америку кап. Чириковым и моим братом», т. е. Луи Делилем. Этот последний вообще не был в состоянии делать какие бы то ни было отрытия. Герард Миллер в Lettre d'un officier de la marine Russienne (1753) иронически говорит, что единственная польза, какую он принес экспедиции, заключа-

[1] П е к а р с к и й, стр. 617—636.

[2] П. П е к а р с к и й. История императ. Акад. Наук в Петербурге. т. I, СПб., 1870, стр. 153.

лась в том, что он в алеутах «узнал» тех же американцев, каких он видел раньше в Канаде.

В заключение нужно сказать о Степане Петровиче Крашенинникове (1711—1755).[1] Он родился в Москве, в семье солдата, а скончался в Петербурге в звании академика. Первый биограф этого натуралиста, Г. Миллер, в предисловии к книге Крашенинникова «Описание Земли Камчатки» (1755), говорит об авторе: «Он был из числа тех, кои ни знатною природою, ни фортуны благодеянием не предпочтены, но сами собою, своими качествами и службою, произошли в люди, кои ничего не заимствуют от своих предков и сами достоины называться начальниками своего благополучия». С 1724 по 1732 год Крашенинников обучался в Славяно-греко-латинской академии в Москве; в конце 1732 года определен в Академию Наук, где совершенствовался в науках, а в августе 1733 года «отправлен при академической свите в Камчатскую экспедицию с жалованием по сту рублей на год». В 1733—1737 годах работал в Сибири под руководством Миллера и Гмелина. С 21 октября 1737 года по 12 июня 1741 года[2] занимался исследованием Камчатки. 27 октября 1740 года, спустя месяц после прибытия Стеллера на Камчатку, Крашенинников получил от него приказ, в котором говорилось «по получении сего письма быть Вам у меня в команде и чиненные Вами наблюдения с приезда Вашего сюда на Камчатку по сю пору мне при рапорте объявить». Стеллер находил такое отношение к товарищу и ровеснику вполне естественным, но негодованию Стеллера не было пределов,[3] когда полгода тому назад Гмелин и Миллер подобные требования предъявили ему самому. В 1743 году Крашенинников вернулся в Петербург, в 1745 году был назначен адъюнктом Академии, а в 1750 году профессором. Его классический труд «Описание Земли Камчатки» вышел в свет уже после смерти автора, последовавшей 25 февраля 1755 года. Вместе с Ломоносовым, Крашенинников был одним из пионеров русской науки.

Кроме перечисленных лиц, в состав экспедиции входили штурманы, лекаря, матросы, студенты, геодезисты, два живописца, конвой из 14 человек, а всего до 570 человек. Бэр справедливо говорил, что вторая экспедиция Беринга — это «обширнейшее из всех известных географических исследований». Эти слова остаются справедливыми и по настоящее время.

[1] Биографию Крашенинникова и ряд статей о нем см. в сборнике, посвященном Крашенинникову в «Советском Севере», II, 1939, 196 стр.

[2] Д. И. Литвинов. Библиография флоры Сибири. Тр. Ботан. музея Акад. Наук, V, 1909, стр. 108.

[3] Литвинов, стр. 110.

Путь через Сибирь

В феврале 1733 года участники экспедиции начали выезжать из Петербурга. Берингу и Чирикову было назначено, построив суда в Охотске или на Камчатке, итти на двух судах для проведывания предполагаемых берегов Америки, чтобы узнать «какие на них народы, как то место называют и подлинно ль те берега американские».

Инструкцией 1732 года сенат предписывал Берингу: «в той экспедиции разные водою обсервации и изыскания учинить не токмо от Камчатки до Японии и Америки, но и в Северном крае от устей речных морем от Оби, Лены, Колымы, также и от города Архангельского к Обскому устью». Когда «найдут острова и земли новые, не подвластные никому, и на них народы, по силе е. и. в. высокого указу, прилежным вашим старанием самоизвольно подданство примут, с такими поступать ласково, а никакого свирепства не показывать и с жестокостию не поступать».[1] Шпанбергу поручалось на трех судах описать Курильские острова, а затем итти к Японии и постараться завести с японцами дружественные сношения. Прочие офицеры должны были описать северные берега Сибири, начиная от Архангельска и, если возможно будет, до Камчатки. Одним из пунктов инструкции указывалось, что надлежит проведать Большую Землю, т. е. Аляску, относительно которой капитан Павлуцкий сообщал следующее. Служивый человек Афанасий Мельников, который в апреле 1730 года был на «Чюкоцком носу» для сыскания и призыву в подданство непокоренных иноземцев (т. е. чукоч), рассказывал, что на том Носу к чукчам при нем приходили «с морского острова два человека, кои вставливают к своим зубам моржовые зубы»; они говорили, что на Большой Земле имеется всякой зверь: соболи, лисицы, бобры речные, росомахи, рыси, дикой олень, также есть всякой лес «и оленных [?] де и пеших иноземцов довольное число». И хотя, говорится в Инструкции, на эти слова полагаться нельзя, все же следует итти «к тем островам» (Большая Земля в те времена тоже считалась за остров), а затем следовать к Америке и узнать, «есть ли земли и острова между известных камчатских и американских берегов или одно море», которое на карте, составленной Делилем, располагается между «Чюкоцким носом» и 45° с. ш., т. е. доходит до «испанского владения провинции Мексико».[2] Как

[1] Правила, данные капитан-командору Берингу 28 декабря 1732 г. Полное собрание законов, VIII, 1830, № 6291, стр. 1002—1015.

[2] Полное собрание законов, № 6291, п. 6. Надлежало описать р. Уду, далее Шантарские острова и берег от устья Уды до р. Тугура, «на которой бывал Российской Тугурской острог и от Китайцев разорен», а за Тугуром, если окажется возможным, описать берег до устья Амура. Что же касается Сахалина («острова Большого»), то предписывалось

мы увидим, этот план не был выполнен Берингом: он направился к Америке не от Берингова пролива, а с Камчатки.

Академики Гмелин и Миллер должны были производить географические и исторические исследования в Сибири и на Камчатке. Делилю поручались астрономические наблюдения и заведывание съемками. Сибирским властям было послано предписание оказывать экспедиции всяческое содействие. Специально для ускорения сношений приказано учредить постоянную почту между Москвой и Тобольском.

Экспедиция была рассчитана на шесть лет. Многие из офицеров и некоторые из нижних чинов взяли с собою жен и детей. Снаряжение морской экспедиции следовало на подводах до Твери, отсюда до Казани Волгою; от Казани до Тобольска на подводах. Здесь экспедиция зазимовала.

Весною 1734 года обоз под начальством Чирикова отправился далее, водою по Иртышу, Оби, Кети, Енисею, Тунгуске и Илиму до Илимска, отсюда сухопутьем до Усть-кута на Лене. Здесь снова стали строить суда. В каких условиях происходила для населения эта работа видно по тому, что люди, а особенно ссыльные, стали толпами убегать. Для предотвращения побегов были поставлены «крепкие караулы, а вдоль берегов Лены через каждые 20 верст виселицы». По словам Вакселя (1940, стр. 25), это мероприятие произвело «прекрасное действие, так как с этого времени убегало уже весьма немного людей». Летом 1735 года обоз был доставлен по Лене в Якутск. Беринг прибыл туда еще в октябре предыдущего года, а Шпанберг, посланный вперед, еще в мае (1734). Из Якутска Шпанберг отправился в Охотск, где предстояло подготовить все нужное для экспедиции. Прибыв сюда в октябре, он должен был прежде всего заняться постройкой помещений. Зимою, из-за недостатка провизии, пришлось претерпевать громадные лишения. С весны 1735 года в Охотске приступили к постройке новых судов и починке старых.

Из Якутска Беринг в 1734 году посылал в Нерчинск двух геодезистов Петра Скобельцына и Василия Шатилова, для отыскания легчайшего пути к Охотскому морю, между верховьями Лены и Уды. Они дошли до реки Еловой, впадающей в Олекму, но дальше не могли пройти «затем, что бывшие в команде их служилые люди и вожи и толмач многие им в том пути чинили препятствия», а потом все, кроме шести человек, разбежались.[1] Поэтому, за отсутствием толмачей и

«к тому ничем не касаться». Затем геодезисты должны были произвести съемку рек Забайкалья и найти место, где сходятся вершинами реки бассейна Лены с рекой Удой, «дабы убавить в проездах дальности, бываемой через Якутск».

[1] «Ведомость», подписанная Берингом, Чириковым и др. Экспедиция Беринга, 1941, стр. 132.

«опасаясь иноземцов», в 1736 году вернулись в Якутск. Отсюда Беринг их снова отправил в Иркутск, поручив опять итти той же дорогой. Для удержания служилых людей, толмачей и вожей (проводников) от побегов даны капрал и 12 солдат. В июле 1737 года посланные вышли из Нерчинска, дошли до Зеи при устье Гилюя, а отсюда отправились вверх по Зее, но в конце декабря, не надеясь найти дорогу к верховьям Уды, повернули к китайской границе и через Албазин вернулись в Нерчинск.

К концу 1736 года в Якутске собрались Беринг, Чириков, Миллер, Гмелин, Делиль и другие участники экспедиции, а всего, считая с командой, служилыми и с ссыльными, назначенными для перевозки тяжестей в Охотск, до 800 человек. Прошло уже 4 года со времени отправления экспедиции из Петербурга, а между тем к работам еще не приступали. Сенат и адмиралтейств-коллегия были весьма недовольны такой медлительностью. Отвечая на побуждения ускорить дело, Беринг жаловался на то, что сибирские власти не исполняют его распоряжений. Адмиралтейств-коллегия в ответ на это строго приказывала местным начальствам помогать экспедиции, стращая «не токмо штрафом, но и жестоким истязанием». Местные же власти, в свою очередь, слали жалобы на членов экспедиции. Беринг в ответ писал: «по чистой моей совести доношу, что уж как мне больше того стараться, не знаю». В рапорте сенату, посланном в апреле 1737 года, Беринг говорил:[1] «и тако мне бытие здешнее [в Якутске] мило, что легче б я три или хотя и более морских компаний окончил, нежели здесь быть один год».

Побуждаемый адмиралтейств-коллегией, Беринг летом 1737 года, после трехлетнего пребывания в Якутске, переехал в Охотск, хотя экспедиция не была еще подготовлена как следует. Еще раньше, весной 1737 года, в Охотск приехал Чириков. В Охотск переведена была и команда, и для пропитания экспедиции требовалось на год до 16 000 пудов провианта. Если принять во внимание, что это должно было быть привезено издалека, то станет ясным, почему Беринга угнетали опасения, «чтоб такого многолюдства не поморить от голоду».

В Охотске, под наблюдением Шпанберга, были построены два новых судна: бригантин «Архангел Михаил», одномачтовое судно длиною в 60 футов, и дубель-шлюпка «Надежда» длиною 70 футов, трехмачтовая, и исправлены два старых бота, «Фортуна» и «Гавриил» длиною по 60 футов. В сентябре можно было выйти в море, но помешал недостаток провианта. 4 октября 1737 года был послан на Камчатку бот «Фортуна» для привоза оттуда смолы и для перевозки заготовленной

[1] А. Покровский. Экспедиция Беринга, 1941, стр. 34.

в камчатских острогах провизии к Большерецку (на западном берегу Камчатки). На этом боте отправился студент Крашенинников. Переход в смысле погоды был благополучный, но, по прибытии к Большерецку, старое судно было сильным ветром выкинуто на берег и разбито в щепы... Пришлось за смолою посылать в Якутск.

Зимою 1737/38 года люди доставляли с Юдомского креста на перевал все грузы «на себе, партами, от которой работы, писал Беринг,[1] весьма утруждены; к тому ж платьем и обувью обносились, и все стали наги и босы, а помощи учинить никакой не можно и купить ничего негде, понеже здесь место купечь и купецких людей [в Охотске] ныне не имеетца».

Прежде чем перейти к описанию плавания Шпанберга и Вальтона к берегам Курильских островов и Японии, сообщим, какие к тому времени имелись сведения об этих странах.

XII. ПЕРВЫЕ СВЕДЕНИЯ О КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВАХ

Сведения Атласова

Первыми сведениями о Курильских островах мы обязаны Атласову.[2] Сам он на островах не был, но с реки Голыгиной, под 52°10′ с. ш., мог видеть самый северный остров, именно Аланд, на котором расположен вулкан того же имени. Аланд — самый высокий из Курильских островов: его высота 2330 м. Раньше вулкан извергал пламя и беспрестанно дымился, но после сильного землетрясения 1778 года погас и теперь только временами курится. Согласно лоции, в ясную погоду Аланд открывается за сто морских миль.[3] Хотя до устья реки Большой, лежащей к северу от Голыгиной, даже больше ста миль, местные источники говорят, что оттуда Аланд бывает виден.[4] Таким образом Атласов не только собрал расспросные сведения о Курильских островах, но, без сомнения, первый из русских, в 1697 году видел один из них.

Курилы, или айны

Название курилы было заимствовано казаками, по словам Крашенинникова,[5] от камчадалов, которые называли обитателей южной оконечности Камчатки кушин (куши) или кужин.

[1] Экспедиция Беринга. 1941, стр. 306.

[2] Самые южные из Курильских островов усмотрены еще в 1643 г. голландцами. Об этом подробно рассказывается ниже.

[3] Лоция сев.-зап. части Восточного океана. III, СПб., 1905, стр. 243—244.

[4] Г. Миллер. Сочин. и перев., 1758, I, стр. 304 (здесь Аланд называется курильским именем Уяхкува, правильнее Уяхкужач, что значит высокий). — Крашенников, I, 1755, стр. 108—А. Полонский. Курилы. Зап. Геогр. общ. по отд. эт., IV, 1871, стр. 423—424.

[5] II, стр. 4, 5; I, стр. 103—120. «Званье Курильских островов произошло от жителей ближайших островов к Камчатке, которые от тамошних народов Куши, а от Россиян Курилами называются» (стр. 103).

Такое словопроизводство может показаться странным; однако казаки камчадальское слово бажабаж, что значит травяной шалаш, переделали в бара́бар, барабора.[1] Дело в том, что в языке камчадалов (ительменов) нет звука р, и там, где коряки и чукчи употребляют этот звук, камчадалы произносят ж, например, «мы» по-коряцки муру, по-камчадальски мужа.[2]

Рис. 20. Курилец (айн) Иван с о-ва Шикотан (1893 г.) (из Torii, 1919).

Затем, по словам Миллера,[3] ему передавали, что как большерецкие курилы, так и камчадалы называют настоящих курилов Kuride. На языке же курилов, или айнов, кур или куру значит «человек».[4] По всем этим основаниям, обычное со вре-

[1] Крашенинников, II, стр. 29.
[2] С. Н. Стебницкий в «Языки и письменность народов Севера», III, 1934, стр. 88, изд. Инст. народов Севера.
[3] G. Müller in: Steller. Kamtschatka, 1774, прилож., p. 20.
[4] Л. Шренк. Об инородцах Амурского края. СПб., 1883, стр. 132.

мен Головнина (1816) мнение, что Курильские острова прозваны так за «курящиеся вулканы», неправильно; они несут свое имя от народа курильцев.

Шренк (стр. 132) сообщает, что и гиляки как сахалинские, так и материковые, называют айнов (т. е. тех же курильцев) куги. Один японский автор, писавший в 1720 году, передает,

Рис. 21. Тот же курилец сбоку.

что айны, или курильцы, называли Курильские острова Курумиси, т. е. людская земля. У китайцев и манджуров, которые о сахалинских айнах получили сведения от гиляков, айны были известны под именем куе.[1]

Курилы, как мы упоминали, есть тот же народ, что и айны (айну), обитающие на острове Хоккаидо (Иезо) и в южной части Сахалина. Сами себя курилы так и называют айну,[2] что на их языке значит человек. Народ этот резко бро-

[1] Шренк, 1, с., стр. 132—133.
[2] Полонский, стр. 376.

сается в глаза своей сильно выраженной растительностью на лице (рис. 20, 21) (да и на всём теле). Из-за этого многие относили айнов (а некоторые и теперь относят) к «кавказской» группе народов. Шренк признавал этот народ за палеазиатов. Были и другие предположения. Л. Я. Штернберг выдвинул гипотезу о происхождении айнов с островов в южной части Тихого океана: «по физическому типу, — говорит он, — айну представляют вариацию той первичной австралоидной длинноголовой бородатой расы, разновидности которой мы одинаково находим и в Австралии, и в южной Индии, и в западной Океании, а особенности их культуры и языка мы находим у самых различных народов Океании и особенно ясно у ближайших из этих народов, живущих в Индонезии, на Филиппинах и на Формозе».[1] Хотя не все аргументы, приводимые Л. Я. Штернбергом в пользу его идеи, одинаково убедительны, тем не менее его предположение наиболее приближает нас к разрешению загадки о прародине айнов.[2]

О курилах Крашенинников отзывается весьма сочувственно: «они несравненно учтивее других народов: а при том постоянны, праводушны, честолюбивы и кротки. Старых людей имеют в великом почтении. Между собою живут весьма любовно, особливо же горячи к своим сродникам».[3]

Первые посещения островов русскими

В 1706 году приказчик Василий Колесов посылал в «Курильскую землю», т. е. в самую южную часть Камчатского полуострова, Михайлу Наседкина, «для умирительства на немирных иноземцов». Наседкин шел в указанное ему место на собаках, прошел от Курильского острога до Носа, т. е.

[1] Л. Я. Штернберг. Айнская проблема. Сборник Музея антроп. и этногр., VIII, 1929, стр. 369, изд. Акад. Наук.

[2] Монтандон (G. Montandon. La civilisation aïnou et les cultures arctiques, Paris, 1937, Payot, p. 14) причисляет айнов к группе белых или «европоидных» народов, куда он относит расы: северную или белокурую, альпийско-арменоидную, средиземноморскую или темноволосую, айнскую и лопарскую. По культуре айны, согласно Монтандону, принадлежат к арктической группе народов. Соображения этого автора мало убедительны.

В работе „Au pays des aïnou, exploration anthropologique", Paris, 1927, p. 224—225, Монтандон ссылается на соображения Бэчлера (Batchelor) знатока айнского языка: в Сибири многие географические имена якобы объясняются из айнского языка; так, название города и реки Омь якобы происходит от айнского *ом* — грязный, город и река Тара несут свое имя от айнского *тара* — ремень, веревка, и т. д. Но приводимые примеры абсолютно ничего не доказывают, ибо случайно выбранные географические названия можно при желании связать с любым языком мира.

[3] Крашенинников, II, 1755, стр. 182.

до мыса Лопатки, и убедился, что за Носом, «за переливами», видна в море земля, «а проведать де той земли не на чем, судов морских и судовых припасов нет и взять негде, потому что де лесу близко нет и снастей и якорей взять негде».[1] О том еще в 1706 году писал в Якутск приказчик Василий Колесов.[2] Встречающееся нередко указание, что Курильские острова впервые видел Колесов, неправильно: он на Лопатке не был, а посылал туда людей, о чем он сам и сообщал.

Когда в Якутске узнали об островах, лежащих за мысом Лопаткой, казачьему десятнику Василию Савостьянову, назначенному на Камчатку, был послан (9 сентября 1710 года) наказ «поделав суды какие прилично, за перелевами [проливами] на море земли и людей всякими мерами, как можно, проведывать», людей приводить в подданство, сбирать с них ясак «с великим радением» и «той земле учинить особый чертеж».[3] Это поручение было исполнено в следующем году.

В августе 1711 года Данила Анцыферов и Иван Козыревский, желая загладить свою вину (они участвовали в бунте на Камчатке), ходили с Большой реки до мыса Лопатки («Камчадальского Носу»), а отсюда на малых судах и байдарах на первый Курильский остров,[4] или Шумшу. Остров этот, как теперь известно, имеет около 30 км в длину.

Миллер говорит, что настоящие курилы живут на втором и прочих островах, но что на Камчатке называют курилами также камчадалов, обитающих к югу от Большой реки; эти «курилы» и обитатели первого Курильского острова — один народ, отличающийся лишь незначительно по языку от прочих камчадалов.[5] Это же подтверждает и Полонский.[6] От камчадалов русские еще при первом знакомстве с Камчаткой узнали, что курильцы (куш, кужин) делятся на ближних и дальних. Ближние жили на южной оконечности Камчатки, к югу от параллели реки Авачи и Большой, на так называемой Курильской землице, и на первых двух Курильских островах. При этом курильцы материка и первого острова пред-

[1] Памятники сибирской истории, II, стр. 502—503; ср. также: I. стр. 422, 461—462.
[2] Там же, I, стр. 422.
[3] Там же.
[4] Сочин. и перев., 1758, I, стр. 297. — Памятники сибирской истории, I, стр. 462—463; II, стр. 536.
[5] Сочин. и перев., 1758, I, стр. 297—298; см. также Крашенинников, I, 1755, стр. 104—105.
[6] А. Полонский. Курилы. Зап. Геогр. общ. по отд. этн., IV, 1871, стр. 374—376.

ставляли собою помесь между камчадалами и настоящими курильцами; от камчадалов они несколько отличались языком, обычаями и внешним видом. От этих курильцев получили свое

Рис. 22. Курилец Григорий и его дочь (Из Torii, 1919).

Рис. 23. Курилки (айны) Мария, Сафира, Стефира (?) и Матрена (Из Torii, 1919).

имя Курильское озеро в южной Камчатке и мыс Курильская Лопатка. Жители второго острова, или Парамушира, были настоящие курилы, переселенцы с дальних островов. Дальние курильцы, с которыми русские познакомились впервые по рассказам японцев, потерпевших крушение у берегов Камчатки,

а также по отдельным заезжим курильцам-торговцам, назывались мохнатыми, за их — характерный для всех айнов — густой волосяной покров. Попытки подчинить мохнатых начались со стороны России лишь в 1768 году.

На первом острове (т. е. Шумшу) Анцыферов и Козыревский имели бой с «курильскими мужиками», которые, как оказались, «к бою ратному досужи и из всех иноземцов бойчи-

Рис. 24. Айн с о-ва Хоккандо (Иезо).

ее, которые живут от Анадырского по Камчатскому Носу». Но это вряд ли соответствует истине: курильцев изображают как народ покорный, робкий и вялый. Это единодушный отзыв Крашенинникова, Тихменева, Полонского и Сгеу. Убивши человек десять туземцев и многих ранив, казаки, тем не менее, ясаку взять не могли, ибо «на том их острову соболей и лисиц не живет и бобрового промыслу и привалу не бывает и промышляют они нерпу; а одежду на себе имеют от нерпичьих кож и от птичьего перья». Отсюда направились к другому острову, где живут иноземцы Езовитяне, т. е., как объясняет Миллер, «курилы, по японскому называемые эзо».

Иезо, или правильнее Эзо, есть старое название острова Хоккандо. Первоначально термином «эзо» японцы обозначали

всех «северных дикарей» или варваров, не подчинявшихся власти японского императора. Поэтому старые писатели прилагали это наименование ко всем северным местам. С течением времени эзо отодвигались все дальше и дальше на север, и у позднейших японских писателей под Эзо подра-

Рис. 25. Группа айнов с о-ва Хоккайдо (Иезо)

зумеваются страны на север от острова Хондо, включая Курильские острова и Сахалин.[1]

Как бы то ни было, Анцыферов и Козыревский имели в виду большой высокий остров Парамушир (поро-машири по-айнски и значит «большой остров»). Здесь было много жителей. Призывали их «ласкою и приветом» к подданству, но они отвечали, что ясаку никогда никому не платили. «Соболей и лисиц, — говорили они, — не промышляем, промышляем де мы бобровым промыслом в генваре месяце, а которые де у нас были до вашего приходу бобры, и те де бобры испроданы иной земли иноземцам, которую де землю

[1] Д. Позднеев. Материалы по истории сев. Японии, ее отношений к материку Азии и России. I, Иокохама, 1909, стр. 1—2.

видите вы с нашего острова в полуденной стороне, и привозят де к нам железо и иные товары, кропивные, тканые пестрые, и ныне де у нас дать ясаку нечего». Пробыв здесь два дня, Анцыферов и Козыревский не решились за своим малолюдством дать бой и вернулись обратно. В Большерецк прибыли 18 сентября 1711 года «и тому учинили за руками чертеж».[1] Но чертеж этот, к сожалению, не сохранился. Во всяком случае, изображение виденных Курильских островов должно было быть похоже на то, что имеется на карте Шестакова (рис. 8).

Нельзя не отметить здесь следующее. Один из камчатских казаков, Григорий Переломов, участвовавший в начале 1711 года в убийстве приказчиков на Камчатке, плавал летом того же года на Курильские острова вместе с Анцыферовым и Козыревским. Будучи потом задержан, он в расспросе и с пытки показал, что он, Переломов, с Анцыферовым были только на первом острову, «а что де он Григорей с убойцами своими со служилыми людьми написал великому государю в челобитной своей и в чертеже, что были на другом морском острову, и то де они Григорей с товарыщи написали в челобитной и в чертеже своем ложно».[2] Далее тот же Переломов сообщает, что отписка его товарищей от 21 ноября 1711 года о построении на одном из Курильских островов земляного острогу писана ложно.

Но во всяком случае несомненно, что на первом Курильском острове казаки были. А о втором — могли получить сведения от жителей первого. Название же езо Козыревский мог услыхать только от пленных японцев, о которых будет сказано в следующей главе.

В 1712 году приказчик камчадальских острогов Василий Колесов дал Ивану Козыревскому поручение измерить землю от Большой реки до южной оконечности Камчатки, а также острова за «переливом» (1-м Курильским проливом) и «обо всем велел Ивану учинить чертеж и написать всему тому доезд». Ходил ли Козыревский в этом году на Курильские острова, неизвестно.[3] Но, во всяком случае, он подал Колесову, за своею рукою, чертеж и доезд «о мере сколко Носовой земли до перелеву и за перелевом[4] о морских островах». Кроме того, Козыревский привез в казну великого государя «с прежних разбойных бус», т. е. с разбившихся

[1] Памятники сибирской истории, I, стр. 462—463.

[2] Памятники сибирской истории, II, стр. 536 (это показание сообщено в Якутске приказчиком Василием Савостьяновым 29 декабря 1712 г.).

[3] Миллер (стр. 299—300) говорит, что ходил.

[4] В документах начала XVIII века, относящихся до Курильских

судов,[1] 22 золотника золота красного, в плашках и в кусках, а все «с надписанием их языка». Речь идет о потерпевших в 1710 году крушение японских судах, о чем будет сказано ниже (глава XIII). Полученные от японцев сведения о Курильских островах и Японии очень пригодились Козыревскому, и он ими широко пользовался в своих отчетах.

В 1713 году Колесов, во исполнение данного ему указа, снова посылал Козыревского с Камчатки «для проведывания от Камчатцкого Носу за перелевами морских островов и Апонского [т. е. Японского] государства». Ему дано «55 служилых и промышленных людей, 11 ясашных инородцев» и поручено поделать на Большой реке мелкие суда и на них итти «за перелевы», т. е. к Курильским островам. В Верхнекамчатске Козыревскому выдано две медных пушки, двадцать ядер, пищаль, порох, свинец и другие припасы. Кроме того, в качестве лоцмана («вожа») и толмача предоставлен японский полоняник, именем Сана.[2] По возвращении, Козыревский подал Колесову доезд и «тем островам чертеж, даже и до Матманского острова» (т. е. до острова Матсмай или Иезо или Хоккандо).[3] На втором острове «курильцы были зело жестоки и наступали в куяках [панцырях из пластинок], имея сабли, копья и луки со стрелами».[4] Казаки имели с ними бой. Третий остров был только «проведан», но плыть туда не решились. Вместе с отчетом Козыревский представил приказчику «погромное» платье — дабиное, шелковое и крапивное, найденное на втором острове, японские сабли, три плашки (монеты) золота, двух иноземцев — аманатов со второго острова и одного дальнего курильца именем Шатаной, зашедшего с Итурупа на второй остров для торговли японскими товарами.[5]

Миллер[6] и Полонский говорят, что Козыревский далее первых двух Курильских островов (Шумшу и Парамушира) не был, а сведения свои собрал главнейше от вышеупомяну-

---

островов, пишут и перелив и перелев, почему ударение на этом слове должно было приходиться на первый слог: пе́ре́лив.

[1] Памятники сибирской истории, I, стр. 542; см. также II, стр. 45. Слово буса объяснено ниже, стр. 158.

[2] Памятники сибирской истории, I, стр. 542—543. По А. Полоскому (Курилы, стр. 393) его имя было Сан.

[3] Памятники сибирской истории, II, стр. 46.

[4] Полонский, стр. 390; также Памятники сибирской истории, II стр. 46.

[5] В Сибирском вестнике, 1823, ч. 2. отд. «биография», стр. 30, курилец с Итурупа носит имя Иштанай (здесь даны Г. Спасским очень краткие и частью неверные сведения о Козыревском, взятые из неопубликованной Сибирской летописи Ильи Черепанова).

[6] Г. Миллер. Сочин. и перев., 1758, I, стр. 302.

тых курильцев и японцев. О своих наблюдениях он сообщил якутским властям, а также Берингу, во время пребывания последнего в Якутске, в 1726 году. К своим объяснениям Козыревский приобщил «чертежи матерой земли и островам»

Рис. 26. Предметы курильского обихода с о-ва Шикотан, собранные японским этнографом R. Torii в 189.. г. (Из Torii, 1919).

1. Нож в ножнах. Ножны с орнаментом. Такой нож носили и мужчины и женщины всегда за поясом. *2.* Деревянная пряжка от пояса. *3.* Корзина из стеблей злака Elymus mollis. *4.* Костяной футляр, украшенный клювами «эгупирика». Согласно Torii, от курильских слов etoi — клюв и pirika — красивый. Но, может быть, с русского «топорок» (топорок, Fratercula cirrata, птица из семейства чистиковых). Иголки втыкаются в длинный и узкий ремень, проходящий через футляр. Подобные же курильские футляры известны из неолита о-ва Шумшу.

Извлечения из показаний Козыревского дает Миллер,[1] чертеж же Курильских островов не должен многим отличаться от того, что мы находим на карте Шестакова 1726 года, о которой мы говорили выше (стр. 96—97).

Иван (Игнатий) Козыревский

Несколько слов о Козыревском. Это был авантюрист, какими особенно был богат XVIII век. Дед его, поляк, взятый в плен во время войны с Польшей, был сослан на Камчатку. В 1711 году Иван Козыревский принимал деятельное участие в убийстве казачьего головы Владимира Атласова и двух приказчиков.[2] В искупление своей вины он был отправляем на Курильские острова. После этого, в 1716 или в 1717 году, в результате каких-то темных дел, Козыревский был вынужден постричься в монахи под именем Игнатия. Но и затем неугомонная личность камчатского авантюриста не исчезает со страниц истории: в 1720 году мы его застаем в Большерецке на Камчатке. Здесь Игнатий, будучи на постоялом государевом дворе, повздорил с одним служилым человеком, укорявшим его, что от него де и прежние приказчики на Камчатке убиты. На это монах Игнатий говорил такие возмутительные и похвальные (т. е. наглые) речи: «которые де люди и царе-убойцы, и те де живут приставлены у государевых дел, а не велие дело, что на Камчатке прикащиков убивать». Отправляя за эти слова Игнатия за караулом в Якутск, заказчик камчатского наряду (так назывались управители, назначавшиеся по острогам приказчиками) Максим Лукашевский, в своей отписке якутскому ландрату Ивану Ракитину, прибавлял: «А от него монаха Игнатия на Камчатке в народе великое возмущение. Да и преж сего в убойстве прежних прикащиков Володимера Атласова, Петра Чирикова, Осипа Липина он монах Игнатий был первый, да и в отказе Алексея Петриловского и Василия Качанова от приказов возмутителем был он же монах Игнатий Козыревский».[3]

Алексей Петриловский, о котором здесь говорится, был приказчиком в камчатских острогах. Он прославился невероятными грабежами.[4] Между прочим, он «вымучил» у Козы-

[1] Там же, стр. 308—312. См. также А. Сгибнев. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке. Морск. сборн., 1869, апр., 84—85.
[2] Памятники сибирской истории, I, стр. 439—440, 441—451.
[3] Памятники сибирской истории, II. стр. 271—272.
[4] В 1719 г. он был арестован и отправлен для следствия в Якутск, а имение его конфисковано; среди пожитков Петриловского оказалось 5649 соболей, 207 бобров, 1542 лисицы и множество других мехов, а также шуб.

ревского ценные пожитки, которые тот собрал для себя на Курильских островах.[1]

В Якутске Козыревскому удалось выпутаться из беды, и он одно время даже замещал архимандрита Феофана в Якутском монастыре. Но в 1724 году вследствие ревизии сибирских дел, вызванной преступлениями Гагарина, всплыло опять дело о камчатском восстании 1711 года. Козыревский был посажен под стражу, но бежал и подал Якутской воеводской канцелярии челобитную, что он знает пути до Японского государства, и просил отправить его по этому делу в Москву. В 1726 году, в бытность Беринга в Якутске, к нему явился монах Игнатий с чертежами и развивал ему свои планы насчет Японии, но Беринг нашел их несоответственными и даже отказал Козыревскому в его просьбе быть принятым в экспедицию.[2] Затем предприимчивому монаху удалось в следующем году устроиться в партию казачьего головы Афанасия Шестакова, отправлявшегося на северо-восток Азии «для изыскания новых земель и призыву в подданство немирных иноземцев». Козыревскому было поручено плыть вниз по Лене и выйти в море для открытия земель против устья этой реки. В Якутске Игнатий построил на свой счет судно «Эверс» и на нем в августе 1728 года отправился вниз по Лене. По словам Полонского, неизвестно на чем основанным, Шестаков сулил Козыревскому, что он впоследствии построит для него надежное судно для проведывания Большой земли, т. е. Америки, и морского пути в Камчатку. Козыревский дошел на Эверсе до Сиктаха на Лене и здесь зазимовал. В январе 1729 года Игнатий вернулся в Якутск, а весной судно его изломало льдом.[3]

Затем Козыревскому удалось пробраться в Москву,[4] где судьба сначала ему благоприятствовала: в Санктпетербургских ведомостях от 26 марта 1730 года (стр. 99—100) было даже пропечатано о заслугах его в деле объясачения камчадалов и открытия новых земель к югу от Камчатки.[5] Но вскоре снова всплыло злополучное дело об убийстве им приказчиков на Камчатке. Игнатий был по приговору синода

[1] Сгибнев. Морск. сборн., 1869, № 4, стр. 85.

[2] Эти сведения заимствованы мною из рукописи А. Полонского «Монах Игнатий Козыревский», хранящейся в архиве Географического общества. Рукопись эта, на 24 страницах, заключает в общем мало нового.

[3] Полонский, l. c., также Сгибнев. Морск. сборн., 1869, № 2, стр. 9.

[4] В конце 1729 года — по словам Вебера (Weber. Das veränderte Russland, III, Hannover, 1740, p. 160).

[5] «И о пути к Япану и по которую сторону островов итти надлежит, такожде и о крайнем на одном из оных островов имеющемся городе Матмае или Матсмае многие любопытные известия подать может» (СПб. вед., 1730, стр. 100).

«обнажен священства и монашества» и передан в распоряжение юстиц-коллегии, которая в 1732 году определила расстригу казнить смертью, но вместе с тем постановила, «не чиня той экзекуции», дело передать в сенат. Чем закончилась судьба Козыревского, источники, коими я пользовался, не говорят.

Некоторые из позднейших авторов возвеличивают эту темную личность. Так, ганноверский резидент Вебер (Fr. Chr. Weber) в своей известной книге Das veränderte Russland (Bd. III, Hannover, 1740, p. 158—160) совершенно неправильно передает, будто поводом к первой экспедиции Беринга были сообщения Козыревского (каковы были поводы для этого начинания, мы уже говорили). Точно так же, по мнению Г. Спасского (l. c., стр. 27—32), монах Игнатий «известен в восточной Сибири необыкновенными своими подвигами». Причиной такого взгляда на К. послужила, надо думать, вышеупомянутая хвалебная статья в С.-Петербургских ведомостях. Впоследствии, впрочем, Спасский изменил свое мнение и в одной статье, написанной в 1858 году, характеризует Козыревского как «отребие сего мира» со ссылкой на послание к коринфянам. Также и Словцов в своей Сибирской истории (I, 2-е изд., 1886, стр. 204) аттестует монаха как «пройдоху».

Все же справедливость требует отметить, что Козыревский был первым из русских, посетивших самые северные Курильские острова. Он первый собрал о них обстоятельные сведения и составил чертеж.

Первое описание Курильских островов

Возвращаемся к описанию Курильских островов, какое дает Миллер со слов Козыревского или, вернее, со слов пленных японцев и курильцев.[1]

От мыса Лопатки перегребают в кожаных байдарах через пролив в два или три часа, до первого острова Шумчу, обитаемого курилами. По словам Крашенинникова, обитатели Шумшу (Шоумшчу) «не прямые курилы, а камчатского поколения», т. е. помесь между камчадалами и курилами. На этот остров приходят иногда для торгу южные курилы, покупающие морских бобров, лисиц и орловые перья для стрел.

[1] Сведения о Курильских островах, полученные от японцев и курильцев, более подробно приводятся Миллером в работе: Fr. Müller. Geographie und Verfassung von Kamtschatka aus verschiedenen schriftlichen und mündlichen Nachrichten, gesammelt zu Jakuzk, 1737, которая была в рукописи передана Миллером Крашенинникову при отправлении последнего на Камчатку. Статья эта напечатана лишь в 1774 г. в приложении к G. W. Steller: Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, pp. 1—58 (о курилах, p. 44—53). Ср. также Крашенинников, I, 1755, стр. 103—120.

В настоящее время коренные курилы северной части Курильской гряды (вплоть до острова Урул, включая и его), или айны (айну) — как они, подобно своим сородичам на Сахалине и Иезо, себя называют — почти вымерли. В 1891 году 69 душ их жили на острове Шикотан, относящемся к так называемой малой Курильской гряде, что на самом юге большой Курильской гряды, восточнее острова Кунашира; они были сюда, в числе 97 душ, насильственно переселены в 1884 году японцами с северных островов гряды.[1] В 1899 году, в посещение Тории, всего курилов было на Шикотане, считая с временно ушедшими на север, 62 души, в 1913 году 57 душ. Между тем в 1749 году только на двух самых северных островах числилось 208 человек курил.[2] Вообще же постоянное население, помимо упомянутого острова Шикотана, имеется ныне только на двух южных островах, Кунашире и Итурупе; оно состоит из японцев и айнов (т. е. тех же курилов); всего тех и других около 3000 душ. Летом же на многих островах появляются рыбаки и охотники. Но еще в шестидесятых годах прошлого столетия курильцы жили оседло в количестве нескольких семейств на острове Шумшу, а также и на Парамушире и даже содержали здесь рогатый скот.[3] Капитан Сноу в 1878 году нашел туземцев на Шумшу, Рашау, Ушишире и Урупе, а на многих других островах — остатки поселений из 10—30 жилищ. По словам кап. Новаковского, незадолго до русско-японской войны (1904—1905) на южной стороне острова Шумшу поселились японцы, и поселок этот служил базой для шхун, занимавшихся хищническим ловом морских котиков у Командорских островов.[4]

Курилы, как сказано, называют себя айнами, и, действительно, они не отличаются ни языком, ни физическим типом от айнов, населяющих Сахалин и Иезо.

По сообщению Тории, посетившего Шикотан в 1899 году, курилы продолжали называть себя русскими именами и фамилиями; здесь было всего четыре фамилии: Сторожев, Новограбленый, «Плетин» и «Шериники» имена же у них были: Евсей, Трифон, Прокофий, Иван, Дарья, Матрена, Мавра, Пелагея, Харитина, Федора и др. Впрочем, каждый носил, кроме того, и аинское имя, напр. Евсей назывался по-аински

[1] Сноу. Курильская гряда. Перев. с англ. Зап. Общ. изуч. Амурск. края, VIII, 1, 1902, стр. 2, 30, 69. — Torii, l. c., 1919, p. 16.

[2] Полонский. Курилы, стр. 386.

[3] П. Тихменев. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании. Ч. II. СПб., 1863, стр. 380—381.

[4] Примечание на стр. 22 перевода статьи Сноу. По японским сведениям, японцы поселились на Шумшу еще в 1896 г. (см. Матер. к познанию русск. рыболов., III, в. 5, 1914, стр. 91).

Камуире-куру, а Авдотья — Тукура-мат[1] (куру, или человек, есть обычный придаток к мужским именам, тогда как мат, или женщина — к женским).

По современным картам Шумшу, или Шимушир, отделяется от мыса Лопатки проливом (1-й Курильский) шириной в 7 морских миль (или 13 км). Длина острова 32 км, ширина 22. Остров сравнительно низмен, высота его не свыше 189 м. На нем есть остатки двух поселений. В бытность Крашенинникова на Камчатке (1737—1741) на Шумшу было три поселения с общим количеством жителей в 44 души. В ручьи, которыми богат остров, входит кета и горбуша. У берегов много нерп, а также живет небольшая колония морских бобров. В море много трески и палтуса. По наблюдениям метеорологической станции, устроенной японцами, в 1902 году средняя температура августа (самый теплый месяц) была + 15.4°, средняя февраля (самый холодный) — 7.8°. Осадков больше всего зимой и осенью (ноябрь 133 мм), меньше всего летом.

К западу от Шумшу, километрах в 80 от берега Камчатки, находится необитаемый вулканический остров Алаид, по-курильски Уякужач. Это высшая точка Курильской гряды. По описанию Крашенинникова (I, 1755, стр. 108), туда ездили жители с Лопатки и первых двух островов для промыслу сивучей и тюленей, которых там множество (и те и другие и до сих пор там сохранились). «Из самого ее [горы] верьху примечается в ясную погоду курение дыму». Со слов Стеллера, Крашенинников передает следующую легенду об Алаиде, слышанную от курильцев около Курильского озера: «бутто помянутая гора стояла прежде сего по среди объявленного озера; и понеже она вышиной своею у всех прочих гор свет отнимала, то оные непрестанно на Алаид негодовали, и с ней ссорились, так что Алаид принуждена была от неспокойства удалиться и стать в уединении на море; однако в память свою на озере пребывания оставила она свое сердце, которое по курильски Учичи так же и Нухгунк, то есть пупковой, а поруски сердце камень называется, которой стоит посреди Курильского озера, и имеет коническую фигуру. Путь ее был тем местом, где течет река Озерная, которая учинилась при случае оного путешествия: ибо как гора поднялась с места, то вода из озера устремилась за нею, и проложила себе к морю дорогу».[2] Тории сообщает, что у японцев существует подобная же легенда относительно вулкана Фудзияма, который когда-то помещался на том месте, где теперь

[1] Torii, p. 19. Не от русского ли слова „мать"?
[2] Крашенинников, I, стр. 108.

озеро Бива; эта легенда ведет свое начало от айнов, ибо фудзи по-аински значит огонь, вулкан.[1]

Со слов Стеллера, Крашенинников говорит, что на Алаиде, кроме сивучей и тюленей, водятся красные и черные (т. е. чернобурые) лисицы,[2] также «мусимоны или каменные бараны», а морские бобры и коты там встречаются очень редко.[3]

Продолжаем описание Миллера.

Второй остров, Пурумушир (теперь Парамушир), находится от первого в четырех верстах (по Крашенинникову и по современным картам, это расстояние менее 2 км). Жители его делают холст из крапивы. От приезжающих с южных островов (именно, с Урупа) курилов они выменивают шелковые и бумажные ткани, котлы, сабли и лаковую посуду. Оружие у них луки, стрелы, копья и сабли; имеют панцыри.

В настоящее время, как сказано, постоянного поселения на Парамушире нет. Это большой и гористый остров: длина его до 104 км, на нем есть действующий вулкан высотой 1817 м; недействующий вулкан Фус, имеет 1798 м.

По словам Крашенинникова (стр. 106), на Парамушире, кроме сланца и ернику, нет леса. На берегах находят выкидной лес, который «приносит из Америки и Японии, в том числе случаются и канфарные, которых немалые штуки и ко мне привезены были оттуду». Камфарное дерево или камфарный лавр Cinnamomum camphora, растет на юге Японии. Жители этого острова были настоящими курилами, переселенцами с Онекотана. Крашенинникову говорили (стр. 107), что между жителями первых двух островов и дальними курилами прежде производилась торговля: «дальние Курилы привозили к ним разную деревянную лаковую посуду, сабли, серебреные кольцы, которые они в ушах носят, и бумажные материи, а от них брали по большей части орловые перья, которыми оклеиваются стрелы; что и весьма вероятно кажется: ибо со второго Курильского острова и я получил поднос лаковой, чашу, японскую саблю и серебреное кольцо, и послал в императорскую кунсткамеру, которых вещей неоткуды взять было Курильцам кроме Японии».

Следующий остров, продолжает Миллер, это Мушу или Оникутан (теперь Оне-котан, по-аински: старая деревня). Здешние курильцы промышляют морских бобров и лисиц, хо-

[1] Torii, l. c., p. 248—249.

[2] Это, вероятно, форма, близкая к Vulpes vulpes beringiana.

[3] Крашенинников, I, стр. 109. См. также Steller, l. c., 1774, p. 26; здесь кроме того сообщается, что каменные бараны есть на всех островах вплоть до Кунашира. Что это за баран, в точности неизвестно; вероятно, форма, близкая к камчатскому Ovis nivicola, который встречается до самого юга полуострова (см. Н. В. Насонов. Географическое распространение диких баранов Старого света. Пгр., 1923, изд. Акад. Наук, стр. 126—127).

дят на соседние острова для промысла, а иногда приезжают для покупки бобров на Камчатку: «многие знают Камчатской язык, коим говорят на большой реке, потому что они с Большерецкими Камчадалами торгуют и женятся».[1]

Следующий остров — Араума-кутан (ныне Хараму-котан, по-аински: деревня лилий), «на нем находится огнедышущая гора», что справедливо; на острове теперь есть остатки поселения.

На пятом острове, Сняскутане (ныне Шиаш-котан) съезжались курилы с севера и с юга для торга; и в XIX столетии здесь бывало много «кочующих» (т. е. не оседлых) курильцев.

Затем идут мелкие острова, из них на острове Китуй (ныне Кетой) растет камыш, употребляемый курильцами на стрелы. Имеется в виду, очевидно, курильский бамбук, Sasa kurilensis (растущий и на Сахалине, где его тоже называют камышом), впервые описанный Рупрехтом под именем Arundinaria kurilensis по экземплярам, привезенным Ильей Вознесенским в 1844 году с Урупа.[2] Одиннадцатый остров Шимушир (Симушир) жилой.

Далее перечисляются «двенатцатой остров Итурпу» (т. е. Итуруп) и «тринадцатой — Уруп». Здесь автор впал в ошибку: Уруп лежит раньше, севернее Итурупа.[3] Как бы то ни было, об Итурупе правильно сообщается, что он велик и многолюден. Жителей его курильцы называют кых-курилами, «а по-японски езо». По языку и обычаям они отличаются от северных курильцев: они бреют головы и «поздравление отдают на коленях». На этом острове есть леса, в которых много зверей и, между прочим, медведей. Есть реки и удобные гавани.[4] Итуруп, по современным картам, самый большой из Курильских островов: длина его до 211 км; в 1890 году на нем было до 1350 жителей; на северо-восточном берегу имеется бухта Мойоро или Медвежья. Жители Урупа, по Миллеру, таковы же, как и на Итурупе; они покупают ткани на Кунашире и сбывают их на первом и втором островах.

По словам Крашенинникова (I, стр. 114), японцы жителей последних четырех островов, т. е. Матсмая, Кунашира, Итурупа и Урупа, называют езо. Торговлю с ближними островами Курильской гряды вели ранее жители Урупа и Итурупа. Они получали из Матсмая, через посредство жителей Кунашира, японские шелковые, бумажные и железные товары. В свою очередь, итурупцы и урупцы продавали японцам

[1] Миллер. Сочин. и перев., стр. 304.
[2] F. Ruprecht. Bull. Acad. St.-Pétersbourg, cl. phys.-math., VIII, 1850, p. 121—126.
[3] Эта же ошибка и на карте Шестакова.
[4] Миллер, l. c., стр. 307.

тканн из крапивы, меха, сушеную рыбу и китовый жир (I, стр. 115).

Ныне на Урупе нет постоянного населения, но прежде на нем была фактория Русско-американской компании, основанная в 1794 году из ссыльных и курильцев (которых Шелехов именует «мохнатыми») для промысла морских бобров.[1] По трактату с Японией 1855 года остров Уруп был южной границей русских владений в пределах Курильской гряды. Через двадцать лет все Курильские острова, как известно, были уступлены Японии в обмен на южную часть Сахалина.

Далее Миллер описывает остров Кунашир. Населяющие его курильцы очень богаты. Тогда как все предыдущие острова независимы, относительно кунаширцев неизвестно, «вольной ли они народ или зависят от города Матмая», т. е. от Хакодате на острове Матсмае (Иезо). Они часто ездят на остров Матмай. На Матмае и Кунашире, а равно и на Итурупе и Урупе, содержалось много камчадалов, мужчин и женщин, в неволе. Относительно «Матмая» сообщается, что он населен «тем же народом Езо, или Кых-Курилами». На юго-западном берегу его японцы построили город Матмай (ныне Фукуяма, на самом юге Хоккаидо), куда посылают людей в ссылку и где, как и вообще на острове, держат войска. Из города Матмая[2] привозят на Кунашир японские товары: шелковые материи, дабу, сабли, чугунные котлы, лаковую посуду, и меняют на морских бобров и лисиц. Наконец, приводятся сведения о Японии.

Плавание Евреинова и Лужина

В 1719 году Петр I отправил двух «геодезистов» (т. е. топографов), Ивана Евреинова и Федора Лужина[3] с официальным поручением «ехать до Камчатки и далее, куда указано, и описать тамошние места: сошлася ли Америка с Азиею, что надлежит зело тщательно сделать, не токмо Зюйд и Норд, но и Ост и Вест, и все на карте исправно поставить». Но кроме того у «навигаторов», как их еще называют документы, была секретная инструкция, содержание коей неизвестно. Посланные прибыли в Якутск в мае 1720 года. Из Охотска они в сентябре отправились на Камчатку в казенной лодии и через десять дней пристали в устье реки Ичи.[4] Перезимо-

[1] П. Тихменев. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании, ч. I, СПб., 1861, стр. 44.

[2] Полонский. I. с., стр. 393.

[3] В документах, напечатанных в «Памятниках сибирской истории», II, стр. 290—292, он именуется Лузиным.

[4] Путешествие Евреинова и Лужина излагаем по Полонскому (стр. 394—395), сообщающему наиболее обстоятельные сведения. См.

вав в Нижнекамчатске, они в мае следующего года отправились из устья Большой реки на том же судне к Курильским островам. Идя вдоль гряды, достигли «6-го острова» (какой именно, трудно сказать, ибо счет различен; по Крашенинникову, который мог иметь наиболее достоверные сведения, это был остров Симушир),[1] но здесь потеряли во время бури якорь и были унесены к второму острову, или Парамуширу, где вместо якоря бросили пушку и наковальню. Выйдя на берег, запаслись водой и провизией; когда стали подымать доморощенный якорь, канат лопнул. Тем не менее благополучно вернулись в Большерецк в конце июня. Здесь сделали два деревянных якоря, оковали их сковородами и на той же лодии 12 июля ушли в Охотск. Мореход Кондратий Мошков, управлявший лодией, на которой ходили к Курилам, характеризовал в своем прошении к якутскому воеводе путешествие навигаторов как бесполезное и просил (октябрь 1721) о дозволении вновь отправиться для проведывания тех же островов, но ходатайство его было безуспешно.[2]

Евреинов, не сообщая никому о цели и результатах своей поездки,[3] из Якутска поспешил в Европу. Он застал Петра в Казани в мае 1722 года и представил ему отчет и карту осмотренных Курильских островов. Полагают, что Петр посылал геодезистов на Курильские острова проведывать, нет ли там серебряной руды, о чем могли дойти сведения — конечно ложные — от выброшенных на Камчатку японцев или от Козыревского, который сообщал, что японцы на шестом острове берут руду.[4]

Посещения после 1721 года

В 1730 году Василий Шестаков, сын Афанасия, убитого весною того же года чукчами, посетил с 25 служилыми

также А. Сгибнев. Попытки русских к заведению торговых сношений с Японией в 18 и начале 19 столетий. Морской сборник, 1869, № 1, стр. 40—42 (По делам Иркутского архива).

[1] Крашенинников, I, стр. 112 — Сгибнев говорит, что судно достигло пятого острова.

[2] Полонский, стр. 396.

[3] В Якутске геодезистов запрашивали, «что с приезду сделали и ныне что делают; а буде по данным им пунктам дела не окончили . . . оканчивать в скорых числах». На это геодезисты отвечали: «пунктов нам не дано, а велено нам отправлять по данному нам наказу за собственною его царского величества рукою, по которому мы, помощью всесильного бога, что надлежит, отправили, о котором отправлении будем ответствовать самому его царского величества» (Пам. спб. ист., II, стр. 291).

[4] Миллер, там же, стр. 323—325. — Сгибнев (Морской сборник, 1869, № 4, стр. 84) приводит краткое донесение Козыревского, в котором, между прочим, читаем: «шестой [остров] Шококи, на который приезжают японцы за рудою».

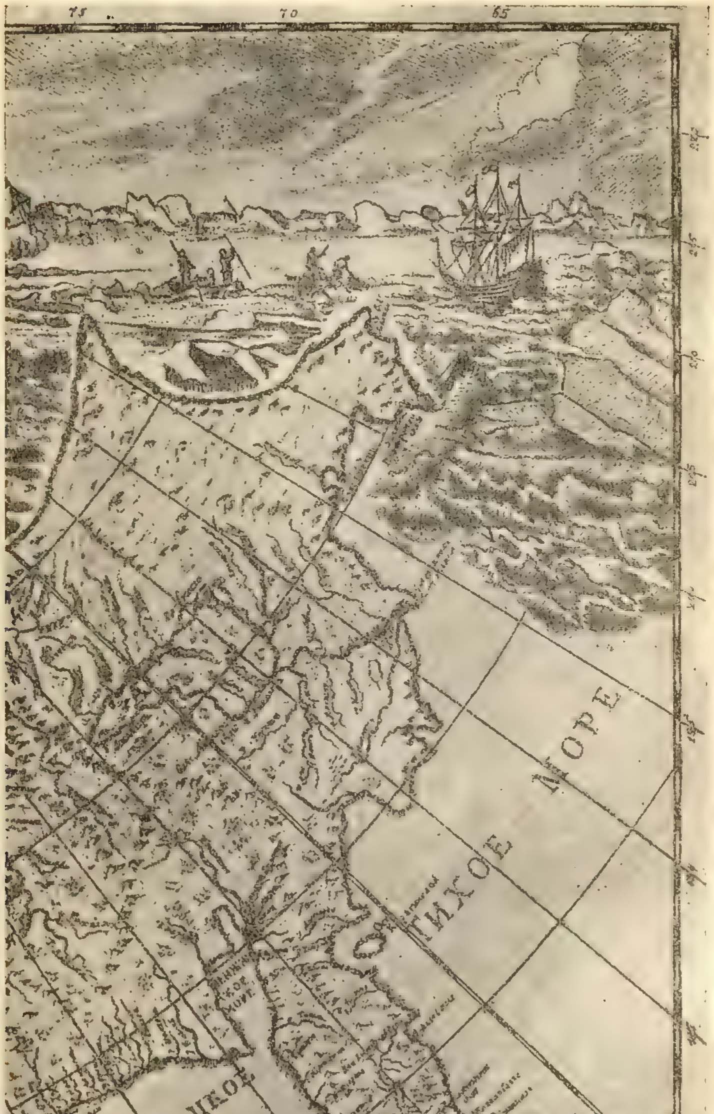


Рис. 27. Часть „Генеральной карты Российской империи" из Атласа Российского, изданного Академией Наук в 1745 г.

На этой карте использованы результаты плаваний Беринга к Берингову проливу в 1728 г. и Шпанберга в Японию в 1738 и 1739 гг.

первые пять курильских островов, собрал там, в первый раз после Козыревского, ясак и взял двух аманатов.[1]

В 1738 и 1739 годах всю гряду Курильских островов нанес на карту, хотя и не особенно правильно, Шпанберг, участник экспедиции Беринга. Подробно об этом говорится ниже (стр. 173).

Во время вторичного пребывания на Камчатке в 1742—1744 годах Стеллер посетил первые Курильские острова, но когда и какие именно, неизвестно. В своей книге «Beschreibung von dem Lande Kamtschatka» он дает, частью на основании собственных наблюдений, частью по расспросам, описание Курильской гряды (стр. 19—28).

Вплоть до сороковых годов XVIII столетия сборщики ясака ходили не далее первых двух островов. В сороковых годах они проникли до Чирин-котана (против Сиаш-котана). Вследствие притеснений, чинимых сборщиками, многие из курильцев ушли на дальние острова, и для возвращения этих, как их называли, сошлых курильцев был послан в 1750 году тойон (старшина) Николай Сторожев, живший на первом острове. Он доходил до Симушира и успел объясачить некоторых мохнатых, но сошлые не пожелали вернуться на первые острова.[2] В представленном в 1755 году в Большерецк донесении он писал, между прочим, что на острове Ушишир «курильцов 25, природою весьма мохнаты; губы, руки и ноги, для красы, черною краскою расписывают; платье у них японские азямы и из птичьих кож; в житии весьма необходны; язык их мало походит на язык ближних, так что без толмача не понять; к приезжим весьма благосклонны: хвосты орловые покупают весьма дорого; владелец их, тоён, которому они оказывают честь и покорство, живет на 21-м острове [Итурупе?]; 10 человек из них уговорены в ясачный платеж»[3]. Тойон Симушира подарил Сторожеву саблю с ножнами, что у мохнатых означает великую честь и дарится в знак вечной дружбы. Однако на уговоры принять подданство России ответил отказом.

По поводу указания на татуировку у курилов, следует отметить, что во времена Крашенинникова, т. е. в первой половине XVIII века, у курилов татуировались оба пола: «губы у мущин на средине токмо, а у женщин все вычернены, вкруг разшиты узорами; сверьх того и руки разшивают оне почти по локоть, в чем несколько сходствуют с Чукчами и Тунгу-

[1] А. Сгибнев. Экспедиция Шестакова. Морской сборник, 1869, № 2, неофиц. отд., стр. 18 (эта статья посвящена описанию похода Афанасия Шестакова). См. также 1869, № 4, стр. 114.

[2] Полонский, стр. 398—403.

[3] Там же, стр. 403—404.

сами».[1] К середине XIX века мужчины перестали татуироваться: «только одни женщины расписывали черною краскою разные узоры на губах и руках до самых локтей».[2] Во время посещения Тории, в 1899 году, этот обычай окончательно исчез.[3] Однако на Хоккаидо татуировка у пожилых айнских женщин сохранилась до наших времен: у них можно видеть узоры около губ, производящие впечатление усов, а затем татуированы предплечье и тыльная сторона кистей рук.[4] У молодых это обыкновение, повидимому, вывелось.

Сибирский губернатор Соймонов поручил в 1761 году полковнику Плениснеру, командиру Анадырского, Охотского и Камчатских острогов, собрать более подробные сведения о южных Курильских островах. С этой целью в 1766 году отправлены из Большерецка тойон второго острова Никита Чикин и сотник Иван Черный с поручением разузнать о числе островов и количестве населения на них; курильцев надлежало «уговаривать в подданство, не оказывая при том не только делом, но и знаком грубых поступков и озлобления, но привет и ласку». Мы увидим далее, как исполнил этот наказ Черный. Чикин скоропостижно умер на острове Симушире, и с 1767 года Черный сделался главою партии. Зиму 1767/68 года сотник провел на Симушире, заставляя несчастных курильцев работать на себя и зверски наказывая провинившихся. Следующим летом Черный достиг острова Итурупа и привел в подданство всех мохнатых, а также двух приезжих с Кунашира. Тойон Итурупа объяснил, что на Кунашире живут японцы, где у них имеется крепость. На следующую зиму Черный поселился на Урупе и здесь занялся промыслом бобров в свою пользу, невероятно притесняя курильцев. Осенью 1769 года он вернулся в Большерецк и подал здесь отчет о плавании, в котором подробно и весьма толково описывает острова. Как ничтожно было население в русской части Курильской гряды, видно из того, что Черному на 19 островах (включая Итуруп) удалось привести в подданство лишь 83 мохнатых (взрослых мужчин). Преступления Черного были обнаружены, и над ним назначено следствие, прекращенное, однако, за его смертью, в Иркутске, от оспы.[5]

Озлобленные действиями Черного, мохнатые в 1771 году

[1] Крашенинников, II, 1755, стр. 180.
[2] Полонский, 1871, стр. 377.
[3] Torii, 1919, p. 149.
[4] См. G. Montandon, цит. на стр. 136 сочинение, 1937, p. 141—142, fig. 68;1927, planches 20, 22, 24 и др., и фотографии у Y. Koya. Rassenkunde der Aino. Tokyo, 1937.
[5] Об экспедиции Черного подробно рассказывается у Полонского, стр. 405—440; здесь перепечатан и отчет Черного.

подняли восстание против русских и многих истребили на острове Итурупе. Не смея нападать в открытом бою, курильцы ночью похищали у русских оружие и затем обращали его против безоружных. Пользовались они также отравленными стрелами.[1]

В сентябре 1777 года из Охотска отправлен на Уруп бригантин «Наталия», на котором в качестве переводчика находился иркутский посадский Шабалин. В мае следующего года Шабалин на трех байдарах пошел на Итуруп. Здесь произошла удивительная встреча с местными тойонами мохнатых: в изъявление дружбы они сначала, держа в руках обнаженные сабли и копья, кричали с лодок; бывшие на берегу мохнатые, из числа сопровождавших Шабалина, в ответ «ходили вдоль берега с копьями, ноги выметывая вверх, необыкновенно кричали нелепым зверообразным голосом и скакали, а женский пол их, 32, ходили позади их и кричали также тонкими голосами»; затем все — и новоприбывшие, и береговые — соединились в одну толпу и с обнаженным оружием начали скакать; потом тойоны подходили поочередно к толмачу и держали над его головою сабли. Русские сначала подумали, не хотят ли мохнатые напасть на них, и выстроились в боевом порядке, но потом недоразумение разъяснилось.[2] Подобную же церемонию встречи, практикуемую курильцами, описывает и Крашенинников.[3] С Итурупа, или 19-го острова, Шабалин отправился далее к 22-му, или Матсмаю.[4] По пути (на Кунашире?) от курильцев узнал, что топоры, сабли и пальмы (железные ножи с деревянною рукояткою), а из платья — азямы они получают из Японии, сами же готовят тканое платье из тополевого лыка (айны, действительно, готовят грубую ткань из лыка), имеют лук и стрелы, причем наконечники стрел отравляют соком «лютика» (Aconitum), носят деревянные панцыри («куяки») из мелких дощечек[5] и шлемы из досок, строят крепостцы, питаются рыбою, а равно привозным из Японии рисом.[6] Далее курильцы рассказали, что против острова Кунашира с северной стороны имеется

[1] Д. Поздеев. Материалы по истории Сев. Японии и ее отношений к материку Азии и России. II. Иокохама, 1909, стр. 20—25.

[2] Полонский, стр. 453—454.

[3] Крашенинников, II, 1755, стр. 182.

[4] 20-й остров это Кунашир; 21-й — Шикотан, лежащий к востоку от Кунашира в малой Курильской гряде.

[5] Такого же рода панцыри, сделанные из косточек, сшитых ремнями, были в употреблении и у коряков (Крашенинников, II, стр. 35). Из моржовой кости, тюленьей кожи, а впоследствии и железа, делали их чукчи. Были они в употреблении и у гиляков, а также у других народов на берегах Тихого океана. См. рисунки у Bogoras. Chukchee, p. 163. Монографию об этом предмете дал Ратцель в 1886 г.

[6] О курильцах на Матсмае см. ниже, стр. 184—186.

земля, называемая Кореска, на которой живет многочисленный народ, говорящий одним языком с мохнатыми. Это — Сахалин, или, по-японски, Карафуто.

XIII. ПЕРВЫЕ СВЕДЕНИЯ О ЯПОНИИ

Атласову принадлежит не только честь открытия Камчатки. Этому же наблюдательному казаку мы обязаны первыми сведениями о северо-западной Америке и о Курильских островах. Мало того, благодаря энергии Атласова были впервые получены точные и подробные известия о Японии.

Данные Спафария

В Москве впервые стали интересоваться этим государством в конце XVII века, после того как, с занятием земель по Амуру, пришлось вступить в соприкосновение с Китаем. В 1675 году из Москвы отправлен в Китай послом Николай Спафарий. Он должен был вести в Пекине переговоры по поводу разграничения на Амуре и попытаться завязать торговые сношения. В наказе, данном Спафарию 25 февраля того же года, ему поручалось собрать подробные известия о Китае, а в докладной выписке, служащей дополнением к наказу, Спафарию сообщались о сопредельных странах (Японии, Формозе, Индии) кое-какие краткие сведения,[1] которые он должен был проверить на месте. О Японии здесь говорится:

«За Китайским государством на востоце во окияне море, от китайских рубежей верст с семьсот, лежит остров зело велик, имянем Иапония. И в том острове большее богатство, нежели в Китайском государстве, обретается, руды серебряные и золотые и иные сокровища. И хотя обычай их и письмо тожде с китайским, однакожде они люди свирепии суть и того ради многих езувитов казнили, которые для проповедывания веры приезжали».[2]

По возвращении в Москву, 5 января 1678 года, Спафарий представил две книги: описание своего пути по Сибири до границ Китая и описание Китая. Последняя издана лишь

[1] Как предполагает Ю. Арсеньев (Изв. Геогр. общ., 1882, стр. 235), эти данные заимствованы из переводной Космографии Герарда Меркатора, которая была у нас в ходу в то время. Однако в переводной «Космографии 1670 г.», изданной Обществом любителей древней письменности (СПб., 1878—1881), сведений о преследовании иезуитов в Японии нет (см. стр. 379—389: О Японии, или Япан острове); космография эта есть в основном перевод сочинения Меркатора под тем же заглавием.

[2] Ю. В. Арсеньев. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границу Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. Зап. Геогр. общ. по отд. эти., X, вып. 1, 1882, стр. 153.

в 1910 году.[1] Здесь, в последней главе, VIII (стр. 199—202), мы находим «описание славного и великого острова Японского, и что при нем обретается».

Сведения о Японии частью получены Спафарием от иезуитов в Пекине, частью заимствованы из западно-европейских книг (встречаются ссылки и на «венецианца», т. е. на Марко Поло). Описание — в общем поверхностное — дает мало существенного и много баснословного.

О положении Японии здесь говорится следующее:

«Великой и славной остров Японской, как пишут китайские земнописатели и чертежи, начинается против устья Амура реки и простирается далеко против Китайского государства и для того иногда из Китайского государства в двои суток плавают в Японский остров. А от устья Амура сколь далеко стоит, того еще не ведомо, а кажется не очень далеко будет, потому что иные островы меньшие видятся от усть Амура от берегу морского с гор, как о том видели в прежних летех казаки, которые зимовали на усть Амура». И далее: «А на устье реки Амура не только большие суды мочно делати, но и корабли большие. И мочно ходить в Китай и в Японский остров».[2]

Вот самое существенное для московского правительства, что можно было извлечь из данных Спафария о Японии. Гораздо более обстоятельные сведения были получены через посредство Атласова.

Но предварительно отметим, что впервые на русских картах имя Японии мы встречаем у Ремезова, в его сибирском атласе, законченном в 1701 г. Здесь мы находим «остров Апония», «острова Япония»; надписаны города, в которых можно узнать Акиту, Симоносеки, Нагасаки («Чертеж земли Нерчинского города»).

Сведения Атласова

Как мы видели, во время своего похода по Камчатке Атласов в 1698 году дошел на юг до реки Голыгиной, или, как он ее называет, первой Курильской реки. Это место лежит под 52°10′ с. ш. 10 февраля 1701 года, в Москве, в Сибирском приказе Атласов дал показание о своей деятельности на Камчатке, и здесь мы читаем следующее:[3]

[1] Н. Г. Спафарій. Описаніе первыя части вселенныя именуемой Азіи, в ней же состоитъ Китайское государство съ прочими его городы и провинціи. Церковно-славянский текст по рукописи, принадлежащей Ф. Т. Васильеву. Казань, 1910, стр. VI + 271, 4°.

[2] Эти две последние цитаты взяты у Ю. Арсеньева. Известия Геогр. общ., 1882, стр. 253, ибо текст рукописи казанского издания в соответственных местах (стр. 199, 202) сильно испорчен.

[3] Н. Оглоблин. Чтения Общ. истор. и древн. росс.. Москва, 1891, кн. 3, стр. 16.

«А против первой Курильской реки на море видел как бы острова есть, и иноземцы сказывают, что там острова есть, а на тех островах городы каменные и живут люди, а какие — про то иноземцы сказать не умеют. А с тех де островов к Курильским иноземцом приходит ценинная посуда и платье даб полосатых и пестрых китаек и лензовые азямы. И сказывали те курильские иноземцы, что де тое посуду и одежду дают им даром, а ни на что не покупают. А на чем с тех островов к курилам приходят — того иноземцы сказать не умеют. Да иноземцы ж сказывали, что в Камчадальской стороне повыше [реки] Камчатки к Каланской Бобровой реке приходят по вся годы бусы и берут у иноземцев нерпичей и каланский жир, а к ним что на бусах привозят ли, неведомо».

Следует иметь в виду, что «Курильскими иноземцами» Атласов именует не жителей Курильских островов, а обитателей южной оконечности Камчатки, к югу от рек Большой и Авачи. Как мы видели (стр. 69—70), здешнее население представляло помесь между камчадалами и курильскими айнами, отчего и получило особое название.

Некоторые объяснения к вышеприведенным сведениям Атласова.

Ценина — это старинное, местами употреблявшееся еще в XIX веке, название хорошей каменной посуды, т. е. фаянса и фарфора. В древней Руси слово ценина означало полива, мурава.[1] В Москве, на углу Таганской площади и Гончарной улицы, была слобода, в которой жили «горшечники, муравленных и ценинных дел мастера». Даба — это китайская хлопчатобумажная ткань. Азям — это взятое с татарского слово, означающее сермягу или зипун. Лензовый значит атласный.[2] Каланская или Бобровая река — это река Озерная, вытекающая из Курильского озера. Калан — камчатское название морского бобра, Enhydra lutris. Нерпа — это тюлень. Буса — это древний судовой термин, применявшийся на севере для обозначения довольно крупных судов, немецких и шведских. Слово буса происходит от скандинавского bussa.[3]

---

[1] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древне-русского языка. III, СПб., 1909, стр. 1439. Даль полагал, что ценинный происходит от слова цена, но это неверно: корень этого слова взят из турецких языков, где çini означает фаянс (по-турецки; слово это случайно упоминается в статье В. Гордлевского в Докл. Акад. Наук, B, 1929, стр. 182). Вряд ли правильно мнение А. Филиппова (Большая Сов. Энциклопедия, том 27, 1933, ст. 718, изразец), будто ценина происходит от немецкого Zinn, олово, непрозрачная эмаль.

[2] Лензы — это употребляемое местами в Сибири название легкого атласа (Словарь русского языка, изд. Акад. Наук).

[3] Н. Загоскин. Русские водные пути и судовое дело в до-Петровской Руси. Казань, 1909 (Матер. для опис. русск. рек, XVI), стр. 397—398.

Фарфоровая посуда и платье, о которых рассказывали курильские иноземцы, могли происходить только из Японии.

Японцы никогда не вели торговли непосредственно с камчадалами, как об этом свидетельствует Тории.[1] Оно и понятно, ибо в начале XVII столетия японцам было воспрещено совершать дальние плавания. Торговля велась при посредстве айнов острова Иезо, которые перепродавали товары курильским айнам, а эти, в свою очередь камчадалам. Таким путем к камчадалам попадали от японцев, между прочим, и металлические изделия, но, понятно, в ничтожном количестве. Мы уже упоминали (стр. 67—68) о металлических иглах японского происхождения. Во многих могильниках на южной Камчатке (у Курильского озера) Иохельсон находил медные японские монеты будто бы XI столетия.[2]

С Японией обитатели южной Камчатки были по наслышке знакомы, кроме того, со слов самих японцев, которых иногда бурей прибивало к берегам Камчатки. Об одном из таких случаев, положившем начало ознакомлению России с Японией, мы и расскажем.

Сообщения японца Денбея

Во время своего похода 1697—1699 годов Атласов, в бытность на реке Иче, узнал, что у камчадалов на реке «Нане» имеется пленник, которого они называли «русаком». Пятидесятник велел привести его. Оказалось, что «тот полоненик Узакинского государства, а то де государство под Индейским царством».[3]

Это был японец из города Осака на острове Хондо или Нипон. Он жил на Камчатке у «иноземцев» уже два года, и Атласов объяснялся с ним через посредство коряцкого толмача. Впоследствии японец, живя два года у Атласова, выучился говорить и по-русски.

Пленник рассказал Атласову, что шли они из «Узакинского государства» в «Индею» на 12 бусах, т. е. больших лодках. «Индия» — это на самом деле японский город Иеддо или Токио, название которого на диалекте жителей города Осака, звучит Ендо. На бусах японцы имели товары, хлеб (рис), вино (рисовая водка) и «всякую ценинную посуду». Во время бури на одной бусе сломалась мачта, и судно носило по морю шесть месяцев, пока не выкинуло на берег Камчатки. По сло-

[1] См. также Крашенинников. Описание Земли Камчатки. II, 1755, стр. 259.

[2] W. Jochelson. Archaeological investigations in Kamchatka. Carnegie Inst. of Washington, № 388, 1928, p. 37. То же по-русски в Изв. Геогр. общ., LXII, 1930, стр. 238.

[3] Чтения в Обществе истории и древн. росс., М., 1891, кн. 3, стр. 9

вам Миллера,[1] это случилось при устье реки Опалы, что впадает в Охотское море южнее Большой.

Из двенадцати японцев, бывших на бусе, троих взяли в плен «Курильского народа мужики», а остальные угребли вперед неизвестно куда. Товарищи рассказчика умерли в плену у курильцев, от непривычной пищи: «кормятца де они курила гнилою рыбою и кореньем».[2] Себя японец называл «индейцем» (очевидно, по имени столичного города Ендо, т. е. Токио), а про свою страну рассказывал, что в их земле палаты ценные, а у царя де индейского [т. е. в Токио] палаты серебряны и вызолочены». Далее Атласов передает, что у курильских иноземцев «взял он Володимер сребряную копейку, весом блиско золотника, а полоненик называл ее индейскою копейкою». Русским «индеец» очень обрадовался и, увидев «образ божий, зело плакал и говорил, что и у них такие образы есть же». Наружность японца Атласов весьма метко описывает такими словами: «а подобием кабы гречанин: сухощав, ус невелик, волосом черн». «А нравом тот полоненик гораздо вежлив и разумен», в противоположность сибирским иноземцам, у которых «учливости никакой нет, — люди худые, чистоты никакой не имеют».[3] Про себя японец рассказывал, что «он по своему грамоте умеет и был подъячим». С собой он имел книгу «индейским письмом», которую Атласов взял у него и привез в Якутск. Пленника Атласов отнял у туземцев и содержал вместе со служилыми людьми на р. Иче (впадающей в Охотское море), а затем все вместе пошли в Анадырское зимовье, куда прибыли 2 июля 1699 года.

Отсюда Атласов с служилыми людьми, государевой казной и полоняником отправились в Якутск. Японец шел на лыжах пять дней, но у него стали пухнуть ноги, «потому что ему на лыжах ход не за обычай», так что пришлось отправить его обратно в Анадырск. Встретив по дороге приказчика Посникова, Атласов наказал ему полоняника по выздоровле-

---

[1] Сочин. и перев., 1758, I, стр. 292—3.

[2] Чтения в Обществе истории и древн. росс., М., 1891, кн. 3, стр. 9.

[3] Крашенинников (II, стр. 15) так рассказывает о нечистоплотности камчадалов: «В житье гнусны, никакой чистоты не наблюдают, лица и рук не умывают, ногтей не обрезывают, едят из одной посуды с собаками и никогда ея не моют, все вообще пахнут рыбою как гагары; волосов на голове не чешут, но расплетают на две косы как мужчины, так и женщины». Далее Крашенинников говорит, что камчадалы едят вшей (II, стр. 15; 1, 349), «но будучи от казаков за то бранены, а иногда и биты, многие ныне того опасаются, однако мне сию мерзость случалось видеть». Срав. по этому поводу то, что сообщает Г. Ц. Цыбиков (Буддист-паломник у святынь Тибета. Пгр., 1918, стр. 177, изд. Геогр. общ.) о тибетцах: они не стесняются в присутствии других отыскивать в своей одежде вшей и давить их зубами. «Не раз видел я, — говорит он, — как женщина, отыскав вошь в волосах другой, передавала ее собственнице которая клала ее в рот».

нии отправить немедля в Якутск с служилыми людьми и дал приказчику 35 лисиц красных, «чем тому полоненику дорогою наймывать под себя подводы».[1]

Японец — его звали Денбей — был действительно в конце 1701 года доставлен в Москву и 8 января 1702 года представлен в Преображенском Петру.[2] Это был первый японец в России. Петр велел обучать его русской грамоте, «а как он русскому языку и грамоте навыкнет, и ему, Денбею, дать в научение из русских робят человека три или четыре — учить их японскому языку и грамоте». Затем Петр приказал «его, иноземца, утешать»: «когда он подучит русских робят японскому языку, его отпустят в Японскую землю».[3] Это обещание не было, однако выполнено: в 1710 году Денбей бил челом Петру об отпуске в свою землю, но царь не позволил и велел японца окрестить. При крещении его нарекли Гавриилом.[4]

В своей «скаске», данной в Москве в Сибирском приказе в первых числах января 1702 года, Денбей сообщил любопытнейшие сведения о своем плавании, о Камчатке и о Японии, сведения, которые мы здесь приводим для сравнения с рассказом Атласова.

Снимавший показания японца в самом начале отметил, что «полоненик говорит немного поруски». Судя по содержанию рассказа, Денбей говорил довольно недурно по-русски. Но попадаются и несообразности, которые нужно, несомненно, отнести за счет взаимного непонимания. Так, например, японец сообщил: «С Японского острова в Китай сухой и морской путь есть, и он Денбей в Китаях сухим путем и морем бывал в китайских городех, которых по их японскому языку называют: Акитай, Квота, Нощро, Тонга, Фиага». Все эти города не китайские, а японские. Акитай, например, это Акита, на северо-западном берегу острова Нипон (Хондо), Квота — Киото, Нощро — Ноширо, к северу от Киото, Фиага — это Хиого близ Кобе и т. д. Без сомнения, Денбей был введен в заблуждение созвучием слов Китай и Акита; все, что он рассказывает о китайцах, подходит именно к жителям северо-западной части Хондо. По крайней мере, он сам говорит: «А китайцов де у них с японцами считают за одних людей, потому что у них идолопоклонение и язык и письмо и обычаи одни, а те ли де китайцы, куды русские люди с караваны ходят или иные — про то он не ведает... И китайцы к ним морем и сухим путем приезжают, а с собою при-

[1] Н. Оглоблин. Чтения, 1891, стр. 8—9, 10—11, 17.
[2] Н. Оглобин. Первый японец в России 1701—1705 гг. Русская старина, 1891, октябрь, стр. 11—24.
[3] Русск. стар., 1891, октябрь, стр. 16.
[4] Там же, 1891, ноябрь, стр. 464.

возят китайские товары — пшено, железо, доски корабельные. кость рыбью [моржовые клыки] и мамонтовую [бивни мамонта — несомненно, ошибочное указание]. А они японцы, им. китайцам, продают: бумагу хлопчатую, камки, китайки, золото, серебро».

Таким образом, смелое предположение Оглоблина, что Япония около 1700 года была соединена перешейком с материком, отпадает.

После этих замечаний переходим к рассказу японца Родом он был из «Японского острова города Осакка», т. е. из большого торгового города (второго по населению после столицы) Осака, где отец его был купцом. Денбей тоже служил у одного торгового человека, следовательно, был приказчиком, а не «подъячим», как неправильно понял Атласов. Имел жену и двоих детей. Однажды зимою он был отправлен морем в город Енду, т. е. Иеддо (Токио), «который стоит на взморье, расстоянием от Асакка с 700 верст». Всего было 30 «бус», судов длиною по 15 сажен. На бусе Денбея было 15 человек экипажу. «А товары с ними были: пшено сорочинское [т. е. рис] да вино пшоное [т. е. рисовая водка, саки]. да камки и китайки, бумага хлопчатая, сахар белый — мелкой, что мука, и леденец, да древо сандал, да железо, для мены на шолк и на дощатое железо, и на полотна крапивные, и на золото и на серебро, для того что де серебро и золото печатают только в двух городех — Меаке [Миако или Киото] и в Енде, и владетель их в тех двух городех переезжая живет». В море флотилию разнесло бурей, судно Денбея отнесло западным ветром на восток и носило ветром 28 недель; чтобы не погибнуть, пришлось срубить мачту вместе с парусами, причем потонуло два человека. «А в том судне была с ними пресная вода взята из Осакка города, и той воды стало им на два месяца, а как воды не стало, тогда они пшено [т. е. рис] варили в вине, и то вино выцедя, подсычивали пшено сахаром леденцом и понемногу питались». Когда ветер утих, по «матошнику» (компасу) убедились, что их унесло далеко в море. Нашли в море плавучее дерево, укрепили его вместо мачты, а паруса сшили из камки.

«И теми парусами принесло их к Курильской земле [т. е. к южной Камчатке], и они, увидя реку, пошли тою рекою вверх и дошли до курильского народу. И от тех курильских народов пришел к ним один человек и он де, Денбей, с товарищи своими, хотя уведомитца, стали для познавания земель и языка писать на бумаге, и то письмо отдали тому курилу, чтоб он также по своему языку написал. И курил де тое бумагу положил в пазуху, потому что де камчадальския и курильския земли у народов никакого письма нет, и пошел от них прочь. А на утро де пришло их в 4 лодках человек

с 20 и, посмотря на них, пошли прочь. А в ночи де пришло их в 40 лодках человек с 200 и почали на судно по них Денбею с товарищи стрелять из луков и топорами каменными и костяными судно их рубить и его, Денбея, из лука у левыя руки по персту ранили. И они де, Денбей с товарищи, видя их многолюдство, стали из судна выносить камки и китайки, и железо, и отдавать им, чтобы их не убили. И курильские де люди те камки и китайки и железо у них взяли. А пшено и сахар нюхали и что запаху никакова оттого нет, також и вино, которого с ним было с 500 бочек, понюхав, бочки рассекли и пометали то пшено и сахар и вино вылили в воду. А бочки оставили себе класть рыбу, для того, что де в Курильской и Камчадальской земле никакой посуды у иноземцев нет. А рыбу кладут в ямы, а поверх покрывают деревьем и травою, и та рыба вся измыловеет, и они тое рыбу кладут в корыта и наливают водою и разогревают горячим каменьем, да к тому прибавляют грибов-мухоморов, и то пьют, и гостей свою братью подчивают, и бывают оттого пьяны. А он де с товарищи Денбей того их питья пить не могли, а ели коренние и рыбу, которая не больно залежалась».[1]

На судне у Денбея было два ящика небольших японских золотых монет, «которые называют ичим». Курильцы взяли этих золотых «два ящика, пуда по два, и тех золотых они, камчадальские народы не знают — роздали играть детям своим».

То, что Денбей рассказывает об употреблении камчадалами мухомора, подтверждает и Крашенинников. Вот что говорит этот наблюдательный путешественник: [2]

«Иногда употребляют [камчадалы] для веселья и мухомор, известной оной гриб, которым у нас обыкновенно мух морят. Мочат его в кипрейном сусле, и пьют оное сусло, или и сухие грибы свернув трубкою целиком глотают, которой способ в бо́льшем употреблении. Первой и обыкновенной знак, по чему усмотреть можно человека, что его мухомор разнимает, дергание членов, которое по прошествии часа или меньше последует, по том пьяные как в огневой [т. е. в горячке] бредят; и представляются им различные привидения страшные или веселые, по разности темпераментов: чего ради иные скачут, иные пляшут, иные плачут, и в великом ужасе находятся; иным скважины большими дверьми, и лоншка воды морем кажется. Но сие о тех разуметь должно, которые чрез меру его употребляют, а которые не много, те чувствуют в себе чрезвычайную легкость, веселие, отвагу и бодрость, так как

[1] Русская старина, 1891, октябрь, стр. 20.

[2] Крашенинников, II, 1755, стр. 108—110. — См. также Steller. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, 1774, p. 92—93.

сказывают о Турках, когда они опия наедаются». «Камчадалы и Сидячие Коряки едят мухомор и тогда, когда убить кого намеряются. В протчем у Сидячих Коряк мухомор в такой чести, что пьяному не дают мочиться на пол, но подставляют посуду, и мочу его выпивают, от чего также бесятся, как и те, кои гриб ели; ибо они мухомор получают у Камчадалов, а в их сторонах не родится. Умеренное употребление четыре гриба или меньше, а для пьянства едят до десяти грибов».

Об употреблении мухомора в качестве опьяняющего средства подробно говорит В. Богораз в своем труде о чукчах.[1] Он подтверждает, что самыми страстными потребителями этого гриба являются коряки. Обычной порцией является три гриба; симптомы отравления — такие же, как при употреблении опия или гашиша, — являются через четверть часа после принятия. Первая стадия отравления сказывается в приятном возбуждении, приливе энергии, веселости и часто смеха без видимых причин. В течение второй стадии, обнаруживающейся очень скоро, «пьяница» видит духов мухомора, слышит голоса и проделывает разные несообразные вещи, — все предметы кажутся ему в увеличенном виде: так, например, рукоятка ножа представляется ему величиной с дерево. Во время третьей стадии потребитель мухомора теряет сознание и погружается в крепкий сон, длящийся несколько часов. Богораз подтверждает, что питье мочи от человека, наевшегося мухомора, производит приблизительно такое же действие, что и употребление самого мухомора, и за недостатком гриба чукчи прибегают к этому средству.

Продолжаем повествование японца.

«Да и оне ж курильские люди двух человек из них, которые будучи на судне на море от великих слез ослепли, убили до смерти. А ево де, Денбея, взял один человек и свез на Камчатку реку. А товарищи ево 10 человек остались у тех курилов». До приезда Атласова Денбей прожил на реке Камчатке около году (согласно Атласову, — два года; как мы видели, из данных «Чертежной книги Сибири» Ремезова следует, что кораблекрушение произошло в 1696 г.). Когда японец научился немного понимать по-камчадальски, он от туземцев узнал, что к Курильской земле приходили люди на бусах и забрали десять его товарищей, «а их ли Японския земли или Китайские люди были, про то он не ведает». Возможно, что это были курилы с дальних Курильских островов.

«А как Володимер Атласов с казаками в Камчадальскую землю пришли, и он де Денбей, видя у них в естваx чистоту, приехал к ним, чтоб ево от голоду не покинули».

О Японии Денбей сообщил, между прочим, следующее:

[1] W. Bogoras. The Chukchee. Leyden and New York, 1909, p. 205—207.

«А снег бывает у них в двух месяцах — в одном три дни, в другом два дни, как ветр будет с полунощную страну и того снегу нанесет малое число, толщиною на перст, и того ж дня стает, а морозов не бывает, только бывают ветры студеные три месяца. А дожди зимою и летом у них бывают. А большой день 12 часов, меньшой по 7 и по 8 часов, а середи лета солнце бывает над самым теменем и зело бывает жарко». Последние данные для тогдашней Японии, обнимавшей острова Нипон, Сикоку и Киусиу и южную часть Иезо и простиравшейся от 31° до 42° с. ш., конечно, неверны. Родина Денбея, Осака, лежит под 35½° с. ш. Малоснежные зимы бывают только на восточных берегах, на западных же местами снеговой покров достигает значительной толщины.

«А скот у них быки, лошади, свиньи [?], овцы [?], и тех скотов они не едят, а едят гусей, уток, кур руских, и индейских жаравлей, да по их языку птица кужаку — величиною с быка, перье белое, хвост черный, ноги красные, да рыбы большие сажени по две, кои живут в море, а в озере их живут караси, а в реках рыбы не бывают, потому что де вода зело тепла. Да в мореж ловят мелкую рыбу — подобна вологоцким нельмушкам. Да ягоды, сладкие и кислые, и яблока родятся, да пшено сорочинское, а иногда пшено сорочинское привозят из Китай к ним на продажу».

Под именем «индейских жаравлей» надо подразумевать японских журавлей (Grus japonensis), которых японцы держат во дворах, а «кужаку» — это японский аист, Ciconia boyciana, распространенный в Японии, Корее, северном Китае и Уссурийском крае.[1] Реки южной Японии действительно небогаты промысловыми рыбами. «Вологодская нельмушка» есть сиг из Кубенского озера;[2] это сравнение принадлежит, конечно, снимавшему допрос, и какая морская рыба Японии имеется в виду, — сказать невозможно.

«А посуда де у них серебряная и медная и ценинная.[3] А ценинную посуду делают у них из морских раковин: толкут их намелко и мешают с глиною, и держат в земле многие годы, и из того те ценинные посуды делают». «А платье у них в Японской земле носят камчатные и китайские, а зимою стежное на бумаге». «А в их де земле пушечки есть маленькие — по аршину и по 1½ аршина, и порох есть же, а делают тот порох в их же земле». «А у воинов их японских оружие — мушкеты, копья, сабли. А начальные люди носят по 2 сабли. Только де у них войны никакие ни с кем не бывает. А около городов их стены каменные из большого дикого камени; стены толщиною аршин по шти, в вышину

---

[1] Теперь «кудзяку» есть название павлина (С. Г. Елисеев).

[2] Coregonus lavaretus n. kubenska.

[3] О значении слова ценинный см. выше, на стр. 158.

сажен по десяти. А домы у них делают: ставят деревянные столбы высокие, столб от столба по аршину, и землю с водою разбивая и примешивая к ней сена,[1] меж тех столбов кладут толщиною в аршин и в полтора, слоями, а меж слоев кладут железо [?] и веревками утягивают и убивают накрепко. Также и божницы делают, и покрывают те домы и божницы железом, а иные медью, а иные серебром и золотом. А у царя[2] де их и у патриарха[3] домы и начальная божница покрыта золотом».

«Да он же, Денбей, сказал: вера де у них с китайцы[4] одна — поклоняются идолом, которых у них златых, и серебряных, и медных, и железных, и древяных многое число, разными образцы. И он, Денбей, описательные книги Японского острова на цесарском языке в лицах смотря, сказал: городы де Японского царства Миако, Осакка, Ендо, как оне стоят в лицах в той книге — написаны сходно. И идолы человеческими и змеиными и зверскими и иными разными воображеньями, которым оне поклоняются и вместо богов почитают, и божницы и иное строение, что в той книге в лицах написано — в их земле есть против той книги сходно».

«А про господа бога, создателя неба и земли, он, Денбей, спрашиван: в него они веруют ли и где его исповедают? И против того он сказал: создатель де неба и земли живет год на земле, а год на небеси, только де они его не знают, а своих де богов называют они разными имяны: Амидаками[5] Токи, Хачимам[6] и т. д.».

Денбея спрашивали также о представителях других религий в Японии, на что он ответил: «Ензуитов и попов немецких в городах японских нет, а есть ли де или нет в Нангасаке городе — того он не ведает. И креста христова у них нет же, и иных никаких вер они, японцы, не принимают и быть иным верам не велят».

«А в Японской де земле владетель их или царь, которому имя Кубо-Сама,[7] да вподобие патриарха Дайро-Сама,[8] да меньше того Дайра властью Кинчю-Сама,[9] живут во граде Миаке, а иное царь их переезжая живет в городе Ендe».

«А в иные де земли они, японцы не ходят, а в Японскую де землю приходят к ним кораблями немцы [голландцы], с сук-

[1] Собственно — соломы из риса.
[2] Т. е. сиогуна.
[3] Т. е. императора.
[4] Срав. сказанное выше о «китайцах» Денбея.
[5] Амида — это Будда. (С. Г. Елисеев, как и примечания 6—9 на этой странице и 1—4 на следующей).
[6] Хачиман — бог войны.
[7] Кубо-сама — народное название сиогуна.
[8] Дайри-сама — народное название императора.
[9] Повидимому, — придворная знать, так как кинтю значит дворец.

лами и с иными товары в город Нангасаки, и в том городе многие немцы домами живут, а в иные городы Японские немец и никого чюжеземцов торговать не пущают, а для чего — про то он не ведает».

«А в их Японской земле считают оне в году по 12-ти, а в ином году по 13-ти месяцов, а в месяцах по 4 недели, а в месяце по 28-ми, а в иных по 29-ти дней. А год починается у них зимою».

«А деньги у них медные называют жени,[1] подобны русским медным денешкам округлостью и толщиною, да серебреные деньги, которые называют у них гин, весом блиско московского золотника, а такую копейку привез к Москве Володимер Отласов. А медных денег на серебряную копейку дают по 50-ти. Да у них же есть золотые, шириною против ефимка, толщиною против московской медной деньги, которые называют у них кованы,[2] а за тот золотой серебряных их денег дают по 40 копеек. А иные золотые большие — шириною вершка в два, которые называют убан,[3] а дают за них по 4 кована. А иные золотые есть меньшие, которые называют ичим,[4] за которые дают серебряных по 10 копеек».

«А родится де у них золото, серебро и делают камки и китайки, а жемчюгу и каменья дорогова у них нет, потому что де у них жемчюгу и каменья никто не носит».

Другие японцы на Камчатке

В 1710 году к северу от Авачинской губы снова выбросило на берег судно, на котором было десять человек японцев. Четырех камчадалы убили, а прочих взяли в плен, но из них некоторых казаки отбили. Живя в камчатских острогах, двое японцев выучились немного говорить по-русски и сообщили казакам кое-какие сведения о Курильских островах и о Японии. По их словам, государство их называется Эдо, — очевидно, имеется в виду Иеддо или Токио. «А около, того их государства стоят семь городов», один близ другого. «А стоит де их государство против Камчатцого Носу [т. е. мыса Лопатки] на Пенжинском [т. е. Охотском] море, на острову. А сказывают, в своем государстве и в городах золото и серебро родитца, камки и китайки и дабы делают».[5]

Одного из пленных японцев, именем Санима, в 1714 году привезли в Петербург. От него несомненно были получены

[1] Зэни.
[2] Кобан.
[3] Ообан.
[4] От народного слова итимай, которое употреблялось для золотых монет, равных 7 ре 2 бу, или для серебряных, равных 43 моммэ.
[5] Памятники сибирской истории, I, стр. 478—479.

кое-какие сведения о Японии, вызвавшие в Петербурге интерес к этой стране.

Ганноверский резидент Вебер передает, что фельдцейхмейстер Брюс в 1716 году сообщил ему следующее.[1] Он, Брюс, получил «два года тому назад» от царя приказание написать в Нерчинск о том, чтобы были посланы «к самым дальним границам России» двое людей для проведывания земель в море. Это было исполнено. Люди, совершенно незнакомые с морским делом, шли несколько недель вдоль берега; наконец, на расстоянии двух миль, увидели остров, куда и переправились; на обратном пути с острова они погибли во время бури, и их товарищи, оставшиеся на берегу, не могли узнать, что те нашли. Брюс, полагавший, что Япония очень близка к России, склонен был думать, что и выше упомянутый остров принадлежал к Японии.

Рассказ Вебера мало вразумителен. Не сообщено даже, откуда отплыли упомянутые люди. Год отправления тоже неизвестен. Поводом к сообщению Вебера могло быть следующее. Петр I неоднократно делал распоряжения о посылке людей для проведывания островов на севере и востоке, и мы имеем об этом несколько свидетельств. Приведем одно из них.

В 1714 году якутский воевода Яков Елчин на допросе узнал следующее. В 1712 году боярский сын Василий Игнатьев посылал, по указу великого государя, десять казаков из Удского острога для проведывания морских островов. Построив на Уде две лодки, казаки поплыли по Уде к морю, а от устья Уды шли по морю подле матерой земли до реки Тугура семь недель. Здесь зазимовали. В мае следующего года шли берегом дальше в течение четырех недель, пока «с мысу» не увидели остров. Перегребли туда часа в три; переночевав на нем, погребли на другой, а затем на третий. На этом острове пять человек прожили целый год, промышляя соболя. Двое из казаков померли, а прочие в июне 1714 года на одном шитике вышли по направлению к Удскому острогу, куда и прибыли в скором времени.[2] Речь здесь идет о посещении Шантарских островов, и, надо думать, этот эпизод и был рассказан Брюсом Веберу.

Тот же Вебер[3] сообщает, что в 1716 году два купца предложили сенату организовать торговлю с Японией и Остиндией по следующему маршруту: Архангельск, Сев. Двина, Тавда (приток Тобола), Иртыш, Обь, Кеть, Енисей,

[1] (Weber). Das veränderte Russland. Th. I. Francfurth und Leipzig 1738, p. 220.

[2] Памятники сибирской истории, II, 1885, стр. 47—50.

[3] Weber, l. c., p. 219—220.

Ангара, Байкал, Шилка, Амур, Восточный океан.[1] Осуществление этого предприятия, продолжает Вебер, сделало бы излишними попытки найти путь мимо Новой Земли (ср. стр. 10).

В июле 1729 года к камчатскому берегу между Лопаткой и Авачой снова занесло японское судно, на котором находилось 17 человек. Судно было гружено сарачинским пшеном, т. е. рисом, затем камкой, полотном, писчей бумагой и другими товарами. Оно шло из японской провинции Сатцума, расположенной на западе острова Киу-сиу, в Осаку. По пути приключилась буря, и судно носило в море шесть месяцев, с ноября по июнь. Экипаж был вынужден побросать товары в воду и срубить мачту.

Принесенные к берегам Камчатки японцы вывезли на берег вещи и временно оставались при них, пока на 23-й день не были обнаружены казачьим пятидесятником Андреем Штинниковым и камчадалами. Сначала Штинников обходился с потерпевшими крушение дружески, но потом японцы обнаружили, что он, вместе с камчадалами, разбирает их судно, стоявшее верст за 30 от лагеря, и расхищает железо. Видя это, японцы пытались уйти в море на шлюпке, но Штинников послал за ними камчадалов с поручением нагнать беглецов и перебить их. Часть японцев была убита стрелами, другие переколоты копьями или зарублены саблями, которые они же подарили Штинникову; некоторые утонули, побросавшись в воду. Остались в живых только двое: раненый в руку одиннадцатилетний Гонза, взятый отцом на судно для обучения морскому делу, и взрослый Соза, вытащенный из воды.

Вместе с обоими пленными японцами и с награбленными вещами Штинников отправился в Верхнекамчатск. Когда обо всем этом узнал приказчик Новгородов, он распорядился Штинникова посадить в тюрьму (впоследствие он был повешен), японцев выпустил на свободу, а о всем случившемся донес в Анадырск Павлуцкому.[2] Этот последний приказал

[1] Подобный же маршрут предлагал Петру I Ф. И. Соймонов (Описание Каспийского моря с дополнениями Г. Ф. Миллера. СПб., 1763, стр. 357): «в 1722 г., будучи в Аграханском заливе при рассуждении о Ост-индейских торгах с Европейцами на докладе Лейтенанта Соймонова, что чрез Сибирь до Японии и до Индии короткой и способнейшей путь признавается, [его величество] изволил сказать, что не ныне, да и далеко».

[2] Было бы ошибочно думать, что Новгородов действовал так под влиянием человеколюбивых чувств: это был прославленный взяточник и грабитель. Как выяснилось впоследствии на следствии, он вскоре освободил Штинникова, получив от него известное количество японских вещей. Невероятные грабежи, какие позволял себе Новгородов, были одной из причин восстания камчадалов в 1731 году. Назначенный для следствия о камчатском бунте майор Василий Мерлин приговорил Новгородова за поборы, а Штинникова за убийство японцев к повешению, что и было приведено в исполнение (Сгибнев. Морск. сборн., 1869, № 4, стр. 133).

отправить японцев в Якутск, что и исполнено в 1731 году. Отсюда, через Тобольск в Москву, они, в 1734 году, прибыли в Петербург. В том же году оба были окрещены, причем Соза наречен Козмою Шульцем, а Гонза — Дамианом Поморцевым.

Японцам было поручено обучать при Академии Наук русских японскому языку. Младший, Поморцев, был человек способный: он хорошо выучился по-русски и с успехом выполнял порученное ему дело. К сожалению, он уже в 1739 году скончался, имея 21 год от роду (старший же умер в 1736 году 43-х лет).

В библиотеке Академии Наук сохраняются рукописи учебников, составленных Поморцевым под руководством академического библиотекаря Богданова. Они носят названия: 1) вокабулы и дружеские разговоры, 2) грамматика, 3) Orbis pictus или свет в лицах. Писаны русскими буквами, ибо Поморцев был по-японски неграмотен. По словам Миллера, от японцев «выведаны и записаны» разные сведения о Японии, но судьба этих записей мне неизвестна.[1]

После смерти японцев с их лиц были сделаны слепки, которые хранились в Академии Наук.[2]

XIV. ПЛАВАНИЯ ШПАНБЕРГА И ВАЛЬТОНА В ЯПОНИЮ

Одной из важнейших целей экспедиции Беринга было завязать сношения с Японией. После того как через плечных японцев были получены обстоятельные сведения о Японии, в Петербурге стали весьма интересоваться этой страной. Мы уже говорили о том, что в 1716 году два петербургских купца подали в сенат ходатайство о разрешении производить торговлю с Японией и Остиндией. В своих «предложениях» 1730 года Беринг сообщал, что он приказал на Камчатке, если впредь будут там обнаружены потерпевшие крушение японцы, «то надлежит тех людей отправить на казенном судне в их землю и проведать путь, и можно ли с ними иметь торг, или каким другим образом к пользе Государства

[1] О дальнейших попытках устройства в России школ японского языка см. у А. Сгибнева. Об обучении в России японскому языку. Морской сборник, 1868, № 12, стр. 55—61.

[2] Теперь японских масок в Этнографическом музее Академии нет; повидимому, они сгорели.

Об истории с японцами, потерпевшими крушение в 1739 г., можно найти сведения у Крашенинникова, II, 1755, стр. 222—224. — Миллер. Сочин. и перев., 1758, I, стр. 397—400. — В. Бартольд. История изучения востока в Европе и в России. СПб., 1911, стр. 176—177.

что присмотреть, понеже до самыя Японския земли от Камчатского угла имеются острова и не в дальнем расстоянии остров от острова».[1]

Инструкция, данная капитану Шпанбергу в Петербурге, предписывала ему на трех судах следовать «ради обсервации и изыскания пути до Японии», осмотрев и описав прежде всего Курильские острова; затем итти, не мешкая, к Японии и разведывать о ее состоянии и портах, стараясь расположить японцев к себе, «дабы своею дружбою перемогать их застарелую азиатскую нелюдкость». В качестве толмачей предлагалось взять камчадалов, «кои знают язык островных жителей», т. е. ближних курильцев; эти последние могли служить переводчиками при сношениях с дальними курильцами, которые, в свою очередь, понимали японцев. Таким сложным путем можно было бы «хотя по нужде», притти к взаимному пониманию.[2]

Тогдашние карты Японии

В это время очертания Японии не только у нас, но и на Западе были известны очень плохо. На картах изображали на севере тогдашней Японии остров Jedzo, т. е. Иезо, или Хоккандо, или Матсмай, к востоку от него большой остров Штатов, а еще восточнее — несуществующую Землю Гамы. Происхождение этих обозначений таково.

О земле Eco (Yeço), лежащей на севере Нипона (Хондо), главного острова Японии, принес в Европу первые известия иезуит Фроес, посетивший Японию в 1565 году.[3] Более обстоятельные сведения были получены в первые десятилетия XVII века. В 1620 году иезуит Caravaglio посетил Иезо. В конце XVI и первой половине XVII столетия среди испанцев, а также голландцев, были распространены слухи, что к востоку от Японии имеется страна, необычайно богатая золотом и серебром (Rica de Oro, Rica de Plata). Основываясь на этих сведениях, управление голландскими колониями снарядило в 1643 году из Батавии экспедицию к берегам Японии на судах «Castricum» под начальством Фриза (Vries) и «Breskens» под командой Схепа (Schaep). На широте южной оконечности Японии корабли разлучились, и Фриз продолжал свои ис-

[1] А. Соколов. Записки Гидрограф. департ., IX, 1851, стр. 434—435.
[2] Соколов, стр. 223—224. — Экспедиция Беринга, 1941, стр. 95 (указ Сената адмиралтейств-коллегии от 28 декабря 1732 г.).
[3] Д. Н. Анучин. Материалы для антропологии восточной Азии. I. Племя айнов. Изв. Общ. люб. естествозн., антроп. и этногр., XX, М., 1876, стр. 80. — Напомним, что эзо у японцев некогда было обозначением всех «северных дикарей» (ср. выше, стр. 139—140). По описанию Фроеса, в стране мохнатых людей находится город Акита (на севере о-ва Хондо).

следования один, плывя на север. 9 июня он был у берегов Иезо, где его судно посетили айны. Затем он подошел к южным Курильским островам; двум из них он дал названия: остров Штатов (ныне Итуруп) и Земля Компании (Уруп?). Эта последняя, лежавшая на востоке, была, по мнению Фриза, частью Северной Америки. 26 июля он достиг юго-восточной части Сахалина, а день или два спустя — мыса Терпения (на Сахалине). После бесплодных поисков золотоносных островов, Фриз в ноябре 1643 года вернулся на Формозу.

Португалец Texeira изобразил на своей карте 1649 года Землю Гамы, под 44—45° с. ш., к северо-востоку от Японии, т. е. приблизительно на том месте, где Фриз открыл южные Курильские острова. Гама — это был португальский моряк, будто бы открывший эту землю в первой половине XVII века, на пути из Китая в Мексику.

На картах XVII и первой половины XVIII столетий господствует необычайная путаница в отношении острова Иезо: одни соединяли его с материком Азии, другие причленяли к Америке, третьи изображали в виде громадного острова между Азией и Америкой. На карте Страленберга 1730 года Иезо отожествлено с Камчаткой: «Terra Kamtszatka alias Jedso».

На карте, составленной Иосифом Делилем, по поручению сената, в 1732 году и переданной Берингу в руководство, изображена под 48° с. ш. и Земля Гамы, к северо-востоку от обширной Земли Компании (45—48° с. ш.). О Земле Гамы Делиль в своем объяснении к карте[1] говорит: «Усмотренная Дон-Жуаном [де Гама] земля, которую я на ландкарте прямо против Камчатки означил, может быть не соединяется ли с твердою землею Америки, а именно с Калифорниею, на севере, при сысканном от Мартина д'Агвилара заливе». «Может быть еще скорее и с большею достоверностью виденная Дон-Жуаном-де-Гамою земля найдется, если оную искать будут отправлять с Камчатки на полдень, потому что она лежит на восток от так называемой Земли Компании, которая в 1643 году Голландскими кораблями найдена, и оными, именем Господ Генеральных Штатов, взята в Голландское владение».

Землю Гамы можно видеть и на «Генеральной карте Российской империи», изданной в 1734 году Иваном Кириловым в Петербурге. Копия (№ 3528) корректурного экземпляра этой карты, найденного мною в картографическом отделе библио-

[1] Соколов, стр. 437—445 (русск. перевод); Golder, 1914, p. 302—312 (франц. оригинал). Копия карты в натуральную величину, сделанная в 1737 году, имелась, по словам А. Соколова (1851, стр. 437), в архиве адмиралтейств-коллегии. О карте см. выше, стр. 121.

теки Академии Наук, приложена выше (рис. 10). Оттиск этот помечен 1733 годом.

Плавание Шпанберга

Под начальством Шпанберга было три судна: «Михаил», которым командовал он сам, с экипажем в 63 человека, «Надежда» под начальством лейтенанта Вальтона и «Гавриил» под начальством Шельтинга; на обоих по 44 человека команды. Выйдя из Охотска 18 июня 1738 года, в начале июля прибыли в Большерецк на Камчатке, где взяли провиант, и 15 июля отправились на поиски Японии. Шли вдоль Курильской гряды. Спутники Шпанберга скоро отстали, а он нанес на карту гряду Курильских островов, коих он насчитал 32, — больше, чем их числится ныне.[1] В Атласе Российском, изданном Академией Наук в 1745 году, уже нанесены Курильские острова по съемкам Шпанберга. Обогнув остров Уруп, который Шпанберг назвал Ольховым, он 3 августа, приблизительно под 45½° с. ш., решил вернуться назад из-за недостатка провизии и отсутствия хороших якорных мест между островами. 17 августа Шпанберг прибыл в Большерецк.

Таким образом, поручения проведать Японию он не исполнил и по причинам, которые нельзя назвать уважительными. Погода все время была тихая. Равным образом он не попытался, как ему предписывалось, завязать сношения с жителями Курил. Об этих островах он сообщил только, что у них «берега каменные, утесы весьма крутые, и в море великая быстрота и колебание жестокое, на якоре стоять грунтов не имеется и очень глубоко».[2]

Вальтон доходил к югу, частью вдоль Курильской гряды, до 43° 20′, т. е. до параллели острова Хоккаидо, причем положил на карту 26 Курильских островов.[3] Он вернулся в Большерецк через неделю после Шпанберга, а Шельтинг был здесь уже с 7 августа. В Большерецке решили зазимовать.

В следующем, 1739 году флотилия Шпанберга вышла 21 мая, уже в составе четырех судов, к первым Курильским островам. Отсюда пошли на юго-восток, пересекли местоположение не оказавшейся Земли Гамы, а затем повернули к юго-западу. 14 июня, под 39½° с. ш., Вальтон умышленно отделился от Шпанберга.

16 июня под широтою 39° Шпанберг увидел берега Японии, именно северо-восточное побережье острова Хондо.

[1] Карта Курильских островов, составленная Шпанбергом на основании работ 1738 и 1739 гг., воспроизведена Егерманом в XXXVIII томе (1914) Записок по Гидрографии, при стр. 448.

[2] Соколов, стр. 347.

[3] Экспедиция Беринга, 1941, стр. 177.

«Подошед под берега, — пишет в своем рапорте Шпанберг, — лавировали, а чтоб пространнее их видеть, какие они и сколь в близости берегов вода глубока и какой около их грунт, посылал он, Шпанберх, шлюп Большерецк, на которой был командиром боцманмат Эрт, который подходил к японским берегам расстоянием не далее двух верст, а к самым берегам подойтить не смел для того, что из заливы той земли вышло японских судов с тридцать, из которых судов одно к нему, Эрту, шло гораздо близко, того ради он возвратился.[1] Следуя вдоль берега на юг, 22 июня, приблизительно под 38° 20′ с. ш.,[2] стали на якорь. Экипаж, привыкший к скудной охотской и камчатской природе и безлюдью, был поражен роскошной растительностью, невиданными животными, богатством и многолюдством селений.

Таковы были впечатления русских от первого знакомства с Японией. Невольно вспоминаются те чувства, какие испытал Гончаров, увидевший Нагасаки с борта фрегата «Паллада», сто лет с лишним спустя, в августе 1853 года. «Вот, — пишет знаменитый писатель, — этот запертой ларец с потерянным ключом, страна, в которую заглядывали, до сих пор с тщетными усилиями, склонить и золотом и оружием и хитрой политикой на знакомство. Вот многочисленная кучка человеческого семейства, которая ловко убегает от ферулы цивилизации, осмеливаясь жить своим умом, своими чувствами, которая упрямо отвергает дружбу, религию и торговлю чужеземцев, смеется над нашими попытками просветить ее... Долго ли так будет? говорили мы, лаская рукою 60-фунтовые бомбовые орудия».[3]

С корабля Шпанберга было замечено, что жители встревожены появлением иноземцев: по ночам они жгли сигнальные огни. Но никаких враждебных действий японцы не предпринимали. Это место находилось в районе большого города Сендай.

Оставаясь на якоре в версте от берега, завели сношения с жителями. Японцы привозили разные ткани, сорочинское пшено, т. е. рис, листовой табак, соленые огурцы, крупную редьку и другие овощи, камбалу и прочие еще 4 рода рыбы, «которых мы, говорится в вахтенном журнале, в Европе ни в Азии не видали», а также четырехугольные золотые монеты и обменивали все это на русские вещи. С обеих сторон

[1] Экспедиция Беринга, 1941, стр. 179.

[2] По Берингу (Экспедиция Беринга, 1941, стр. 180) «дошли до ширины около 37°», по Миллеру (Сочин. и перев., ч. II, стр. 104) до 38° 25′, по Соколову (стр. 350) до 37¼, по карте Шпанберга 38° 20′, по японским источникам 38¼°.

[3] И. А. Гончаров. Фрегат Паллада. Сочинения, изд. Маркса. 1899, т. VI, стр. 6.

соблюдали большую учтивость. При обмене товаров японцы поступали справедливо. Более всего японцам нравились сукна, суконное платье и синий стеклянный бисер. Бумажных же и шелковых матерей, зеркал, ножей, ножниц, игол и подобных вещей не брали, так как все это имелось в их стране.[1] Японцы принимали подарки «со всякою учтивостью, и кто, что примет, то все прижимали своими руками к грудям». За купленные вещи японцы расплачивались золотыми червонцами; два таких червонца и два конца выбойки [ситца] Шпанберг впоследствии послал в адмиралтейств-коллегию.[2]

Около судна заметили много японских лодок, длиной около 24 футов, остроносых, с плоской кормой, посреди с палубой; на палубе небольшой очаг; у некоторых было по два руля. Якори железные, четырехрогие. Вместо железных гвоздей и скоб на этих лодках и на других судах — медные. Гребут стоя. Были и другого типа суда, более крупные, бусы, острые как спереди, так и сзади. Они ходят хорошо только по ветру и употребляются для развоза товаров вдоль берега, при противных же ветрах часто заносятся в открытое море и попадают даже на Камчатку.[3]

К судну подошла большая лодка, на которой, помимо команды, находилось четыре японца, повидимому, высокопоставленных, судя по платью и другим признакам. Капитан пригласил их к себе в каюту. «При входе во оную поклонилися ему до земли, подняв руки в верьх, и сложа их вместе, держали на головою, и стояли на коленах до тех пор, пока Капитан их встать не принудил. Он подчивал их водкою и кушаньем, что казалось им не неприятным. Как Капитан показал им морскую карту сим странам и глобус, то узнали они тотчас свою землю, которую называли именем Нифон. Они приметили и остров Матмай [т. е. Матсмай, или Иезо, или Хоккаидо] и Садо, также и на мысы Сангар [имеется в виду пролив Сангарский] и Ното перстами указывали. При отходе поклонилися они также в землю, изъявляя свою благодарность за то, чем они довольствованы были».[4] Тем не менее Шпанберг не доверял японцам.

Наружность их он изображает в своем донесении следующим образом:

«Оные Японцы росту среднего и малого, платье у них много схоже с Татарским; ходят босые, штанов и портков никаких не имеют; с полуголовы по лбу волосы стрижены и подклеены клеем, назади завязываются кустиком, который торчит к верху; шляпы у них великие, травяные, плоские;

[1] Миллер. Сочин. и перев., 1758, ч. II, стр. 104.
[2] Экспедиция Беринга, 1941, стр. 180.
[3] Миллер. Сочин. и перев., 1758, ч. II, стр. 105—106.
[4] Миллер, ч. II, стр. 106—107.

носят те шляпы, подвязав себе под бороду, а у которых шляп нет, те головы подвязывают платками; вместо епанечь имеют вощанки, сделанные из бумаги. А телом оные Японцы некоторые из-бела, а более смуглых, глаза малые, волосы черные, бороду бреют».[1]

Видя около себя сразу до восьмидесяти лодок, на которых было около 900 душ японцев, и опасаясь, чтобы они «не учинили нечаятельного нападения или лестью не обманули б как», Шпанберг поспешил в тот же день сняться с якоря, не выходя на берег. Такая поспешность, казалось бы, не совсем понятна, ибо поведение японцев не подавало никаких поводов к опасениям. Шпанберг, пробыв у берегов Японии всего один день, не использовал удобного случая ближе сойтись с японцами, к чему была полная возможность. Кроме того, следовало бы запастись свежей провизией для больных, которые имелись на бригантине. Однако в инструкции, данной Шпанбергу адмиралтейств-коллегией 28 февраля 1733 года, ему предписывалось в бытность при берегах японских «отнюдь много не мешкать» и, если японцы будут предлагать остановиться у них, то «не верить, дабы не могли, удержав обманом, собрать своих судов и отаковать, но, отговорясь какими нуждами, отходить назад... у них обыкновенно: чего силою не смогут, то лестию и обнадеживанием подшед, в свои руки берут и за мудрость обман ставят». Вместе с тем Шпанбергу поручалось «основательно обо всех об них [японцах] разведать», спрашивая ласкою и не показывая «никакого озлобления».[2]

В японских источниках мне удалось найти сведения о посещении Шпанбергом и Вальтоном берегов Японии. В книге «Хоккандо сикоо» (ч. I, 1896, стр. 47—48), извлечение из коей дано Д. Поздневым,[3] относительно плавания корабля Шпанберга сообщается:

17 июня (ст. ст.) 1739 года[4] в открытом море у берегов уезда Озикагоори (полуостров приблизительно под 38¼° с. ш.) владения Сэндаи (город на севере Хондо) в Оосюу (название северной части Хондо) появились и исчезли два совершенно неизвестных японцам судна. На следующий день утром, 18 июня, против берегов уезда Ватаригоори (населенный пункт Ватаригоори под 38° с. ш.) появились и исчезли три судна. 21 июня в сумерки рыбак берега Амицихама

[1] Соколов, стр. 352.

[2] Красн. архив, т. 6 (73), 1935, стр. 199. — Экспедиция Беринга, 1941, стр. 95, 182.

[3] Д. Поздневев. Материалы по истории северной Японии и ее отношений к материку Азии и России. II. Иокохама, 1909, стр. 18—20.

[4] Перевод японского летосчисления на европейское сделан С. Г. Елисеевым по книге: P. Hoang. Concordance des chronologies néoméniques chinoise teuropéenne. Chang-hai, 910, p. 324.

(небольшой остров у западного берега полуострова Озикагоори, приблизительно под 38¼° с. ш.), выйдя за рыбою, дошел в лодке до Тасирохама в открытом море (небольшой остров севернее острова Амици). В это утро он поел свой завтрак очень рано и скоро, почему захотел есть, и в то время, когда он имел намерение возвратиться на сушу, одно большое судно прошло близко от него под парусами. Полагая, что это судно, провозящее рис и хлебные продукты, он приблизился к нему, но тут увидел, что это иностранный корабль (как видим, японский рыбак подробно мотивирует, почему он вынужден был вступить в сношения с иностранцами, ибо японскими законами того времени это строго возбранялось). Он увидел, что люди на судне что-то ели и, будучи сам голоден, попросил у них знаками поесть. Они дали ему хлеба, который ели сами. В это время рыбаку показалось, что они как бы просят у него табаку, поэтому он достал свой кисет с табаком и отдал им. Потом они дали ему карточку, на которой был написан знак креста. Посмотрев внутрь судна, он увидел там 40—50 высоких людей. Так как в это время день уже склонялся к вечеру, то рыбак вернулся на берег.

Здесь, очевидно, рассказывается о приближении Шпанберга к берегам северного Хондо. Мы видим, что Шпанберг стал на якорь приблизительно под 38¼° с. ш., что близко сходится с указанием Миллера (38° 25′ с. ш.).[1] Посещение японцами русского судна японский источник описывает так:

Из Сэндан, для расследования дела о появлении неизвестных судов, прибыл чиновник Кансицироо. Приблизившись к судну, он снял свою шляпу. Вежливо и с церемониями он дал понять, что желает быть проведенным на судно. Он сообразил, что это русское судно. Его ввели. Так как он показывал знаками, что ему желательно осмотреть корабль, то служащие на судне провели его и пригласили в комнату. Пришел сам начальник судна и принес с собою вина в серебряном кубке. Затем он показал ему карту всех государств мира и сказал, что находится вблизи Японии. Военных орудий он на судне не видел, а мехов была масса, и они дали слугам Кансицироо каких-то мехов, похожих на мех лисицы (очевидно, песца). На одном из слуг Кансицироо они увидели бумажный промасленный дождевик и показали вид, будто очень хотели его получить — дождевик отдали. Потом Кансацироо возвратился домой.

Таким образом, сведения, сообщаемые Шпанбергом и японцами, совершенно совпадают.

[1] Приблизительно под 38° 20′ с. ш. место стоянки указано и на карте Шпанберга, опубликованной Егерманом.

Продлжаем описание обратного плавания Шпанберга. Подняв якорь от места стоянки под 38¼° с. ш., пошли к северу и 3 шоля, под 44½°, увидели несколько южных Курильских островов, покрытых богатою растительностью. Самые крупные из них получили названия: Фигурного, Трех Сестер и Цитронного. Какие именно это острова, сказать трудно. На остров Фигурный посылали пробирных дел мастера Гардебола «для отыскания на том острову металлов и минералов». Руд никаких не нашли, но привезли оттуда «жимолостнику, на подобие вереса, да сладкой травы, да виноградную ветвь с виноградными зелеными ягодами».[1] На Курильских островах встречается несколько видов жимолости (Lonicera), есть «верес» (можжевельник, Juniperus) и сладкая трава (Heracleum ducle), но представителей семейства виноградовых, как сообщил мне И. В. Палибин, на этих островах нет. На берегу острова Фигурного нашли «пять барабор [т. е. хижин], в которых по тамошнему обыкновению живут люди [курилы или айны], токмо людей в них не застали, и знатно, что из тех барабор люди вверх по реке убежали», видели собаку и лисицу-сиводушку, а в хижинах «чашки, берды, чем гкут, чирели [траваяные епанчи], коими покрываются от дождя».[2] 8 июля осмотрели еще острова Зеленый (под 43° 15 с. ш.) и Куциям[3] (по предположению Соколова, — Кунашир и северная часть острова Иезо). На Кунашире жили тогда, как и теперь, курильцы или айны, которых Шпанберг, не называя этим именем, описывает так:[4] они «сходны по персонам Курильским народам, носят долгое платье, портков и штанов не имеют, ходят босые, на платье у них нашиты лоскутки камчатные разных цветов; по ногам у них и по всему телу шерсть; бороды у них великие, продолговатые, черные, а которые престарелые, у тех с сединою как бороды, так и на теле; у некоторых имеются в ушах кольцы серебряные. Лодки у них такие ж, как у наших Курильских мужиков байдары; а язык у оных жителей походит на Курильский». Миллер прибавляет к этому, что островные жители, увидев на судне живого петуха, пали перед ним на колени и «жжав руки, держали над головою и поклонялися до земли как перед петухом, так и за полученные подарки».

Крашенинников (II, стр. 180) говорит, что обычай носить серебряные кольца в ушах курилы заимствовали у японцев. Платье их он описывает следующим образом: оно сделано из кож морских птиц, также лисье, бобровое и из других зверей, «при чем не наблюдают того, чтоб платье было из од-

[1] Экспедиция Беринга, 1941, стр. 183.
[2] Там же, стр. 177.
[3] В отчете Беринга (Экспедиция Беринга, 1941, стр. 178) «Нуцыам».
[4] Соколов, стр. 354; ср. также Миллер, стр. 108—109

ной материи, но шьют из чего прилучится, так что и поныне редкую курильскую парку увидишь, которая бы не из лоскутья разных зверей и птиц была сделана».

Взятый на северных Курильских островах толмач-курил плохо понимал южных курилов: «мы де их языку, — сообщал он, — не очень довольно знаем».

24 июля, под 41° с. ш., подошли к острову Матсмаю (Хоккандо), где застали три больших японских бусы. Шпанберг не только не послал людей на берег, но «приуготовился к бою, если они японские суда его атакуют». Таким образом, опять был упущен случай для сношений.

В отчете Беринга о посещении «Матмая» [Матсмая] Шпанбергом рассказывается так: «видели множество судов, которые от Матмая к японской земле и от японской земли к Матмаю приходили с грузом. И на оной Матмай остров посылал он капитан шлюпку, которая на том острове и была, только людей никаких не видали, понеже в то время зделалась немалая погода, чего ради оной шлюпке зделан был сигнал, дабы возвратилась к судну».

Имея на судах большое количество больных, Шпанберг решил повернуть обратно. Шли к востоку от Курильских островов, западнее того пути, который избрали в передний путь. 14 августа Шпанберг прибыл в Большерецк и, не дождавшись спутников, через пять дней отправился в Охотск, куда прибыл 29-го. Во время плавания он лишился 13 человек, умерших, очевидно, от цынги.

Плавание Вальтона

Как мы отметили, Вальтон еще 14 июня умышленно отделился от Шпанберга. 16 июня, в тот же день, что и его начальник, он увидел берега Японии под 37°42′ с. ш. (остров Хондо). Поплыли вдоль берега к югу и остановились под 35°10′[2] у большого города, — впрочем, довольно далеко в море. 19 июня пригребло японское судно, на котором было 18 человек; «за неимением толмачей, на их языке разговоров никаких не было, только имели между собою рассуждение руками, и знатно, что звали его, Вальтона, на берег». Выслали за водой штурмана Казимерова, квартирмейстера Черкашенина и шесть солдат с ружьями. Близ берега их окружили японские лодки, числом более ста «и ни подле елбота столь блиско, что насилу можно было весла из нем поворачивать». На берегу было множество народу. Все кланялись приезжим.

[1] Экспедиция Беринга, 1941, стр. 178.

[2] По Соколову под 34°16′, по Миллеру под 33°48′. Счисление ненадежно. По японским источникам (см. ниже) под 35°10′, что вернее всего.

Японцы вынули из ялбота порожние бочки (а их было всего две), налили их с услужливостью водой и принесли обратно.

Оставив на шлюпке двоих для караула, Казимеров с прочими отправились в город. Хозяин дома, где наливали воду в бочки, пригласил Казимерова в гости, потчевал его виноградным вином из фарфоровых чашек и закусками, принесенными на такой же посуде. Угощение состояло из винограду, яблоков, померанцев и редьки в сахаре. В другом доме его приняли так же учтиво и угощали вином и вареным сарачинским пшеном (т. е. рисом). Казимеров отдаривал японцев бисером и другими мелочами. Затем штурман «ходил по слободе, в которой например дворов около полуторы тысячи, строение во оной слободе деревянное и каменное, палаты устроены вдоль по берегу близ моря например вереты на три, и жители той слободы имеют в домах чистоту и цветники и фарфоровых чашек... также и лавки в домех с товарами, в которых видел он нестреди бумажные и шелковые, а иного в скорости ему рассмотреть некогда было; скота имеют у себя коров и лошадей, також и курищ. А хлеба, повидимому, кроме пшена [рису] и гороху у них нет; из овощей имеют виноград, помаранцы, шенталу и редис». На улице встретился японец, носивший две сабли. Когда штурман возвращался на судно, туда же отправился на небольшой лодке знатный японец в шелковом платье. Взойдя на судно, он подарил Вальтону сосуд с красным вином, которое тот привез на Камчатку.[1] Вальтон в свою очередь угощал гостя и его спутников и поил их водкой, «причем оказалося, что русское вино Японцам не было противно». Вокруг судна теснилось более сотни мелких японских судов, на каждом из которых было человек по пятнадцати.[2]

Опасаясь, как и Шпанберг, быть застигнутым врасплох, Вальтон снялся с якоря. Перед отплытием сделали один выстрел из пушки — в качестве салюта или для острастки, неизвестно. «На сей земле, — сообщает Вальтон в корабельном журнале, — много золота и жемчуга и винограду и сарачинского пшена, но всего, по краткости времени, осмотреть было не можно». Отсюда поплыли к югу, имея перед собою берега, покрытые роскошной растительностью: померанцами, каштанами, виноградом и рисом. 22 июня подошли ближе к берегу и встретились с двумя японскими лодками; когда те пригребли к судну, попросили у них, «чрез рассуждение с ними руками», дров и воды. Японцы охотно исполнили просьбу, а затем стали предлагать ввести судно в гавань. Так как было маловетрие, то японские лодки взяли судно на

[1] И здесь потчевал им Крашенинникова, о чем тот упоминает в своем «Описании Земли Камчатки», I, 1755, стр. 119.

[2] Миллер, стр. 110—115. — Экспедиция Беринга, 1941, стр. 180—182.

букеир и стали вести к гавани (Миллер говорит, что русские на это яко бы, не согласились, но сам Вальтон сообщает иное). В это время «пришел от берегу бот, который запретил японцам иметь дальнейшее с нашими сообщение. В боту сидел человек военный при шпаге, в руке пистолет держащий».

23 июня на широте 33° 28′ (?) остановились на якоре у одного малого острова и, выйдя на берег, достали «померанцовое дерево, несколько жемчужных раковин и сук еловой», а лекарский ученик набрал трав и шишек, из коих после варили для больных декокт. На острове видели людей в белом холстином платье, лошадей и коров. На следующий день повернули в обратный путь, 23 июля прибыли на Камчатку, в Большерецк, а 22 августа в Охотск.

О плавании судна Вальтона упомянутые выше японские источники рассказывают так.

19 июня (ст. ст.) 1739 года в двух ри от берега, против деревни Амацу-мура уезда Нагаса-гоори провинции Ава (Амацу-мура на восточном берегу провинции Ава, к югу от Кацура, приблизительно под 35° 10′ с. ш.) остановился иностранный корабль. С этого судна 8 человек в лодке прибыли на берег. Они имели с собою боченок для воды, носили постоянно сапоги (очевидно, рассказывается о посещении берега штурманом Казимеровым). Они спросили, где колодец, и начерпали себе воды. Они положили 17 нанизанных камней (бусы) и затем еще 7 штук отдельных камней и, показывая знаками выражение благодарности, удалились с молчаливыми поклонами. Они посидели у дома рыбака Таробээ, что вблизи колодца, придвинули к себе бывший в доме табак и покурили немного (по изображению японца, выходит, будто русские сами «придвинули» к себе табак; как мы уже указывали, общение с иностранцами было запрещено, и японец, доносивший о людях Вальтона, опасался, как бы его односельчане не пострадали за гостеприимство, оказанное русским. На самом деле, как мы видели, в этом доме Казимерова угощали фруктами, а также редькой в сахаре). Подали им бумаги и кисти и просили что-либо написать, но они, однако, не написали. У соседнего с Таробээ дома у двери лежало несколько штук редьки; взяв из них четыре-пять, они положили серебряную монету и удалились. Хозяин дома хотел вернуть им монету, но так как они не понимали друг друга, то они оставили деньги против его воли и ушли (на самом деле и здесь японцы угощали русских). О появлении русских японцы донесли местному начальству, которое явилось на берег. Русские в это время садились в лодку. «За ними гнались по следам, но их большое судно уже подняло якорь и ушло, держа курс на юг». На самом деле, старшина мирно посетил судно, подарил Вальтону вина и в свою

очередь был потчеван русскими. Как бы то ни было, местные власти отправили оставленные русскими деньги и «камни» (бусы) в Нагасаки, где голландский капитан объяснил, что деньги — русские, а «камни принадлежат к украшениям, продаваемым на улицах». «Отсюда поняли, что как к берегам Муцу [Осюу, т. е. северное Хондо, имеется в виду посещение Шпанберга], так и в Ава приходили русские суда».

В 1742 году Шпанберг и Шельтинг снова ходили из Большерецка в Японию, но неудачно. Шпанберг, дойдя до 39½° с. ш., вернулся обратно. Шельтинг, разлучившись с начальником, доходил до 38½° с. ш., т. е. до параллели Хондо, и тоже повернул обратно, к первым Курильским островам.

1 августа того же года Шельтинг подошел под 50 10′ с. ш. к восточному берегу Сахалина, который он называет землей Ессо, т. е. Иесо. Находясь милях в шести от берега, но из-за туманов редко видя его, он спустился на юг до 45° 34′ с. ш., т. е. до широты пролива Лаперуза. 17 августа повернул назад и, идя вдоль восточного берега Сахалина, прибыл в Охотск 10 сентября.

В Петербурге, вследствие доносов Писарева, сначала не поверили отчетам Шпанберга и Вальтона: думали, что они в 1739 году были не у берегов Японии, а возле Кореи. Сомнения были решены в их пользу только в 1746 году.

Между тем наши мореплаватели совершили важные географические открытия: они нанесли на карту Курильские острова и часть Японии, доказали апокрифичность земли Гамы, а также обнаружили, что остров Штатов и Земля Компании есть не что иное, как два из Курильских островов. Наконец, они впервые нашли путь к Японии с севера. На основании карт Шпанберга и Вальтона составлена карта, напечатанная в академическом российском атласе 1745 года и изображающая устья Амура, Сахалин, часть Японии, Курильские острова и южную часть Камчатки. Вместе с тем нельзя не отметить, что во время плавания 1739 года было сделано для ознакомления с Японией менее, чем обстоятельства позволяли.

Во всяком случае, на Камчатке в 40-х годах XVIII столетия имелось уже, через посредство курильцев и потерпевших крушение японцев, столько сведений об Японии, что Чириков в своем предложении адмиралтейств-коллегии от 25 июля 1746 года мог писать: «а к произведению обстоятельной коммерции, не взяв позволения от Японского владетеля, который резидует в городе Иедо или Недзо, утвердиться не можно».[2]

[1] Соколов, стр. 422.
[2] Соколов, стр. 451.

Дальнейшие сношения с Японией в XVIII в.

Когда во второй половине XVIII века Курильские острова сделались более или менее известными, сибирские власти начали заботиться о более прочном закреплении их за Россией, стали также собирать сведения о Японии, на случай возможных с ее стороны покушений на Курильские острова, а частью, чтобы завести с нею торговые сношения. Бем, главный командир Камчатки, предлагал построить на Урупе укрепление, сделать опыты хлебопашества и устроить русское поселение. Для осуществления всех этих проектов он побудил в 1775 году якутского купца Лебедева-Ласточкина снарядить на южные Курильские острова полуразведочную, полупромышленную экспедицию. Во главе дела был поставлен сибирский дворянин Антипин, знакомый с японским языком.[1]

В инструкции, полученной от Бема, Антипину поручалось плыть из Петропавловска прямо к острову Урупу, причем наказывалось «под смертною казнью не обижать диких, как происходило на Алеутских островах от разных компаний»; далее итти на Итуруп, а затем, взяв с собой мохнатых, — и на следующие Курильские острова. При встрече с японцами предписывалось поступать с ними «учтиво, ласково и благопристойно» и сказаться купцами. У японцев выведывать, какие им нужны русские товары и что можно от них получить взамен, и попытаться заключить с ними «на котором-нибудь острове» письменный договор; у мохнатых тоже узнать о торговле «объяснение, если они сведущи в письменном производстве». Затем инструкцией предписывалось собрать подробные географические сведения о Японии и Курильских островах: сколь велика Японская империя, сколько там городов, укреплений, о их вере, законе, житье, обычаях, нраве, кто из иностранцев приходит для торговли, чем пишутся, довольно ли «пропитания», «при каком климате родится», откуда доставляется, платье своего ли рукоделия или получают откуда, с кем ведут торговлю и чем, есть ли у японцев морские суда и морские карты, имеется ли строевой лес, довольно ли лошадей и рогатого скота. «Земли и острова класть на карты, а если у мохнатых или японцев есть собственные карты, то стараться их достать или скопировать». Наконец, узнать, «каков русский народ приятен им кажется». На Урупе, где предполагалось построить кре-

[1] О плаваниях Антипина подробно рассказывается у Полонского, Курилы. Зап. Геогр. общ. по отд. этногр., IV. 1871, стр. 111—167. Также у Татаринова: Описание Курильских островов. Месяцослов историч. и географ. на 1785 г. (перепечатано в Собрании сочинений, выбранных из месяцословов на разные годы, ч. 6, СПб., 1790, стр. 63—103).

ность и основать русское поселение. Антипин должен был сделать пробные посевы ржи, пшеницы, проса, овса, ячменя и конопли.

Плавание 1775—1776 годов было неудачно: бот «Николай» разбился у острова Уруп. В сентябре 1777 года из Охотска отправлено на Уруп, как мы уже упоминали (стр. 155), новое судно, бригантин «Наталия», на котором находился Шабалин.

В июле 1778 года он прибыл на 22-й остров, или «Аткис»;[1] это город и залив Аккеши (Аккеси) на северо-востоке Матмая (Хоккаидо).[2] Здесь застали японское судно. Русские и японцы, дружелюбно встретившись, обменялись друг с другом подарками. Шабалин завел речь о торговле, но японцы, опасаясь без разрешения начальства вступать в сделки, предложили прийти на остров Кунашир в июле следующего (1779) года. С тем Шабалин вернулся на Уруп, а отсюда в Охотск, куда бригантин прибыл 29 августа 1778 года. Лебедев-Ласточкин немедленно же снарядил судно для условленной встречи с японцами и погрузил на него сукна, бархат, атлас, муку, крупу, масло, сахар, солонину. Перезимовав на Урупе, Антипин и Шабалин весной 1779 года пошли на семи байдарах на Аткис и 24 июня прибыли в японскую гавань Ноткоме (это место на северо-восточном берегу Хоккаидо, повидимому, — Ноцукамафу японских источников, т. е. местность не очень далеко от Аккеши) и взяли ясак с живших здесь курильцев. Японцев здесь, однако, не было, но спустя три недели к Антипину явился курилец с извещением, что как только погода позволит, японцы прибудут в Ноткоме; но вместе с тем японцы просили русских не двигаться далее, к Матмаю. Прождав бесполезно до 21 августа, Антипин решил плыть на юг вдоль берега и 25 августа прибыл в бухту Аткис, где встретил японское судно. Подходя к берегу, салютовал японскому флагу. Во время свидания командир японского судна, по распоряжению «Матмайского начальника», сообщил русским, что Аткисская земля — их место, что они ведут здесь торговлю с курильцами: «атаманы мохнатых курильцев получают от японцев платье, пшено, табак и другие вещи, а продают жиры, сухую треску, ракушки и прочее, для японцев потребное, а хорошего ничего не имеется», прибавил матмайский начальник. Что же касается до торговли с русскими, то японцы предлагали в будущем

[1] По японским источникам (Д. Поздпеев, II, стр. 33), русские пристали «во владении Нэмуро в восточных Эзоских землях, в местности Ноцукамафу».

[2] По словам Татаринова (стр. 67, 95), бывшие в Иркутске японцы, потерпевшие в 1744 г. крушение на пятом Курильском острове, сообщили, что острова Аткиса нет, а есть на Матмае место, именуемое Аткис.

для переговоров прислать судно на Кунашир.[1] Из этого стало ясно, что японцы вообще не желают вступать в торговые сношения с русскими. 5 сентября прибыло с Матсмая судно еще с двумя японскими чиновниками, которые передали запрещение не только торговать на острове Матсмае, но и ходить на Итуруп и Кунашир; а если будет нужда в пшене (т. е. рисе) и вине, то посылали бы за этими предметами с Урупа мохнатых курильцев, а сами не ходили бы; если же желают вести торговлю, то указали на Нагасаки, куда со всех сторон собираются народы. В японских источниках ответ японцев передан так: «иностранная торговля ограничивается исключительно портом Нагасаки, и так как в остальных местах она совершенно не разрешается, то сколько бы ни просили, позволения дано не будет. В будущем переплывать море и приходить сюда совершенно бесполезно».[2] Впрочем, обращались японцы с русскими дружелюбно. Обменявшись с японцами подарками, Антипин с Шабалиным отправились обратно к своему судну на остров Уруп. Здесь пробыли 10 дней. С января 1780 года на Урупе начались очень сильные землетрясения. Одно из сильнейших произошло 18 июня: море отхлынуло от берега, а потом бросилось на берег валом до 12 м высотой и разнесло имущество экспедиции, а судно, стоявшее на двух якорях, выкинуло на сушу в расстоянии 400 м от моря, где оно и осталось.[3] После этого Антипин, оставив Шабалина на Урупе, сам в сентябре ушел на малой байдаре в Большерецк искать помощи. Не дождавшись помощи, Шабалин в мае 1782 года пошел на четырех байдарах в Большерецк, забрав с собою людей и все имущество. Специально посланные в 1784 году люди пробовали спустить на воду бригантин на Урупе, но неудачно. Так печально кончились предприятия Лебедева-Ласточкина. Следует отметить, что посевы ржи, пшеницы и ячменя на Урупе удались и дали хороший урожай.

Антипин сообщил некоторые сведения об острове Матсмае (Матмае), о курильцах и японцах. На Матсмае растет дуб, бук, вяз, липа, березник, тальник и много другого лесу, в России неизвестного; в горах растут большие орехи. В лесах — черные медведи, лоси, олени, дикие козы, мелкие соболи, лисицы, зайцы, а по речкам выдры. Диких коз жители стреляют из луков, а также ловят облавою. Богатые курильцы (т. е. айны) на острове Матсмае одеваются по-японски, а прочие носят платье, шитое из кож медведей и диких коз, и тка-

[1] Полонский, стр. 160.

[2] Д. Позднеев, II, стр. 35—36.

[3] Об этом землетрясении упоминается и в японских источниках (см. Д. Позднеев, II, стр. 36), но в каталоге землетрясений Мушкетова и Орлова (1893) о нем не говорится.

ное из лыка. «Когда курильцы разговаривают между собою, то почасту, гладя у себя бороды или брюхо, гогочут га, га, га и гладят ладонь об ладонь. Во время кушанья все молчат и сидят кротко, только один старшей гогочет». На Матсмае, как на Кунашире и Итуруне, курильцы живут в балаганах, поставленных на столбах и покрытых травою, т. е. в свайных постройках, подобных камчадальским. Если в балагане кто умрет, то, как и камчадалы, устраивают себе новое жилище.[1] В настоящее время айны на Хоккайдо (Матсмай) больше не живут в свайных постройках; на сваях они устраивают только амбары.[2] На северных Курильских островах курильцы для жилья пользовались полуподземными жилищами из выкидного леса; отверстие наверху служило дверью.[3] В 1930 году на Хоккайдо было около 16 тысяч айнов, но они довольно быстро смешиваются с японцами, теряя свою национальность.[4]

Несмотря на вышеизложенные неудачи, со стороны России не прекращались попытки завязать торговые сношения с Японией. В конце 80-х годов XVIII столетия в Иркутске находились японцы, доставленные туда с Алеутских островов, именно с острова Амчитка, где они 6 августа 1783 года потерпели крушение. В 1790 году японец Кодою с академиком Кириллом Лаксманом отправился в Петербург. Здесь от Кодою, который был купцом, получены были сведения о торговле в Японии. Лаксман дал весьма толковый совет, воспользовавшись, как предлогом, необходимостью отправить японцев на родину, послать экспедицию в Японию с секретной целью разузнать о возможности торговли с этой страной; кроме того, указывая на то значение, какое имеет Амур для нашего Дальнего востока, советовал сплавить судно от впадания Горбицы до устья Амура. Последний проект, «по известным с Китаем обстоятельствам», не встретил одобрения, экспедицию же в Японию решено было снарядить. Во главе ее поставлен был поручик Адам Лаксман, сын Кирилла. За подробностями мы отсылаем к трудам Полонского, Лагуса, Позднеева (II, стр. 38—71).

[1] Татаринов, 95—99.

[2] G. Montandon. La civilisation ainou. Paris, 1937, p. 71—79, pl. 11.

[3] Крашенинников, II, стр. 181. — Полонский. Курилы, 1871, стр. 380. См. также Torii, 1919.

[4] D. H. Davis. Present status of settlement in Hokkaido. Geogr. Review, 1934, July, p. 399. — Prof. Y. Koya. Rassenkunde der Aino. Tokyo, 1937, предисловие, p. 1 (считая с метисами, 160 [illegible]).

[5] Правильнее — Кодаю.

[6] О Кирилле (Эрике) Лаксмане см. В. Лагус. Эрик Лаксман, его жизнь, путешествия, исследования и переписка. Пер. с шведского. СПб., 1890, изд. Академии Наук.

XV. ПЛАВАНИЕ БЕРИНГА И СТЕЛЛЕРА К БЕРЕГАМ АМЕРИКИ

Прошло уже семь лет со времени отбытия экспедиции из Петербурга, а Беринг еще не пускался в плавание. Адмиралтейств-коллегия, постоянно ставила Берингу на вид медленность дела и в январе 1737 года даже лишила его прибавочного жалования, чем Беринг был не мало огорчен; в письме к президенту адмиралтейств-коллегии графу Н. Ф. Головину из Охотска он, в ноябре- декабре 1738 года, писал: «от такова незнанного и безвинного на меня гневу и штрафования отнятием вторичного жалования имею великую печаль, что вместо милости, которую я за неусыпной свой труд получить надеялся, паче чаяния моего и не по вине приключилось бесчестие».[1] В Петербурге одно время существовало предположение сместить Беринга, заменив его Шпанбергом. Эта мысль возникла после получения в адмиралтейств-коллегии рапорта Шпанберга от 19 ноября 1739 года о плаваниях в Японию.[2] Был даже в 1740 году составлен проект указа по этому поводу, а Ф. Соймонов написал проект соответственной инструкции Шпанбергу.[3] Эти предположения не были осуществлены. Но адмиралтейств-коллегия высказывала свое недовольство медлительностью Беринга.

В мае 1740 года она писала начальнику экспедиции: «Из полученных Коллегией рапортов усмотрено только одно, что леса заготовляются и суда строются и паруса шьются. А к которому времени будут готовы и в надлежащий путь отправится, о том не показано. Из чего Коллегия иначе рассуждать не может, что оное чинится чрез не малое время от неприлежного старания к скорому по инструкции исполнению, потому что лесам давно надлежало быть приготовленным и судам построенным и парусам сшитым, а не так, как в оном рапорте объявлено: для шитья тех парусов и дела такелажа строются . избы. И оное за основательный резон весьма почитать не надлежит; и для того паикрепчайше подтверждается: суда, ежели паче чаяния, до получения сего указа не достроены, достроивать и подлежащее все исправлять, и в путь свой отправляться без всякого замедления, не утруждая, яко излишними, без всякого действия переписками, и не ожидая впредь подтвердительных указов, понеже о том многими, через всю его тамо бытность указами, паикрепчайше

[1] Экспедиция Беринга, 1941, стр. 311.
[2] Там же, стр. 259—260. — Покровский, там же, стр. 48.
[3] Оба проекта напечатаны в сборнике «Экспедиция Беринга», 1941, стр. 259—267.

подтверждено, и в такое не малое время весьма исправиться без всяких представлений уповательно возможно».[1]

Отправление экспедиции тормозилось взаимными пререканиями начальствующего состава. В результате ссор как Чириков, так и Беринг просили об отставке. Письмом от 27 июня 1738 года к графу Головину Чириков ходатайствовал о том, чтобы его «освободили» от Камчатской экспедиции, «понеже,— говорит он,— я, премилостивый государь, обращаюсь в ней истинно без пользы, понеже предложения мои к господину капитан-командору о экспедичном исправлении от него за благо не приемлются, токмо он господин командор за оные на меня злобствует». Заключает он свое письмо так: «Того ради, припадая к ногам вашего высокографского сиятельства, слезно прошу, дабы милосердием вашим не оставлено было вотще сие всепокорнейшее прошение мое. Вашего высокографского сиятельства премилостивейшего государя всепоследний раб Алексей Чириков».[2] С своей стороны и Беринг, ссылаясь на старость, дряхлость, болезни, неприятности и 37-летнюю службу, просил графа А. Остермана «сменить» его «от сей экспедиции».[3]

В начале 1740 года Чириков сделал Берингу такое предложение: он отправится на бригантине «Михаил» в плавание — «осмотреть места, лежащие от Камчатки меж норда и оста. против Чукоцкого носа, и прочие западной стороны Америки»; к осени Чириков надеялся вернуться в Охотск. Но Беринг не согласился на это, говоря, что подобный проект идет в разрез с данными ему инструкциями.[4]

В июне 1740 года в Охотске были закончены постройкой и спущены на воду два пакетбота, «Св. Петр» и «Св. Павел», каждый по 80 футов длиною, двухмачтовые, подымавшие по 6000 пудов. На каждом было по 14 небольших пушек. Летом приехали в Охотск де-ла-Кройер и Стеллер. Только 8 сентября суда могли выйти в море. Пакетботом «Св. Петр» командовал сам Беринг. В половине сентября суда пришли в Большерецк. Оставив здесь де-ла-Кройера и Стеллера, пошли отсюда в Авачинскую губу. Здесь еще летом штурман Иван Елагин построил пять жилых домов, три казармы и три амбара. Беринг прибыл сюда 6 октября. Так как время было позднее, пришлось зазимовать. Гавань на месте зимовки, одну из лучших в мире, Беринг 6 октября назвал Петро-

[1] Соколов, стр. 343—344.
[2] Экспедиция Беринга, 1941, стр. 303. Ср. также письмо Чирикова к Головину из Охотска от 11 сентября 1739 г., там же, стр. 319.
[3] Письмо из Петропавловска от 20 апреля 1741 г. Там же, стр. 332.
[4] Там же, стр. 325.

Рис. 28. Карта путей Беринга и Чирикова из Камчатки в Америку и обратно в 1741 г.

—— путь Беринга; ..... путь Чирикова. Пути нанесены по карте кап. Э. Бартольфа 1922 г.
Дни месяца относятся к положению судна в полдень соответствующего дня.

павловской.[1] 6 (17) октября 1741 года следует считать днем основания города Петропавловска.

18 апреля 1741 года Беринг отправил в Кабинет подробный отчет о действиях 2-й Камчатской экспедиции;[2] на этом донесении имеются подписи Беринга, Чирикова, Чихачева, Вакселя, Плаутина и Хитрова. Пакет с отчетом был получен в Петербурге почти через год, уже после смерти начальника экспедиции.

4 мая 1741 года Беринг, перед выступлением, созвал совет, на котором должен был решаться вопрос о плане предстоящего плавания, имевшего целью отыскание берегов Америки. В руководство была положена злополучная карта Делиля, на которой была нанесена фантастическая Земля Гамы, существование коей было уже опровергнуто плаванием Шпанберга 1739 года. Несмотря на убеждение всех участников экспедиции, что новые земли нужно искать к востоку от Камчатки, было решено итти из Петропавловска на SEtE до широты 46° и, если там не окажется искомой земли Гамы, то отсюда следовать на EtN. Впоследствии спутники Беринга приписывали все неудачи этим неправильно выбранным курсам. На том же совете было решено, когда достигнут земли (очевидно, Америки), итти вдоль нее к северу до 65°, а затем повернуть на запад «и увидеть Чюкоцкую землю, чтоб известно было, сколько меж Америкою и Чюкоцкою землями расстояния, и оттуда возвратиться в здешнюю гавань». Рассчитывали вернуться в конце сентября.

С Берингом на «Св. Петре» отправился Стеллер, с Чириковым на «Св. Павле» — де-ла-Кройер. У Беринга, кроме того, находились лейтенант Вакселъ с сыном, мастер Хитров, штурман Эзельберг, подштурман Юшин, «за живописца капрал» Плениснер (впоследствии командир Анадырского, Охотского и Камчатского острогов) и разжалованный из лейтенантов матрос Д. Л. Овцын. У Чирикова: лейтенанты Чихачев и Плаутинг, мастер Дементьев и штурман Елагин.

От Камчатки к острову Каяк

4 июня 1741 года «Св. Петр» и «Св. Павел» вышли, наколец, из Авачинской губы в море, имея первый всего 77 человек команды, второй 75. Беринг следовал впереди, а Чириков позади, милях в пяти под ветром; но с полудня 6 июня Беринг приказал Чирикову итти впереди, как будто, говорит Соколов, отдавая преимущество его опытности и бдительности. После полудня 12-го, находясь под широтой 46° 9',

[1] Рапорт Беринга в сенат (Экспедиция Беринга. 1941, стр. 255).
[2] Экспедиция Беринга, 1941, стр. 123—195.

Беринг предложил переменить курс на EtN.[1] Так и сделали; но вскоре стал дуть противный восточный ветер.

Стеллер[2] в своем дневнике указывает, что накануне изменения курса на поверхности моря видны были морские растения (преимущественно «морской дуб», о котором говорится ниже), также птицы: морские чайки, затем крачки Sterna paradisea[3] и «утка Anas histrionica» (на Камчатке, по Стеллеру, Klipp-Ente, по современной номенклатуре — Histrionicus histrionicus, каменушка или каменная утка). Стеллер обратил на это внимание офицеров и советовал держаться старого курса, уверяя, что скоро можно ожидать земли. Однако, его не послушали, за что он в дневнике осыпает офицеров упреками, но, очевидно, совершенно неосновательно, ибо, продолжая плыть по курсу ESE, конечно, земли не открыли бы.

Последующие дни часто приходилось менять курс. Наконец, 20 июня оба судна, во время свежего ветра, потеряли друг друга из виду. Это место находится примерно в ста милях к югу от острова Амчитка, одного из Алеутских. Беринг некоторое время искал своего спутника, а затем решил итти на юг, надеясь или встретить судно Чирикова, или достичь проблематичной Земли Компании. Только 25-го, находясь на широте 45° 16′, повернули на восток, а 28-го стали держать курс на восток-северо-восток. Постепенно подымаясь на север, оказались сравнительно в недалеком расстоянии от Алеутских островов, градусов на 5—6 к югу, о чем, однако, не подозревали. Стеллер, впрочем, указывает, что плыли «вдоль земли»:[4] с севера течением приносило много морских водорослей: «морской дуб» (Seeiche, Quercus marina), это водоросль из багрянок (Rhodophyceae), Delesseria sinuosa, водящаяся в северных частях Атлантического и Тихого океанов и чрезвычайно похожая на дубовые листья;[5] затем попадались из водорослей «Alga dentata Raji» [это Odonthalia dentata (L.) Lyngb.], «которая растет на камнях на глубине двух-трех футов», «Fucus clavae effigie» (Holosaccion saccatum Kütz.; вопреки указанию Стеллера, водоросль эта растет у берегов Камчатки), «Fucus lapathi sanguinei foliis»

[1] См. карту, на которой нанесены пути Беринга и Чирикова.

[2] Steller. Tagebuch. Neue Nordische Beyträge, V, 1793, p. 16. Цитата здесь (и ниже) по отдельному оттиску, носящему название: Reise von Kamtschatka nach Amerika.

[3] L. Stejneger в: F. A. Golder. Bering's voyages, II, 1925, p. 23; здесь, на основании рукописи Стеллера, указано, что речь идет не об альбатросе, как думал Паллас, а о крачке.

[4] Reise, p. 20—21.

[5] Н. Н. Воронихин. Морские водоросли Камчатки. Ботан. отд. Вып. II, М., 1914, стр. 511. Этим указанием я обязан В. Л. Комарову.

(Hydrolapathum sanguineum (L.) Stack.),[1] «Fucus membranceus calyciformis» (Constantinea rosa-marina S. G. Gmelin).[2] Однажды принесло массу крупного «тростника», который растет повсюду на берегах океана и в Камчатке и в Америке. Это какой-нибудь из крупных видов вейника (Calamagrostis), возможно — C. langsdorffi или вейник из группы C. arundinacea.

Из животных, которых несло течением, Стеллер отмечает «красную и белую морскую крапиву» («Urticas marinas rubras et albas»), которая в Охотском море живет на подводных скалах, на глубине 5—6 футов. Это — актинии,[4] прикрепившиеся к каким-нибудь водорослям и с ними унесенные в море. Видели тюленей, морских бобров (Enhydra lutris), чаек, тянувших на север и северо-запад. Стеллер советовал повернуть на север, но его, к сожалению, не послушались: Алеутские острова были близки, но из-за туманов невидны.

С 12 июля, из опасения наскочить на берег, стали на ночь убирать паруса и ложиться в дрейф и тем только теряли понапрасну время. Наконец, 16 июля, находясь на широте 58°14′, увидели после полуторамесячного плавания берег: высокую сопку и снеговые хребты. Это была гора, которая теперь известна под именем горы св. Илии, одна из высочайших в Северной Америке (18 100 фут., или 5520 м[5]). Стеллер в своем дневнике отмечает, что такой высокой горы он не видел ни в Сибири, ни на Камчатке (рис. 16). Все обратились с поздравлениями к командору, но он, казалось, был довольно равнодушен к своему открытию. Словно предвидя свою печальную участь, он сказал Стеллеру и Плениснеру, когда они оказались одни в каюте: «Мы не знаем, где мы, как далеко от дому и что нас вообще ожидает впереди. Может быть нас

[1] Вышеупомянутые отождествления любезно сделал по моей просьбе покойный А. А. Еленкин.

[2] Это последнее отождествление сделал M. A. Howe из Ньюпортского ботанического сада (см. Golder, Bering's voyages II, 1925, p. 27).

[3] Срав. Stejneger в Golder, l. c., p. 29. В рукописи Стеллера этот злак именуется Gramen paniculatum arundinaceum, panicula densa, spadicea. Так, согласно проф. A. Hitchcock'y в первой половине XVIII века называли обыкновенный вейник, Calamagrostis epigelos (L.) (см. (Stejneger, l. c.).

[4] Название Urtica marina (морская крапива) в первой половине XVIII века прилагалось к актиниям; см. Linné-Gmelin. Syst. nat., VI. 1788, p. 313 (3131, 3134. Напротив, Стейнегер (Golder, l. c., p. 28) полагает, что Стеллер имел в виду медуз, Cyanea capillata L. и Aurelia aurita L. Но этому противоречит указание на нахождение их в прикрепленном состоянии на скалах.

[5] I. C. Russell. Height and position of Mount St. Elias. Nat. Geogr. Mag., III (1891), Washington, 1892, p. 231. Здесь указана высота 18 100 фут., широта 60° 17′ 51″. В американской лоции, U. S. Coast Pilot. Alaska, part II. 1938, p. 42, указывается высота в 18 024 фут., или 5494 м

Рис. 29. Гора св. Ильи, открытая Берингом 16 июля 1741 г. Высота 5520 м (Из Harriman Alaska Expedition).
Вид из бухты Якутат.

назад не пустит пассатный ветер. Земля нам незнакомая, а для зимовки не хватит провианта».[1]

Когда находились в 12 милях от берега, из воды вытащили ствол «кипариса (Cupressus)» — дерева, которого Стеллер на берегу не заметил.[2] Это был аляскинский или желтый «кедр», Chamaecyparis nootkatensis, Alaska or yellow cedar, Alaska or yellow or Sitka cypress американцев. Русские же за своеобразный запах называли его душником, душмянкою или кипарисом. Он растет в изобилии на острове Баранова, или Ситхе; древесина его употребляется на шпангоуты.[3] По словам Сарджента (Sargent), дерево это не идет на запад далее залива Якутат; Фернау же говорит, что оно существует кое-где по берегам залива Чугач.[4] Во всяком случае в том месте, где пристало судно Беринга, душник не растет.

18-го вечером приблизились к берегу настолько, что видели великолепный лес, росший у самого моря. Берег был ровный, плоский, насколько можно было судить, песчаный. Повернувши на северо-запад, оказались за гористым островом, который был сплошь покрыт «пихтовым» лесом (Tannenwald).[5]

Высадка на острове Каяк

Медленно подвигаясь, 20 июля (1741 года) утром подошли на расстояние двух миль к северо-западному концу острова, которому дали имя св. Ильи. Теперь он носит название Каяк. Истинное положение южного конца его таково: 59°47′ с. ш. и 56°44′ в. д. от Петропавловска. По журналу же «Св. Петра», веденному Ваксселем, широта 59° 40′, долгота 48° 50′.[6] Широта была определена довольно верно, долгота же, по судовому счислению, оказалась почти на 8° западнее настоящей.

Долгое время существовало разногласие относительно точного приурочения места, где пристал Беринг. Кук и Ванкувер

[1] Steller, p. 26.

[2] Рукопись Стеллера: Catalogus plantarum intra sex horas in parte Americae septentrionalis iuxta promontorium Eliae observatarum. Архив Академии Наук, связка 13 С. лит. L, № 5. Эта рукопись опубликована теперь в книге Stejneger. G. W. Steller, Cambridge Ma, 1936, pp. 554—561 (см. p. 560).

[3] Ф. Литке. Путешествие вокруг света на военном шлюпе Сенявине в 1826—29 гг. Отд. истор., СПб., I, 1834, стр. 88.

[4] B. Fernow. Forests of Alaska, in: Alaska. Harriman Alaska Expedition, vol. II, 1902, p. 247. — G. Sudworth (Forest trees of the Pacific slope Washington, 1908, U. S. Depart. Agr., p. 170) приводит подробности о распространении душника на берегах залива Чугач; самый западный и северный пункт находится под 61° с. ш. 147° 20′ з. д.

[5] Steller. Reise, p. 27.

[6] Соколов. Зап. Гидрогр. департ., IX, стр. 383. Впервые более точно определил положение мыса св. Ильи (южный мыс о-ва Каяк) Ванкувер в 1794 г.: 59°48.5′ с. ш. 215° 51′ в. д. от Гринича. Он дал этому мысу имя Cap Hamond. G. Vancouver's Entdeckungsreise, 1790—1795. Th. II. Halle, 1800, p. 219.

Рис. 29. Гора св. Ильи, открытая Берингом 15 июля 1741 г. высотой 5320 м (из Harriman Alaska Expedition. Вид из бухты Якутат.

принимали за таковое залив Якутат, который они назвали заливом Беринга.[1] На картах, которые получил Сарычев из адмиралтейств-коллегии, за место, где пристал «Св. Петр», принят остров Цукли (Montague I.) в заливе Чугач (Prince William Sound).[2] Впервые отождествил пункт высадки Хитрова и Стеллера с островом Каяк Сарычев, который был в этих местах летом 1790 года.[3] Помимо разбора плавания Беринга, Сарычев приводит весьма важные сведения, полученные им от эскимосов в заливе Чугач. Будучи в июле 1790 года на острове Нучек (или Хтагалук), Сарычев спросил у местных «американцев», т. е. чугачей, не помнят ли они того судна, которое первое остановилось у этих берегов. «Один из Американцев сказал, что он слышал от своего отца о сем судне и что оно приходило не к Цукли, но к острову, называемому Каяк, которой от здешнего места лежит к востоку, на полтора дня езды, где Американцы в летнее время обыкновенно промышляют бобров. Люди с сего судна сходили на берег и оставили в их шалашах некоторое число ножей и корольков».[4] Наконец, всякие сомнения исчезают, после того как в 1851 году А. Соколов опубликовал в IX томе Записок Гидрографического департамента копию карты острова Каяк из подлинного журнала мастера Хитрова. Остров, которому дали имя «св. Илии», нанесен здесь весьма недурно.[5] Южный конец острова, мыс св. Ильи, представляет собою обрывистый, скалистый гребень, подымающийся над морем на 507 м; высоты же внутри острова не превышают 424 м. На мысе св. Ильи теперь стоит маяк.[6]

Название Каяк (по-эскимосски — «лодка») впервые услыхали от переводчиков-чугачей Измайлов и Бочаров, посланные сюда Шелеховым в 1788 году.[7] Но еще за десять лет до этого, 11 мая 1778 года, мимо острова Каяк прошел Кук, который положил его на карту, определил положение южного конца (59°49′ с. ш.) и назвал Kaye's Island в честь капеллана

---

[1] Vancouver, l. c., p. 228—229.

[2] См. также Путешествие Шелехова, ч. II, СПб., 1812, стр. 4 (1788 г.).

[3] Сарычев. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Вост. Океану. Часть II. СПб., 1802, стр. 60. См. также J. Billings. An account of a geographical and astronomical expedition to the northern parts of Russia. London, 1802, p. 195, 202.

[4] Сарычев, II, стр. 52—53; ср. также Billings, p. 193—194.

[5] Поэтому совершенно неправильно почтенный W. H. Dall в своем кратком обзоре The discovery and exploration of Alaska (см. Alaska, Harriman Alaska Expedition, II, 1902, p. 187) говорит, что Беринг пристал у острова Wingham. Островок Wingham лежит к западу от Каяка, под 60° с. ш.

[6] U. S. Coast pilot, Alaska, II, 1938, p. 43.

[7] Путешествие Г. Шелехова, ч. II, СПб., 1812, стр. 31—32

Dr Kaye.[1] У Биллингса он именуется Kay's Island, у Сарычева — Каяк.

До Беринга эти места не были посещены никем из европейцев. Самый крайний пункт, которого будто бы достигли европейцы у западных берегов Северной Америки, — это $57^1/_2°$ с. ш., куда якобы приставал в 1584 г. испанский мореплаватель Франсиско Гали (Gali или Gualle) на пути из Макао в Акапулько,[2] но описания путешествия Гали, данные Hakluyt'ом и Linschoten'ом вместо $57^1/_2°$ с. ш. указывают $37^1/_2°$.[3] Вениаминов, бывший на Алеутских островах в 20-х и 30-х годах прошлого столетия, передает следующее:[4] «есть предание между алеутами, что задолго до прибытия русских было какое-то судно, которое стояло подле острова Аватанака [один из восточных Алеутских, под 54° с. ш.], с которого алеуты в первый раз получили железо. И бывшие на нем люди, по сказкам стариков, имели такое чудное свойство, что когда захотят есть, то спустятся в море и там наевшись выходят на берег. Судно ушло отсюда, но кто такие были на нем, неизвестно». Быть может, — японцы, которых иногда бурей заносило даже на Алеутские острова. Так, в 1786 году японское судно, шедшее с острова Матсмая (Хоккаидо), было занесено ветрами к острову Амчитка, одному из Крысьих под 179° в. д.[5]

Население территории Аляски

Прежде чем перейти к дальнейшему, скажем несколько слов о населении бывших русско-американских владений, т. е. нынешней территории Аляски. Это нам поможет разобраться в сведениях, сообщаемых участниками экспедиции Беринга.

На островах Алеутских, Шумагинских, а также на западном берегу полуострова Аляски на север вплоть до реки Угашик живут алеуты (сами себя они называют унанган),

[1] J. Cook. A voyage to the Pacific ocean. Vol. II, 2-d edit. London, 1785, p. 350.

[2] C. Grewingk. Verhandl. miner. Gesell. St. Petersburg (1848—49). p. 374.

[3] A. Humboldt. Essai politique sur le royaume de la Nouvelle Espagne. 2-e édit. Paris, II, 1827, p. 293. См. также H. Wagner. Spanish voyages to the NW coast of America in the XVI century. San Francisco, 1929, p. 135 (Гали был не севернее окрестностей Монтерей), p. 363.

[4] И. Вениаминов. Записки об островах Уналашкинского отдела, ч. I. СПб., 1840, стр. 113—114 (это классическое сочинение, которое мы неоднократно будем ниже цитировать по изданию 1840 г., перепечатано в III томе «Творений Иннокентия, митрополита московского», М., 1888, издание И. Барсукова).

[5] См. об этом у В. Лагус. Эрик Лаксман, перевод Э. Паландера. СПб. 1890, изд. Акад. Наук, стр. 238, 426—427 (здесь и литература).

народ, родственный эскимосам.[1] Число их Вениаминов для 1834 года определяет в 2250 душ; в 1890 году их было 1702. Они разделяются по языку на уналашкинцев, обитающих на материке и на Лисьих островах, и на атхинцев, населяющих Андреяновские острова и прочие к западу. Раньше они были более многочисленны, и число их до прихода русских, т. е. в середине XVIII столетия, Вениаминов определяет в 12—15 тысяч душ.[2]

Если не считать алеутов, то все северные и западные берега Аляски сплошь заселены эскимосами (сами себя они называют инуит, т. е. люди). Они живут на восточном берегу полуострова Аляски, к северу от мыса Иванова (что против Шумагинских островов), далее в северной части полуострова Аляски, на островах Кадьяк и Афогнак, на южном берегу Кенайского полуострова и, наконец, на берегах залива Чугач, или Prince William Sound, на восток приблизительно до устьев реки Медной. При этом на Кадьяке и противолежащей части материка, на север до озера Илямна живут эскимосы-конягги (канягмюты), а на южном берегу Кенайского полуострова и на берегах залива Чугач — эскимосы-чугачи (чугачигмюты); последних в 1834 году было 471 душа, а в 1890—433.[3] Чугачи, по языку, религии и обычаям, очень близки к конягам, и Врангель передает, что они происходят с острова Кадьяк.[4] Русские впервые встретились с чугачами в 1783 году.

На берегу Кенайского залива (Cook's Inlet), прерывая область сплошного распространения эскимосов, живут кенайцы, одно из подразделений индейцев-атабасков. Это единственное из северно-атабаскских племен, живущее на берегу моря. Число их (у американских авторов — Knaiakhotana) в 1890 году равнялось 724. Далее можно упомянуть, что на реке Медной, выше устьев, живет другое племя атабасков — медновцы, или атнайцы (атнахтяне, Ahtena), числом около 300 душ. С торговыми целями они спускаются в устья

[1] См. этнографическую карту в масштабе 1:3 500 000, составленную в 1880 г. Иваном Петровым на основании данных Гольмберга, Вермана и других русских авторов, далее G. Gibbs'a, W. Dall'я, E. Nelson'a и других. Она приложена к Tenth Census of United States, 1880, vol. VII. Alaska.

[2] И. Вениаминов, II, 1840, стр. 177.

[3] Handbook of American Indians, edited by E. Hodge. Bureau Amer. Ethnology, Bull. 30, part I, Wash., 1912, p. 294.

[4] Wrangell. Beitr. z. Kenntn. Russ. Reich., I, 1839, p. 116. — Тихменев (Исторический очерк образования Российско-Американской компании. II, 1863, стр. 351) сообщает, будто чугачи переселились с Кадьяка на берега Чугачского залива около половины XVIII века. Но это неверно, ибо уже во время Беринга, т. е. в 1741 г., чугачи жили в Чугачском заливе, как увидим ниже.

Медной и бывают на берегах залива Чугач.[1] Внутренность страны занята разными племенами атабасков, из подразделения тинне, куда относятся и кенайцы с медновцами.

На берегу моря, в устьях реки Медной и несколько далее к востоку, живет плохо изученный народец у г а л е н ц ы, или у г а л а х м ю т ы, как полагают — эскимосы, подвергшиеся влиянию индейцев-тлинкитов и смешавшиеся с ними. О них мы скажем подробнее, так как к области их обитания пристал Беринг.

Насколько мне известно, первые сведения об угаленцах принесли Измайлов и Бочаров, осмотревшие в 1788 году берег от залива Чугач до бухты Льтуа. Согласно их описанию, на берегах залива Чугач живут чугачи, а к востоку от них угалахмюты, состоящие с ними в союзе.[2] 2 июня Измайлов и Бочаров находились у острова «Кояк» (Каяк); сопровождавшие их чугачи передавали им, что на острове нет постоянного населения; иногда туда приходят чугачи и угалахмюты для промысла морских бобров.[3] Угалахмюты жили и далее к востоку, между островом Каяк и заливом Якутат (повидимому, у бухты Ледяной); с соседними колюжами (колошами) они были во враждебных отношениях.[4] С самими угаленцами мореходам не пришлось встретиться, но они видели у последнего из вышеупомянутых пунктов «шалаш, покрытый корою». Давыдов, посетивший остров Кадьяк в 1802 и 1803 годах, сообщает: «народ, живущий между Медною рекою и Чугацкою губою, называется угалахмюты, что значит «восточное селение» на языке тех диких».[5] Вениаминов (ч. I, стр. V) насчитывает в 1834 году угаленцев всего 150 душ и говорит (ч. III, стр. 143), что язык их близок к якутатскому (о якутатах будет сказано ниже). Для этого же времени приблизительно то же число (38 семейств) указывает Врангель. По описанию этого автора, угаленцы живут к западу от «мыса св. Ильи» (повидимому, имеется в виду мыс Suckling, ограничивающий с востока бухту между островом Каяк и материком). Зимою они обитают на берегах небольшой бухты, к востоку от острова Каяк (по ошибке сказано — Кадьяк), а летом отправляются для рыбного промысла к восточному устью реки Медной. В стране

[1] W. H. Dall. Tribes of the extreme northwest. Contributions to North American Ethnology, I, Wash., 1877, p. 34.

[2] Путешествие Г. Ш е л е х о в а. СПб., 1812, ч. 2, стр. 24 (1-е изд. под заглавием: Российского купца Григорья Ш е л е х о в а странствование. СПб., ч. 2, 1792, стр. 27); также Gregor Schelechof's Reise von Ochotsk nach Amerika. Neue nordische Beyträge, VI, 1793, p. 218.

[3] Там же, стр. 32; нем. p. 221—222.

[4] Стр. 39; нем. p. 225.

[5] Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Х в о с т о в а и Д а в ы д о в а, т. II. СПб., 1812, стр. 132.

угаленцев, в некотором удалении от морского берега, много речных бобров; угаленцы добывают ежегодно 500—700 штук бобров и для продажи их отправляются на своих лодках, похожих на колошенские, в Константиновский редут (ныне Нучек в Port Etches на острове Нучек, в заливе Чугач). Угаленцы мирный и покорный народ. Они живут по несколько семейств (от двух до шести) в бараборах (Schoppen), в которых посреди разводится огонь для всех.[1] По образу жизни и религии они не отличаются от колошей, с которыми угаленцы тесно связаны родственными отношениями. Язык, хотя и отличается от якутатского, но ближе к нему. Угаленцы и колоши (тлинкиты) — два племени одного и того же народа. Соседние якутаты, а также население реки Медной называют угаленцев тем же именем, под каким они известны и в русских поселениях (т. е. угаленцами).[2] От медновцев угаленцы получали медные топоры, ножи и проч.[3] Тебеньков (1852) помещает угаленцев между заливами Чугачским и Якутатом; «они имеют свой язык».[4] Гольмберг (1855) считает угаленцев за одно из подразделений тлинкитов,[5] а на карте дает им место от Ледяной бухты на востоке и до левого берега реки Медной на западе. Почти такова же область распространения их на карте Ф. К. Вермана, приложенной ко второму тому труда П. Тихменева, «Исторический очерк образования Российско-Американской компании», СПб. 1863. Называет Тихменев (II, стр. 341—342) этот народец угаленцами и угалахмютами.

С течением времени угалахмюты были обращены в православие, и в 1860 году их состояло в приходе 148 душ.[6]

Л. Радлов, изучавший язык угалахмютов по словам, собранным Резановым у залива Якутат, и по материалам Врангеля, говорит, что язык их своеобразен: почти ничего он не имеет общего с эскимосским, именно с чугачским, очень мало — с кенайским и сравнительно больше с языком тлинкитов (колошей): из 1132 слов, записанных Резановым, около

[1] Бараборой в русских северо-американских владениях называли колошенскую избу без печи, с большим отверстием вверху; передний фасад обшивается тесом, остальные стороны из кольев, обтянутых древесной корой.

[2] Wrangell. Statistische und ethnographische Nachrichten über die Russischen Besetzungen an der Nordwestküste von Amerika. Beitr. z. Kennt. Russ. Reich., I, 1839, p. 96—97. Список слов угаленского языка при стр. 258.

[3] Wrangell, l. c., p. 97—98.

[4] Тебеньков. Гидрографические замечания к атласу северо-западных берегов Америки. СПб., 1852, стр. 32—33.

[5] H. I. Holmberg. Ethnographische Skizzen über die Völker des russischen Amerika. Helsingfors, 1855, p. 4 (= Acta Soc. scient. fennicae, IV, 1856, p. 281—421).

[6] Капитан-лейтенант Головин. Обзор русских колоний в Сев. Америке. Морской сборник, 1862, № 1, стр. 151.

40 оказываются общими с тлинкитскими.[1] Но так как неизвестно, от кого именно собраны эти слова, то заключения Радлова не могут считаться окончательными.[2] Дол (W. H. Dall), известный исследователь Аляски, работавший здесь с 1865 года, первоначально считал угалахмютов и угаленцев за два разных народа. Первых он признает за эскимосов и помещает на протяжении от устьев Медной до Ледяной бухты.[3] Не имев случая лично ознакомиться с этим народом, Дол приводит сообщенный ему список слов угалахмютов, собранных через посредство русских промышленников.[4] Слова эти весьма близки к эскимосским, в частности — к языку чугачей. Угаленцев Дол, со слов русских промышленников, помещает летом на острове Каяк, зимою на реке Медной; по языку он склонен их отнести к атабаскам-тинне (p. 430, 550). В 1874 году Дол посетил остров Нучек и здесь, из расспросов чугачей, убедился, что угалахмюты и угаленцы это одно и то же, что они, подобно чугачам, эскимосы и называют себя Chilkhakmut.[5] Раньше их территория была в соприкосновении с чугачской, но затем медновцы поселились на небольшом клочке земли в устье Медной. «Прежнее смешение угалахмютов с тлинкитами и с индейцами-тинне основано, повидимому, на собраниях слов, полученных или от медновцев, или от кочевых якутатов, которые иногда являются на лодках из залива Якутат в Нучек, для торговли. Зимою угалахмюты живут на острове Каяк, а летом ловят лососевых в устье Медной и вдоль берега вплоть почти до Ледяной бухты».[6] Дол признает угалахмютов за самую восточную ветвь тихоокеанских эскимосов. Но, судя по кучам раковин, правдоподобно, прибавляет он, что некогда эскимосы простирались до реки Stikine (под $56^1/_2°$ с. ш.), если не дальше — к югу и востоку.

Иван Петров, посетивший Аляску в 1880 году, передает,[7] что угалахмюты живут в хижинах из досок, как и тлинкиты (следует отметить, что и эскимосы-чугачи, ближайшие соседи угаленцев, тоже живут в бревенчатых жилищах); эскимосские парки заменены у них типичными тлинкитскими плащами

[1] Leopold Radloff. Ueber die Sprache der Ugalachmut. Bull. de la classe hist.-philol. Acad. de Sciences St-Pétersb., XV, 1858, p. 26—27.

[2] У залива Якутат живут и жили, насколько известно, якутаты.

[3] W. H. Dall. Alaska and its resources. Boston, 1870, p. 401.

[4] Dall, l. c., p. 548.

[5] Chilkat и Chilkhaat — это деревни, сейчас же к востоку от устьев реки Медной; они населены, насколько известно, якутатами. Не смешивать с тлинкитским племенем Chilkat в изголовье Lynn Channel.

[6] Dall, l. c.

[7] Ivan Petrov. Report on the population, industries and resources of Alaska. Tenth Census of the United States (1880), vol. VIII, Wash., 1884, p. 156.

или, как их называли русские, накидками (blanket). Они забыли даже свою эскимосскую лодку, каяк. Места погребения у них в виде домов, на тлинкитский манер, но без тотемов. Наконец, они потеряли свой язык, и молодежь при переговорах с своими сородичами-чугачами нуждается в переводчике. Отметим еще, что на этнографической карте, приложенной к отчету Петрова, остров Каяк закрашен цветом не угалахмютов, а чугачей. Однако новейшие американские авторы (Handbook Amer. Ind.) признают жителей этого острова угалахмютами. Далее, Петров сообщает (p. 28), что раньше эскимосы распространялись на восток вплоть до острова Каяк и противолежащего берега (Comptroller bay), но впоследствии тлинкиты продвинулись на запад, частью смешавшись с эскимосами; «в настоящее время (1880—1881) тлинкиты живут даже к западу от устья реки Медной» (p. 28). По словам того же автора, на острове Каяк нет постоянного населения; сюда на время приезжают промышленники-туземцы, которые иногда остаются по несколько месяцев. В этой области эскимосы живут в подземных жилищах,[1] там же, где они подверглись влиянию тлинкитов, они строят бревенчатые избы. Местопребывание угалахмютов, по Петрову (p. 146 и карта) — это дельта Медной и прилежащая полоса берега на восток до бухты Контроллер. G. T. Emmons, большой знаток тлинкитов, помещает угалахмютов (guth-le-uk-qwan по-тлинкитски) на восток вплоть до мыса Яктаг (что на полупути между островом Каяк и заливом Якутат), а также на острове Каяк. По словам Эммонса, система тотемов у угалахмютов та же, что у якутатов, и вообще оба народа сходны во всем.[2] Поэтому он включает угалахмютов в число тлинкитов (p. 239). Наконец, авторы статьи Eskimo в Handbook of American Indians, I, p. 436, считают угалахмютов отлинкитившимися эскимосами.[3]

Итак, мы видим, что угаленцы продолжают оставаться загадочным народом. Очень мало кто ознакомился с ними лично. Как бы то ни было, название, какое им дают чугачи, свидетельствует скорее в пользу того, что они эскимосского происхождения: угалахмюты значит по-эскимосски «далекий народ»; и действительно, они самые дальние из эскимосов. Но они подверглись такому сильному влиянию тлинкитов, что

[1] Однако Сарычев (II, стр. 51; срав. также стр. 54) в 1790 г. видел жилища чугачей рыбаков на острове Нучек: «некоторые из них жили в составленных из досок шалашах, другие под тремя опрокинутыми большими кожаными байдарами».

[2] Emmons. The basketry of the Tlingit. Mem. Amer. Mus. Nat. Hist., II, part II, 1903, p.231.

[3] См. то же мнение у J. R. Swanton. Social condition, beliefs, and linguistic relationship of the Tlingit Indians. XXVI Annual Report of the Bureau of American Ethnology (1904—05). Wash., 1908, p. 396.

их материальная и духовная культура, а в значительной степени и язык, стали тлинкитскими.[1] Ниже мы еще будем иметь случай судить об этом.

Что касается населения острова Каяк, то здесь жили угалахмюты, но приезжали сюда, как свидетельствует Шелехов, и чугачи.

С востока к угалахмютам примыкают якутаты, одно из подразделений тлинкитов. Индейцы, относящиеся к группе тлинкитов (= люди), или колошей (колюжей), как их называли русские, живут по берегу и островам Тихого океана от бухты Контроллера (несколько восточнее устья Медной) и вплоть до параллели, проходящей через южную треть острова Принца Уэльского. Центр обитания якутатов находится около бухты Якутат; отсюда они распространяются на запад почти до устья Медной, на восток до бухты Сухой (Dry bay, под 59° с. ш.). В 1890 году их числилось 436 душ.[2] Краузе, исследовавший тлинкитов в 1882 году, говорит, что якутаты подвинулись на запад вплотную до устьев реки Медной.[3]

Природа и люди острова Каяк

Возвращаемся теперь к наблюдениям Стеллера. На остров св. Ильи (Каяк) послали флотского мастера Софрона Хитрова «для сыскания гавани». Кроме того, послан другой ялбот с небольшим числом людей за пресной водой. Стеллер пожелал отправиться на берег на втором боте, и в этом намерении он был поддержан офицерами, но командор сначала не хотел пускать его. Вот как рассказывает об этом Стеллер: «Но как я усмотрел, что со мною так не порядочно поступлено, и я в небрежении и презрении оставлен, и что ласковыми словами ничего учинить не мог, употребил уже жестокие слова ему, капитану командору Берингу, по правде говорить и публично засвидетельствовать, что я высокоправительствующему сенату на него, капитана командора, под таким видом буду протестовать, чему он был достоин; но как смелая уже такая гордость в таких отдаленных землях у многих уже в обычай вошла, ничего не учинил, как только то, что с великим негодованием и вредительными словами меня с судна спустили против своего обещания верности и совести, не учиня никакого вспоможения, с одним команды моей служивым, к великой беде и смерти подвергнул, которого прежде моего

[1] С другой стороны, и тлинкиты-якутаты, в свою очередь, подверглись влиянию эскимосов: они одни из тлинкитов едят китовое мясо, их женщины не носят у рта втулок (ср. Holmberg, p. 23—24).

[2] J. R. Swanton in: Handbook Amer. Ind., II, p. 985.

[3] A. Krause. Die Tlinkit-Indianer. Jena, 1885, p. 99. Здесь же, p. 98—100, вообще о якутатах.

отпуску весьма непорядочно чиня, обещая подарки, говорил, чтоб меня хуже всех в поругание перед всеми ввел; но как жестокими поступками и страхом ничего сделать не мог, претворивши все в дружбу, приказал: как я на берег с отправленными по воду людьми выеду, в трубы трубить, думая, что я того рассудить не могу и что бесчестие за знак чести приму и тем подлиннее в посмеяние мое предложение будет».[1]

Где в этой жалобе, невразумительно переведенной с немецкого, правда и где пристрастие, решить в настоящее время невозможно. По всем вероятиям, много тут преувеличенного.

Как бы то ни было, Стеллер оказался на берегу острова Каяк в сопровождении данного ему для охраны и помощи казака Фомы Лепехина. Здесь Стеллеру было разрешено пробыть всего шесть часов, и за это время он успел сделать множество наблюдений над страной, остатками быта ее обитателей (сами туземцы убежали), над флорой и фауной. Достаточно сказать, что за такой короткий промежуток времени Стеллер успел описать около 160 видов растений. Пройдя с версту вдоль берега, Стеллер увидел следы людей:[2] под деревом лежал ствол, корытообразно выдолбленный, в котором туземцы еще два-три часа тому назад варили мясо, положив в воду раскаленные камни, «как это прежде делали и камчадалы, за отсутствием котлов и горшков». Выше (стр. 64) мы уже упоминали об этом и указывали, что тлинкиты еще в 80-х годах прошлого столетия пользовались этим способом варки.

Тут же, продолжает наш путешественник, лежали кости, некоторые с мясом, которое, очевидно, жарили на огне. По внешнему виду и величине, эти кости, казалось Стеллеру, должны были принадлежать северному оленю, хотя этих животных на острове не было видно. Неизвестно, водится ли на острове Каяк северный олень или нет, но на материке, близ берегов заливов Чугач и Кенайского, он попадается до сих пор, хотя и очень редко. Северный олень (caribou) берегов Кенайского залива принадлежит к форме Rangifer arcticus stonei.[3] Про берега и острова залива Чугач Измайлов и Бочаров[4] сообщают, что здесь попадаются «медведи

[1] Зап. Академии Наук. XV, № 1, 1869, стр. 18.

[2] Steller. Reise nach Amerika, p. 31.

[3] W. Osgood. North American Fauna, № 21, Washington, 1901, p. 61, № 30, 1909, p. 13.

[4] Путешествие Г. Шелехова, II, 1812, стр. 23—24, ср. также Тихменев. Исторический очерк образования Российско-Американской компании, II, СПб., 1863, стр. 325. Латинские названия я прибавил, руководясь работой W. Osgood. Natural history of the Cook inlet region, Alaska. North Amer. Fauna, № 21, 1901.

двух родов, черные (Ursus americanus emmonsi, black bear) и темножелтые, называемые там нуни, с колючими, наподобие кости, щетинами и с когтями (это дикобраз, Erethizon epixanthum myops; о нем упоминает и Тихменев; кроме того он же приводит и бурого медведя, Ursus middendorffi, brown bear); лисицы трех родов: черные, сиводушки и красные (все это цветовые вариации Vupes fulva, для здешних мест выделенной в особый вид V. kenaiensis), куницы (Maries americana kenaiensis), выдры (Lutra canadensis) росомахи (Gulo luscus),[1] норки (Mustela vison), речные бобры (Castor canadensis; теперь они очень редки; Тихменев о них не упоминает). Внутри же земли, как островитяне уверяли, есть и дикие бараны, коих находящиеся на галиоте видели кожи и шерсть длинную белую (эти дикие бараны на самом деле — снежные козлы, Haplocerus montanus; в настоящее время они для здешних мест, именно для гор в низовьях Медной, выделены в особый подвид, по современной номенклатуре обозначаемый как Oreamnos montanus kennedyi, Alaska mountain goat; но и настоящие каменные бараны, Ovis dalli, очень близкие к сибирскому O. nivicola, водятся в горах у залива Чугач; у них тоже белая шерсть); зайцы (Lepus americanus), олени (см. выше), белка (Sciurus hudsonicus), горностаи (Mustela kadiacensis) и собаки. [Под именем собак здесь, повидимому, подразумеваются койоты (западная форма их, Canis lestes), которые временами заходят в эти места. Так, в XX столетии они распространились на северо-запад до 60 с. ш.].[2] Промышляются тут морские звери, т. е. бобры (Enhydra lutris), киты, сивучи (Eumetopias jubata или stelleri), нерпы (Phoca vitulina largha), коты (Arctocephalus ursinus alascanus), стрелками, из досок сделанными, и из луков, так как Кенайскими и прочими народами. По рекам имеются рыбы: чавыча (Oncorhynchus tschawytscha), семга (имеются в виду другие виды из рода Oncorhynchus: нерка, горбуша, кета, кижуч) и другие многие морские».

Продолжаем описание наблюдений Стеллера. Тут же лежали остатки юколы, или вяленой рыбы, «которая на Камчатке употребляется вместо хлеба»,[3] а также много крупных створок гребешка — моллюска из группы Pecten jacobaeus, которого Стеллер называет Jacobsmuschel, шириной свыше

[1] Здешние теперь выделены в особый вид, Gulo katschemakensis См. G. S. Miller. List of North American recent Mammals. Washington. 1924, p. 128. Нужно заметить, что обработка фауны млекопитающих северо-западной Америки произведена американскими зоологами крайне неудовлетворительно; данные по фауне Сибири ими оставлены без внимания.

[2] H. Swarth. Univ. California Publ. in zoology, XX , 1926, p. 147.

[3] «Главная их [камчадалов] пища, которую должно почесть за ржаной хлеб, есть юкола, которую делают они из всех родов лососья роду (Крашенинников, II, стр. 49).

20 см, и, наконец, «blaue Muscheln», т. е. мидии (Mytilus), «очень похожие на камчатские и, без сомнения, употребляемые в пищу, по здешнему [т. е. камчадальскому] обычаю, сырыми». Действительно, как эскимосы, так и тлинкиты едят сырых мидий. Давыдов передает случай, когда из партии коняг и чугачей, поевших сырых моллюсков, умерло более 80 человек.[1] Тлинкиты тоже употребляют в пищу сырых мидий и других моллюсков (Cardium), а также морских ежей.[2]

В некоторых створках гребешка оказалась заготовленной по-камчадальски «сладкая трава». Это — зонтичное, Heracleum lanatum или H. dulce, из которого на Камчатке добывали сахар и водку (см. выше, стр. 73). Сообщение Стеллера насчет употребления «сладкой травы» на острове Каяк весьма любопытно: у позднейших путешественников не встречается указаний на то, чтобы эскимосы (например, коняги) или тлинкиты употребляли Heracleum. Коняги еще до прихода русских готовили опьяняющий напиток из ягод малины и вересковых.

Вблизи дерева видны были уголья и деревянное огниво такого же типа, что и на Камчатке. Крашенинников описывает камчадальское огниво так: «огнива их были дощечки деревянные из сухого дерева, на которых по краям наверчены дирочки, да кругленькие из сухогож дерева палочки, которые вертя в ямочках огонь доставали. Вместо труду употребляли они мягкую траву тонничь, в которой раздували загоревшуюся от вертения сажу. Все сии принадлежности обертя берестою каждой Камчадал носил с собою и ныне носят, предпочитая их нашим огнивам для того, что они не могут из них так скоро огня вырубать, как достают своими огнивами».[3] На таблице, приложенной к этому месту, изображены «Камчадалы, достающие огонь из дерева». Более усовершенствованное огниво было в ходу у эскимосов. По словам Давыдова, коняги на острове Кадьяк «огонь достают посредством завостренной палочки, которая, равно как и брусок для сего употребляемый, делается из дерева чаги, выкидываемого на остров морем и растущего на материй Америке. По средине сей палки, которой конец обмазывается жиром, обвертывают несколько раз веревочку и взяв конец оной в руки, вертят в обе стороны сколь можно поспешнее, пока от приставленного к бруску конца палки покажется дым: тогда берут затлевшуюся от того стружку, кладут ее в сухую траву, размахивают в руке, и огонь по-

[1] Двукратное путешествие в Америку Хвостова и Давыдова. II, СПб., 1812, стр. 76—77. См. также К. Хлебников. Жизнеописание А. А. Баранова. СПб., 1835, стр. 48. — Holmberg, 1855, p. 94—95.

[2] Krause. Die Tlinkit-Indianer, 1885, p. 91. — Holmberg, p. 22.

[3] Крашенинников, II, стр. 32—34, табл.

является».[1] У курильских айнов на острове Шикотан еще в 1899 году был в ходу прибор для получения огня путем вращения деревянной палочки.[2] У эскимосов был прежде в ходу еще другой способ получения огня, именно посредством высекания пиритом из кремня.[3] Этот прием был, повидимому, заимствован эскимосами от европейцев через посредство скандинавов или же пришел из Азии.[4]

Рядом с огнивом Стеллер нашел и трут; это был мох Fontinalis antipyretica[5] (по Стеллеру — Quellenmooss, Alga fontinalis, «побелевший на солнце»; между тем на Камчатке трутом служит один из местных злаков).[6] Глотов, бывший на островах Умнаке и Уналашке в 1759—1762 годах, сообщает про здешних алеутов, что они «огонь добывают камнем белым, лежащим подле моря, небольшим: разбив оный на двое, бьют камень о камень»; вместо трута пользуются сухой травой, птичьим пухом и серой.[7]

Эти наблюдения, особенно же способ приготовления сладкой травы, привели Стеллера к выводу (p. 32), что жители этих берегов Америки одного происхождения с камчадалами — взгляд, к которому присоединяется и современная наука: эскимосский клин разъединил две группы родственных народов: с одной стороны, азиатских — чукоч, коряков, камчадалов, с другой — индейцев северо-западной Америки (Иохельсон, Богораз).[8] Далее Стеллер прибавляет: «если это так, то можно думать, что Америка простирается далее к западу и на севере гораздо ближе к Камчатке, ибо при таком большом расстоянии — не менее 500 миль, — какое прошлонаше судно, мало правдоподобно, чтобы камчадалы на своих жалких лодках могли достичь сюда». Стеллер представлял себе вопрос много проще, чем на самом деле.

[1] Двукратное путешествие Хвостова и Давыдова в Америку, ч. II, СПб., 1812, стр. 105—106.

[2] R. Torii. Journ. Coll. Sci. Univ. Tokyo, XLII, № 1, 1919, p. 202, fig. 62.

[3] Ср. также данные Плениснера 1763 г. для берега Берингова пролива (Сев. Архив, XVIII, СПб., 1825, стр. 171).

[4] Handbook Amer. Ind., I, p. 459.

[5] Точнее — одна из американских форм этого вида. Отожествление любезно сделано А. А. Еленкиным.

[6] Steller. Reise, p. 32.

[7] Щукинский сборник, вып. 5, М., 1906, стр. 152.

[8] Вообще, по взглядам современных американских этнографов, индейцы пришли в Америку из северо-восточной Азии в конце неолита, около 14 000 лет тому назад. Они не были тогда знакомы ни с гончарным производством, ни с полированными каменными орудиями. Сравн. Clark Wissler. The American Indian. 2-d edit., New York, 1922, глава XXI. В последнее время склоняются к тому, чтобы повысить древность американского человека до 20 000 лет (Ch. Schuchert and Dunbar, A textbook of geology, part II, Historic geology, New York, 1941, p. 493—495).

Насколько Стеллер мог подметить по срубленным деревьям, топоры у американцев были каменные или костяные, «как на Камчатке и как и у немцев в давнопрошедшие времена». Подробнее по этому поводу мы скажем ниже.

Пройдя еще версты три, путешественники попали в густой лес. Здесь заметили, что со многих деревьев недавно содрана кора. Из этого заключили, что невдалеке должно быть жилье.

Действительно, вскоре нашли место, покрытое скошенной травой; под травой были камни, под камнями на перекладинах древесная кора, покрывавшая продолговатую яму, длиной в три сажени, а шириной и глубиной в две.[1] В землянке (Стеллер ее называет погребом) находились следующие предметы:[2]

1) Лукошки из древесной коры, высотой аршина полтора, наполненные копченой рыбой из лососей, которая в Охотске называется по-тунгусски неркой, а на Камчатке красной рыбой. — Это лососевая рыба, нерка или нярка, Oncorhynchus nerka, которая водится и у берегов Северной Америки, нося название redfish, у тлинкитов же рхат или храт (юкола же из нее — гат). Рыба эта составляет главнейший объект промысла тлинкитов; она имеет в среднем 7 килограммов веру. Тлинкиты ловят ее острогой, багром, а также запорами при помощи верш. Нерка начинает свой ход в реку Чилкат в конце июня и продолжает в июле, августе и сентябре (Krause, p. 175). Лососевые и у коняг составляют главный предмет питания (Holmberg, p. 104). Следует отметить указание Стеллера на то, что нерка была копченой: тлинкиты, по словам Гольмберга (p. 23), коптили юколу в юртах, в отличие от эскимосов, которые ее вялили; впрочем, и тлинкиты применяли вяление (Krause, p. 176).

2) Сладкая трава, из которой на Камчатке гонят водку; трава была приготовлена очень чисто и на вкус весьма сладка. О ней мы говорили выше.

3) Трава, очищенная от коры, как это делают с конопляй. Стеллер счел ее за крапиву, которая здесь росла в изобилии, и возможно, говорит он, что она, как и на Камчатке,[3] употреблялась для изготовления рыбачьих сетей. Мне неизвестно, чтобы тлинкиты или эскимосы готовили дель из крапивы.

[1] Кора деревьев идет у тлинкитов на покрышку барабор (Krause, p. 134). Делают они также из нее и из жердей шалаши (Holmberg, p. 24); члены Harriman Alaska Expedition видели такие шалаши из слоев коры в бухте Якутат в 1899 г., см. Grinnell. Harr. Alaska Exp., I, 1901, p. 158—159, fig.

[2] Steller. Reise, p. 34.

[3] Об употреблении камчадалами крапивы для приготовления сетей см. у Крашенинникова, I, 1755, стр. 207—208.

Вообще, сетные орудия лова, особенно — морского, были мало распространены у тех и у других. Коняги прежде ловили лососевых, во время вхождения их в реки, баграми, а затем стали «в новое время» пользоваться, кроме того, сетями из сухожилий кита, а также перегораживали речки (Holmberg, 1855, p. 104). Треску и палтуса в море ловили на деревянные и костяные крючки (там же, стр. 105). Паллас, со слов Глотова, посетившего в 1763 году остров Кадьяк, относительно рыболовства коняг («канагистов») сообщает: «они по большей части питаются сырою и сушеною рыбою, которую ловят отчасти на море костяными удами, а отчасти в ручьях неводами из жил сплетенными».[1] Шелехов (1783)[2] так описывает рыболовство коняг: «рыбу удят в море удами костяными; по рекам рыбу ловят каменными запорами, а колют носками, похожими на копья... Красную рыбу стрелками убивают». Эскимосы на берегах Берингова пролива, по описанию Нельсона (80-е годы прошлого столетия; Nelson, p. 173 sq.), пользуются для лова рыбы костяными удочками, острогами, вершами, глушат дубинами, употребляют также небольшие невода, для которых идут нитки из сухожилий; дель для сачков готовят из ивового луба, из кожаных ремешков, из китового уса.[3] У тлинкитов были в ходу тоже острога, багор, крючки, крючья, запоры с котцами, верши; иногда бредни из сухожилий (Krause, p. 175—179). Таким образом, мало правдоподобно, чтобы очищенная крапива, которую видел Стеллер, шла на приготовление сетей. Быть может, трава эта предназначалась для изготовления каких-либо плетений (корзин и т. п.), в каковом ремесле тлинкиты большие мастера, или для тканей. Тлинкиты-якутаты в заливе Якутат привозили в 1788 году Измайлову и Бочарову «пестрые коренные и травяные мешочки» в обмен на голубые и красные сережные корольки и голубой бисер.[4] Давыдов передает, что эскимосы-коняги из крапивы готовили ткани.[5]

4) Высушенная и свернутая заболонь («innerer Rindenbast») лиственицы или ели (Fichtenbaum). Не только на Камчатке, но и во всей Сибири и в России вплоть до Хлынова и Вятки

[1] П. Паллас. О российских открытиях на морях между Азией и Америкою. Месяцослов истор. и географ. на 1781 год. Перепечатано в Собрании сочинений, выбранных из месяцословов. IV, 1790, стр. 340. См. также W. Coxe. Account of the Russian discoveries between Asia and America. L., 1780, p. 117. Собрание сочинений из месяцословов. III, 1796, стр. 357 (канагысты... „речную рыбу ловят чирючами, то есть из жильных ниток связанными мешками").

[2] Путешествие, ч. I, 1812, стр. 75.

[3] О сетях см. Nelson, l. c., p. 185—190.

[4] Г. Шелехов. Путешествие, ч. II, 1812, стр. 54—55.

[5] Двукратное путешествие Хвостова и Давыдова, II, 1812, стр. 130.

в случае голода едят древесную кору, прибавляет Стеллер.[1] О камчадалах Крашенинников (I, стр. 191) сообщает: «Корка березнику в большом употреблении: ибо жители, оскобля у сырого дерева корку, рубят оную топориками как лапшу мелко и едят с сушеною икрою с таким удовольствием, что в зимнее время не минуешь Камчатского острожка, в котором бы бабы не сидели около сырого березового кряжа и не крошили объявленной лапши каменными или костяными топориками своими». Нужно отметить, что лиственицы в районе острова Каяк нет, а именем лиственицы русские обозначали хвойное Tsuga (нечто вроде пихты, об этом см. ниже). По словом Лисянского,[2] бывшего на Ситхе в 1805 г., здешние тлинкиты употребляют в пищу «род коврижек из лиственичной (следует подразумевать из Tsuga) перепонки, покрывающей дерево под корою, которая соскабливается и сушится в виде четвероугольников, толщиною около дюйма».

5) «Большая связка веревок из морской травы, необыкновенной прочности». Здесь идет речь о громадной морской водоросли, Macrocystis pyrifera, из которой как эскимосы, так и тлинкиты выделывают веревки. Про костяные удочки, употреблявшиеся конягами (в 1783 году) для лова трески и камбалы, Шелехов (Путешествие, I, стр. 75) говорит, что «поводки при удах длинные, из засушенной морской капусты: ибо одна стебель капустная бывает сажень по сорока и более»[3]. Из того же материала готовили поводки и тлинкиты; сделанные из «морской травы» веревки выдерживали палтусов весом в 10—12 пудов (Holmberg, p. 32). Krause (p. 179) сообщает, что тлинкиты делают веревки для лова трески и палтуса из луба красного «кедра» (Thuja plicata), или из сухожилий животных, или из водоросли Macrocystis pyrifera, которая бывает с палец толщиной и очень прочна.

Кроме того, тут же Стеллер заметил несколько стрел, превосходивших величиной камчадальские; они похожи были на тунгусские и «татарские», выкрашены в черный цвет и так гладко выстроганы, что заставляли подозревать у вла-

[1] Харитон Лаптев, принимавший участие в описи северных берегов Сибири и бывший на Лене в 1737 г., сообщает, что русские и якуты «на Витиме и Олекме привозным хлебом больше довольствуются, понеже по нужде и годами токмо ячмень родится да огородные овощи; чего ради привычная их пища из лиственичной корки с молоком; а скота рогатого и лошадей довольное число; в лете и рыбы довольно бывает» (Зап. Гидрогр. департ., IX. 1851, стр. 53—54).

[2] Ю. Лисянский. Путешествие вокруг света в 1803—06 гг. на корабле Неве, т. II, СПб., 1812, стр. 145—146.

[3] То же видели русские промышленники у алеутов Андреяновских островов в 1761 г.: «камбалу ловят они костяными удами, для коих снурки делают из липкой и длинной морской травы, которую мочат несколько в пресной воде и потом вытягивают» (Паллас, стр. 324).

дельцев наличие железных инстументов.[1] Черную краску тлинкиты добывали из сока черники.[2] Хотя во время прихода русских тлинкиты пользовались преимущественно каменными орудиями, но они были знакомы и с металлами, особенно с медью; они получали самородную медь от медновцев, с реки Медной и знали искусство ковки.[3] Из меди делали разные украшения, кинжалы, копья, наконечники стрел. Врангель говорит, что медновцы еще до прихода русских сбывали угаленцам, кенайцам и другим медные топоры, ножи и прочие вещи.[4] По всем вероятиям, тлинкиты умели до прихода русских обрабатывать и железо холодным способом.[5] С появлением европейцев, каменные орудия у тлинкитов стали быстро исчезать, и Гольмберг, около половины XIX столетия, лишь с трудом мог достать на острове Ситхе несколько каменных топоров.[6] Равным образом, к этому времени исчезли, даже из памяти, лук и стрелы.[7] В Этнографическом музее Академии Наук, обладающем богатыми, и притом старыми, сборами из русской Америки, лук и стрелы в тлинкитских коллекциях отсутствуют;[8] но имеются каменные и костяные орудия: каменный молот из коллекции Лисянского 1806 года, наконечник копья из яшмы с острова Ситхи, костяной кинжал, костяные крючки для удочек. Тлинкиты изготовляли каменные топоры главным образом из нефрита и жадеита.[9]

У эскимосов каменные орудия сохранились дольше, но у коняг, например, на острове Кадьяке к середине XIX столетия были в повсеместном ходу железные ножи и топоры, сделанные, однако, по образцу прежних каменных орудий (Holmberg, p. 101—102).[10] Впрочем, наконечники гарпунов

[1] Reise nach Amerika, p. 34.
[2] A. Krause. Die Tlinkit-Indianer. Jena, 1885, p. 211.
[3] Holmberg, l. c., p. 27.
[4] Wrangell. Beitr. z. Kenntn. Russ. Reich., I, 1839, p. 97—98.
[5] Krause, l. c., p. 212.
[6] Holmberg, l. c., p. 29. См. также Krause, p. 250.
[7] Holmberg, l. c., p. 29. Измайлов и Бочаров видели в 1788 г. у тлинкитов-якутатов в заливе Якутат „луки и стрелы" (Г. Шелехов. Путешествие, ч. II, 1812, стр. 53); были у них и копья с железными остриями, „которые и куют они на камне сами" (там же, стр. 51). „У них видели европейские топоры, у коих обушник узкой и высокое острие; по примечанию же должно быть сим вымененным из приходящих иностранных судов" (стр. 55). Лангсдорф, бывший на Ситхе в 1805 г., говорит, что луки и стрелы совершенно вытеснены огнестрельным оружием; стрелы употреблялись только на охоте за морскими бобрами и тюленями. G. Langsdorff. Bemerkungen auf einer Reise um die Welt 1803—07 Bd. II, 1812, p. 113.
[8] С. А. Ратнер-Штернберг. Музейские материалы по тлингитам. Очерк III. Сборник Музея антропологии и этнографии, IX, 1930, стр. 170.
[9] Ратнер-Штернберг, l. c.
[10] У кадьякских коняг железо застал уже Шелехов в 1783. (Путешествие, СПб., 1812, I, стр. 74): «для войны есть у них луки и

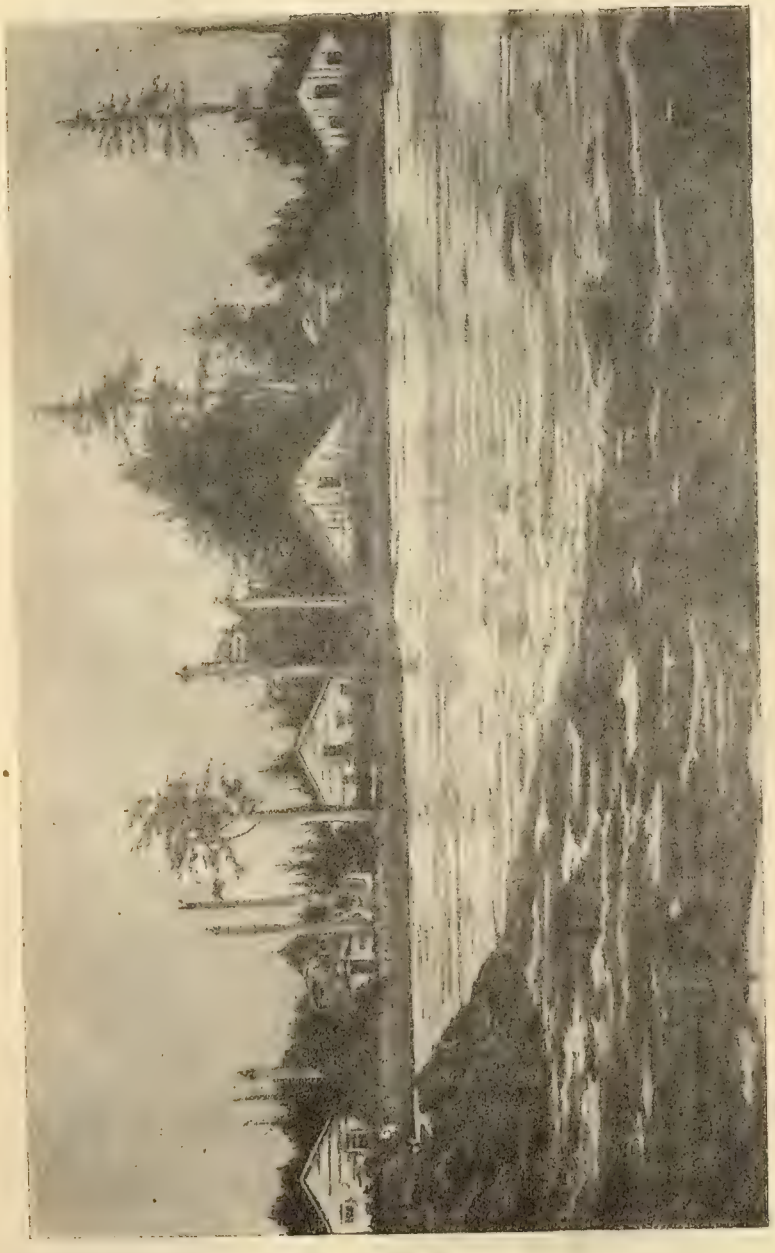


Рис. 30. Покинутая индейская деревня у мыса Фокс. (Из Harriman Alaska Expedition).

для охоты на китов еще тогда делались из камня, на морских бобров — из кости, наконечники копий для охоты за тюленями и сивучами — тоже из кости, наконечники стрел для охоты за морскими птицами — из кости (там же, p. 109—118).

Лук и стрелы были в полном ходу у коняг еще в половине XIX столетия (Holmberg, p. 106).

Из предметов, замеченных в землянке, Стеллер взял две связки рыб, стрелы, огниво, трут, древесной коры, травы, связку веревок из морской травы и послал все это с казаком туда, где на берегу наливались водой, с поручением передать все это капитан-командору. Оставшись один, он прошел еще шесть верст, не встречая людей. Виден был только дым в нескольких верстах, на холме, покрытом «пихтовым» лесом (Tannenwald). Вернувшись к месту высадки, Стеллер получил от Беринга предписание немедленно вернуться на судно, иначе, угрожал командор, его не станут дожидаться.

С горьким чувством отмечает Стеллер, что на подготовку экспедиции ушло 10 лет, а на самые исследования ему было предоставлено всего десять часов, «яко бы только для взятия и отвозу из Америки в Азию американской воды приходили».[1] Упреки Стеллера здесь совершенно справедливы. Равнодушие Беринга к научной работе в данном месте непростительно еще потому, что целью экспедиции было проведать новые земли, т. е. всесторонне исследовать их и завести связь с туземцами.

К вечеру Стеллер вернулся на судно, где был угощен шоколадом.

По распоряжению Беринга, на берег «для приласкания впредь тутошних народов» были посланы «конец зеленой крашенины, два котла железных, два ножа, двадцать штук большого бисера, две китайские табашные трубки железные да фунт черкасского табаку»,[2] с приказанием положить все это

копья железные, медные, костяные и каменные. Топоры железные особого манера, состоящие в маленьком железце; трубки, ножи — железные и костяные, иглы — железные». Между тем, за двадцать лет до того, в посещение Глотова (1763), у кадьякцев еще не было железа: оружия их суть: лук, стрелы, деревянные щиты и рогатины, у коих копье, равно как и острее у топоров, сделано из кремневого камня. Иные делают также как ножи, так и копья из ланьих костей» (Паллас, стр. 339); см. также Собрание сочинений из месяцесловов, III, 1789, стр. 356.

У эскимосов на берегах Берингова пролива каменные топоры и молотки (из нефрита, кремня и пр.) сохранились вплоть до 80-х годов XIX столетия, см. E. W. Nelson. The Eskimo about Bering strait. XVIII Report Bur. Amer. Ethnol. (1896—97), Wash., 1899, p. 91—92, pl. XXXIX, f. 3—144.

[1] Зап. Акад. Наук, XI, № 1, 1869, стр. 19.

[2] Миллер. Сочин. и перев., 1758, II, стр. 204. — Журнал Хитрова, стр. 61а.

Рис. 31. Оставленная индейская деревня у мыса Фокс. (Из Harriman Alaska Expedition).

в ту землянку. Это было исполнено, но посланные люди вместе с тем порядком разграбили оставленные там запасы туземцев. Выше (стр. 194) мы уже отметили, что об этих вещах (ножах и бисере) осталось у туземцев воспоминание еще через пятьдесят лет, во времена Сарычева.

Через час после Стеллера на пакетбот вернулся Хитров с командой из 15 человек и сообщил, что он нашел между островами безопасную гавань. Людей ему не пришлось встретить, но на одном из островков по близости материка (т. е. в бухте Контроллер) он видел жилище («юрту») из бревен, обшитое досками, весьма гладко обструганными. Доски «местами вырезаны фигурами».[1] По словам Хитрова, «и пол намощен досками ж, а вместо печи складено в ней в одном углу каменка». Это была барабора туземцев, построенная по тлинкитскому образцу: наружные стены из толстых обтесанных досок,[2] по бокам входных дверей, а также внутри дома оригинальные резанные по дереву изображения человеческих фигур[3] (см. рис. 30 и 31). Следует отметить, что и чугачи живут не в полуподземных юртах эскимосского типа,[4] а в жилищах из бревен и досок.[5]

Отсюда Хитров привез кое-какие вещи: коробку из тополевого дерева наподобие липового ларца, какие делают в России, камень со следами от медных ножей, служивший, повидимому, оселком, затем полый глиняный шар, диаметром дюйма с два, с погремушкой внутри, «как думать можно, что то робята вместо побрякушек употребляют», наконец, весло и хвост лисицы-сиводушки.[6]

Мы подробно остановились на этнографических наблюдениях и материалах, собранных нашими путешественниками на острове Каяк. Теперь спрашивается: какому народу принадлежали эти предметы? Как выше уже отмечено, самое раннее указание на жителей острова Каяк принесено Измайловым и Бочаровым в 1788 году, когда здесь жили эскимосы-чугачи и угалахмюты. Те предметы, которые нам изве-

[1] Миллер, там же, стр. 201.

[2] Krause, p. 124—125, fig.

[3] Krause, p. 127—130, fig. См. также G. B. Grinnell. The natives of the Alaska coast region, in: Alaska, Harriman Alaska Exp., I, 1901, p. 145 sq. Fr. Boas. The decorative art of the Indians of the North Pacific coast. Bull. Amer. Mus. Nat. Hist., IX, 1897, p. 123—176 (тлинкиты, хайда, цимшиан).

[4] Коняги на о-ве Кадьяк «живут в юртах, которые в земле выкопаны» (Глотов, 1763 г. Собр. сочин. из месяцословов, III, 1789, стр. 357).

[5] Сарычев, II, 1802, стр. 54 („один из досок сделанный шалаш в коем было несколько женщин с малыми ребятами", 1790 г.). — Petrof, l. c., p. 145 („the dwellings are nearly always constructed of logs and planks, affording good shelter during the long, cold winter").

[6] Steller. Reise, p. 33—39; Миллер, 1758, II, стр. 201; Стеллер. Зап. Акад. Наук, 1869, стр. 19.

стны по описаниям Стеллера и Хитрова, не позволяют с уверенностью приурочить тогдашнее (1741) население этого острова к тому или другому народу. Чугачи обитают на крайнем южном пределе распространения эскимосов и во многом приняли облик народа, живущего среди лесов, каковы тлинкиты. Угалахмюты же совершенно отлинкитились. В пользу того, что здесь жили угалахмюты, говорит резьба на их жилище, описанная Хитровым: такой резьбы, насколько мне известно, для чугачей не отмечено; это типично тлинкитское украшение. Но следует иметь в виду, что барабора была усмотрена не на острове Каяк, а на острове к северу от него. С другой стороны, рассказ чугача в 1790 году, передаваемый Сарычевым, как бы свидетельствует в пользу того, что во время Стеллера в 1741 году на острове Каяк жили чугачи.

Как бы то ни было, не будет ошибкой сказать, что в 1741 году на острове Каяк жили эскимосы, подвергшиеся влиянию тлинкитов.

Переходим теперь к наблюдениям Стеллера над природой острова Каяк.

В Америке, говорит он, под 60° с. ш. на самом берегу растет густой лес, тогда как на Камчатке под 51 берега безлесны, и только в расстоянии 20 верст появляются ива и ольха, а в 30—40 верстах береза; лишь в 60 верстах от устья реки Камчатки растут хвойные. У Анадырска на расстоянии 300—400 верст от моря страна безлесна. Все это позволяет Стеллеру сделать вывод, что к северу от мыса св. Ильи (60° с. ш.) и вплоть до 70 и даже дальше должна находиться суша, которая защищает берег от действия холодных северных ветров. Между тем берега Камчатки открыты влиянию северных ветров.[1] Поэтому и рыба в Америке входит в реки раньше: на Камчатке в день св. Ильи только начинается улов рыбы, а в Америке к этому времени уже готовы были запасы.[2]

Замечания эти не лишены известной доли справедливости. Действительно, климат северо-западных берегов Америки гораздо мягче, чем климат Камчатки. Это хорошо видно при сравнении годового хода температуры в Петропавловске на Камчатке и в Ситхе (см. таблицу на стр. 215).

Несмотря на то, что Ситха лежит на 4° севернее, годовая средняя ее на 4.8° выше, чем в Петропавловске. Зима в Ситхе гораздо умереннее: средняя температура зимы —0.2°, тогда как в Петропавловске —9.6°. Вообще, все месяцы в Ситхе теплее, кроме августа, который холоднее на 0.9: в это время в Петропавловске максимум штилей. Годовая амплитуда в Ситхе 13.6°, в Петропавловске 24.4°. Осадков в Петропав-

[1] Steller. Reise, p. 41.
[2] Там же.

Я	Ф	М	А	М	И	И	А	С	О	Н	Д	Год
Петропавловск-порт, 52°53′ с. ш., 158°26′ в. д., высота 14 м[1]												
—10,9	— 11,2	— 7,0	— 1,6	3,1	7,9	11,8	13.5	9,8	4,2	— 1,8	— 6,6	0,9
Ситха, 57°3′ с. ш., 135°19′ з. д., высота 19м[2]												
— 1,0	— 0,1	1,4	4,3	7,7	10,7	12,5	12,6	10,3	6,6	3,0	0,5	5,7

ковске (маяк) выпадает 883 мм (1890—1909),[3] в Ситхе 2232 мм (1867—77, 1881—87, 1898—1902),[4] а в селении Нучек (форт Константин в зал. Чугач), по наблюдениям всего за год, выпало свыше 4800 мм[5] — самое большое количество на всей территории Аляски.

Причина большей умеренности климата северо-западной Америки заключается в том, что здесь преобладают влажные ветры с моря, зимою теплые, летом прохладные, тогда как у берегов северо-восточной Азии зимою дуют холодные северо-западные ветры из области сибирского максимума, летом — прохладные ветры с моря, со стороны максимума в северной части Тихого океана. В Петропавловске[6] с сентября по март резко преобладает северо-западный ветер; но ветров этого направления и летом довольно много; как летом, так и зимою это холодные и сухие ветры; зимою они дуют из области сибирского антициклона, летом — из охотского. Летний влажный муссон с E, SE, S дует в Петропавловске в июне и июле; в июне на долю ветров указанных направлений приходится 42%; ветры эти тоже прохладные. Кроме того, надо иметь в виду, что сравнительной суровости климата Камчатки способствуют холодные моря, ее омывающие — Охотское и Берингово.

Но относительно хода лососевых замечания Стеллера нужно признать неправильными. Так, в Усть-Камчатске (56° с. ш.) летом 1909 года 28 июня нового стиля (как и ниже) главный ход чавычи (Oncorhynchus tschawytscha) уже кончился; максимум хода этой наиболее ценной рыбы

[1] Среднее за годы 1890—99, приведенные по Петропавловскому маяку. См. В. А. Власов. О климате Камчатки. Камчатск. эксп. Рябушинского. Метеор. отд., вып. 1, М., 1916, стр. 23.

[2] За 25 лет: J. Hann. Handb. d. Klimatologie, III, 1911, p. 357.

[3] Власов, стр. 135.

[4] Власов, стр. 184—185.

[5] Cl. Abbe in A. Brooks. The geography and geology of Alaska. U. S. Geol. Survey. Profess. Papers, № 45, 1906, p. 165.

[6] Abbe, там же.

был в середине июня. Тогда же начался ход красной или нерки (Oncorhynchus nerka), наибольший ход которой был 27 июня; в начале июля уловы красной начали сильно падать, и стала в большом количестве итти кета (Oncorhynchus keta).[1] В 1908 году в устье Камчатки нерка стала входить в середине июня, разгар хода ее был 21—23 июня, а к 28-му ход начал ослабевать.[2] Около тех же чисел нерка начинает входить и в реки, впадающие в Бристольский залив (Аляска).

Переходим к ботаническим наблюдениям Стеллера. Гористый остров св. Ильи, говорит он, покрыт чистым «пихтовым» лесом («mit lauter Tannenwaldung versehen», Reise, p. 77). Это, без сомнения, Tsuga heterophylla, coast hemlock американцев, численно преобладающая над елью (Picea sitchensis, Sitka spruce американцев) в лесах к югу от полуострова Аляски; она составляет обычно от 70 до 80% смеси. Даже на западном конце своего распространения, на берегу залива Чугач, цуга преобладает.[3] Именно для этого дерева русские усвоили совершенно неподходящее название лиственицы, каковая здесь нигде на берегу моря не растет. Измайлов и Бочаров, описывая Чугачский залив, где они были в 1788 году, говорят, что здесь на берегах и островах растет «лес еловой, лиственичной, ольховой, березовой и тополник».[4] То же повторяет и Тихменев.[5] Также Лисянский об островах Ситхинских говорит, что они «покрыты лесом, который большею частью состоит из душистого дерева, ели и лиственницы».[6] Между тем, ситхинские деревья есть Chamaecyparis nootkatensis (= душистое дерево), Picea sitchensis (= ель), Tsuga heterophylla и Tsuga mertensiana, а лиственица тут не растет. По словам Коцебу, густые леса на Ситхе состоят из ели («Tanne»; это слово собственно относится к пихте, но русскими немцами часто применяется к ели) и лиственицы (Lerchenbäume).[7] Литке, описывая корабельный лес Ситхи, указывает, что «на шпангоуты употребляется кипарис, называемый здесь душмянкою, на бимсы и палубу — ель, на об-

[1] П. Ю. Шмидт. Работы зоологического отдела на Камчатке в 1908—1909 гг. Зоол. отд. Вып. 1. Камчатск. эксп. Ф. П. Рябушинского. М., 1916, стр. 196—197.

[2] Там же, стр. 28—29.

[3] Fernow. Forests of Alaska. Alaska in: Harriman Alaska Exp., II, 1902, p. 247—248.

[4] Путешествие Г. Шелехова, II. СПб., 1812, стр. 23; ср. также стр. 8, 37, 38, 66 (в зал. Якутат елевый и лиственишной лес), 84 (в зал. Льтуа — то же).

[5] Тихменев. Исторический очерк образования Российско-Американской компании, II, стр. 324—325.

[6] Ю. Лисянский. Путешествие вокруг света в 1803—06 гг. на корабле Неве. II, СПб., 1812, стр. 141.

[7] O. von Kotzebue. Reise um die Welt in den Jahren 1823—26, Bd. II, Weimar, 1830, p. 23.

шишку, а иногда и на палубы — лиственница».[1] Головин говорит: «Лес на Ситхе и близлежащих островах большею частью еловый, но чрезвычайно хорошего качества, есть лиственница и душное дерево [дикий кипарис], преимущественно употребляемое для судостроения».[2] Словом, все русские промышленники и моряки называют Tsuga лиственицей. Повидимому, это название присвоено было цуге только за ее мягкую хвою, ибо Tsuga хвои никогда не сбрасывает.

Из других растений, виденных в Америке, Стеллер упоминает (Reise, p. 42) о новом виде малины, которая встречается здесь в громадном количестве. Зрелые плоды ее отличаются громадной величиной и прекрасным вкусом. «Стоило бы взять, — говорит Стеллер, — несколько кустов этой малины и доставить в ящике с землей в Петербург; не моя вина, — язвительно прибавляет наш натуралист, — что для них не оказалось помещения, ибо и я сам, как вечно протестующий, занимал на судне слишком много места». Малина, о которой идет речь, это Rubus spectabilis, salmonberry американцев. Плоды ее достигают $2^1/_2$ сантиметров в длину. Великолепный рисунок малины с острова Кадьяк, в красках, имеется в сочинении «Alaska», Harriman Alaska Expedition, vol. I, New York, 1901, при стр. 116. Вениаминов говорит об этой малине, что куст ее растет всегда прямо и достигает в высоту иногда более семи футов. «Ягоды бывают вообще очень крупные, так что случается находить ягоды такой величины, что каждая из них весит до трех золотников, но вкусом малина не хороша и водяниста и почти совсем не имеет никакого аромату».[3] На юг она распространена до Калифорнии.

Из других ягод Стеллер упоминает о следующих: «Chamaecerasi» — очевидно, какой-нибудь из видов рода Rubus, далее «rothe und schwarze Heidelbeeren» — какие-нибудь виды рода Vaccinium, из коих тут встречаются V. vitis-idaea (брусника), V. uliginosum (голубика), V. caespitosum, V. ovalifolium, V. oxycoccus (клюква), затем Empetrum (водяника или шикша, E. nigrum) и «Scharbocksbeeren». Под этим последним названием Стеллер разумеет, очевидно, полянку (она носит еще название княженки или мамуры), ягоды коей на севере считаются хорошим средством от цынги.[4] Здешняя поляника это не Rubus arcticus L., а R. stellatus Smith. В Германии название Scharbocksbeere для поляники не

[1] Ф. Литке. Путешествие вокруг света на военном шлюпе Сенявине в 1826—29 гг. Отд. историч., I, СПб., 1834, стр. 88.

[2] Головин. Морской сборник, 1862, № 1, стр. 110.

[3] Вениаминов. Записки об островах Уналашкинского отдела. I, 1840, стр. 50.

[4] П. Маевский. Флора средней России. 5-е изд. М., 1918, стр. 188.

употребительно; это растение здесь называют nordische Himbeere.

Впоследствии Стеллер составил подробный список растений, собранных и замеченных им у мыса св. Илии, а также на островах Шумагинских. Этот список, носящий название Catalogus plantarum intra sex horas in parte Americae septentrionalis iuxta promontorium Eliae observatarum anno 1741 die 21 Iulii, sub gradu latitudinis 59,[1] заключает перечисление 163 видов. Кроме того, Стеллер собрал в Америке у мыса св. Илии и на Шумагинских островах семена 25 видов растений, часть коих отослал в Академию Наук.[2]

Из животных на острове и у берегов его Стеллер (Reise, p. 42—43) заметил тюленей, больших и малых акул, китов, много морских бобров, извержения которых он находил в изобилии на берегу, из чего заключил, что туземцы не очень усердно охотились за бобрами, иначе они, как и на Камчатке, перестали бы в таком изобилии приваливать к берегам. На берегу встречались лисицы, красные и чернобурые, не очень пугливые. Из птиц попадались во́роны (Corvus corax principalis), священная птица тлинкитов, весьма здесь многочисленная и живущая по близости человеческих жилищ,[3] сороки (Pica pica hudsonia), а затем еще свыше десятка неизвестных Стеллеру пестро-окрашенных птиц; одну из них, похожую на какую-то из «каролинских» птиц, Стеллер добыл, зарисовал и описал.[4] Здесь имеется в виду Стеллерова хохлатая сойка, Cyanocitta stelleri, у американцев Steller's jay или blue jay, одна из характернейших птиц северо-западного берега Америки. На север она идет до берегов Кенайского залива, на юг — до центральной Америки.[5] У нее большой гребень, грязно-черная голова и спина, крылья и хвост с полосами густо-синего цвета, грудь тоже голубая, но светлее. Она не пуглива, весьма любопытна, шумлива и, летая стаями, всюду бросается в глаза, выдавая свое присутствие.[6] Подобно всем сойкам, подражает голосам разных птиц. Среди других неизвестных птиц Стеллер, вероятно, видел здесь и аляскин-

[1] Рукопись на 11 страницах хранится в архиве Акад. Наук.

[2] Паллас сообщил Коксу следующий список растений, найденных Стеллером у мыса св. Ильи и характерных для Америки: Trillium erectum, Fumaria cucullaria, Dracontium с листьями, как у Canna indica, Uvularia perfoliata, Heuchera americana, Mimulus luteus, Rubus idaeus var. с крупными плодами (Coxe, Account... 1780, p. 279).

[3] Ch. Keeler. Days among Alaska birds. Harriman Alaska Exp., II, 1902, p. 206—207.

[4] Описание Стеллера таково: „Garrulus sive Pica americana nigra, alis caudaque azureis". Оно приводится у Pallas. Zoogr. rosso-asiat., I, p. 393, где эта птица называется Corvus Stelleri. Восточно-американская сойка это Cyanocitta cristata.

[5] Osgood. N. Amer. Fauna, № 21, 1901, p. 77.

[6] Keeler, l. c., p. 208.

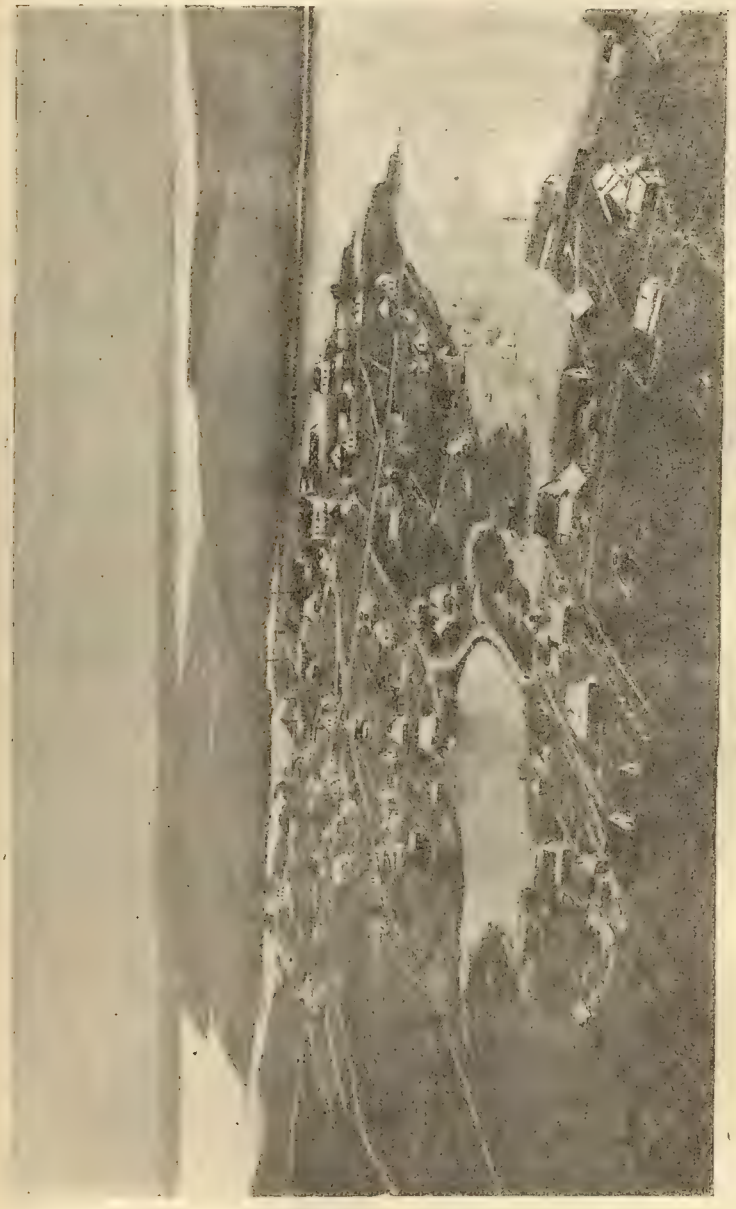


Рис. 32. Остров Кадьяк (Из Harriman Alaska Expedition).

ского колибри (Selasphorus rufus), который летом доходит на север до Кенайского залива,[1] зимует же в южной Калифорнии и в Мексике. Он питается в области горы св. Илии ягодами здешней малины.

XVI. ОБРАТНОЕ ПЛАВАНИЕ БЕРИНГА К БЕРЕГАМ КАМЧАТКИ

Рано утром 25 июля Беринг, не дождавшись, пока нальют водою все бочки, приказал подымать якорь. Пошли на юго-запад. 26-го на широте 56½° усмотрели высокую землю, вероятно остров Кадьяк[2] (рис. 19). Этот остров снова был открыт в 1763 году яренским мещанином Степаном Глотовым, сообщившим впервые сведения о здешних эскимосах.[3]

2 августа, в тумане подошли очень близко к земле и открыли под 55°48′ с. ш. остров, получивший от Беринга имя острова Архидиакона Стефана, или Туманного. Он лежит к юго-западу от Кадьяка. Его эскимосское название, Укамок, под которым он известен ныне, узнал впервые Сарычев в 1790 году.[4] После Беринга остров Укамок открыли эскимосы-коняги, которые добывали на нем еврашков (сусликов), морских бобров, а также янтарь.[5] В апреле 1794 года мимо того же острова прошел Ванкувер, по определению которого середина его лежит под 55°49′ с. ш. Он назвал остров в честь Чирикова, считая, что остров Туманный лежит западнее.[6]

В полдень близ судна показался сивуч, с полчаса державшийся поблизости. Стеллер поймал на удочку двух рыб из группы Cottus (или, по-новому, Myoxocephalus) scorpius, описал их и положил в спирт; но рыбы погибли впоследствии, вместе с другими коллекциями, во время крушения у острова Беринга.

Пройдя еще немного, увидели под 56° с. ш. на материке (т. е. на п-ове Аляске) высокие снеговые горы, а затем открыли группу небольших островов, названных Евдокеевскими (к востоку от п-ова Аляски). Отсюда стали держать к югу; увидали плавающих тюленей, морских бобров, морских котов, сивучей и дельфинов.

---

[1] Osgood, l. c., p. 76.

[2] Соколов, стр. 387.

[3] «Люди живут незнаемые, по их названию Канагысть [т. е. коняги. *Л. Б.*]. Народ обычаем самонравен и зверообразен» (Краткое известие о новоизобретенном северном архипелаге. Месяцослов истор. и геогр. на 1774 г. Собрание сочинений из месяцословов, III, 1789, стр. 356). См. также В. Берх. Хронологическая история открытия Алеутских островов. СПб., 1823, стр. 64. Также Паллас, l. c., стр. 333.

[4] Сарычев, Путешествие, II, 1820, стр. 34.

[5] Holmberg, p. 138.

[6] Vancouver. Entdeckungsreise, II, 1800, p. 152—153

10 августа Стеллер наблюдал в море в течение двух часов странное и доселе им невиданное животное, которое он описывает следующим образом.[1] Тело длинное, толстое, округлое, к хвосту утолщающееся, длиной около двух аршин. Голова собачья, с стоячими острыми ушами. На верхней и нижней губе по обеим сторонам борода. Глаза большие. Кожа казалась густо покрытой волосами, на спине серого, на брюхе рыжевато-белого цвета; в воде же все животное было такого цвета, как бурая корова. Хвост в виде двураздельного плавника, верхняя лопасть которого вдвое длиннее нижней. Никаких следов передних конечностей не было. В течение двух часов животное плавало около судна, иногда приближаясь настолько, что до него можно было бы дотронуться шестом, иногда ныряя под судном с одной стороны на другую. Временами оно высовывалось в вертикальном положении из воды и так оставалось несколько минут. Увидев крупную водоросль, на одном конце тонкую, на другом вздутую (это была Macrocystis pyrifera), животное схватило ее ртом. Стеллер сравнивает это животное с рисунком, какой приводит Геснер с подписью Simia marina danica. Со слов Стеллера, о нем говорит и Крашенинников в своем Описании Земли Камчатки.[2] По весьма вероятному предположению Стейнегера,[3] Стеллер принял за невиданное животное котика, которого нашему путешественнику доселе, действительно, не приходилось видать. «Двураздельный хвост» — это на самом деле задние конечности; передние же конечности, когда котик быстро плывет, плотно прижимаются к туловищу и не заметны.

10 августа, находясь под широтой 53°, постановили на совете итти обратно к Камчатке; в это время на судне уже было 26 больных цынгою. Ветры стали очень свежими и дули прямо в лоб, позволяя двигаться вперед лишь очень медленно. А между тем воды оставалось всего 25 бочек. Решено было податься ближе к берегу.

1. ОСТРОВА ШУМАГИНСКИЕ

30 августа стали на якорь под 54° 48′ с. ш., среди островов Шумагинских (рис. 33), названных так потому, что здесь 31-го похоронили матроса Никиту Шумагина, первого, кого лишилась команда «Св. Петра». Полагают,[4] что остров,

[1] Steller, p. 47—48.

[2] I. 1755, стр. 295—296. Здесь дано в переводе все, что мы находим у Стеллера.

[3] Stejneger в Golder, II, 1925, p. 61—67; также Stejneger. G. W. Steller, 1936, p. 278—281.

[4] Вениаминов. Записки об островах Уналашкинского отдела. I. 1840, стр. 255. — E. Bertholf. Bering's voyages, I, 1922, p. 336.

Рис. 33. Шумагинские острова. На заднем плане вулкан Павлова на полуострове Аляске.
(Из Harriman Alaska Expedition).

к которому пристал «Св. Петр», был Нагай. По описанию Стеллера, это был, среди восьми окружающих островов, самый крупный: в длину он имел от 3 до 4 немецких миль (т. е. 22—30 км), в ширину, с запада на восток, три или четыре километра. После Беринга Шумагинские острова, и именно Унга, были посещены промышленниками компании Бечевина в 1762 году. Шумагинских островов считается всего 22, из них 15 крупных, прочие небольшие. Самый большой — Унга, потом — Нагай. Они безлесны, покрыты травой, изобилуют нерпой и птицами, особенно ипатками (Fratercula corniculata). В прежнее время на шести островах было двенадцать селений алеутов. Но с течением времени большая часть населения была уничтожена, благодаря междоусобиям и нападениям русских и коняг, т. е. эскимосов с острова Кадьяк, и во времена Вениаминова был обитаем только один остров Унга,[1] на котором в 1833 году было 116 жителей, а в 1890 — 159. На островах из животных водятся выдры, еврашки, норки, лисицы, нерпы, бобры, а на ближайших к Аляске — медведи и олени, из птиц — ары, ипатки, топорки, говорушки, чайки, старички; из растений: шикша (Empetrum nigrum), толокнянка, малина, желтые коренья, ольховник, бузина, тальник, макарша (Polygonum viviparum), сарана (Fritillaria kamtschatcensis).

У вышеупомянутого острова (Нагай) простояли шесть дней, набирая воду. Ночью на одном из соседних островков видели огонь. 30-го для осмотра земли послали на берег Софрона Хитрова, которому велено «то место осмотреть и ежели найдутся люди, чтоб с ними поступать ласкою, чего ради отпущено несколько подарошных вещей, а именно шару [табаку] китайского 1/2 фунта, 5 колокольчиков медных, 160 корольков [бус], 20 игол, 2 аршина красной камки, 5 маленьких зеркал, 5 ножей».[2] Хитров взял с собою также «толмача чюкоцкого и каряцкого языка», но с людьми на острове ему не пришлось встретиться. Кроме того, за водой отправили людей, к которым присоединился и Стеллер. Вода оказалась очень плохой. Стеллер указывал тут же, поблизости, на источник с хорошей водой, но его не послушали, за что он в своем дневнике сильно упрекает офицеров.

На острове он увидел чернобурую лисицу, которая на него залаяла по-собачьи, так что он принял ее сначала за собаку. Много было красных лисиц и масса еврашков, т. е. сусликов.[3] Заметили также на берегу следы как будто крупного волка. Много было водяных птиц,[4] лебедей, два вида урилов,

[1] Вениаминов, I, стр. 255—256, 258.
[2] Журнал Хитрова, стр. 82а.
[3] Вероятно, Citellus parryi.
[4] Steller. Reise, p. 55—56.

т. е. бакланов (большой, Phalacrocorax bicristatus,[1] и малый, Ph. pelagicus), утки, кулики, различные чайки, гагары, из коих одна представляла совершенно особый вид, «гренландские голуби», т. е. чистики (Cepphus columba), «морские попуган (Alca arctica)», т. е. тупики или топорки (Fratercula corniculata), мичагатки (Fratercula cirrata).[2] Из наземных птиц: вороны, мухоловки,[3] подорожники (Schneevögel, Plectrophenax nivalis subsp.), полярные куропатки (Lagopus lagopus). В другой раз[4] на том же острове замечены глупыши (Fulmarus glacialis rodgersi), совершенно черный кулик с красным клювом и такими же ногами;[5] он постоянно кивал головой, как красноногий кулик; затем необычайно красивая гагара, черная с белым,[6] и, наконец, целый ряд удивительных, доселе невиданных птиц, о которых ближе ничего не сообщается. Из рыб видели мальму, рыбу из лососевых, близкую к гольцу (Salvelinus alpinus malma), и рамжу, бычка из группы Cottus (или, по-теперешнему, Myoxocephalus) scorpius, весьма здесь обыкновенную. Деревьев ни на одном из островов не было видно. Росли здесь только низкорослые ивы (тальник) до двух аршин высотой, в большом количестве брусника (rothe Heidelbeere), шикша (schwarze Moosbeere oder Schikscha, Empetrum), затем противоцынготные травы: ложечная трава (Cochlearia officinalis), щавель (Lapathum folio cubitali),[7] горечавка (Gentiana) и др.[8] Стеллер собрал эти противоцынготные растения для себя и для командора. Он просил дать ему матроса, чтобы сделать запас этих трав для всех, но его не послушали.

2. АЛЕУТЫ

Название

Во время стоянки в Шумагинском архипелаге впервые встретились с туземцами. Это были алеуты, которые до сих пор живут на Шумагинских островах. Стеллер и Ваксель называют их просто «американцами». Название алеуты дано

[1] Иначе, Phalacrocorax urile.

[2] На Командорских островах этот вид называется топорком, а Fratercula corniculata носит название ипатки.

[3] Стейнегер (Golder, Bering's voyages, II, 1925, p. 81) полагает, что это были не мухоловки, а мелкие дрозды, Hylocichla guttata (Pallas), известные с Шумагинских островов.

[4] Steller. Reise, p. 76.

[5] По Стейнегеру (l. c., p. 105), это Haematopus bachmani (Audubon), который распространен от Алеутских островов до Нижней Калифорнии.

[6] По Стейнегеру (l. c., p. 106), это Synthliboramphus antiquus; на Камчатке эту птицу (из семейства чистиков) называют стариком.

[7] По Стейнегеру (l. c., p. 84), это Rumex occidentalis Wats.

[8] Там же, p. 58.

этому народу русскими еще в первой половине XVIII столетия, после экспедиции Беринга. Сами они себя называют унанган (Вениаминов, II, стр. 1).

Впервые название алеуты встречается в 1747 году в донесении Нижнекамчатского приказчика в Большерецкую канцелярию о промышленных, посетивших Ближние острова (Атту и Агатту). Здесь говорится: «отпущенный в 1745 г. в морской вояж на незнаемых островах, именно алеуцких, Беляев с товарищи незнаемому тамошнему вновь обысканному народу, без всякой от него противности, самовольно смертное убийство учинили».[1] О происхождении этого названия в той же рукописи (л. 27) рассказывается следующее. В 1747 году промышленный Неводчиков вывез с острова Атту на Камчатку мальчика-алеута, который, пробыв с русскими на острове Атту год, подучился русскому языку. От него были получены на Камчатке первые сведения об алеутах. В объяснении Томнака (или Тамиака, так звали мальчика) сообщается: «веры островитяне никакой не имеют, но слыхал он от стариков своих, что сотворил небо, море и землю и человека живущий на небеси, на их языке Алеукста-Агудах, и они ему кланяются на небо». Полонский полагает, что слово алеукста «могло служить поводом названия [алеутов], которое укоренилось с первого похода промышленников на острова. К такому заключению ведет то, что название это произошло вскоре по возврате в Камчатку первых промышленных с Атту и Агатту, населенных, по их первому донесению, незнаемым чукотским народом, шитыми рожами».

Что значит «алеукста», мне неизвестно; «агудах» же, точнее агугу, у атхинских алеутов было обозначением творца вселенной (Вениаминов, III, стр. 2; у унималашкинских алеутов — агугук, Вен., II, стр. 119). В. И. Иохельсон любезно сообщил мне, что у всех алеутов агудах значит делатель, творец же — агугух, от какового слова агугу есть притяжательный падеж. Значение слова «алеукста» темно для В. И. Иохельсона; окончание его не алеутское; очевидно, слово искажено. Вениаминов (II, стр. 2) высказывает такую догадку: первые алеуты, увидев русских, говорили между собою алик-уая или алиуая — что это? и на вопросы русских, обращенные к ним, отвечали теми же словами; отсюда — название. Это мало правдоподобно.

Некоторые[2] полагают, что название алеут происходит от

[1] См. хранящуюся в архиве Географического общества под шифром Б. V. 3 рукопись А. Полонского. Промышленники на Алеутских островах (1743—1800), л. 27.

[1] Handbook of American Indians, edited by E. Hodge, Bureau Amer. Ethnology, Bull. 30, I, Washington, 1912, p. 36.

чукотского алят — остров, алиют — островитяне. Так как в экспедиции Беринга был переводчик чукча, то возможно, что это объяснение правильно.

Встреча с русскими

Сведения об этом народе, сообщаемые Стеллером и Софроном Хитровым,[1] являются первыми известиями об алеутах, и так как быт их с того времени весьма сильно изменился (они, как известно, давно уже окрещены в православие), то наблюдения членов экспедиции Беринга вдвойне драгоценны. Поэтому мы постараемся не упустить ничего существенного.

4 сентября, в половине пятого пополудни, услышали на берегу крик, который сначала приняли за рев сивучей. Но вскоре увидели две байдарки, направляющиеся к пакетботу. На них было два «американца», т. е. алеута. По словам Хитрова, они «недошед до пакетбота сажен около 50, остановились и кричали своим языком, которого наши, взятые чукоцкого и коряцкого языка толмачи с Камчатки, не разумели». Стеллер счел их крики за молитву или заклинание или за приветственную церемонию. С пакетбота к алеутам обращались по-чукотски и по-коряцки, но они, конечно, ничего не поняли. Когда алеуты приблизились, им знаками предложили взойти на судно. Но они показали рукою на землю, как бы приглашая мореплавателей туда, и при этом указывали пальцем на рот и черпали рукою морскую воду, как бы давая понять, что на берегу найдется пища и вода. «Мы, — говорит Стеллер,[2] — опять помахали им, приглашая к нам и при этом закричали н и ч и, что, по словам барона Лагонтана, в его описании Северной Америки, значит вода.[3] Туземцы повторили это слово несколько раз и снова показали на землю, как бы обещая там воду. Один из них приблизился к судну, вытащил из пазухи какой-то глины, цветом похожей на железо или свинец, и помазал себе ею щеки, воткнул в ноздри пучки травы (через носовые крылья были продеты с каждой стороны тонкие косточки). Позади «американца» на кожаной лодке лежало несколько палок из соснового дерева, формой похожих на биллиардный кий, длиной с сажень, и выкрашенных в красную краску. Он взял в руку одну из палок, прикрепил к ней при помощи рыбьих костей два соколиных крыла и бросил со смехом в воду перед нашим судном —

---

[1] «Журнал», стр. 85а, 86. См. также ниже данные Чирикова, стр. 283.
[2] Там же, p. 64–65.
[3] По сообщению В. И. Иохельсона, вода по-алеутски тáнгах. У Лагонтана (1703) указано альгонкинское слово ниби или нипи (а не ничи), что, действительно, значит вода (см. Golder, l. c., II, p. 91).

не могу сказать, в качестве жертвы или в знак дружбы.[1] В ответ на это, мы прикрепили к дощечке две китайских табачных трубки и немного китайских бус и бросили ему; он взял подарки, посмотрел на них немного и передал своему спутнику, который положил их на свою лодку. После этого туземец стал доверчивее, подошел, хотя и с величайшей осторожностью, еще ближе к судну, привязал к другой палке цельную шкурку сокола и подал ее нашему толмачу-коряку». Ему бросили зеркало и кусок шелку. Приняв подарки, оба стали грести обратно, к берегу, знаками приглашая мореплавателей следовать за ними. Все время, пока островитяне находились возле пакетбота, их товарищи на берегу не переставали зачем-то громко кричать.

Алеуты, несомненно, приняли русских за неземные существа и воздавали им божеские почести. Шкурка сокола была принесена не в знак мира или дружбы, а как жертва. Вениаминов сообщает, что хотя у атхинских алеутов и не было «явного или общего идолопоклонства», но у некоторых «были в скрытых местах и болваны, в человеческом виде во весь рост, называвшиеся «тайягулигук», которым приносили они жертвы, состоящие в краске, шкуре ястреба и тонких жиленных нитках».[2] Уналашкинские алеуты приносили в жертву перья урила, т. е. баклана, или сыча.[3] Алеуты острова Агатту приветствовали приплывших к ним в сентябре 1745 года русских (во главе с Неводчиковым), бросая к ним в бот урилов (очевидно, шкурки или перья бакланов).[4] Через несколько дней на том же острове пожилая женщина «обще с другими дикими обоего пола плясала по бубну и дарила их красками».[5] Это была первая, после Беринга и Чирикова,

[1] Reise, p. 64—65. В донесении сенату Стеллер писал: «оное, сколько я из истории явно, есть знак мира обыкновенного у американцев». У Хитрова в описании этой церемонии есть некоторые различия. Приведем его рассказ. «Из помянутых 2-х байдар одна пришла близко к пакетботу, однакож не пристала к борту. Тогда по приказу господина капитана командора Беринга брошено было от нас, привязав на доске, разных подарочных вещей, а именно, камки красной $5^1/_2$ аршин, 2 малые зеркала, 2 гинзы железные, кораллов китайских 20, медных колокольчиков 5. Оной американец то подарки принял приятно. Напротив того, от себя, видно что в подарок же, бросил к нам 2 тонкие выстроганные палки, [к] коим привязаны были к одной птичьи перья, а к другой птичья нога с перьями ж. Мы оные перья признали соколиными. И как мы то приняли, тогда они погребли на берег и притом беспрестанно кричали и указывали на берег».

[2] Вениаминов. Записки об островах Уналашкинского отдела, III. СПб., 1840, стр. 3.

[3] Там же. II, стр. 122.

[4] П. Паллас. О российских открытиях на морях между Азией и Америкой. Месяцослов истор. и географ. на 1781 г. Перепечатано в Собрании сочинений, выбранных из месяцословов. IV, СПб., 1790, стр. 286.

[5] Паллас, стр. 298. Ср. также Coxe, p. 22.

встреча русских с алеутами. Ниже мы увидим, что и шумагинские алеуты дарили людям Беринга краску.

Вениаминов (III, стр. 18) подтверждает, что атхинские алеуты считали первых русских за существа сверхъестественные, называя их духами или дьяволами (куган); вначале все вещи с разбившихся русских судов они считали заколдованными и бросали их в море или сжигали.[1]

Калюмет

По поводу палки с перьями, поднесенной американцем, Миллер (Сочин. и перев., 1758, II, стр. 217) вспоминает о калюмете (calumet, французское слово, в литературном языке ему соответствует chalumet, от латинского calumus). Действительно, некоторое сходство здесь есть. Калюмет — это пара деревянных или камышевых жезлов длиной от 0.5 до 1.2 м, раскрашенных символическими цветами и украшенных разными символическими предметами; часто жезлы снабжались трубкой («трубка мира») для воскурения табаку в честь богов. Калюмет употреблялся при разного рода церемониях: при заключении мира и договоров, при испрошении дождя и хорошей погоды, для изгнания злого элемента и для получения благорасположения от доброго и т. п. При этом нередко плясали и пели с калюметом в руках. Употреблялась эта эмблема и как знак объявления войны. Калюмет нередко украшался головой утки, перьями совы и орла и пр. Непперіп говорит, что к калюмету иногда прикреплялись два птичьих крыла, что делало его похожим на жезл Меркурия. Впрочем, были и другие способы украшения. Но всегда перья, хвосты, крылья и головы птиц играют самую главную роль. Этот обычай был широко распространен среди североамериканских индейцев от Атлантического океана до Альберты и от Калифорнии до Гудсонова залива (река Нельсон).[2] У эскимосов, насколько мне известно, калюметы в типичной форме не употреблялись. Но Нельсон[3] упоминает о жезлах, украшенных орлиными перьями: их держат в руках женщины во время плясок; они наблюдались у эскимосов от Нортонова залива до Кускоквима.

У алеутов подобные жезлы никем не описаны, кроме спутников экспедиции Беринга. Изображение алеутского жезла имеется в книге Крашенинникова «Описание Земли Камчатки» (I, 1755, при стр. 128) — очевидно, с рисунка

---

[1] Железо, впрочем, они тайком перековывали на ножи, копья и прочее (III, стр. 19).

[2] См. Calumet в Handbook Amer. Ind., I, p. 191—195.

[3] E. W. Nelson. The Eskimo about Bering Strait. XVIII Report Bureau Amer. Ethnology (1896—97), Washington, 1899, p. 415—416, fig. 142—143.

Вакселя. На одной из карт в рукописи Вакселя нарисована алеутская байдарка с сидящим на ней алеутом («ein nord Americaner»); алеут держит в руках жезл, на верху коего прикреплено чучело птицы. Этот рисунок воспроизведен у нас на рис. 34.

Происхождение алеутов

Стеллер высказал предположение, что «американцы», как он называет этот народ, произошли из Азии.[1] Основанием для такого мнения служит Стеллеру сходство, какое, по его

Рис. 34. Алеут с Шумагинских островов в байдарке (1741 г.)
В руках у алеута жезл (калюмет), к которому прикреплена шкурка птицы (рисунок Вакселя).

мнению, имеют алеутские шляпы из древесной коры[2] с шлемами камчадалов и коряков. Вениаминов[3] указывает, что, по всем видимостям, алеуты были первыми насельниками Алеутских островов. Но откуда они пришли, из Америки или из Азии, на этот вопрос, говорит он, с определенностью ответить невозможно. У алеутов Уналашкинского отдела существует старинное предание, что «здешние алеуты пришли с запада, с большой земли, называемой Аляхсхах или Танам-ангунах, которая была местом их происхождения, и что они оттуда перешли на здешние острова и потом, мало-по-малу распространяясь к востоку, наконец достигли нынешней Аляски и далее».[4] Аляхсхах (отсюда — Аляска или, как прежде писали, Алякса) значит «материк», а танам-ангунах —

[1] Steller. Reise, 1793, p. 73.
[2] Ср. выше, рис. 34.
[3] И. Вениаминов. Записки об островах Уналашкинского отдела. I, СПб., 1840, стр. 108.
[4] Там же, стр. 109; см. также II, стр. 271—272.

«большая земля». Вениаминов предполагает (стр. 110), что «большая земля» — это Азия. Алеуты, думает он, могли прийти из Азии: «в ясную погоду с камчатского берега видели Берингов остров, с Берингова — Ближние, а с этих уже можно видеть несколько островов вдруг. И это могло быть указателем их пути». Но все это не более как ни на чем не основанные предположения, равно как и следующие соображения Вениаминова (I, стр. 113): «Алеуты физиономиею своей очень походят на японцев. Это заставляет считать, что они происхождения Монгольского. Приняв это, с большою вероятностью можно предположить, что алеуты произошли на материке, около Японии, и, будучи теснимы другими народами, подвигались к северо-востоку, по Курильской гряде, и наконец или встретясь на Камчатке с другими народами Кадьякского племени,[1] или самими Кадьякцами, или видя, что чем далее к северу, тем беднее места, принуждены были удалиться на здешние острова, предполагаемым путем».

Шренк, который, впрочем, самостоятельных исследований над алеутами не производил, склонен был присоединиться к мнению Вениаминова об азиатском происхождении алеутов[2] и даже причислял этот народ, вместе с эскимосами, к своей группе «палеазиатов».[3]

Напротив, Дол (W. H. Dall, 1877, 1912), известный исследователь Аляски, считает невероятным, чтобы алеуты при тех средствах передвижения, какими они располагали (кожаные байдарки), были в состоянии достичь Алеутских остро-

[1] Обитатели острова Кадьяк — эскимосы. *Л. Б.*

[2] Л. Шренк. Об инородцах Амурского края. I, СПб., 1883, стр. 261.

[3] Там же стр. 262. Палеазиатами Шренк (l. c., стр. 257) назвал азиатские народы, не имеющие определенного места в лингвистической системе северноазиатских народов — тунгусов, турко-монголов, финнов, самоедов. К палеазиатам Шренк относил гиляков, айнов, камчадалов, коряков, чукоч, юкагиров, списсйцев (кетов); сюда же он склонен был причислить и алеутов с эскимосами. Палеазиаты — «это лишь остатки некогда более многочисленных, распространенных и разветвленных племен, так сказать, выходы пластов более древней этнографической формации, над которою вследствие неоднократно повторявшихся наплывов отложились новые формации» (стр. 256—257).

Наименование «палеазиаты» не может претендовать на место в логической системе народов, так как объединяемые этим именем народы имеют лишь то общее, что никакого места в системе им пока указать невозможно. И кеты, и айны одинаково ничего общего не имеют, например, с тунгусами, но объединять поэтому кетов и айнов в одну группу было бы, конечно, совершенно нецелесообразно, ибо классифицировать предметы на основании отрицательных признаков нельзя. Все вышеупомянутые народы можно назвать реликтовыми, потому что каждый из них есть осколок или остаток, или реликт семьи народов, некогда занимавших большую площадь, ныне оторванный от своих родичей и занимающий сравнительно ничтожную территорию. Они аналогичны реликтовым животным и растениям.

вов с запада, тем более, что Командорские острова, до открытия их русскими, были необитаемы.

В 1909—1910 годах В. И. Иохельсон производил археологические и этнографические исследования на Алеутских островах. В своем отчете [1] он, подобно мне (1924), высказывается за американское происхождение алеутов.

Данные, полученные путем раскопок в кухонных остатках на Алеутских островах, к сожалению, не доставили материалов для безусловного ответа на вопрос о происхождении этого народа. Все животные, остатки коих найдены в раскопках, оказались принадлежащими к ныне живущим видам. Таким образом, геологически поселения следует отнести к современной эпохе. Культуру первобытных алеутов, насколько о ней можно судить по раскопкам кухонных остатков, можно сопоставить с культурой европейского нижнего неолита. Но, как мы увидим, в эпоху первой встречи с русскими, в 1741 году, алеуты еще, в сущности, жили в каменном веке, и железо только-что начало проникать к ним.

Уже в самых нижних слоях кухонных остатков обнаружены следы полуподземных жилищ из челюстей кита. Это свидетельствует о древности культурной связи алеутов и эскимосов, каковая связь подтверждается, как указывает Иохельсон, помимо языка, целым рядом других признаков (p. 115): обоим народам свойственны кожаная лодка, гарпун и стрелки, украшения (втулки), татуировка, употребление красок и церемониальных масок, орнамент, способ погребения.

Но так как вопрос о происхождении самих эскимосов пока темен (некоторые выводят их с запада, из Азии), то установление общности культуры алеутов и эскимосов не разрешает вопроса о происхождении алеутов.

Культура алеутов, говорит Иохельсон, носит некоторые черты сходства с культурой северо-западных индейцев: «сюда относится употребление втулок (labret), раскраска лица и некоторые другие приемы украшения. В общем, можно сказать, что особенности материальной и духовной культуры, а также физический склад алеутов указывает на их тесную связь с обитателями Америки, а не Азии» (p. 122).[2]

Если будущие исследователи подтвердят, что алеутский церемониальный жезл есть, действительно, калюмет, то от-

[1] Waldemar Jochelson. Archaeological investigations in the Aleutian Islands. Washington, October 1925, Carnegie Institution of Washington, Publication № 361, IX + 145 стр., 28 табл., 110 рис., 1 карта.

[2] Сами алеуты, как свидетельствует Вениаминов (l. c., II, 1840, стр. 273), «считают своими сродниками кенайцев, чугач, якутатцов и колош». Кенайцы — это одно из подразделений индейцев-атабасков; чугачи — эскимосы; якутаты — одно из подразделений тлинкитов; колоши — это тлинкиты, одна из групп северо-западных индейцев. Ср. выше, стр. 201 сл.

сюда можно будет сделать весьма важные выводы относительно прежнего местообитания алеутов: исконное местожительство алеутов и эскимосов придется искать на материке Америки, где-нибудь в северо-западной ее части, в области, занятой теперь тлинкитами (где Дол нашел следы обитания эскимосов), или же где-нибудь в западной Канаде.

Наружность и одежда

Возвращаемся к наблюдениям Стеллера.

После короткого совещания на судне, решили спустить шлюпку и высадиться на берег. Отправились Стеллер, Ваксель, коряк-переводчик, девять матросов и солдат. С собой взяли пики, сабли и ружье, но все это, чтобы не возбуждать подозрения, покрыли парусиной. Не забыли также сухарей, водки и кое-каких мелочей для подарков островитянам. Из-за ветра, прилива и сильного прибоя у каменистых берегов очень трудно было пристать. Туземцы все, и мужчины и женщины (их трудно было отличить одних от других из-за одинакового одеяния), высыпали на берег, удивленно и вместе с тем дружелюбно смотрели на пришельцев и знаками приглашали пристать. Но это было очень трудно; поэтому велели переводчику и еще двоим из команды раздеться и отправиться на берег по воде. Туземцы приняли их очень дружелюбно, повели, «как весьма важных персон», под руки с великим почтением к тому месту, где сидели, и одарили куском китового жира. К оставшимся же в лодке пригреб один туземец. Его угостили чаркой водки, но он, отведав ее, тотчас выплюнул. «Сей напиток, — говорит Миллер,[1] — был оному гостю совсем незнаемой и неприятной. Выплюнув, закричал он громко, якобы жалуяся своим, как худо с ним поступают. Не было никакого способа к его удовольствованию. Давали ему иглы, бисер, железный котел, табашные трубки и другие вещи, но он не взял ничего, только хотел, чтобы его выпустили на берег, ради чего его и отпустили». Стеллер прибавляет,[2] что туземцу давали покурить, но и табак ему вовсе не понравился.

Наконец, решили вернуться на пакетбот и стали звать переводчика и его спутников. Но алеуты не хотели их отпускать, особенно коряка, который, говорит Стеллер, по выговору и лицом был очень похож на островитян.[3] Алеуты дарили им китового жиру и краски «цвета железа» (для при-

[1] Миллер. Сочин. и перев., 1758, II, стр. 213.

[2] Steller, p. 67.

[3] Хитров в своем «Журнале» говорит об этом так: «они его признали от народа нашего отменного, а себе подданного, ибо он был камчатской природы».

тирания), но когда те, несмотря на это, пытались вернуться к лодке, стали их удерживать насильно, схватив за руки. Другие же, взявшись за канат, на котором был укреплен ялбот, пытались вытащить его на берег. Делали они это, повидимому, без дурного умысла, с целью помочь высадиться.[1] Так как знаками нельзя было добиться, чтобы туземцы оставили ялбот в покое, то пришлось, для острастки, дать залп из трех ружей в воздух. Эффект получился необычайный: алеуты попадали наземь. Этим воспользовались оставшиеся на берегу люди и добрались до лодки. Очнувшись, туземцы с негодованием стали знаками показывать, чтобы пришельцы поскорее убирались прочь, а некоторые схватили камни. Пришлось поторопиться возвращением на пакетбот.

Вскоре началась буря с дождем. Ночью видели огни на берегу.

Наружность «американцев» (т. е. алеутов) Стеллер[2] описывает следующим образом. Они среднего роста, крепкого, коренастого сложения, с мускулистыми руками и ногами. Шея короткая, плечи широкие. Комплекция полная. Сложены в общем хорошо. Длинные, спускающиеся вниз волосы блестяще-черного цвета. Бороды нет или лишь скудная растительность на подбородке: «в этом они опять-таки сходны с обитателями Камчатки и другими восточно-сибирскими туземцами». Лицо буроватого цвета и несколько приплющено. Равным образом и нос несколько приплющен, но не очень широк. Глаза черные, как уголь, губы выдающиеся, шея короткая, плечи широкие. Одеты в рубашки с рукавами, изящно сшитые из китовых кишок. Рубашки (точнее камлейки, как это одеяние впоследствии назвали русские) хватают до икор, у некоторых перевязаны на животе ремнем. У двоих были на ногах сапоги и штаны, изготовленные наподобие камчадальских из тюленьей кожи и выкрашенные ольховой корой в краснобурый цвет. Двое имели у пояса по длинному железному ножу в ножнах, очень плохой работы, повидимому, собственного изготовления.

Вениаминов (II, стр. 6 сл.) дает такое описание наружности лисьевских алеутов: роста они среднего, худощавы,

[1] Шелехов про эскимосов-коняг рассказывает следующее (1783 г., Путешествие, ч. I, 1812, стр. 78): «приезжающих гостей встречают, вымаравшись красною краскою и в лучшем их наряде, колотя в бубны и производя пляску, имея в руках военные свои орудия; а гости подъезжают точно так, как на сражение. Как скоро они приближаются к берегу, хозяева бросаются в море по самые груди. Байдары и байдарки со всем возможным проворством выносят на берег; по том спешат поскорее вынесть гостей из байдар и относят их по одиночке к первому учрежденному для игры месту на своих спинах».

[2] Reise, p. 69—71, 74.

с смуглой кожей и черными жестоковатыми волосами; усов и бороды почти совсем нет, только под старость у многих вырастает небольшая седая бородка; цвет глаз темнокарий, «нос хотя и не короток и не высок, но и не совсем сплюснут»; «скулы лица вообще довольно высунувшиеся и, кажется, едва ли менее якутов» (стр. 10). Камлейки, которые видел на алеутах Стеллер, употреблялись ими только во время поездок на байдарах и изредка на переходах во время дождя. Делались они преимущественно из кишок самых крупных сивучей-секачей, а также из медвежьих, моржовых, китовых кишок. Камлейка шилась в виде длинной рубашки с капюшоном, который во время дождя надевался на голову и затягивался шнурком; также и рукава на концах можно было стянуть шнурком.[1] Обычную же одежду алеутов составляла парка, — спускавшаяся ниже колен рубашка со стоячим воротником; она делалась из птичьих шкур, преимущественно топорковых и ипаточьих, иногда из арьих, за неимением их — из нерпичьих.[2] Обувь алеутов Вениаминов (II, 1840, стр. 214) описывает так: «для обуви ныне употребляются вообще торбаса — род бродней, у которых голенища делаются из горлов или лафтаков сивучьих, к ним пришиваются переда из юфтевой кожи, а подошвы — или из русских кож или из китовых и сивучьих ластов. Прежние торбаса делались без передов — мешком». Но, очевидно, еще во времена Стеллера они делались с передами. С другой стороны, на некоторых островах алеуты совсем не носили штанов и торбасов. Так, промышленники судна «Св. Адриан и Наталия», бывшие на Андреяновских островах в 1761—1764 годах, описывают одеяние здешних алеутов следующим образом: «носят на себе парки морских птиц ар и топорковых кож, которых они промышляют у берега морского сильями усовыми [т. е. силками из китового уса]; да употребляют в камлеи морских зверей, сиучей и нерп кишки; более того в платье ничего не употребляют. Не только в летнее, но и в зимнее студеное время, кроме вышеописанной птичей парки и камлеек-кишошных, штанов, чулков и торбасов, шапок и рукавиц никаких не носят; а когда почувствуют от стужи холодно, то наклав травы зажгут и впустят из-под ног под парку малой жар и тем согреваются. Жены их и дети парки и камлеи носят такие ж, как и на мужиках бывают, а отчасти бобровые».[3]

---

[1] Вениаминов, II, стр. 213.

[2] Там же, II, стр. 212.

[3] Краткое известие о новоизобретенном северном архипелаге. Месяцослов истор. и географ. на 1774 г. Перепечатано в Собрании сочинений, выбранных из месяцословов, III, СПб., 1789, стр. 354—355. О том, что эти данные собраны промышленниками именно в 1761—64 гг., ср. Паллас

Украшения

Продолжаем описание Стеллера.

На лице у американцев были украшения из камня и кости. У одного через носовую перегородку воткнута палочка из сланца длиной дюйма в полтора, наподобие грифеля; у другого вдета кость под нижней губой, у третьего такая же кость имелась во лбу, у четвертого были кости в крыльях носа.[1]

Обычай этот исчез у алеутов уже более ста лет тому назад. Впервые после Стеллера более подробно описали эти украшения русские промышленники, наблюдавшие жизнь алеутов на острове Умнак в 60-х годах XVIII столетия: «у младенцев обоего пола прорезывают над верхнею губою у носу под хрящем тело и нижнюю губу под верхнею губою; в нос навешивают камешки разные, и в губах носят кости, а в ушах на подобие серег, кто что имеет».[2] Левашев, проведший на острове Уналашке зиму 1768/69 года, говорит про здешних алеутов, что мужчины «в нижнюю губу вставливают сделанные из мягкого белого камня, а другие из кости, на подобие больших зубов; и между ноздрей, в хряще, в проколотую нарочно дырочку, кладут какую-то черную траву или кость, на подобие нагелька; а в хорошее время, или во время веселья, в ушах, да и между вставленных зубов в нижней губе, навешивают бисер и янтарики, которые достают с острова Аляксы, меною на стрелы и камлеи, а более войною»;[3] у женщин «в носу, как у мужчин, в хряще продета костяная спица длиною дюйма три с половиною, а на концах оной вокруг рта и на ушах, навешены корольки и янтарики».[4] Адриан Толстых, плававший у берегов Андреяновских островов в 1761—1764 годах, сообщает про вышеописанные украшения, что они обозначают «по их обычаю некоторую благополучность своего рода и жизни», но что «естли отец у сына или муж у жены или кто из роду умрет, то они те кости мужеск и женск пол никогда уже не носят, чрез что подают печальной и не щастливой своему роду вид».[5]

В посещение Сарычевым острова Уналашки, в 1790 году, мужчины уже не носили подобного рода украшений, жен-

---

в Собрании сочинений, выбранных из месяцословов, IV, 1790, стр. 323 сл. См. также Берг. Землеведение, 1924, вып. 1—2, стр. 128—129, 126.

[1] Steller. Reise, p. 74.

[2] Собрание сочинений, выбранных из месяцословов, III, 1789, стр. 360.

[3] (А. Соколов). Экспедиция к Алеутским островам капитанов Креницына и Левашева. 1764—1769. Зап. Гидрограф. департ., X, 1852, стр. 99—100.

[4] Там же, стр. 100.

[5] Л. С. Берг. Из истории открытия Алеутских островов. Землеведение, 1924, вып. 1—2, стр. 128.

щины же прокалывали носовую перегородку, нижнюю губу и уши и вставляли туда косточки, серьги, бисер, а кроме того татуировали лицо.[1] Лангсдорф говорит, что в 1805 году, в его бытность на Уналашке, обычай прокалывать губы и нос стал реже, а татуировка сохранилась только у старух.[2] Во времена Вениаминова ношение подобных украшений уже не практиковалось ни женщинами, ни мужчинами. Татуировка же, которая прежде была в ходу исключительно у женщин, тоже исчезла, хотя Вениаминову еще пришлось видеть женщин с «узорчатыми» лицами.[3] О том, чтобы алеуты (мужчины) прежде носили костяные украшения во лбу, как пишет Стеллер, ни Вениаминов, ни другие авторы не упоминают.

По поводу украшений, носимых «американцами» с островов Шумагина (т. е. алеутами), Стеллер замечает, что, как ему передавали на Камчатке, и среди чукоч есть такие, у которых в носу и щеках вставлены украшения из моржовой кости. Затем Стеллер высказывает предположение, что или чукчи есть американцы, или же среди них находятся американцы (Reise, p. 74). В настоящее время мы знаем, что чукчи никогда не носили подобных украшений, каковые, напротив, в прежнее время были в ходу у эскимосов на берегах Берингова пролива.[4] Дельные замечания по этому поводу сообщает Крашенинников. Он говорит:[5] «народ, которой живет по островам около Чукотского носа, и имеет с Чукчами обхождение [здесь подразумеваются эскимосы острова Диомида в Берингове проливе], с сими людьми [американцами, виденными Берингом на островах, т. е. с алеутами] конечно одного роду: ибо и у оного вставливать кости за красу почитается. Покойной Маиор господин Павлуцкой по бывшем некогда сражении с Чукчами нашел между мертвыми Чукоцкими телами двух человек того народа, у которых по два зуба моржовых под носом были вставлены в нарочно сделанных скважинах: чего ради тамошние жители и называют их зубатыми. А приходили они, по объявлению пленников, не для вспоможения Чукчам, но посмотреть, как они с Россианами бьются».

Миллер, со слов Вакселя, передает, что у американцев на Шумагинских островах «лица красною, а у иных разноцветными красками выкрашены были».[6] Ваксель[7] сообщает, что лица у одних были выкрашены красной, у других синей

[1] Сарычев, II, стр. 17 и таблицы при стр. 16 и 18.
[2] G. Langsdorff. Bemerkungen auf einer Reise um die Welt in den Jahren 1803—07. Bd. II, 1812, p. 37, 38.
[3] Вениаминов, II, 1840, стр. 113.
[4] См. выше, стр. 29—30, 111.
[5] Крашенинников, I, 1755, стр. 126.
[6] Миллер. Сочин. и перев., II, 1758, стр. 216.
[7] Царскосельская рукопись, стр. 89. — Ваксель, 1940, стр. 67.

краской. Это показание чрезвычайно любопытно, хотя, нужно заметить, Стеллер при описании внешнего вида алеутов ничего о раскраске ими лица не говорит. По словам Вениаминова, «алеуты не имели обыкновения раскрашивать себе лица как, например, колоши»,[1] т. е. тлинкиты, у которых раскрашивание лица (а также масок)[2] широко практиковалось при разных торжественных случаях — похоронах, празднествах, перед выступлением в поход и т. п.[3] Но, повидимому, во время религиозных церемоний алеуты раскрашивали себе лица, в пользу чего говорит их обыкновение приносить в жертву, между прочим, и краски. В. И. Иохельсон сообщил мне, что в одном мифе, записанном им на острове Умнаке, рассказывается, как покойному алеуту при погребении положили краски четырех цветов, дабы он на том свете мог раскрасить свое лицо. Ст. Глотов, бывший на Умнаке и Уналашке в 1759—1762 годах, сообщает: «жители Умнака и Уналашки говорят похоже на алеутский язык, железо получают с лесистого острова [подразумевается полуостров Аляска] и из него куют ножи сами; юрты у них земляные, сажен по 40 длины; на Уналашке серебристая с блеском краска, которою лица красят».[4] Кокс (Coxe), впервые напечатавший отчет о посещении Креницыным и Левашевым в 1768 и 1769 годах островов Умнака, Уналашки и западной части полуострова Аляски, передает про здешних алеутов,[5] что они раскрашивают себе щеки полосами голубого и красного цвета (they paint their cheeks with strokes of blue and red). Но здесь, возможно, идет речь о татуировке, при которой узор притирался краской. Левашев ничего не говорит, чтобы в его время (1768—1769) алеуты-мужчины на Уналашке раскрашивали себе лица, про женщин же передает, что у них «щеки поперек ряда в два или три вытканы и натерты из-синя краскою».[6] Точно так же Паллас, описывающий быт алеутов Лисьих островов по данным тех же Креницына и Левашева, сообщает, что женщины «на лице, на спине,

[1] Вениаминов, II, 1840, стр. 112.

[2] Маски были в употреблении и у алеутов во время торжественных плясок. Их описывает Толстых в 1761—1764 гг. на Андреяновских островах (Берг. Землеведение, 1924, вып. 1—2, стр. 132); они употреблялись здесь еще в 30-х годах XIX столетия (Вениаминов,, III, 1840, стр. 3).

[3] К работе Fr. Boas, Facial paintings in the Indians of Northern British Columbia. Mem. Amer. Mus. Nat. Hist., II, 1898, p. 13—24, приложен целый атлас, изображающий различные типы раскраски лица у индейцев хайда.

[4] Полонский. Перечень путешествий русских промышленных в Восточном океане с 1743 по 1800 г. Рукопись в архиве Географ. об-ва (шифр Б. V. 2), л. 28б. См. также Щукинский сборник, вып. 5, М., 1906, стр. 153.

[5] Coxe. Account..., 1780, p. 257 (ср. также p. 169).

[6] Левашев. Зап. Гидрограф. департ., X, стр. 100.

на руках и под мышками выводят разные узоры, которые сперва накалывают иглою, а потом натирают некоторою черною глиною».[1] По словам Веніаминова (II, стр. 113), «главные расположения такого шитья или накалывания были у всех [женщин] почти одинаковы и обыкновенно вышивались: вся борода, две полосы поперек лица от одной щеки до другой через нос, две полосы по бакенам и одна вдоль носа».

К описанию наружности шумагинских алеутов Миллер,[2] со слов Вакселя, прибавляет, что «нос у них заткнут был травою, которую иногда вынимали, и тогда истекало из него множество мокроты, кою языком облизывали». О траве в носовом хряще упоминает, как мы видели, и Левашев.

Стеллер неправильно думал,[3] что «американцы» оседло живут на материке, на острова же являются лишь для промыслов, ибо здесь, полагал он, за отсутствием леса, нет ни топлива, ни строительных материалов. На самом деле алеуты живут и жили оседло на Шумагинских островах. Особенной нужды в лесе они не испытывают. Вместо дерева уналашкинские раньше употребляли для столбов, перекладин и стропил ребра больших китов,[4] а также пользовались выкидным лесом.[5] Почти всё едят сырым, кроме трески,[6] так что топить для варки приходится очень мало. По сведениям, собранным судном купца Толстых на Андреяновских островах в 1761 году, здешние алеуты «живут в подземельных пещерах, в коих и зимою огня не разводят... В чрезвычайные же морозы жгут только сухую траву и греют около огня свое одеяние».[7] Сарычев, бывший на Уналашке в 1790 и 1792 годах, говорит, что алеуты огонь в юрте разводят очень редко, а для освещения и отопления жгут в каменных плошках китовый жир. «Сим огнем не токмо освещают юргу, но и согревают себя во время холоду, ставя плошку под платье и закрывая ворот у парки, отчего теплота не может выходить вон, и через несколько минут под платьем бывает так тепло, как в бане».[8]

---

[1] Собрание сочинений, выбранных из месяцословов, IV, 1790, стр. 367. Между тем про эскимосов о-ва Кадьяк Глотов, зимовавший здесь в 1762—63 гг., сообщает, что они «лицо иногда красят красками» (Собр. соч. из месяц., III, стр. 357).

[2] Сочин. и перев., 1758, II, стр. 215 — Вакселъ, 1940, стр. 66.

[3] Steller. Reise, p. 75.

[4] Веніаминовъ, II, стр. 210—211, 204—205.

[5] Левашевъ, в Зап. Гидрограф. департ., X, стр. 101 (Уналашка). — Сарычевъ, II, стр. 14, 157 (там же). — Langsdorff, II, p. 30 (там же).

[6] Веніаминовъ, II, стр. 233. Ср. также Левашевъ, стр. 101.

[7] Паллас, I, с., стр. 327—328.

[8] Сарычевъ. Путешествие, II, 1802, стр. 158. Ср. также Собр. сочин., выбранных из месяцословов, ч. III, СПб., 1789, стр. 354—355 (Андреянов-

Таким образом отсутствие леса на Алеутских островах не препятствовало алеутам жить здесь оседло.

Железо у алеутов

Выше мы уже говорили, что у алеутов были замечены железные ножи. Миллер (Сочин. и перев., 1758, II, стр. 215), со слов Вакселя, пишет об этом следующее: «Один американец имел на боку у себя нож повешенной, которой, для особливого его виду показался нашим яко вещь диковинная. Длиною был он до 8 дюймов, к концу же не востер, но широк и весьма толст. Не можно угадать, к чему такой нож употребляется». Стеллер просил своих спутников обменять один из ножей на имевшиеся на пакетботе ножи, но его не послушались. А между тем, говорит он, может быть удалось бы узнать, с каким народом островитяне имеют сношения. Стеллер уверяет, что он очень хорошо рассмотрел нож, когда один из американцев вынул его из ножен, чтобы разрезать пузырь: «можно было видеть, что он сделан из железа и притом не европейской работы; очевидно, американцы не только имеют железную руду, каковой нет на Камчатке, но умеют ее плавить и обрабатывать» (p. 70).

По этому поводу нужно заметить следующее. До прихода европейцев американским туземцам не была известна плавка. Медь, железо, золото и серебро они обрабатывали холодным способом. Притом железо было очень мало распространено; эскимосы Смитова пролива (Гренландия) во времена Росса (Voyage of Discovery, 1819) пользовались метеорным железом.[1] Туземцы восточных штатов и местами на юго-западе Сев. Америки изготовляли холодным способом, без плавления, путем одной обивки, как из камня, грубые орудия из гематита (железная руда), но я не имею никаких сведений о том, чтобы в северо-западной Америке пользовались метеорным железом или гематитом. Сравнительно большим распространением пользовалась медь, которая в Аляске в самородном виде встречается по р. Медной.[2] Как мы уже упоминали (стр. 111), американские эскимосы на берегах Берингова пролива вплоть до 80-х годов XIX столетия пользовались орудиями из камня и кости, хотя железо им было известно, вероятно, еще с конца XVII столетия. В небольшом количестве железные копья и такие же топоры амери-

---

ские о-ва; «для тепла же никогда зимою и летом не топят»), стр. 362 (о-в Умнак). — Левашев, стр. 102—103 (о-в Уналашка).

[1] Handbook Amer. Indians, I, p. 615.

[2] Ibidem, p. 346.

канские эскимосы получали от чукоч с азиатского берега Берингова пролива.[1]

О такого рода торговле слыхал и Стеллер. Он говорит, что чукчи ведут торговлю с Америкой «через посредство обитателей островов» (имеются в виду эскимосы островов Диомида, или Гвоздева, в Беринговом проливе), они сбывают «американцам» (т. е. эскимосам) ножи, топоры, пики, все из железа, в обмен на морских бобров, куниц и лисиц. Железные товары чукчи получают по дорогой цене от русских в Анадырске и им же сбывают иногда американские меха.[2]

Не исключена возможность, что алеуты получали русские ножи через посредство эскимосов.[3] Хотя регулярных торговых сношений у алеутов с эскимосами, повидимому, не было, но во время взаимных нападений они могли заимствовать друг у друга предметы материальной культуры.

Отметим также сообщенное выше (стр. 237) известие Глотова (1759—1762) насчет того, что жители Уналашки получают железо с востока и сами куют из него ножи.

Давыдов говорит, что эскимосам-конягам, живущим на о-ве Кадьяк, железо было известно задолго до прихода русских: «они находили иногда железные вещи, выкидываемые морем на берег, и весьма ими дорожили».[4] Про атхинских алеутов Вениаминов (III, стр. 18—19) передает, что они задолго до прибытия русских находили на берегах железные и медные вещи. Очевидно, это железо происходило с разбившихся судов европейских или японских. Выше мы привели передаваемое Вениаминовым предание алеутов, которое говорит о судне, доставившем им железо. Японские суда, как мы видели выше (глава XIII), нередко терпели крушение у берегов Камчатки и Алеутских островов.[5] К этому прибавим еще следующее. Вывезенный в 1747 г. промышленниками с острова Атту алеутский мальчик показал в Камчатке, что на памяти его приходили к ним на остров Атту на неболь-

---

[1] Северный архив, ч. XVIII, СПб., 1825, стр. 195—201. См. также выше, стр. 111.

[2] Steller. Reise, p. 71.

[3] От эскимосов же алеуты могли задолго до Беринга получить сведения о русских. Вениаминов (20-е и 30-е годы XIX ст.) сообщает следующее (II, стр. 124): «алеуты-старики уверяют, что некоторые из знаменитых шаманов еще задолго до прибытия русских предсказывали, что придут к ним из-за край-моря белые люди другого обычая».

[4] Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова. Ч. II, СПб., 1812, стр. 103. Ср. также Holmberg, p. 101.

[5] О влиянии кораблекрушений на распространение железа среди примитивных народов см. T. A. Rickard. Drift iron, a fortuitous factor in primitive culture. Geogr. Review, XXIV, 1934, October, p. 525—543.

ших судах, об одном парусе, люди в длинном, пестром, шелковом и бумажном платье; головы у них до половины бриты, а оставшиеся назади волосы заплетены в косы.[1] Очевидно, это были китайцы (если только тут нет недоразумения). Тот же мальчик передавал, что в давних годах на Атту приходило какое-то судно, с которого люди давали им железо, иглы и листовой табак, а брали бобровые кожи.[2]

Таким путем алеуты могли познакомиться с железом.

Как бы то ни было, до прихода русских железные орудия среди алеутов были большой редкостью. Вениаминов (II, стр. 106, 239), упоминая о «прежних» орудиях алеутов, называет «каменные ножи и кинжалы», но не говорит о железных. На одном из крупных Алеутских островов (а на каком — неизвестно) судно Серебрянникова застало в 1753 году у алеутов железные ножи: «ножи их были почти все каменные, и редко кто имел железные; оружия не знали они никакого, кроме стрел с каменным или костяным востреем, кои спускали они с особливой деревянной дощечки».[3] У алеутов Андреяновских островов в 1759 году не было никаких железных вещей.[4] Замечательно, что еще в первой половине XIX столетия алеутские железные топоры прикреплялись к ручке совершенно, как каменные, при посредстве ремней.[5] Сарычев (1792) говорит про уналашкинских алеутов, что они «ножи и топоры получают от русских, только настоящих топоров употреблять не умеют, а делают их по-своему, привязывая к ним деревянную рукоятку, так что

[1] А. Полонский. Перечень путешествий русских промышленников в Восточном океане с 1743 по 1800 г. Рукопись из архива Географ. общ. (шифр Б. V. 2), л. 14.

[2] Там же. — Это рассказ путанный; повидимому, мальчика плохо понимали. Вот его слова в передаче Полонского: «кроме Атту, Агату и Семича, есть еще о-в Сабия, он же Салащ. Земля та великая, на ней леса довольно и жителей множество, люди же подобием русским и имеют огненное оружие и книги и поклоняются, как и они, с крестом, а называют их на их языке куг. С той земли приходило в давних годах на Атту небольшое судно и стояло в р. Атт. Люди с него брали с острова разных цветов краски, которых там довольно, а более всего белую руду, похожую на серебро, которая находится и на сопке, близ их жила, плитками; от алеутов они брали бобровые кожи, за то давали недельное железо, иглы и предлагали листовой табак, только его алеуты не брали, не понимая в нем тогда никакой силы». О показаниях этого алеута см. также у Палласа, I. с., стр. 284—285. Можно было бы думать, что наименование куг относится к курильцам (кужи, куги), но следует иметь в виду, что похожие местные названия носили дальние алеуты; так, жители, Унги и все прочие до Унимака называются каган-таягунгин (люди восточные), алеуты островов Креницына и части Уналашки—кингигун (северо-восточные), обитатели Четырехсопочных островов — акуган или акугун, крысьевцы—кагун и т. д. (Вениаминов, II, стр. 2—3).

[3] Паллас. Собрание сочинений из месяцословов, IV, стр. 310.

[4] Там же, стр. 319.

[5] Вениаминов, II, стр. 249.

ими как шляхтою можно только шляхтить, а не тесать или рубить; большие же деревья колют обыкновенно деревянными клиньями».[1]

Давыдов, бывший на острове Кадьяк в 1802—1803 годах, и про эскимосов-коняг сообщает, что они делали в то время железные топоры наподобие каменных.[2]

Байдарки

Лодки американцев (т. е. алеутов) Стеллер (Reise, p. 68—69) описывает следующим образом. Они имеют приблизительно 4 м в длину, 60 см в вышину и столько же в ширину по верху; спереди, к носу заострены, сзади борты сходятся углом. Повидимому, остов состоит из двух продольных шестов, на концах прилаженных друг к другу, а кроме того соединенных поперечными перекладинами. Снаружи корпус покрыт кожами, как кажется, тюленьими, и выкрашен в темнобурый цвет. Внизу, повидимому, прилаживается киль, который впереди соединен с носом вертикальной перекладиной[3] из дерева или кости. Приблизительно в 1.5 м от кормы находится круглое отверстие, с оторочкой из китовых кишок; при помощи шнурка, продетого через рубец, эту оторочку можно затянуть и снова распустить. Сев в лодку и вытянув вперед ноги, «американец» стягивает оторочку вокруг тела и укрепляет ее при помощи петли; таким образом вода не может проникнуть внутрь. За гребцом на лодке лежат привязанные с десяток палок, выкрашенных в красную краску, — точно таких же, что раньше туземцы доставили на судно в первую встречу, — для какой цели, Стеллер не мог догадаться, может быть, для починки остова лодки на случай поломки. Лодка так легка, что на суше американец несет ее, вставив правую руку в дыру. Весло, длиной в сажень, представляет собой жердь, на обоих концах коей имеется по лопасти, шириной в поперечник ладони; этим веслом он гребет попеременно то на правой стороне, то на левой и передвигает лодку даже на сильном волнении с большой ловкостью.

Это описание алеутской байдарки совершенно правильно. На карте Вакселя изображен «американец в нерпечей кожаной лотке» (см. выше рисунок на стр. 229). Крашенинников в своем «Описании Земли Камчатки» (1755) одну из глав первого тома посвящает Америке, сообщая сведения по данным Стеллера; на двух таблицах при стр. 128 изображены:

[1] Сарычев, II, стр. 159.

[2] Двукратное путешествие Хвостова и Давыдова, II, 1812, стр. 103—104.

[3] Фордерштевень. Он не обшивался кожей.

«американец в байдаре» и «американская байдара» — с рисунков Вакселя. Более новое изображение алеутской лодки с Уналашки можно видеть у Сарычева, во втором томе его «Путешествия» (II, 1802, при стр. 162); оно совершенно отвечает описанию Стеллера.

Вообще, путешественники не находят достаточно слов для похвал алеутской байдарке. Так, Вениаминов (II, 1840, стр. 244) говорит: «байдарка Алеутская столь совершенна в своем роде, что и самый математик очень не много и даже едва ли что-нибудь может прибавить к усовершенствованию ее морских качеств». Приводим, для сравнения с Стеллеровым, описание уналашкинской байдарки, какое дает Вениаминов (II, стр. 219—228). Прежде для выхода в море алеуты пользовались лишь однолючными байдарками (т. е. с одним отверстием вверху), двулючные они употребляли лишь для перевоза легкого груза или для выезда в море старика с малолетним. Но считалось позором молодым и здоровым гребцам отправиться в море для промысла бобров на двулючной байдарке. Трехлючные же — есть нововведение, принадлежащее русским. Длина однолючной байдарки 4—5 м, ширина около полуметра, вышина около 20 см. Это, таким образом, очень длинные, узкие и низкие лодки, необычайно легкие и быстроходные. Основа байдарки есть верхняя рама (или шесты), с несколькими поперечными распорками (бимсами); к концам она сведена вместе. Наибольшая ширина ближе к носу. С нижней стороны рамы приделывается киль, который всегда состоит из трех частей, для того чтобы байдарка, как говорят, изгибалась на волне. Затем к килю прикрепляются штевни и ребра, или лучки (шпангоуты), из ивовых и ольховых палок, в расстоянии друг от друга от 8 до 18 см, и на них сверху, вдоль байдарки, накладывается несколько шестиков. Для скрепления отдельных частей служит китовый ус. Теперь «решетка» (остов) готова, остается только обшить ее. Обшивка, из сивучьих или нерпичьих (тюленьих) кож, покрывает байдарку сплошь, исключая фордерштевень и, конечно, люк, куда должен садиться ездок. Внутри нет никакой обшивки, но, когда садятся в байдарку, вниз кладут старый лавтак, подстилку и груз. Обшивку для прочности смазывают жиром, но все же она не выдерживает и года. К люку прикрепляются обтяжки (или цуки), которые защищают от проникновения воды внутрь. Их делают из сивучьих кишок или горла; вышиной обтяжка от 35 до 50 см; нижняя оторочка ее прикрепляется к байдарке китовым усом, а верхнюю гребец затягивает под пазухой шнурком из жилы и перехватывает через левое плечо. Весло для байдарки всегда делается двулопастным, длиною от 1.8 до 2.1 м, смотря по росту гребца, и, по возможности, из ка-

лифорнийской чаги, как самого легкого дерева (на двулючных байдарках бывают и однолопастные весла). Во время гребли весло держат по середине и гребут на обе стороны, то верхнею, то нижнею лопастью. К числу необходимых вещей при байдарке принадлежит пузырь, т. е. вычищенный сивучий или нерпичий желудок, который нужен в том случае, если лодка опрокинется; держась за пузырь, можно перевернуть лодку килем вниз, отлить воду и даже починить обшивку; или, при ветре, надутый пузырь поддерживает байдарку, даже если она и полна воды. Парусов на байдарках никогда не употребляли. Управляют алеуты байдаркой с величайшим искусством; «никакая, — говорит Вениаминов, — сила ветра, ни волнение, ни даже не всякой толчок посторонней силы, если только Алеут видит их, не опрокинут его, лишь бы только весло у него было в руках». Единственно, чего опасается алеут, это прибоя и сулоя в проливах. По словам Вениаминова (II, стр. 220), в прежние времена алеутские байдарки были еще лучше: они были так легки, что семилетний мальчик мог переносить их, столь узки и острокильны, что без седока не могли держаться на воде, столь быстры на ходу, что «не отставали от птиц». Алеуты могут на байдарке в час пройти до десяти километров. Никакая шлюпка догнать их не в состоянии. Напротив, алеуты догоняют судно, идущее по четыре мили в час.

Сарычев (II, 1802, стр. 159) говорит, что для изготовления одной байдарки нужен был целый год.

Окрашенные в красный цвет заостренные палки, о которых говорит Стеллер, это древки стрелок для охоты на морских бобров. Они изображены Сарычевым (т. II) на таблице при стр. 160, а на другой таблице (при стр. 162) их можно видеть лежащими в виде связанного пучка на лодке впереди и позади гребца; они кладутся в ремешки, прикрепленные к байдарке. Стрелки окрашивают красною краскою, которую достают в скалах и разводят на собственной сукровице; от этого краска не смывается ни дождем, ни морской водой (Сарычев, II, стр. 161). На всякой байдарке прежде всего находились несколько бобровых стрелок, которые не снимались даже на берегу. [1]

Алеуты, охотившиеся на морских животных, не пользовались луком. Ни Стеллер, ни Чириков, ни Толстых (1760—1764) не упоминают о луке; последний даже определенно говорит о том, что алеуты Андреяновских островов «ружья и луков не имеют», а для метания стрел употребляют метательную дощечку: «имеют стрелы строганые раз-

[1] Вениаминов, II, стр. 249 (см. также стр. 247—248).

ной длины, по четыре и с половиною по четыре фута, на концах врезывают каменные и костяные носки с зазубринами, острые, которыми бросают из доски, сделанной на то нарочно с небольшою скважиною».[1] Но на полуострове Аляске, охотясь за сухопутными животными, алеуты, подобно эскимосам, пользовались, как свидетельствует Иохельсон,[2] луком.

Шляпы

5 сентября к судну Беринга снова пригребли в байдарках девять американцев с такими же криками и церемониями, как и в первый раз. Из них только двое приблизились к судну, и, не всходя на палубу, передали подарки: краску «цвета железа» и жезлы с соколиными перьями, или, по описанию Миллера (стр. 217), «свой мирный знак, состоящей из пятифутовой палки, у которой на верхнем и тонком ее конце привязаны были всякие перья беспорядочно». На головах у американцев были шляпы из древесной коры, выкрашенные в зеленый и красный цвет. Они имели целью, говорит Стеллер (p. 73), защитить глаза от солнца, ибо темя они оставляли совершенно непокрытым. Под шляпой, над лбом у некоторых были воткнуты пестрые соколиные перья, у других — пучки травы. Подобного рода шляпы, по словам Стеллера, носят камчадалы и коряки, у которых и приобретено несколько штук для кунсткамеры. «Судя по этим шляпам, можно думать, что американцы произошли из Азии» (p. 73).

С судна стали знаками показывать, что хотели бы получить одну такую шляпу. Алеуты передали две, за что их отдарили ржавым железным котлом, пятью иголками и пронизком. К одной шляпе был прикреплен вырезанный из кости небольшой «идол» в виде сидящей фигуры с пером вместо хвоста.[3]

Шапок алеуты, как известно, прежде не носили. Атхинские алеуты даже звали русских салигугин, т. е. с покрытой головой или шапочниками (Вениаминов, III, стр. 19). Но при поездках на байдарках они употребляли оригинальные деревянные шляпы, имевшие, по словам Вениаминова (II, стр. 218),

[1] Л. Берг. Землеведение, 1924, вып. 1—2, стр. 131.

[2] W. Jochelson. Archaeological investigations in the Aleutian Islands. Washington, 1925, p. 12. Ссылаясь на таблицу при стр. 304 у Golder, Bering's voyages, I, 1922, где на рисунке *H* изображен алеутский лук. Иохельсон (l. c.) говорит, что во времена Чирикова (1741) алеуты Андреяновских островов имели луки; но это неверно: таблица у Гольдера заимствована не у Чирикова, а из рукописи Левашева, плававшего в 1767—1768 гг. и посетившего, между прочим, и полуостров Аляску.

[3] У Хитрова: «резной маленькой статуй наподобие вида человеческого».

назначение защищать глаза от морских брызг. Эти деревянные шляпы были двух типов: глухие и с открытым верхом. Первые делались из корня какого-либо дерева, раскрашива-

Рис. 35. Алеуты на о-ве Умнак (1909 г.) в камлейках из нерпичьих кишок. (Из Нохельсона, 1909).

В руках алеуты держат стрелки с костяными наконечниками для охоты на морских бобров. На голове деревянные козырьки.

лись красками (узорами в виде продольных полос) и украшались сивучьими усами, корольками и резными костяными фигурками.[1] Шляпы эти нередко были сильно удлиненные,

[1] Вениаминов, l. c. См. также описание Левашева шляп с Уналашки, 1768—69 гг., Зап. Гидрогр. департ., X, стр. 99.

отчего Чириков и называет их «жолобками».[1] По свидетельству Вениаминова, они у алеутов ценились очень дорого, лучшая стоила от одного до трех калгов, т. е. рабов, и носили их лишь тойоны (начальники) и почетные лица.[2] Шапки же с открытым верхом, о которых упоминает Стеллер, есть не что иное как большие и длинные козырьки, надеваемые поверх камлейки. Они иногда тоже украшаются сивучьими усами, корольками и костью.[3] Изображение алеута с Уналашки в подобной шапке есть у Сарычева, в томе II, при стр. 16.

Пища

Ваксель (1940, стр. 67) сообщает, что видел у алеутов китовый жир. «Они едят также различные травы и дикие корни, которые в моем присутствии выкапывали из земли, очищали от песка и поедали сырыми». По словам Вениаминова (II, 1840, стр. 229), главную пищу алеутов в его время составлял жир морских зверей, преимущественно китов. Но кроме того ели рыб, моллюсков и других морских животных. А из растений — шикшу (воронику), малину, страну (о ней см. выше, стр. 72—73), макаршу (Polygonum viviparum), морскую капусту (водоросли). Любимыми кушаньями были шикша (ягода) с жиром, головы рыб с жиром, юкола (вяленая рыба) с китовыми жиром и мясом.

Получив подарки, туземцы вернулись на берег, развели здесь большой огонь и некоторое время громко кричали.

6 сентября пакетбот снялся с якоря и вышел в море, что американцы опять ознаменовали дружным криком. «Сие не меньше почитать можно за дружественное засвидетельствование, коим они нашим благополучного пути желали, как за радостное восклицание, что от незнаемых гостей избавились», говорит по этому поводу Миллер.

Ветер был благоприятный, и к двум часам пополудни удалились от Шумагинских островов настолько, что потеряли

---

[1] Изображение такой алеутской шляпы в красках, из коллекции Русск. этногр. музея, есть в работе: Ф. К. Волков и С. И. Руденко. Этногр. коллекции из бывших росс.-амер. владений. Матер. по этногр. России, I, 1910, табл. IX, посредине (ср. там же, стр. 41). Еще в 1909 г. В. И. Иохельсон видел такие старинные шляпы у двух стариков-алеутов на острове Умнак. См. W. Jochelson. Proc. XVIII Intern. Congress of Americanists, London, p. 336, pl. II, где изображены два алеута в шляпах и камлейках. Ср. рис. на стр. 246.

[2] Langsdorff (Bemerkungen auf einer Reise um die Welt. II, 1812, p. 37) говорит, что приобретенная им на Уналашке в 1805 г. шляпа оценивалась в 80 руб.

[3] Вениаминов, l. c.

из виду берег. Отметим, что через три дня после этого, 9 сентября, у острова Адак и корабль Чирикова встретился с алеутами.

3. ПЛАВАНИЕ ОТ ШУМАГИНСКИХ ОСТРОВОВ К ОСТРОВУ БЕРИНГА

От Шумагинских островов плыли все время на запад, вдоль цепи Алеутских островов, на некотором расстоянии к югу от них. Когда удавалось увидеть землю, считали, что все время плывут вдоль материка Америки, а острова принимали за прибрежные.

8 сентября разразилась сильная буря, которая привела офицеров «Св. Петра» в большое уныние. Стали сомневаться, удастся ли вернуться домой, и начали раздумывать, не придется ли зазимовать в Японии или в Америке.

18 сентября замечены на пролете большие стаи мелких куликов, тянувших на юго-запад. 24 сентября оказались приблизительно под 51° с. ш. близ острова Атха, одного из Алеутских, наименованного островом св. Иоанна. Ветер все крепчал, достигая необычайной силы; волны переливались через палубу. В течение последующих трех недель Берингу нисколько не удалось продвинуться к западу. Штурман Эзельберг, старик, плававший пятьдесят лет по всем морям и океанам, говорил, что ни разу в жизни не видал такой жестокой бури, какая разразилась 27 сентября.

Утром 30 сентября снова поднялась от юго-запада страшная буря, какой не видели ни до этого, ни после. Более сильной бури, по словам Стеллера, себе даже и нельзя представить. Каждую минуту ждали гибели судна. Никто не мог ни лежать, ни сидеть, ни стоять. Управлять судном не было никакой возможности, и его носило по воде «равно как колоду, оставленную во власть волнам и ветрам». Половина команды была больна и лежала, прочие же были без ума от ужасной качки. Варить не было возможности, и приходилось питаться полуобугленными сухарями, которые к тому же были на исходе. «Не подумайте, — говорит Стеллер (р. 83),— что я преувеличиваю наши бедствия: поверьте, что самое красноречивое перо не в состоянии было бы передать весь ужас, пережитый нами».

1 октября буря продолжалась. Офицеры стали говорить о том, что следовало бы поискать убежища в Америке. В этот день, как и 24 сентября, Стеллер заметил на судне огни св. Эльма или, по его выражению «die ignes lambentes oder Castor und Pollux, welche die Seeleute Mohrfeuer nennen»; [1] того же числа наблюдалось необычайно быстрое дви-

[1] Steller, p. 83—84.

жение облаков, которые во время бури бежали, как стрела, причем иногда в противоположных направлениях. Стеллер имеет здесь в виду верхние и нижние облака. 2 октября начало стихать, но зыбь на море продолжалась еще целые сутки. Ветер продолжал дуть с юго-запада. 6 октября впервые около судна увидели много акул. 8-го опять началась буря с юго-восточным ветром, который спустя два часа повернулся с запада; 9-го шли весь день на северо-восток, т. е. обратно к Америке. Буря продолжалась и 10-го. Ваксель стал убеждать командора, болевшего цынгой, направить курс к Америке, чтобы перезимовать там. Но командор не дал своего согласия на это.

11 октября начало стихать. 12-го вечером поднялась буря с юго-западным ветром, снегом, дождем и крупой; видели радугу. 25-го, под широтой около 51°, видели на севере высокий остров, названный в честь св. Маркиана, — ныне, по определению кап. Бертольфа, Кыска, один из Крысьих островов Алеутской гряды. 28-го открыли остров св. Стефана (или Булдыр[2]), другой из той же группы, а 29-го — о-в Авраамия, под $52^1/_2°$, самый восточный из островов Семичи, относящихся к группе Ближних.

От недостатка воды и провизии и от ужасной качки больные стали очень быстро, один за другим, умирать. Беринг болел цынгой и лежал, а судном управляли Ваксель и Хитров.

В своем дневнике Стеллер не перестает возводить на них самые разнообразные обвинения, вроде того, что Ваксель и Хитров «предали и продали» всех, но все это решительно ни на чем не основано и свидетельствует лишь об очень скверном характере этого натуралиста. Напротив, нужно удивляться, как это, несмотря на неслыханные бури, болезни и бедствия, офицерам «Св. Петра» удалось все время держать счисление сравнительно в порядке и привести судно если не к самой Камчатке, то в непосредственную близость к ней.

«В нашей команде, — пишет Ваксель (1940, стр. 70), оказалось теперь столько больных, что у меня не оставалось почти никого, кто мог бы помочь в управлении судном. Паруса к этому времени износились до такой степени, что я всякий раз опасался, как бы их не унесло порывом ветра. Заменить же их другими, за отсутствием людей, я не имел возможности. Матросов, которые должны были держать вахту у штурвала, приводили туда другие больные товарищи, из числа тех, которые были способны еще немного двигаться.

[1] Golder. Bering's voyages, I, p. 201, 339; II, p. 124. Соколов (1851, стр. 395) считает о-в Маркиана за Амчитку, а Стефана—за Кыску.

Матросы усаживались на скамейку около штурвала, где им и приходилось в меру своих сил нести рулевую вахту. Когда же вахтенный оказывался уже не в состоянии сидеть, то другому матросу, находившемуся в таком же состоянии, приходилось его сменять у штурвала. Сам я тоже с большим трудом передвигался по палубе, и то только держась за какие-нибудь предметы. Я не мог ставить много парусов, так как в случае необходимости не было людей, которые могли бы их снова убрать. И при всем том стояла поздняя осень, октябрь, ноябрь с сильными бурями, длинными темными ночами, со снегом, крупой и дождем».

Наконец, утром 4 ноября, милях в 16 расстояния, увидели перед собой высокую землю. В это время судно было в отчаянном положении. Каждый день по одному или по двое умирало от цынги. Снасти изорвались. Сухарей не было, а воды очень мало. «Невозможно описать, — говорит Стеллер, — как велика была радость всех, когда увидели землю. Умирающие выползали наверх, чтобы увидеть ее собственными глазами». Даже больной капитан-командор поднялся... Открывшаяся земля казалась Камчаткой, и именно окрестностями Авачинской губы. Все хотели верить этому, видели даже в очертаниях берега вход в гавань, Шипунский мыс, даже маяк. На самом деле, «Св Петр» был в виду острова Беринга, того самого, на котором несчастный командор нашел свою могилу и который отстоит на 2° севернее и на 8° восточнее Авачинской губы...

К моменту подхода к острову на судне все ванты оказались перебитыми, и парусами управлять нельзя было; из экипажа 12 человек умерли, 34 были больны цынгой и к работе не способны, остальные 10 только при величайшем напряжении могли управляться с судовыми делами. Все, кто был на ногах, и офицеры и нижние чины, собрались в каюте Беринга и постановили итти к берегу, все равно, есть ли там удобное для стоянки судна место или нет, хотя Беринг, поддерживаемый Овцыным, советовал попробовать еще поискать гавани. Бросили якорь у открытого каменистого берега, но канат лопнул, и пакетбот понесло к берегу. Каким-то чудом волны, подхватившие судно, поставили его совершенно невредимо в спокойную лагуну, между грудою камней и берегом, на глубине $4^1/_2$ саженей.

Это было вечером 5 ноября 1741 года по гражданскому счислению.[1]

Вот сухая, дословная выписка из веденного Софроном

[1] Стеллер, пользующийся гражданским счислением, почему-то приводит 6 ноября.

Хитровым судового журнала «Св. Петра» о событиях накануне крушения:

«4 ноября 1741 г. 7 час. веч.,[1] ветер ONO, курс N, у марсели взяли последний риф, ветер крепчает.

«4 ноября 1741 г. 10 час. веч., закрепили гротмарсель, умерших солдат Давыдова и Попова спустили в море [Сибирский солдат Иван Давыдов умер около полуночи 3 ноября. Гренадер Алексей Попов в 5 часов утра 4-го — оба от цынги].

«5 ноября 1741 г. 2 часа ночи, умер гренадер Иван Небаранов.

«5 ноября 1741 г. 3 часа ночи, ветер NOtO, курс NtW, больных при команде 33 человека.

«5 ноября 1741 г. 7 часов утра, капитан командор со всеми обер и унтер офицерами и рядовыми служителями, учиня консилиум, чтобы итить к видимой нами земле, за невозможностию во управлении судна работными людьми и худости ради такелажа и за неимением провианта и воды, о чем все согласно положили, чтоб нам возможно спасти себя и судно. И окончив консилиум, поворотили фордевинд и пошли WZW.

«5 ноября 1741 г. в 9-м часу осмотрели, что грот ванты на правой стороне все перервались под свицсарвинем,[2] чего ради спустили грота реи.

«5 ноября 1741 г. 2 часа дня, поставили грот марсель.

«5 ноября 1741 г. в 5 час. дня, в исходе сего часа, пришед на глубину 12 сажен, положили дагликс анкарь,[3] отдали каната $\frac{1}{2}$.

«5 ноября 1741 г. 6 час. дня, в $\frac{1}{2}$ сего порвался у дагликс канат около 80 сажен, отчего нанесло нас на бурун, где было воды 5 сажен; положили мы той анкарь, который также в скором времени подорвало и перенесло нас через бурун ближе к берегу на глубину $4\frac{1}{2}$ сажени; где мы положили плехт анкарь,[4] отдали каната $\frac{3}{4}$; пеленгов за темнотою взять было невозможно».

---

[1] Счисление гражданское, как и ниже; в подлиннике счисление морское.

[2] Швиц-сарвень — это строп, которым стягиваются нижние ванты под марсом, когда путенс-ванты крепятся к нижним вантам (В. В. Вахтин. Краткий морской словарь для любителей морского дела. СПб., 1874). С голландского zwichtserving (R. van der Meulen. De Hollandsche Zee- en Scheepstermen in het Russisch. Verhandel. K. Akademie van Wetensch. te Amsterdam afd. Letterkunde, X, № 2, 1909, p. 247).

[3] Дагликс (писали и даглик), с голландского dagelijksch (anker), т. е. ежедневный, это левый становой якорь.

[4] Плехт, с голландского plecht (anker), это правый становой якорь.

XVII. ОСТРОВ БЕРИНГА

Высадка. Кончина Беринга

Утром 6 ноября спустили единственную оставшуюся шлюпку, на которой Стеллер, Плениснер и несколько больных съехали на берег. Плениснер пошел на охоту и принес с полдюжины тундреных куропаток (Lagopus mutus ridgwayi).

Рис. 36. Остров Беринга. Место крушения „Св. Петра". Вид с мыса Командор на север. (Из Суворова.)

В те времена здесь их было так много и они были так неосторожливы, что за час можно было набить в одном месте 80 штук.[1] Куропатки были изобильны до недавнего времени, и Стейнегер рассказывает, что за зиму 1882/83 года два охотника набили на острове Беринга до 1400 штук.[2]

Добытая Плениснером дичь была отправлена на судно для капитан-командора. Стеллер в свою очередь послал несколько противоцынготных трав («настурциевых») для салата.

Эту ночь Стеллер и его спутники провели на берегу. На следующий день он видел близ берега много морских коров («Manati»), и это обстоятельство заставило его усомниться, действительно ли он находится на Камчатке.

8 ноября стали перевозить больных на берег и размещать их в землянках, покрытых парусами. Перевезли на носилках

[1] Pallas, Zoogr. rosso-asiat., II, 1811, p. 63.
[2] L. Stejneger. Bull. U. S. Nat. Mus. № 29, 1885, p. 202.

и Беринга. Двенадцать матросов скончались во время плавания, преимущественно в последние дни, а из тех, что остались живы, еще девять человек умерли во время перевозки на берег или сейчас же по переносе на землю. Под 14 ноября Софрон Хитров, остававшийся на пакетботе, записывает: «Маловетрие, пришол бот з берегу, привезена на нем 1 бочка воды и повезли на нем на берег больных меня да служителей 7 человек, притом померло на пакетботе служителей, которые намерены были ехать на берег, матроз Иван Емельянов, канонер Илья Дергачев, сибирский солдат Василей Попков да при выходе з бота на берег умер матроз Селиверст Тараканов». Под 16 ноября: «От морозу кругом судна и на судне такелаж весь обмерз льдом. На берегу при звозе с пакетбота умер сибирский солдат Сава Степанов».

О том, как Ваксель съехал на берег, он рассказывает следующее (1940, стр. 75—76): «19 ноября я еще оставался на борту с семнадцатью людьми, в большинстве тяжело больными, и с пятью мертвецами. У меня на борту было лишь 4 ведра пресной воды, а шлюпка находилась на берегу. Я дал сигнал бедствия, поднял на вантах грот-мачты красный флаг, а на гафеле вывесил пустой боченок из-под воды и одновременно дал несколько выстрелов из пушки. Из этих знаков находившиеся на берегу люди могли усмотреть, что я нуждаюсь в пресной воде; однако ветер дул с такой силой от моря к берегу, что они не могли на шлюпке выгресть и добраться до корабля. Я приказал бросить покойников в море. На наше счастье ночью выпал такой обильный снег, что можно было собрать его с палубы и заменить им недостающую пресную воду. Я оставался на корабле до 21 ноября, когда, наконец, прибыла лодка. Меня на руках перенесли в эту лодку, а затем 4 человека доставили в ту же землянку, где находились остальные больные. Люди, находившиеся со мной на борту корабля, одновременно со мной также были свезены на берег. За несколько дней до этого я переселился, ради тепла, в камбуз, так как видел, что многие из наших людей, как только их головы показывались из люка, немедленно умирали, словно мыши, из чего было ясно, какой опасности подвергаются больные, попадая из духоты на свежий воздух; в виду этого при переезде на берег я принял некоторые меры предосторожности. Я покрыл свое лицо почти целиком теплой и плотной шапкой, а другую такую же шапку надел себе на голову, и все же на пути от камбуза до фалрепа три раза терял сознание. Я вполне уверен, что если бы не предохранил себя вышеописанным способом от соприкосновения со свежим воздухом, то неизбежно умер бы еще на корабле, так как силы мои уже подходили к концу».

На берегу Беринг казался очень спокойным и довольным. Он спросил Стеллера, как он думает, что это за земля. По мнению Стеллера, вряд ли это была Камчатка. Против этого говорило прежде всего отсутствие у зверей, особенно у песцов, всякой боязни человека. С другой стороны, и далеко до Камчатки не могло быть, так как растительность была такая же, как и на полуострове; затем на берегу была найдена оконная ставня из тополевого дерева, очевидно русской работы, принесенная течением, вероятно, с устья реки Камчатки. Можно было бы думать, что это Кроноцкий нос. Но в этом заставляло Стеллера сомневаться следующее: он нашел ловушку на лисицу, зубья которой сделаны не из железа, а из раковин Dentalium; эта ловушка должна была, думал Стеллер, быть принесена волнами из Америки, ибо на Камчатке уже было известно железо.[1] Наконец, присутствие в море морских коров тоже не говорило за Камчатку.

Беринг прекрасно сознавал, что земля, на которую их выбросило, была не Камчатка, но скрывал это от команды, чтобы не лишать ее бодрости.

Судно оставалось на плохом якоре, и первый свежий ветер грозил совершенно уничтожить его. К счастью, во время бури 28 ноября «Св. Петр» был выкинут на отмель.

Под 1 декабря Хитров записывает: «послан от капитана командора Беринга матроз Тимофей Анчегов и с ним 2 человека служилых по берегу для уведомления и осмотра сей земли, на которой мы обретаемся, что́ оная, материк ли берег или какой остров, притом же велено примечать, есть ли какой лес».

8 декабря, за 2 часа до рассвета, скончался начальник Камчатской экспедиции командор Беринг, полузасыпанный землею, которую он не позволял отгребать, чувствуя себя под нею в тепле. До последней минуты он был в полном сознании. Его похоронили, по протестантскому обряду, поблизости становища.

Если бы командора поместить в теплое помещение и питать хорошей пищей, то он оправился бы. Но в той обстановке, в какой Беринг лежал, отёк все увеличивался, и болезнь закончилась смертью.

Стеллер так характеризует Беринга.[2] Это был справедливый человек. За приветливость и спокойствие он пользовался всеобщей любовью как среди офицеров, так и среди команды. Порученное ему дело Беринг исполнял с крайним разумением. Вместе с тем он не отличался решительностью, какая необходима в экспедициях, подобных Камчатской. В вину

[1] Steller, p. 105.
[2] Steller, p. 114

ему Стеллер ставит затем чересчур мягкое обращение с подчиненными.

Место могилы Беринга с точностью неизвестно. Руководясь описанием Стеллера, Русско-американская компания впоследствии поставила на предполагаемом месте погребения деревянный крест.[1] В 1892 году офицерами шхуны «Алеут» и служащими на Командорских островах поставлен в ограде церкви села Никольского на острове Беринга железный крест, обнесенный якорной цепью. В 1944 году Петропавловской военно-морской базой на месте могилы Беринга водружен стальной крест на цементном фундаменте, и сделана надпись: «Могила Витуса Беринга, умершего 8 декабря 1741 года. Крест восстановлен экспедицией Военного совета тихоокеанского флота 25 августа 1944 г.»

После смерти Беринга в командование вступил лейтенант Ваксель. Все решения принимались сообща, на «общих собраниях», на которых присутствовали как офицеры, так «и все унтер и рядовые служители». Постановления этих собраний, приведенные в «Журнале» Хитрова, подписывались всеми присутствовавшими. Хитров в своем «Журнале» пишет об этом следующее: «И людей было в таком бедственном состоянии приневолить по команде в такой отдаленности небезопасно, чего ради принуждены были все делать с общего с ними согласия».

По словам Вакселя,[2] нельзя было распознать, «кто господин или слуга, понеже уже не было разни [различия] ни между кем и ни в чем, ни у слуги с господином, ни у подчиненного с командиром, ни в почтении, ни в работе, ни в пище, ни в одежде, и офицеры и господа, лишь бы на ногах шатались, также по дрова и на промысл для пищи туда ж бродили и лямкою на себе таскали ж и с солдатами и с слугами в одних артелях были».

Из 77 человек экипажа «Св. Петра» умерло к 8 января 31, среди них весьма опытный штурман Эзельберг, семидесятилетний старик, о котором все сожалели. Оставшиеся в живых сорок шесть человек жили на острове в течение 9 месяцев в вырытых в песке ямах, покрытых парусами.

Недостатка в топливе не ощущали: на берегу было много плавнику, или выброшенного волнами лесу. Питались морскими бобрами, котиками, тюленями, китами, сивучами, словом — ели, по выражению Вакселя, «непотребную и натуре человеческой противную пищу. А когда в мае начали промышлять морских коров, то за сладкую пищу мясо оной употребляли». Что же касается мяса других зверей, то,

[1] Фотография на стр. 256 взята из книги Е. К. Суворова. Командорские острова и пушной промысел на них. СПб., 1912, изд. Деп. земл.
[2] Экспедиция Беринга, 1941, стр. 299.

по словам Вакселя, «бобровое весьма жостко, как подошвенная кожа: сколько б ни варили, и разжевать не можно, ло

Рис. 37. Могила Беринга. Крест, поставленный Российско-Американской компанией. (Фотография Е. К. Суворова в 1910 г.)

целыми кусками глотали, а котовое [морских котиков] очень тяжело воняет, а нерпичье [тюленье] и наипаче того, что при довольстве и терпеть не можно одного духу, не токмо б есть.

А мы и то все ели, хотя мерзко и нездорово, того не разбирали, лишь бы только было».

Хлеб берегли, и с середины ноября до начала мая каждый человек получал в месяц тридцать фунтов муки; первые два месяца прибавляли еще по нескольку фунтов ячменной крупы; в мае и июне давали лишь по 20 фунтов муки, а затем дачу муки и совсем прекратили, так как было в изобилии мяса. Многие сделали запасы сухарей в дорогу, на Камчатку. Из муки пекли оладьи на тюленьем и китовом жиру, а потом на жиру морской коровы. Только перед самым оставлением острова испекли в специально построенных печах хлеб.

26 декабря люди, посланные на разведки, сообщили, что земля, на которой они находятся, есть, без сомнения, остров, ибо они обошли эту землю кругом. Но вместе с тем убедились, что материк не должен быть далек. «Знаков, — говорит Софрон Хитров, — от земли нашей Камчатской на сем острове во время вестового ветра, а от американской во время остового находилось не малое число, а именно с камчатской стороны находился лес рубленой избной, которой бывал в деле, и плотовые с проушинами слеги, разбитые боты, санки, на которых ездят оленные коряки. А от американской стороны лес толстой сосновой и их стрелки и весла, каких у наших на Камчатке не бывает. И во время чистого воздуха, с западной стороны сего острова многими служителями неоднократно казались к W сопки высокие, покрыты снегом, о которых мы рассуждали по своему счислению, что оные стоят на камчатском берегу; однако за подлинно в том утвердиться было невозможно».[1]

История ознакомления с островом

Так был открыт остров Беринга. Впрочем, камчадалы, хотя никогда и не бывали на нем, но имели сведения о земле к востоку от устья реки Камчатки, а местным русским стало известно об этой земле еще лет за сорок до посещения острова Берингом. Слухи об этом проникли даже в Якутск, и 20 февраля 1710 года в якутской приказной палате допрашивали якутских служилых людей «про остров, который значится против Камчатского и Ковымского и Ленского устья» — вот каким громадным рисовался этот остров: от Новой Сибири через Медвежьи острова и вплоть до Командорских! Михайло Наседкин (или Насеткин) в допросе показал, что в 1702 году он из Анадырского острога был послан в Камчадальский острог с приказчиком Многогреш-

[1] Зап. Акад. Наук, XV, № 1, 1869, стр. 29. Также журнал Софрона Хитрова, л. 129.

ным. До Пенжинского острогу шли они на оленях и на собаках, а на Пенжине, поделав карбасы, выплыли в Пенжинское устье, взяли у ясачных коряков байдары и пошли морем на Камчатку; дойдя до устья реки Лесной, отсюда пошли на нартах и лыжах на реку Камчатку вплоть до устья, в поход «на немирных камчацких мужиков». «И против Камчатского де устья значится остров, а какие на том острову люди есть, того он Михайло не ведает, и преж сего на том острову русские люди бывали ль, того де он Михайло ни от кого не слыхал».[1]

Это первые сведения об острове Беринга. Земля эта возбуждала интерес в Якутске, и за четыре дня до допроса Наседкина отсюда был послан на Камчатку приказчику Осипу Миронову указ, в котором говорилось: « в нынешнем 710 г. ведомо учинилось в Якуцком столнику князю Василью Ивановичу Гагарину: от устья до Камчатки реки значитца в море земля, остров; и тебе Осипу проведать, какие люди на том острове и какой веры и под чьим владением или собою живут и какой в том острове зверь и иное какое богатство у них есть ... сколь далече до устья Камчатки тот остров ..., и о том всему учинить чертеж».[2]

Что последовало по этому указу, неизвестно. Миллер сообщает, что в бытность Беринга в Нижнекамчатске, зимой 1728/29 года, камчадалы уверяли его, что в «ясные дни с высоких берегов Камчатских земля в противоположную сторону видна бывает».[3] По словам Крашенинникова,[4] «жители Камчатские из давних времен думали, что против устья реки Камчатки земле быть должно; для того, что завсегда там казалось мрачно, каковоб впрочем около горизонта ясно ни было».

По всей видимости, остров до Беринга никогда не был посещен человеком.

Стеллер оставил подробное описание острова Беринга, которое было опубликовано лишь в 1781 году Палласом.[5] Кроме того, сведения об острове имеются в отчетах Хитрова и Вакселя, напечатанных только в 1940 и 1941 годах. Ранее были опубликованы Бихнером (1891) данные Вакселя о ловле морских коров и Пекарским (1869) описание острова, сделанное Хитровым.[6]

[1] Памятники сибирской истории, II, стр. 502. — Миллер. Сочин. и перев., 1758, I, стр. 103.

[2] Памятники сибирской истории, I, стр. 412.

[3] Миллер, I, стр. 396.

[4] Крашенинников, I, 1755, стр. 131—132.

[5] G. W. Steller. Topographische und physikalische Beschreibung der Beringsinsel, welche im östlichen Weltmeere an der Küste von Kamtschatka liegt. Pallas' Neue Nordische Beyträge, II, 1781, p. 255—301.

[6] Впоследствии подробное географическое описание острова дал аме-

Описание острова

Стеллер сначала дает обстоятельное топографическое и геологическое описание острова. Он горист, и высшие точки достигают «не более тысячи саженей высоты». По словам Стейнегера (1898, p. 50), высший пункт, гора Стеллера, возвышается всего приблизительно до 670 метров. Стеллеру казалось, что к северо-востоку от острова видны высокие снеговые горы, которые, как он полагал, находились в расстоянии 100—150 верст, уже на материке Америки; с южного конца острова Беринга Стеллеру тоже виднелись неясные очертания какого-то острова. Но все это, понятно, был обман зрения. Зато правильно наблюдение Стеллера, что к востоку от острова Беринга лежит, параллельно ему, другой остров. Здесь имеется в виду остров Медный. Он был замечен с судна еще тогда, когда мореплаватели приближались к острову Беринга, но в то время не видели пролива, разделяющего оба острова.

Горы острова сложены, по Стеллеру, обыкновенной серой породой или гранитом, а берега состоят из плотного серовато песчаника.[1] Морозевич за основную породу, слагающую как Беринов, так и Медный остров, признает андезитовые туфы, в которых Н. Н. Тихоновичу удалось на острове Беринга найти довольно богатую фауну двустворчатых моллюсков из группы Pecten, что позволило определить возраст этих туфов как верхнеолигоценовый или нижнемиоценовый.[2] Остров сложен, вообще, из вулканических пород, и указание Стеллера на гранит, несомненно, ошибочно.

Далее наш автор описывает (p. 271—272) террасы, лежащие на высоте до 60 м и заключающие наносный лес, кости китов и целые скелеты морских коров. Террасы отмечают как Стейнегер (1898, p. 51), так и Суворов (стр. 86).

За время пребывания на острове экипаж «Св. Петра» трижды испытал землетрясения. Сильнейшее из них произошло 7 (18) февраля 1742 года. Оно началось около часу дня и продолжалось шесть минут. Стеллер в это время находился в своей землянке. За несколько минут до землетрясе-

риканский зоолог (родом из Норвегии) Стейнегер: L. Stejneger. The Russian fur-seal islands. Bull. U. S. Fish Commission for 1896, art. I, Wash., 1896, p. 1—148, plates 1—66, 2-е дополненное издание: L. Stejneger. The Asiatic fur-seal island and fur-seal industry, в: The fur-seal and fur-seal islands of the North Pacific ocean by D. S. Jordan, part 4, Wash., 1898, pp. 384, plates and maps 113. — Из русских авторов Командорские острова в 1910 и 1911 гг. посетил зоолог Е. К. Суворов, написавший ценную книгу: Командорские острова и пушной промысел на них. СПб., 1912, изд. Деп. земл., 324 стр. с 63 рис. и картами.

[1] Beschreibung der Beringsinsel, p. 261.

[2] И. Морозевич. Месторождение самородной меди на Командорских островах. Тр. Геол. ком., № 72, 1912, стр. 13—14.

ния слышен был подземный шум в виде свиста и грохота, распространявшегося с юга на север и по мере приближения усиливавшегося. По прекращении шума наступило сильное сотрясение: столбы закачались, и все начало трещать. Стеллер выскочил из помещения и побежал к морю, чтобы посмотреть, что там делается. Несмотря на то, что на суше сотрясение продолжалось, море было совершенно спокойно, — как это нередко бывает при землетрясениях. Погода была тихая, небо ясное.[1] И теперь землетрясения нередки на Командорских островах: так, на острове Медном в 1910 году было 5 землетрясений, а в 1892 даже 18. Направление толчка преимущественно от юго-запада.

Климат. О климате острова Стеллер передает следующее (р. 269—271). В общем климат мало отличается от камчатского. Вернее было бы сказать — от климата юго-восточного берега Камчатки. На острове очень часты бури, в горных долинах ветер иногда достигает необычайной силы. Суворов подтверждает это, указывая (стр. 75), что ветер дует порою со скоростью свыше 30 м в секунду. По словам Хитрова, «ветры бывают на сем острове так жестоко сильные, что с великою нуждою человеку на ногах устоять возможно. И можно сказать, что мы от декабря месяца до самого марта от тех жестоких ветров и снежной сверху и с гор пурги редко видали красной или чистой день».[2]

Самые сильные бури экипаж «Св. Петра» испытывал в феврале и апреле 1742 года от юго-востока и северо-запада; восточные ветры приносили погоду мягкую и ясную, северные — холодную и ясную. В середине мая (старого стиля) были сильные дожди. Действительно, в некоторые годы в мае выпадают довольно обильные осадки. Так, в 1899 году выпало в этом месяце (нов. стиля, как и всюду ниже) 53 мм. Вообще, дожди на Командорских островах, в отличие от дождей в Петропавловске, не носят муссонного характера. По наблюдениям в селении Никольском на острове Беринга за годы 1899—1906, впрочем весьма неполным, в среднем выпадало за год 483 мм осадков.[3]

Стеллер говорит, что на большие холода им в зиму 1741/42 года не приходилось жаловаться. Льдов в море не наблюдалось. Действительно, климат на острове Беринга отличается ровным, морским характером: зима сравнительно мягкая, лето прохладное; годовая амплитуда всего около 16°. Самый теплый месяц — август, с средней температурой

[1] Steller. Neue nordische Beytr., II, p. 270.

[2] Зап. Акад. Наук, XV, № 1, 1869, стр. 31. Также «Журнал» Хитрова, л. 130.

[3] В. Власов. Камчатская экспедиция Рябушинского. Метеор. отд., вып. I, М., 1916, стр. 138.

от 10° до 11°; самый холодный — февраль или март: —3° и —4°, но случаются и сильные морозы. По наблюдениям, организованным Стейнегером, за 1882—1886 годы термометр достиг наинизшей точки в декабре 1882 года, когда абсолютный минимум был —18.5° Ц. Средний январский минимум за 1883—1885 годы был —5.5°; абсолютный максимум за то же время (август) 17.2°, средний августовский максимум 12.3° (Stejneger, 1898, p. 22—23). Эти цыфры достаточно рисуют умеренность климата на острове Беринга. Отметим, что широта с. Никольского, где производились наблюдения, 55°14′. Для сравнения укажем, что в Коле, лежащей под 68° 53′ с. ш., средняя июльская 13.4, средняя февральская —12.1.

Что касается плавучих льдов, то иногда их заносит с севера в марте (Суворов, стр. 73). Но, во всяком случае, явление это не частое.

Относительно снегового покрова Стеллер сообщает, что 6 (17) ноября, в день прибытия к острову, снега еще не было, кроме высоких гор; между тем в это время в южной Камчатке лежит снега на ¾ метра. Но зато выпавший на острове снег долго не тает — на равнинах до конца мая, а на горах до середины июля, а на самых вершинах — совсем не тает. Толщина снега в низинах достигает 3 м. Узкие ущелья в горах во время зимней пурги засыпаются снегом доверху.[1] Стейнегер (1898, p. 26) подтверждает, что в случае прохладного лета снег на Беринге не тает еще в сентябре, даже на уровне моря; так было, например, в 1895 году. В августе 1911 года Суворов (стр. 76) видел много снегу на западном берегу. В Петропавловске первый снег выпадает в среднем 17 октября, последний 25 мая. Санный путь в Петропавловске устанавливается около середины ноября.[2] Как и остров Беринга, Камчатка — это страна метелей; в Петропавловске, например, в марте в среднем 14 дней с метелью, но бывают годы, когда их 25.[3]

Стеллер жалуется на сумрачное небо острова Беринга: с конца мая и до июня 1742 года н. ст. погода по большей части была пасмурная, и шел дождь. В течение же июля погода была хорошая (p. 271). Действительно, Командорские острова самое облачное место в СССР: тогда как даже на Мурмане и Белом море (самые облачные места в Европейской части СССР) в среднем за год около 75% неба покрыто облаками, на Беринге средняя облачность за годы 1883—1885 составляет 81% (Stejneger, p. 24). Бывают годы, когда средняя облачность за месяц повышается до 98%; так было,

[1] Steller. Beringsinsel, p. 270—271.
[2] Власов, 1916, стр. 144, 145.
[3] Там же, стр. 150.

например, в августе 1903 и в феврале 1904 года. А на Медном в марте 1903 года средняя облачность равнялась даже 99.[1] При этом облачность по месяцам распределена довольно равномерно; годами наименьшая облачность приходится на июль, годами же на другие месяцы. Между тем, в Петропавловске годовой ход облачности выражен ясно: максимум в июле (74%), минимум в ноябре (55%), годовая средняя 62.[2] На острове Медном в году всего 4 ясных дня.

За все время пребывания Стеллера на острове не случилось ни одной грозы. Стейнегер (1898, p. 26) подтверждает чрезвычайную редкость гроз на Командорских островах: на Медном за 8 лет была одна гроза; на Беринге Стейнегер испытал грозу 18 сентября 1882 года. В Петропавловске грозы тоже бывают очень редко. — (Равным образом Стеллеру не случилось видеть на острове ни разу северного сияния. Стейнегер говорит, что они редки, но описывает два слабых сияния 15 и 17 ноября 1882 года, отмеченные им на Беринге.)

«А от марта месяца вешним временем и в лете великие и беспрестанные бывают туманы и мокроты, и также мало случалось видеть приятного воздуха день», пишет Хитров (стр. 31). Действительно, туманы здесь весьма часты, и из них сыплет мельчайший дождичек, называемый бусом.[3] Поэтому влажность на Беринге чрезвычайно велика: за 1885 год относительная влажность равнялась 90%, не спускаясь ни в одном из месяцев ниже 85; за три летние месяца влажность была около 92%. На Медном в июне и июле по 19 дней с туманом.

Песцы. В то время на острове водилось великое множество голубых песцов, которые, никогда до того времени не видев человека, совершенно его не боялись. Как песцы сюда попали, является загадкой. Стеллер предполагает, что их занесло с плавучим льдом. Хотя льдов у острова почти не бывает, все же это предположение наиболее вероятно. Мы знаем, например, что на острове Георгия, из Прибыловых, открытых в конце XVIII столетия, раньше водились только голубые песцы, а затем принесло с севера на льдах и белых.[4] Песец острова Беринга — это Alopex lagopus beringensis.[5] Повадки этих смелых и бесцеремонных хищников подробно описывает Стеллер.[6] Они проникали днем и ночью в землянки и таскали все, что им попадалось, даже такие

[1] Там же, стр. 121.
[2] Там же, стр. 119.
[3] Суворов, Командорские острова, стр. 75.
[4] И. Вениаминов. Записки об островах Уналашкинского отд., I, стр. 299—300.
[5] В. И. Цалкин. Зоол. журн., 1944, вып. 4, стр. 162.
[6] Steller, 1781, p. 274—279.

вещи, которые им, казалось бы, ни на что не нужны, например ножи, палки, мешки, сапоги, шапки и пр. С необычайной ловкостью сбрасывали они тяжелые, в несколько пудов, камни с бочек, наполненных провиантом, и вытаскивали оттуда мясо; сначала нельзя было даже поверить, чтобы это могли проделывать песцы. Когда люди снимали шкуру с убитого зверя, то песцы вертелись тут же и старались вырвать мясо из рук, так что, случалось, при этом закалывали двух-трех песцов. Если мясо закапывали в землю и сверху клали камни, то песцы общими усилиями, как люди, спихивали камни. Если море выбрасывало на берег сивуча или морского бобра, то, к великому огорчению команды, песцы первыми пожирали мясо, а чего не могли съесть, то растаскивали по частям в горы, где прятали под камнями. Когда в теплое время люди спали на воздухе, песцы стаскивали с них шапки, одеяла из бобровых шкур, вытаскивали вещи из-под головы. Чтобы предохранить свеже убитого бобра от расхищения, люди на ночь ложились на него, но песцы ухитрялись выедать мясо под спящим человеком. Так что спать всегда приходилось с палкой в руках, чтобы иметь возможность в любой момент прогнать нахальное животное. Стоило людям в пути сесть и не двигаться, как песцы начинали обгладывать ремни у сапог. Пока мертвым готовили могилу, песцы объедали у трупа нос и пальцы на руках и ногах, а от больных цынгой едва можно было отогнать их. Человеческие испражения они пожирали с жадностью.

Какая масса песцов была здесь некогда, можно судить по тому, что Стеллер на третий день по прибытии на остров убил топором свыше семидесяти штук, шкурами коих покрыл крышу своей землянки. Между тем за весь 1910 год на острове Беринга добыто лишь 1053 песца.

О жадности этих животных Стеллер передает удивительные вещи. Песцы набрасываются на мертвого тюленя и пожирают его мясо; если нескольких при этом убить, то остальные продолжают свое дело как ни в чем не бывало. Выкапывали ямы и бросали туда мясо или трупы песцов; моментально яма наполнялась песцами, которых и избивали палками. Шкурами песцов люди не интересовались и даже не снимали их, но тем не менее истребляли животных массами и обычно самым зверским образом: рубили живым ноги, хвосты, выкалывали глаза, запарывали до смерти, жгли живьем и проч. Стеллеру эти жестокости, которые производились каждое утро на особом месте, казались смешными шутками, и он с удовольствием рассказывает, как кружится песец, которому отрубили хвост.

В июне песцы на острове Беринга щенятся в скалах. Они мечут 9—10 детенышей, за которыми ухаживают самоотвер-

женно. Если убить лисят, то самка долго преследует уходящего человека лаем.

Замечательно, что песцы на Командорских островах до сих пор не боятся человека. Вот что рассказывает Е. К. Суворов, бывший на острове Медном в 1910 году. Надоедливый песец неотступно бродит за вами по пятам в течение целых часов, держась от вас на расстоянии 3—4 шагов; неумолчно тявкая и лая, он не только неразлучно сопутствует человеку, но и разделяет все его отдыхи и остановки, внимательно рассматривая его своими желтыми глазами.[1]

Кроме песцов на острове нет никаких других млекопитающих. Впрочем, в 1870 году завезены мыши, еще позднее красная лесная полевка (Evotomys или Clethrionomys rutilus jochelsoni) с Камчатки, и, наконец, разведены северные олени.

Но во времена Беринга в море и на берегах острова было множество морских зверей: морских бобров, сивучей, котиков, тюленей, морских коров. Стеллер дал на латинском языке замечательное описание образа жизни сивуча, котика, морской коровы и морского бобра, напечатанное уже после его смерти Академией Наук.[2]

Морские бобры. За девятимесячное пребывание на острове команда упромыслила свыше 700 морских бобров, шкуры коих вывезла на Камчатку. Морского или камчатского бобра (Enhydra lutris или Latax lutris, по-немецки Seeotter, Meerotter) правильнее называть морской выдрой, ибо с бобрами он не имеет ничего общего: это представитель семейства куниц и ближайший родственник речной выдры (Lutra). Он достигает 1½ метра в длину и веса до 40 килограммов. Их некогда ловили в большом количестве на восточном берегу Камчатки и на Курильских островах, затем на Алеутских островах и у берегов северо-западной Америки на юг вплоть до Калифорнии. От них-то море между мысами Лопаткой и Кроноцким и получило название Бобрового.

На острове Беринга бобры целыми косяками встречались на берегу и не только не боялись человека, но даже приходили на огонь; по словам Стеллера, они только тогда уходили от людей, когда их несколько штук перебьют. Питаются они мелкой рыбой, раками, моллюсками.[3] Эти веселые и грациозные животные в теплые дни уходят в прибрежные долины и здесь играют «как обезъяны»; во время игры они обнимают друг друга передними лапами. Выйдя из воды,

[1] Суворов. Командорские острова, стр. 223.

[2] Steller. De bestiis marinis. Novi Comment. Petrop., II, 1751. Вкратце также в Beschreibung der Beringsinsel, p. 279—298.

[3] По наблюдениям И. И. Барабаш-Никифорова (Калан, или морская выдра. М., 1933, изд. «Сов. Азия», стр. 59), главной пищей морской выдры на острове Медном являются морские ежи.

бобры, прежде чем лечь спать, отряхивают с себя, как собаки, воду, потом «умываются», на подобие кошек, передними лапами, приводят в порядок шерсть и затем ложатся клубочком. Преследуемый на суше, бобр изгибает спину и шипит, как кошка, делая вид, будто хочет броситься на врага, но большим мужеством он не отличается; если его сильно ударить по голове, он замертво падает на землю и закрывает глаза передними лапами. Вообще для человека бобры нисколько не опасны.

Размножаются в течение круглого года; мечут на суше одного детеныша; бывало так, что с самкой ходят двое детенышей: один возрастом с год, другой месяцев трех-четырех. Самка кормит детеныша около года. Самец имеет только одну самку, очень дружен с ней и не разлучается ни на суше, ни на море. Годовики, или «кошлаки», остаются при старших, пока не приступят к размножению. «Самки, — пишет Крашенинников,[1] — весьма горячи к детям. Малых и немогущих плавать носят на брюхе обняв передними лапами, и для того плавают всегда вверх брюхом, пока дети не научатся плавать. Когда промышленники в байдарах за ними гоняются, то не опокидают детей своих до крайней опасности; впрочем хотя их и оставляют, однако услыша голос поиманных будто нарочно промышленникам предаются; чего ради промышленники и стараются наибольше о поимании или убиении медведка, а матку в таком случае почитают уже своею». Необычайную привязанность самки к детенышам отмечает и Стеллер. Будучи на берегу, мать иногда бросает детеныша в воду, чтобы он выучился плавать, а когда тот устанет, выгаскивает и «целует», как уверяет Стеллер. Иногда она его подбрасывает вверх и ловит передними лапами как мячик. Самку можно преследовать на суше или в воде самым жестоким образом, но она защищает своего детеныша до последней крайности, держа его во рту; по этой причине маток так легко убивать. Однажды Стеллер, с обычной для него бессмысленной жестокостью, отнял у двух самок по детенышу; самки визжали с горя как человек и подобно собакам следовали издали за похитителем, призывая к себе детенышей голосом, который напоминал плач ребенка. В ответ детеныши тоже визжали. Когда Стеллер сел на снег, самки подошли близко, намереваясь унести молодых. Через неделю Стеллер опять посетил то место, где он отнял детенышей, и застал здесь одну страшно исхудавшую матку, которую без труда убил. В другой раз Стеллер вместе с Плениснером издали заметили спящую самку с годовиком. Мать, проснувшись, пыталась побудить

[1] Крашенинников, I, 1755, стр. 287.

детеныша к бегству, но так как он предпочитал спать, то она схватила его передними лапами и бросила, как камень, в воду.[1] Очень боятся бобры сивучей и котиков, которые их истребляют. Не любят они также тюленей. Друг с другом живут они очень дружно, не ссорясь (в отличие, например, от морских котов).

Мясо бобров, особенно самок, вкуснее тюленьего; мясо же сосунов, или «медведков», на вкус Стеллера не отличается от мяса барашка. Но на вкус других европейцев мясо морского бобра отвратительно. Как бы то ни было, бобровое мясо было на острове повседневной пищей экипажа «Св. Петра». Камчадалы и курильцы почитали печень и почки морского бобра за особое лакомство и ели их сырыми. На Камчатке и туземцы, и русские употребляли os penis бобра как средство против малярии.

Около 1725 года на Камчатке можно было выменять превосходную шкуру бобра за нож, а от русских купить за пять-шесть рублей. Но вскоре бобровые шкуры вошли в моду в Китае, и цены на них поднялись на Камчатке до 25—30 рублей, а в Иркутске (в 1735 году) до 100 рублей. В 1835 году Российско-американская компания платила алеутам на Алеутских островах за шкуру морского бобра 20 рублей, в 1852 году — 50 рублей; колошам в Ново-Архангельске (Ситхе) в 1836—1845 годах платили 140 руб.[2] В начале этого столетия шкура морского бобра стоила в Лондоне в оптовой продаже 800 рублей. В середине XVIII столетия морской бобр на острове Беринга был истреблен, и теперь он водится почти исключительно у острова Медного.

В 1910 году на острове Беринга был упромышлен всего один экземпляр, а на Медном 89.[3]

В 1924 году бой морских бобров на Командорских островах был совершенно воспрещен, и для 1931 года Барабаш-Никифоров принимает численность бобрового стада острова Медного примерно в 550 голов. Между тем ко времени начала запрета, в 1924 году, бобров было упромышлено менее 20 штук.

Морская корова. Стадами в море у берегов острова водилась морская корова, водное млекопитающее из отряда Sirenia, ныне совершенно истребленное. Название «морская корова» нужно признать чрезвычайно удачным, ибо, по современным взглядам, Sirenia представляют собою как бы водных копытных. Стеллер, со свойственной ему удивитель-

[1] Novi Comment. Petrop., II, p. 395.

[2] Морской сборник, 1862, № 1, стр. 180—181.

[3] По Д. П. Филатову (Матер. к познанию русск. рыболов., III, в. 5, 1914, стр. 172), всего 76; в 1912 г. на Медном добыто лишь 46 бобров.

ной проницательностью, сейчас же признал, что животное это родственно южноамериканскому manati, названному так испанцами за передние конечности, похожие на руки. Он

Рис. 38. Морская корова. Копия с рисунка Вакселя, сделанного с натуры в 1742 году.

думал даже, что морская корова Берингова острова тожественна с южноамериканской. На самом деле это не так. Стеллерова морская корова принадлежит к особому роду Rhytina и к виду Rh. stelleri (или Hydrodamalis gigas). Южноамериканские же manati, на север идущие до Флориды, относятся к роду Manatus, распространенному и у берегов западной Африки. Наконец, третий род, дюгонь (Halicore), живет в Красном море и в Индийском океане.

В 1890 году Бихнер нашел в библиотеке Царскосельского дворца рукопись Вакселя, а в ней рисунок морской коровы, сделанный с натуры Вакселем, и воспроизвел это изображение в своей работе.[1] Копия с подлинного рисунка Вакселя приводится на этой странице.

С 1768 года это безобидное млекопитающее совершенно истреблено.[2] Правда, Норденшельд в своем «Плавании Вега» сообщает, что, как ему передавали в бытность на острове Беринга в 1879 году, последнюю морскую корову будто бы видели близ острова еще в 1854 году. Но Стейнегер, подробно расспрашивавший о том же в 1882 году собеседников Норденшельда, выяснил с несомненностью, что животное, которое видели беринговцы в 1846 году (а не в 1854), никоим образом не могло быть морской коровой;

[1] E. Büchner. Die Abbildungen der nordischen Seekuh (Rhytina gigas Zimm.). Mém. Acad. Sciences Pétersbourg (7), XXXVIII, № 7, 1891.

[2] K. E. von Baer. Untersuchungen über die ehemalige Verbreitung der nordischen Seekuh. Mém. Acad. Sc. Pétersbourg (6), sciences natur., III, 1840, p. 69.

это было китообразное, возможно — самка нарвала.[1] Не может подлежать сомнению, что около 1770 года морская корова вымерла.

Зиму 1760/61 года на острове Беринга провел промышленник Адриан Толстых. В «репорте», поданном в Большерецкую канцелярию казаком Петром Васютинским, одним из участников зимовки, говорится, что команда зимою питалась морскими котами и сивучами, которых здесь и промышляли, но ни слова не упоминается о морских коровах.[2] Очевидно, их в это время было очень мало. Устюженский купец Василий Шилов, промышленники коего плавали на восток до Умнака, сообщил 5 февраля 1767 года, что только на острове Беринга есть морские коровы.[3]

Ни во времена Брагина (1773—1774), ни во времена Шелехова (1783—1784), которые зимовали на Беринговом острове и сообщили подробные сведения о промысловых животных, морская корова уже не водилась здесь.[4] Команда Брагина питалась мясом и жиром котиков, морских бобров, иногда сивучей, рыбой, птицей. О морской корове Брагин даже не упоминает.

В 1754 году на Беринговом острове зимовал обер-гитенфорвальтер Петр Яковлев. В его время морских коров было в море много. «А той одной коровы мясо всем 33-м человекам на один месяц с удовольствием происходило в пищу и с остатками, понеже всего чистого мяса и жиру, кроме костей, в одной корове быть признавалось до 200 пуд». Тот же Яковлев передает, что промышленники, зимующие на острове Беринга небольшими партиями, по 2—3 человека, не в состоянии вытащить раненую корову на берег и зря истребляют громадное количество животных: «они тем коровьим табунам, подле берегу в море обретающимся, чинят сугубую трату и гибель, так что из них человек с берегу или неглубоко заходит в море и колет упомянутою поколюгою,[5] привязавши на долгой шест и ранит одну или другую корову смертно; но те раненые коровы уходят в море и тамо, когда от ран обессилеют, тогда морем на берег не скоро

---

[1] L. Stejneger. Investigations relating to the date of the exterminatio of Steller's Sea-cow. Proc. U. S. Nat. Mus., VII (1884), Wash., 1885, p. 181—189

[2] «Копия с репорта, поданного от возвратившегося из морского ваяжу на судне селенгинского купца Андреяна Толстых камчатского козака Петра Васютинского с товарищи». Дело Главного Гидрографич. управления, № 861 (см. Л. Берг. Землеведение, 1924).

[3] То же, дело № 861.

[4] P. Pallas. Bericht von einer im Jahre 1772 angetretenen vierjährigen Seereise... des Peredofschiks D. Bragin. Neue Nordische Beyträge, II, 1781, p. 310. — Г. Шелехов. Путешествие. Часть I, 1812, стр. 3—4.

[5] Поколюга — это длинная заостренная стальная полоса.

мясо их выметывает и через долгое время после колотья каждая корова, если нераспластанная, искисает и к пище негодная бывает. И так оный промысел коров немноголюдством, хотя и много колют, да к рукам их ни одна свежая корова не приходит, и затем они претерпевают разный голод, а коровьим табунам чинят искоренение, которое подлинно считаться может без сумнения». Вернувшись в 1755 году в Нижнекамчатск, Яковлев советовал впредь воспретить на острове Беринга «вредительный» промысел морских коров, «дабы и оной Командорской остров опустошен не был, так как и Медный остров ныне опустошен, что к оному ему [Яковлеву] с реченною командою людьми для зимования на оном и пристать в 1754 г. невозможно стало быть затем, что всегдашний тут людям, за неимением морских коров, голод имеется, а напредь сего, как от оной же команды служилых и Камчадалов, кои на оном Медном острове бывали, ему сказывали, что на оном де бобровые промыслы тысячами, а морские коровы табунами многими находились, а ныне те коровы все так искоренены, что никогда не единой нигде не увидишь, в чем так ныне и подлинно оный Медный остров состоит, что при нем коровьих табунов уже не имеется».[1]

Как показал Бэр, нет никаких достоверных данных, которые позволяли бы думать, чтобы морская корова водилась, на памяти человека, где-либо в другом месте, кроме Командорских островов; Бэр даже думал — кроме острова Беринга. Но, как мы только что видели, она встречалась, около половины XVIII столетия, и на Медном.[2]

Иногда указывают, что морская корова водилась у берегов Камчатки, и ссылаются при этом на слова Крашенинникова. Но этот последний повторяет лишь сообщения Стеллера, который говорит определенно:[3] «Иногда случается, что этих животных выбрасывает бурей мертвыми на берег, у Кроноцкого носа и около Авачинской губы; камчадалы, из-за предмета питания, называют их капустниками; об этом я узнал после возвращения с острова Беринга». Ниже Стеллер передает по слухам известие, будто чукчи употребляют

[1] Извлечение из отчета Яковлева напечатано П. Пекарским в Зап. Акад. Наук, IX, 1867, стр. 184—186. — Краткой отчет Петра Яковлева о посещении им острова Медного с целью розыска руд напечатан Палласом в 1781 г. в Neue Nordische Beyträge, Bd. II, p. 302—307. Он посвящен главным образом топографическому описанию острова; из животных упоминается (p. 305) о морских бобрах, сивучах, котиках и песцах. О морской корове ни слова.

[2] Ср. также Зап. Акад. Наук, XV, № 1, 1869, стр. 32—33.

[3] Nov. Comment. Petrop., II, p. 328; см. также Neue Nord. Beyträge, II, p. 298—299.

кожу морской коровы на обшивку лодок, но сообщение это явно неправдоподобно; здесь допущено смешение с моржом. Равным образом, ни у берегов Алеутских островов, ни у Северной Америки морских коров никогда не наблюдалось.[1]

Крашенинников (1755), описывая со слов Стеллера это млекопитающее, замечает: «Многие почитают ломянутых коров за рыб китового рода. Напротив того другие приписывают их к морским зверям. Первое мнение важно по рыбью хвосту и по двум ластам, а второе по грудям, которых у рыбья роду отнюдь не бывает; что же Манаты родят, оное не токмо китам, но и многим большим рыбам свойственно, как, например, Акулу. Но хотя по вышеописанному сие животное есть как бы некоторое сходство, которым род морских зверей с рыбами соединить можно, однако я оставляю оное при морских зверях, приемля и то за основание, что у сего животного есть некоторый знак шеи, которою он поворачивает, а в рыбьем роду доказать того никто не может». «Кожа на нем, — говорит Крашенинников ниже, — черная, толстая, как кора на старом дубе, шероховатая, голая и столь твердая, что едва топором прорубить можно. Голова у него в разсуждении тулова не велика. Глаза весьма малые и бараньих почти не больше, что в толь огромном животном не недостойно примечания. Бровей и ресниц нет. Ушей нет же, но токмо одне скважины, которые усмотреть не без трудности. Шеи почти не видно, ибо тулово с головою нераздельным кажется, однако есть в ней позвонки к поворачиванью принадлежащие, на которых и действительно поворачивается, а особливо во время пищи, ибо оно изгибает голову, как коровы на пастве. Тулово как у тюленя кругловато, к голове и к хвосту уже, а около пупа шире. Ластов у него два, под самою шеею, длиною около трех четвертей аршина, которыми оно и плавает и ходит, за каменье держится и будучи тащено крюком, столь сильно упирается, что кожица с них отскакивает лоскутьями. Иногда примечаются ласты оные на концах раздвоенные как у коров копыта, но сие не по природе но по случаю. У самок по две титьки на грудях против свойства других морских животных. Длиною бывают Манаты до четырех сажен, а весом до 200 пуд.[2] Водятся сии живот-

[1] К области ни на чем реальном не основанных слухов относится сообщение метеоролога Г. Свердрупа, участника экспедиции на «Мод», о том, что, по словам «одного русского», экземпляр морской коровы лет 8—10 тому назад (т. е. около 1910 года), принесло течением к мысу Чаплина. См. Г. У. Свердруп. Плавание на судне «Мод» в водах морей Лаптевых и Восточно-Сибирского. Матер. Якутск. ком. Акад. Наук, вып. 30, 1930, стр. 248.

[2] Стеллер, в Neue Nord. Beytr., II, p. 296, указывает вес до

ные стадами по тихим морским заливам, особливо около устьев рек. Щенят своих хотя и всегда впереди себя плавать понуждают, однако с боков и с зади всегда их прикрывают и содержат в средине стада. Во время морского прилива столь близко подплывают к берегу, что их не токмо палкою или носком бить можно, но и часто, говорит Автор [т. е. Стеллер], по спине гладить ему случилось. От досады и битья удаляются в море, но вскоре назад возвращаются. Живут по родам, один от другого в близости. Во всяком роде самец, самка, взрослой щенок, да один щенок малинькой; по чему кажется, что они по одной самке содержат. Щенятся по большей части осенью, как можно бывает приметить по малым щенятам; носят, кажется, щенят более года, и более одного никогда не приносят, как можно рассуждать по краткости рогов у чрева и по числу титек, которых они токмо по две имеют».

«Прожорливость примечена в них весьма странная, ибо они от непрестанного ядения головы почти из воды не вынимают, и ни мало не пекутся о своей безопасности, так что можно между ими на лодке плавать, и по песку ходя выбирать и бить, которое угодно. Весь труд их во время еды состоит в том, что оне чрез четыре или пять минут выставливая рыло из воды как лошади чхают. Плавают тогда тихо, один ласт по другом вперед двигая так, как быки или овцы на паствe ходят. Половина тулова у них, то есть спина и бока, всегда поверьх воды, и на спине тогда у них сидят чайки стадами, и вши из кожицы их вытаскивают, также как вороны у свиней и овец таскают. Питаются не всякими морскими травами, но 1) морскою капустою, которая походит листом на капусту Савойскую (Fucus crispus Brassicae sabaudicae folio, cancellatus), 2) капустою дубине подобною (Fucus clauae facie), 3) капустоюж на ремень походящею (Fucus scutice antiquae Romanae facie), а 4) у которой листье борами (Fucus longissimus ad neruum vndulatus) и где пробудут хоть один день, там великие кучи коренья и стеблей выбрасываются на берег. Сытые спят вверьх брюхом, и во время морского отлива в море удаляются, чтоб на берегу не обсохнуть. В зимнее время от льду близ берегов носимого часто задыхаются, и выбрасываются на берег. Тож

„1200 пудов или 480 центнеров“, но это, повидимому, поправка Палласа, основанная на недоразумении. В статье De bestiis marinis (Novi Comment. Petrop., II, p. 329) Стеллер говорит: „взрослое животное весит около 8000 фунтов, или 80 центнеров, или 200 русских пудов“. Также Вакселъ (отрывок у Büchner, l. c., p. 23) приводит цифры в 6000, 7000, 8000 фунтов, т. е. всего до 200 пудов. Впрочем, в журнале Вакселя сказано: „в одной корове мяса будет не меньше 200 пудов“.

случается им, когда их во время сильной погоды волнами бьет об утесы. Зимою столь оне сухи, что и позвонки и ребра пересчитать можно. Весною сходятся как люди, а особливо вечером в тихую погоду: пред совокуплением делают различные любовные знаки, самка туда и сюда тихо плавает, а самец за нею до ее произволения».

«Особливого примечания достойна любовь между самцом и самкою: ибо самец, по тщетном употреблении всех способов к освобождению влекомой самки, и будучи бит до берегу за ней следует и иногда как стрела к ней уже к мертвой приплывает нечаянно, но и на другой и на третей день по утру заставали самца над телом убитой сидящего».

«Что касается до реву сего животного, то оно безгласно, токмо сильно дышет, а раненое тяжело вздыхает».[1]

Укажем еще, что внешний вид у морской коровы был как у китообразного; задних конечностей совсем нет, хвостовой плавник горизонтальный, как у дельфина.

Первая морская корова была убита на острове Беринга в конце июня 1742 года. Лов их организовал Ваксель. Вот как Хитров описывает этот оригинальный промысел. Отметив, что людям долгое время пришлось питаться мясом морских котов, он продолжает: «Мяса их весьма нам пища была противная. И как уже через долгое время гораздо стали противны, тогда начали промышлять морских коров таким образом: которые обыкновенно по природе во отдаленных местах от берегов в море не бывают, а всегда плавают близ берегов, имея спину свою над водою и как станет вода прибывать, тогда и они к берегу купно с водою приближаются и едят морскую капусту. А когда вода убывать начинает, тогда и они себя в море удаляют, дабы в малую воду столь великому зверю не обмелеть на лайдах.[2] И в то самое их приближение к берегу люди на ланг-боте приедут к ней близко: из которых один человек стоит на носу, имея в руках своих большой железный крюк с острым зазубрем, к которому привязан конец не тонкого троса, а именно дюйма в 4 и в $4^1/_2$. А другой конец того троса держат на берегу человек больше двадцати. И когда тем крючком человек в нее ударит что есть силы и увязит, тогда и бережные люди держат оную и тянут за помянутый трос к берегу, а на боту, приближаясь к ней, режут ножами и колют всяким острым железом, дабы у толь великого зверя отнять ее силу, дабы не порвала троса, которое с нами и случилось, понеже оная корова силу имеет так велику, что таким множеством людей на силу держать можно. Мяса в ней и жира

[1] Крашенинников, I, 1755, стр. 290—294.
[2] Лайды, объясняет Хитров, есть «каменной плитной грунд».

более 200 пуд, которым мы себя от того времени уже без нужды довольствовали, ибо оная мяса всех вышеописанных морских зверей приятнее, также и с собою до Камчатки соленого взяли число довольное».[1]

Морских коров было так много, что их мясом и салом можно было бы прокормить все население восточной Камчатки.

Под кожей у морских коров находился слой плотного снежнобелого сала толщиной в четыре пальца. Вываренное сало имело вид и вкус оливкового масла, и спутники Стеллера пили его чашками. Мясо молодых напоминало телячье, а взрослых — не отличалось от говядины. На цынготных больных питание мясом и салом этого животного оказывало чудодейственное влияние. Молоко тоже было похоже на коровье, только слаще и жирнее.

Впоследствии промышленники употребляли кожу морских коров на обшивку крупных лодок, подымавших до двадцати человек. Эти лодки были столь легки, что их свободно могли нести четверо.[2]

Сивуч. 29 января был убит мореплавателями на Беринге первый сивуч, мясо которого всем пришлось по вкусу. Сивуч, Eumetopias jubata (или E. stelleri), по-немецки Seelöwe (морской лев), принадлежит к семейству ушастых тюленей (Otariidae), куда относится и котик. Крупные взрослые сивучи-самцы весят до 650 килограммов. Хотя сивуч животное сильное и свирепое, но человека он боится и при виде его издали пускается в бегство. Но если его довести до крайности, он не останавливается ни перед чем; в море, например, он легко переворачивает лодки с людьми. Самка мечет одного детеныша на суше в середине июля. Самцы очень привязаны к самкам. С детенышами родители обращаются довольно беспечно; самке случается во время сна задушить свое дитя. Взрослые мычат как быки, молодые блеют как овцы. Питаются рыбой, тюленями и другими морскими животными. По наблюдениям Стеллера, сивучи нередко заходят в стада котиков и играют с их самками и детенышами.

Котики. 18 и 19 апреля старого стиля были убиты два больших морских кота («котика», Arctocephalus ursinus или Callorhinus ursinus, по-немецки Стеллер его называет морским медведем, Seebär), весом каждый не меньше двадцати пудов. Вообще морские коты приваливают к Командорским островам весной. Образ жизни этого животного, подробно описанный Стеллером, в последнее время детально

[1] Зап. Акад. Наук, XV, № 1, 1869, стр. 30. Также «Журнал» Хитрова, л. 130.

[2] Там же, стр. 33.

изучен, а потому мы на этом не останавливаемся.[1] Во времена Стеллера котики громадными стадами встречались на острове Беринга. В 1913 году, во время посещения острова Д. П. Филатовым, здесь было всего два лежбища, на которых находилось около 3650 котиков, считая в том числе и детенышей («черных котиков»). В результате правильной организации котикового хозяйства, число котиков на Командорских островах в настоящее время заметно возросло: в 1930 году здешнее поголовье (считая с детенышами) исчислялось, по данным Л. В. Бойцова, в 26 787 штук; из них на острове Беринга 10 040 штук и на Медном 16 747. Упромышлено же из этого стада на обоих островах в том же году всего 652 штуки, в том числе только две матки, а прочие — самцы.

Киты. 20 апреля выбросило на берег совсем свежего громадного кита, длиной в тридцать метров. Он дал столько сала, что его хватило до отъезда. Это был синий или исполинский полосатик (Balaenoptera musculus или sibbaldi) — не только самый большой из всех китов, но вообще самое крупное из всех ныне живущих позвоночных: длина его достигает 32 м. Вениаминов (II, 1840, стр. 393) слыхал на Уналашке, что этот кит, или кулема по-алеутски, достигает иногда 42 м длины.

Птицы Берингова острова мало отличаются от камчатских, говорит Стеллер. Он упоминает (р. 299) только о двух, не встречающихся на Камчатке. Первая из них — это очковый баклан «grosser Seerabe», Phalacrocorax perspicillatus Палласа, птица ныне, подобно морской корове, совершенно истребленная. Во времена Стеллера их было очень много, и мясо их шло в пищу. Последние истреблены около 1850 года[2] алеутами, переселившимися сюда в первой поло-

[1] Интересующихся образом жизни котика отсылаем к работам: Steller. Nov. Comm. Petrop., II, 1751, p. 331—366. — Wrangell. Beitr. zur Kenntn. des Russ. Reich., I, St. Petersb., 1839, p. 39—48. — И. Вениаминов. Записки об островах Уналашкинского отдела. II, СПб., 1840, стр. 349—382. — H. W. Elliot. Report on the seal islands of Alaska. Tenth Census of the United States (1880), Wash., 1884, p. 29—83 (Прибылова острова). — L. Stejneger, l. c., 1896, p. 60—137; 1898, p. 84—327. — D. S. Jordan. The fur seals and the fur-seal islands of the North Pacific. Wash., 1898. — Н. Гребницкий. Новейшие данные о жизни и промысле котов и бобров. Вестн. рыбопром., XVII, 1902, стр. 269—303. — Н. Смирнов. Очерк русских ластоногих. Зап. Акад. Наук по физ.-мат. отд. (8). XXIII, № 4, 1908, стр. 33. — Е. Суворов. Командорские острова. СПб., 1912, стр. I — 324 (здесь литература). — Д. П. Филатов. Отчет о поездке летом 1913 г. на Командорские острова. Материалы к познанию русского рыболовства, III, в. 5, 1914, стр. 97—186. — Котиковый и песцовый промысел на о-вах Прибылова. Пер. с англ. Там же, V, вып. 3, 1916, 95 стр. — Л. В. Бойцов. Котиковое хозяйство. М., 1934, 195 стр., изд. Инст. пушн. хоз.

[2] Stejneger. Bull. U. S. Nat. Mus., Nr. 29, 1885, p. 180.

Рис. 39. Сивучи на островах Прибылова. (Из Harriman Alaska Expedition).

вине XIX столетия. Птица эта достигала в длину, судя по двум экземплярам, хранящимся в Зоологическом музее Академии Наук, свыше метра (точнее 1055 миллиметров) и веса до 5—6 килограммов. Части скелета этого баклана, насколько известно, нигде кроме Берингова острова не водившегося, были найдены в 1882 году Стейнегером на северо-западной оконечности острова.[1] Другой вид, о котором говорит Стеллер, это белый баклан (weisser Seerabe) с белой головой и хвостом. Что это за птица — неизвестно.

Вероятно, под именем „белого баклана" разумеется какой-либо из известных для Командорских островов бакланов. Кроме вышеупомянутого, уже вымершего Ph. perspicillatus, здесь встречаются Ph. bicristatus Pall. (большой урил) и Ph. pelagicus Pall. (малый урил). Повидимому, об этом белом баклане упоминает Паллас в своей Zoographia rosso-asiatica (II, p. 350) под именем Phalacrocorax albidus, описывая его со слов рукописи Стеллера так: „Ph. albo-cinereus, ventre flavescente. Hanc avem multoties in pilis marinis circa Beringii insulam vidi". В Neue nord. Beytr., II, p. 299, при упоминании о weisser Seerabe сделана вставка (очевидно, Палласом, ибо Стеллер нигде не пользуется биноминальной номенклатурой): Pelecanus bassanus. Также при описании Ph. albidus Паллас прибавляет „an Sula bssana fuit?". Но это недоразумение, ибо Sula bassana (олуша) на Тихом океане не водится. В последней сводке о птицах Командорских островов, сделанной В. Л. Бианки (Краткий обзор авифауны Командорских островов. Ежегодн. Зоол. муз. Акад. Наук, XIV, 1909, стр. 48—76), о Ph. albidus совсем не упоминается. Равным образом ничего не говорит об этой птице и L. Stejneger (Results of ornithological explorations in the Commander Islands and Kamtschatka. Bull. U. S. Nat. Mus., № 29. 1885).

Растительность. Беринов остров безлесен. Только местами, в некоторых долинах имеются заросли тальника (Salix), рябины и каменной березы (Betula Ermani), достигающие 2.5 м высоты (Stejneger, 1898, p. 35).

Стеллер в двух рукописях, хранящихся в Академии Наук,[2] перечисляет около 220 видов растений, найденных им на острове Беринга. Как тщательно он наблюдал флору, можно судить по тому, что новейшая сводка здешней флоры приводит всего 205 видов цветковых растений.[3] Из кустарников Стеллер упоминает, между прочим, шиповник (Rosa silvestris vulgaris = Rosa из группы cinnamomea L.), рябину (Sorbus aucuparia humilis = Sorbus sambucifolia Maxim.), княженику (Braunbeeren, Rubus stellatus Smith), морошку (Brombeeren, Rubus folio ribes fr. flavo = Rubus chamaemorus L.), бруснику

[1] Stejneger. Proc. U. S, Nat. Mus., XII (1889), 1890, p. 83—94.

[2] О них см. у Д. И. Литвинова. Библиография флоры Сибири. Труды Ботан. муз. Акад. Наук, V, 1909, стр. 281—282. — Кроме того, растительность острова вкратце описывается Стеллером в: Beringsinsel, p. 299—301.

[3] R. Fedtschenko. Flore des iles du Commandeur. Cracovie, 1906. Изд. Краков. Акад. Наук, 128 pp. — Здесь, p. 23—29, приводится список Стеллера, приуроченный к теперешним видовым названиям.

(Preisselbeeren, Vitis idaea foliis subrotundis = Vaccinium vitis idaea L.), голубику (Trunkelbeeren, Vitis idaea magna = Vaccinium uliginosum L.), сибирский рододендрон, или «пьяную траву» (Chamaerhododendros lauri folio = Rhododendron chrysanthum Pall. и Ch. humilis = Rh. kamtschaticum Pall.), шикшу (Empetrum montanum fructu nigro = Empetrum nigrum L.), несколько видов ив, березовый ерник (Betula humilis montana foliis rotundis = B. nana L.); наконец, Alnus alpina minor, «spitzblättriges Ellerngebüsch» (Betula Ermani Cham.); стволы этой березы могут, по Стейнегеру, достигать 5 см толщины. Из других местных растений, приводимых Стеллером, упомянем о саране, или камчатской лилии, Fritillaria kamtschatcensis (L.), луковицы коей съедобны, о камчатской «сладкой траве» (Sphondylium = Heracleum lanatum Michx.), корни и стебли которой съедобны, о шаламайнике (Ulmaria altissima Ricini folio = Spiraea kamtschatica Pall. или Filipendula kamtschatica Maxim.), о макарше (Polygonum viviparum L.), кипрее (Epilobium angustifolium L.), щавеле (Rumex arcticus Trautv.), полыни (Artemisia vulgaris L.), о зонтичном, носящем на Камчатке название «кутахчу» (Angelica Gmelini Wormsk. = Coelopleurum Gmelini Led.), о «сельдерее» (Angelica silvestris minor = Conioselinum kamtschaticum Rupr.).[1] Затем, Стеллер называет еще курильский чай, Potentilla (или Dasiphara) fruticosa, листья которого давали чайный отвар,— растение, не найденное другими собирателями на острове Беринга.[2] Кроме того, чай настаивали еще из листьев брусники, грушанки (Pirola minor L.), и вероники (Ehrenpreis, Veronica aphylla L.). В качестве салата употребляли листья ложечной травы (Cochlearia arctica Schlechtd. = officinalis L.), сердечника (Cardamine pratensis L. и C. regeliana Mig.), Veronica americana Schweinitz и Mertensia maritima (L.).

Стеллер отмечает, что на острове Беринга есть целый ряд растений, которые встречаются с одной стороны на Камчатке, а с другой в «Америке», т. е. на Алеутских островах и на острове Каяк. К числу таковых, по теперешним сведениям, относятся, например, камчатский аконит (Aconitum kamtschaticum), шаламайник (Filipendula kamtschatica), княженика (Rubus stellatus), рябина (Sorbus sambucifolia), сладкая трава (Heracleum lanatum), голубая жимолость (Lonicera coerulea) и др.

Отлытие

В середине марта посылали боцманмата Алексея Иванова с четырьмя людьми «для подлинного о сей земле уведомле-

[1] См. Beschreibung der Beringsinsel, 1781, pp. 300—301.

[2] Равным образом, никем не был находим и можжевельник, Wachholdergestripp.

ния». Вернувшись, посланный «объявил репортом, что земля наша, на которой мы обретаемся, подлинно остров». 9 апреля, через день по возвращении Алексея Иванова, состоялось «собрание, в котором были лейтенант Свен Ваксель, флота мастер Софрон Хитров, доктор Георг Штеллер и все ундер офицеры и рядовые служители пакетбота С. Петра». Обсуждалось сообщение Иванова. Постановлено: «Для получения нашей камчатской земли надлежит нам построить какое-нибудь судно, а для того строения обще положили ломать пакет бот С. Петр, понеже оное весьма к походу нашему, за худостию своею, негоден, к томуж и снять оного с берегу никакими мерами невозможно, и других ради резонов, которые явны в прежнем нашем общем, при осмотре оного пакет бота, совете».[1]

5 мая 1742 года из остатков «Св Петра» начали строить новое судно, которое было готово к началу августа. Длина его по килю была 11 м, ширина 3.7 м. 1 августа снова было общее собрание, рассматривавшее вопрос, как поступить с имуществом пакетбота, ибо погрузить все на малое новое судно не было никакой возможности. Решено было взять с собою только самое необходимое, а все остальное оставить на острове, в особом сарае. Всему оставляемому составлена очень подробная опись. Кроме такелажа и запасных частей к нему, в описи упомянуты 9 пушек чугунных трехфунтовых, 5 пушек двухфунтовых, ядер трехфунтовых 20, «пушечного пороху помоклого» 31 пуд, «флаг: 1 адмирала» и пр., затем «подарочные вещи» «китайки васильковой мокрой концов 2, шару[2] китайского гнилого фунтов $39^3/_4$, мешков холщевых 2, наперстков медных и железных 40, шил разных рук 10, колокольчиков медных 64, зеркал 8 (негодных), ножей с череньем и без череньев 177, топоров 5 (негодных)».

9 августа судно, названное тоже «Св. Петром», было спущено на воду. Запасы провианта состояли из 25 пудов ржаной муки, 5 бочек солонины из морской коровы, бочки говяжьей солонины и двух пудов гороха. Кроме того каждый получил по 4 фунта масла. Многие, экономя в хлебе, запасли по полупуду сухарей; другие захватили вяленого мяса морской коровы. Взяли с собою для балласта три фальконета и 659 ядер.

13 августа вышли в море, дав оставленному острову имя Берингова. Так как места на судне для 46 человек оказа-

[1] «Журнал» Хитрова, л. 122а.

[2] Табака.

[3] В июне 1944 г. экспедицией тихоокеанского флота (кап. И. Тарасенко) обнаружены землянки и склад вещей, оставленных спутниками Беринга. При раскопках извлекли ядра, кортечь, порох, лот, посуду, бусы, части бегучего такелажа и прочее.

лось очень мало, то пришлось выбросить в море излишний багаж: подушки, постели, платье. Через два дня судно внезапно дало течь, и при переполнении его грузом стоило больших трудов заделать отверстие.

17-го утром увидели землю. Это, оказалось, был Кроноцкий мыс; решили итти к Аваче; но все время было затишье или противные ветра, и лишь 26 августа, частью на веслах, частью под парусами, удалось войти в Петропавловскую гавань. Еще в Авачинской губе от пригребших в байдаре камчадалов узнали, что капитан Чириков вернулся, а вместе с тем были опечалены известием, что все личные вещи экипажа, оставшиеся на берегу, расхищены, так как здесь считали, что «Св. Петр» со всеми людьми погиб.

В Охотск попали лишь в следующем, 1743 году. Известие о смерти Беринга дошло до Петербурга не скоро: еще в январе 1743 года Сенат посылал указ на имя покойного капитан-командора. Только 4 сентября 1743 года в адмиралтейств-коллегии был получен рапорт Вакселя о событиях на острове Беринга.

XVIII. ПЛАВАНИЕ ЧИРИКОВА

Как уже рассказано, корабли Беринга и Чирикова разлучились 20 июня 1741 года, приблизительно под широтой 49°.

Пролежав сутки в дрейфе, Чириков взял курс на восток, а потом на ENE. С 11 июля стали показываться признаки земли: утки, чайки, плавающий в воде лес, тюлени. В ночь на 15 июля, под 55°36′ с. ш. [1] увидели землю, которую на основании расчета по расстоянию от Калифорнии, а равно по картам Гомана и Делиля, признали «подлинною Америкою». Положение этого пункта по долготе на 5½° восточнее, чем принимал Чириков.

На берегу, под 55°21′ с. ш., виднелись высокие горы и лес. Это был мыс Аддингтона на одном из островов к западу от северной половины острова Принца Уэльского, в южной части территории Аляски, в области распространения тлинкитов (колошей) из отделения ханега, на южном конце их местообитания. Южную треть острова Принца Уэльского (или Бобрового) занимают индейцы-хайда, или, как их называли русские, кайганы, народ по языку и социальному строю близкий к тлинкитам. Кайганы выселились

[1] Так в подлинном журнале Чирикова (см. F. A. Golder. Berings voyages, I, N. Y., 1922, p. 290, перевод и факсимиле относящейся сюда страницы из журнала); в подлинном донесении Чирикова адмиралтейств-коллегии от 7 декабря 1741 г. (см. Экспедиция Беринга, 1941, стр. 274) тоже 55° 45′, но в Морском сборнике, 1893, № 5, стр. 8 ошибочно 55° 31′.

сюда с острова Королевы Шарлотты в первой половине XVIII века. К сожалению, мы не знаем, были ли они на острове Принца Уэльского во времена Чирикова.

Таким образом, Чириков достиг американского берега на 1½ суток ранее Беринга.

В полдень 15-го ветер стих. В расстоянии трех миль от земли послали на берег шлюпку, чтобы осмотреть, нет ли удобного для судна места. Но такового не оказалось. Посланные люди видели на берегу много сивучей, а в горах «великой лес, елник, пихтовник и сосняк». Пошли вдоль берега на северо-запад.

17-го, под широтою 57° 50′, т. е. на берегу острова, ныне носящего имя Чичагова, усмотрев залив (на самом деле пролив Лисянского), послали на берег штурмана Абрама Михайловича Дементьева с десятью вооруженными людьми. Им дана письменная инструкция: об отыскании якорного места, об условленных сигналах с пакетботом, о переговорах с жителями: как называется земля, под чьею властью, сколько жителей и о даче им подарков, для чего отпущены один котел медный и один железный, двести корольков, китайского табаку, бумажка игол, китайские материи, а также «десять рублевиков, которые лаская здешним народом по рассуждению вашему давать». Далее, посланным наказывалось осмотреть землю, леса и травы, искать драгоценных камней и руд, для чего дан образец серебряной руды. Возвратиться они должны были самое позднее на следующий день. С судна видели, как лангбот приближался к берегу, а как приставал, того не видели.

Посланных ждали неделю, но они не возвращались. 23-го днем на берегу замечен в месте высадки Дементьева огонь. Решили послать туда на маленькой лодке боцмана Сидора Савельева с одним матросом, плотником и конопатчиком и с провизией. Погода была тихая. Видели, как посланные пристали к берегу, но условленного сигнала (зажженного огня) от них не последовало. И эти посланные не вернулись. Судьба 15 человек команды Чирикова неизвестна. Мало правдоподобно, чтобы они были предательски умерщвлены здешними тлинкитами, которые до того никогда не видали европейцев. Скорее, как думает Гольдер,[1] лодки попали в водоворот, образуемый приливо-отливными течениями, и погибли. Такой случай произошел в 1786 году в этой области с двумя лодками Лаперуза.

Про штурмана Абрама Михайловича Дементьева Миллер пишет, что это был человек «молодой, прекрасный, добродетельный, опытный в своем ремесле и ревностный к службе отечества».

[1] F. Golder. Russian expansion on the Pacific. Cleveland, 1914, p. 187

24-го увидели две лодки, вначале принятые за свои. С одной из них, в довольно далеком расстоянии, люди кричали «агай, агай», махали руками, но обе воротились. «Тогда,— пишет Чириков,[1]— мы утвердились, что посланные от нас служители всеконечно в несчастье, понеже штюрману Дементьеву, как отправлен, уже настали осьмые сутки, и было довольно время, способного к возврату, и мы к тому месту ходили в самой близости, токмо он не возвратился. А по отправлении боцмана [Савельева] мы от того места не отлучались, а погода была всё тихая». На этом месте продержались до вечера, когда отошли от берега и пошли далее на северо-запад. То обстоятельство, что «американцы» не хотели приблизиться к судну, заставляло Чирикова предполагать, что они или убили посланных людей, или взяли их в плен. Но это неправдоподобно.

Как указывает Эммонс (G. Emmons), известный исследователь быта тлинкитов, крик агай, о котором упоминает Чириков, вероятно, на самом деле, был словом агау (agou), что по-тлинкитски значит «иди сюда». Таким образом, у тлинкитов, никогда дотоле не видавших европейцев, без сомнения, были мирные намерения.[2]

Кроме потери людей, особенно чувствительна была еще гибель обеих лодок, лишившая возможности запасаться водой. Поэтому 26 июля, под широтой 58°21′[3] решили итти назад, на Камчатку. Наши мореплаватели имели перед собою величественый хребет св. Ильи, покрытый снегами и мощными ледниками. «Св. Павел» находился в области приблизительно бухты Льтуа, близ южного конца упомянутого хребта, где у самого берега вздымаются к небу гигантские, обрывистые пики высотой до 6000 м (группа Fairweather). Ледники здесь доходят до самого берега моря, снеговая линия лежит на высоте 600 м.[4] Об этих местах Брукс выражается так: «голые скалы, обширные пространства снегов и льдов, обрывистые пики и гребни, подымающиеся почти до 3000—3600 метров высоты над морем, являют зрелище, равное коему по величию вряд ли найдется где-либо на земле».[5]

28 июля были приблизительно в местах, которые дней за десять до того покинул Беринг. 31 июля, под широтой 58°46′ видели берег, простиравшийся к западу — «горы высо-

[1] Экспедиция Беринга, 1941, стр. 278.
[2] F. Golder. Bering's voyages, I, 1922, p. 311.
[3] Так в донесении Чирикова, в журнале 58°57′.
[4] A. Brooks. U. S. Geol. Survey, Profess. Papers, Nr. 45, 1906, p. 245.
[5] L. c., p. 52. — Хребет св. Ильи, в узком смысле слова, тянется от горы св. Ильи на восток до Cross Sound (p. 29—30).

кие, покрытые снегами»; это был мыс Елизаветы, у юго-западного конца Кенайского полуострова.

Чириков так описывает осмотренные им берега Америки: «А при земле, при которой мы ходили и осмотрели около 400 верст, видели китов, сиучей, моржей, свинок [вероятно, котиков], птиц уток белоплеких множество да другово роду, у которых красные кривые носы, и чаек множество разных родов. По земли оной везде высокие горы и берега к морю имеет крутые и весьма приглубы; а на горах близь того места, где пришли к земли, лесу довольно большого росту, на них же и снег изретка виден был, а что̀ севернее шли, то больше на горах снегу оказывалось».

С 21 августа, «для скудости воды» стали команду кормить кашей два раза в день только через два дня в третий, а офицеров кормить вообще раз в день. «И для питья давать воду каждому человеку мерою, которою могли токмо жажду утолить».

Продолжая плавание, утром 4 сентября под 52°23′ с. ш. увидели вдалеке на севере высокую землю, крупный остров Умнак. Этот остров, принадлежащий к восточным Алеутским, был опять открыт и положен на карту передовщиком и мореходом яренским посадским Глотовым, во время плавания 1759—1762 годов. 1 сентября 1759 года он пристал к Умнаку и во время продолжительного пребывания здесь познакомился и с Уналашкой.[1] На Уналашке расположена сопка Макушинская — вулкан, достигающий 1670 м (по другим данным, 1735 м) высоты, одна из высших точек Алеутской гряды.

8 сентября внезапно, после свежего ветра, среди непроницаемого тумана заштилело, и судно оказалось у самого берега (51°40′). Едва успели бросить якорь. На следующее утро, когда прояснилось, увидели, что, как бы чудом, судно занесено в небольшую бухту. Берега оказались высокие, каменистые, безлесные, покрытые травой. Это был остров Адак, один из крупных в группе Андреяновских. Поутру на семи кожаных байдарах подъезжали алеуты, в каждой — по одному. Сначала они минут пять кричали и «шаманили», а потом стали говорить по-обыкновенному, но на палубу, несмотря на приглашения, не всходили. Подарки, которые им предлагались, — чашки, звонки, табак, трубки, иголки, материя, даже медный котел, — произвели на них мало впечатления. Медный котел они даже вернули обратно: он им был не нужен, так как алеуты пищу не варили, а употребляли в сыром и вяленом виде или же жарили на каменных сковородах. Единственно, что им понравилось, это ножи. Алеутов просили привезти, в обмен на ножи, воду. Действительно,

[1] Вениаминов. I, стр. 115.

несколько человек привезли в пузыре воду, но, получив нож, воды не хотели дать, требуя на каждого по ножу. Чириков пишет о них в своем журнале так:[1] «Собою они мужики рослые, лицом похожи на татар, видом бледны, а знатно, что здоровы, бород почти у них нет, от природы или выщипывают; только двух или трех человек видели с бородами короткими. В носах имеют коренья воткнутые, отчего у них и кровь текла... На голове у себя они имеют, вместо шляп, сделанные из березовых тонких досок жолобки, которые разными красками выкрашены и перьями натыканы, а у некоторых привязаны костяные штатурки [т. е. статуетки]».[2] Алеуты подарили мореплавателям одну такую шляпу, а кроме того четыре стрелы, «коренья некакой травы, какие у всех у них в носы положены», и, наконец, краски («некакой минерал, а по моему признанию оной антимониум крудум или сурма»).

Вечером того же дня вышли отсюда, причем при отходе были вынуждены отрубить якорь.

Остров Адак был открыт вторично мореходом архангелородцем Башмаковым, на судне «Иеремия», 2 сентября 1752 года. Потерпев у берега Адака крушение, он прожил здесь до июля 1754 года. Про алеутов этого острова он сообщил: «народ чукотский, рожи шитые, вкладывают костяные зубы».[3] В 1757—1758 годах он снова зимовал на острове совместно с Лазаревым.[4] В 1759 году на Адаке был убит мореход Шевырин.[5] В 1761 году Адак посещен Адрианом Толстых.[6] Первые промышленники нередко давали этому острову название Аяг или Аяга, под каким он и значится в первых описаниях.[7]

Недостаток воды на «Св. Павле» давал себя чувствовать все более и более. Еще с 21 августа, как мы говорили, дача воды и пищи была уменьшена; затем стали варить кашу только через день; в остальное время питались сухарями и маслом, иногда отваривая солонину в морской воде. С 14 сентября стали варить кашу по одному разу в неделю и выдавать в день по пять чарок воды, но зато «в подкрепление, сверх регламентной чарки водки, давалось еще по две».

---

[1] Соколов, стр. 404.

[2] Об алеутских шляпах мы говорили выше, стр. 243.

[3] Полонский. Перечень путешествий русских промышленников в восточном океане с 1743—1800 гг. Рукопись Геогр. общ., лист 20.

[4] Там же, л. 38.

[5] Там же, л. 31.

[6] Там же, л. 38.

[7] См. Месяцослов истор. и географ. на 1774 и 1781 г. (перепечатано в Собрании сочинений из месяцословов, III, 1789, стр. 450—351; IV, 1790, стр. 325.

16 сентября заболел Чириков; из команды многие были больны, один умер.

21 сентября увидели под широтой 52°35′ предпоследний из Алеутских островов, Агатту, а в отдалении самый западный, Атту. Эту землю, равно как и остров Адак, Чириков считал за продолжение материка Америки. С этого дня Чириков уже не мог выходить наверх. Управление судном было поручено штурману Ивану Елагину, которому помогал тяжко больной Чириков, давая указания насчет курсов: хотя Чириков, по его словам, «весьма от цынги изнемог и находился в отчаянии жизни и уже по обычаю был приготовлен к смерти», тем не менее он был «в памяти». Елагин тоже был болен, но, преодолевая свою немощь, почти безотлучно находился наверху. За «искусство и всегдашнюю трезвость» Чириков произвел его в лейтенанты, каковое повышение впоследствии было подтверждено адмиралтейств-коллегией. В октябре умерли лейтенанты Чихачев и Плаутин и еще двое из команды. 8 октября (1741 года) увидели, наконец, Авачу, хотя считали себя уже на 11° к западу от нее. Задерживаемые ветром, только вечером 9-го могли войти в бухту, а 10-го, не имея гребных лодок, выстрелом потребовали пособия с берега. В то же утро скончался астроном Делиль де-ла-Кройер, только что приготовившийся к высадке на берег: выйдя из своей каюты на палубу, он упал и умер. В полдень съехал Чириков. Из 70 человек экипажа вернулось всего 49.

Несмотря на бедствия от недостатка воды, от цынги и невероятных штормов, Чирикову все же удалось привести свое судно обратно в Авачинскую губу. «Плавание Чирикова,— говорит А. Соколов (1849), — есть истинное торжество морского искусства, торжество воли человека над случайностями».

В следующем, 1742 году Чириков, не совсем еще оправившийся от болезни, решил опять заняться исследованием американских берегов.[1] 25 мая он, имея только одного офицера, штурмана Елагина, вышел из Авачинской губы к востоку и 8 июня под широтой 52° увидел гористый остров, названный островом Федора, — ныне Атту. «Лесу на нем и зелености никакой нет, и весь состоит в горах каменных, на которых множество снегу». Из-за неблагоприятных ветров и постоянных туманов 16 июня повернули обратно в Камчатку. На возвратном пути Чириков 21 июня видел остров Беринга, где тогда находился экипаж «Св. Петра», обошел его с южной стороны и назвал островом св. Иулиана;

[1] Об этом плавании Чириков сообщил адмиралтейств-коллегии 18 октября 1742 года. См.: Экспедиция Беринга. 1941, стр. 290—294.

в 5 часов утра 23 июня, когда остров очистился от тумана, «Св. Павел» был в расстоянии всего четырех морских миль от берега; у острова видели множество морских котов. Но уже в 6-м часу утра остров опять покрылся туманом. 1 июля Чириков вернулся в Петропавловскую гавань, а 16 августа того же 1742 года — в Охотск.[1]

Чтобы закончить о работах экспедиции в восточных морях, следует прибавить, что ею произведены съемки берегов Охотского моря и Камчатки.

Чириков жил, сначала больной, в Енисейске. Еще до отправления к берегам Америки, в письме к Головину от 6 августа 1740 года из Охотска, Чириков просил, чтобы «по возврате к Камчатке из надлежащей нам экспедиции, из которой, — писал он, — чаем возвратиться к Камчатке к осени в 1741 году, взят был в Питербурх, дабы я в здешних дальностях вовсе покинут не был, в которых уже многое время прожил во всяких прискорбностях и недовольствах и дабы я не был отдан в настоящей отдаленности в команду и в руки крайнему моему неприятелю капитану Шпанбергу».[2] Только в 1746 году, через 4 года после окончания своих плаваний, Чириков был вызван из Енисейска в Петербург. В 1748 году Чириков скончался в чине капитан-командора. Г. Миллер говорит об этом замечательном мореплавателе, что «память его у всех, кои его знали, в забвение не прийдет».

XIX. ИССЛЕДОВАНИЯ АЛЕУТСКИХ ОСТРОВОВ В XVIII ВЕКЕ

Несколько слов об истории исследования Алеутских островов после Беринга и Чирикова.

Когда в 1742 году спутники Беринга вернулись с острова его имени на Камчатку, имея с собой большое количество бобровых мехов, это сейчас же вызвало целый ряд экспедиций купцов и промышленников на восток. Так постепенно была открыта вся цепь Алеутских островов вплоть до Аляски.[3] В Алеутской гряде островов алеутами, а затем и на-

[1] Об этом плавании см. рапорт Чирикова в адмиралтейств-коллегию от 18 октября 1742 г.; см.: Экспедиция Беринга, 1941, стр. 200—294.

[2] Экспедиция Беринга, 1941, стр. 326. Ср. также стр. 338: письмо Чирикова к Головину из Якутска от 15 мая 1743 г.

[3] История открытия Алеутских островов изложена в следующих сочинениях, заключающих также немало сведений по древней этнографии алеутов:

(Я. Стелин) Краткое известие о новоизобретенном северном архипелаге. Месяцослов исторической и географической на 1774 год (перепечатано в Собрании сочинений, выбранных из месяцословов, III, СПб., 1789, изд. Акад. Наук, стр. 335—362). — Jac. v. Stählin. Das von den Russen

шими промышленниками отличены, как известно, следующие группы островов, начиная с запада: Ближние, Крысьи, Андреяновские и Лисьи.

После Чирикова и Беринга впервые отправился на восток тобольский крестьянин Емельян Басов. В 1743 году он, выйдя из устья Камчатки, посетил на судне «Петр» остров Беринга и зимовал здесь (1743—1744), в 1745 году высаживался на острове Медном; в 1746 году к востоку, во время плавания, видел много островов, но за дурной погодой не приставал.

В 1745—1746 годах на Ближних островах зимовали мореход Михаил Неводчиков и передовщик Яков Чупров, а с ними 45 промышленников и камчадалов. В конце сентября 1745 года русские на острове Агатту (из Ближних), впервые после Чирикова и Беринга, встретились с алеутами. На следующий же день Чупров имел, вследствие какого-то недоразумения, кровавое столкновение с несчастными алеутами. Через два дня отправились на остров Атту, другой из Ближних; здесь тоже беспричинно

in den Jahren 1765, 66, 67 entdekte nordliche Insel-Meer zwischen Kamtschatka und Nordamerika. Stuttgart, 1774, 12°, 40 pp., карта. — Neue Nachrichten von denen neuentdekten Insuln in der See zwischen Asien und Amerika: aus mitgetheilten Urkunden und Auszügen, verfasset von J. L. S** Hamburg und Leipzig, 1776, 8°. — W. Coxe. Account of the Russian discoveries between Asia and America. London, 1780, 4°, XXII+344 pp. (Компиляция по предыдущим, но, кроме того, здесь впервые напечатан, p. 251—266, отчет экспедиции Креницына и Левашева). Отсюда этот отчет переведен с дополнениями Палласом в Neue Nordische Beyträge, I, 1781, p. 249—272, с картой. — П. Паллас. О российских открытиях на морях между Азиею и Америкою. Месяцослов истор. и географ. на 1781 год, стр. 1—150 (перепечатано в Собр. сочин. из месяц., IV, 1790, стр. 263—392). — P. Pallas. Erläuterungen über die im östlichen Ocean zwischen Sibirien und America geschehenen Entdeckungen. Neue Nordische Beyträge, I, 1781, p. 273—313, с картой. — P. Pallas. Bericht von einer im Jahre 1772 angetretenen vierjährigen Seereise... des Peredofschiks D. Bragin. Там же, II, 1781. — В. Берх. Хронологическая история открытия Алеутских островов или подвигов Российского Купечества. С присовокуплением Исторического известия о меховой торговле. СПб., 1823, III+169 стр. — А. Соколов. Экспедиция к Алеутским островам капитанов Креницына и Левашева. 1764—1769. Записки Гидрограф. департ., X, 1852, стр. 70—103. — А. Полонский. Промышленники на Алеутских островах (1743—1800). Рукопись на 152 листах в архиве Геогр. общества (шифр Б. V. 3). — А. Полонецкий. Перечень путешествий русских промышленников в Восточном океане с 1743 по 1800 год. Рукопись на 99 листах в архиве Геогр. общества (шифр Б. V. 2). Рукописи Полонского, относящиеся, повидимому, к 60-м годам прошлого столетия, заключают ценный материал, частью заимствованный из сибирских архивов. К сожалению, автор нигде не указывает своих источников. Пользование этими трудами, кроме того, значительно затруднено вследствие того, что автор не делает различия между впервые публикуемым материалом и данными, взятыми из литературы. Тем не менее рукописи Полонского представляют большую важность. — Л. Берг. Из истории открытия Алеутских островов. Землеведение, XXVI, вып. 1—2, 1924, стр. 114—132

перебили много туземцев, а одного мальчика взяли в плен, чтобы он мог впоследствии сделаться толмачом. У Полонского [1] мы заимствуем следующие данные. Когда промышленники устроились на зимовку на острове Атту, один из них, Беляев, со своей артелью пошел к алеутскому селению. Увидев русских, островитяне разбежались, осталось только двое мужчин на юрте и несколько женщин внутри ее. «Обоих мужчин промышленники убили, а женщин, выведя из юрты, кололи и бросали с утеса в море под тем предлогом, что по отобрании у них кормов, они должны же погибнуть с голода». Через несколько дней у другого селения перекололи 40 алеутов-мужчин; «затем начали выводить из юрт женщин и старых из них кололи, а молодых оставили себе для услуг». Передовщик Чупров «не только не принимал мер к ограничению жестокостей, но и сам, постоянно вооруженный болтом, убивал встречавшихся туземцев, перехватывал вооруженною рукою появлявшиеся байдарки и даже велел сварить саламат с сулемою для отравления приходивших в гавань». Слухи об этих жестокостях дошли до властей, промышленники отданы под суд, и Беляев присужден к наказанию.

Мих. Неводчиков составил карту новооткрытых островов — Атту, Агатту и Семичи, которая отослана в Сенат 4 мая 1751 года.

После Чирикова и Беринга (1741) Андреяновские острова впервые были посещены, насколько мне известно, судном «Петр», принадлежавшим купцу Трапезникову. Именно, во время плавания 1750—1752 годов мореход Наквашин побывал на острове Атха, где пойман для обучения русскому языку «иноземец» Халюнасан.[2] Затем, 2 сентября 1752 года судно «Иеремия», которым управлял мореход архангелогородец Башмаков, разбилось у острова Адак. Утром после крушения туземцы встретили русских неприязненно: одного убили и одного ранили (русских было всего 14 человек, да с ними 20 камчадалов). Русские оставались на острове вплоть до июля 1754 года, промышляя морских бобров. В 1756 году тот же Башмаков снова отправился в плавание. 12 июля 1757 года он пристал к острову Кыска (из Крысьих), а 25-го высадился на острове Танага. Здесь промышленники оставались целый год, занимаясь промыслом.[4] Вследствие притеснений, которые чинились алеутам, последние стали относиться к русским враждебно. Приведем из рукописи

[1] Перечень путешествий, л. 12.
[2] Там же, л. 9.
[3] Там же, л. 20.
[4] Там же, л. 25.

Полонского[1] потрясающее описание одной из стычек между русскими и алеутами на острове Канага:

«В отсутствие Всевидова и Лазарева [первый — передовщик, второй сборщик с судна «Петр и Павел», коим управлял Башмаков], отправившихся с частью команды на другой остров за лесом для спуска на воду судна, островитяне напали, и с берега и с моря, на оставшихся в гавани. Промышленные спасались за бортом стоявшего на берегу судна и ружейными выстрелами прогнали алеутов. Остались на месте сражения две байдарки, на которых были тяжело раненые алеуты, и в одной из них найден мальчик [увезен на Камчатку, крещен там и потом поступил в казаки под именем Ивана Черепанова]. Через три дня приехал со своими родниками отец для выкупа мальчика; но опасаясь мщения, алеуты отказывались выходить на берег. Обманом удалось, однако, заманить на судно тойона [старшину] и одного алеута. Им растянули ремнями руки и ноги и начали мучить, поливая тело горящею смолою, а потом тойону отрубили голову». Спустя некоторое время Башмаков послал на берег рабочих, которые «произвели страшные убийства, а потом ограбили и сожгли селение».

В 1759 году острова Атха и Амля посетил мореход Сила Шевырин. На последнем острове русские зазимовали. Летом 1760 года Шевырин был убит алеутами на Адаке.[2]

В 1759 году иркутский купец Бечевин отправил из Охотска на Алеутские острова бот «Гавриил». 24 сентября бот остановился на зимовку у острова Атха; людей за кормами посылали на остров Сигуам (самый восточный из Андреяновских).[3]

В 1759—1762 годах на Умнаке и Уналашке был яренский посадский Степан Глотов; 1 сентября 1759 года он пристал к Умнаку и во время продолжительного пребывания здесь познакомился и с Уналашкой. Оба острова положены на карту.

В 1760—1764 годах селенгинский купец Адриан Толстых произвел на судне «Адриан и Наталия» подробное обследование группы островов, названных его именем. С ним было 54 человека команды: из них 32 русских и 22 камчадала; среди команды — камчатские казаки Максим Лазарев, плававший ранее с Башмаковым, и Петр Васютинский.

27 сентября (старого стиля, как и ниже) 1760 года судно отправилось из устья реки Камчатки в морской «ваяж».[4]

[1] Там же, л. 26.

[2] Там же, л. 31; также Собрание сочинений из месяцословов, IV, стр. 317—320.

[3] Полонский. Перечень путешествий, л. 34.

[4] Описание плавания «Адриана и Наталии» составлено по «Копии

Через два дня прибыли на «Командорский остров», т. е. к острову Беринга. Сильными осенними ветрами судно, стоявшее на двух якорях, было выброшено на берег, но никакого вреда не потерпело. Люди должны были здесь перезимовать. В зиму 1760/61 года они ловили тут морских китов и сивучей. Мясом китов питалась команда, а из кож сивучей делали обшивку для байдар. 24 июня 1761 года вышли в море, миновали «состоящей от командорского острова не в дальнем расстоянии, попримеру во сте пятидесяти верстах, медный остров» и 6 августа подошли к острову Атту, самому западному из Ближних. Здесь Адриан Толстых встретился с знакомым ему ранее тойоном («главный начальник») Бакутаном. Ему и бывшим у него под командою 7 алеутам подарили один чугунный котел весом в 8 фунтов, ржаной муки 15 фунтов, дабы и холста каждому на две рубашки, игол, четыре теплых камзола, похожих на мерлушечьи, каждому по паре теплых замшевых перчаток и по паре холодных и по кушаку. Кроме того, тойону Бакутану даны сапоги козловые. Все это дано «без всякого от них истребования», для засвидетельствования дружелюбия. Из Большерецкой канцелярии Адриану Толстых была дана «за казенною той канцелярии печатью и шнуром» книга, в которую надлежало записывать взятый с алеутов ясак. Но взять ясака на острове Атту не пришлось, так как у тойона Бакутана и у его «команды» не оказалось никаких зверей. К тому же, одновременно с судном «Адриан и Наталия» у Ближних островов находилось еще несколько судов, именно лальского жителя Чебаевского, шуйского купца Посникова, иркутского посадского Трапезникова, и у всех у них были с собой «шнурозапечатанные ясашные книги» из той же Большерецкой канцелярии . . .

В качестве лоцманов и толмачей Толстых взял у Бакутана двоих алеутов, «отчасти знающих российских разговоров». 19 августа отбыли от острова Атту на восток. Погода была весьма бурная. 28 августа пристали к незнакомому острову, который потом оказался Адаком. По осмотре берегов обнаружено место, удобное для зимовки судна. На западной стороне острова нашли двух выброшенных морем малых китов. Мясо и жир этих китов пошли в пищу команде. В проливе между островами Адак и Канага Лазарев встретил знакомого алеута, зятя тойона с острова Канаги. Промышленники одарили его китовым мясом и жиром. Лазарев в сен-

с репорта, поданного от возвратившегося из морского ваяжу на судне селенгинского купца Андреяна Толстых, камчатского казака Петра Васютинского стоварищи». Эта копия находится в деле Главн. гидрогр управления № 861.

тябре того же 1761 года уплыл на одной байдаре с 9 промышленниками на остров Канагу. Тойон этого острова обещал Лазареву приехать на Адак; и действительно, через некоторое время прибыл на малых байдарах в сопровождении 14 алеут; в каждой байдарке было по алеуту. Все они были одарены Толстых. Ласковым обхождением добились от тойона того, что он заявил о желании «быть во верноподданической ее императорскому величеству должности и в вечном подданстве и в ясашном платеже и познавать российского государства людей совершенными приятелями». Тойон согласился принять на остров Канагу для перезимовки четыре байдары с промышленниками; в числе их были Лазарев и Васютинский; Толстых же оставался на Адаке при судне, которое было вытащено на берег. На Канаге не было ни бобров, ни сивучей; здесь алеуты промышляли только нерпу (тюленя), а из рыб палтуса (из семейства камбал, Hippoglossus hippoglossus stenolepis), достигающего свыше 100 килограммов весу, и треску. Последнюю ловят костяными удочками, насаженными на поводки из морской капусты.

В октябре 1761 года Лазарев с двумя байдарами отправился на другой остров Танаваян (Танага?). Жители этого острова тоже добровольно согласились платить ясак. Вскоре все байдары вернулись на Адак, не привезя с собой никакой пушнины. Отсюда Толстых посылал людей на острова Тагалак, Атху и Амлю. Всюду без затруднений объясачили алеутов и, кроме того, успешно производили промысел морских зверей. Всего за 1763 и 1764 годы упромышлено было компанией Толстых, пятью байдарами, бобров 1886, кошлаков (т. е. полувзрослых бобров) 778, медведков бобровых (т. е. питающихся еще молоком матери) 372, хвостов бобровых 2220, да от алеутов добровольно получено лоскутов бобровых 200, песцов, голубых и недопесков, 532. Кроме того от алеутов взято в ясачный платеж бобров-маток и кошлаков сто штук.

В 1764 году Толстых решил вернуться на Камчатку. Перед отплытием он пригласил к себе тойонов соседних островов и спрашивал, не было ли алеутам от русских обид. На это тойоны, «единогласно при всех тогда находящихся людях объявили, что как тойонам, так и прочим никакой обиды, кроме одного оказуемого им всем всякого благосклонного благодеяния и приязни, чинено не было». Алеуты привезли в подарок тресковой юколы. В свою очередь русские одарили их котлами и котовыми лафтаками.

С острова Атхи суздальский крестьянин Иван Кокин привез пятнадцатилетнего безродного мальчика Фому, который жил при промышленниках и обучился русскому языку.

Со стороны атхинского тойона не было препятствий к тому, чтобы увезти мальчика на Камчатку. Кроме того, русскими взят с собой двенадцатилетний мальчик алеут Стефан, сирота: его родители были убиты «от незнаемых народов смертной между собой войны», а он с сестрой взят в плен. Когда пленного мальчика привезли на байдаре к острову, где были русские, он ночью бежал к ним и отдал себя «к защищению».

14 июня 1764 года судно «Адриан и Наталия» отплыло с Адака на Камчатку. 19 июля пришли к небольшому острову Самия (Сабия, Шемия, Семичи, один из Ближних, восточнее острова Агатту). Здесь 21 июля судно ветром было выброшено на камни и сильно повреждено. Пришлось всю кладь выгрузить на берег и чинить судно. 19 августа снова отправились в путь, оставив на Самии двух вывезенных с острова Атту «для толмачества» алеутов, а равно тех двух мальчиков с Адака, о которых рассказано выше. На следующий день пристали к большому острову Атту, где застали промышленников с разбившегося судна «Св. Петр и Павел», принадлежавшего яренскому купцу Стефану Тырину. Взяв их на судно, 27 августа вышли в море и 4 сентября увидели камчатский берег у Чаяминского острожка. Противные ветры не позволяли подойти к устью реки Камчатки. Когда, наконец, 17 сентября судно «Адриан и Наталия» подошло к устью Камчатки и стало на двух якорях, во время шторма его выбросило на берег, разбило, а потом и унесло в море. Бо́льшая часть груза была спасена, но часть вещей погибла, и между прочим — ящик, в котором хранилось описание всего путешествия, островов и живущих на них алеутов. Удалось спасти вывезенную с острова Адака алеутскую байдарку, обтянутую кожею, с двумя небольшими выкрашенными «веслами» (на самом деле это были древка стрелок для охоты за морскими бобрами), деревянную шляпу («гребень») и поводок с костяными удами; все эти вещи были отправлены в Большерецкую канцелярию.

Сибирский губернатор Чичерин, получив описание Андреяновских островов, сделанное казаками Лазаревым и Васютинским, представил об этом деле Екатерине II. Ко дню тезоименитства императрицы Чичерин приносил ей «всеподданнейшее и рабское поздравление» приведенными в подданство и в платеж ясака «доныне неизвестными шестью островами» — хотя, как мы видели, острова эти были открыты еще до Толстых. К своей реляции Чичерин приобщил карту Андреяновских островов и некоторые приведенные оттуда алеутские вещи: три плетеных из травы мешка, нитки из рыбьих жил, костяные удочки и «три досточки из дерева,

которые к тем островам море приносит, две подобные кипарису, а третья совершенно красное дерево».[1]

В 1768—1769 годах состоялась мало удачная экспедиция капитанов Креницына и Левашева. Ими посещены Лисьи острова, Умнак, Уналашка и западная часть полуострова Аляски, произведены съемки, и составлена карта. С этого времени Алеутская гряда может считаться окончательно открытой. Следует еще отметить, что в 1790—1792 годах Г. А. Сарычев произвел полную опись всех Алеутских островов, а также всех островов Берингова моря на север до Берингова пролива.

В 1867 году Алеутские острова, вместе с Аляской, были проданы Соединенным Штатам. По переписи 1930 года, на островах было всего населения 1116 человек.[2]

[1] Копия с реляции Чичерина имеется в том же деле № 861 Главн. гидрогр. департамента.

[2] Fifteenth Census of the United States: 1930. Population, vol. I, Washington, 1931, p. 1222.

Царство Сибирское. В зимнее время во странах Сибирския земли во многих местах мраза ради и тяжких воздухов никто же обитати и жительствовати может в то время, но бывают пусты и бесчеловечны.

Космография, еже глаголется описание всего света, изыскана и написана от древних филосов и преведена с Римского языка на Словенский. 1696 г., стр. 528.

Какая похвала Российскому народу
Судьбой дана, протти покрыту льдами воду.
Хотя там кажется поставлен плыть предел;
Но бодрость подают примеры славных дел.
. . . . . .
Колумбы Росские, презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь отворят на восток,
И наша досягнет в Америку держава.

Ломоносов. «Петр Великий», 1760.

В Ледовитом океане будущая Россия должна найти свои пути выхода. Если мы победили твердыни гор, надо и льды побороть. А около льдов немало и золота и всякого иного добра — своя Америка.

Д. И. Менделеев, 1904

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

РАБОТЫ КАМЧАТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ НА СЕВЕРЕ СИБИРИ

XX. СВЕДЕНИЯ О КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ СИБИРИ ДО XVIII ВЕКА

Ознакомление с низовьями рек

Опись северных берегов Сибири от Вайгача до Б. Баранова мыса, что к востоку от устьев Колымы, представляет одно из самых замечательных достижений Камчатской экспедиции. Некоторые участки этих берегов до самого последнего времени наносились со съемок Камчатской экспедиции.

Прежде чем приступить к изложению хода работ экспедиции 1734—1743 годов, скажем несколько слов о том, в каком состоянии были к тому времени сведения о севере Сибири.

Низовья Оби стали известны русским не позже второй половины XIV столетия. В Новгородской 4-й летописи, под 1364/65 годом значится: «тои зимы с Югры Новгородци приихаша, дети боярьскиа и молодыи люди, и воеводы..., воевавше по Обе реки до моря, а другая половина рати на верх Оби воеваша».[1]

Следующие, по временам, сведения относятся к концу XV века. В 1483 году московские войска, во главе с князем Федором Курбским, перешли за Уральские горы. В описании этого похода рассказывается, что воеводы имели бой с вогуличами на реке Пелыме, притоке Тавды (Тобольский край), затем прошли по Тавде «мимо Тюмень в Сибирскую землю», а «от Сибири шли по Иртишу реце в низ воюючи, да на Обь р. великую, в Югорскую землю». Под именем Югорской земли в памятниках XII—XIV веков, повидимому, разумеется область, начинавшаяся у северо-западного склона Урала, но уже в XIV веке название это относится определенно к низовьям Оби.[2] Название югры объясняют из зырянского языка: ёгра (jögra), или дикий человек, варвар, есть зырянское наименование северных вогулов (иначе «ляпинских остяков»).[3] Судя по книге Большого Чертежа, Югорская

---

[1] Полное собр. русск. летописей, IV, ч. I, Пгр., 1915, стр. 291.

[2] Е. Замысловский. Герберштейн. СПб., 1884, стр. 139.

[3] Замечательно, что имя югров (угров, венгров) было известно еще Геродоту (IV, 22) в сарматском произношении iугсае (иирки). Они жили

земля была расположена приблизительно в области Березова: «А по Оби реке и по рекам, которые реки в нее пали. От устья вверх Обдорские грады. А выше Обдорских градов Югорские». «А те грады по Сыгве и по Сосве — Югра».

После похода Федора Курбского сведения о севере Сибири в Московском государстве стали более разносторонними. Об этом можно судить по относящемуся к концу XV или к началу XVI века памятнику под заглавием «О человецех незнаемых на восточной стране и о языцех розных».[1] Наряду с фантастическими сообщениями, мы находим здесь и верные данные. Например, о сибирских самоедах здесь рассказывается: «На восточной стране, за Югорьскою землею, над морем, живут люди Самоядь, зовомыи Малгонзеи. Ядь их мясо оленье да рыба. Сии ж людие не великии возрастом [т. е., ростом], плосковиды, носы малы, но резвы велми и стрельцы скоры и горазди. А ездят на оленях и на собаках; а платье носят соболие и оленье, а товар их соболи».

Род малгонзеи, правильнее монгкаси, дал впоследствии имя городу Мангазее на реке Тазе, основанному в 1600 году кн. Мироном Шаховским и Данилом Хрипуновым. Наименование Мангазея происходит от слов языка энцев (енисейских самоедов) монгкаси и я (земля), т. е. земля рода монгкаси. Последнее же слово значит «лесные», от монгка — лес. Это указывает на то, что здешние самоеды — энцы, живущие в безлесной местности, пришли с юга.[2]

Под именем Мангазеи в широком смысле слова понималась область между реками Тазом и низовьями Енисея. Эти места стали известны русским не позже середины XVI века: англичанин Ричард Джонсон, посетивший в 1558 году Москву вместе с Дженкинсоном, сообщает со слов холмогорца Федора Товтыгина, что за Югорскою землею живут самоеды, страна которых, посещенная Товгыгиным, называется Molgomsay (Мангазея).[3]

по соседству с фиссагетами. Современная наука за предков венгров считает остяков и вогулов. О югре („юра") сообщают арабские источники, восходящие к X веку (J. Markwart. Ein arabischer Bericht über die arktischen [uralischen] Länder aus dem 10 Jahrhundert. Ungarische Jahrbücher, IV. Heft 3—4, 1924, pp. 263, 288, 303, 304.—В. В. Бартольд. «Советское востоковедение», I, Л., 1940, стр. 26, 46—47). В «Повести временных лет» под 1096 годом рассказывается, что в 1092 г. новгородцы ходили в «Печеру» (ветвь коми или зырян), а отсюда в Югру; «Югра же людие суть языкием и соседят с Самоядью на полунощных странах» (см. издание А. А. Шахматова, П., 1916, стр. 293). Тогда югра жила на западном склоне Уральских гор.

[1] Д. Н. Анучин. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака. Труды Моск. археол. общ., XIV, 1890, стр. 229—313.

[2] Г. Н. Прокофьев. Селькупская (остяко-самоедская) грамматика. Л., 1935, изд. Инст. народов Севера, стр. 10.

[3] Текст см. у М. П. Алексеева. Сибирь... I, 1932, стр. 125.

Холмогорцы стали ходить морем на Обь, вероятно, еще в начале XVI века. Во второй половине этого века путь из Двины и Печоры на Обь стал хорошо известен русским; равным образом, и о низовьях Оби имелись подробные сведения. Из Архангельска шли на кочах две недели мимо устьев Мезени и Печоры к Карской губе, а затем при посредстве речек Мутной и Зеленой в течение пяти дней переваливали через Ямал в Обскую губу. Но кроме того был другой путь, по рекам: именно, из Печоры в ее приток Усу, отсюда волоком в приток Оби Собь, впадающий близ Обдорска.

В 80-х годах XVI века в Московском государстве жил англичанин Антон Марш, агент английской торговой компании. Он известен в нашей истории по тяжебному делу, из-за которого приезжал в 1588 году в Москву Флетчер, автор сочинения «О государстве российском». От Марша сохранились два небольших, но в высокой степени замечательных документа, относящихся к 1584 году.[1] Марш поручил четырем русским, которые ездили из Холмогор с торговыми целями на Печору и Обь, сообщить ему сведения о путях на эту последнюю реку. В письме к Маршу, составленном на Печоре 21 февраля 1584 года, русские описывали такой маршрут: вверх по Печоре до устья реки Усы, затем вверх по Усе, а отсюда на Обь. «На русской стороне Оби живут самоеды, называемые угорскими и сибирскими (Vgorskoi and Sibirskie Samaeds), а на другой стороне живет другое племя самоедов, называемых мангазейскими (Monganei or Mongaseisky Samoeds) ..... По берегам реки растут хвойные деревья белой, мягкой, легкой породы, которые мы называем елями (yell). В реке водятся осетр [Acipenser baeri], чир (cheri) [Coregonus nasus], пелядь (pidle) [Coregonus peled], нельма (nelma) [Stenodus nelma], нежная рыба вроде сига муксун (moucoun) [Coregonus muksun], сиги (sigi) [Coregonus lavaretus pidschian], стерляди (sterlidi) [Acipenser ruthenus marsiglii], но семги (salmons) [Salmo salar] нет». Эти сведения поражают своею точностью, и, без сомнения, они получены от очевидцев. В нижнем течении Оби господствует ель. Список рыб безусловно точен; характерное для Оби отсутствие семги (лосося) подмечено совершенно правильно.

Очевидно, тогда к востоку от низовьев Оби жили енисейские самоеды (или энцы) из рода монгкаси.[2]

Другое сообщение, полученное Маршем в 1584 году от русских, еще более замечательно. Здесь описываются

---

[1] Они впервые напечатаны у Purchas в 1625 г. Перевод см. у М. Алексеева, I, 1932, стр. 186—188.

[2] Л. С. Берг. О древнем расселении енисейских самоедов или энцев. Изв. Геогр. общ., 1945, № 5.

морские пути из Северной Двины к Оби — один, обычный, мимо устьев Оби, и другой, представляющий для нас исключительный интерес: «через Новую Землю (Noua Zembla) и Маточкин шар (Mattuschan Yar) на Обь». Путь этот шел таким образом: от Канина носа до Колгуева сутки, от Колгуева до Новой Земли два дня; на Новой Земле есть озеро, на котором гнездится множество гусей и лебедей; в период линьки, около Петрова дня (29 июня ст. стиля) холмогорцы ездили туда ежегодно на промысел и привозили много пуха, вяленых лебедей и гусей, много рыбы и шкур белых медведей; в этом предприятии участвовали своими деньгами и англичане. От Маточкина шара русские достигали Оби двумя путями, причем оба пересекали Карское море. Один путь вел к западному берегу Ямала, а отсюда волоком в Обскую губу; на этот путь от Маточкина шара до устья Оби требовалось 13 дней, из них 6 дней плыли от Маточкина шара до некоей «Няромской» реки. Няромским, Нярзомским или Нарзомским морем в XVI и XVII веках называли юго-восточную часть Карского моря. Названия реки Нярома или Нарзома на теперешних картах Ямала нет,[1] но на русской карте 1609 года, скопированной голландцем Массой, к северу от Мутной обозначена река Narontza, в которой нельзя не видеть интересующую нас реку.[2] Другой путь с Новой Земли на Обь вел «к острову, лежащему у реки Оби»; «от Маточкина шара до этого острова пять дней плавания». Очевидно, имеется в виду остров Белый у северной оконечности Ямала.

Таким образом, русские около 1580 года плавали поперек Карского моря. Факт, необычайно любопытный, показывающий, что в то время были в Карском море такие же благоприятные условия для судоходства, как и в тридцатых годах XX века.

Я уже имел случай указывать, что эпохам низкого стояния Каспия соответствуют эпохи потепления Арктики.[3] Действительно, уровень Каспийского моря стоял во второй половине XVI века очень низко, примерно как в настоящее время, и именно тогда плавания русских распространились на восток до устьев Енисея и, возможно, и далее.

---

[1] См., напр., подробную карту в работе: Б. М. Житков. Полуостров Ямал. Зап. Геогр. общ. по общ. геогр., XLIX, 1913.

[2] Ср. М. Алексеев, 1932, стр. 192. Впервые это название появляется у Ст. Барро, который, находясь в 1556 г. у Вайгача, услыхал от русского кормщика Лошака имя реки Naramzay, лежащей на пути к Оби (Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке, пер. с англ. Ю. В. Готье, Л., 1938, стр. 109).

[3] Л. С. Берг. Уровень Каспийского моря и условия плавания в Арктике. Изв. Геогр. общ., 1943, № 4, стр. 16—20.

В 1595 году недалеко от устья Оби был основан Обдорский городок. Он заложен на месте остяцкого поселения, которое у русских носило название Носового, от слова нос или мыс. Имя Обдорска производят от зырянских слов Об (Обь) и дор (мыс). Ныне Обдорск называется его старым самоедским именем Сале-хард, что значит мыс-город (сале—мыс, хард—город).

Уже в 1582 году англичане просили московское правительство о разрешении одним только англичанам торговать в устьях рек Сев. Двины, Мезени, Печоры, Оби и Енисея.[1] Енисей в документах, относящихся к 1582—1583 годам, именуется Ынленди, Ызленди, Ысленди, Исленд, Изленд, Изленди. Что это именно Енисей, явствует из выражения: «Исленд река за Обью».[2] 24 октября 1583 года царь Иван Васильевич говорил «ангилейскому послу князю Еремею Боусу»: «А что к нам писала королевна [Елизавета] о всех пристанищах морских, чтоб ее гостем приходить к Печере да к Исленди да на реку Обь, а те места в нашей земле от Двинского устья от морского пристанища с три тысечи верст».[3]

Надо думать, что в 70-х годах XVI века русские уже плавали к устьям Енисея.

В 1595 году голландцы, во главе с Корнелием Наем, встретившись 24 августа (3 сентября), с русскими мореходами у Югорского шара, узнали от них, что холмогорцы ежегодно ходят морем на реку Обь и далее до реки Gilissy, или Gillissy (Енисей), где торгуют сукном и другими товарами.[4] 31 августа голландцы, к югу от Югорского шара, вступили в сношения с самоедами, князец («король») которых рассказал, что за Обью есть две других реки, из коих дальняя называется Molconsay (очевидно, имеется в виду река Таз, на которой через пять лет основан город Мангазея), а ближняя, часто посещаемая русскими торговыми судами,— Gilissy, что за Обью страна продолжается до мыса, который выдался по направлению к Новой Земле, что люди его пле-

---

[1] Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англией, II (1581—1604). Сборник русск. истор. общ., том 38, СПб., 1883, стр. 48, 49, 88, 93, 94, 95, 112, 127.

[2] Там же, стр. 94. — Г. Д. Вербов любезно сообщил мне, что у самоедов Енисей носит название Енсям; «ям» значит «большая река», значение же термина «Енся» неизвестно.

[3] Памятники диплом. снош..., 1883, стр. 112.

[4] Jan Huyghen van Linschoten. Voyagie ofte Schip-Vaert, van by Norden... tot voorby de Revier Oby. 1601, p. 161 (цитировано по перепечатке, изданной Linschoten-Vereeniging, VIII: Reizen van Jan Huyghen van Linschoten naar het noorden (1594—1595) uitgegeven door S. P. H. Nafer. s'Gravenhage, M. Nijhof, 1914).

мени живут там круглый год и что за тем мыссом расстилается великое море, которое простирается, вдоль Татарии, вплоть до теплых стран.[1]

В 1598 г. из Москвы послан некто Федор Дьяков «для проведывания Мангазейской страны, даже до реки Енисея».[2] Собрав там ясак, Дьяков вернулся в 1600 или 1599 году в Москву.

Как мы уже упоминали, в 1600 году на реке Тазе кн. Мироном Шаховским и Данилом Хрипуновым заложен город Мангазея.[3] Впрочем, еще до того промышленники, русские и зыряне, построили в этой стране несколько острогов «для безопасности торговли с самоедами».[4] Снабжение Мангазеи провиантом производилось на судах — Обью, Обской и Тазовской губами. Сейчас же по основании Мангазеи, в 1601 году, было предписано воеводам мангазейским изготовить на Верхотурье кочи, морские лодки и дощаники «для мангазейского и енисейского ходу».[5] Стало быть, предполагалось завести плавание из Оби на Таз и на Енисей. В Березове надо было взять в вожи зырян торговых людей и вымичей (вымичи — это зыряне с р. Вымь, притока Вычегды), которые бы мангазейский и енисейский ход знали и толмачить умели. Отсюда надлежало итти «наспех», днем и ночью, чтобы притти в Мангазею и «Енисею» водным путем до заморозков. В результате этих попыток путь из Оби в Таз был проведан.

В 1607 году при впадении реки Турухана в Енисей основано Туруханское зимовье.

В 1610 году, промышленники во главе с торговым человеком двинянином Кондратием Курочкиным, выйдя на кочах из Туруханского зимовья, после четырехнедельного плавания, в последних числах июня, достигли устьев Енисея, а через пять недель пошли морем к устью реки Пясиды, т. е. Пясины, которой благополучно достигли.[6] Без сомнения,

[1] Linschoten, p. 172. Извлечение из описания Линсхотена помещено в переводе в Зап. по гидрогр., XXXIX, в. 4, 1915, стр. 577—578. Ср. также: Г. де Фер. Плавания Баренца 1594—1597. Пер. под ред. В. Ю. Визе, Л., 1938, стр. 103.

[2] Г. Ф. Миллер. Описание Сибирского царства. I, СПб., 1750, стр. 373.

[3] Миллер, стр. 373, Ср. также стр. 390.

[4] Там же, стр. 382.

[5] Русск. истор. библ., II, 1875, стр. 815—817.

[6] И. Фишер. Сибирская история. СПб., 1774, стр. 237. — Русск. истор. библ., II, 1875, стр. 1050—1051. — «Пясида» по-самоедски значит «ровная, безлесная земля» (Миллер) или тундра. — По любезному сообщению Г. Д. Вербова, «Пясида» происходит от ненецкого (самоедского) слова *пя* — дерево и суффикса *сяда*, означающего отсутствие; в общем *пясяда* значит безлесный, тундровый. Безударное ненецкое я воспринимается русскими как и; таким путем из Пясяда получилось Пясида. — Миддендорф говорит, что туземцы на Пясине называли эту реку Пясиной или Пясингой.

устье Пясины стало известно еще ранее 1610 года, о чем можно судить по карте голландца Исаака Массы, скопированной им с русского оригинала не позже 1609 года (см. ниже). Вообще Пясину русские открыли не позже, чем в 1605 году, судя по тому, что тот же Масса в своем «Кратком описании путей и рек... в Сибирь», вышедшем в свет в 1612 году, но основанном на данных, полученных не позднее 1609 года, довольно подробно описывает поход с Оби на Пясину: отряд, состоявший из 700 русских, тунгусов, самоедов и татар, перешел через Обь и «через страну самоедов и тунгусов» дошел до Енисея. Пересекши эту реку, они, имея проводниками тунгусов, дошли до реки Пясиды (Pisida), но перейти через нее не решились, так как были напуганы звоном медных колоколов, который слышался с той стороны реки.[1]

Вскоре, около 1610 года, русские прослышали и про Хатангу, о чем впервые находим сведения у английских купцов Дж. Логана и У. Персглева (Persglove), которые провели зиму 1611/12 года в Пустозерске и здесь собрали сведения о странах, лежащих к востоку. 21 апреля 1612 года, записывает Логан в своем дневнике, один «пермяк» (Permack, очевидно — коми-зырянин)[2] рассказал ему, что «за рекой Енисеем (Yenissey) на восток простирается земля и что там имеется река, называемая Пясида (Paeseda), а за нею другая, называемая Хатанга (Catonga), которая течет в Китай (Cathay)».[3] Персглев также упоминает о реке Хатанге (Catowga), которая расположена за Пясидой (Pisida) и течет из Китая.[4] Таким образом, и о Хатанге русские впервые узнали около 1610 года.

Повидимому, не позже 1619 или 1620 года русские промышленники обогнули с запада, через пролив Вилькицкого, мыс Челюскина, очевидно направляясь в устье Хатанги. В 1940 году отрядом Главного управления Северного морского пути на восточном берегу Таймырского полуострова, именно

Упомянутая в тексте экспедиция в устье Енисея, совершенная в 1610 г., имела большие последствия. Выяснилось, что Енисей впадает в то же Ледовитое море, «которым ходят немцы из своих земель к Архангельскому городу, и проезд с моря к енисейскому устью есть..., и большими кораблями из моря в Енисей пройти мочно». Опасаясь конкуренции голландцев, московское правительство в 1620 году окончательно запретило ходить морем «в Мангазейское море», т. е. на Обь и Енисей (С. В. Бахрушин Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М., 1928, стр. 85—86).

[1] См. перевод у М. П. Алексеева. Сибирь в известиях зап.-европейских путешественников и писателей. I, Иркутск, 1932, стр. 258—259 О дате 1605 г. см. у Алексеева, стр. 265.

[2] Алексеев, стр. 216.

[3] Там же, стр. 211.

[4] Там же. стр 225.

на островах Фаддея и в заливе Симса, обнаружены остатки судна, компас, солнечные часы, медные котлы, оловянные тарелки, кресты и другие вещи, а кроме того свыше 3400 русских серебряных монет времен от Василия III до Михаила Федоровича. Тут же найдены остатки скелетов людей. Таким образом русские мореходы, оказывается, на 250 лет опередили Норденшельда.[1]

В 1607 году мангазейцы появились на Нижней Тунгуске и обложили ясаком местных тунгусов. Отсюда пробрались в 1620 году на верхнее течение Вилюя, где от тунгусов же получили первые известия о реке Лене и об якутах.[2] Повидимому, ранее 1630 года туруханский промышленный Пенда с 40 людьми, собранными в Туруханске, пошел на Нижнюю Тунгуску, а отсюда перешел на Лену пониже Киренска, сплыл по этой реке до того места, где впоследствии был основан Якутск; отсюда вернулся назад по Лене до того места, где ныне Верхоленск, прошел затем «Бурятскою степью» к Ангаре, где, севши на суда, сплыл до Туруханска.[3] Это путешествие составляет, поистине, необычайный географический подвиг. К сожалению, никаких других подробностей о нем не сохранилось. Одновременно с мангазейцами проведывание Лены шло другим, более южным путем — из Енисейска. Отсюда в 1628 году был послан десятник Василий Бугор. Он сплыл по реке Куту до Лены, а по Лене спустился до устья Чаи. В 1630 году Бугор вернулся в Енисейск, оставив для ясачного сбора у устья Киренги четырех из своих казаков, а у устья Куты — двух.[4] Это были первые оседлые русские на Лене. Весною 1632 года сотник Петр Бекетов спустился из Устькута по Лене и заложил в том же году Якутский острог, через десять лет перенесенный выше по Лене, где теперь Якутск. В 1635 году партия казаков спустилась из Якутска вниз по Лене до устья и собрала ясак с здешних тунгусов.

В 1636 году десятник Елисей Буза послан из Енисейска на Лену с наказом осмотреть реки, впадающие в Ледовитое море, и объясачить туземцев. Первую зиму Буза с десятью своими товарищами провел в Олекминском остроге (на берегу Лены близ впадения реки Олекмы), незадолго до того (1635) основанном. Набрав здесь еще 40 промышленных, он следующим летом в две недели (?) дошел до западного устья Лены, а оттуда морем в одни сутки достиг устья

[1] Б. О. Долгих. Новые данные о плавании русских северным морским путем в XVII веке. Проблемы Арктики, II (1943), 1944, стр. 195—226. — А. Ф. Лактионов. Изв. Геогр. общ., 1945, № 3.

[2] И. Фишер. Сибирская история, 1774, стр. 360.

[3] Там же, стр. 361.

[4] Там же, стр. 353.

Оленека. Поднявшись вверх по Оленеку, Буза объясачил тамошних тунгусов и построил зимовье. Следующею весною Буза прошел посуху с Оленека на Лену, к устью реки Малоды, что выше Сиктяха. Построив здесь два коча, он летом 1637 года снова спустился в устье Лены, а отсюда морем пошел к устью Яны. Однако близ устья реки Омолоя он был застигнут льдами, высадился на берег и в течение трех недель шел «через камень» к верховьям Яны, где застал якутов, от которых взял много соболей. Построив на Яне четыре коча, Буза прошел в 1639 году в Ледовитое море к устью Чендона (устье его восточнее Яны) и здесь застал юкагирского шамана, который привел русских к юкагирам, ранее бывшим известными лишь по слухам. Без сопротивления согласились они платить ясак. Только в 1642 году Буза вернулся в Якутск.[1]

Впрочем возможно, что Яна была открыта еще до Бузы. В 1633 году Иван Ребров подал в Жиганске челобитную о разрешении итти «в новое место, морем, на Янгу [Яну] реку». В другой челобитной, 1649 года, он сообщает, что с Янги он отправился «по морю на новую сторону на Индигирскую реку, а Собачья тож». На Яне он поставил зимовье, а на Индигирке два острога.[2] «А преж меня, — говорит Ребров, — в тех тяжелых службах, на Янге и на Собачьей, не бывал никто — проведал я те дальние службы».

Как бы то ни было, достоверно известно, что в 1639 году на Индигирке побывал енисейский служилый человек Постник (Посник) Иванов. 25 апреля он с 30 служилыми вышел на конях из Якутска на Яну; шел «через Камень», т. е. через Верхоянский хребет, до верховьев Яны («Янги»). Здесь «на вершине Янги реки живут Тунгусы имени Ламутки». Ниже по течению Яны жили якуты и тунгусы. Путь из Якутска до янских якутов занял четыре недели. Во время зимовки на Яне (1638—1639) получили сведения о реке Индигирке и о живших на ней юкагирах. Летом 1639 года Иванов с 27 людьми пошел на конях «вверх по Толстаку реке» (имеется в виду река Толстах, впадающая в Яну справа, ниже Верхоянска) «на Индигерскую реку в Юкагирскую землицу». Путь шел через хребты на верховья Индигирки, через земли, населенные тунгусами-ламутами. Придя на Индигирку через четыре недели, взяли здесь

[1] Там же, стр. 372—374. — Н. Оглоблин. Журн. Мин. нар. просв., 1903, май. Даты, приводимые этими источниками, не сходятся. Древнейшие сведения об Юкагирской земле см. у В. Огородникова. Из истории покорения Сибири. Покорение Юкагирской земли. Тр. Гос. Инст. нар. обр. в Чите, I, Чита, 1922, стр. 249—352.

[2] Н. Оглоблин. Восточно-сибирские полярные мореходы XVII века. Журн. Мин. нар. просв., 1903, май, стр. 45 (здесь сообщены новые данные по делам Сибирского приказа).

у юкагиров аманатов, собрали ясак и поставили зимовье, в котором Иванов оставил своих 16 человек. «Юкагирская землица, — сообщает он, — людна, а Индигирская река рыбна; в Юкагирской землице соболей много; и в Индигирь реку многие реки впали, а по всем по тем рекам живут многие пешие и оленные люди».[1]

Юкагиры в то время обитали западнее теперешнего: ныне несмешавшиеся с другими народами юкагиры живут лишь в бассейне верхнего течения Колымы; в тундре же между Колымой и Индигиркой кочуют юкагиры, хотя и говорящие по-юкагирски, но сильно смешавшиеся с тунгусами. В тундре между Индигиркой и Яной юкагиры усвоили тунгусский язык, а между Яной и Леной они говорят по-якутски.[2] В низовьях Яны в 1675 году жили юкагиры.[3] У Ремезова, в его Чертежной книге Сибири, законченной в 1700 году, на «Чертеже земли Якуцкого города» имеется надпись по верхнему течению реки Яны: «а по Яне живут многие ясашные юкагиры».

Следует отметить, что смешение юкагиров с тунгусами началось уже давно. Казачий десятник Иван Тархов показал в Якутске в 1651 году, что к нему в 1650 году в Индигирский острожек (при впадении в Индигирку ее левого притока, Уяндины) явился «ясачной колымской юкагирской шаман» и сообщил, что к верховьям Индигирки «Ламуцкие Юкагири подошли из-за Камени» и не желают платить ясаку.[4] Ламутские юкагиры это не что иное, как помесь между юкагирами и ламутами. Ламуты — это тунгусское племя, живущее в северо-восточной Сибири и говорящее на языке, весьма близком к тунгусскому.

В течение 1640 и 1641 годов Иван Ерастов проведал всю Индигирку вплоть до моря и от взятого в плен юкагирского князьца прослышал про пути морем к реке Алазее, где тоже жили юкагиры.[5] Весной 1642 года Иван и Ерило Ерастовы сплыли в низовья Индигирки, а отсюда пошли на «Алазейскую реку, в кочах, морем». На реке Алазее им встретилось много юкагиров, а «с ними были с тундры чюхчи — мужики с своими роды и с улусными людьми».[6] Это была первая встреча русских с чукчами.

---

[1] И. Фишер. Сибирская история, стр. 385. Дополнения к Актам историческим, II, стр. 241—242.

[2] В. Иохелсон. Бродячие роды тундры между р. Индигиркой и Колымой. «Живая старина», 1909, вып. 1—2, стр. 43 (отт.).

[3] Дополнения к Актам историческим, VI, стр. 406.

[4] Там же, III, стр. 278.

[5] Фишер, стр. 386—387.

[6] Оглоблин, стр. 54. — Наименования чукоч и коряков русские заимствовали от юкагиров (чукча, карек); см. И. С. Вдовин. Изв. Геогр общ., 1944, № 5, стр. 253.

В 1641 году якутский воевода П. Головин отправил Михаила Стадухина на Емокон, т. е. Оймекон, в бассейне верхней Индигирки; здесь он объясачил тунгусов и якутов и проведал про реки Индигирку и Колыму. Построив коч, Стадухин «поплыл вниз по Индигирке и морем дошел на Ковыму реку», где поставил ясачное зимовье (Нижнеколымск) и собрал с юкагиров ясак.[1] Это было в 1644 году.

В 1645 году якутский казак Иван Беляна, построивши коч на Алазее, спустился в устье «и вышел на море, и морем шли две недели, и пришед на Ковыму реку, и по Ковыме шли вверх 12 дён». Через два года Беляна тем же путем вернулся обратно на Алазею.[2] Имеются сведения, что первым отважившимся пойти в устье Колымы морем на восток был мезенец Исай Игнатьев, который в 1646 году шел на восток двое суток «до губы, обитаемой чукчами» (Чаунской губы).

В 1647 году Стадухин ходил с Колымы сухим путем на Анадырь, а отсюда «с Анандыря зимою перешел с товарищи своими, на лыжах с партами, за Нос, на Пенжину реку», о которой сообщает, что эта «река безлесная, а людей по ней живет много род, словут коряки». С Пенжины Стадухин перешел на реку Изику (Гижигу), где тоже жили коряки. «Вверх Изиги туж реку зовут Чондоном, а живут [там] Ходынские мужики юкагири». С Гижиги «морем прошел в судне на Вирямy (Дирянду) реку, и Товуем [это река Тауй] зовут туж реку», здесь жили тунгусы. С Тауя переправился на реку Охоту.[3]

Устье Анадыря открыто в 1648 году Семеном Дежневым, прошедшим сюда по морю с устья реки Колымы.[4]

Первые карты

Так были открыты северные берега Сибири. Что касается карт, то никаких съемок, в современном смысле слова, до 20-х годов XVIII века здесь не производилось. Следует отметить, впрочем, что некоторые из казаков составляли «чертежи» пройденных ими путей, о чем упоминается, например, в отписках Стадухина, Дежнева и других. Бывший мангазейский воевода Андрей Палицын подал в Москве, в 1633 году, «великой реке Лене и розных землиц людем, которые по той Лене и по иным рекам живут, чертежь и роспись».[5]

[1] Н. Оглоблин, стр. 54.
[2] Там же, стр. 59—60.
[3] Там же, стр. 42.
[4] Подробности см. выше, стр. 27 сл.
[5] Русск. истор. библиот., II, 1875. стлб. 962.

Как мы уже говорили, довольно подробные сведения о низовьях Оби имелись в древней Руси уже в конце XV века. От русских они распространялись и в западную Европу. Так, Юлий Помпоний Лэт (Laetus), итальянский гуманист (1425—1498), посетивший в 1479—1480 годах «Скифию и Сарматию», упоминает о юграх (Ugari sive Ugri) на берегу Ледовитого океана; «летом, ко времени солнцестояния, у них непрерывный день». Лэту известна уже Сибирь (Sibarinum). Итальянский ученый побывал в Польше, в низовьях Днепра и Дона, и о юграх и о Сибири он мог услыхать только от русских.[1] Югры — это был народ, родственный современным остякам и вогулам. Также у польского ученого, Матвея Меховского (Mathias de Miechow), профессора и ректора краковского университета, в его книге Tractatus de duabus Sarmatiis Asiana et Europiana, вышедшей в Кракове в 1517 году, находим упоминание, между прочим, и о югре (Juhra). О юграх, а также о пермяках, башкирах, черемисах и карелах рассказывается, что они хлеб не сеют, живут в лесах, одеваются шкурами волков, оленей, медведей, соболей и белок.[2] Меховский видит в юграх родоначальников венгров — взгляд, к которому присоединяется и современная наука.

На картах имя Югории (Jugria) встречается впервые на Moscoviae tabula relatione Dimetrii legati descripta anno 1525 — карте, найденной в 1881 году в одном из атласов Баттиста Агнезе. Югория расположена здесь по правому берегу Печоры. Автор карты получил свои сведения о Московии от Дмитрия Герасимова, посланца великого князя Василия к папе Клименту VII.[3]

В 1542 году Антон Вид (A. Wied), немецкий художник, побывавший в Вильне, составил на русском и латинском языках карту, изображающую Россию от Балтийского моря на западе до Оби на востоке. Впервые здесь появляется Обь на карте. На левом берегу этой реки нанесен рисунок баснословной «золотой бабы» — идола, в виде голой женщины на пьедестале, окруженной поклоняющимися ей туземцами; к западу абьдори (т. е. обдоры), к югу город Си-

[1] М. П. Алексеев. Сибирь в известиях зап.-европейских путешественников и писателей. I. Иркутск, 1932, стр. 59—74. Название Sebu находим еще на Каталанской карте 1375 г.

[2] См. у Е. Замысловского. Герберштейн и его историко-географические известия о России. СПб., 1884, стр. 374. См. также Е. Замысловский. Описание Литвы, Самогитии, Руссии и Московии — Себастиана Мюнстера. Журн. Мин. нар. просв., 1880, сентябрь, стр. 120—121 (латинский текст Меховского).

[3] Сведения об этой карте и копию ее см. у H. Michow. Die ältesten Karten von Russland. Mitt. geogr. Gesell. Hamburg (1882—83), Hamburg, 1884.

бирь. В обширных лесах между Обью и Мезенью читаем: великая перм, Тумен Великий, конъдорні (кондоры), вагуличь (вогуличи), югры (iuhri ex quibus Hungari in Hungaria ut idem quaque idioma ostendit).[1] Сведения о России Вид получил от бывшего московского окольничего Ивана Ляцкого.

На картах Московии Герберштейна (1546, 1549 и др.) в интересующих нас местах, по сравнению с А. Видом, не встречаем ничего нового. В тексте же Rerum Moscoviticarum Commentarii (1-е изд. 1549) имеется глава «Указатель пути к Печоре, Югре и к реке Оби».[2] Это, как говорит Герберштейн, есть дословный перевод русского дорожника, который он получил в бытность в Москве (а был он тут дважды, в 1517 и в 1526 годах). Здесь сообщается, что по Оби живут вогуличи и югричи (Ugritzschi).[3]

На карте «России, Московии и Татарии» Антония Дженкинсона 1562 года к востоку от Оби обозначена Molgomzaia, т. е. Мангазея, а еще восточнее Baida. Последняя есть «страна, Баид именуемая» сказания «О человецех незнаемых в восточной стране». Название Баид происходит от рода бай энцев или енисейских самоедов; на современных картах есть притоки Турухана — Нижняя и Верхняя Баихи, или «реки рода бай».[4]

С начала XVII века на западе появляются карты России со множеством новых подробностей, основанные на русских описаниях и русских же чертежах. Как мы уже отметили, «Книга, глаголемая Большой Чертеж», составленная в 1627 году, дает сведения, на востоке охватывающие бассейн Оби. Чертеж к этой книге ныне утерян. Кроме того, имелись чертежи и у частных лиц, особенно у мореходов.

В 1601—1609 годах в России жил голландец Исаак Масса, выучившийся русскому языку. В 1609 году он перевел с русского языка сочинение, в котором описывались открытия русских на северо-западе Сибири. Эта статья, вместе с картой, скопированной Массой не позже 1609 года с русского чертежа, напечатана в 1612 году в Амстердаме в сборнике под заглавием: «Beschryvinghe van der Samoyeden Landt in Tartarien, nieulijcks onder't ghebiedt der Moscoviten gebracht. Wt de Russche tale overgheset, Anno 1609.

---

[1] О карте Вида см. Michow, l. c., также H. Michow. Das erste Jahrhundert russischer Kartographie und die Originalkarte des Anton Wied von 1542. Mitteil. geogr. Gesell. Hamburg, XXI, 1906, p. 49—61, копия.

[2] Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московитских делах. Пер. А. И. Маленина. СПб., 1908, стр. 127—133.

[3] Там же, стр. 130. См. также Е. Замысловский. Герберштейн. СПб., 1884, стр. 132.

[4] Г. Д. Вербов. Изв. Геогр. общ., 1943, № 5, стр. 20.

Amsterdam, 1612, Hessel Gerritsz». На карте, носящей название «Caerte van't Noorderste Russen, Samojeden, ende Tingoesen landt», изображен север России, начиная от Мурмана и до устья Пясины.[1] Относительно происхождения этой карты Масса рассказывает следующее: «я имел приятеля в Московии, брат которого принимал участие в этих открытиях [у северных берегов западной Сибири]; со слов брата мой приятель составил чертеж этих стран, каковой и передал

Рис. 40. Карта северных берегов России от Кольского полуострова до Енисея, скопированная голландцем Исааком Массой с русского источника не позже 1609 г. (Из Л. Багрова.)

мне. Сам он бывал в Вайгачском проливе и знает всю местность до р. Оби, но о более дальных странах только слыхал». Имени автора чертежа Масса не сообщает, ибо, говорит он, «это стоило бы тому московиту жизни».

Мы находим на этой карте изображения и подписи Обской и Тазовской губ, рек Пура и Таза, Енисейского залива, у входа в который большой безымянный остров (ныне носящий имя Сибирякова), далее низовьев реки Пясины («Пяснда»). В низовьях Енисея обозначена земля тунгусов. Данные этой карты Массы лежат в основе соответственных мест карты Гесселя Герритса (Герарда) «Tabula Russiae», вышедшей в Амстердаме в 1613 году.[2]

В Тобольске, административном центре Сибири, в первые десятилетия XVII века скопилось некоторое количество описаний и даже чертежей Сибири. Повидимому, в 1629 году

---

[1] Карта эта воспроизведена у В. Кордта. Матер. по истории русск. картогр. (2), в. I, Киев, 1906, карта XII, ср. стр. 16—17; также у Nordenskiöld. Die Umsegelung. I, 1882, при стр. 210, Michow, 1906, табл. II, ср. также р. 29—33.

[2] Карту Герритса см. у Кордт, l. c., табл. XV. Также Michow, 1906, табл. 3.

здесь был составлен чертеж всей Сибири, до нас не дошедший.[1] Объяснительной запиской к нему является «Роспись Сибирским городам и острогам».[2] В 1667 году, по распоряжению воеводы Петра Годунова, в Тобольске составлен «Чертеж Сибирския Земли», копия с которого опубликована в 1914 году Л. С. Багровым.[3] Здесь на севере Сибири изображены реки Обь, Енисей, Пясида, Оленек. В океан, омывающий Сибирь с востока, впадают Лена, Камчатка, Амур. Сохранилась объяснительная записка к этому чертежу под названием: «Чертеж всей Сибири, збранный в Тобольске по указу царя Алексея Михайловича».[4] В записке находим много топографических указаний о сибирских реках. Между прочим, здесь сообщается, что руские торговые люди из Якутска сплывают в устье Лены, а отсюда морем ходят на Яну, Индигирку, Алазею и Колыму.

В 1672 году чертеж 1667 года был переработан.[5] На чертеже 1672 года имеются кое-какие добавления, например нанесена река Колыма. Объяснительная записка к этому чертежу под названием «Список с чертежа Сибирския Земли», издана Спасским и Титовым.[6]

Чертеж 1667 года, список к нему, а также некоторые другие рукописные описания и чертежи Сибири послужили амстердамскому бургомистру Н. Витсену для составления его известной карты севера и востока Европы и Азии 1687 года (см. выше, стр. 43). Витсен пользовался картой Сибири А. А. Виниуса, составленной, повидимому, в 80-х годах XVII века. Она замечательна тем, что это первая из русских карт Сибири, положенная на градусную сетку.[7]

Наконец, подробные сведения о топографии Сибири, особенно о ее речной сети, мы находим на чертежах Ремезова. Тобольский сын боярский Семен Ремезов 10 января 1696 года получил боярский приговор с приказом составить чертеж Сибири. Это поручение он исполнил, отослав в Москву 18 сентября 1697 года чертеж длиною 2.1 метра и шириною 1.4 метра. В 1698 году Ремезов, будучи в Москве, закончил другой чертеж длиною в 2.8 м и шириною в 2.1 м, ныне на-

[1] А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири. XVII век. Л., 1939, стр. 8—9.

[2] Там же, стр. 10. — «Роспись» напечатана в книге: А. Титов. Сибирь в XVII веке. М., 1890, стр. 9—22.

[3] Л. С. Багров. Карты Азиатской России. Пгр., 1914, стр. 11.

[4] Она напечатана в книге А. Титова, 1890, стр. 25—38.

[5] См. Багров, l. c., стр. 13.

[6] Спасский. Временник О-ва истории и древностей российских. 1849, № 3. — Титов, l. c., стр. 41—54.

[7] Копия этой карты впервые опубликована А. Андреевым, 1939, при стр. 24.

ходящийся в Географическом обществе.[1] К 1 января 1701 года Ремезов закончил другой труд: «Чертежную книгу Сибири» — атлас, состоящий из 23 карт и впервые опубликованный Археографической комиссией в 1882 году. На чертеже 1698 года северный берег Сибири почти прямолинеен, следуя в этом очертании чертежам 1667 и 1672 годов. В него впадают реки Обь с массою притоков, как и у других рек, далее — Надым, Пура (Пур), Таз, Енисей, Пясида, Хепа (т. е. Хета, приток Хатанги, как правильно нанесено в атласе 1701 года), Анабара, Елец (река Еле, впадающая с востока в Анабарскую губу,[2] Лена, впадающая в северо-восточный угол Сибири; в восточный берег впадают: Хромая, Яна, Шивера (Индигирка), Алазея, Амолон (Омолон), Колыма, Анадырь и др.[3] В исправленном и несколько дополненном виде чертеж 1698 года помещен в «Чертежной Книге Сибири» 1701 года, где он носит название: «Чертеж всех Сибирских градов и земель писан на Москве в Сибирском Приказе со всех городовых чертежей в 1698 году сентября в 18 число», в издании 1882 года лист 23-й.

На основании сибирских источников, главным образом чертежей Ремезова, составлена впервые в 1715 году в Тобольске шведом Страленбергом карта Сибири, дополненная и изданная в 1730 году в Стокгольме.[4] Кроме данных Ремезова, на ней использованы кое-какие собственные наблюдения Страленберга во время его путешествий по Сибири вместе с Мессершмидтом в 1709—1722 годах. Об этой карте мы уже говорили выше (стр. 45, 54).

В картографическом архиве библиотеки Академии Наук мною обнаружено собрание карт, предназначавшихся для

---

[1] Уменьшенная фотография у А. В. Григорьева. Подлинная карта Сибири XVII века. Журн. Мин. нар. просв., 1907, окт., стр. 371—381. Также у Багрова, l. c., стр. 15.

[2] А. А. Романов (Описание карты Ленско-Хатангского края. Лгр., 1933, изд. Арктич. инст., стр. 13) высказывает предположение, что река Елец это не река Еле (правильнее — Юлия), а Оленек, якутское название которого Елен. Нужно сказать, однако, что река «Оля» (Юлия) была открыта мангазейцами не позже 1656 г. (Романов, стр. 11). Следует иметь в виду, что река с названием Елец имеется в бассейне Печоры: это приток печерской Соби, впадающей в реку Усу; по реке Елец некогда вел хорошо известный путь на реку Собь, приток Оби. См. С. Бахрушин. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М., 1928, стр. 62. Таким образом, возможно, что Ремезов написал Елец в районе Анабары по аналогии с печорской рекой того же имени.

[3] Все надписи этой карты приведены в труде G. Cahen. Les cartes de la Sibérie au XVIII siècle. Nouv. Archives des missions scientifiques et littér. Fasc. 1, Paris, 1911, p. 90—99.

[4] Она приложена к книге Ph. Strahlenberg. Das Nord und ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730. Та же самая книга выпущена под обложкой: Historie der Reisen in Russland, Sibirien, und der Grossen Tartarey. Leipzig, 1730. Сюда приложена та же карта. — Копия карты у A. Nordenskiöld. Periplus. Stockholm, 1897, № 38.

«Атласа Всероссийской империи» И. К. Кирилова. Среди них имеется «Лант-карта новая Тобольской провинцыи» (№ 8442), составленная навигатором Петром Чичаговым — по съемкам,

Рис. 11. Карта Европейской России, изданная в 1613 г. голландцем Геселем Герритом по автографу царевича Федора Годунова. (Из Л. Багрова.)

произведенным им, очевидно, в 20-х годах XVIII столетия, ибо в 1725 году карта была представлена в сенат. На ней изображены низовья Печоры и Оби, а также Тазовская губа, принимающая в себя реки Таз, Пур и Надым. Эта первая,

основанная на съемках карта части северных берегов Сибири напечатана Кириловым в Москве в ноябре 1731 года.[1]

Прежде чем перейти к тому, что сделала Камчатская экспедиция на северных берегах Сибири, уместно напомнить о следующем обстоятельстве.

29 декабря 1732 года, когда в Петербурге уже была подписана инструкция Берингу, русский посол в Лондоне, князь А. Д. Кантемир писал Анне Иоанновне, что англичанин Эльтон подал ему «Проект об изыскании корабельного ходу от Архангельского города около Новой Земли в Японию, Китай, Индии и в Америку и в протчия».[2] В этом проекте доказывалось, что имеется море, которое ведет от Архангельска в указанные места и по которому удобнее дойти из Европы «до самых Норд-Остовых берегов России и Тартарии», нежели сухим путем. «По искании сих морей можно с превеликим авантажем ходить из Архангельского города на китовую ловлю... Можно с великим резоном рассудить, что имеется множество китов в тех незнаемых морях, которые имеют быть сысканы в сем пути, ибо известно, что киты в таком климате водятся». На сыскание северного пути Эльтон требовал 12 тысяч фунтов стерлингов. Кантемир сочувственно относился к проекту Эльтона, полагая, что от этого предприятия «не малая польза будет империи». Однако в очень дорогих услугах Эльтона в начале 1733 года уже не было нужды.

XXI. ОПИСЬ СЕВЕРНЫХ БЕРЕГОВ СИБИРИ 1734—1743

В предыдущей главе изложены сведения о северных берегах Сибири, какие имелись ко времени начала работ второй Камчатской экспедиции. Переходим теперь к описи 1734—1743 годов.[3]

Сначала описные отряды, кроме действовавшего от Белого моря до Оби, находились под начальством Беринга, а потом перешли в непосредственное ведение адмиралтейств-коллегии.

Северная Двина—Обь

В 1734 году лейтенанты Муравьев и Павлов, на двух специально построенных судах («кочах»), приступили к описи назначенного им участка от Архангельска до устья

[1] Подробности см. в моей работе «Всероссийский атлас Кирилова 1726—1734 гг. (печатается в изд. Акад. Наук СССР).

[2] В. Н. Александренко. Реляции кн. А. Д. Кантемира из Лондона (1732—1733 гг.). I. М., 1892, стр. 62—63.

[3] Мы следуем А. Соколову. Зап. Гидрограф. департ., IX. стр. 256—328.

Глобулярная проекция. Масштаб глобуса 1:40.000.000

Рис. 42. Северные берега Сибири.

Оби. Суда, носившие названия «Экспедицион» и «Обь», имели в длину по 16½ м. 10 июля вышли из устья Двины, а 25-го вошли в Югорский шар. Здесь занимались съемкой острова Вайгача и материка. До сих пор имелись, хотя и неточные, карты. Далее следовали берега, очень мало известные и на карту не положенные. 29-го вступили в Карское море, которое, против ожидания, оказалось совершенно свободным от льдов. 31-го подошли к земле Ямал у Мутного залива, где напились водою и запасли дров из выкидного лесу. Плывя вдоль западного берега Ямала, 18 августа достигли широты 72°35′. Отсюда вернулись за поздним временем для зимовки в устье Печоры. Придя сюда 4 сентября, отправили команды в Пустозерск. В донесении об этом плавании Муравьев писал: «И от тамошнего воздуха почитай все, хотя несколько времени, пребывали тяжкими головными, грудными и цынготными болезнями, паче горячками больные».

В 1735 году Муравьев и Павлов вышли из устьев Печоры 29 июня и 15 июля достигли Югорского шара. Но в Карском море, сейчас же по выходе из Югорского шара, в этом году встретились тяжелые льды, среди которых шли, расталкиваясь шестами. 18 августа суда разлучились и вскоре пошли в обратный путь, — Муравьев с широты 73°4′, а Павлов с 73°11′. 9 сентября они встретились в устье Печоры и снова зазимовали в этом краю. Назначенные по инструкции два года прошли, но адмиралтейств-коллегия решила дело продолжать, пока опись не будет закончена, о чем и уведомила Муравьева: «без окончания по инструкции в совершенство оной экспедиции возвращения оттуда с командою не будет». К следующей кампании было разрешено построить еще двое судов, именно дубель-шлюпки.

Зимовать экипажу пришлось в таком захолустье, как Пустозерск. Понятно, что зимою, от безделья, сильно докучали местным жителям, от которых посыпались жалобы в Петербург. Кроме того, и начальство не ладило с подчиненными. Муравьев жаловался адмиралтейств-коллегии на Павлова, обвиняя его в том, что он не желает составлять карту и вообще не исполняет его приказаний: «а для чего не знаю; разве ставя себе за не малой авантаж предо мною в том, что его в нынешнюю компанию случай допустил быть, по разлучении со мною, выше пред обсерванцею моею и его объявлением, к полю [т. е., к полюсу] 7 минутами». Кормщик Язжин в своих доносах указывал, что неудачи экспедиции происходят «от несогласия оных лейтенантов», и обещался, если дело будет поручено ему, довести суда в одно лето от Архангельска или с Мезени до устья Енисея, если только ему дадут девять бывалых на море мезенцев.

На это готовы были согласиться, но из Архангельска портовые власти сообщили об Язжине, что ему «той экспедиции вверить весьма опасно, понеже он, по известию, всегда находится в великом пьянстве... И пути далее Вайгача не знавал».

Как бы то ни было, Муравьев и Павлов были по жалобам на них, преданы суду и, по определению адмиралтейств-коллегии от 28 февраля 1737 года, разжалованы в матросы «за многие непорядочные, леностные и глупые поступки». Впрочем, через три года, они, по манифесту, были амнистированы с возвращением чинов, но с увольнением от службы.

В феврале 1736 года для продолжения экспедиции был назначен лейтенант С. Малыгин из Архангельска. Посланный с весны этого года геодезист (топограф) Селифонтов летом произвел, следуя на оленях, съемку как восточного, так и западного берегов Ямала и расставил по берегам знаки. Малыгину лишь 21 июня удалось выйти из устья Печоры, причем одно из судов еще раньше потерпело крушение. В море он встретил льды и лишь через месяц, 22 июля, достиг острова Долгого, к западу от Югорского шара. 7 августа к острову Долгому прибыли построенные в Архангельске суда под начальством лейтенанта Скуратова и Сухотина. У названного острова, а затем в Югорском шаре были задержаны льдами более месяца, и только 23 августа удалось выйти в Карское море, но на другой же день из-за льдов опять пришлось стать. Только 5 сентября, после того как льды были отнесены в море сильным юго-западным ветром, отправились вдоль берега далее и 10 сентября пришли к устью реки Кары, где решили перезимовать. Для зимовки вошли в реку Кару на 60 верст от устья, под 69°13′ с. ш. Жилища устроили из привезенных досок, а для топки употребляли кустарник с окрестной тундры. Для пропитания ловили рыбу в реке. Кроме того, в распоряжении экспедиции был посланный заранее табун оленей. Невдалеке находилось кочевье самоедов. В начале декабря начальство и бо́льшая часть команды, для сбережения провианта, переехали в Обдорск, а при судне оставили для караула 12 человек.

В следующем, 1737 году условия плавания были значительно легче. Выйдя из устья Кары 6 июля, к 21-му достигли Мутного залива на западном берегу Ямала под 70°27′ с. ш., и к утру 23-го подошли к северной оконечности Ямала, именно к проливу между Ямалом и островом Белым (широта около 73½°). Только 16 августа, когда подул северо-западный ветер, удалось обогнуть Ямал и вступить в Обскую губу. Это было большим достижением, ибо прежние мореходы обычно переправляли свои суда в Обскую губу волоком, через

Ямал. Обская губа была свободна от льда, и 11 сентября наши мореплаватели достигли устья Оби. Придя 2 октября (1737) в Березов, здесь зазимовали. Таким образом, цель этого отряда была достигнута. Малыгин уехал в Петербург с отчетом, а лейтенанту Скуратову было приказано отвести суда обратно в Архангельск. Это было дело не менее трудное, чем совершить плавание в передний конец, и оно потребовало двух лет. На зиму 1738/39 года пришлось оставить судно в устье Кары, и только в половине августа 1739 года суда пришли в Архангельск.

Опись берегов от Канина носа до устья Оби была повторена впервые в 1824—1828 годах Ивановым, Рагозиным, Пахтусовым и Бережных.[1]

Обь — Енисей

Опись берега между устьями Оби и Енисея была поручена лейтенанту Дмитрию Леонтьевичу Овцыну. Он вышел 14 мая 1734 года из Тобольска на построенной здесь же шлюбель-шлюпке «Тобол», длиною 21 метр. С ним был подштурман Стерлегов, геодезист Ушаков, рудознатец Медведев, а всего с командой 56 человек. К 11 июня прибыли в Обдорск. 5 августа достигли в Обской губе 70°4′. Конца губы не было видно, а начинались уже холода, почему решили вернуться назад и 4 сентября были в Обдорске, где и зазимовали. В продолжение зимы производили промер реки. Плавание 1735 года было еще неудачнее: в этом году в Обской губе было очень много льдов, так что к 17 июля удалось дойти только до 68°40′ с. ш., а между тем на судне развилась цынга, которою переболели командир и три четверти команды. Четверо умерли. Пришлось вернуться обратно. 10 августа были в устье Оби, а к началу октября в Тобольске.

Согласно программе, работы должны были быть окончены в два года. Несмотря на неудачи, нельзя сказать, чтобы экспедиция Овцына была бесплодна: был произведен целый ряд съемок, между прочим геодезистом Прянишниковым в 1735 и 1736 годах снят с суши восточный берег Обской

[1] А. Соколов. Зап. Гидрогр. департ., V, 1847, стр. 1—110.

Укажем на последующие карты Обской и Тазовской губ и Енисейского залива: 1) Обская губа и Енисейский залив, изд. Главн. гидрографического управления, октябрь 1932, составлена в 1929 г. по работам 1928—1929 гг. (карта № 1053). 2) Карта Гыданского полуострова в масштабе 1 : 1 000 000, составленная в 1930 г., с объяснительной запиской И. Я. Ермилова, в Трудах Полярной комиссии, вып. 9, 1933, изд. Акад. Наук. 3) Обская губа и северная часть Тазовской, изд. Главн. гидрографического управления 1934 г., по данным вплоть до 1932 г. 4) Гыдаямский залив, изд. Главн. гидрографического управления, 1934, составлена в 1933 г. по данным вплоть до 1932 г.

губы, а также Тазовская губа. Следующая съемка Тазовской губы сделана была в 1863 году Ю. И. Кушелевским, который прошел водою из Обдорска, Обскою и Тазовскою губами в реку Таз, с целью найти удобный путь к графитовым приискам Сидорова на Курейке (приток Енисея у Туруханска).[1] Отметим, что одно из первых плаваний по Тазовской губе было совершено еще в 1600 году князем Мироном Шаховским, который направлялся из Обдорска в реку Таз, но попал в Пур.[2]

Из Тобольска Овцын отправился в Петербург с отчетом. Адмиралтейств-коллегия постановила работы продолжать. Экспедиция 1736 года из-за обилия льдов также не была удачна: когда 5 августа достигли 72°40′, пришлось повернуть назад в Обдорск. Овцын же на зимовку поехал в Березов, что, как увидим, имело впоследствии для него роковое значение. Зато лето 1737 года благоприятствовало Овцыну (как и Малыгину). В Тобольске было выстроено еще одно судно, бот «Обь-Почтальон» длиною 18 метров. 29 июня, как только устья Оби очистились от льда, оба судна отправились в плавание. 7 августа вышли, наконец, в открытое море и увидели впереди льды, которые находились под 74°2′ с. ш. Здесь заметили кита. 16 августа обогнули мыс Мате-сале и отсюда повернули в Енисейскую губу. Продолжая плавание с великими трудностями, 31 августа вошли в Енисей, где их поджидала назначенная их встретить сухопутная партия. В октябре, не доходя нескольких верст до Туруханска, зазимовали.

В следующее лето 1738 года Овцын привел «Тобол» в Енисейск (21 июня).

С места зимовки Овцын доносил Берингу в Охотск о благополучном прибытии на Енисей. Это письмо, отправленное 14 декабря 1737 года, пришло в Охотск 31 июля 1738 года. Беринг немедленно послал Овцыну свои поздравления: «весьма радуюся о таком благополучном и еще до сего необретенном, ныне же счастливо вами сысканном новом пути, причем и вас о том вашем благополучии поздравляю. И прошу, дабы я и впредь приятным вашим уведомлением оставлен не был, чего охотно слышать желаю».[3] Но Овцыну не пришлось получить этот любезный ответ своего начальника.

---

[1] Ю. И. Кушелевский. Северный полюс и земля Ялмал. Путевые записки. СПб., 1868, II+157 стр. с картой. Об экспедиции в Тазовскую губу, стр. 7—35. В этой малоизвестной книге имеется много ценных этнографических сведений о самоедах, но ничего не говорится ни о северном полюсе, ни о земле Ялмал.

[2] И. Фишер. Сибирская история. СПб., 1774, стр. 205.

[3] Экспедиция Беринга, 1941, стр. 309.

Поручив штурману Минину отправиться на боте «Обь-Почтальон» к Хатанге, кругом Таймырского полуострова, Овцын сам поехал в Петербург с отчетами, но внезапно, в августе 1738 года, был арестован в Тобольске по доносу. Овцыну ставилось в вину знакомство с князем Иваном Алексеевичем Долгоруковым (сыном Алексея Григорьевича и братом Екатерины Алексеевны, невесты Петра II), бывшим в ссылке в Березове и казненным, в результате доноса, в 1739 году. Донос был послан тобольским канцеляристом Тишиным, который за оскорбление, нанесенное Екатерине Алексеевне Долгоруковой, был избит Овцыным. Дело это оказалось роковым не только для гидрографа, но и для всей семьи Долгоруковых. Овцына судили в Тайной канцелярии, разжаловали в матросы и послали в команду Беринга, в Охотск. Здесь он участвовал в плавании Беринга к Америке, в 1741 году, и в зимовке на острове Беринга. По указу 19 февраля 1741 года получил амнистию с возвращением прежнего чина, а в 1749 году произведен в капитаны.

Енисей—Лена

4 июня 1738 года Минин и Стерлегов вышли из Туруханска, намереваясь из устья Енисея дойти морем до Хатанги, т. е. обогнуть Таймыр. В устье Енисея были 3 августа. Стерлегову удалось дойти 23 августа до мыса, названного им Северо-восточным (73°14′). Так как кругом в море стояли сплошные льды, то он принужден был вернуться, предварительно установив доску, на которой вырезал: «1738 году августа 23 дня мимо сего мыса именуемаго Енисея Северовосточного на боту Оби Почтальоне от Флота штурман Федор Минин прошел к осту онои в ширине 73°14′ N». Ныне эти деревянная доска, найденная в 1922 году Н. Бегичевым, хранится в Географическом обществе. Через неделю и вся экспедиция пошла обратно в Енисей. Плавание следующего 1739 года было совсем неудачным, не удалось даже выйти из устьев Енисея в море. Выехав в январе 1740 года из Туруханска на собаках, Стерлегов к 14 апреля сделал опись морского берега от устья Енисея до определенной им астрономически широты 75°26′, где мыс, ныне называемый по имени Стерлегова. Этот пункт Стерлегов в своем журнале описывает так: «а мыс, на котором поставлен маяк с приметою, каменный, высокий; при оном месте усмотрена высота солнца в полдень 27°54′, ширина 75°26′. Пель-компас склонение от правого севера весьма много стал показывать, и не равное; и уповаемо, что в здешних северных местах магнитная сила служить не стала».[1] Мыс этот «собою узок, вышиною

[1] Зап. Гидрогр. департ., IX, 1851, стр. 24—25.

около 5 сажен берег, на котором земля черная с мягким ломаным камнем аспидом, а далее от берега глина со мхом; восточнее и западнее сего лежат берега низкие, пологие».[1]

От устья реки Енисея и вплоть до мыса св. Фаддея (на восточной стороне Таймырского полуострова) берег снят сухопутной съемкой, «понеже морем имели великие препятствия». «Чего ради оное морское описание оставя, описывали сухим путем, на собаках, по здешнему состоянию в нартах запрягши».

Морской партии, во главе с Мининым, удалось к 20 августа 1740 года дойти до 75°15′ с. ш., где встретили густые льды, почему повернули назад. В 1741 году Минин занимался описью берегов Енисея, но намеревался продолжать морские работы и сделал в этом смысле представление адмиралтейству. Но по отзыву Харитона Лаптева (1742), который произвел опись берегов Таймыра по-суху и убедился в непроходимости здесь моря, решено было дальнейших попыток не продолжать.

Съемка Енисейского залива и Обской губы была повторена в 1894—1896 годах экспедицией под начальством А. И. Вилькицкого.

Берега между Пясинской губой и мысом Стерлегова Х. Лаптев описывает следующим образом: «У сих берегов чаятельно быть великим в море отмелям, понеже тороса изредка и во льду не видно прорубей нерпичьих, которые на глубоких местах великое множество продувают для отдыху своего: к тому ж и щелей во льду нет, которые полная вода делает; и тем мнится, что тот лед к земле примерз. В параллели 74°10′ ширины острова собою высокие и пологие, на которых великое множество аспиду черного, но токмо хрупок и тонок, а писать на нем весьма мягок».[2]

Лена—Енисей

Для описи берегов к западу и востоку от устья Лены были назначены суда «Якутск», длиной 21 метр, и «Иркутск», длиной 18 метров, построенные в Якутске. Оба они, первое под начальством лейтенанта Прончищева, а второе—лейтенанта Ласиниуса, вышли из Якутска 30 июня 1735 года. Прончищев пришел к устью Лены, именно к Быковскому устью, 13 августа. С Прончищевым были подштурман Семен Челюскин, геодезист Никифор Чекин и человек 50 команды. Кроме того, отправилась в плавание жена Прончищева, разделявшая с ним все трудности путешествия и нашедшая вместе со своим мужем смерть в этой угрюмой стране...

25 августа «Якутск» подошел к устью Оленека (72°54′).

[1] Там же, стр. 23.
[2] Там же, стр. 25.

За поздним временем решили здесь перезимовать. В устье реки построили две избы из плавника (выброшенного на берег леса). Тут же было поселение из 12 семей русских промышленников, а поблизости находились кочевья тунгусов и якутов. 20 сентября река стала. С 14 ноября по 21 января солнце не показывалось над горизонтом.

В следующем, 1736 году река вскрылась 21 июня, но, задерживаемые льдами в море, могли двинуться в дальнейший путь только 3 августа. Уже к западу от Анабара 12 августа встречены густые льды. 13 августа пришли, пробиваясь среди льдов, к устью Хатангской губы (74°9′). На левом берегу ее видели зимовье, в нем хлеб и собак, но промышленников не оказалось. Продолжая плавание далее, 19-го достигли широты 77°29′; по пути на льдах видели множество белых медведей, а в воде моржей и белуг.[1] Глубина здесь была значительна, лот не доставал дна на 120 саженях (морских). Льды здесь были «самые глухие», которым «и конца видеть не могли». Больной Прончищев созвал к себе в каюту обер и унтер-офицеров, и «по консилиуму» с ними решили итти обратно. 25 августа подошли к устью Оленека, но целую неделю не могли за противным ветром войти в устье. 29-го Прончищев скончался, и в командование вступил Челюскин. 2 сентября вошли в устье Оленека и остановились у прошлогоднего зимовья. 6-го погребли тело командира, а 11-го за ним последовала в могилу и его верная жена.

Через 139 лет после этого, 26 августа 1875 года, А. Л. Чекановскому удалось найти могилу Прончищева и его жены в устье Оленека, у мыса Тумуль.

В августе 1736 года Прончищев, будучи в устье Анабары, под 73°1′ с. ш., посылал вверх по Анабару геодезиста Чекина «для описания и осмотра руды, которая объявлена здешними обывателями». Повидимому, на основании его рассказов, на рукописной карте фон-Дезина 1742 года нанесена, при впадении реки Солемы в Анабарскую губу, гора, при которой надпись: «гора каменная, из которой дым из щелей; а брали в ней нашатырь». Об этом упоминает Соколов.[2] Впервые Миддендорф обратил внимание на то, что здесь идет речь о подземных пожарах залежей каменного угля.[2] Сведения о «горящей горе» где-то между устьями Хатанги и Анабара были давно распространены в Сибири. Исаак Масса, пробывший в Москве с 1601 по 1609 г., в своем «Кратком описании путей и рек, ведущих из Московии на восток и северо-восток, в Сибирь, Самое-

[1] Это китообразное (Delphinapterus leucas) на севере называется белугой, а вовсе не белухой, как у нас почему-то принято писать.

[2] Зап. Гидрогр. департ., IX, стр. 11—12.

[3] A. Middendorff. Sibirische Reise. Bd. IV, Th. I, Lief. 2, 1860. p. 259—261.

дию и Тунгусию», напечатанном в Амстердаме в 1612 г.,[1] сообщает, очевидно со слов русских, следующее: «река Енисей (Jenisce) гораздо больше, чем Обь, и на восточном берегу своем имеет высокие горы, среди которых есть такие, которые извергают огонь и серу». Люди, посланные воеводой за Енисей, часто видели, как в горах «подымалось пламя огня», «они привезли оттуда небольшое количество серы и образцов камней, так что, повидимому, в этих горах находятся руды». Иногда слухи о горах, извергающих пламя, давали повод говорить о вулканах на севере Сибири. Мессершмидт, будучи в 1723 году в Туруханске, собирался посетить горящую гору на Хатанге, где добывают много нашатыря.[2] О ней же по слухам упоминают Страленберг[3] и Гмелин,[4] бывший в Туруханске в 1739 году. Нашатырь отсюда в Туруханске и Енисейске употребляли при паянье. Местоположение этой горы с точностью было неизвестно. Гмелин, согласно разъяснению Миддендорфа, полагает ее на реке Попигай, впадающей с востока в Хатангскую губу, недалеко от устья Хатанги. Около середины XVIII века описываемый подземный пожар совсем или отчасти прекратился, и Миддендорф, будучи через сто лет в Хатангском погосте, не мог получить по этому вопросу никаких сведений.[5] Разъяснение этот вопрос получил только во время Хатангской экспедиции 1905 года: близ устья реки Огневки, впадающей в Хатангскую губу километрах в 50 к востоку от устья Попигая, И. П. Толмачев обнаружил ясные следы бывшего каменноугольного пожара, истребившего на пространстве многих десятков квадратных километров два пласта мезозойского каменного угля. Местные жители о пожаре давно забыли.[6]

---

[1] Переведено на русский язык у: М. П. Алексеев. Сибирь. Иркутск, 1932, стр. 256—261.

[2] Middendorff, l. c., p. 260, Anmerk. 3.

[3] Strahlenberg, 1730, l. c., p. 324 („близ Ледовитого моря между Енисеем и Хатангой"). На карте же, приложенной к этой книге, огнедышащая гора нанесена в верховьях Оленека (Olenets), к востоку от этой реки; около горы надпись: Mons ignivomens in cujus cineribus Sal ammoniaci reperitur.

[4] J. Gmelin. Reise, II, 1752, p. 526.

[5] Но зато Миддендорф узнал про другой подземный пожар, именно — недалеко от впадения реки Тамуры (Таймуры) в Нижнюю Тунгуску; об этом пожаре упоминает, впрочем, еще Список с чертежа Сибирския Земли 1672 г. (Титов, 1890, стр. 52) и по данным Списка Витсен (1692). По словам Третьякова (Зап. Геогр. общ. по общ. геогр., II, 1869, стр. 223), близ реки Горелой, впадающей справа в Нижнюю Тунгуску, около 1800 или 1770 г. существовали подземные гари, от которых река и получила свое имя.

[6] И. П. Толмачев. Изв. Геогр. общ., XVIII (1912), стр. 398, или оттиск СПб., 1915, стр. 18 (см. карту). См. также Н. Н. Урванцев. Хатанга — новый горнопромышленный район. «Сов. Арктика», 1935, № 1, стр. 49; Емельянцев (цит. см. ниже), 1939, стр. 123.

После смерти Прончищева в командование вступил штурман Челюскин. В половине декабря он, вместе с геодезистом Чекиным, поехал в Якутск. Но они доехали только до Сиктяха на Лене (почти под 70° с. ш.). Не получив здесь подвод, должны были прожить до июня 1737 года, когда по реке отправились в Якутск. Хотя Беринга здесь уже не было, но он перед отъездом в Охотск получил донесения Челюскина. Посоветовавшись с академиками и своими офицерами, Беринг отложил продолжение экспедиции до решения адмиралтейства. Последнее обнаруживало замечательный интерес к этому научному предприятию и проявляло непоколебимую настойчивость. 3 декабря 1737 года адмиралтейство определило: работы продолжать «с наиприлежнейшим старанием» не только в следующее лето, но и в другое, и в третье, и даже в четвертое. На случай, если льды никак не позволят произвести опись с моря, говорилось в другом указе, то надлежит сделать опись кругом Таймырского полуострова сухопутно.

Преемником Прончищева был назначен Харитон Лаптев. Дубель-шлюпка «Якутск» летом 1737 года была приведена с устья Оленека в Якутск. На ней Х. Лаптев вышел 9 июня 1739 года с экипажем в 45 человек. 21 июля вступили в море западным рукавом Лены. В дельте этой реки, по описанию Лаптева (стр. 9), «кочуют в летних юртах якуты, которые довольствуются рыбами, оленями, гусями, лебедями и утками дикими, которых великое множество по озеркам мелким. Они же якуты промышляют песцов белых и голубых чрез всю зиму; ездят на собаках».

Море у западного устья Лены и до Оленека было у берегов свободно от льда. 24 июля миновали устье Оленека; здесь, говорит Лаптев (стр. 10), «в зимовьях живут русские промышленники издавна, семей около 10, которые чрез жен своих соединились многие с новокрещенными якутами и на их природу и обычаи схожи». Между устьями Оленека и Анабара берег крутой, ровный, безлесный. 28 июля достигли губы Нордвик, почему-то получившей от русских промышленников с устья Анабара это скандинавское имя. В губе стоял лед, почему для описания ее посылали на берег геодезиста. 6 августа подошли к устью Хатанги; теснимые льдами, принуждены были укрыться в Хатангской губе под 74°42′ с. ш., где простояли целую неделю. 14 августа вышли из губы и, все время плывя среди льдов, к 21 августа достигли мыса св. Фаддея (или, как пишет Беринг, Санкт-Фадея) под широтою 76°47′, где сплошные льды совершенно загородили дорогу. Мыс этот, пишет Лаптев (стр. 18), «лежит утесом каменным; на нем местами мелкой камень белой, подобен алебастру. Земля глина. Здесь мамонтовый рог выкопали из земли, длиной в 4 фута. У сего мыса стоя [1739 г.], видели морских зверей,

великих собою, подобно рыбе; шерсть маленькая, белая, яко снег; рыло черное. По здешнему называют белуга». Это — белуга, Delphinapterus leucas, из зубатых китообразных. Она часто входит в Енисей, подымаясь выше Дудинки, а в 1826 году прошла даже до Подкаменной Тунгуски.

Удобного пристанища на берегу у мыса св. Фаддея не оказалось, почему решили итти на зимовье в Хатангскую губу, куда вернулись 29 августа. Здесь близ устья речки Блудной, под 72°56′ с. ш., благополучно перезимовали: больных не было. Поблизости жило несколько семейств сидячих тунгусов. На корге, в устье Хатанги «в горе, в ссыпном яру, перпендикулярно от ватер-линии, в 25 саженях вышины, из земли торчат толстые бревна гнилые, и все в лучины раздробилися; над ними земли наросло вышиною 5 сажен» (стр. 15).

О Хатанге у Лаптева говорится: «Река Хатанга вышла из лесных мест, пустых, из озера Большого зовомого; и сей на ней лес стоячий, окончился в 73° ширины. По ней коренными зимовьями живут русские и новокрещенные якуты, начав с вершин, от 72° ширины и по самое устье. Жители довольствуются не столько рыбою, но больше оленями, которых промышляют на плаву чрез реку, осенью, когда идут олени с моря в лесные места, и весною, когда також на плаву, идут от комаров из лесных мест к морю и к озеру Таймурскому в тундреные чистые места. По сей реке промышляют песцов белых и голубых, против других мест довольнее. Собою песцы большие. Изредка промышляют волков бело-черных и белых; только не много их» (стр. 39). «На сей реке находится много морского ладону: цвет и дух имеет как янтарь, но токмо крошек» (стр. 41).

Указание Лаптева на произрастание по Хатанге высокоствольных деревьев под 73° с. ш. показалось А. Соколову сомнительным, и он поставил при этой цифре знак вопроса. Между тем, сообщение Лаптева близко к истине. На Хатанге, как известно, древесная растительность подымается к северу так далеко, как нигде в другом месте на земле. Окрестности села Хатангского, лежащего под 72° с. ш., почти сплошь облесены.[1] Миддендорф принимает, что лес по Хатанге простирается примерно до 72°30′ с. ш. А. И. Толмачев в 1928 году видел к северу от Хатангского, несколько поотдаль от реки Хатанги, под широтой 72°40′, три лиственицы (Larix dahurica) высотой до 120—130 сантиметров.[2] Возможно, что во времена Лаптева (1740) «стоячий лес» по Хатанге доходил еще немного дальше, до 73° с. ш.

[1] А. И. Толмачев. О распространении древесных пород и о северной границе лесов в области между Енисеем и Хатангой. Труды Полярной комиссии, вып. 5, 1931, стр. 21.

[2] Там же, стр. 22.

Лов оленей на плаву, т. е. во время переправ через реки, практиковался на Пясине, Таймыре и Хатанге еще во второй половине XIX века. Вот как его описывает Третьяков. С наступлением осени, олени, собравшись значительными табунами, направляются на юг. Во время переправы через реки впереди идут передовые олени, подымая высоко голову и осматривая окрестность. Когда передовые войдут в воду, за ними кидается весь табун. Олени плывут один за другим, в несколько рядов. В это время промышленники врываются на лодках в середину табуна и начинают колоть оленей. Несколько сот обезумевших животных, которые мечутся и плещутся в окровавленной воде, сталкиваясь рогами, дикие крики охотников, старающихся не допустить оленей на берег, люди на берегу, приканчивающие недобитых раненых оленей, — такова картина массового истребления безобидных изящных животных. Опытный охотник в полчаса набивал свыше 70 штук оленей.[1] Описываемый олень принадлежит к восточно-сибирскому подвиду — Rangifer tarandus sibiricus и именно в тундровой форме, отличающейся от лесной своим мелким ростом и более светлой окраской. Этот олень дважды в год совершает правильные перекочевки: осенью — на юг, из тундры в леса, весною обратно — из лесов в тундру.

Что касается белых волков, о которых говорит Лаптев, то о них упоминают и другие авторы.[2] По словам Третьякова,[3] белые волки, изредка попадающиеся в Туруханском крае, ценятся выше серых. Кривошапкин сообщает, что такие волки, кроме Туруханского края, встречаются в Березовском округе.[4] Миддендорф говорит, что таймырские волки, известные в продаже под именем туруханских, отличаются своей величиной и белизной.[5] Во время зимовки «Зари» у западного берега Таймыра, на берегу залива Миддендорфа, были замечены 10 сентября 1900 года (нового стиля) четыре волка, один темный, прочие светлые, почти белые.[6] Волк Колымского округа, по наблюдениям В. И. Иохельсона, крупнее обыкновенного русского волка и с более светлой шерстью; под старость он при-

[1] П. Третьяков. Туруханский край. Зап. Геогр. общ. по общей географии, II, 1869, стр. 492—494.

[2] Ph. Strahlenberg (Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730, p. 430) говорит: „волки обычно бывают серые; в Сибири же они по большей части белые, особенно на брюхе; к тому же они крупнее обычных и имеют очень мягкую и теплую шерсть. Местами попадаются также черные, как уголь».

[3] П. Третьяков, l. c., стр. 300.

[4] М. Кривошапкин. Енисейский округ и его жизнь. СПб., 1865. т. II, стр. 81.

[5] A. Middendorff. Sibirische Reise. Band IV, Theil 2, St. Pbg., 1867. p. 985.

[6] E. Toll. Die russische Polarfahrt der Sarja. Berlin, 1909, p. 87.

нимает совсем белый цвет с легким желтоватым оттенком. Впрочем, в продаже ценится не совсем белый волк, а такой, у которого на спине заметна примесь черных волос.[1] Стеллер упоминает о нахождении (редком) снежно-белых волков на Камчатке. Такие же волки описаны и из арктической Америки. Белый волк севера Сибири есть географическая форма обыкновенного Canis lupus.[2]

Янтарь, о котором упоминает Лаптев, попадается небольшими кусками (величиной с горошину) на всех берегах Северного Ледовитого моря как в Европе, так и в Азии, а также на берегах Камчатки, Алеутских островов, Кадьяка и пр.[3] Лопатин находил кусочки янтаря на левом берегу Енисейской губы, у Зверева; здесь же на берегу много кусков каменного угля.[4] Можно отметить, что янтарь встречается также в постплиоценовых отложениях северной морской трансгрессии с раковинами Nucula tenuis, например по берегу залива св. Иннокентия, что южнее Зверева.[5] В частности, относительно янтаря на Хатанге мы находим сведения на карте Страленберга 1730 года: именно, по притоку Хатанги, Хете, надписано: in hoc Flumine Cheta Electrum invenitur. Действительно, в 1935 году на реке Хете, в ее нижнем течении обнаружено крупное месторождение копала, или янтарной смолы, приуроченное к угленосным отложениям мелового возраста. Среди прослоек бурых каменных углей встречается масса мелких, величиной самое большое с грецкий орех, кусков янтарных смол — копалов, имеющих цвет от светложелтого до красно-желтого; куски эти очень хрупки.[6]

С устья Хатанги Лаптев посылал в октябре 1739 года боцманмата Медведева на реку Пясину для описи берега от ее устья до устья реки Таймыра. Но Медведеву удалось пройти по берегу всего сорок верст. В конце марта 1740 года был послан геодезист Чекин для описи того же берега, но в обрат-

---

[1] В. И. Иохельсон. Очерк зверопромышленности и торговли мехами в Колымском округе. Труды Якутск. эксп. Сибирякова. СПб., 1898, стр. 96.

[2] Эта форма носит название Canis lupus albus Kerr 1792 (см. С. И. Огнев. Звери восточной Европы и северной Азии. II, М., 1931, стр. 182).

[3] Middendorff, l. c., IV, Th. I, Lief. 2, 1860, p. 257. То же по-русски в Изв. Вост.-сиб. отд. Геогр. общ., XII, № 4—5, 1882, стр. 75.

[4] И. А. Лопатин. Дневник Туруханской экспедиции 1866 г. Зап. Геогр. общ., XXVIII, № 2. 1897, стр. 107, 108.

[5] Лопатин, l. c., стр. 111, 112. О том, что на берегу моря между Енисеем и Хатангой иногда находят янтарь, упоминает Strahlenberg, 1730, l. c., p. 332, очевидно, со слов Мессершмидта.

[6] Т. М. Емельянцев. Геологические исследования в районе рек Хеты, Хатанги и Таймырского п-ва в 1935/36 году. «Геолог. исследования Нордвик-хантангского района и Таймырского п-ва», изд. Главн. упр. сев. мор. пути. Л., 1939, стр. 124. См. также Л. Хандросс. «Природа», 1939, № 7, стр. 68.

ном направлении, от устья реки Таймыра на запад до Пясины. Чекин прошел по реке Таймыру к морю, а отсюда вдоль морского берега на запад, достигнув на сто верст к западу от того места, где берег повернул к югу (т. е. от мыса Северо-западного, для которого Лаптевым принята широта 76°38′). 17 мая 1741 года он вернулся обратно. Мыс Северо-западный лежит на самом деле не на материке, а на северной оконечности острова Таймыр. В настоящее время этот мыс носит имя Лаптева (76°22′ с. ш.).

В 1740 году только 12 июля можно было войти в Хатангскую губу и лишь через месяц из-за льдов достигли устья ее. Здесь 13 августа под 75½° с. ш. «Якутск» потерпел крушение: сдавленное льдами судно понесло ветром и течением к северу. От льдов сделалась пробоина, и судно начало заливать. Утром следующего дня, продолжая отливать воду, стали выгружать на лед провизию. К вечеру, когда льды тронулись и снова понесли судно в море, было решено свести всю команду на лед. Берега удалось достичь только через полтора суток, 16-го. Тут развели огонь из плавника, обогрелись и начали перевозить провиант на берег, пока лед с остатком провианта не унесло в море (31 августа). Команда, больная и изнуренная холодом и непосильными трудами, стала роптать и отказывалась работать, «говоря, что им все равно умирать — работая и не работая» (Соколов, стр. 305). Но Лаптев восстановил дисциплину. Только в половине октября смогли прибыть к месту своей прежней зимовки в вершине Хатангской губы. Из больных четверо умерло.

Отказавшись от мысли обогнуть Таймыр с моря, неутомимый Х. Лаптев решил приняться за сухопутные съемки. 17 марта 1741 года с места зимовки отправлен к устью Пясины на собаках Челюскин; ему надлежало описать берег между устьями Пясины и Таймыра. Геодезист Чекин послан 22 апреля для описи берега между устьями Хатанги и Таймыра, а сам Лаптев с четырьмя людьми отправился 24 апреля к устью реки Таймыра. Почти вся остальная команда отправлена на оленных санках в Енисейск.

Чекин вскоре вынужден был вернуться, дойдя до широты 76°35′. Несчастный геодезист и двое его спутников ослепли от необычайного холода. Челюскин достиг устья Пясины и, идя по берегу моря, встретился 1 июня под широтой 75°21′ с Лаптевым, шедшим ему навстречу от устья реки Таймыра. Отсюда вернулись на Пясину 9 июня. С Пясины поехали на Енисей, в Мангазейск, т. е. Туруханск, где и провели зиму.

Читая о бедствиях, испытанных отрядом Челюскина, невольно вспоминаешь слова из древней Космографии (1696 г.): «В зимнее время во странах Сибирския земли во многих местах мраза ради и тяжких воздухов никто же обитати и

жительствовати может в то время, но бывают пусты и бесчеловечны».

Теперь оставалось только положить на карту северную оконечность Азии. С этой целью в декабре 1741 года послан Челюскин. Выехав с устья Хатанги в конце февраля 1742 года, он прибыл к мысу св. Фаддея 1 мая и отсюда начал береговую опись по направлению к мысу, теперь называемому именем Челюскина, от него же получившему название Северо-восточного. Под широтой 77°27′ Челюскин сделал астрономическое определение по полуденной высоте солнца.[1] Здесь, напав на медвежий след, он ездил за 18 верст в море, где увидел четырех белых медведей, из коих один был убит. Пройдя еще 13 верст (от 77°27′ с. ш.), прибыли к мысу: «сей мыс каменный, приярый, высоты средней; около него льды гладкие и торосов нет. Здесь именован мною оной мыс Восточной-Северной мыс» (стр. 63). На нем водрузили маяк из нарочно привезенного бревна. Соколов, на основании показаний журнала Челюскина, полагает широту мыса Северо-восточного, или Челюскина, в 77°34′ (стр. 63).

Бэр[2] и Врангель совершенно неосновательно заподозрили правдивость показаний Челюскина. Они думали, что он вовсе не был на Северо-восточным мысу. Но после того как А. Соколов в 1851 году опубликовал выдержки из подлинного журнала Челюскина, достоверность его открытий не подлежит больше никакому сомнению. Мало того, Норденшельд, впервые после Челюскина, в 1878 году, производивший в этой области опись, но не знавший о статье Соколова, подтвердил точность съемки своего предшественника; мыс, говорит он, нанесен на русских картах совершенно правильно.[3] Астрономическое определение, произведенное Норденшельдом на мысе Челюскина (точнее, чуть западнее мыса) 20 августа 1878 года, тоже весьма близко к определению Челюскина: оно дало 77°36′49″ с. ш. и 103°17′ в. д. от Гринича.[4] Астрономическое наблюдение, сделанное 1 сентября 1901 года астрономом русской полярной экспедиции Ф. Г. Зебергом, дало широту 77°40′48″; северная оконечность мыса Челюскина, по приведению от места наблюдения, окажется под 77°41′30″ с. ш.,

---

[1] Зап. Гидрогр. деларт., IX. стр. 62.

[2] C. Baer. Neueste Nachrichten über die nördlichste Gegend von Sibirien zwischen den Flüssen Pjässida und Chatanga. Beitr. z. Kenntn. Russ. Reiches, IV, 1841, p. 275.

[3] A. E. Nordenskiöld. Die Umsegelung Asiens und Europas auf der Vega. I, Leipzig, 1882, p. 309.

[4] A. Lindhagen. Vega-expeditionens geografiska ortsbestämningar, in: A. E. Nordenskiöld. Vega-expeditionens vetenskapliga iakttagelser, I Stockholm, 1882, p. 468, 471.

104°30′ в. д.[1] Амундсен, зимовавший на судне «Мод» близ мыса Челюскина в 1918/19 году, также подтверждает правильность съемки, сделанной Челюскиным, которого он совершенно справедливо аттестует как «необычайно способного и энергичного человека». Во время стоянки корабля «Мод» Свердруп сделал 6 и 7 мая 1919 года астрономическое определение мыса Челюскина: оно дало 77°43′ с. ш. и 104°17′ в. д.[2]

О климате этих мест может дать представление устроенная не так давно на полуострове Челюскина метеорологическая станция. Средние месячные температуры воздуха с октября 1932 года по август 1934 года здесь таковы:[3]

Я	Ф	М	А	М	И	И	А	С	О	Н	Д
—25.5	—22.6	—25.7	—20.9	—15.2	—1.7	+1.2	+0,1	—5.3	—10.0	—25.0	—30.8

С апреля по октябрь небо покрыто облаками, зимою же, как вообще в восточной Сибири, ясно.

Мимо северной оконечности Азии прошли, после открывшего ее Челюскина, в 1878 году Нордшельд, в 1893 году Нансен на «Фраме», в 1901 году Толь на «Заре», но ни один из них не заметил расположенных к северу острова М. Таймыра и Северной Земли, хотя, как мы видели, Челюскин прошел по льду еще 20 километров вглубь моря. 1 сентября (нов. стиля) 1913 года транспорты «Таймыр» и «Вайгач», под начальством Б. А. Вилькицкого, идя с востока, встретили у самого мыса Челюскина лед, который их не пропустил к западу. Поднявшись на север, они 2 сентября, милях в 20—25 от мыса Челюскина, под 78°5′ с. ш., открыли низменный остров, М. Таймыр, а на следующий день, в расстоянии 20 миль к северо-западу от него, возвышенную Северную землю, вдоль восточных берегов которой они поднялись на север до 81° с. ш.[4] В следующем, 1914 году «Таймыр» и Вайгач» под начальством Б. А. Вилькицкого, следуя с востока, благополучно миновали мыс Челюскина 2 сентября.[5] 9 сентября 1918 года мимо мыса Челюскина прошел Амундсен на корабле «Maud».

За последние годы советские суда неоднократно плавали по проливу Вилькицкого, отделяющему мыс Челюскина от

[1] А. М. Бухтеев. Основные астрономические пункты русской полярной экспедиции 1900—1903 гг. Зап. Акад. Наук (8) по физ.-мат. отд., XXVI, № 2, 1911, стр. 12, 20.

[2] R. Amundsen. Nordostpassagen. Kristiania, 1921, p. 163, 167.— Р. Амундсен. На корабле «Мод». Л., 1929, Гос. пзд., стр. 174.

[3] Б. Рихтер. Полуостров Челюскин. «Сов. Север», М., 1935, № 3—4, стр. 126.

[4] Современное описание и карты Северной Земли см. у: Н. Н. Урванцев, Северная Земля. Л., 1933, пзд. Аркт. инст.

[5] Л. Брейтфус. Зап. по гидрогр., XXXIX, в. 1, 1915, стр. 106.— Л. Старокадомский. Через Ледовитый океан из Владивостока в Архангельск. Пгр., 1916, стр. 17 (оттиск из Морск. сборн.).

Северной Земли. Отметим историческое плавание ледореза «Литке», когда В. Ю. Визе в одну навигацию с 13 июля по 20 сентября 1934 года прошел, мимо мыса Челюскина, весь путь от Берингова пролива до Мурманска.[1] В навигацию 1935 года, замечательного в истории арктических плаваний, обычные коммерческие суда «Ванцетти» и «Искра» прошли из Мурманска, мимо мыса Челюскина, во Владивосток, а «Сталинград» и «Анадырь» проделали такой же путь в обратном направлении в течение 86 дней. Наконец, пароход «Рабочий» в том же 1935 году прошел из Архангельска в Колыму за 64 дня. Такого удачного года, как 1935, еще ни разу не было в сибирской Арктике.

Некоторые сведения о землях к северу от оконечности Таймыра могли иметься у сибирских туземцев. На карте Страленберга 1730 года на северной оконечности Сибири, между реками Пясиной и Хатангой, к северо-востоку от реки Горбицы, т. е. реки Таймыра, следовательно в области, соответствующей мысу Челюскина, обозначены Mont. Paternoster; они при посредстве Montes glaciales соединяются с непомерно растянутой на восток Новой Землей. В тексте своей книги[2] Страленберг сообщает, что он беседовал с людьми, которые путешествовали по узкому полуострову, идущему по направлению к Новой Земле, и видели «Ледяные горы».[3] Третьяков, бывший долгое время заседателем Туруханского округа, передает (1869) о местах у мыса Челюскина следующее: «нам не раз приходилось слышать о том, что на море есть иная земля, откуда переходят песцы и белые медведи. Не тянутся ли от Новой Земли, в виде архипелага, острова к Северовосточному мысу?»[4] 19 августа 1878 года Норденшельд видел на мысе Челюскина много куликов и громадную стаю гусей (черных казарок, Branta bernicla), тянувших на юг, «возможно, — говорит он, — с какой-либо земли, расположенной к северу от мыса Челюскина».[5] Толь (1900), основываясь на нахождении зимой полярных куропаток и песцов на полуострове Челюскина, тоже полагал, что они приходят сюда с севера, где должны находиться острова.[6]

Обогнув северную оконечность Азии, Челюскин продолжал съемку по направлению к устью реки Таймыра. Дея-

[1] В. Ю. Визе. Бюлл. Аркт. инст., 1934, № 10, стр. 352. — В. Ю. Визе. Моря советской Арктики. Л., 1939, стр. 433.

[2] Strahlenberg. Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia, 1730, p. 17.

[3] На стр. 18 сообщаются маловразумительные сведения о путешествии из области Таймыра «на Новую Землю», полученные от туруханского старожила.

[4] Третьяков. Зап. Геогр. общ. по общ. геогр., II, 1869, стр. 231.

[5] Nordenskiöld. Umsegelung Asiens und Europas, I, Leip., 1882, p. 308.

[6] E. Toll. Die russische Polarfahrt der Sarja. Berlin, 1909, p. 158.

тельный Лаптев в феврале решил ехать ему навстречу. Прибыв к устью реки Таймыра в начале мая, он, за недостатком провизии, не мог следовать дальше, а послал навстречу Челюскину двоих солдат с запасами продовольствия. Посланные встретились с Челюскиным 15 мая, севернее устья Таймыра. Отсюда прошли тундрой к устью этой реки. В июле Лаптев и Челюскин через Туруханск прибыли в Енисейск. Экспедиция была закончена, и Лаптев с отчетами поехал в Петербург.

Харитон Лаптев, один из замечательнейших русских путешественников, скончался в декабре 1763 года в звании обер-штер-кригс-комиссара флота.

В своем отчете о плаваниях, который опубликован А. Соколовым более чем сто лет после окончания экспедиции (в 1851 году, в «Записках Гидрографического департамента», IX, стр. 8—58), Лаптев сообщает весьма любопытные данные о северном побережье Ледовитого моря, между устьями Енисея и Лены, о реках, сюда впадающих, а также о народах, обитающих здесь. О тунгусских шаманах Лаптев пишет следующее: «Шаманство их состоит разными манерами: иные ножами режутся и кричат, иные скачут и в бубен бьют и поют, иные замышляются и тихо говорят, потом придет в такое безумие, что в беспамятстве якобы видит дьявола и говорит с ним, чего от него требует. Оное шаманство от них происходит не инако, как нарядяся в особливое к тому платье страшное, на котором множество звонцов медных и разных штучек железных на тоненьких плетенках, в четверть аршина долгих, нашитых на рукавах и на стану, где главные по швам» (стр. 55).

Относительно образа жизни тунгусов Лаптев говорит так: «Палатки у них называются чум, из оленьих кож, зимние с шерстью, летние из ровдугу, то-есть замша; растягивают на шестах, которые с собою возят. Имеют ружье [т. е. оружие]: лук с стрелами да полосу, яко нож, в аршин долгий, одного железа, да копье. На себе носят латы кольчужные и плащеные из железа. Одеяние их короткое, из оленьей кожи» (стр. 56).

На тундре, лежащей у южного побережья озера Таймыр, летом «кочуют с оленями самоеды, называемые тавги». Они «питаются дикими оленями, которых промышляют на плаву на реках, а в тундре загоняют в поставленные из крыльев махавки, меж которыми стреляют из луков. Питаются же они в летнюю пору на реках рыбою. Платье носят верхнее и нижнее из оленьих кож, зовутся парки, нижние и верхние; а из лап носят обувь; вместо подошев лбы оленьи. Ездят зимою и летом на санках; сделаны высокие от земли, на которых клади больше не подымет пяти пуд пара оленей»

(стр. 44).[1] К северо-восточным берегам озера Таймыр «самоеды за стужею» уже не ходят (стр. 43). То же подтверждает и Миддендорф: в 1843 году он не встретил самоедов ни на северных берегах озера Таймыр, ни в низовьях реки Таймыра.[2] Но в настоящее время тавгийцы летом заходят и несколько севернее Таймырского озера (см. ниже).

Название тавги происходит от тавгы, как эту народность называют родственные им юраки.[3] Тавгийцев (нганасан) в 1930—1931 годах насчитано 615 человек.[4] Они разделяются на два рода — авамский и вадеевский.[5] Авамцы летом кочуют по тундрам, начиная от Енисея около Дудинки, далее по Пясине, Аваму (притоку Дудыпты, впадающей в Пясину) и в бассейне реки Таймыра на север до 75° с. ш. Вадеевцы зимою живут на левом берегу нижней Хеты, а летом доходят до южного берега озера Таймыр, а некоторые продвигаются еще далее на север, к северо-востоку от озера Таймыр, достигая 75° с. ш.;[6] вадеевцы сами себя называют асси-ня, от слов асси — тунгусы и ня — название, каким себя обозначают авамцы, и, действительно, вадеевцы, как принимают Миддендорф и Патканов,[7] есть осамоедившиеся тунгусы. Тавгийцев Долгих,[8] исследовавший их в 1926/27 году, характеризует следующим образом: они почти не употребляют тканей для одежды, одеваются в свой национальный костюм, не имеют каких-либо постоянных построек, не имеют русских имен и сохраняют свои языческие верования.

Крайний север Таймыра необитаем: летние кочевья самоедов не простираются далее линии, идущей от Гольчихи на Енисейской губе до слияния Пыра с Пясиной, отсюда к району озера Таймыр (под 75°) и, наконец, к Хатангской губе, именно — приблизительно к месту впадения в нее М. Балахны. Толь[9] задает вопрос, почему самоеды летом не посещают се-

---

[1] Описание тавгийской одежды и санок см. у А. А. Попова. Тавгийцы. Л., 1936.

[2] A. Middendorff. Sibirische Reise. Band IV, Theil 2, Lief. 3: Die Eingeborenen Sibiriens, 1875, p. 1439.

[3] Г. Н. Прокофьев. Языки и письменность народов Севера. I. Л., 1937, стр. 54.

[4] А. А. Попов. Тавгийцы. Л., 1936, стр. 8.

[5] С. Патканов. Зап. Геогр. общ. по отд. стат., XI, в. 2, 1911, стр. 431. Согласно А. А. Попову (Тавгийцы, Л., 1936, стр. 3), настоящее имя вадеевцев это — ведеевцы, от р. Веден, или Б. Балахны, притока Хатанги.

[6] Б. Долгих. Население полуострова Таймыра и прилегающего к нему района. «Северная Азия», 1929, № 2, стр. 59.

[7] Патканов, l. c., стр. 431.

[8] Долгих присоединяет к тавгийцам еще долган-самоедов (65 чел.) и роды хантайский (199 чел.) и карасинский (170 чел.). Но последние два рода принадлежат к енисейским самоедам (энцам).

[9] Toll. Die Polarfahrt der Sarja, p. 127.

верного Таймыра, где много оленей, птиц, тюленей, наконец,— рыбы в устьях Пясины и Таймыра, и предполагает, что причиной является скудость топлива, именно недостаток выкидного леса на здешних берегах. Вряд ли это, однако, так. Выкидного лесу немного на берегах полуострова Челюскина,[1] но на прочих берегах Таймыра плавнику довольно: в устье Пясины, по словам Лаптева (стр. 27), «плавника лесу весьма много, которым жители довольствуются» (см. также стр. 47); то же говорит Миддендорф относительно устья реки Таймыра и Таймырского залива[2] и подтверждает (р. 254) об устье Пясины. Причина, надо думать, заключается в недостатке оленных кормов. Описывая северный Таймыр, Харитон Лаптев говорит:[3] «корму их [домашних оленей] от ширины 73 градусов до мыса Святого Фадея отнюдь нет, так что которые и дикие олени в те дальние северные места заходят, а оттоле обратно к реке Хатанге ежели немного опоздают, то весьма мало их возвращается: все от бескормицы в тех местах, идучи назад, пропадают». Хатангские промышленники рассказывали Лаптеву, что в октябре и ноябре в тундре и по берегам моря и Хатангской губы можно видеть множество мертвых и умирающих диких оленей.

О лове оленей на плаву мы уже говорили выше (стр. 323). Махавки — это частоколы, которыми самоеды (тавгийцы и юраки) промышляют оленей. Весной, когда олень идет из лесов в тундры, махавки устраиваются в виде длинных, в четыре-пять километров, частоколов, сходящихся под углом. Узкий конец перегораживается сетями из тонких ремней. На кольях, вышиной в метр, навешивают тряпки и перья, чтобы напугать оленя и не дать ему проскользнуть между кольями. Загнав в махавку оленей, их у перегороженного конца стреляют из луков или колют рогатиной. Летом махавки делают из земли и дерна и узкий конец их выводят в речку или озеро: когда олени, вырвавшись из махавок, бросятся в воду, охотники с лодок («ветки») начинают их колоть.[4]

По словам Лаптева (стр. 42—43), особенно много диких оленей бывает в низовьях реки Таймыра и на Таймырском озере, и именно летом, с мая; они ходят стадами по тысяче голов. «Великое множество» оленей (и гусей) также на реке Пясине (стр. 47).

Река Пясина, говорит Лаптев, вышла из озера Пясинского; озеро это мелкое, «но токмо срединою идет глубокая вода из

[1] См. Зап. Гидрограф. департ., IX, стр. 61—62, а также стр. 20.
[2] Middendorff, Sib. Reise, IV, 1. p. 252, 254.
[3] Экспедиция Беринга, 1941, стр. 251; ср. также стр. 248.
[4] Третьяков, стр. 491—492. См. также М. Кривошапкин. Енисейский округ и его жизнь. СПб., 1865, т. II, стр. 105—106 (долганы у Дудинки). — А. Попов. Тавгийцы. Л., 1936. стр. 32—34.

речки впадающей в нее [в озеро], Нарыльской». Эти данные полностью подтвердил Н. Н. Урванцев, работавший здесь в 1919—1926 годах. Глубина Пясинского озера летом 2—3 метра (при длине около 90 километров), а зимой лед во многих местах лежит непосредственно на дне. В средней части озера начиная от устья реки Норильской, тянется довольно глубокая впадина, «борозда», представляющая собою русло реки Норильской (Пясины). Ширина этой борозды 200—300 метров, глубина зимою 1921 года 4—5 метров и больше. Зимою, таким образом, Пясинское озеро сокращается до пределов борозды.[1]

«По реке Пясинге стоячий лес окончился в параллеле 70°10′ ширины». Это наблюдение Лаптева в общем правильно. Действительно, на реке Пясине лиственица (Larix sibirica), в небольшом количестве есть у станка Введенского, под 70°10′ с. ш.; здесь местность носит лесотундровый характер.[2] Отдельные же лиственицы, по наблюдениям Урванцева (1929), доходят до впадения Дудыпты в Пясину, т. е. до $70^1/_2°$ с. ш.

«По сей реке [Пясине], с самой вершины, живут русские промышленники и до 71°10′, которые промышляют, как и прочие, песцов. Питаются рыбою; из реки довольное число ловится. А дале сих мест и до устья реки Повры [Пыры?] в лете кочуют, где ловят рыбу и оленей на плаву. По здешней тундре, меж рек Енисея и Пясинги, состоят самоеды, слывут хантаянские» (стр. 47) — имеется в виду хантайский род енисейских самоедов или энцев; их по переписи 1897 года было 204 человека,[3] по переписи 1926/27 года 199 человек (подсчитаны не полностью).[4]

Юраки, по словам Лаптева, живут между низовьями Оби и Енисея, что справедливо и для настоящего времени. «Сии юраки, приходя, многих [русских] грабили и до смерти убивали» (стр. 53). Напротив, о тавгийцах, тунгусах и якутах Лаптев отзывается с похвалой: «самоеды с охотой помощь чинят Камчатской экспедиции» (стр. 44). «Мужеством и человечеством и смыслом тунгусы всех кочующих и в юртах живущих превосходят» (стр. 56).

Юраки — это не что иное, как самоедский народ ненцы, кочующие по тундрам от Белого моря на западе до Енисея и

---

[1] Н. Н. Урванцев. Следы четвертичного оледенения центральной части севера Сибири. Труды Главн. геолого-развед. объедин., вып. 113, 1931, стр. 38.

[2] А. И. Толмачев. О распространении древесных пород и о северной границе лесов в области между Енисеем и Хатангой. Труды Полярной комиссии, вып. 5, 1931, стр. 7.

[3] Патканов. Зап. Геогр. общ., отд. стат., XI, в. 2, стр. 410.

[4] Долгих. I. с., стр. 53.

(даже несколько далее) на востоке.[1] Но особого народа или племени юраков, как неправильно думал Кастрен, на самом деле нет. Юраками (урьях, орьях) называют обские остяки своих соседей ненцев.[2] То же имя — юрак — прилагают к ненцам также енисейские самоеды (энцы) и тавгийцы.

Позднейшие исследователи дают о юраках более сочувственный отзыв, чем Лаптев. Так, Третьяков (стр. 93) говорит про них: «в умственном отношении юраки едва ли уступят тунгусам и, несмотря на скромность, характером гораздо тверже, а в отношении аккуратности по своему хозяйству уступают разве долганам» (т. е. объякутившимся тунгусам).[3] Впрочем, юраки всегда отличались воинственностью: первое столкновение с русскими они имели на реке Пуре, впадающей в Тазовскую губу, в 1600 году, когда партия немирных юраков напала на отряд кн. Мирона Шаховского и, убив 30 человек, заставила его вернуться обратно.[4]

О туруханских русских Лаптев сообщает (стр. 49—50): «у всех промышленников по реке Енисею русских не весьма довольно богатства их в чем бы ни было; понеже коренных, или назвать давне живущих, на сих местах очень мало, но многие набродные, из русских городов, с пашпортами просроченными или безпашпортные. Обычаи имеют: великие охотники в карты играть, покупая дорогою ценою;[5] також слабы очень к вину горячему, которое временно привозят государево из города Мангазейска [т. е. из Туруханска]... Многие свои заводы проигрывают и пропивают Мангазейским служилым и жителям». В Туруханске в то время было «с 70 домов жителей разных чинов русских; довольствуются привозным хлебом, а родятся огородные овощи: капуста и редька и репа, а более ничего».

О реке Енисее Лаптев сообщает такие сведения.[6] По этой реке, считая сверху, вплоть до 61° с. ш. живут русские; «село последнее к морю Дубческое, в котором хлеб пашут всякой;

---

[1] A. Castren. Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker, 1857, p. 83.

[2] Н. А. Абрамов. Описание Березовского края. Зап. Геогр. общ., XII. 1857, стр. 350. — Ahlqvist, 1880: у остяков йоррын-хо или ор-хо, во множ. числе йоррын-ях или ор-ях, откуда русс. юрак. — Г. Вербов. Изв. Геогр. общ., 1940, вып. 5, стр. 18. — Кастрен (1857, p. 84) предполагал, что термин юрак родствен слову югра.

[3] Ср. также отзыв о юраках у Кривошапкина, II, стр. 151.

[4] Фишер. Сибирская история. СПб., 1774, стр. 206.

[5] В наказе, данном мангазейским воеводою кн. Василию Мосальскому и Савлуку Пушкину в 1601 г., говорится: «и тобольских и березовских служивых людей, которые с ними посланы, и Литву, и казаков, и стрельцов от всякого воровства и от убийства унимати, и зернью и карты играть не велети» (Г. Миллер. Описание Сиб. царства, I, 1750, стр. 389). Зернь — это игра в кости.

[6] Зап. Гидрогр. департ., IX, стр. 48.

а ниже сего села нет пашни никакой и жителей до города Мангазейска; но токмо остяки новокрещеные по берегам реки в берестяных юртах живут и рыбою питаются». Имеются здесь в виду енисейцы, или кеты, неправильно называвшиеся раньше енисейскими остяками, неправильно — потому, что с остяками они по языку и происхождению не имеют ничего общего. В культурном же отношении кеты близки к остяко-самоедам или селькупам. Кет на языке этого народа означает человек. По переписи 1926/27 года кетов было немного более 1000 человек. Берестяные юрты, о которых говорит Лаптев, весьма характерны для этого народа. Кеты кочуют по Енисею между деревнями Дубческой (Ворогово, под 61° с. ш.) и Ермаковой (почти под полярным кругом), а также по Елогую, Курейке и низовьям Подкаменной Тунгуски. Язык кетов не имеет ничего общего с языками соседей; его сближают то с тибетским, то с языками Передней Азии.

В том же отчете Лаптева мы находим ряд любопытных сведений о тундре. Так, относительно области у озера Таймыра он говорит (стр. 44): «По сей тундре, а паче близь моря лежащие находятся мамонтовые роги, большие и малые, также кож и другие от корпуса кости». «А на иных реках здешней тундры из берегов вымывает и целые звери мамонты, с обеими рогами; на них кожа толщиною в 5 дюймов, а шерсть и тело истлелые; а прочие кости, кроме помянутых рогов, весьма дряблые... Сей зверь мамонт есть, мнится быть, и ныне в море Северном, на глубоких местах; понеже случалося по самым берегам моря находить роги, ничего в землю не вросшие, о которых уповательно волнами выбивает; а по тундре все роги находятся в земле верхним из острых концов, а тупым концом на верху земли» (стр. 45).

Принимая мамонта за морское животное и находя остатки его в тундре далеко от моря, Лаптев полагал, что это обстоятельство свидетельствует об отступании моря.

Лаптев дает описание растительности низовьев Енисея и Таймырской тундры (стр. 51): ниже Туруханска местами имеется строевой лес, но чем далее к морю, тем его меньше, и состоит он из мелкой лиственицы, но и она кончается под 69°43′ с. ш., у Крестовского мыса. Это наблюдение совершенно точное: северная граница распространения сибирской лиственицы (Larix sibirica) проходит на Енисее несколько севернее 69°40′ с. ш., неподалеку от станка Селякина; здесь лиственица представлена разрозненными, низкорослыми, до 2—2½ метров высотой, деревцами.[1] Далее же к морю «нет никакого лесу стоячего, но токмо плавнику довольно». «Около моря, по всем тундрам, кроме северных мысов, восточного

[1] А. И. Толмачев, 1931, l. c., стр. 5.

и западного [имеются в виду мысы Челюскина и Лаптева], т. е. до 74° ширины, на мокрых местах растет тальник,[1] не выше двух дюймов вверх, которой толстыми стеблями стелется по земле, на аршин и меньше, в летнее время, и малой лист издает. А на иных местах, где влажнее земля, растет березник тонкий, кустами, не выше фута, по здешнему зовется ярник,[2] которой употребляют Самоеды в лето вместо дров, или есть варят; лист на них в копейку серебряную, больше не бывает летом. От вышеупомянутой ширины (74°) к северу никакого нет лесу, и с нуждою редкая трава выходит».

«Здешней [т. е. Таймырской] тундры речки, — говорит Лаптев, — которые известно, что из безлесных мест вышли, на них находится лес плавник гнилой, едва на дрова с нуждою годен; и случилося в 1742 году, в тундре наехать от речек не меньше 10 верст, в параллели в 73° ширины, одно дерево гнилое ж в земле, подобно с корнем, вверх торчит толщиною в 5 дюймов диаметру, не выше 5 фут над землею».[3] Лаптев ошибочно принимал эти деревья за наносный лес, принесенный морем, и считал, что прежде море стояло выше: «чаятельно быть в прежних годах большим водам в море, что тундру закрывало водою». Правда, в четвертичное время тундра на значительное расстояние от берега была покрыта морем, но следами его являются не те явления, о которых говорит Лаптев, а другие. Так, на острове Нансена (у берегов зап. Таймыра) А. А. Бялыницкий-Бируля нашел раковины четвертичных морских моллюсков (Mya truncata, Astarte, Saxicava, Pecten islandicus и др.) на высоте 35—37 метров над современным уровнем моря.[4] Миддендорф обнаружил раковины Mya truncata, Tellina calcarea, Saxicava rugosa и др. в низовьях Таймыра на высоте 20—60 метров над уровнем реки; встречались они также в расстоянии 200 километров от моря.[5] По Хатанге песчаные отложения морской трансгрессии с остатками раковин доходят на юг до $71^1/_2°$ с. ш., подымаясь до абсолютной высоты в 25 м.[6]

Как известно, в тундре, за много верст не доходя до современной лесной границы, встречаются остатки деревьев, несомненно росших здесь на месте. Произрастание лесов в тундре

[1] Salix.

[2] Betula nana.

Зап. Гидрогр. департ., IX, 1851, стр. 45—46.

[4] Toll, l. c., p. 374. — А. Бируля. Зап. Акад. Наук, физ.-мат. отд. (8), XVIII, № 2, 1907, стр. XVI.

[5] Middendorff, IV, 1, p. 250—251. О четвертичной трансгрессии в низовьях Енисея см. у Лопатина, l. c., стр. 15—18 и passim. Fr. Schmidt, l. c., p. 17—20, 48—68.

[6] И. Толмачев, l. c., стр. 386. — Четвертичная история северного побережья Сибири была весьма сложной. Подробности см. В. Н. Сакс. Моря советской Арктики в четвертичный период. Л., 1945, изд. Арктич. ин-т. (Доклады юбилейной сессии).

относится, надо думать, к тому более сухому и теплому времени, которое предшествовало современной климатической эпохе и приходилось за несколько тысяч лет до нашей эры.[1] Нахождение пней в тундре отмечено целым рядом наблюдателей (Миддендорф, Фр. Шмидт, Лопатин и др.). На берегу Енисейской губы, близ устья реки Зырянки, севернее 72° с. ш.. Лопатин нашел под почвой и илом слой с растительными остатками и пнями березы от 10 до 13 сантиметров в отрубе; причем один ствол березы найден в стоячем положении, корнями вниз, так что дерево это, без сомнения, росло здесь же.[2] А между тем теперешняя граница леса находится очень далеко к югу отсюда (69°/1°). В тундре, в низовьях Енисея, на вышеупоминавшемся (стр. 334) Селякинском яру. Лопатин обнаружил в слое торфа ствол лиственицы до 35 сантиметров в отрубе и ствол березы с корой.[3] О такого же рода наблюдениях в тундре по Енисею и в Енисейском крае упоминает и спутник Лопатина Ф. Б. Шмидт.[4] В эпоху мамонта, в тундре по реке Гыда (севернее 70° с. ш.) росли лиственицы, полярные березы и ивы, как ныне у Дудинки под 69$^1/_3$° с. ш. Шмидт полагает, что это время приходится на теплую послеледниковую эпоху.[5] Н. Н. Урванцев наблюдал на реке Пясине под 72° с. ш. ископаемые стволы листвениц и мощные линзы торфа,тогда как современная граница лесной растительности проходит здесь под 70$^1/_2$° с. ш.[6] На основании исследования ископаемых растительных остатков из торфяников послеледникового времени с северного Ямала удалось установить, что некогда полярная граница лиственицы, ели и древовидной формы березы проходила здесь севернее современной на 2 — 2.5° и даже на 3°.[7] То же явление обнаружено, путем исследования торфяников, и для области низовьев Лены.[8]

Без сомнения, в тундрах Сибири встречается выкидной лес не только современный, но и постплиоценовый; последний может оказаться на известной высоте над уровнем моря в результате поднятия берегов, какое испытал север Сибири. Так,

---

[1] См. об этом: Л. Берг. Об изменении климата в историческое время. Землеведение, 1911, № 3, стр. 72 сл. (также в книге «Климат и жизнь», М., 1922, и Ландшафтно-географические зоны СССР, I, 1931, стр. 36). Но леса росли здесь и в теплое межледниковое время.

[2] И. А. Лопатин. Дневник Туруханской экспедиции 1866 г. Зап. Геогр. общ. по общ. геогр., XXVIII, № 2, 1897, стр. 87.

[3] Там же, стр. 124.

[4] Fr. Schmidt. Wiss. Res. der an den unt. Jenissei ausgesandten Expedition. Mém. Acad. Sc. Pétersb. (7), XVIII, Nr. 1, 1872, p. 26.

[5] Там же, p. 34—35; ср. также p. 76—77.

[6] Н. Н. Урванцев. Тр. Главн. геол.-развед. объедин., вып. 113, 1931, стр. 45.

[7] Б. А. Тихомиров. О лесной фазе в послеледниковой истории растительности севера Сибири. «Сов. ботаника», 1938, № 2, стр. 62.

[8] Там же.

на морском побережье между Енисеем и Пясиной можно встретить древний плавник на высоком обрывистом берегу, на высоте 4—6 м над уровнем моря, в расстоянии нескольких километров в глубь суши.[1] Но, по словам Ф. Шмидта (l. c., p. 20), плавник в отложениях четвертичной морской трансгрессии представлен обычно щепками, а не цельными лесинами. Высокоствольный же плавник приурочен к современным и древним морским береговым линиям и к берегам рек.

Наконец, Лаптев сообщил данные о приливах и отливах в устье Енисея, Пясины, в Таймырской и Пясинской губах. В устье Енисея прикладной час 5 час. 30 мин.,[2] в устье Пясины 3 часа.[3] В Хатангской губе летом разность высокой и низкой воды 1.2—1.4 м, прикладной час 11 час. 55 мин.[4] Точные сведения о приливах у берегов Таймыра мы получили только благодаря наблюдениям Русской полярной экспедиции, произведенным с декабря 1900 по май 1901 года у северного берега зап. Таймыра на рейде «Заря», под 76°8′ с. ш. и 95°8′ в. д. от Гринича. На всем протяжении Северного Ледовитого моря, начиная от Земли Франца-Иосифа и Мурмана и вплоть до Чукотского полуострова, приливы, как известно, полусуточные, т. е. с двумя полными и двумя малыми водами в сутки. Для устья Анабара это вполне определенно отмечено Прончищевым в августе 1736 года.[5] На рейде «Заря» средняя амплитуда прилива 38 см, средняя амплитуда сизигийного прилива 53 см, квадратурного 20 см, прикладной час 1 час. 37 мин.[6] По мере движения на восток амплитуда уменьшается, и в Нитлекае (Чукотский полуостров) она в среднем падает до 6 см.

В честь знаменитых мореплавателей, братьев Харитона и Дмитрия Лаптевых, море между Таймыром и Новосибирскими островами названо морем Лаптевых.

Берега к востоку от Лены

Лейтенант Ласиниус, которому была поручена опись берега к востоку от Лены, вышел из устьев этой реки на палубном боте «Иркутск» 7 августа 1735 года. Задачей этого судна было, как мы знаем, обогнуть северо-восточную оконечность Азии и попытаться достичь Камчатки. Уже через четыре

[1] Н. Н. Урванцев, стр. 44.
[2] Зап. Гидрогр. департ., IX, 1851, стр. 31.
[3] Там же, стр. 27.
[4] Там же, стр. 14—15, 69—72.
[5] Там же, стр. 11.
[6] А. М. Бухтеев. Приливы у сибирского побережья Сев. Лед. океана по наблюдениям Русск. полярн. эксп. в 1900—1903 гг. I. Приливы на рейде «Заря» у северного берега зап. Таймыра. Зап. Акад. Наук по физ.-мат. отд. (8), XXVI, № 4, 1912, стр. 9—10.

дня были встречены льды, которые понудили 13-го искать «отстойных мест к зимовью». 14 августа достигли залива Борхая, недалеко к востоку от Ленской дельты, и здесь зазимовали, устроив из выброшенного морем леса казарму. Вскоре открылась цынга, и первой жертвой ее пал сам начальник, умерший 19 декабря. За короткое время погибло еще 35 человек. Оставшиеся в живых иеромонах, подштурман Ртищев и 7 нижних чинов весною пришли в Якутск.

Рис. 44. Моржи в Сибирском Ледовитом море (из „Азиатской России").

Вместо Ласиниуса начальником экспедиции в 1736 году был назначен лейтенант Дмитрий Лаптев, достойный брат Харитона. Спустившись по Лене, он уже 18 июля был в заливе Борхая и вступил в командование ботом «Иркутск». Но пройти дальше меридиана мыса Борхая и 73°16′ с. ш. ему не удалось. 14 августа «по сделанному консилиуму» решили итти обратно в Лену. В низовьях этой реки, недалеко от Булуна, под широтой 70°40′, и зазимовали. Зимою сильно страдали от цынги, и один из матросов умер. Следующим (1737 года) летом Д. Лаптев отвел бот в Якутск, а сам поехал в Петербург. Здесь ему было предписано продолжать попытки пробиться к востоку на судне, буде ж это окажется совершенно невыполнимым, то ехать с описью берегом до устья Колымы, а отсюда, съездив на Камчатку, взять судно и постараться обойти «Чукотский мыс» с востока на запад. Вот как писала об этом адмиралтейств-коллегия, рассмотрев в своем заседании 3 марта 1738 года карты, представленные Д. Лап-

гевым:[1] «Понеже от Камчатки подле оного ж берега, через первый капитан-командора Беринга поход, было искание, не имеется ли сходства [схождения, соединения] с Америкою, однакож он, доходя до 67 градусов и нескольких минут северной широты, того сходства не нашел, да и сверх того, по сообщенным от профессоров из камчатской экспедиции известиям, по тамошним ведомостям явно, что с Ковымы [Колымы] до Анадыра реки морем хаживали, почему сумнения того уже нет, будто бы сходство Америки с Азиею имелось; того ради ему Лаптеву всеусердное иметь старание, дабы Чукотский нос, который по прежним недостоверным картам кажется в море далече протянулся, всемерно бы обойти и, обойдя оный [со стороны Камчатки и Анадыря], идти к ковымскому устью».

Пробывши два месяца в Петербурге, Д. Лаптев в марте 1738 года отправился в Сибирь. Ранней весной 1739 года из Якутска был послан матрос Лошкин на собаках, для описи берега от устья Яны до Св. Носа (против Ляховского острова), а геодезист Киндяков — для съемки реки Индигирки от верховьев до устья. Лаптев же из Якутска на том же боте «Иркутск» спустился по Лене и 5 июля (1739 года) вышел в море. Только через месяц он подошел к мысу Борхая, где снова оказались густые льды. Впрочем, поплыли дальше, прорубаясь и проталкиваясь через лед. 7 августа достигли устья Яны. 14-го миновали мыс Святой нос, широта которого принята в 72°50′; по астрономическому определению лейтенанта Давыдова в 1912 году она почти такова же, именно 72°52′. Потом следовали на восток с тихим и попутным ветром, не встречая льдов вплоть до 18-го. С этого дня началась непогода, ветры сделались свежими и противными, нанесло много льду. 22 августа пришли к устью Индигирки. Отсюда послали на берег для разведок матроса и лоцмана; ждали их шесть дней, но они не вернулись. 28-го пошли дальше и, пройдя еще 18 миль, снова посылали на берег лодки, из коих одна снова не вернулась. 1 сентября все море замерзло, но через четверо суток ветром разломало лед, и судно понесло в море. Так его несло сорок верст, когда ветер переменился, и явилась возможность пойти обратно к берегу. 9 сентября посланные на берег вернулись с радостным известием, что «Иркутск» находится у восточного устья реки Индигирки, и привезли посланных ранее людей, считавшихся погибшими. Эти несчастные едва не погибли тут с голоду и холоду, питаясь травою и песцами. Попытки ввести «Иркутск» в устье Индигирки оказались тщетными. Поэтому команду начали перевозить на берег, отстоявший в 15 километрах. Перевозку закончили к 22 сентября (1739 года). Зимой и весной следующего года матрос

[1] Материалы для истории русского флота, VIII, 1880, стр. 428.

Лошкин и топограф Киндяков сняли Колыму от Среднеколымска до устья и морской берег от Колымы до Индигирки, штурман Щербинин описал реку Яну, а Лаптев — Хрому.

Описывая в письме к графу Головину свое плавание 1739 года от устья Лены к устью Индигирки, Дм. Лаптев говорит: «Часто бродили во льдах как в густом лесу... Одним словом доношу, милостивейший государь, берега оные и путь погибельной».[1] С зимовки Дм. Лаптев послал адмиралтейств-коллегии с матросом Лошкиным донесение, в котором писал, что пройти морем от Анадыря до Колымы, как предполагала адмиралтейств-коллегия, вряд ли удастся. На это Лаптеву было в июне 1740 года предписано, если окажется возможным, обойти Чукотский нос водою, а если, за препятствием от льдов, водою итти будет невозможно, то сухим путем. Но еще задолго до получения этой инструкции Лаптев начал в июне 1740 года готовиться к новому походу. Нужно было вывести вмерзшее в лед судно в безопасное место. Для этого, с помощью команды и 85 туземцев, прорубили во льду канал длиной в километр. Толщина льда была от 1½ до 2 м, и работа эта потребовала трех недель. Но едва судно вывели на чистую воду, как льдами его выкинуло на мель. Пришлось совершенно разгрузить судно. Только к 29 июля могли привести «Иркутск» в надлежащий вид и через два дня отправились к востоку, сопровождаемые всюду тяжелыми льдами. 4 августа достигли Среднеколымского устья, а 14-го подошли к Большому Баранову камню. Отсюда начинались сплошные льды, почему решено было повернуть назад. 23 августа остановились на зимовку в устье реки Колымы, у Нижнеколымска, состоявшего тогда из 11 дворов. Осенью геодезист Киндяков был послан на Колыму для описи ее, штурман же Щербинин был отправлен на Анадырь для осмотра дороги туда по случаю предполагавшейся описи этой реки.

В следующее лето (1741 года) Д. Лаптев опять сделал попытку пройти на восток. Хотя лето было очень теплое, но и эта попытка не увенчалась успехом. 25 июля подошли к Большому Баранову камню, но уже на другой день льды принудили возвратиться. Через несколько дней опять подходили сюда, но продвинуться дальше снова не могли. 6 августа «учиня консилиум, что за вышеобъявленными препятствиями прибыть на Камчатку невозможно, возвратились в реку Колыму и впредь на оное море ботом не выходить». 10 августа вернулись к месту прежней зимовки, в устье Колымы. Отсюда Лаптев в конце октября отправился на 45 нартах собак на Анадырь, в Анадырский острог. Перегрузившись по дороге на оленные сани, он 17 ноября прибыл в Анадырек.

[1] Экспедиция Беринга, 1941, стр. 319—320.

где тогда было довольно многочисленное население: 632 души коряков и юкагиров. Построив здесь весной 1742 года две лодки, он произвел летом съемку реки Анадыря вплоть до устья.[1] Затем вернулся в Нижнеколымск, а отсюда в начале 1743 года в Якутск. В декабре этого года Д. Лаптев уже был в Петербурге.

Таким образом в течение 10 лет был положен на карту весь северный берег Сибири от Вайгача до Большого Баранова мыса и Анадыря.

Теперь проследим, что сделано на севере после работ Прончищева и Д. Лаптева. Берег от устья Яны до устья Оленека описали в 1822 году штурманы Ильин и Бережных в составе экспедиции Анжу, от устья Яны до устья Индигирки в 1821 году Анжу и Бережных. В 1821—1823 годах Анжу сделал съемку Новосибирских островов. Берег между устьями Колымы и Индигирки описал в 1821 году штурман Козьмин в составе экспедиции Врангеля.

В 1761/62 году купец Шалауров и мореход Бахов прошли из устья Яны морем на восток до Чаунской губы. Им мы обязаны съемкой берега от устья Колымы вплоть до юго-восточной оконечности острова Аион.[2] «Карта плавания купца Шелаурова на собственном его судне от реки Лены до реки Колымы в 1761 году, а оттуда до Шелагского мыса в 1762 году» имеется в архиве Главного гидрографического управления (№ 1358). В 1764 году отважный Шалауров снова предпринял путешествие к Шелагскому мысу, но обратно не вернулся. В 1823 году спутник Врангеля, Матюшкин, нашел зимовку Шалаурова (1764/65 года) к востоку от устья реки Веркон.

В 1778 году Кук, пройдя через Берингов пролив, достиг на северо-западе мыса Северного или Шмидта. Это плавание побудило русское правительство послать на северо-восток Сибири в 1785 году экспедицию во главе с Биллингсом и Сарычевым. Биллингсом в 1791 году отправлен сержант Гилев, который описал берег от губы св. Лаврентия до острова Колючина. Сам же Биллингс описал Колючинскую губу. Берег от устья Колымы до острова Колючина снят в 1821—1823 годах Врангелем и Матюшкиным, между Беринговым проливом и мысом Сердце-Камень — Шишмаревым в 1821 году. В 1909 году берег от дельты Колымы до мыса Дежнева положен на карту топографом М. Я. Кожевниковым и геодезистом Э. Ф. Вебером во время Чукотской экспедиции.[1]

---

[1] (А. Соколов). Река Анадыр. Зап. Гидрограф. департ., X, 1852, стр. 163—166.

[2] О плавании Шалаурова см.: P. Pallas. Neue Nord. Beytr., I, 1781, p. 285—287. — Врангель. Путешествие по Сибири и Ледовитому морю, I, 1841, стр. 84—92; II, 1841, стр. 313—314.

Новейшая карта берегов от устья реки Колымы до острова Врангеля издана в 1934 году Главным гидрографическим управлением; она основана на съемках гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана в 1911—1913 годах, восточно-полярной экспедиции воздушного флота 1931—1932 годов, Комитета Северного морского пути 1932 года и Государственного Гидрологического института 1932 года.

В 1940 году карты северных берегов Сибири (и всей Арктики) опубликованы одновременно Арктическим институтом (издание Главного управления геодезии и картографии под редакцией В. Ю. Визе) в масштабе 1 : 10 000 000 и Гидрографическим управлением под редакцией Ю. М. Шокальского в масштабе 1 : 12 000 000. В объяснительной записке к последней карте указаны новейшие карты северных берегов Азии.

XXII. ПРЕКРАЩЕНИЕ ЭКСПЕДИЦИИ

С весны 1738 года, когда в кабинет министров вступил А. П. Волынский,[2] положение в Петербурге изменилось в сторону, неблагоприятную для работ экспедиции, и в частности для самого Беринга. Летом 1738 года в кабинет министров поступил донос Скорнякова-Писарева, в котором этот клеветник писал, что от Камчатской экспедиции «до сего никакого приращения интереса [т. е. выгод] не учинено, да и впредь не надеется быть, кроме великих государственных казенных убытков», что четверо судов, построенных в Тобольске и Якутске, втуне пропадают и пропадут, «понеже от них никакого прохода никуды не сыскали», что «капитан-командор Беринг еще в Охотск не поехал» и что, наконец, «та экспедиция напросилася в Сибирь ехать только для наполнения своего кармана».[3]

По этому доносу кабинет министров, за подписью Остермана и Волынского, 19 августа 1738 года постановил: поручить сенату совместно с адмиралтейств-коллегиею рассмотреть, «возможно ли оную Камчатскую экспедицию в действо произвесть, дабы от того, хотя б впредь, напрасных казне убытков не было». К счастью, намерение прекратить экспедицию не осуществилось.

В начале 1740 года, по инициативе Соймонова, возникло предположение заменить Беринга Шпанбергом[4] — человеком, по своему характеру, совершенно неподходящим. И этот проект, к счастью, не получил утверждения. Но в Петербург

[1] М. Я. Кожевников. Чукотская экспедиция 1909—1910 гг. Труды Полярн. ком. Акад. Наук, вып. 18, 1935, с атласом иллюстраций и карт.

[2] А. Покровский. Экспедиция Беринга, 1941, стр. 40 сл.

[3] Экспедиция Беринга, 1941, стр. 83—84.

[4] Там же, стр. 259—267.

был возвращен из Охотска упомянутый выше клеветник Скорняков-Писарев, сделавшийся в ответственных учреждениях главным советником по делам экспедиции Беринга. Под его непосредственным влиянием в сентябре 1743 года был составлен доклад императрице Елизавете о делах Камчатской экспедиции; в докладе работы этого замечательного предприятия освещались самым пристрастным образом: экспедиция, сделавшая первостепенные географические открытия и навсегда прославившая имя русских моряков, объявлялась действовавшей «без всякого плода».[1] По мнению сената, «экспедицию, от которой Сенат нималого плода быть не признавает, надлежит вовсе отставить».[2]

Эти легкомысленные суждения были высказаны лицами, которые даже не были в состоянии оценить «плоды» экспедиции Беринга. Кроме того, к 1743 году и невозможно было иметь готовые «плоды» громадного научного предприятия, длившегося почти 20 лет.

Тот же клеветник Скорняков-Писарев[3] составил для представления императрице краткий «экстракт» о делах Камчатской экспедиции (включая и работы на севере Сибири) — насквозь бесстыдно лживый.[4] Чтение этого единственного в своем роде документа не может не возбудить в каждом величайшего негодования. Конечно, от такой бесчестной личности можно было ожидать всего, но удивительно, как высшие правительственные органы могли относиться с доверием к писаниям этого проходимца.

Итак, указом сената, данным адмиралтейств-коллегии 26 сентября 1743 года, экспедиция была прекращена, причем руководители не были вызваны в Петербург для доклада, а оставлены на жительство в Сибири. В указе им не была объявлена благодарность за понесенные тяжкие труды.

Но потомство иначе оценило труды великой экспедиции, с идеей, планом и осуществлением которой связаны имена Лейбница, Салтыкова, Петра Великого, Беринга, Чирикова, Стеллера, Прончищева, братьев Лаптевых, Челюскина и других... Достаточно плаваний Чирикова и Беринга к берегам Америки и описи северных берегов Сибири, чтобы сделать имена русских моряков бессмертными в истории географической науки.

[1] Там же, стр. 365.
[2] Там же, стр. 366.
[3] А. Покровский. Экспедиция Беринга, 1941, стр. 409.
[4] Напечатан в сборнике Экспедиция Беринга, 1941, стр. 367—371.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ЛИТЕРАТУРА ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ БЕРИНГА

Экспедиции Беринга, особенно вторая, в свое время считались секретными, и в начале сведения о них были очень мало распространены. В инструкциях, данных Академией Наук членам 2-й экспедиции, говорится: «Никто, как из отправляющихся в сию экспедицию, так и из обретающихся здесь профессоров не должен ничего из учиненных в сей экспедиции изобретений [открытий] ни приватно, ни публично, ни письменно, ни словесно чюжестранным объявлять, пока оные изобретения здесь [т. е., в Петербурге] печатью опубликованы не будут, под опасением жестокого наказания».[1] Относительно 1-й экспедиции таких документальных подтверждений ее секретности не имеется.

1. ПЕРВАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Картографические результаты плавания Беринга к проливу его имени в 1728 году впервые появились на «Генеральной карте о Российской империи», опубликованной в Петербурге в 1734 году обер-секретарем сената Иваном Кириловым. Часть этой карты с корректурного оттиска, найденного мною в картографическом отделе библиотеки Академии Наук и помеченного 21 августа 1733 года (№ 3528), помещена выше (в главе XI).

Первое печатное известие о первой экспедиции Беринга (1725—1729 гг.) появилось в 1735 году в Париже на французском языке в 4-м томе сочинения иезуита Du Halde, «Description... de la Chine...», где на стр. 452—458 помещено: «Relation succinte du voyage du capitaine Beerings dans la Sibérie». К этому сочинению приложена, между прочим, карта под заглавием: «D'Anville, Carte des pays traversés par le Cap-ne Beerings depuis la ville de Tobolsk juqu'à Kamtschatka», составленная картографом д'Анвилем в 1732 году по материалам, сообщенным ему из Петербурга Иосифом Делилем. Та же карта помещена в атласе д'Анвиля «Atlas général de la Chine», вышедшем в Париже в 1735 году. Среди

[1] В. Ф. Гнучева. Материалы по истории экспедиций Академии Наук в XVIII и XIX веках. Л., 1940, стр. 44.

бумаг И. Делиля, хранящихся в Bibliothèque Nationale в Париже, имеется и копия карты первого путешествия Беринга, найденная там Гастоном Каан (Cahen).[1] Подлинник 1730 года воспроизведен в брошюре Л. Багрова «Карты Азиатской России». Петроград, 1914, стр. 19 (перепечатано в моей статье в «Зап. по гидрогр.», II, в. 2, 1919), а найденная мною в картографическом отделении библиотеки Академии Наук копия с составленной мичманом Чаплиным копии (№ 3552) приложена к настоящей книге (см. гл. VIII). Донесение Беринга напечатано по-русски впервые в 1847 году (см. ниже список литературы); перепечатано целиком в книжке Вахтина 1890 года, стр. 86—96; здесь же, на стр. 4—73 напечатан подлинный журнал мичмана Чаплина, плававшего с Берингом по Берингову проливу. Кроме того, донесение Беринга перепечатано в книге «Экспедиция Беринга», 1941, стр. 59—68.

7 августа 1736 года кабинет ее величества истребовал от Академии Наук ряд сибирских карт; среди прочих карт посланы: «Карта писана чрез Шестакова» (1726 года), а также «Морская карта первой экспедиции морем и сушею капитана Беринга».[2]

2. ВТОРАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Подробного отчета о второй экспедиции также не появлялось. Подлинные шханечные журналы экспедиции 1733—1743 годов были отосланы в 1754 году сибирскому губернатору Мятлеву в Иркутск по случаю предполагавшегося возобновления экспедиции, откуда в 1759 году пересланы в Тобольск губернатору Соймонову, где, как полагают, сгорели в 1788 году.[3]

Карты

Копии шханечных журналов, а равно некоторых карт, сохраняются в архиве Главного гидрографического управления.

В 1891 году Е. А. Бихнеру удалось найти в библиотеке Царскосельского дворца большую рукопись Вакселя на немецком (весьма плохом) языке, озаглавленную: «Auszug So wohl, aus meine, als aus andere Officiers, auf den Kamschatsischen Expediton halltende Journalen, welche A° 1733 Von St. Petersburg, abgefärtiget wurde; worinnen ist in der Kürtze angeführet, die Absichten dieser Expedition, dessen fortsetzung, neue

[1] G. Cahen. Les cartes de la Sibérie au XVIII-e siècle. Nouv. Arch. des missions scientifiques et littéraires. Nouv. série. Fasc. I, Paris, 1911, p. 174, note 1.

[2] К. Свенске. Материалы для истории составления атласа Российской Империи, изданного Императорской Академией Наук в 1745 г. Зап. Акад. Наук, IX, приложение № 2, 1866, стр. 138.

[3] Соколов, 1851, стр. 196, 468.

Entdeckungen, Zustossende unglücksfälle und Endigung; welches durch ein geschicktere Feder, wie der meinige; deutlicher, umständlicher, wie auch weit läufiger kan ausgeführet werden, ohne etwas Von der Materia, oder Sache an sich selbsten zu Verendern von Swen Waxell Capitain von der Flotte zu Russland». Так как Вакселъ был произведен в капитаны только 20 ноября 1749 года, то рукопись составлена или переписана не ранее конца этого года. Как она попала в библиотеку дворца, неизвестно. К ней приложена карта открытий во время плавания 1741 года с изображениями морской коровы, сивуча, морского кота и американца, а, кроме того таблица размерами 32½ × 39 см с изображением морской коровы, котика и сивуча. Копии с изображений животных воспроизведены в 1891 году Е. А. Бихнером (Mém. Acad. Sci. Pétersbourg (7), XXXVIII, № 7).

В 1922 году я имел возможность через посредство библиотеки Петроградского университета[1] получить эту рукопись из библиотеки б. Царскосельского дворца и пользоваться ею. По использовании рукопись была возвращена, через библиотеку университета, по принадлежности. Дальнейшая судьба ее мне неизвестна, но в 1938 году она оказалась в одном из антикварных магазинов Ленинграда, откуда, путем покупки, поступила в Публичную библиотеку. В 1940 году это последнее учреждение выпустило в свет русский перевод работы Вакселя (см. список литературы).

После возвращения с Берингова острова, в 1742 году, Вакселем была послана в адмиралтейств-коллегию карта плавания Беринга; копия с нее, хранящаяся в архиве Главного гидрографического управления (№ 1940), носит название: «Карта сочиненная видимой земли американской и с островами вновь сысканными, под командою бывшаго Гдина капитана командора Беринга. С журнала лейтенанта Вакселя кампаний 741 и 742 годов». На этой карте есть изображения, под которыми подписано: «морская корова», «кот морской», «лев морской или сивучь» и «американец в перпичен кожаной лотке».[2] Уменьшенная в 2.7 раза копия этой карты впервые опубликована в 1893 году в Морском сборнике № 5. Подобная карта есть и в вышеупомянутой рукописи Вакселя.

В апреле 1746 года в Академию Наук поступило такое повеление из императорского кабинета: «имеющиеся при Академии карты камчатской экспедиции черные и белые и на почто-

[1] О чем см. в 1-м издании моей книги, 1924, стр. 229.

[2] Она описана П. Пекарским в Зап. Акад. Наук, XV, 1869. В составленном Б. Эвальдом каталоге атласов и карт, хранящихся в депо морских карт и книг Главн. гидрогр. управления Морск. м-ва, Пгр., 1917 (прилож. к Зап. по гидрогр.), я не нахожу указаний на эту карту (см. стр. 59, 116, 145).

вой бумаге сделанные, все, какие есть письменные ли или печатные, не оставливая ничего, также и недавно присланные в Академию от адъюнкта Стеллера репорты и описания той же экспедиции, каковы оные есть и с реестром, с чем от него присланы — взнесть в кабинет ее императорского величества».[1]

В анонимной книге Oude en Nieuwe Staat van't Russische of Moskovische Keizerryk ... Utrecht, 1744, by Johannes Broedelet, 4 части, 830 pp., дано на стр. 591—592 краткое сообщение о плавании Шпанберга (Sparenberg) к Курильским островам и к Японии в 1739 году, не заключающее ничего существенного. К 1-й части этой работы приложена карта России, составленная в 1743 году известным картографом J. M. Hasius'ом; она носит название: «Kaert van het geheele Russische Keizerryk mitsgaders Groot en Klein Tartaryen... door Joh. Matthias Hasius, en nu vermaeerdert met nieuwe ontdekkingen in't Jaer 1739 door den Kapitein S p a n b e r g gedaen. Utrecht, 1743». Хотя здесь сообщается о том, что на карте нанесены открытия Шпанберга, сделанные в 1739 году, но на самом деле здесь нет в интересующих нас местах ничего нового кроме следующего: из Курильских островов вблизи Камчатки обозначены Purumschir I., известный и до Шпанберга, а затем «Ins Нерпач»; последнее есть прочитанное латинскими буквами русское слово Нерпич(ий), которому на «Генеральной карте Российской Империи» в академическом атласе 1745 года соответствует «Ост. Нерипа»; Нерпичий остров (среди Курильских) был открыт Шпанбергом в конце июля 1738 года; на позднейших русских картах Курильских островов ему соответствует, как указал А. Соколов (Зап. Гидрогр. департ., IX, 1851, стр. 347), остров Екарма (Экарума). Вот и все, что изображено на этой карте из открытий Шпанберга.

Картографические данные плаваний Беринга и Чирикова к берегам Америки использованы впервые, насколько мне известно, в книге Ph. B u a c h e. «Considerations geographiques et physiques sur les nouvelles decouvertes au Nord de la grande mer, appellée vulgairement la Mer du Sud». Paris, 1753, 158 p., 4°, с 17 картами.[2] Здесь имеются, между прочим, карты: 1) «Carte des nouvelles découvertes au nord de la Mer du Sud, tant à l'est de la Siberie et du Kamtchatka qu'à l'ouest de la Nouvelle France». Dressée sur les mémoires de Mr De l'Isle, professeur royal et de l'Académie des sciences par Ph. Buache de la même Académie et presentée à l'Académie dans son assemblée publique du 8 avril 1750; 2) «Carte des nouvelles découvertes entre la partie orientale de l'Asie et l'occidentale

[1] П. П е к а р с к и й. История Академии Наук, I, СПб., 1870, стр. 344.
[2] Книга эта имеется в Ленинграде в Публичной библиотеке.

le l'Amerique avec des vuës sur la Grande Terre reconnuë par les Russes en 1741». Dressée par Ph. Buache, présentée à l'Académie des sciences le 9 Août 1752.

В сентябре 1752 года Делиль опубликовал в Париже карту, мало чем отличающуюся от сейчас упомянутых карт в книге Бюаша; она носит название: «Carte générale des découvertes de l'Amiral de Fonte, d'autres Navigateurs Espagnols, Anglois et Russes pour la recherche du Passage à la Mer du Sud». Par M. De l'Isle de l'Académie royale des Sciences etc. Publiée à Paris en Septembre 1752. Карта эта воспроизведена в нижеупоминаемой статье A. Greely 1892 года. На ней нанесены фантастические «открытия адмирала де Фонте и его капитанов в 1640 г.» в северно-западной Америке и, между прочим, в области Анианского пролива (для которого дана особая карточка совсем в другой редакции, чем на главной карте). Берег северо-восточной оконечности Азии изображен на карте по данным 1-й экспедиции Беринга, курс которой обозначен на карте («Route du Cap-ne Beering du Kamtchatka au N. E. en l'année 1728»), причем на американской стороне Берингова пролива, никак не названного, написано: «Terres vues par Mr Spanberg en 1728, frequentées a présent par les Russes, qui en apportent de tres belles fourures». К востоку от Камчатки впервые нанесен остров Беринга (I. de Beering). Курильские острова изображены по съемкам Шпанберга 1738—1739 годов. Под 45° с. ш. имеется и пресловутая Земля Гамы. Пути Беринга в Америку нет, но есть «Route du Kamtchatka à l'Amerique par le Capitaine Tchirikow et Mr De l'Isle de la Croyere en Juin et Juillet 1741» и обратный путь их же в сентябре того же года. На берегу сев.-зап. Америки написано: «Terres vuës par les Russes en 1741 ou le Capitaine Tchirikow perdit sa Chaloupe armée de 10 hommes». На месте Алеутских островов нанесен гигантский остров, в несколько раз больший всей Камчатки, с надписью: «Côtes vuës par Mrs Tchirikow et De l'Isle en Septembre 1741».

Съемки Курильских островов и Японии Шпанберга и Вальтона использованы на карте № 19 в «Атласе Российском» 1745 года, изданном Академией Наук.

Соколов в 1851 году дал карту путей Беринга и Чирикова 1741 года, составленную с копий подлинных карт: Беринга, вычерченной Вакселем и Хитровым, и Чирикова, сделанной им самим. Далее у Соколова имеется карта путей Шпанберга и Вальтона 1738—1739 годов со съемкой Курильских островов и Японии, с копии подлинных карт и, наконец, карта острова Каяк с подлинного плана Хитрова. Фотографический снимок с копии подлинной карты Шпанберга (съемки 1738—1739 годов) напечатан впервые Егерманом в 1914 году (при стр. 448). В. Андреевым в 1893 году дана копия

карты плавания Беринга к берегам Америки, снятая с подлинной 1744 года, и копия карты плавания Чирикова (с позднейшими добавлениями).

Съемки северных берегов Сибири использованы отчасти в «Атласе Россійском» 1745 года. Отчасти же они нанесены Г. Миллером на карту, изданную Академией Наук в Петербурге в 1758 году под названием: «Nouvelle carte des découvertes faites par des vaisseaux Russiens aux côtes inconnues de l'Amerique septentrionale avec les pais adiacents. Dressée sur des mémoires authentiques de ceux, qui ont assisté à ces decouvertes, sur d'autres connoissances, dont on rend raison dans un mémoire separé». Эта карта, выгравированная еще в 1754 году, должна иллюстрировать статью Г. Миллера в «Сочинениях и переводах» за 1758 год.[1] Значительно более влияния оказали съемки Камчатской экспедиции на изображение северных берегов Сибири на картах Трескота, выпущенных им в Петербурге; таковы: Генеральная карта Иркутской губернии 1776 года и Генеральная карта Российской империи 1776 года (копии этих карт см. у Л. Багрова, Карты Азиатской России, 1914, стр. 24, 25).

Печатные известия

В Gazette de France от 16 ноября 1743 года помещено краткое сообщение из С.-Петербурга от 20 октября о кораблекрушении и смерти Беринга на острове, о возвращении Стеллера и части команды на Камчатку, о достижении Чириковым берегов Америки.[2]

Как указал Л. Стейнегер,[3] первый более или менее обстоятельный отчет о 2-й экспедиции Беринга был напечатан в 1747 году в Копенгагене в книге P. v. Haven, Nye. og forbedrede Efterraetninger om det Russiske Rige.[4] Здесь на стр. 16—43 переведена на датский язык часть отчета Вакселя, посланного им в адмиралтейств-коллегию из Петропавловска 15 ноября 1742 года; сообщаются также некоторые сведения о плавании Шпанберга к берегам Японии. Автор говорит (p. 20), что он получил материалы в бытность свою в Москве, в 1744 году, от некоего «курляндского дворянина» (Плениснера?).

[1] Подробности об этой карте см. у Г. Миллера. Сочин. и перев. 1758, ч. 2, стр. 401—423. Также у Cahen, l. c., p. 270—272. Благодаря любезности Л. С. Багрова я располагал фотографической копией с карты издания 1758 года.

[2] Переведено у: Golder. Russian expansion on the Pacific 1641—1850, Cleveland, 1914, p. 212—213, в оригинале p. 326. Здесь же, на стр. 330, перепечатано краткое сообщение „Gazette de France" от 27 февраля 1740 г. об открытии Шпанбергом 34 островов в Курильской гряде.

[3] L. Stejneger. An early account of Bering's voyages. Geogr. Review 1934, October, p. 638—642.

[4] Экземпляр ее имеется в библиотеке Академии Наук.

Далее краткие данные мы находим во втором томе «Путешествия» Гмелина (1752).

Краткие и в значительной степени неверные сведения сообщаются в брошюре [J. N.] De l'Isle. Explication de la carte des nouvelles découvertes au Nord de la Mer du Sud. Paris, 1752, 18 pp., приложенный к вышеупомянутой книге Ph. Buache, 1753. Здесь подробно рассказывается о фантастическом плавании испанского адмирала де Фонте у берегов северо-западной Америки и кратко и совершенно неверно о плавании Беринга в 1741 году.[1] Относительно путешествия Чирикова говорится, что брат Делиля, Луи Делиль-Лякройер, имел задачей «показывать верный путь Чирикову», а на картах Ж. Н. Делилем отмечено: «Земля, усмотренная Чириковым и Делилем», «Путь из Камчатки в Америку, проделанный Чириковым и Делилем». Что касается Беринга, то, насколько можно понять из краткого описания Делиля, он достиг на восток не далее острова, названного его именем. Эта брошюра, напечатанная без разрешения Академии и сообщавшая о событиях, считавшихся секретными, а равно и карты Делиля, неправильно освещавшие ход экспедиции, вызвали большое неудовольствие в Петербурге, и Академия поручила своему члену, историку Г. Миллеру написать возражение. Таковое было составлено и выпущено в 1753 году в Берлине анонимно, под заглавием: Lettre d'un officier de la marine Russienne à un Seigneur de la Cour concernant la carte des nouvelles découvertes au Nord de la Mer du Sud, et le mémoire qui y sert d'explication publié par M. De l'Isle à Paris en 1752. Traduit de l'Original Russe. à Berlin chez Haude et Spener [1753], 60 pp.[2] Брошюра эта представляет большую редкость. В библиотеке Академии Наук имеется один экземпляр (шифр $\left(\frac{XJx}{II}\right)$ перепле-

[1] Надо думать, что о подробности плавания Беринга Делиль вообще не был осведомлен.

[2] Известный арктический исследователь A. W. Greely (The cartography and observations of Bering's first voyage. Nat. geograph. magaz., III, 1892, p. 222) высказал совершенно неосновательное предположение, что автором „Lettre d'un officier" был Ваксель. Об этом не стоило бы упоминать, если бы Гольдер (Golder. Bering's voyages, I, 1922, p. 362; II, 1925, p. 6, 265) и Стейнегер (L. Stejneger. Who was J. L. S.?** Library Quarterly. IV, № 2, 1934, p. 337) не присоединились к мнению Грили. Ваксель был малограмотный человек и никоим образом не мог быть автором интересующего нас „Письма". Что эту брошюру составил Миллер, об этом мы имеем свидетельство самого Миллера (на что мною указано во 2-м издании этой книги, 1935, стр. 384). В автобиографии, написанной историографом в 1775 году и напечатанной в книжке Н. В. Голицына („Портфели Г. Ф. Миллера", М., 1899), говорится (стр. 141): „Когда в 1752 году господин Делиль в Париже издал известие и карту о учиненных во время Камчатской экспедиции россиянами американских мореплаваниях с истиною мало сходное, тогда из Москвы прислан был в Академию указ, чтоб опровергнуть оное сочинение изданием другого,

тенный вместе с немецким переводом вышеупомянутой статьи Делиля, выпущенным тем же издательством в Берлине в 1753 году, и статьей Dobbs'a по поводу обеих вышеназванных работ Делиля и Миллера (Berlin, 1754, Haude und Spener, 30 pp.).

На русском языке брошюра никогда не была опубликована.[1]

В своем ответе Миллер впервые сообщает правильные сведения о плавании Беринга, исправляет ошибки Делиля, дает критическую оценку открытиям де Фонте и указывает настоящее место его брату де-ла-Кройеру (о нем см. выше, стр. 128): берега Америки «видели» не только де-ла-Кройер и Чириков, но и весь экипаж судов, а астрономические определения, какие посылались от имени де-ла-Кройера, произведены, на самом деле, геодезистом А. Д. Красильниковым, впоследствии адъюнктом Академии.[2]

которое было бы оного основательнее. По сей причине сочинил я на французском языке: Lettre d'un Officier de la Marine Russienne, т. е. письмо офицера российского флота, которое в 1753 году напечатано в Берлине. Сие сочинение иностранцами переведено на немецкой и на аглинской языки. В то же время сочинена по имеющимся при мне известиям и под моим надзиранием оным же мореплаваниям карта, которая вырезана на меди в 1754, а издана в свет в 1758 году".

О том, что автором „Lettre" был Миллер, можно прочитать и у П. Некарского, История Императорской Академии Наук в Петербурге, I, 1870, стр. 143 (президент Академии гр. К. Разумовский 13 марта 1753 г. распорядился, чтобы историограф Миллер написал опровержение, в котором были бы показаны «все нечестивые в сем деле Делилевы поступки»). стр. 107—108.

[1] По свидетельству Некарского (1870), современный рукописный перевод на русский язык имеется в библиотеке Академии Наук. Брошюра перепечатана в Nouvelle Bibliothèque Germanique, vol. XIII, переведена также на немецкий и английский языки.

[2] Об этом нужно было упомянуть, потому что некоторые до сих пор склонны преувеличивать заслуги, если таковые вообще были, Людовика Делиля-де-ла-Кройера. Так, французский ученый Gaston Cahen, автор почтенного, неоднократно нами упоминавшегося труда „Les cartes de la Sibérie au XVIII-e siècle" (Nouv. Arch. des missions scient., I, 1911, p. 225) склонен думать, что карта всей России в «Атласе Российском», изданном в 1745 г. Академией Наук, есть плод трудов «братьев Делиль»; М. С. Бодиарский в прекрасной статье «Первые русские географические атласы» (Землеведение, XXXIX, в. 1—2, 1932, стр. 107) называет Л. де-ла-Кройера «выдающимся европейским ученым». Таковым был действительно, его брат, Жозеф-Никола (по-русски Осип Николаевич) Делиль, с 1714 г. адъюнкт Парижской академии наук, 1726—1747 член Петербургской академии. Об астрономических определениях де-ла-Кройера см. (Ал. Соколов) Зап. Гидрогр. департ., VII, 1849, стр. 537—542: На Тихом океане им сделано лишь одно определение долготы — именно Петропавловска. Про А. Д. Красильникова Ломоносов писал, что «его наблюдения, учиненные для измерения России от дальных камчатских берегов до острова Даго в Европе, известны и одобрены от двух Делилей, славных и искусных астрономов . . .» (Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865, стр. 59, 69).

Более обстоятельно рассказал об экспедиции Г. Миллер в «Сочинениях и переводах» за 1758 год. В 1793 году Паллас напечатал дневник Стеллера с описанием путешествия 1741 года в Америку и обратно. Ряд подлинных документов опубликовал В. Андреев в 1893 году в «Морском сборнике». Наиболее же полный отчет о всей экспедиции дал известный историк русских морских плаваний гидрограф А. П. Соколов в 1851 году.

В 1922—1925 годах Американским географическим обществом издан в Нью-Йорке превосходный труд Ф. А. Гольдера, Bering's Voyages, в котором впервые в переводе на английский язык приведены многие неопубликованные первоисточники по 2-й экспедиции Беринга, а также весьма ценные вводные статьи и обширные комментарии Гольдера, Стейнегера, кап. Бертольфа и Joerg'a. Здесь в I томе дан перевод журналов, веденных на пакетботе «Св. Петр» и на гукере того же имени Софроном Хитровым и Харламом Юшиным с 23 апреля 1741 по 7 сентября 1742 года, перевод донесения Вакселя адмиралтейств-коллегии от 15 ноября 1742 г. из Петропавловска, перевод журнала, веденного на пакетботе «Св. Павел», перевод донесений Чирикова адмиралтейств-коллегии от 7 и 9 декабря 1741 года, весьма ценная карта путей «Св. Петра» и «Св. Павла», составленная кап. Бертольфом (заимствованная нами, см. гл. XV). Во II томе дан перевод Стеллерова описания плаваний в Америку и обратно, а также описания Берингова острова; перевод сделан Стейнегером и частью Joerg'ом с изданий, редактированных Палласом и вышедших в свет в 1781 и 1793 годах, но с дополнениями по копии с рукописи Стеллера, найденной Гольдером в архиве Академии Наук в 1917 году. Дана подробная библиография.

Я имел возможность пользоваться копией журнала Софрона Хитрова, хранящейся в рукописном отделении Академии Наук.

Но кроме того в архиве Академии Наук имеется много материалов по 2-й экспедиции Беринга; они хранятся в бумагах Миллера, Стеллера и Крашенинникова (см. Г. А. Князев. Архив Академии Наук СССР. Л., 1933, стр. 125—126, 178, 180). Часть документов опубликована в книге В. Ф. Гнучевой, Материалы для истории экспедиций Академии Наук в XVIII и XIX веках. Л., 1940, изд. Акад. Наук, стр. 36—39, 128—133.

Много материалов по 2-й экспедиции и среди них отчет адмиралтейств-коллегии от 5 октября 1738 года и отчет Беринга от 18 апреля 1741 года напечатаны в весьма ценной книге «Экспедиция Беринга», М., 1941, изданной под редакцией А. Покровского. В последующие годы ничего существенного по экспедициям Беринга у нас не было опубликовано.

3. СПИСОК ГЛАВНЕЙШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ БЕРИНГА

Андреев В. Документы по экспедиции капитан-командора Беринга в Америку в 1741 г. Морской сборник, 1893, № 5, стр.1—16, с 2 картами.

Bancroft H. H. History of Alaska. 1730—1885. San Francisco, 1886 (The works of H. H. Bancroft, vol. XXXIII), XXXVIII + 775 pp.

Донесение флота капитана Беринга об экспедиции его к восточным берегам Сибири. Зап. Военно-топогр. депо, X, 1847, стр. 69—79.

Берг Л. С. Известия о Бериговом проливе и его берегах до Беринга и Кука. Записки по гидрографии, II (1919), 1920, 65 стр.

Берг Л. С. Открытие Камчатки и Камчатские экспедиции Беринга. Пгр., 1924, 248 стр. Гос. изд-во.[1] 2-е изд., Л., 1935, 411 стр.

Берх Василий. Первое морское путешествие россиян, предпринятое для решения географической задачи: соединяется ли Азия с Америкою? и совершенное в 1727, 28 и 29 годах под начальством флота капитана 1-го ранга Витуса Беринга. С присовокуплением краткого биографического сведения о капитане Беринге и бывших с ним офицерах. СПб., 1823, 126 стр., с картой.

Бэр К. Заслуги Петра Великого по части распространения географических знаний. Зап. Геогр. о-ва, III, 1849, IV, 1850.

Baer K. E. Peter's des Grossen Verdienste um die Erweiterung der geographischen Kenntnisse. Beiträge zur Kenntniss des Russ. Reich., XVI, 1872, XV + 291 pp.

Вакселъ Свен. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. Пер. с немецкого Ю. И. Бронштейна. Л., 1940, изд. Главн. упр. Сев. морск. пути, 175 стр. (в приложении напечатан рапорт Вакселя в адмиралтейств-коллегию от 15 ноября 1742 г., стр. 138—152).

Вахтин В. Русские труженики моря. Первая морская экспедиция Беринга для решения вопроса, соединяется ли Азия с Америкой. СПб., 1890, IV + 124 стр.

Врангель Ф. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю в 1820—24 гг. СПб., 1841, часть I, стр. 36—84.

Gmelin. J. G. Reise durch Sibirien. Gottingen, I, 1751 (во введении некоторые сведения о 1-й экспедиции); II, 1752.

Golder F. A. Russian expansion on the Pacific 1641—1850. Cleveland (Ohio), 1914, 368 pp.

Golder F. A. Bering's voyages. An account of the efforts of the Russians to determine the relation of Asia and America. Vol. I. The log books and official reports of the First and Second expeditions 1725 — 1730 and 1733—1742, with a chart of the second voyage by Ellsworth P. Bertholf. New York, 1922, X + 371 pp. — Vol. II. Steller's Journal of the sea voyage from Kamchatka to America and return on the second expedition 1741—1742 translated and in part annotated by Leonhard Stejneger. New York, 1925, XI + 291 pp. — American Geographical Society, Research series, № 2, W. L. G. Joerg, editor.

Dall Wm. H. A critical review of Bering's first expedition 1725—30, together with a translation of his original report upon it. National Geographic Magazine, II, № 2, 1890, p. 1—59 (оттиска) с картой. (Перевод донесения Беринга из Зап. Воен-топогр. депо, X, с подробным разбором положений судна „Св. Гавриил" во время плавания 1728 г.).

Du Halde. Description géographique, historique... de la Chine et de la Tartarie chinoise. Vol. IV, Paris, 1735, p. 452—458, с картой.

Ерерман Э. «Путь до Япон». Записки по гидрографии, XXXVIII, в. 3, 1914, стр. 446—456, с копией карты Шпанберга.

[1] Раздел об алеутах и большая часть главы об о-ве Беринга напечатаны на английском языке в Carnegie Institution of Washington, Publication № 432, p. 132—169.

Крашенинников С. Описание Земли Камчатки. СПб., 1755, 2 т. 18+438 стр. с картами и 4+319 стр. Изд. Акад. Наук.

Лаптев Х. Описание, содержащее от флота Лейтенанта Харитона Лаптева в Камчатской экспедиции, меж реками Лены и Енисея, в каком состоянии лежат реки и на них всех живущих промышленников состояние. Зап. Гидрогр. департ., IX, 1851, стр. 8—58.

Литке Ф. Путешествие вокруг света на военном шлюпе Сенявине 1828—29. Отделение мореходное. СПб., 1835 (разбор 1-го плавания Беринга).

Материалы для истории русского флота, V—IX, 1875—1882.

Миллер Г. Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю с Российской стороны учиненных. Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. СПб., 1758, май, стр. 387—397; июль, стр. 9—32; август, стр. 99—129; сентябрь, стр. 195—232; октябрь, стр. 309—336 (то же по-немецки: G. Müller. Sammlung russischer Geschichte, Bd. III, 1758).

Пекарский П. Архивные разыскания об изображении несуществующего ныне животного Rhytina borealis. (Со снимком старинного изображения Rhytina borealis). Зап. Акад. Наук, XV, прил. № 1, 1869, стр. 33. (Здесь напечатано донесение Стеллера сенату о плавании в Америку, отрывки из журнала Хитрова и др.).

Полное собрание законов, VIII, 1830, № 6291, стр. 1002—1015: Высочайше утвержденные правила, данные Капитан-Командору Берингу — относительно плавания его в Восточном Океане, 28 декабря 1732 г.

Покровский А. см. Экспедиция Беринга.

Полонский А. С. Первая Камчатская экспедиция Беринга 1725—29 года. Зап. Гидрогр. департ., VIII, 1850, стр. 535—556.

Сарычев. О плавании Российских морских офицеров из рек Лены, Оби и Енисея, а также и от города Архангельска к востоку по Ледовитому морю с 1734 по 1742 г. Зап. Адмиралт. департ., 1820, ч. 4, стр. 306—378.

Соколов А. Берег Ледовитого моря между рек Оби и Оленека. По съемке 1734—42 г. Зап. Гидрогр. департ., IX, 1851, стр. 1—77, с картой (здесь, между прочим, напечатаны записки Х. Лаптева о берегах между Леной и Енисеем).

Соколов А. Северная экспедиция 1733—43 года. Там же, стр. 190—169, с картами.

Соколов А. Таймурский полуостров. Сведения о нем, собранные за 100 лет. Вестник Русского геогр. общества, ч. I, кн. 2, отд. VI, 1851, стр. 79—88 (по данным Х. Лаптева).

Stejneger L. Georg Wilhelm Steller, the pioneer of Alascan natural history. Cambridge Mass., 1936, XXIV+623 pp. (стр. 565—569, библиография).

Steller G. W. De bestiis marinis. Novi Comment. Acad. Petropol., II, (1749), Petropoli, 1751, p. 289—398, с таблицей, изображающей морского бобра. — Переведено на немецкий язык в книжке: G. W. Steller's ausführliche Beschreibung von sonderbaren Meerthieren. Halle, 1753, XX+218 pp. с табл.

Steller G. W. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, dessen Einwohnern, deren Sitten, Nahmen, Lebensart und verschiedenen Gewohnheiten, herausgegeben von J. B. S(cherer). Frankfurt und Leipzig, 1774, VIII+24+384+72+IV pp., с картой и рис.

Steller G. W. Topographische und physikalische Beschreibung der Beringsinsel, welche im östlichen Weltmeer an der Küste von Kamtschatka liegt. Neue Nordische Beyträge, II, 1781, p. 255—301.

Steller G. W. Tagebuch seiner Seereise aus dem Petripauls Hafen in Kamtschatka bis an die westlichen Küsten von Amerika, und seiner Begebenheiten auf der Rückreise. Neue Nordische Beyträge, V, 1793, p. 129—236; VI,

1793, p. 1—26 (То же отдельно под заглавием: Reise von Kamtschatka nach Amerika mit dem Commandeur-Capitän Bering. St. Petersburg, 1793, 133 pp.).

Из истории освоения Северного морского пути (Экспедиция Беринга 1732—1743 гг.). Красный архив, М., т. 4 (71), 1935, стр. 137—169; т. 5 (72), 1935, стр. 160—181; т. 6 (73), 1935, стр. 191—203; т. 1 (74), 1936, стр. 142—181, с картой «уезду города якуцка, чукоцкой землицы, земли камчатки с около лежащими местами и часть америки», составленной после июля 1748 г. (собрание документов, хранящихся в Москве, в Главном Архивном управлении и изданных А. Покровским; перепечатано с большими дополнениями в:

Экспедиция Беринга. Сборник документов. Подготовил к печати А. Покровский. М., Главн. Архивн. упр., 418 стр. (с вступительной статьей А. Покровского, стр. 6—56, и примечаниями его же, стр. 373—413).

4. ПРИБАВЛЕНИЕ

К стр. 108—109. О бородатых людях на Аляске, предположительно русских, см. Theodore S. Farrelly. A lost colony of Novgorod in Alaska „Slavonic and East European Review", 1944, October. Появление здесь русских относят приблизительно к 1571 (1671?) году (этой статьи я не видел).

К стр. 196, 229. Американский, ныне скончавшийся антрополог A. Hrdlička опубликовал, после сдачи настоящей работы в печать, две книги.

The Aleutian and Commander Islands and their inhabitants. Philadelphia, 1945, XX + 630 pp.

The Anthropology of Kodiak Island. Philadelphia, 1944, XIX + 486 pp.

Книг этих я пока не видел, но судя по реферату в Geographical Review, 1945, July, p. 511—514, археологические раскопки, произведенные Грдличкой, показали, что около времени начала нашей эры на Алеутских островах появился другой народ, «доалеуты» (pre-Aleuts), отличные от алеутов, эскимосов и коняг, а по черепу схожие с индейцами сиу. Доалеуты занимали Алеутские острова примерно вплоть до XIII—XIV века нашей эры. Затем их сменили алеуты, пришедшие сюда с востока, со стороны Америки (т. е., согласно с моими предположениями, см. выше, стр. 229). По мнению Г-и, алеуты антропологически стоят очень далеко от эскимосов и более родственны индейцам северо-западной Америки и «монголоидам» Сибири. Возможно, говорит Г., что, когда на месте Берингова пролива была суша, какая-то ветвь тунгусской семьи народов могла перейти в Америку и здесь дать начало алеутам. Таким образом, согласно вышеупомянутой гипотезе, переселение предков алеутов совершалось не вдоль Алеутской гряды, а через область Берингова пролива (см. об этом в статье: M. Barbeau. The Aleutian route of migration into America. Geogr. Review, 1945, July, p. 424—443). Во второй книге, излагающей результаты десятилетних раскопок на о-ве Кадьяк, автор высказывает мнение, что коняги, обитавшие на этом острове и признававшиеся раньше за ветвь эскимосов, были антропологически не эскимосами. До коняг на острове существовало поселение другого народа, повидимому, родственного северо-американским индейцам.

УКАЗАТЕЛЬ ЛАТИНСКИХ НАЗВАНИЙ РАСТЕНИЙ И ЖИВОТНЫХ

Acipenser baeri 297
Acipenser ruthenus marsiglii 297
Aconitum kamtschaticum 113, 277
Aconitum delphinifolium 106
Aconitum Fischeri 113
„Alga dentata Raji" 190
Alga fontinalis 205
Alca arctica 224
Alcidae 56
Allium victoriale 74
Alopex beringensis 262
Alopex alopex lagopus 262
Anas histrionica 190
Arctocephalus ursinus 203, 273
Artemisia vulgaris 276
Arundinaria kurilensis 150
Astarte 335
Aurelia aurita 191

Balaenoptera sibbaldi 274
Betula Ermani 74, 276
Betula japonica 74
Betula nana 277, 335
Branta bernicla 329

Calamagrostis 191
Calamagrostis arundinacea 191
Calamagrostis epigeios 191
Calamagrostis langsdorffi 191
Callorhinus ursinus 273
Canis lupus albus 324
Canis occidentalis 203
Canna indica 217
Cardamine hirsuta 276
Cardamine pratensis 277
Castor canadensis 102, 112, 203
Cepphus columba 56, 224
Chamaecerasi 217
Chamaecyparis nootkatensis 193, 216
Ciconia boyciana 165
Cinamomum camphora 149
Citellus parryi 54
Clangula hiemalis 76
Cochlearia officinalis 224, 277
Conioselinum kamtschaticum 277
Coelopleurum Gmelini 277
Constantinea rosa-marina 191
Coregonus lavaretus pidschian 165
Coregonus lavaretus nelmuschka 165
Coregonus muksun 297
Coregonus nasus 297
Coregonus peled 297
Corvus corax principalis 218
Corvus stelleri 217
Cupressus 193
Cottus 220
Cyanea capillata 191
Cyanocitta stelleri 218
Cygnus cygnus 75

Delesseria sinuosa 190
Delphinapterus leucas 319
Dentalium 254
Dracontium 217

Elymus mollis 143
Empetrum 217, 224
Empetrum nigrum 216, 223, 277
Enhydra lutris 67, 76, 106, 158, 191, 203
Epilobium angustifolium 277
Erethizon epixanthum 203
Eumetopias jubata 203, 273
Eumetopias stelleri 273
Evotomys rutilus 234

Filipendula kamtschatica 277
Fontinalis antipyretica 204
Fratercula corniculata 223, 223
Fratercula cirrata 143, 224
Fritillaria kamtschatcensis 73, 223, 277
Fucus 190, 191, 271
Fulmarus glacialis rodgersi 224
Fumaria cucullaria 218

Garrulus sive Pica americana 218
Gentiana 224
Grus japonensis 165
Gulo luscus 203

Haplocerus montanus 203
Heracleum dulce (= lanatum) 73, 87, 178, 204, 277

Haematopus bachmani 223
Heuchera americana 218
Hippoglossus hippoglossus stenolepis 290
Histrionicus histrionicus 76, 190
Holosaccion saccatum 190
Hydrodamalis gigas 267
Hydrolapathum sanguineum 191
Hylocichla guttata 224

Lagopus lagopus 224
Lagopus mutus ridgwayi 252
Lapathum folio cubitali 224
Larix dahurica 74, 322
Larix sibirica 332
Latax lutris — см. Enhydra lutris 106
Lepus americanus 203
Lonicera coerulea 178, 277
Lonicera edulis 72
Lunda cirrata — см. Fratercula cirrata
Lutra 264
Lutra canadensis 203
Lynx canadensis 108

Macrocystis pyrifera 208, 220
Manatus 252, 267
Marmota caliga a 53
Martes americana 203
Martes zibellina kamtschadalica 63
Martes zibellina princeps 63
Mertensia maritima 277
Mimulus luteus 218
Mustela americana 26, 112
Mustela kadiacensis 203
Mustela vison 203
Mya truncata 335
Myoxocephalus scorpius 220
Mytilus 204

Nucula tenuis 324

Odonthalia dentata 190
Oncorhynchus 204
Oncorhynchus gorbuscha 112
Oncorhynchus keta 112, 216
Oncorhynchus kisutch 112
Oncorhynchus nerka 112, 206, 216
Oncorhynchus tschawytscha 74, 112, 203, 215
Oreamnos kennedyi 203
Otariidae 273
Ovis dalli 204
Ovis nivicola 149

Pecten 259
Pecten islandicus 335
Pecten jacobaeus 203
Phalacrocorax albidus 276
Phalacrocorax bicristatus 224, 276
Phalacrocorax pelagicus 275
Phalacrocorax perspicillatus 274, 276
Phalacrocorax urile 224
Phoca hispida kraschenninnikovi 76
Phoca vitulina largha 76, 203
Pica pica hudsonia 218
Picea ajanensis 74
Picea jezoensis 74
Picea sitchensis 216
Pinus pumila 74
Pirola minor 277
Plectrophenax nivalis 224
Polygonum viviparum 223, 247, 277
Populus tremula 74
Potentilla fruticosa 277
Prunus padus 72

Quercus marina 190

Rangifer arcticus stonei 322
Rangifer tarandus sibiricus 323
Rhododendron chrysanthum 277
Rhododendron kamtschaticum 277
Rhodophyceae 190
Rhytina stelleri 267
Rosa cinnamomea 276
Rubus 217
Rubus arcticus 217
Rubus chamaemorus 276
Rubus idaeus 218
Rubus spectabilis 216
Rubus stellatus 217, 276
Rumex arcticus 277
Rumex occidentalis 224

Salix 276, 335
Salmo mykiss 74
Salmo pershinensis 75
Salmo salar 297
Salvelinus alpinus malma 112, 224
Sasa curilensis 150
Saxicava 335
Sciurus hudsonicus 203
Selasphorus rufus 220
Sphagnum 106
„Simia marina danica" 221
Simorhynchus pusillus 56
Sirenia 266
Sorbus sambucifolia 276
Sphagnum 106
Spiraea kamtschatica 277
Sterna paradisea 190
Stedonus nelma 297
Synthliboramphus antiquus 224

Thaleichthys pacificus 64
Thuja plicata 208
Trillium erectum 217
Trillium obovatum 72

Tsuga 208, 216
Tsuga heterophylla 216
Tsuga mertensiana 216

Uria 56
Ursus americanus 106, 203
Ursus arctos 106
Ursus horribilis 106
Usrus midenddorffi 203
„Urtica marina rubra et alba" 191
Uvularia perfoliata 217

Vaccinium caespitosum 217
Vaccinium ovalifolium 217
Vaccinium oxycoccus 217
Vaccinium uliginosum 217, 277
Vaccinium vitis-idaea 72, 217, 277
Veronica aphylla 277
Veronica americana 277
Vulpes fulva (или alascensis) 112, 203
Vulpes kenaiensis 203
Vulpes vulpes anadyrensis 52
Vulpes vulpes beringiana 69, 149

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН ЛИЦ

Abbe, Cl. 215
Абрамов, Н. А. 333
Abulgasi-Bayadur-Chan 55
Авриль (Avril, Ph.), франц. иезуит 48
Агнезе, Баттиста 306
Аларкон де, Фернандо 19
Алексеев, В. М., акад. 16
Алексеев, М. П., проф. 40, 41, 296, 297, 298, 301, 306, 320
Алексеев, Федот 36, 47, 59
Алексей Михайлович, царь 38, 309
Александренко, В. Н. 312
Ами (Hamy) 17
Амосов, Федот 97, 98
Амундсен, Р. 327
Андреев, сержант 109
Андреев, А. И. 9, 78, 309
Андреев, В. 351, 355, 356
Анжу, П. Ф. 341
Анкудинов, Ерасим, служивый 29, 36
Анна Иоанновна 91
Антипин 183—185
Анучин, Д. Н. 39, 171, 296
Анцыферов, Д. 137, 139, 140, 141
Анчегов, Тимофей 254
Апраксин, Ф. М., ген.-адм. 11
Аргентов 55
Арсеньев, Ю. В. 41, 156
Атласов В., пятидесятник 49, 54, 59, 77, 133, 157—159, 160, 161, 167

Багров, Л. С. 15, 33, 38, 45, 96, 309, 310, 348, 352
Барабаш-Никифоров, И. И. 264
B[addle y], J. F. 34
Бартольд, В. В. 17, 170, 296
Басов, Емельян 286
Баус, англ. посол 299
Бахов, мореход 341
Бахрушин, С. В., проф. 301, 310
Башмаков, мореход 283, 287
Бегайм (Behaim) 17
Бекетов, Петр 302
Беляев, промышленник 225
Беляна, Иван 305
Бем, командир Камчатки 183
Берг, Л. С. 15, 18, 98, 122, 235, 245, 268, 286, 297, 298, 305, 312, 336
Бережных, штурман 315, 341
Беринг, Витус 83 (биография), 84 (портрет), 252—254 (последние дни)
Бертольф (Bertholf), кап. 3, 221, 355
Берх, Василий 3, 110, 119, 120, 220, 286
Бечевин, купец 223, 288
Бианки, В. Л. 276
Биллингс, кап. 13, 53, 109, 194, 195
Бируля А. 335
Битте, М. П. 32
Бихнер, Е. А. 258, 268, 271, 348
Бичи (Beechey), кап. 24, 26
Blaeu 14
Boas, Fr. 70, 213
Богданов, библиот. 170
Богданович, К. И. 107
Богораз, В. Г. 26, 31, 39, 51, 53, 95, 102, 105, 164
Боднарский, М. С. 354
Бойцов, Л. В. 274
Боус, Еремей, анг. посол; см. Баус
Бочаров 197
Брагин, мореход 268
Брейтфус, Л. Л. 327
Бруделет (Broedelet, J.) 350
Бронштейн, Ю. И. 356
Brooks, A. 114, 281
Брюс 8, 80, 167
Бугор, Василий 302
Буза, Елисей 302
Булгарин, Ф. 110

Бухтеев, А. М. 327, 337
Бэр (Baer), К. М., акад. 20, 85, 269, 326
Бюаш (Buache, Ph.) 56, 350

Вагнер (Wagner, H. R.) 20, 195
Ваксель, С. 64, 121, 124, 131, 189, 238, 258, 271, 278, 348—349
Вальтон, лейт. 124, 173, 179—182, 220
Ванкувер 193, 194, 220
Васильев, Ф. Т. 157
Васютинский, Петр 268, 289
Вахтин, В. 88, 95, 318, 348
Вдовин, И. 29, 55, 304
Вебер (Weber, Fr. Chr.) 12, 44, 47
Вебер, Э. Ф. 145, 342
Вениаминов, И. 94, 195, 196, 197, 217, 225, 231, 237, 246, 276
Верман, Ф. К. 198
Вербов, Г. Д., лингвист 299, 300, 307, 333
Ветошка 27
Вид, Антон 306
Видер (Wieder, F.) 14
Визе, В. Ю. 328, 342
Вилегин, Иван 54, 97
Вильбрехт, А. 103, 108
Вилькицкий, А. И. 318
Вилькицкий, Б. А. 327, 336
Винцгейм, Х. Н., акад. 27
Виниус, А. А. 309
Висслер (Wissler, Cl.) 205
Вит, де-, Ф. 14
Витсен, Н., амстерд. бургом. 15, 30, 40, 43—44, 309, 320
Власов, В. А. 71, 260, 261
Вознесенский, И. 150
Волков, Ф. К. 247
Волынский, А. П. 342
Воронихин, Н. Н. 190, 206
Врангель, Ф. 13, 32, 55, 93, 97, 196, 197, 198, 209, 274, 276, 326, 341
Всевидов 288

Гавен (Haven von, P.) 352
Гагарин, кн. 46
Гагарин, В. И., кн. 50, 258
Гагарин, М. П., кн. 145
Газиус (Hasius, J. M.) 350
Hakluyt 195
Гали, Франсиско 195
Гамель 30
Hann, J. 214
Гардебол 98, 178
Гвоздев, Мих. 47, 85, 96, 99, 103
Гастальди (Gastaldi, Giacomo) 17, 18, 21
Геденштром 109
Генниг (Hennig, R.) 15, 20, 22
Генс, Я. 98
Герасимов, Дмитрий 306
Герберштейн 306, 307
Геродот 296
Герриц, Гессель 308, 311
Герье, Вл. проф. 7, 8, 9
Геснер 220
Gibbs, G. 196
Гилев, серж. 341
Глотов, Ст. 205, 207, 220, 240, 288
Гмелин, Иоганн, акад. 90, 124, 125, 320
Гнучева, В. Ф. 121, 347, 355
Годунов, Петр 38, 58, 309
Годунов, Федор 311
Hodge 196
Голицын, Н. В. 124, 353
Головин, кап.-лейт. 198, 217
Головин, Н. Ф., адм. 122, 187, 188, 198
Головин, П., воевода 305
Головнин, В. М. 135
Гольдер (Golder F. A.) 27, 29, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 43, 45, 97, 121, 122, 172, 190, 191, 352, 353, 355
Гольмберг (Holmberg) 196
Гоман (Homann J. B.) 79, 279
Гондий (Hondius) 13
Гонза, пленн. япон. 169, 170
Гончаров, И. А. 174
Гораций 85
Гордлевский В. 158
Готье, Ю. В. 298
Гранди, С. 18
Грдличка, А. 358
Гребницкий, Н. 274, 276
Гревинк, К. 195
Греч, Н. И. 110
Григорий, курилец 138 (рис.)
Григорьев, А. В. 310
Грили (Greely, A. W.) 351, 353
Гриннелл (Grinnell, G. B.) 206, 213
Гумбольдт, А. 195

Давыдов 94, 197, 204, 240
Давыдов, Иван, солдат 251
Даль, В. И. 66, 89, 197, 199
Д'Анвилль (D'Anville) 347
Дауркин, Николай 104, 105, 109
Де-Гама, дон Жуан 121
Дежнев, Семен 13, 27—38, 43, 46, 47, 48, 305
Дезин, фон 319
Делиль (Delisle, G.) 44
Делиль, Иосиф, акад. — см. Делиль, Ж.-Н.
Делиль, Ж.-Н., 20, 21, 47, 97, 120—122, 128, 172, 279, 351[1] 353
Делиль де-ла-Кройер, Л. 27, 124, 128, 188, 284, 353, 354
Дементьев, А. М. 189, 280
Денбей, японец, 159—167
Дергачев, Илья, канонер, 253

Де Фер 300
Де Фонте, адм. 353
Дженкинсон, Антони 296
Jenness, D. 24
Джордэн (Jordan, D. S.) 259
Дитмар, К. 65, 71, 72, 75
Доббс (Dobbs) 354
Дол (Dall, W. H.) 194, 197, 199, 232
Долгих, Б. О. 302, 330, 332
Долгоруков, А. Г., кн. 317
Долгоруков, И. А., кн. 317
Долгорукова, Е. А., кн. 317
Дрэк, Ф. 19
Дудин, С. М. 67
Дьяков, Федор 300
Дю-Гальд (du Halde, J. B.) 90, 347
Дэвис, Д. 186

Евреинов, И. 57, 80, 151
Егерман 173, 351
Едемский, М. 66
Екатерина II 105
Елагин, Иван, штурман 79, 188, 189, 284
Еленкин, А. А. 191, 205
Elliot, H. W. 274
Елчин, Я. воевода 167
Елисеев, С. Г. 164, 165, 176
Емельянов, Иван, матрос 253
Емельянцев, Т. Н., геолог 320, 324
Engel, Sam. 15
Ерастов, Ерила 304
Ерастов, Иван 304
Ермак 297
Ермилов, И. Я. 315

Жербильон (Gerbillon), патер 40, 44
Житков, Б. М. 298

Заварицкий, А. Н. 71
Загоскин, Л. 24, 54, 86, 102
Зальтиери — см. Зальтерио
Зальтерио (Zalterio) 18, 20, 23
Замысловский, Е. 295, 306, 307
Зандлер (Sandler, Ch.) 15
Зеберг, Ф. Г. 326
Зиновьев 57

Иванов, Алексей 278
Иванов 315
Иванов, Василий 120
Иванов Постник 303—304
Игнатьев, Василий 167
Игнатьев, Исай 305
Идес, Исбрантс 39, 44, 58
Измайлов и Бочаров 194, 197, 202, 207, 213, 216
Иннокентий, митр. 195
Иовий, Павел 20, 67
Иохельсон, В. И. (Jochelson, W.) 28, 32, 105, 109, 231, 245, 247, 304, 323, 324

Joerg, W. 355, 357
Иттень, Татьяна, эскимоска 114, 115
Иштанай, курилец 142

Каан (Cahen, G.) 43, 54, 57, 310, 348, 352, 354
Кабрильо, Хуан Родригес 19
Казимеров, штурман, 179, 180
Каллиников, Н. Ф. 32, 37, 51
Канисципроо, яп. чиновн. 177
Кантемир, А. Д. 312
Caravaglio, иезуит 171
Кастрен (Castren, A.) 333
Качанов, В. 144
Keeler, Ch. 218
Киндяков, геодез. 339
Кирилов, И. К. 10, 61, 80, 96, 119, 172, 311, 312, 347
Климент VII 306
Князев, Г. А. 355
Кобелев, сотник 24, 103, 109
Кодою, японец 186
Койа (Коуа, Y.) 154
Кожевников, М. Я., топогр. 341, 342
Козьмин, штурм. 341
Козыревский, И. 137, 142, 144
Койа, И. 186
Кокин, Иван 290
Кокс (Coxe) 206, 207, 286
Колесов, Василий, пятидесятник 69, 136, 137
Коллинз (Collins, H. B.) 111
Колычов, С. 57
Комаров, В. Л. 72, 74, 113, 190
Копай 97, 98
Кордт, В. 14, 38, 308
Кордье (Cordier) 16
Кортес 19
Коцебу, О. Е. 24, 26, 31, 216
Крамп (Kramp, F. G.) 43
Красильников, А. Д. 124, 354
Краузе 65, 201, 204, 206, 207, 209
Крашенинников, С. П. 46, 47, 52, 58, 59, 60, 61, 63, 64, 65, 75, 94, 95, 101, 124, 129, 133, 134, 136, 137, 139, 148, 149, 154, 159, 160, 163, 170, 178, 186, 203, 204, 206, 208, 272
Креницын 237
Крехай, старш. 109
Кривошапкин, М. 66, 323, 331, 333
Крижанич, Юрий 42, 43, 44
Кронеман 38
Крузенштерн, И. Ф. 122
Krouse, N. 204—206
Кузнецкий, Б. 110, 113
Кук, кап. 13, 26, 34, 48, 103, 195, 341
Курбский, Фед., кн. 296
Курочкин, Кондр. 300
Кушелевский, Ю. 94, 316

Лагус, В. 186, 195
Лазарев, сборщик 283, 288, 289, 290
Лаперуз 281
Лаксман, А. 186
Лаксман, К.-Э. 186
Лактионов, А. Ф. 302
Ламаев, казак 69
Лагонтан, путеш. 226
Ланг сдорф (Langsdorff) 209, 236, 238, 247
Лаптев, Д. 124, 338—341
Лаптев, Х. 124, 208, 318, 321—325, 329—337
Ласиниус, лейт. 124, 318, 337—338
Лафрери 18
Лебедев-Ласточкин, 183, 184, 185
Левашев, кап. 237, 239, 246, 292
Лейбниц 7, 8, 9, 343
Лепехин, Фома 202
Линдгаген 326
Линденау, Я. И. 48, 51
Линсхотен 299, 300
Липин, Осип 144
Лисянский, Ю. Ф. 115, 122, 208, 216
Литвинов, Д. И. 129, 276
Литке, Ф. П. 13, 26, 33, 34, 53, 110, 193, 357
Логан, Дж. 301
Ломоносов, М. В. 89, 354
Лопатин, И. А. 324, 335, 336
Лошак, кормщик 298
Лошкин, матрос 339
Лукашевский, М. 144
Лужин (Лузин), Федор 57, 80, 151
Львов, Иван 103, 105
Лэт (Laetus), Юлий Помпоний 306
Лящкий, Иван 307

Маевский, П. 217
Майдель, Г. 51, 52, 104
Майков, Л. Н. 11
Макачкин, чукча 52, 53
Мальдонадо, Феррер де Лоренсо 20
Малыгин, С., лейт. 124, 314—315
Маркварт, И. 296
Маринелли (O. Marinelli) 18
Марко Поло 15, 16, 17, 157
Марш, англ. купец 30, 297
Масальский, Вас., кн. 333
Масса, Исаак 10, 298, 301, 307—308, 319—320
Матюшкин 341
Медведев, рудознатец 315
Медведев, боцманмат 324
Мендоса 19
Меркатор, Гергард 18, 156
Мерлин, Вас., майор 169
Мессершмидт, Д. 44, 78, 79, 320
Meulein, van der 252
Меховский, Матвей 306
Милюков, П. 9, 77, 79
Миддендорф, А. Ф. 319, 320, 323, 324, 330, 331, 335
Михов, Г. (Michow, H.) 306—308
Миллер, Герард 13, 17, 29, 32, 33, 34, 35, 38, 39, 41, 47, 49, 53, 58, 59, 96, 102, 103, 104, 120, 124, 125, 129, 134, 141, 150, 169, 170, 175, 178, 180, 211, 300, 333, 352, 353, 354, 355
Миллер, Г. С., зоолог 203
Минаев, И. П. 15, 16, 17
Минин, Ф. 124, 128
Минин, штурм. 317—318
Монтандон, Г. 136, 154, 186
Миронов, Осип 258
Морозевич, И. 259
Морозко, Лука 61, 62
Мошков, К. матрос 84, 151
Müller, F., издат. 42
Mouchim-Pouchkim — см. Мусин-Пушкин
Муравьев, лейт., 124, 312—314
Murdoch 69
Мусин-Пушкин, И. А. 48, 98
Мушкетов, И. В. 95, 185
Мюнстер, Себаст. 306

Най, Корнелий 299
Накватин 287
Нансен, Ф. 327, 335
Нартов, А. А. 11
Нартов, А. К. 11
Нан (Nunn, G.) 17, 18, 22
Наседкин, М. 136, 257
Насонов, Н. В. 149
Nachbaur, A. 16
Небаранов, Иван, гренадер 251
Неводчиков, Мих. 224, 227, 286
Нельсон (Nelson, E. W.) 52, 54, 56, 102, 105, 115, 207, 211
Никулин, П. Г. 26
Новаковский, капит. 147
Новгородов, комиссар 87, 169
Новограбленый, курил 147
Норденшельд, А. Э. (Nordenskiöld) 14, 17, 18, 20, 54, 268, 308, 310, 326, 327, 328

Овцын, Д. Л. 124, 189, 250, 315—316
Оглоблин, Н. 27, 28, 32, 33, 34, 36, 46, 49, 59, 60, 157, 161, 162, 303, 304, 305
Огнев, С. И. 69, 324
Огородников, В. 303
Оленев, С. 128
Онкудинов, Ерасим — см. Анкудинов, Ерасим 29
Орлов, А. 95, 185
Орлова, Е. П. 31, 58, 62, 115

Ортелий, Абрагам 13, 18
Osgood 107, 202, 218, 220
Остерман, А., граф 188

Павлов, лейт. 124, 312—314
Павлов—Сильванский Н. П. 9, 10
Павлуцкий, Д. 33, 99, 110, 130, 169
Палибин, И. В. 178
Палицын, Андрей 305
Паллас, П. С. 207, 208, 218, 227, 234, 238, 241, 252, 258, 268, 286, 341, 355
Патканов, С. К. 24, 53, 64, 330, 332
Пахтусов, П. К. 315
Пекарский, П. 27, 46, 124, 128, 258, 349, 350, 354
Пенда, промышл. 301
Переломов, Г. 141
Перри, Джон, кап. 12
Персглев, У. 301
Петр Великий 7, 11, 56, 57, 169
Петр II 317
Петриловский, Алексей 144
Петров, Иван 196, 199, 200, 213
Пешель (Peschel, O.) 15
Плаутинг, лейт. 189, 284
Плениснер, полковн. 104, 105, 107, 154, 189, 205, 252
Пленстнер — см. Плениснер
Плестнер — см. Плениснер
Позднеев, Д. М. 113, 140, 155, 176, 184, 185
Покровский, А., историк 103, 123, 132, 187, 342, 343, 355
Полевой, П. И. 35
Полонский, А. С. 47, 83 95, 133, 135, 137, 139, 142, 145, 147, 151, 152, 154, 183, 185, 186, 283, 286
Поморцев, Дамиан — см. Гонза, пленн. японец
Попков, Василий, солдат 253
Попов, А. А., этнограф 330, 331
Попов, Алексей, гренадер 124, 250, 330
Попов, Петр, служилый 46, 47, 50, 51, 52, 53, 88, 106
Попов, Ф. А. 28
Посников, приказчик 160, 289
Потапов, Дм., казак 76
Потье (Pauthier) 16
Поярков, Вас. 40
Прокопович, Феофан 125
Прокофьев, Г. Н., лингвист 296, 330
Прончищев, лейт. 124, 318—321, 337
Прончищева 318—319
Прютц (Prütz) 37
Прянишников, геодезист 315
Птоломей 17
Пушкин, Савлук 333

Рагузинский, Сава Владиславович 57
Радлов, Л. 198, 199
Ракитин, Ив. 144
Рагозин 315
Рамузио 15
Рассел (Russel, I. C.) 191
Ратнер-Штернберг, С. А. 209
Ратцель, Ф. 155
Ребров, Иван 303
Резанов, посол 198
Ремезов, Семен 38, 40, 41, 44, 45, 78, 157, 309
Рихтер, Б. 327
Rickard, T. A. 240
Романов, А. А. 310
Ртищев, подштурм. 337
Ruge, S. 14, 16
Руденко, С. И. 70
Румовский, астр. 107
Рупрехт (Ruprecht, F.) 150
Рычков, К. 333
Рюйш (Ruysch) 20

Савельев, боцман 281
Савостьянов, В. 77, 137
Сайкс (Sykes, G.) 20
Сакс, В. Н. 335
Салтыков, Ф. С. 9, 10, 83
Сандлер (Sandler, Chr.) 15, 16
Сан (Сана), яп. пленник 142
Санима, япон. пленник 167
Сарычев, Г. А. 26, 53, 194, 200, 213, 220, 245, 292
Сванton (Swanton) 200, 201
Свенске, К. 348
Свердруп, Г. У. 270
Сгибнев, А. 60, 64, 69, 87, 144, 145, 152, 153, 170
Селиверстов, Юрий 29
Селифонтов 314
Семенов, Никита 28, 36
Серме ьо, С. Р. 20
Сибиряков, И. М. 105
Скобельцын, геодезист 131
Скорняков-Писарев 342, 343
Скребыкин, Матвей, пятидесятник 50
Скуратов, лейт. 124, 314
Словцов, П., историк 29, 33, 34, 35, 61
Смирнов, Н. А. 68, 274
Сноу, кап. 147
Соза, пленн. япон. 169, 170
Соймонов, Ф. И. 105, 154, 169, 187, 342
Соколов, А. П., географ, 75, 85, 99, 120, 122, 171, 172, 173, 178, 193, 194, 235, 283, 286, 312, 315, 319, 326, 329, 341, 348, 350, 351, 354, 355
Соколов, Кузьма 77
Спасский, Г. 69, 142, 146, 309

Спафарий 41, 156, 157
Срезневский, И. И. 158
Стадухин, Михаил 28, 38, 39, 97, 98, 305
Старокаодмский, Л. 327
Стебницкий, С. Н. 134
Стейнегер, Л. (Stejneger, L.) 125, 190, 191, 193, 221, 224, 252, 262, 276, 352 353, 355
Стелин, Я. 285
Стеллер, Г. (Steller, G. W.) 59, 71, 92, 94, 101, 124, 134, 149, 153, 187, 189, 190, 191, 193, 201—220 (на о-ве Каяк), 233, 235, 254, 258
Степанов, Н. Н. 59
Степанов, Савва, солдат 253
Стерлегов, подштурман 315, 317
Стефан, мальчик-алеут 291
Сторожев, курил 147, 153
Страленберг (Табберт), Ф. 44, 45, 46, 48, 56, 57, 59, 172, 310, 320, 323, 324, 328
Суворов, Е. К. 259, 264, 274
Sudworth, G. 193
Сухотин, лейт. 314
Сюрюков, Потап 70
Схеп (Schaep), кап. 171

Табберт — см. Страленберг
Тараканов, Селиверст, матрос 253
Таробээ, япон. 181
Тархов, Иван 304
Татаринов, Петр 88, 183, 184
Тебеньков, картограф 198
Терешкин, Иван 50
Texeira 172
Титов, А. 38, 40, 41, 42, 309, 320
Тихменев, И. 139, 147, 151, 196, 198, 202
Тихонович, Н. Н. 259
Тихомиров, Б. А., ботаник 336
Товтыгин, Ф., холмогорец 296
Толдин, Егор 50
Толмачев, А. И. 322, 332, 334
Толмачев, И. П. 113, 320, 334, 335
Толстых, Адриан 238, 268, 288—292
Толь, Э. (Toll) 152, 169, 323, 327, 328. 330, 335
Тории (Torii, R.) 68, 70, 149, 154, 205
Трамезини (Tramezini) 20
Траурнихт, Дорофей, якутский воевода 50
Третьяков, П. 320, 323, 328, 331, 333

Уллоа, Франсиск 19
Урванцев, Н. Н. 320, 327, 332, 336, 337
Ухтомский, Д. Е. 112
Ушаков, геодезист 315

Федоров, Иван, подштурман 47, 84, 96, 98, 99, 102
Федотов, казак 58
Федченко, Б. А. 276
Фернау (Fernow) 193, 216
Фишер, И. Э. 125, 127, 128, 300, 302. 304, 316, 333
Филиппов, А. 158
Фома, мальчик 289
Фонте, де-, адм. 20, 21
Фриз (Vries), мореплаватель 55, 171. 172
Фроес, Л., иезуит 171
Фука, де-, Хуан 20

Halde, du, I. B. 40, 336
Харузин, Н. 65
Хандросс, Л. 324
Хвостов и Давыдов, морские офицеры 94, 197, 204, 205, 207, 240
Henneрin 228
Хехгигиш 110
Хитров, С. 124, 189, 194, 201, 211, 223. 258, 272, 278, 355
Хлебников, К. 204
Хметевский, мичм. 126
Holmberg 198, 201, 204, 206, 207, 209 220
Хрипунов, Данила 296, 300

Цалкин, В. И. 262
Цыбиков, Г. Ц. 160

Чаплин, П., мичман 85, 88
Чекин, Н., геодезист 318, 325
Чекановский, А. Л. 319
Челюскин, С., подштурман 318, 321. 325—327, 329
Черепанов, Иван 288
Черепанов, Илья 142
Черкашенин, квартирмейстер 179
Черный, Иван 154
Чикин, Никита 154
Чириков, А. И., кап. 11, 70, 83, 85. 95, 96, 123, 132, 182, 188, 189, 200, 279, 355
Чихачев, лейт. 189, 284
Чичерин, губерн. 291
Чупров, Яков, передовщик 286

Шабалин, посадский 155, 184
Шалауров, купец 341
Шарпиьон (Charignon, A.), 16
Шатаной, курилец 142
Шатилов, Василий, геод. 131
Шахматов, А. А. 296
Шаховской, Мирон, кн. 296, 300, 316. 333
Шевырин, Сила, мореход 283

Шелехов, Г. 95, 194, 197, 202, 207, 208, 209, 268
Шельтинг (Шхельтинг), мичман 124, 173, 182
Шестаков, Аф. 80, 96, 141, 144
Шестаков, Василий 152
Шетилов, геодезист 152
Шилов, Вас. 268
Шипунов, казак 114
Шишмарев, 55
Шмидт, П. Ю. 216
Шмидт, Ф. Б. 335, 336, 337
Шокальский, Ю. М. 32, 342
Шпанберг, М. 11, 83, 85, 86, 88, 123, 131, 132, 171, 173—179, 182, 187, 285, 350
Шренк, Л. 67, 134, 135, 230
Штернберг, Л .Я. 66, 136
Штинников, Андрей 169
Шульц, Козма — см. Соза (плени японец)
Шумагин, Никита, матрос 221
Шухерт, Ч. 205
Щербинин, штурман 340

Эвальд, С. 349
Эзельберг, штурман 189
Эльтон (англичанин) 312
Эммонс (Emmons) 200, 281
Эрт, боцманмат 174

Юл (H. Yule) 14, 15, 16
Юшин, Харлам, подштурман 189, 355

Язжин, кормщик 313
Яковлев, Петр 269

УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДМЕТНЫЙ

Ава, провинция 181
Авам, прит. Дудыпты 330
авамский род 330
авамцы 330
Аватанака, о-в 195
Авача, р. 71
Авачинская губа 80, 167, 188
Авраамия, о-в 249
Агатту, о-в 225, 227, 284, 287
Адак, о-в 282, 283
агататка 73
Адах, о-в — см. Адак
Аддингтона мыс 279
Анон (Сабадей), о-в 33, 98, 341
айваны (айгваны) 104
айны, 16, 65, 133—143; см. также курилы
Аккеши (Аккеси), о-в и залив 184
Акита (Акитай) 157, 161
аконит 106, 112, 113, 155, 277
актинии 191
Алазея, р. 38, 40, 304, 309, 310
Аланд, о-в 133, 148
Албазин 132
Алдан, р. 86
Алеукста 225
Алеутские о-ва 186, 229, 246 (рис.), 285—292
алеуты 94, 194 -195, 223, 224 248, 282—283 (о-в Адак), 285—292, 358
альвайелылыт 104
Алютора (Олютора), р. 62
Аляска — см. Аляска
Аляска 19, 80, 98, 195, 229
Аляхсхах 229
Амацу-мура, дер. 181
Амгуема, р. 113
Американский мыс 103
Амици, о-в 177
Амицихама, о-в 176
Амля, о-в 288
Аму (Ами) 15
Амур, р. 10, 38, 39, 40, 42, 119, 182, 309
Амурское море 39, 40
Амчитка, о-в 186
Анабара, р. 40, 310
Анабарская губа 310, 319
Анадырск 60, 240
Анадырская губа 34, 140
Анадырский залив 32, 35, 49
Анадырский лиман (губа) 35, 340
Анадырский нос 50, 52, 57, 139
Анадырский острог 50, 60, 76, 89, 154, 257
Анадырское море — см. Берингово море
Анадырь, р. 25, 27, 28, 34, 35, 36, 37, 38, 40, 41, 44, 59, 305
Анам 16
Анандырь-река — см. Анадырь, р.
Аннанон, мыс 39
Ангара, р. 168
Андреяновские о-ва 196, 234, 238, 287—291
ане, народ 16

Аниа 21, 22
Аниан 11, 15, 17, 18
Anian fretum 14
Anian regnum 15
Анианский пролив 11, 12—24, 121
Анианское царство 15
Анин (Anin) 15, 16, 17
Анива, зал. 16
Аниу (Aniu) 15, 16, 22
анкалын 109
апо, народ 16
ара 223
Араума-кутан, о-в—см. Хараму-котан
Арена, мыс 19
Архангельск 10, 42, 130, 314
ассинна — см. вадеевцы
атабаски, атапаски 111, 196, 197
Аткис — см. Аккеши
атнайцы — см. медновцы
атнахтяне — см. медновцы
Атту, о-в 225, 284
Атха, о-в (св. Иоанна) 94, 288
Афогнак, о-в 196
ахьюхалят 104, 105
Аяг, о-в — см. Адак, о-в

Банд, страна 307
Банха, р. 307
бай, род 307
байдарки алеутов 242—245
байдары 110
Байкал 39, 41, 42, 168
бакланы 224, 227, 276
балаганы — см. свайные постройки
Балахна М., р. 330
бамбук курильский 150
баравара 134, 197
Баранов мыс Большой 294, 340
Баранова, о-в — см. Ситха, о-в
бараны каменные 149, 203
Баргузинск 126
Батавия 171
Баффинов залив 120
Башкиры 306
Белая, р. 53
Белоголовое, с. 62
Белое море 261
белуга (белуха) 51, 319
береза белая 74
береза каменная 74, 276
Березов 10, 296, 300, 315
Березовский округ 323
Беринга о-в 126, 127, 248—278, 252 (рис.)
Берингово море (Анадырское море) 52, 106, 127
Берингов пролив 20, 22, 23, 24, 25 (карта), 32, 38, 48, 56, 84, 109, 240
Бива, оз. 149
Ближние, о-ва 285, 289
Блудная, р. 40, 41, 322
Бобровая, р. 69, 78, 158
Бобровое море 264
Бобровый, о-в — см. Принца Уэльского о-в
бобры морские 49, 52, 66, 69, 75, 98, 264—266
бобры речные 102, 112, 130
Большая, р. 58, 71, 74, 86
Большая Земля (Америка) 47, 49, 51, 53, 114
Большерецк 71, 86, 126, 132, 173, 289
Большой Баранов, мыс 294, 340
Большой Диомид, о-в (о-в Ратманова) 24
Большой каменный нос 30, 32, 34, 36
Большой Чукотский нос 32
бородатые люди на Аляске 51, 358, на Медвежьих островах 108, 109
Борхая, зал. 337
Борхая, мыс 337
брусника 72, 224, 227
Булдыр, о-в 249
буряты 125
буса 142, 158

Вайгач 3, 10, 294
вадеевский род 330
вадеевцы 330
Ванкувер, о-в 22
Введенский, станок 331
ведеевцы, род 330
Ведея, р. 330
верес 178
Веркон, р. 341
Верхоянск 303
Верхоянский хреб. 303
Верхнекамчатск 53—74, 75
Верхнекамчатский острог 63
Вилькицкого пролив 301
Вилой, р. 302
Wingham, о-в 194
Вирями, р. — см. Тауй, р.
вогулы 125, 295, 306, 307
водоросли Тихого океана 190—201
волки 52
волки белые 322
Волоковая, р. 40
Воровская, р. 62
Ворогово, с. — см. Дубческое, с.
ворон 54, 218
Восточное море 40, 42
Восточносибирское море 270
Восточный мыс — см. Дежнева мыс 25
Восточный океан 169
Врангеля, о-в 30
втулки — см. колюжины

вулканы на Камчатке 71, на Курильских островах 149, на п-ве Аляске 222
вымичи 300

Гамы, Земля — см. Земля Гамы
Гвоздева, о-ва (о-ва Диомида) 24, 39, 47, 55, 56, 240
Георга, мыс 20
Георгия, о-в 289
Гижига, р. 39, 40, 58, 305
Гижигинская крепость 25
Гилюй, р. 132
гиляки 39, 40, 44. 135
Гилянская земля 39, 40
гилянские люди 40
глупыш 224
голландцы у Югорского шара 299
голубь гренландский 225
Гольчиха, р. 330
Голыгина, р. 69, 133, 157
Горбица, р. 186
горбуша 75, 148, 213
Горн, мыс 122
Горелая, р. 321
Гудсонов залив 120, 228
Гыда, р. 336
Гыданский п-ов 315
Гыдаямский зал. 315 сл.
гюхеги (Giuchiegy или Giuchetzi) 55

Даура, р. 40
Дежнева мыс 27, 30, 32, 33, 34, 36, 55, 99, 100, 110, 341
джурджени 16
дикобраз 203
Диомида о-ва 24, 28, 31,35, 36, 89, 235
долганы 333
Долгий, о-в 314
Дубческое, с. 333, 334
Дудинка, р. 331
Дудыпта, р. 330
душник, душмянка, душистое, душное дерево 193

Евдокеевские о-ва 220
еврашки 221, 223
Егач, р. — см. Шестаковка, р.
ёгра 295
езо — см. курилы
Елен, р. — см. Оленек, р.
Елец, р 310
Елизаветы мыс 282
Еловая, р. 131
Еловка, р. 63
ель аянская 73
ель сибирская 297
ель ситхинская 215
Енисей, р. 39, 85, 168, 296, 299 (название)
Енисейск 85, 126, 302
Енисейский залив (губа) 316
Елогуй 334
Ермакова, дер. 334
ерник 149
Еропол, р. 27
Ерри — см. Шелагский мыс

Жиганск 303
жезлы — см. калюмет
железо у камчадалов 67—68, у курильцев 67—68, 150, у коняг 242, у алеутов 231, 239—241, у эскимосов 111, 209, 242, у тлинкитов 209
жимолость 72, 178

Залив Креста 32, 53
Зайтум, Зайтон (Zaitum, Zaiton) 15, 16, 22
Зверево 324
Зеленый, о-в 178
землетрясения на Курильских о-вах 185, на о-ве Беринга 259, на о-ве Медном 250, в Киренске 95
Землица Гигмальская 103
Земля Врангеля 97, 109
Земля Гамы 121, 172
Земля Компании — см. Уруп, о-в
Зея, р. 132
зубатые люди 36, 111
зубатые чукчи — см. чукчи зубатые
зубатые эскимосы — см. эскимосы зубатые
Зырянка, р. 336

Иванова мыс 196
Игдыг, р. — см. Озерная, р.
Игналук (Ignalook) — см. о-в Малый Диомид, или Крузенштерна 24, 26
Иеддо — см. Токио
Иезо 80, 135, 147, 154, 182
Изига, р. — Гижига, р. 305
иирки (iyrcae) 326
икергаулы — см. эскимосы ротастые
Илим, р. 85, 130
Илимск 85, 130
Ильи св., мыс 197, 218
Ильи св., гора 191, 192 (рис.)
Илья, р. 39
Илямна, оз. 196
Имаклит — см. о-в Ратманова 24
Ималин, сел. 24
Имахлик — см. о-в Ратманова 24, 26
Имахлин 24
имахит 24
иммалины 104
Имовлин — см. о-в Ратманова 24

Индигирка, р. 8, 13, 40, 45, 55, 303, 304
Индигирский острожек 304
индейцы 196, 201, 279—280; см. также атабаски, атнайцы, кенайцы, кайганы, колоши, медновцы, тинне, тлинкиты, хайда, ханега, якутаты.
Ингелик — см. о-в Малый Диомид, или Крузенштерна 24
ингелит 24
Иннокентия залив 324
инуит 196
Ипялин, о-ва 108
Иоанна, о-в — см. Атха, о-в
ипатка 55 223, 224
Иркутск 330, 349
Иртыш, р. 85, 95, 168, 294
Исландь, р. 299
ительмены 16, 58, 134
Итурпу, о-в — см. Итуруп, о-в
Итуруп (о-в Штатов), о-в 147, 150, 171, 182
Иулиана св., остров 285
Ича, р. 69, 70, 76, 151, 159
Йыкыргаулыт — см. эскимосы ротастые

Кавиягмуты 102
Кадьяк, о-в 22, 94, 115, 196, 219 (рис.)
кадьякцы 212
казарка черная 329
кайганы 279—280
Кайгородок 70, 77
Кайгородский уезд 70
кайры 55
каланы — см. бобры морские
Каланская, р. 69, 158
Калифорния 216, 200
калюмет 228
каменные орудия у камчадалов 67, в Америке 209, у тлинкитов 209, у эскимосов 112, 209, 239, у коняг 207, 211, у алеутов 241
Каменный нос 40
каменный уголь 319
каменушка, утка 76, 190
камлейка 234
Камчадальская земля 71, 74, 163
Камчадальская сторона 72
Камчадальский нос 137
Камчадальский острог 189
камчадалы 16, 17, 44, 46, 58, 63—68, 70, 73—74, 77, 87, 91—95, 134, 163, 208
Камчатка 55, 58, 59, 63, 70, 85, 126, 172, 214, 254
Камчатка, р. 38, 39, 40, 58, 258
Камчатская земля 46, 242, 258
Камчатский нос 139
Камчатский острог 154
Камчатское море 119
камфарное дерево 149
Канага, о-в 290
капуста морская 208—209
Кара, р. 314
Карское море 298, 313
Карага, р. 119
Карагинский о-в 62, 119
карасинский род 330
Карафуто — см. Сахалин
карелы 306
Каспийское море 298
Катай 17, 22
Каяк (св. Илии), о-в 102, 189, 193, 197, 201
Квихпах, р. — см. Юкон, р. 108
кедровник 74
Кекурный мыс 33
Кенайский залив 203
Кенайский п-ов 196
кенайцы 196, 197, 206, 231
кета 75, 148
Кетой, о-в 150
Кеть, прит. Оби 85, 95, 130, 168
кеты (енисейцы) 230, 333
Киги — см. мыс Принца Уэльского
киги 54
Кигиль, р. — см. Тигиль, р.
кижуч 75, 112, 203
Кинга о-в 101, 108
Кингеган (Kingegan), сел. 108
кинугмуты (кингугумуты) 108
Киото 161, 162
кипарис 193
Кренга, р. 302
Киренск 95, 125, 302
Китай 40, 41, 156
Китайское царство 39, 40, 41, 156
китайцы 40, 135, 161, 162, 241
Китуй, о-в — см. Кетой, о-в
киты 26, 51, 76, 106, 203, 274
кихчи 55
климат Петропавловска 214, Ситки 215, мыса Челюскина 326, Камчатки 70, Курильских о-вов 147, Командорских о-вов 262
климатические колебания на Севере 336—337
Ключевская сопка 71
Ключевское, с. 71, 75
Ключи, сел. 65
Кобе 162
Ковыма — см. Колыма, 46
Ковымское море 51
Ковыча (Погыча), 39—40
козлы снежные 203
колибри аляскинский 220

колоши (колюжи) 197, 198, 201
Колпакова, р. 77
Ковыма, р. — см. Колыма
Кольский п-ов 308 (рис.)
Колыма, р. 27, 28, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 47, 58, 88, 119, 305
Колымское (Ковымское) море — см. Северное Ледовитое море
колюжины 30, 31, 110, 235
Колючин (Калючин), о-в 13, 341
Командор, мыс 252
Командорские о-ва 121, 147, 231, 255, 257, 274
коми (зыряне) 301
Компакова, р. — см. Колпакова, р. 76
Константин, форт 214
Контроллер, бухта 213
коняги 94, 196, 207, 208, 211, 233, 358
Копаев, о-в 97, 98
копал 324
коровы морские 252, 266—273
Королевы Шарлотты о-в 280
коряки 17, 43, 44, 58, 60—62, 68, 94, 95, 155, 164, 305
Коряцкий национальный округ 59
корь в Якутске 96
костяные орудия 62, 67, 208, 239, 290
котики — см. коты
котконня 72
коты морские 88, 264, 273
Коцебу, зал. 81
Коюк (Кука), р. 114
крапива, ткани из нее у курил 142, у коняг 207, сети из нее на Камчатке 206, в Америке 207, краски у алеутов 227, 236—237, у коняг 233
Креницына о-ва 240
Крестовка, р. 63
Крестовский мыс 334
Крестовский о-в (1-й Медвежий) 97, 98
Крода-кыг, р. 78
Кроноцкий, мыс (нос) 254, 264
Cross sound 311
Крузенштерна, о-в 24, 25, 89, 101, 108
Крутогоровая, р. 77
Крысьи о-ва 249, 286
крючки рыболовные из дерева и кости 207
куги, кужин — см. курильцы
„кукушкины томарки" 71
Кугнен, сел. 24
Кунашир, о-в 147, 150, 178
куница американская 26, 52, 102
Курейка, прит. Енисея 334
Курильская земля 69, 71, 163
Курильская лопатка — см. Лопатка, мыс
Курильские о-ва 133—155, 183—186
Курильский острог 136
Курильский пролив 1-й 147
Курильское озеро, 69, 80, 137
курилы или курильцы 16, 69—70, 95, 113, 133—143 (рис.), 146—151, 153—156, 162—164, 184—186. См. также айны
куропатки 224
Куру-миси 135
Кускоквим, р. 31, 53
Кута, р. 302
Куциям, о-в 178
куяки (панцыри) 142
кухлянка 105
кухмыльцы 103
Кыгмын 108
Кыгымын 109
Кыска, о-в 249
кых-курилы 150
кыхми 111
кыхмыльцы 113
кыхмынцы 111
кыымылыт 56, 103, 113
Кыымын (назв. Америки у азиат. эскимосов) 56, 104

Лаврентия, залив 55, 343
Лаврентия, о-ва 30, 33, 88
Лама (Lama), р. 40, 41, 44
Ламский острог 93
Ламское (Охотское) море 40, 77
ламуты 44, 45, 303, 304
Лаперуза, пролив 182
Лаптевых, море 337
Лаптева, мыс 335
ларга 76
лебеди 75, 223
„Ледовитый мыс" (Eiss Ca.) 57, 58
Ледяная бухта 197
Лена, р. 10, 12, 27, 38, 39, 42, 95, 302
Ленское море 39, 40, 44
Лесная, р. 258
Линглингай 110
Lynn canal 64
лисицы 26, 52, 61, 68, 69, 98, 102, 149
лиственица 74, 208, 216, 334
Лиственичная, р. 78
Лисьи о-ва 196, 237, 292
Лисянского, пролив 309
Лопатка, мыс 47, 59, 70, 71, 89, 264
лососевые 73, 74, 112, 136, 137, 214
Льтуа, бухта 197, 281
луки и стрелы у камчадалов 67, у курилов 149, 155, у тлинкитов 209, у коняг 211, у коряков 62, на Аляске 112, у алеутов 244—245, у тунгусов 329
люрик 56

лютик — см. аконит
Лютора — см. Олютора, р. 44
Ляховский о-в 97, 339

макарша 223
Маковский острог 85
Макушинская сопка 281
малгонзен 296
малемуты 53
малина 71, 204, 223
Малода, р. 303
мальма 75, 224
Малый Диомид, о-в 26
мамонт 334
Мангазея 39, 296, 300
Мангазейск 333
Мангазейская земля 39, 298
Мангазейское море 39, 43, 44
манджуры 135
манзи, манги (Manzi, Mangi) 15, 16, 18
Маркиана, о-в — см. Кыска, о-в
Марково 37
Матачингай 53
Мате-сале 316
Матманский о-в — см. Иезо
Матмай — см. Матсмай
Маточкин шар 298
Матсмай (22-й о-в) 142, 145, 150, 151, 171, см. также Иезо
Мая, р. 86
медведи 72, 106
медведи белые 52, 298
Медвежий 1-й о-в — см. Крестовский о-в
Медвежьи о-ва 49, 107, 108
Медвежья бухта 150
Медная, р. 111, 196, 198
медновцы 196, 198
Медный о-в 259, 260, 264, 266, 269, 270, 274, 286
медузы 191
медь у тлинкитов 209, у медновцев 209, у аляскинских эскимосов 111
Мексика 123, 130, 220
металлы в Сев. Америке 209
Миако 166
Миддендорфа залив 329
мичагатка 224
мидии 204
Михаила Архангела, гавань 42
Мойоро, бухта — см. Медвежья бухта
мокасе 297
Molconsay 297
монгкаси 296, 297
моржи 26, 29, 48, 51, 106, 337 (рис.)
морянка, утка 76
мохнатые (курильцы) 200
муксун 95, 297
Мутная, р. 297
мутный залив 313
мухомор, его употребление 163—164
Мушу, о-в — см. Оне-котан, о-в
мыкыжа 357

Набукак — см. Пуукан 26
Нагасаки (Нангасаки) 157
Надым 310
Налычево, оз. 65
Нана, р. 159
Нанабора, р. 39, 40
Нарзома, р. 298
Нарзомское море 298
Нарыльская (Норильская), р. — см. Пясина, р.
нашатырь 320
нганасан 330
Нельсон, р. 228
ненцы, см. самоеды
Необходимый нос (Nebchodimy nos) 43
нерка, или нярка, или красная 74, 206
нерпа 51, 61, 223
Перпичий, о-в (Екарма) 350
Нерчинск 131
Нижнекамчатск 76, 257, 269
Нижнеколымск 37, 38, 305
Никания 42
Никольское, с. 255, 260
Никул-речка 47
Никула, р. 58, 59
Нипон (Нихон), о-в 161, 165
Новая Земля 10, 168, 298
Новая Сибирь 257
Новоархангельск (Ситха) 266
Новосибирские острова 337
Ногай, о-в 222
Нордвик, губа 320
Нортона зал. (Norton Bay) 108, 114
Ноткомо, гавань 184
Ното, мыс 175
Ноширо 161
Пуукан, посел. 26
Нухгуник (Сердце-Камень) 148
Нучек, о-в 194, 198, 200
Нынгычу (Нынгучу), р. — см. Голыгина, р.
Ныхта, мыс — см. Принца Уэльского мыс
Няромская, р. 298
Няромское море 298

Обдорск 296, 297, 314
обдоры 306
Обская губа 315
Обь, р. 10, 12, 85, 95, 130, 168, 295, 297
Огневка, р. 320
огниво 204

Озерная, р. 69, 70, 148
Оймекон 305
Олекма, р. 302
Олекминский острог 302
Оленек, р. 10, 303, 318
олень северный 51, 202, 323
Ольховый о-в — см. Урун
Олютора, — см. Алютора, р. 44
Олюторский острог 76
Олюторский, мыс 39
олюторцы 62
Оля, р. — см. Юёля, р.
Омгаяна, р. — см. Амгуема
Омгувеям — см. Амгуема
омока 55
Омолон 55, 310
Омолоха, р. 40
Онандыр-река, — см. Анадырь, р.
Оне-котан, о-в 149
Оникутан, о-в — см. Оне-котан, о-в
онкилон 109
Онюй, р. 39, 42
Оосюу 176
Опала, р. 69
Опука, р. 61
орьях, ор-ях 333
Осака 159, 162, 166
осетр 95, 297
осина 73
остяки 94, 125, 299
остяки енисейские (кеты) 334
остяки ляпинские 295
Охота, р. 40, 43, 305
Охотск 76, 85, 285
Охотское море 40, 167

Павлова, вулк. 222 (рис.)
Палана, р. 63
палеазиаты 136, 230
палтус 148, 290
пальмы (ножи) 60
Парамушир, о-в 137, 142
парка 234, 239
Пеек (обл. мыса Дежнева) 26, 28, 117
пеекелы 104, 106
Пекин 42, 156
пелядь 297
Пелым, р. 295
Пенжина, р. 27, 40, 60, 305
Пенжинская губа 99
Пенжинское море 47, 59
Пенжинский острог 258
пермь великая 305
пермяки 306
песцы 26, 52, 53, 89, 106, 262—264
Петропавловск 70, 189, 214, 260, 262
Петропавловская гавань 278, 285
Печора, р. 29, 297
Питлекай 368
Пияная, р. 40
Повра, р. 332
Погыча (Покача), р. 28, 39
Покач (Похача, Покача, Погыча), р. 38
полинезийцы 65
поляника 216
Попигай, р. 320
Порт Кларенс 108
попугай морской 224
посуда глиняная, у камчадалов 66, 67, 69, 70, фарфоровая 158 сл.
потепление Арктики 298
Преображения, губа 88
Преображенское, с. 171
Прибылова о-ва 262
приливы и отливы в Ледов. море 337
Принца Уэльского мыс 25, 26, 31, 55, 101, 201, 279
Провидения, бухта 54
проход северо-восточный 9
птицы 274
Пунук, о-в 111
Пур, р. 39, 308, 310, 316
Пурумушир, о-в — см. Парамушир, о-в
Пустозерск 301, 313
пустозерцы 30
пухоходцы 56, 52
Пыр, р. 330
Пыра, р. 332
Пясина (Пясида), р. 300 (название), 310, 332
Пясинская губа 330
Пясинское оз. 332

Рамжа 224
Ратманова о-в 24, 89, 100, 101, 105.
Раутан, о-в 33
Рауттан, мыс — см. Роуин, мыс
Рашау, о-в 147
репа на Камчатке 76, 92
Rica de Oro, Rica de Plata, миф. страна 171
ро́женцы 77
росомаха 52, 106
Роуин, мыс 104
ротастые эскимосы — см. эскимосы ротастые
Руйта, мыс — см. Роуин, мыс
Русская кошка, коса 29, 31, 35, 37
русские на Камчатке 92, на Витиме и Олекме 208, в Анадырске 239, на Алеут. о-вах 240, на Тазе 297, в устье Оленека 320, 321, в устье Анабара 320, 321, на Хатанге 320, 321, на Пясине 332, в Туруханском крае 333, на Аляске 51, 108—109, 358

рыбы Камчатки 74, Аляски 112
Рыркайпыян, мыс — см. Северный мыс

Сабадей, о-в — см. Анон, о-в
Сабия (Салащ), о-в 287
Садо, о-в 175
Сале-хард, гор. 299
Самия, о-в — см. Сабия, о-в
самоеды 94 (самоубийства), 230 (палеазиаты), 296 (монгкаси), 297 (угорские и мангазейские), 299 (у Югорского шара), 307 (род бай), 308, 316, 330—331 (тавгийцы или нганасан), 332—333 (юраки), 332—333 (энцы)
Самоедия 320
самоубийства у аборигенов 93—94
Сангар, мыс 170
Сангарский пролив 175
сарана 72, 73, 87, 223
Сахалин 55, 113, 130, 147, 156, 172
свайные постройки у камчадалов 65, 82, у курильцев 202
Святой нос 10, 33, 56, 339
Св. Креста, губа 80
Северная Земля 327
Северный, мыс 109, 341
Северо-восточный мыс 325, 329
северо-восточный проход 9
Северо-западный мыс 324
Северное Ледовитое море 52
Седанка, сел. 59
Сеймун 32
Селенгинск 335
Селякин станок (яр) 335
семга 75, 297
Семичи, о-в — см. Сабия, о-в
Семич, о-в 265, 267
Сендай, о-в 174
Сердце-Камень 42, 110
Сиаш-котан, о-в 153
Сибирь 7, 9 (у китайцев), 17, 38, 39, (у Марко Поло), 41 (Крижанич)
Сибирякова, о-в 308
сиводушка 79, 178, 203
сивучи 149, 211, 220, 234, 266, 273, 275
сиги 297
Сигуам, о-в 289
Сиктах, на Лене 145, 303, 321
Симушир, о-в — см. Шумшу, о-в
Сина — см. Китай
Ситха, о-в 193, 206, 214, 215, 216
Сияскутан, о-в — см. Шиаш-котан, о-в
Скифия 306
сладкая трава 72, 87, 206
Смитов пролив 239
собаки камчатские 68, 203
Собачья, р. 303
соболи 49, 52, 63, 68, 98
Собь, р. 297
сойка Стеллера 218
Солема, р. 319
Соликамск 85, 126
Сольвычегодск 85
Сопочное, сел. 59
сорока 227
Сосьва 296
сошлые курильцы 153
стеллерова сойка 218
Стерлегова мыс 317
стерлядь 95, 297
Стефана, арх. о-в — см. Туманный о-в
Стефана св., о-в — см. Булдыр, о-в 275
Stikine, р. 199
Столбовой, мыс 40
стрелки бобровые у алеутов 244, стрелы 112, 155
Stretto di Anian (Streto de Anian) 13, 18, 22, 25, 60
Сьюард, п-ов 102
Suckling, мыс 197
сурки 52
Сухая бухта 201
сухожилия вместо ниток 207 сл.
Сыгва, р. 296

Табак 105, 174, 211
тавги (тавгийцы) 330
Тавда, р. 168, 294
Тавуй, р. 42
Тагалак, о-в 290
Таз, р. 39, 296, 310
Тазовская губа 316, 333
тазовский род 332
Таймыр 317
Таймыр, оз. 330, 334
Таймыр, р. 335
Таймыр М., о-в 301
Таймырская тундра 334—335
тальник 223
Тара 128
Татарское море 12, 48
татуировка у эскимосов, у курил, у алеутов — 114, 153—154, 227
Тауй, р. 39, 40, 41, 305
Тауйск 98
тауйцы (Towuy) 44
Тача, р. 40
Тигиль, р. 47, 60, 62, 72
тлинкиты 65, 197, 198, 199, 200, 201, 206—211, 214, 232, 280, 281
Тобол, р. 168
Тобольск 38, 43, 78, 85, 315
Товуй, р. 40, 41, 43, 305
Towui (Тауй), р. 38, 42
Товуйская земля 47
Тодуй (Todui), р. 40, 41
Токио 159, 160, 162, 166

Толоман (Toloman) 15, 17
Толстах, р. 303
Томск 126
Тонга 161
Тонкин 15
тонтолы 120
топорки (птицы) 55, 143, 223, 224
Тотьма 85
Тоуйский острог 77
Тугур, р. 130
Туманный, о-в 220
Тумен Великий 306
Тумуль, мыс 319
Тунгусия 320
Тунгуска, р. 130
Тунгуска Верхн., р. 77
Тунгуска Нижняя, р. 302
Тунгуска Подкаменная, р. 334
тунгусы 44, 230, 301, 302, 303, 304, 305, 308, 329, 330, 332, 333
тундра таймырская 335 сл.
Тунта, р. 120
тупики 224
Туринск 85
Туркестан 52
турко-монголы 230
Туруханск 302, 316
Туруханский край 323
Тыртигей, р. 113
тюлени 26, 106, 149, 264, 290
Тюмень 75, 85, 127

Увелен — см. Уэллен 31
угалахмюты — см. угаленцы
угаленцы 197—201, 206—211, 214
Угашик, р. 195
Угияк 26, 108
Уда, р. 78, 123, 130, 132, 168
удочки — см. крючки
Удский острог 168
Укамок, о-в — см. Туманный о-в
Укивок, о-в — см. Кинга, о-в
Укинская губа 61
Улья (Uliam), р. 40, 43
Умнак о-в 205, 235, 247, 282, 288
Уналашка, о-в 205, 235, 236, 274
унанганы — см. алеуты
Унга, о-в 221
Унимак, о-в 241
урилы 55, 223, 227
Уруп (Ольховый) о-в 113, 147, 172
урьях 333
Уса, р. 297
Уссурийский край 165
Усть-Камчатск 214
Усть-Кут — 85, 130, 302
Устюг 85
Учичи (Сердце-Камень) 148
Ушишир, о-в 147
Уэллен 32
Уяндина, р. 304
Уяхкува — см. Уяхкужач 133
Уяхкужач, о-в — см. Аланд, о-в

Фаддея св., мыс 302, 318
Федора, о-в 283
Фигурный, о-в 177
Фокс, мыс 210 (рис.), 211 (рис.)
Fairway, о-в 26, 107
Федотовка, Федотовщина — см. Никул-речка 47, 58
финны 230
фиссагеты 299
Фудзи-яма 148
Фукуяма 151
Фуса, вулкан 148

Хайда 279
Хайнань (Гайнан) 16
Хакодате 151
хантайцы 332
Хараму-котан, о-в 150
Харыозовка, р. 77
Хатанга, р. 200, 301, 310
Хатангская губа 325, 337
Хатангский погост 320
хатангский род 330
Хатангское село 322
Хёверен, р. 109
Хеврен, р. 109
Хевуврен, р. 109
Хевьерен, посел. 109
Хейнан (Cheinan) 15, 16, 17, 18
Хета, р. 310, 324
Хеуверен, р. 108
Хлынов 208
ходынцы 43, 305
Хоккайдо — см. Иезо
холмогорцы 297
Хондо, о-в (Нипон) 140
храхан 108, 109
Хрома, р. 339
Хромая, р. 40, 310
хрохан 109
хряхан 109
Хтагалук, о-в — см. Нучек, о-в

Ценина 158
цимшиан 213
Цитронный, о-в 177
Цукли, о-в 194
Цюань-чжоу, г. 16
цынга 253

Чаачен (шалаги) 55
Чавака — см. Шелагский мыс
чаваки, чаваны, чавачи — см. шалаги
чавыча 74, 75, 112

Чаплина, мыс 99
чауаджан — см. шалаги
Чаунская губа 29, 33, 36, 37, 341
Чаунский залив 53
чащина 87
Чая, р. 302
Чаяминский острожек 290
Челюскина, мыс 301
Челюскина, п-ов
Чендон, р. 305
черемисы 306
черемуха 72
черемша 74
„чертеж Сибирския земли" 37, 304, 307
чжурчжэни — см. джурджени
Чилкат, р. 65, 206
чир 297
Чирикова, о-в 221
Чирин-котан, о-в 153
Чиньг-ан мыс 333
чистик 224
Чондон, р. 305
Chorcha, Ciorcia и Churchin — см. Манджурия
чуванцы 44, 55
Чугач, зал. 193, 194, 197, 198
чугачи (чугачигмюты) 196, 198, 199, 200, 201, 214
Чугацкая губа (залив) 197
Чукотская земля 43, 51, 52, 107
Чукотский нос 29, 32, 33, 34, 35, 47, 88, 99, 105
Чукотские о-ва 114
Чукотский мыс 33, 107
Чукотский п-ов, см. Чукотская земля 39, 44
Чукоцкой угол 33
Чукочья, р. 97
чукчи 16, 17, 31, 32, 44, 48, 49, 57, 88, 89, 93, 95, 97, 105, 113, 155, 164, 304, 305
чукчи зубатые 29—32, 100, 114, 115
чукчи оленные 51, 52, 100
чукчи пешие — см. чукчи сидячие 51, 52, 54 или морские 304
чукчи сидячие или морские 52, 109
Чулдан, р. 40
Чулдан, Чундон, Чудон, Чендон — 40, 41, см. Гижига
чухочьи люди 34
чухчы, чюкчи — см. чукчи
чукчи носовые 51

Шалаги 54, 98
шаламайник 277
шаманы у коряков, у камчадалов 89, у тунгусов 329, у якутов 91
Шантарские о-ва 168
шелаги — см. шалаги
Шелагский (Шалагский, Шалацкой), мыс 13, 29, 32, 33, 36, 39, 50, 54, 55, 109
шеламайник — см. шаламайник
Шамия, о-в — см. Сабия, о-в
Шестакова, р. 99
Шиаш-котан, о-в 150
Шивелуч, сопка 71
Шивера, р. — см. Индигирка, р.
Шикотан, о-в 134, 143 (рис.), 147, 155, 204
шикша 223, 224, 247
Шилка, р. 40, 169
Шимушир, о-в — см. Шумшу, о-в
Шипунский мыс 251
шитик 86, 168
шишаман 68
шляпы алеутские 245—248
Шмидта, мыс — см. Северный мыс
Шококи, о-в 152
Шоумшчу, о-в — см. Шумшу, о-в
Штатов, о-в — см. Итуруп
Шумагинские о-ва 195, 196, 201, 221, 248
Шумчу, о-в — см. Шумшу, о-в
Шумшу, о-в 137, 142, 148, 151

Эзо — см. Иезо
Эйвухтен (Эйвхуен), о-в 108
энцы — см. самоеды
эскимосы 24, 25, 26, 28—32, 80 (на о-ве Лаврентия), 101—102 (прол. Беринга), 104—115 (на Аляске), 120, 196, 199 (угаленцы), 200, 209—211 (каменные орудия), 214, 231, 233, 238, 239—240 (железо). См. также коняги, чугачи, угаленцы.
эскимосы азиатские 26, 30, 55, 100, 114
эскимосы аляскинские 29, 105, 111
эскимосы зубатые 28—32, 53
эскимосы ротастые 30, 104
эскимосы о-вов Диомида 24
эскимосы о-ва Лаврентия 105

Югория 295, 296, 306
Югорский шар 299
югра 295, 296, 306, 307
Югрия 295, 306
югры (угры, венгры) 295, 296, 306, 307
Юдома, р. 86
Юдомский крест 86, 133
Юёля, р. 309
юкагиры 44, 63, 69, 104, 303, 304, 305
Юкон, р. 54, 108
Юнь-нань 16
юпиыт — см. эскимосы азиатские

юраки 332—333
юыт — см. эскимосы азиатские

Явино, сел. 70
Якан, мыс 33, 98, 109
Якгаг, мыс 200
Якутат, зал. 193, 197, 199, 201, 206
якутаты 198, 199, 200, 201
Якутск 10, 39, 58, 70, 85, 145, 170, 302, 339
Якутский острог 302
якуты 91, 302, 303, 305, 321, 322
Ямал 298, 313, 314
ям-шисам (yam shisam) 67
Яна, р. 40, 43, 55, 97, 303, 310, 339
янтарь 220
Япония 66, 123, 156—186
японцы 67—68, 78, 139—140, 143, 147, 156—186, 174—186

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие 3

Часть I. Введение. История возникновения экспедиций Беринга

I. Дорога через Ледовитое море в Тихий океан 7
II. Аннанский пролив 12
III. Современный Берингов пролив 24
IV. Плавание Дежнева 1648 года через Берингов пролив . . 27
V. Сведения XVII века о северо-востоке Азии 38
VI. Большая Земля — Америка 48
VII. Открытие Камчатки Атласовым 1697—1699 гг. 58
Первые сведения о Камчатке . . . . . —
Поход Атласова 61
Первые карты Камчатки 78

Часть II. Первая экспедиция Беринга к Берингову проливу (1725—1730)

VIII. Первая экспедиция Беринга 1725—1730 гг. 83
Снаряжение . . . . . —
Плавание к Берингову проливу 87
Некоторые научные результаты 90
IX. Открытие обоих берегов Берингова пролива Федоровым и Гвоздевым в 1732 г. 96
X. Сведения о Большой Земле (Аляске) после Гвоздева (1732) и до Кука (1778) 103

Часть III. Вторая экспедиция Беринга (1733—1743)

XI. Снаряжение экспедиции. Участники 119
XII. Первые сведения о Курильских островах 133
XIII. Первые сведения о Японии 156
XIV. Плавания Шпанберга и Вальтона в Японию 170
Тогдашние карты Японии 171
Плавание Шпанберга 173
Плавание Вальтона 179
Дальнейшие сношения с Японией в XVIII в. 183
XV. Плавание Беринга и Стеллера к берегам Америки 187
От Камчатки к острову Каяк 189
Высадка на острове Каяк 193
Население территории Аляски 195
Природа и люди острова Каяк 201

XVI. Обратное плавание Беринга к берегам Камчатки 220
Острова Шумагинские 221
Алеуты 224
Плавание от Шумагинских островов к острову Беринга . . 248
XVII. Остров Беринга 252
Высадка. Кончина Беринга . . . . . —
История ознакомления с островом 257
Описание острова 259
Отплытие 277
XVIII. Плавание Чирикова 279
XIX. Исследования Алеутских островов в XVIII веке 285

Часть IV. Работы Камчатской экспедиции на севере Сибири

XX. Сведения о крайнем севере Сибири до XVIII века 295
Ознакомление с низовьями рек . . . . . —
Первые карты 305
XXI. Опись северных берегов Сибири 1734—1743 гг. 312
Северная Двина — Обь . . . . . —
Обь — Енисей 315
Енисей — Лена 317
Лена — Енисей 318
Берега к востоку от Лены 337
XXII. Прекращение экспедиции 342

Приложения

Литература об экспедициях Беринга 347
1. Первая экспедиция . . . . . —
2. Вторая экспедиция 348
3. Список главнейшей литературы об экспедициях Беринга . 356
4. Прибавление 358
Указатель латинских названий растений и животных 359
Указатель имен лиц 361
Указатель предметный 367

Л. С. БЕРГ — ОТКРЫТИЕ КАМЧАТКИ
И ЭКСПЕДИЦИИ БЕРИНГА

Печатается по постановлению
Редакционно-Издательского Совета
Академии Наук СССР

Подписано к печати 26/IX 1946 г. М-06221.
РИСО АН СССР № 2066. Печ. л. 23¾ + 4 + 11 вклеек. Уч.-изд. л. 28. Тираж 5000 экз.
Заказ № 50.

1-я Типография Издательства Академии
Наук СССР
Ленинград, В. О., 9 линия, д. 12

ОПЕЧАТКИ

к книге Л. С. Берга „Открытие Камчатки и экспедиции Беринга“

Страница	*Подпись к рисунку*	*Напечатано*	*Следует читать*
88	14	Хоныковым.	Ханыковым
96	17	Карта Шестакова,	Французская копия карты Кирилова,
188	28	Э. Бартольфа	Э. Бертольфа

52

21 40

30 руб.